

Алексей Анна

Исправить

все.

Адель.

Часть 2.

Буря, сметавшая все на своем пути, окончилась несколько часов назад. Теперь с неба белым роем жалящих пчел, падал обычный снег. Можно было продолжать путь.

Инариэль стоял на краю лагеря, всматриваясь в скрытую снегом даль. Напрягая острое зрение, он пытался увидеть, что ждет их за перевалом, и пытался понять, что же произошло ночью три дня назад.

Их путешествие было спокойным, они шли за спешащими к своей цели Каленом и Миррой. В деревнях их встречали приветливо и, благодаря стараниям этих двоих их отряд пополнялся все новыми людьми. Молодые мужчины с радостью присоединялись к ним, воодушевленные примером Видящего, стремились встать на защиту своих родных. Женщины искали защиты для своих детей, девушки шли с ними в надежде обрести любовь, старики присоединялись в надежде спокойно дожить остаток отведенного им времени. Люди устали бояться. Устали от безысходности. Устали надеяться на лордов и баронов, каждый хотел внести свой посильный вклад в общее дело, в дело, которое могло стать единственным и последним, ведь неудача сулила смерть. Больше никто не хотел отсиживаться в своем жилище. Все изменялось прямо на глазах.

Инариэль улыбнулся, вспоминая о Мирре и ее даре красноречия, даре убеждать людей и придавать им сил, направляя их в нужное ей направление. Он уже не вспоминал о той страсти, что опалила его в начале их пути. Она не для него. Она не та. Теперь он это понимал. Пустоты в душе уже не было, если бы она была той самой, он бы не смог ее забыть. Но эта странная девушка изменила его, теперь он это понимал. Изменила, так как он и не мог себе представить. Из нелюдимого одинокого путешественника она сделала уважаемого лидера. К его словам теперь прислушивались, он стал значимой фигурой в этом путешествии. С ее легкой руки на его плечи упал огромный груз ответственности: сначала за небольшой разобренный отряд имперцев и магов, который теперь превратился ее же стараниями в огромный обоз с женщинами, детьми, телегами и повозками набитыми домашним скарбом. За всю эту многоголосую, разношерстную толпу, которая смотрела на него, как на вершителя их судьбы. Он устал. Дарк взял на себя командование солдатами, он смог найти общий язык с магами преодолев ту стену недоверия, что воздвиг его лорд, а вот все остальное стало прямой обязанностью отшельника-эльфа, который никогда не задумывался о том, сколько всего нужно предусмотреть, когда ведешь в новое, незнакомое, скрытое место столько людей. Он устал, но не мог подвести всех, он должен был их довести до цитадели. К приходу основных войск желательно было начать восстановление древней крепости. Кузнецы, коневоды, кожевники, швеи и кухарки, фермеры и животноводы. Среди того люда, что присоединился к их отряду были все. В крепости их навыки будут необходимы, но до крепости еще нужно добраться. Имперские наемники легко справлялись с препятствиями в виде бандитов и мародеров, а маги отлично управлялись с погодой, они шли быстро. Они поднимались все выше в горы, уже давно покинув наезженные тракты и дороги, оставив наступающую осень за спиной они погружались в настоящую, суровую, вечную зиму, но это не останавливало их, не угнетало, надежда придавала им силы, всем. Но три дня назад разразилась такая снежная буря, что маги падали от усталости пытаясь ее сдержать. Они объединяли усилия, но даже их совместных сил не хватило, и вот три дня они

прятались в легких палатках, маги поддерживали тепло, щедро расходуя свою энергию, на своих спутников, нуждающихся в их помощи. Инариэль видел, как каждый день пути сближает их всех. Он больше не видел в глазах людей опаски, недоверия или страха, когда они смотрели на магов. Маги тоже по-другому стали относиться к обычным людям, пропало их высокомерие и спесь. Они были такими же людьми. В чем-то они были сильнее, но в чем-то уступали простым смертным они учились, снова становились людьми. К моменту начала бури их отряд уже был единым целым. Люди с улыбками делились своими теплыми одеждами с имперцами, для которых холод был совершенно непривычен. Имперцы с улыбками играли с детьми, которые их совершенно не боялись. Это были люди, все они были просто людьми, даже эльфы теперь были наравне со всеми, их приглашали к кострам, с ними делили пищу и кров, к ним прислушивались, восхищались их песням и музыке. Инариэль продолжал улыбаться. Такого он не видел никогда. Неужели это все сделала Мирриэль? Нет, вряд ли. Она, конечно, обладает силой, но не до такой степени. Он скорее был склонен решить, что всех сплотило чувство приближающейся неминуемой беды. К ним пришло осознание, что только совместными усилиями, они смогут все это преодолеть и остаться в живых. И он был к этому причастен, он был частью этого. Он стал частью мира, который прежде презирал и готов был покинуть, теперь эти прошлые мысли вызывали у него лишь грустную улыбку. Все изменилось. Мир изменился, и продолжал меняться прямо у него на глазах. Он слышал шаги, но не стал оборачиваться он знал кто идет.

— Инар, — проворковала ему на ухо смуглая красotka, укутанная в меха. — Я принесла накидку. Ты же замерзнешь.

— Нет, Гейл, мне не холодно, — повернулся он к ней лицом.

Она прикоснулась к его руке, а он притянул ее к себе и поцеловал в губы.

— Я отвлекаю тебя от твоих размышлений? — она прижималась к нему всем телом.

Он с удовольствием вдохнул ее запах. Она пахла не так как Мирра, не травами, не весной. Это было совсем другое. Смуглая имперская магичка внезапно ворвалась в его жизнь, в самом начале пути. Она просто пришла познакомиться, как старшая среди магов империи, присоединившихся к ним. Первое время они горячо спорили, буквально обо всем, но потом, так случилось, что их глаза встретились и он почувствовал, как вдруг ему стало жарко от ее взгляда. Ее глубокие карие, почти черные глаза заставили вспыхнуть огонь в его груди, огонь, который растопил лед, оставшийся после Мирриэль. Но он тогда так и не решился ничего сказать, он лишь отвел взгляд и попытался уйти, она остановила его. Уверенно схватила его за руку и повернула к себе лицом. А потом просто сказала: «Да ну все это. Глупости какие. Мы на краю гибели и теряем время зря. Это глупо. Я хочу быть с тобой, эльф. Сейчас. Сегодня.» И ее горячие губы впервые коснулись его губ. Он не устоял и ответил на ее страстный поцелуй. С той поры они не расставались. Ее горячие поцелуи, жаркие объятия, и обжигающее дыхание стали для него спасением.

Он еще раз прикоснулся к ее щеке губами.

— Гейл, ты пахнешь океаном.

Она засмеялась, и накинула ему на плечи меховую накидку.

— Ты всегда мне это говоришь, Инар. Так может вернемся в тепло нашей хижины, и сделаем что-нибудь такое, что согреет нас обоих, а то я замерзаю тут на ветру?

Он потрепал ее по щеке и поцеловал в губы.

— Нет, Гейл. Не сейчас. Мне нужно подумать.

— Ты опять думаешь о буре, что нас задерживает?

— Да, милая. Я не могу понять ее происхождение. Что говорят твои друзья, они что-то узнали, почувствовали?

Она отрицательно мотнула головой.

— Ясно только одно, Инар. У этой бури совсем не магическое происхождение. В ней нет ни капли магии. Просто идет снег. Холодный и колючий.

Он привлек ее к себе.

— Наши маги того же мнения. Быть может, мне стоит спросить у духов?

— Я не позволю тебе, Инар. Мир духов пришел в волнение, завеса пала, там всегда было опасно, а теперь, тем более. Я не позволю тебе так рисковать. Это просто буря, и она уже почти прошла. Видишь? Ветер уже не воеет, снег не стоит сплошной стеной, просто падает с неба. Все закончилось. Возможно, после обеда мы уже сможем выступить. Кстати, нам еще далеко? Люди устали, все хотят побыстрее попасть в тот сказочный замок, который мы всем обещаем. Как думаешь, там найдется место для всех этих людей, Инар?

— Наверняка, Гейл. Я никогда не видел его, но верю в то, что там найдется место и для этих, и для многих сотен, а может даже и тысяч других людей. Это же эльфийская твердыня.

— А пропитание, Инар? Вокруг только снег, а мы поднимаемся еще выше в горы, сомневаясь, что там будет теплее. Нам не грозит голод?

— Не знаю, дорогая моя. Наверняка не знаю. Но, Держащий Небеса не обычная крепость, я верю, что древние строители предусмотрели все, в том числе и необходимость добывать пропитание. Все будет хорошо, милая. Мы уже недалеко. Думаю, еще дней пять пути, и мы будем на месте, и все там узнаем. Если нам опять что-то не помешает. Что же это было? Этот вопрос не дает мне покоя. Что вызвало такую бурю?

— Я не сведущ в магии, друг мой, — подал голос, приближающийся к ним Барри. — Но могу поделиться с вами своими скромными умозаключениями.

— Дружище, — Инар с радостью пожал грубую ладонь гнома. — Рад что ты здесь.

— Да уж. Три дня сидеть в компании Дарка и его ребят — не самое приятное время в моей жизни. Зато, — он весело хохотнул, приглаживая рыжую бороду. — Имперцы — отличные собутыльники. Они знают толк в выпивке. Вот вышел прогуляться, пока они опять не начали. Честно говоря, уже такой шум в голове стоит, что тишина кажется просто словом. Очень громким словом с привкусом перегара.

Инариэль улыбнулся. Когда Гейл стала спать в его палатке, гном, решительно перебрался к Дарку, чтобы не мешать влюбленным. Он искренне радовался за друга и не хотел быть помехой, а Дарк, с удовольствием принял нового соседа. Гном был отличным собеседником и легко смог вывести несчастного из его мрачного состояния, заменив темноту в его душе на замечательную настойку в его желудке.

— Что же ты хотел мне рассказать, друг мой.

— Ах, да. Я уже и позабыл, что меня могут слушать. Так вот, Инар, я родился в горах, и кое-что смыслю в этом. Понимаешь ли, горы — это как целый отдельный мир, они живут по своим законам, которые, однако, являются самыми обычными законами природы.

Гейл, закатила глаза.

— Я пойду, Инар. Твой друг очень мил, но уж очень многословен. Потом расскажешь мне, что он пытался тут сказать, только коротко и ясно. Ты же знаешь, любимый, я предпочитаю дела, а не слова, ваша беседа на пронизывающем ветру меня утомляет. Пойду паковать вещи, чтобы мы смогли быстро сняться со стоянки, когда придет время. Жду тебя.

Она приподнялась на носочки и поцеловала эльфа. Инар засмотрелся на ее крепкую,

коренастую, но очень соблазнительную фигуру.

— Хватит пялиться на мой зад, гном! Не про твою честь! — громко сказала, она не поворачивая головы.

Барри весело захохотал.

— Как она узнала, что я пялюсь на ее зад? У нее что глаза на затылке, Инар?

— Нет, Барри, она просто наблюдательна, а ты пялишься на зад любой особы женского пола, — Инар дружески толкнул друга в плечо.

— Старею, ничего не остается только пялиться. Я единственный гном в этой компании, а мой лучший друг нашел мне замену, мне одиноко. Развлекаюсь, как могу.

— Пьешь и сквернословишь с солдатами.

— Мы еще играем в карты! Не думай обо мне плохо.

— Ты хотел мне что-то сказать, — тактично напомнил эльф.

— Да-да. Эффект бабочки, друг мой.

— Что?

— Есть такое высказывание: когда на одном конце света бабочка взмахивает крыльями, на другом конце света начинается буря.

— Глупости какие. Бабочка не может вызвать такого эффекта.

— Ой, эльф. Любовь сделала тебя глупцом, хоть я и рад, что ты влюбился и оставил попытки покорить Мирру, но тебе это точно не на пользу. Это иносказательно, это метафора про бабочку. Но я знаю, что могло вызвать эту бурю.

Инариэль молчал, внимательно всматриваясь в испещренное морщинами лицо гнома.

— Другая буря, Инар. Где-то сошла лавина, очень большая лавина. Такая, которая сметает все на своем пути, после которой остается только огромный толстый слой снега и больше ничего на многие, многие недели.

— Лавина? Ты думаешь это как-то связано с..

— С Мирриэль? Безусловно. Это была не естественная лавина, ее вызвали намеренно.

— Почему ты так решил?

— Ха, потому что я очень мудрый гном! И еще потому, что накануне бури я слышал, как сотрясались горы.

— Сотрясались?

— Еще бы! Было четыре очень сильных толчка. Ты что не почувствовал этого ночью, накануне бури? Хотя, о чем это я, ты был занят скорее всего совсем другими толчками, — гном громко захохотал, глядя на смущенное лицо эльфа.

— Я ничего не почувствовал. Это точно. Я не мог такого пропустить.

— Гном дело говорит, Инар, — слегка покачиваясь к ним приближался взъерошенный Дарк.

В его глазах больше не было боли и тоски. Он был помят. Аккуратную бородку на его лице сменила грубая черная поросль густых волос. А утонченный наряд заменили грубые, но теплые выделанные шкуры. Он был похож на дикого горца. Он остановился рядом с эльфом и ожесточенно чесал бороду.

— Гном, как вы носите эту поросль всю жизнь? Это же так чешется! И в ней остаются остатки пищи, это ужасно!

Барри опять захохотал.

— Зато, если проголодаешься, всегда сможешь чем-нибудь перекусить!

Дарк брезгливо повел плечами.

— Фу, гадость какая! Ты такой мерзкий, гном! Если бы не твоя настойка, я бы выгнал тебя в бурю!

Инариэль прервал их дружескую перепалку.

— Что за толчки?

— Ах да, толчки, — гном сразу стал серьезнее. — Четыре взрыва. Использовали наши гномьи заряды. Очень мощные. Это не было случайностью, Инар. Кто-то, и мы знаем кто, специально вызвал сход снежной лавины.

— Мирра. Но зачем?

— Не правильный вопрос, друг мой. Правильный вопрос будет звучать так: кто?

— Не понимаю.

— Ты совсем отупел, эльф? Я понимаю, что Гейл вскружила твою голову, но не так же? — Дарк смотрел на эльфа с сожалением. — Тот, кто взорвал эти снаряды должен был быть в зоне схода лавины. У этого смертника не было никаких шансов спастись. И зная нашу маленькую героиню, я уверен, что она бы никогда не подставила кого-то, она взяла все на себя. Вот тебе и вопрос, кого нам оплакивать? Только ее, или все наше дальнейшее существование — это лишь продление наших мук, ведь без нее...

— Все не имеет смысла, даже стены Держащего небеса не спасут нас от нашествия демонов, — закончил за него Инариэль.

— Наконец-то, понял! Вот мы и пили все три дня, пытаюсь...

— Унять боль в наших сердцах, — закончил за имперца фразу гном.

— Прекратите меня перебивать вдвоем, — разозлился Дарк.

— Значит другого выхода нет. Я должен отправиться в мир духов и узнать правду, — спокойно резюмировал эльф. — Но сперва, мы доведем людей до цитадели. А там, за безопасными стенами, я отправлюсь в это путешествие, и мы все узнаем. Но до того момента, я не стану бить тревогу. Мирриэль всегда умела попадать в неприятности, но всегда находила выход.

— Который, обычно, приводил ее прямоком к другим неприятностям, иногда еще большим.

— Не умничай, Дарк. Про наши мысли — молчок, нечего людей тревожить. Поднимай всех, имперец. Начинаем собирать лагерь и в путь. Чем быстрее мы окажемся на месте, тем быстрее решаться все наши вопросы, — эльф был встревожен, как бы там ни было, но судьба юной эльфийки не могла его не тревожить и не только потому, что от нее зависела судьба их мира, она оставалась ему все так же дорога, дорога, как сестра.

Их многочисленный отряд двинулся в путь уже через несколько часов. За время пути люди научились быстро сниматься с лагеря, все они торопились в светлое будущее и только уверенно шагающий впереди эльф уже не был так уверен, что их будущее такое уж светлое, как они на то рассчитывали.

Скрывая свои горькие мысли трое заговорщиков продолжали свой путь, подбадривая всех остальных, оберегая их от той грызущей боли, что несли они в своих сердцах. Путь до цитадели занял чуть больше времени, чем планировал Инариэль. Лишь на закате восьмого дня он смог разглядеть стоящую на вершине горы цитадель. Тяжелые облака цеплялись за ее высокие шпили и плыли дальше, подхваченные очередным порывом ледяного ветра. Тяжелое небо лежало на изящных башнях, словно пуховая перина. Воистину, Держащий небеса.

Люди смогли рассмотреть цель своего путешествия лишь через день. Тяжелый подъем на вершину закончился лишь через четыре дня. С ужасом Инариэль подсчитал, что со дня

бури прошло уже пятнадцать дней. Пятнадцать дней безысходной неизвестности. Даже горячие ночи с Гейл, не могли согреть его душу, холодные пальцы ужаса все плотнее сжимались на его шее.

Но люди ликовали, оказавшись у величественных ворот прекрасного замка. Оставалось лишь открыть резные створки ворот, которые оказались на деле чрезвычайно массивными.

Маги собрались все вместе у ворот. Их никто не звал, они сами подошли к застывшему, словно в оцепенении Инариэлю. Люди, эльфы, имперцы. Собрались все и застыли в нерешительности. Первой решилась заговорить Гейл.

— Инариэль, мы все чувствуем магию этого места. Что это? Я никогда не ощущала такого могущества.

— Это эльфийская, древняя эльфийская магия. Магия времен Зеленого дракона. Это егс магия, в чистом виде, — словно сквозь сон бормотал Инариэль. — Я тоже прежде не сталкивался ни с чем подобным, только когда Мирриэль использовала энергию Созидания. Но тогда это было не так, не так могущественно, лишь как отблеск звезды на острие стрелы. Не более того. А здесь... Это даже не свет звезды, это слепящее сияние солнца, в самый яркий день. Но, основа та же. Энергия Созидания. В чистом ее виде. Древняя магия эльфов когда заклинания требовали многих лет, когда мы были бессмертны, когда людей еще не было.

— Как же нам открыть эти ворота, дружище? — гном стоял рядом с эльфом, опираясь спиной на стену цитадели.

— Я не знаю. Пока не знаю.

К ним подошли остальные эльфы. Старший из них преклонил колени у ворот замка.

— Я прожил больше лет, чем любой из вас, но никогда, даже в самых смелых мечтах, я не смел представить, что смогу оказаться в таком месте. Это небывало. Это не магия, это нечто большее.

— Хватит поклоняться гранитным стенам, нам нужно решение. Как их открыть? — прервал высокопарную речь старого эльфа уже изрядно выпивший Дарк.

— Зеленый дракон. Дракон равновесия, — бессвязно бормотал Инариэль. — Мы дети твои. Мы у стен этой цитадели в ожидании озарения. Дай нам знание, дай нам силы, дай нам знак.

— Твоя болтовня, друг мой, не поможет открыть эти чудесные створки лучших наших горных мастеров, такие створки сделаны при помощи вашей магии, но в наших пещерах. Им не страшны никакие слова, никакие удары, они выдержат любой удар. Я даже не представляю, как их можно сдвинуть, и возможно ли это вообще, — гном любовно дотронулся до, казалось бы, такой хрупкой, но в то же время непоколебимой створки. — Инар! Инариэль, драконьи яйца, иди сюда! Здесь караули какие-то!

Инариэль очнулся и спешно подошел к другу.

— Что?

Резные створки восхищали своим изяществом, но никаких надписей на них не было. Гном зло выругался.

— Только что что-то было, а теперь ничего нет.

— Было и нет. Интересно. Что ты сделал, когда появилась надпись?

— Ничего я не делал, только, дотронулся до створки, — и гном снова прикоснулся к воротам.

И как только ладонь гнома легла на твердь камня, под его пальцами, мелькнул голубой

огонь и на поверхности гранита стали проявляться буквы древней речи. Инариэль удивленно присматривался к письменам.

— Это древня речь, я смогу прочесть это, но не знаю, как нам это поможет, к тому же, это лишь окончание фразы, начала нет. Здесь сказано: соединив руки...

— И все? Негусто, — хмыкнул гном.

Инариэль дотронулся до створки, водя пальцем по письменам, от чтения его отвлек удивленный возглас гнома:

— Инар, смотри! Вторая часть появилась!

Инариэль поднял глаза и смотрел, как медленно и неуклонно исчезает начало фразы.

— Что же делать? Оно исчезло! Я не успел прочитать!

— Инар, дотронься до створки, и они появятся. Даже я понял. Зеленый дракон, не только эльфы его дети, но и гномы. Вот тебе и разгадка. Гном и эльф, должны быть вместе.

Инариэль последовал совету и приложил ладонь к холодному камню. Из-под его ладони полились голубые искры и проступило начало фразы. Теперь на двух створках голубым огнем горели древние слова. Инариэль бормотал, пытаясь перевести слова.

— Есть! Истинные дети смогут войти, соединив руки. А дальше, не могу понять, не смысл в том, что в мирную обитель войдут лишь безоружные, если дословно: дитя леса — оставь стрелу, дитя гор — вложи топор. Твой друг — ты за него отвечаешь, если введешь его за эти стены. Неси мир и равновесие. Все, на этом надпись заканчивается.

— Похоже на руководство к действию, но что это может означать? — озадаченно спросила стоявшая рядом с ними Гейл.

— Все просто, мы должны разоружиться, иначе нас не впустят, — резюмировал Дарк.

— Нет, вряд ли ворота обладают разумом и способны определить, кто вооружен, кто безоружен, — промолвила Мойра. — Даже древние эльфы не обладали такими умениями. Здесь что-то другое.

— Вложи топор? — старый эльф задумчиво подошел поближе к воротам, внимательно их осматривая. Через несколько секунд все услышали его победный возглас. — Вот. Смотрите! Эти камни, разломы между ними выполнены в виде обычного гномьего топора, а если попытаться найти с другой стороны подходящую для стрелы выемку в камнях и вложить туда требуемое?

Гном кивнул и уверенным движением достал свой топор. Едва тяжелое древко коснулось выемки, его окружило голубое сияние, раздался тихий звон за стеной. Инариэль попросил найти стрелу и, найдя подходящую выемку, вложил ее туда. Но стрелу не окутало голубое сияние. Ничего не произошло. Все озадаченно замолчали.

— И что не так? С топором получилось, а со стрелой нет. Странно, — Дарк крутил в руке бесполезную стрелу.

— Это не эльфийская стрела, — высказал мнение совсем юный эльф, один из молодых магов, примкнувший к ним, перед самым отправлением из эльфийских лесов. — Это стрела людей, а люди не являются детьми Зеленого дракона, поэтому стрела не сработала.

— Возможно. Но где мы найдем эльфийские стрелы? Среди нас нет зеленых лучников, только маги. Не может быть, чтобы дверь открывалась лишь так. Должен быть другой способ, — произнес Инариэль и вновь задумчиво погрузился в изучение ворот.

Шло время. Даже самое тщательное изучение всех трещин и впадин в воротах и близлежащих стенах не выявило никаких возможностей поместить туда посох. Измученные размышлениями Инариэль, Барри, Дарк и старый эльф стояли у ворот.

— Цитадель пустовала долгие годы, но не может быть, чтобы не существовало другого способа открыть ворота. А если бы сюда добрались только гномы или только эльфы. Должен быть другой способ, — Инариэль раздраженно поглядывал на неприступные ворота.

— Я с тобой согласен, друг мой, но мне на ум ничего не приходит, — пробормотал Барри прикладываясь к своей выпивке.

Инариэль резко поднялся и направился к створке, увлекая за собой гнома.

— Руки, мы должны соединить руки, Барри.

Они встали у ворот и взялись за руки. Ничего не происходило.

Тяжело ступая к ним подошел старый эльф.

— Соединить руки. Когда я был совсем маленьким, моя мать пела мне песню, в которой были такие слова: «Когда наступит тьма, разрушая наш мир. Спасет наш лишь одно: дружбы верный пир. Протянута рука, ты друга призови и сдвинется стена, спасая всех внутри.»

Инариэль нервно засмеялся и сильно ударил себя по лбу.

— Конечно, дракон Равновесия. Гномы — олицетворение силы, эльфы — носители прекрасного. Если один жертвует топор, второй должен пожертвовать балладу. Лютня. У меня в сумке. Сейчас проверим.

Он вернулся к воротам аккуратно неся тонкий инструмент. Встав у ворот, он положил пальцы на струны и полилась тихая мелодия. При первых же звуках лютни створки ворот осветил голубой свет. А потом он запел звонким, чистым голосом. Он пел колыбельную, знакомую всем, с надеждой посматривая на ворота, но больше ничего не происходило. Песня окончилась. Ворота не сдвинулись.

— Древняя магия, друг мой, не так проста, — пробормотал, стараясь его приободрить Барри. — Видимо это еще не все. Нужна какая-то особая песня.

— Или просто язык не тот, — вставил Дарк. — Ты пел на всеобщем, а в те времена его просто не было.

— Верно. Нужна древняя эльфийская баллада. И я знаю одну такую, — Инариэль снова взялся за инструмент.

Теперь он пел на забытом языке. Единственная баллада, которую он смог выучить рассказывала о любви двух богов. Прежде он даже не вспоминал о ней, но теперь древний текст обретал смысл. Он пел о драконах, только в балладе они были такими же простыми и очеловечеными. Их терзали страхи и сомнения, они страдали и наслаждались. Когда он дошел до очередного куплета что-то дрогнуло в его душе и вместе с этим дрогнули ворота. Он запел о том, как двое соединили руки, отдавая себя другому на веки вечные. Когда он пропел эти слова, ворота дрогнули и тяжелые створки беззвучно открылись.

— Сила поэзии всегда была недооценена, — засмеялся Дарк. — Итак, вперед. Мы достигли цели.

Он смело шагнул вперед, ступая в открытый ворота и застыл, наткнувшись на едва заметное голубое свечение.

— Что за??? — злобно выругался имперец.

Барри подошел к воротам и протянул руку к голубой завесе, его рука легко прошла сквозь это едва различимое препятствие, он шагнул в свет и оказался по ту сторону ворот.

— Ого, — восхищенно воскликнул гном. — Ну и дела!

Радостно засмеявшись он так же легко вернулся назад.

— Старец, попробуй ты, — предложил Барри.

Седой эльф подошел к воротам и так же легко их прошел, как и гном. И замер в

восхищении.

— Эльфийская твердыня. Вход свободен лишь для эльфов и гномов. Для детей Равновесия, — высказал свое предположение старец, возвращаясь к остальным.

— Но мы не можем оставить людей по эту сторону, — заволновался Инариэль.

— Не можем, — согласился гном.

— Очередная загадка. Хотя, ты отвечаешь за своего друга, сказано в надписи.

Инариэль встал у ворот и заговорил на древней речи. Он брал на себя ответственность за все поступки людей, сопровождающих их, он ручался за их добрые намерения.

Голубое сияние стало ярче, когда он говорил, словно откликаясь на его слова, в ответ зазвучал тихий голос.

— Дитя Равновесия, просит о приюте для людей в этих стенах? — спросил неизвестный.

Инариэль с трудом понял вопрос на древнем языке. Он уловил лишь несколько слов, и уже по ним сделал вывод.

— Да, страж. Я прошу о приюте для людей. Этих и многих других, — с трудом он подобрал слова в ответ.

— Я впущу их, дитя Равновесия. Но лишь если не увижу в них злого умысла. Проходите.

И голос растаял, став лишь горным эхом.

— Что это было? — уточнил Барри.

— Им позволили войти. Но было какое-то условие, я не очень понял, что-то про зло.

— Ну что же, пожалуй, я буду первым испытателем иначе какой из меня лидер, — вызвался Дарк и опять подошел к воротам.

Он вновь протянул руку и на сей раз не встретил препятствия. Бодро шагнув вперед, он оказался за воротами.

— Ну что же, мудрецы. Вы справились. Добро пожаловать в нашу новую обитель!

Он вышел из ворот, чтобы сопровождать остальных людей. Обозы пришли в движение и тонким ручейком в распахнутые ворота пошли люди. Сперва аккуратно, потом все смелее. Во главе шествия встали эльфы. Все-таки это была их твердыня, они должны были войти в нее первыми по праву. Ворота пропускали внутрь всех, словно и не было никакого магического голубого щита. Инариэль и Барри стояли у ворот, наблюдая за происходящим. То и дело с другой стороны ворот доносились удивленные возгласы людей.

— Что там такого удивительно, дружище? Я ничего не увидел сквозь эту завесу.

— Эльфийская магия, наверное, — пожал плечами гном. — Не буду портить тебе сюрприз, сам все увидишь, поверь мне, ты удивишься, ты будешь просто поражен!

Инариэль решил довериться другу и больше не задавал вопросов. Люди беспрепятственно входили в ворота. Лишь когда к голубому сиянию приблизился юноша, зараженный красным обатом, голубое сияние вспыхнуло с новой силой. Инариэль сразу понял, что с этим будут проблемы, парня могут не впустить.

— Какая отличная система охраны, работает без сбоев, — прошептал он себе под нос и вновь напряг память вспоминая древнюю речь. — Страж, этот человек не причинит вреда, он болен, но мы не знаем, как его излечить, мы должны все выяснить о его болезни, чтобы мы были готовы к сражению с такими же, как он.

Страж молчал. И тогда, к удивлению, Инариэля, на древней речи заговорил эльф, который взял на себя заботы о парне.

— Я ручаюсь за него, страж. Я не спущу с него глаз. Он безотлучно будет со мной и,

если мы поймем, что излечить его нельзя, я сам отправлю его к праотцам, избавив от мучений.

Легкое изменение энергии, словно кивок головы и голубое сияние пропустило этих двоих.

— Благодарю тебя, страж, — прошептал эльф, проводя юношу за руку сквозь голубой свет.

Инариэль и Барри вошли в ворота последними. Инариэль остановился, сделав всего один шаг.

— Это невозможно!

Барри весело засмеялся.

— Я тебе говорил, будет на что посмотреть!

Перед взглядом удивленного эльфа раскинулась великолепная долина. Вокруг зеленела трава, кружа голову чудесным ароматом, ярко светило ласковое солнце, заливались пением птицы.

— Это все не может находиться внутри крепостных стен! — не верил своим глазам эльф. — Это не крепость, это целый мир. Смотри, Барри, там лес! А вон там! Это же горы. Самые настоящие горы! Откуда здесь горы и лес? А вон там раскинулась огромная деревня, даже пашни есть! Почему здесь за стенами лето, если во всем остальном мире лишь начинается зима? Что это за место?

— Это чудесно, друг мой. Не надо задаваться вопросами, нужно принимать с благодарностью. Похоже Держащий небеса не просто цитадель, похоже, это...

— Убежище, для всех гонимых. Но как же?

— Искривление пространства, судя по всему. Этот уголок создавался при участии высшей магии Зеленого дракона, для детей Равновесия, — спокойно проговорил седой эльф за их спинами. — Этот мир, для нас. Зеленый дракон позаботился о своих детях, ему было известно, что придет время, когда эльфам и гномам больше не будет места там, в мире людей, и было создано это место, куда мы сможем уйти, оставив о себе лишь воспоминания.

Старый эльф сидел на камне, рядом с ним спокойно стоял юноша, зараженный красным обатом.

— Ладно, сынок, идем. Я уже отдохнул. Видишь вон там хижина на самом отшибе у леса. Давай-ка мы займем ее. Нам с тобой там будет удобно.

Юноша лишь кивнул и помог старцу подняться с камня. Они двинулись к лесу.

— Земля вечного лета? Так вот о чем древние сказания!

— Не думаю, Инариэль, что это край вечного лета. Скорее всего — это его воплощение. Ведь тот мир, лишь для мертвых, а здесь мы все живые.

— Дай-ка мне своей настойки, Барри. Я не могу поверить своим глазам. Мы думали придется восстанавливать заброшенную крепость, а на деле тут все готово к заселению. Смотри — там замок.

— Там мы и разместимся. Это и станет нашим командным пунктом. Только вот ворота вновь закрылись. Нам придется оставлять дозорных. Чтобы мы смогли потом впустить беженцев из Лоринга. Вот их ждет неожиданная радость!

Барри опять хохотнул и протянул другу флягу.

Но они не сразу направились в замок, сперва они пошли в деревню, чтобы убедиться, что люди устроятся на новых местах без происшествий. Когда они вошли на главную улицу все переселенцы оставили свои занятия и бросились их благодарить. Никто из них и не смел

надеяться, что они обретут тут такое. Все готовились жить в наспех сколоченных хибарах, а их ждали светлые и уютные дома. Крестьяне были счастливы. Особняком стояли воины империи, уже сбросив зимние одежды. Они с удовольствием подставляли ласковому солнцу смуглые лица, позволяя живительному теплу разливаться по онемевшим от холода конечностям. Рядом с ними стояли и маги, тоже обособленно. Эти две группы не были простыми переселенцами, у них была служба и они готовы были выполнять приказы командования. К Инариэлю радостно подбежала Гейл и обняв его за шею поцеловала. Ее лицо светилось радостью, никакие слова не могли бы передать ее состояния. Следом за ней подошел Дарк, он тоже уже избавился от меховых накидок и сапог и, хотя его костюм изрядно потрепался за время странствий и стал ему велик, болтаясь на плечах, как на манекене, но он был счастлив и показывал это всем своим видом.

— Итак, друзья мои, мы получили значительно больше того, на что рассчитывали. Теперь нам нужно разместить людей, и мы сможем в безмятежности и неге спокойно ожидать появления остальных. Вот мы посмеемся над выражениями их лиц, когда они все это увидят.

— Сперва отправь своих людей в разведку, мы должны хотя бы приблизительно узнать, что мы имеем, пусть хотя бы схематично зарисуют карту. Подробные исследования оставим на потом. Но нам нужно отыскать источники питьевой воды...

— Не тревожься об этом, эльф. Я прогулялся по округе. В этой деревеньке я наткнулся не менее, чем на три колодца с чистой водой. А вон там, за дальним краем, через пастбище, я разглядел чудесное озеро. Вы обратили внимание, что пашни возделаны? Все! С одних уже можно снимать урожай, другие еще только начинают зеленеть, а на третьих еще только пробиваются ростки. Я тут послушал крестьян, они говорят, что уже нашли грядки, и там тоже все растет, словно нас ждали и готовились к нашему приходу. Все растет и колосится. Голод нам точно не грозит. В деревне есть несколько пекарен, где все готово к работе, не хватало только рук, которые начнут делать эту работу. Есть мастерские и ткацкие, и кожевенные. Здесь есть все! Тот, кто это все делал, предусмотрел все! Даже на пастбище ходит скот. На поле бегают прекрасные кони. Я видел и коров, и овец, и коз и даже кабанов. По дворам расхаживает мелкая домашняя птица: куры, утки. Для людей, привыкших к тяжкому труду, это просто чудесное место, тут всем будет чем заняться. Каждый найдет себе работу. Вы бы слышали, как визжали от восторга дети, когда заходили в дома, а потом выбегали оттуда с радостными криками, держа в руках новые игрушки. Даже это предусмотрено. В каждой хате есть весь необходимый скарб и котелки и прялки. Есть все! Там чуть дальше — лесопилка. Пока я больше ничего не видел, но не удивлюсь, если в горах готовые к разработке жилы, а шахты снабжены всем необходимым. Это так удивительно, что я готов поверить, что я сплю или что я умер и попал в лучший мир.

— Мы живы, это точно. И пугает меня только одно: чем нам придется платить за такие щедроты, — рассеянно проговорил Инариэль.

Но его грустные мысли были прерваны веселым гомоном. Стайка детишек бежала от леса к деревне. Их радостные лица были перепачканы свежим ягодным соком. Парнишки несли в руках свои рубахи из которых при каждом шаге высыпались ягоды, а девочки в передничках несли дары щедрого леса. Несколько ребят оторвались от остальной группы и быстро направились к отдыхающим наемникам. Они со смехом отдавали свои полные ягод рубахи суровым воинам. А одна девчушка с яркими карими глазами и все еще заметным шрамом на голове, оставшимся после чудесного исцеления, подбежала прямо к Инариэлю и

с застенчивой улыбкой развязала свой передничек, наполненный сладко пахнущей земляникой, и протянула ему.

— Спасибо вам, добрый волшебник, что привели нас в это место. Это просто сказочное место!

Она утерла нос рукавом, зарумянилась и убежала. А Барри громко захохотал, утирая слезы.

— Слыхал, отшельник? Ты теперь добрый волшебник! Ну, егоза, насмешила, ой! Счас живот порву от смеха.

— Несколько вопросов нужно решить прямо сейчас, — прервал его приступ неистового смеха Инариэль. — Конечно, когда придут главнокомандующие, они могут все порешить по-своему, но пока их нет, нам нужно определить где будут жить маги. Стоит ли их селить отдельно от простого люда или же пусть устраиваются здесь в деревне и живут, как все, пока не потребуется их помощь? Гейл, как думаешь?

— Я думаю, милорд, что нужно узнать их мнение. Когда Мирриэль разговаривала с нами, она сказала, что нужно изменить отношение магов к людям и наоборот. Мне представляется, что это чудесная возможность воплотить ее идею в жизнь. Совместные заботы и бытовые хлопоты быстро заставят всех забыть о прошлом и начнется новая жизнь, совсем другая. Где все будут жить в мире и согласии, милорд, — она сделала глубокий реверанс.

— Ты права, Гейл. Позови, пожалуйста, сюда всех магов и имперских, и наших. Сейчас все и порешим.

— Отличный план, — одобрил Барри. — Думаю Мирра была бы рада узнать, что мы следуем ее пожеланиям.

— Мирра, — вновь погрузился Инариэль. — Нужно все решить, как можно быстрее. Меня ожидает очень тяжелое испытание.

— Не грусти, эльф, я почти уверен, что она в порядке, — приободрил его Дарк.

Маги собрались очень быстро. Инариэль окинул быстрым взглядом собравшихся. Не очень много. Человек сорок имперских магов и чуть больше местных. Всего около сотни человек. Молодые, средних лет и уже преклонного возраста. Мужчины, женщины, эльфы и люди — все напряженно всматривались в лица Инариэля и Дарка. Не хватало только эльфа, который присматривал за больным юношей, но с ним все было и так понятно, у него свое задание, не самое простое. Инариэль прочистил горло и начал.

— Друзья мои. Мы преодолели непростой путь. Теперь мы все в относительной безопасности. Я знаю, что многие из вас все еще с недоверием относятся к Хранителям, все еще опасаются какого-то обмана с нашей стороны. Для этого я вас и собрал. Здесь нет Мирриэль, она, конечно, смогла бы все это сделать лучше меня, но я верю, что она одобрила бы мое решение. Итак, я задам вам лишь один вопрос: как вы сами видите свою дальнейшую жизнь? Как вы хотели бы, чтобы она сложилась? Я не веду сейчас речи о том, что мы освобождаем вас от вашего долга по защите этого поселения. Я говорю лишь о том, что теперь у вас есть выбор. Хотите ли вы жить, как и прежде, отдельно от людей, в своем замкнутом круге? Или же вы последуете за мечтой Мирриэль о воссоединение магов и людей и станете жить, как и эльфы вместе с людьми, деля с ними радости и хлопоты, приходя на помощь им, используя свою магическую силу или же просто помогая, как обычные жители? — он замолчал, но тишину никто не нарушил и ему пришлось возобновить свою речь. — Я понимаю, что это сложный вопрос, но именно сейчас у нас есть

возможность либо сломать старые устои и доказать, что магия — это просто часть жизни, а маги — те же люди, только наделенные чуть большими возможностями, либо принять старую модель сосуществования, где маги — это обособленная каста и их необходимо контролировать с помощью Видящих. Сейчас среди нас нет Видящих, но они придут из Лоринга. Пока что мы сможем все решить сами. И поверьте мне, я буду отстаивать ваше решение и перед Каленом, и перед Карой. В самом крайнем случае, я сошлюсь на то, что мы должны дождаться Мирриэль и выслушать ее решение. И перед ней я тоже буду на вашей стороне. Что бы вы не выбрали, я буду с вами. Вы понадеялись на меня, когда я вел вас в неизвестность. Я прошу о вашей доверии и сейчас. Я готов вас выслушать, всех. Я прошу по одному сообщайте свое решение с возражениями и доводами.

Маги заговорили между собой, разбившись на несколько групп. Первым выступил эльф.

— Инариэль, брат мой. Ты, как и все мы, знаешь наши обычаи, нам всегда было сложно среди людей, потому что они пытались запереть нас в башнях, хотя мы и не подвержены одержимости. Когда ты ставишь вопрос таким образом я могу сказать от лица всех эльфов здесь присутствующих: мы будем жить среди людей. Мы с радостью исполним любой приказ наших полководцев, вступим в любую борьбу, даже если она будет неравной. Но жить мы хотим свободно. Мы остаемся с людьми.

Инариэль взглянул на эльфов. Их было немного, всего пятнадцать: девять мужчин и шесть женщин, и все они единодушно склонили головы в знак согласия со сказанными словами. Он склонил голову в ответ.

— Братья и сестры мои, вы свободны жить где и как хотите, но по первому зову, вы должны будете встать в строй и сражаться наравне со всеми. А теперь ступайте и начинайте обживать.

Эльфы еще раз поклонились и направились к деревне, занимать свободные домики.

Следующей выступила Гейл.

— В империи магов никогда не ограничивали в свободе, поэтому мы предпочтем жить с людьми. Нам будет сложно свыкнуться с мыслью о равенстве с обычными людьми, но за время пути мы уже научились обходиться без рабов, думаю, всему остальному мы тоже научимся. Мы остаемся в деревне.

Имперцы тоже были единогласны и Инариэль позволил им идти, предварительно поручив Гейл обращаться к нему по любому, даже самому пустяковому вопросу. Последней заговорила Мойра.

— Инариэль, наш выбор был сложнее. Многие из нас познали унижения и страдания из-за своего дара. Мы видели много зла от простых людей. Но в любом случае, мы хотели освободиться от постоянного надзора, мы хотели жить по своим правилам. Теперь мы понимаем, что правила для всех едины, и мы согласны им следовать. Мы остаемся в поселении. Мы будем чтить и уважать людей. Мы будем соблюдать установленные законы, когда они будут установлены. Мы — люди, и мы хотим остаться с людьми.

— Я понимаю ваши опасения, Мойра. И я надеюсь, что вы не усомнитесь в правильности своего выбора. Желаю вам удачи и настаиваю, чтобы любые спорные ситуации разрешались путем переговоров, если вам не удастся решить вопрос самим, я всегда с радостью приду вам на помощь. Но помните, никакой магии нельзя направлять против этих людей. Это единственный действующий сейчас закон, любой, преступивший этот закон, будет немедленно изгнан из Держащего небеса и предоставлен своей судьбе.

Мойра склонила голову в знак понимания и согласия. Все маги последовали ее примеру.

После секундной паузы они заулыбались и поблагодарив Инариэля за мудрое решение, отправились в поселение, искать себе пристанища.

— С магами решили, теперь войны, — выдохнул Инариэль.

— Ну, здесь все просто. Место войнам в замке, — уверенно сказал Дарк. — Их дело — служба. Пойдемте в замок, посмотрим есть ли там казармы и все необходимое для длительного постоя большого количества солдат.

— Подожди, Дарк, — прервал его Инариэль. — Они войны, безусловно, но в первую очередь, они люди. Воин — это лишь их работа, нельзя лишать их обычной жизни. Им тоже нужно предоставить возможность выбирать. Зови их всех сюда.

Дарк недовольно поморщился. В империи войны всегда были лишь войнами, никто никогда не задумывался о том, что они люди. В империи все было по-другому, придется привыкать к новым порядкам.

Войны внимательно выслушали Инариэля. Им он сказал практически то же самое, что и магам и предоставил возможность выбирать. Они не совещались долго. Вперед выступил один из старшин. Он преклонил колени, ударив себя кулаком в грудь.

— Милорд, у нас никогда не спрашивали, чего хотим мы. Мы были теми же рабами, лишь без оков. Мы не тешили себя надеждами, что когда-то это может измениться. И потому мы вдвойне вам признательны за такую возможность. Никто из нас не нарушит своего долга, никто не ослушается приказа, но в мирное время, мы бы хотели быть простыми людьми и сменить наши мечи на косы и плуга, или может на молот и наковальню, или на кайло или топор. Мы хотим попробовать мирной жизни, милорд. Но вы можете не сомневаться в нашей преданности. Я не дам своим ребятам заплыть жиром и позабыть воинское искусство, никто из нас не уронит чести. Мы остаемся здесь и придем по первому сигналу.

Единым движением в грудь стукнули полсотни кулаков. Инариэль улыбнулся и отпустил их с миром.

— Вот и все. А теперь, пойдемте в замок. До прибытия настоящих командиров — наше место там.

Путь до замка занял у них несколько часов. Все это время они шли по ухоженному тракту, вокруг них разливались зеленью моря трав, в которых островами пестрели яркие поляны цветов. А за этим зеленым морем стеной возвышался могучий лес. Невозможно было поверить в то что они находятся за стенами, пространство за магическими воротами, было безгранично. Гном непристойно ругался, выражая свое восхищение, Дарк молчал, но на его лице ясно читалось глубочайшее удивление. Они все ждали чуда, но на такое они не могли даже надеяться, да что там надеяться, они даже представить себе такого не могли, это было за гранью их мечтаний. Инариэль же никак не мог отделаться от ощущения, что все это напрасно, уже напрасно. Теперь, когда под его ногами была ровная дорога и не требовалось отвлекаться на спутников, он вспоминал вечер, когда они слышали взрывы, когда началась буря. Тогда он не обратил внимания на внезапно нахлынувшую на него печаль, Гейл была рядом, она не дала ему возможности разобраться в своих чувствах. Теперь он ругал себя за то, что поддался ее уговорам и не стал копаться в своих ощущениях. Его что-то встревожило, он словно слышал, как рвутся нити мироздания нарушая равновесие. Он боялся того, что мог узнать в мире духов, но незнание не принесет облегчения, это он тоже понимал, поэтому, когда они дошли до резных ворот замка, он уже знал, что должен немедленно разобраться во всем. Они бегло осмотрели замок. Огромная тронная зала поражала воображение своим великолепием. Здесь, как и в деревнях все было готово к приему гостей, не хватало только

дымящихся на столах угощений и огня в камине.

Дарк дотронулся до большого стола, словно проверяя не обманывает ли его зрение, и удовлетворенно хмыкнул, усаживаясь на широкую скамью.

— А мы думали, что нам придется тут все приводить в порядок, что цитадель заброшена и обветшала. Все мы здорово ошибались.

Гном уже стоял у подножья трона рассматривая филигранную работу своих братьев. Трон был украшен изумрудами и бриллиантами. Когда яркие солнечные лучи попадали на тонкие грани камней приходилось зажмуриваться, чтобы не ослепнуть от их блеска. Инариэль же искал покои, в которых можно было бы прилечь. Путешествие в мир духов могло затянуться, ему не хотелось вернуться в свое тело и чувствовать, как оно онемело от неудобной позы. Найдя искомое, он немедленно позвал своих товарищей.

— Мне нужно кое-что уточнить, и для этого, я должен отправиться в мир духов.

Барри нахмурился.

— Ты хочешь узнать нет ли там нашей Мирриэль? Ведь так, эльф. Ты боишься, что буря, настигшая нас в пути, была предзнаменованием того, что случилось с этой безрассудной девушкой. И ты решился на такой отчаянный шаг? Теперь, когда завеса так тонка, когда демоны только и ждут возможности вырваться? Не мудрее было бы дождаться тех, кто был в Лоринге и узнать у них имеет ли смысл твое путешествие, возможно, Мирриэль сейчас держит путь в эту цитадель вместе с остальными, и ты напрасно собрался рисковать собой.

— Прошло уже много дней, Дарк. Неужели ты на столько бесчувственный? Ты не ощущаешь изменений? Я должен сделать это сейчас. Чтобы, когда спасшиеся войдут в эти ворота мы уже знали ответ и могли им что-то сообщить. Мне нужно время. Я усну, и мой дух отправится туда, где я смогу найти ответы. Не думаю, что это займет много времени, просто будьте рядом, и будьте готовы, на случай если мне потребуется помощь.

Дальнейшее обсуждение было бессмысленно и Инариэль лег на мягкую перину. Несколькими словами он ввел себя в состояние транса и уже спустя несколько мгновений открыл глаза в темном мире. Он поморщился, запах тлена ударил в ноздри, вызывая головокружение. Инариэль обвел округу тревожным взглядом. Здесь нарушение равновесия чувствовалось гораздо сильнее. Бушевало пламя, извергались вулканы, каждый вдох причинял боль, испарения резали глаза. Инариэль планировал найти кого-нибудь из известных ему доброжелательных духов, но оказавшись здесь понял, что ничего не сможет предпринять. Единственное что ему оставалось это обратиться к тому, кто сам откликнется на его зов. Кто наверняка знает, что с ней. Пытаясь не кашлять, Инариэль тихо прошептал его имя. Прошло несколько долгих мгновений пока дух откликнулся.

— Отчаянный ход, друг мой, ты сам пришел в мир духов.

— Раирнаил, сейчас не время думать о себе. Ты же знаешь зачем я здесь?

— Знаю, — очень тихо прошептал дух.

— Она в порядке? Ее нет здесь?

— Здесь ее нет, Инариэль.

Вздых облегчения сорвался с губ мага. Все остальное, уже не так важно, главное, что она жива.

— Она жива, — проговорил Инариэль. — Ты не представляешь

— Ты не дослушал, маг, — перебил его Раир, глаза духа полыхнули пламенем. — Ее нет здесь. Но и среди живых ее нет, иначе я бы не откликнулся на твой призыв, я был бы рядом с ней. Она исчезла.

— Исчезла? — Инариэль не верил своим ушам. — Как такое возможно?

— Я не знаю. Она воплощение Зеленого дракона. Ее дух бессмертный и всемогущий. Я не могу ее найти в этом мире. Ее тело здесь. Она ранена. Она опять сделала выбор, опять принесла себя в жертву спасая человека и орка. Она отдала последние силы, чтобы вытащить их. И больше я не могу ее найти. Нигде. Эти двое заботятся о ее теле, но где ее дух, я не знаю. — Раир напряженно посмотрел в глаза мага. — Тебе пора уходить. Я выведу тебя. Больше не пытайся войти в мир духов. Красный дракон свободен. Здесь теперь очень опасно для живых.

— Но что нам делать?

— Ждать. У меня нет других мыслей. Если она сможет, она вернется, обязательно. Только бы не было слишком поздно. Уходи.

Дух просто вытолкнул мага в реальность. Инариэль с хрипом вздохнул чистый воздух и открыл глаза. Рядом с ним стоял гном держа наготове острый топор, Дарк готов был в любой момент применить магию. Удостоверившись, что Инариэль не притащил за собой никого из незваных гостей, оба расслабились и напоив мага чистой водой ждали его рассказа. Инариэль сел на перине и печально посмотрел на друзей.

Прервать молчание решился Дарк.

— Ты нашел ее? Она умерла?

— Нет, Дарк. Ее нет в мире духов, — он увидел облегчение на их лицах и закрыл глаза. — Но и среди живых ее нет. Она пропала. Раир не знает где она. Ее нет нигде. Похоже, мы потеряли ее.

Глава 2.

Я открываю глаза. Ничего. Закрываю, решив, что еще просто не вернулось зрение. Я ощущаю свою тело. Ничего не болит. Странно. Я помню, меня ранили. Кинжал нейтрала в ногу, а орк здорово повредил мне плечо. Это точно. Я помню. Почему же я не чувствую боли? Странно как-то. Опять все не так. Открываю глаза. Ничего. Пустота и темнота. Встаю. Осматриваюсь. Ничего. Просто пугающая бесконечная пустота. Что опять я сделала не так? Куда опять я попала? Когда это все закончится? Звенящая пустота, я даже не слышу собственного дыхания. Страшно, очень страшно. Хочу что-нибудь сказать, чтобы успокоиться. Я знаю, что мои губы шевелятся, но звуков нет. Пытку тишиной, я когда-то уже проходила, но сейчас все не так, нет стен, нет оков, нет ничего. Только пугающее ничто. Приказываю себе собраться. Стоя на одном месте я точно ничего не узнаю, надо выбираться отсюда, меня там дела ждут, друзья, спасение мира и Кален. Смотрю под ноги. Там тоже пустота. Я стою в пустоте, ну раз стою, значит смогу и идти, нужно выбираться. Нужно искать выход, выход есть всегда. Пока ты жив, выход можно найти, а я определенно жива. Наверное. Заставляю себя думать. Я точно не на поляне у эльфийских лесов, тут нет ни поляны, ни леса. Но я и не в мире духов, я там была, там не так. Где же я? Пытаюсь призвать энергию жизни. Ничего, ни малейшего отклика ни одной голубой искорки. Попробуем энергию смерти. Результат тот же. Ничего. Ладно, вперед. Стоя на одном месте точно ничего не пойму. Интересно, как мне ориентироваться в этом Нигде. Как я пойму, что не хожу по кругу или вообще двигаюсь? Не важно. Буду идти куда глаза глядят, а глядят они в сплошное Ничто. Не важно. Иду. Нет, это не похоже на движение. Ой, не надо мне думать обо всем этом.

«Куда ты? Что ты ищешь?»

Голос в голове заставляет меня остановиться и даже присесть от неожиданности. Я не знаю языка, на котором он говорит, но понимаю каждое слово. Он пропадает так же неожиданно, как появляется. И опять ничего. Я встаю и продолжаю движение. Здесь нет ни времени, ни пространства. Я не чувствую ни боли, ни усталости, ни голода, ни жажды. Сколько это продолжается? Не важно. Нужно найти выход.

«Зачем? Зачем тебе искать то, чего нет? Остановись. Прими все, как есть. Прими себя. Стань собой.»

Стань собой? А я что не я? Бред какой-то. Радует, что во второй раз, я его уже не испугалась. Осваиваюсь. Продолжаю свой путь в никуда. Просто брежу, плыву, парю. Не важно. Важно, что двигаюсь. Я должна вернуться.

«Вернуться? Куда?»

Хммм, хороший вопрос, но я бы спросила вернуться откуда. Куда я знаю, к своим. К друзьям, к жизни, к любимому.

«Любимый, — хохочет голос. — Любимый, предатель, лжец. В чем разница? Что ты можешь знать о любви?»

Ну, наверное, не так много. А может — это и есть моя расплата, за нарушение клятвы, за нарушение закона? Голос в моей голове начинает смеяться.

«Для тебя нет законов, ты выше их. Ты сама закон.»

Чушь. Это не обо мне. Я всего лишь

«Все»

Нет, не так. Я одна из многих. Я просто эльфийка. В моей голове раздается презрительный смешок.

«Вспомни кто ты!»

Меня зовут Мирриэль, я дочь эльфа-одиночки из Глуши. Опять презрительный смешок.

«Это не твое имя. И ты это знаешь! Это не ты. Не твое естество. Вспомни!»

Может быть, чтобы выбраться, мне нужно следовать советам этого голоса? Может он ведет меня в нужном направлении? Может быть я смогу вернуться, когда вспомню?

«Правильно! Слушай меня, делай что я говорю и все будет хорошо. Все будет правильно! Ты не вернешься!»

Правильно будет вернуться! Там Кален, Кара, Энель им нужна моя помощь, я должна спасти их, я должна победить Калисто! Слышу в голове недовольный смешок.

«Калисто тоже получит свое. Без тебя. Все получают по заслугам!»

Ладно, попробую следовать советам, неведомого голоса. Я сажусь и пытаюсь вспомнить. Но ничего не происходит. Я помню свою жизнь. Помню отца и путешествия, помню тепло походного костра, помню холодные зимние ночи, когда отец прижимал меня к себе, согревая своим теплом. Помню Раирнаила, помню его нежность, помню его любовь. Помню прощание, помню тоску. Помню жертвенный камень, помню ужас. Помню спасение и бегство. Помню, как нашел меня Кален. Помню, как Инариэль меня лечил. Я помню все что было со мной. Каждый момент. И теперь, вспоминая, переживаю все снова. Все. Поцелуй на поляне, колючие слова, боль, одиночество, отчаяние. Странствия, ловушка, пытки, спасение. Я — это я. А потом я вижу совсем другую картину. Воздушный замок. Седой старик ругает меня за прогулы, а я только и думаю, как сбежать от него и вернуться в библиотеку, подальше от братьев и сестер, подальше от всех. Сбежать, чтобы читать. Читать, чтобы понять.

Я сижу на широком подоконнике, приложив руку к стеклу. Никогда не заходящее солнце дарит мне свои лучи. Его свет проходит сквозь мою ладонь. Я вижу свою ладонь изнутри. Вижу кости и мышцы, вижу, как бежит по моим жилам кровь. И понимаю, что не знаю кто я. Не понимаю.

— Элирия, я знал, что найду тебя здесь, — седой старец смотрит на меня осуждающе. — Ты опять пропустила занятия. Это нехорошо, ты же знаешь, я не люблю, когда вы пропускаете мои уроки.

Я смотрю на него и не понимаю.

— Всемогущий, прости. Я задумалась.

Он садится рядом со мной и успокоительно гладит меня по плечу.

— Что тревожит тебя, Юная? О чем ты думаешь?

— Зачем, Всемогущий, — быстро выпаливаю я. — Зачем мы нужны тебе? Все мы? Кто мы? Что мы такое? Почему я вот уже несколько столетий не изменюсь? Почему я не старею? Почему я ничего не чувствую? Ни боли, ни страха, ни радости? Ничего! Это же не правильно! Я говорю слова, но не понимаю их значения? Что такое боль? Что такое радость? Что такое любовь? Что такое смерть? Почему ты не учишь нас этому?

Мне кажется, что я его озадачила своими вопросами, он смотрит в окно.

— Элирия, — начинает он, обдумывая каждое слово. — Вы все — мои помощники. Мир становится все больше, и каждому нужно уделить внимание, я просто не успеваю повсюду. Поэтому, я и подготавливаю вас к этому. Вы бессмертные духи, всемогущие, как и я. Просто еще не опытные.

— Как я появилась? Как все мы появились? Откуда? Ведь нельзя создать что-то из ничего? Ты сам нас этому учишь. Так что мы такое? Почему мы лишены всех чувств?

— Зачем тебе знать это, Элирия? Зачем тебе знать, как я вас создал? И что за глупости по поводу чувств? Откуда такие мысли в твоей милой голове?

Он кладет руку мне на лоб. И я все забываю. Забываю свои вопросы. Забываю свои мысли. Я просто смотрю на Учителя и не понимаю, почему я сижу на этом окне.

Открываю глаза. Вокруг меня опять Ничто. Я одна в пустоте. Элирия. Я вспомнила свое имя. Я вспомнила какой-то момент. Но я — не она. Мое имя Мирриэль.

«Ты опять за свое, девочка! Ты не Мирриэль, твое имя — Элирия. И ты бессмертный дух. Ты должна была быть божеством. Ты — бессмертный дух. Ты — одна из моих любимых учениц. И пришло время вспомнить это. И вернуться. Стать тем, кто ты есть.»

Как этот голос утомляет. Говорит ерунду. Я — Мирриэль. И я очень хочу вернуться.

«Упрямица, ты же начала вспоминать! Продолжай! Вспомни, кто ты!»

Очередной скучный урок. Передо мною лежит белоснежный лист бумаги и мое перо, оставляет на нем витиеватые линии. Я слушаю учителя невнимательно. Он рассказывает о Правилах. Скукотища.

— Итак, Юные. Вы должны помнить лишь несколько Правил. Первое: в одной реальности не может быть более одного бессмертного духа. У одного могут быть сотни обликов, но никогда, повторите: «НИКОГДА».

Дружный хор голосов повторяет слово, я молчу. Сколько можно об одном и том же. Каждый урок начинается с этого. Надоело.

— Присутствие двух духов нарушает тонкую гармонию мироздания. Все! Запомните, юные! Все такие встречи духов заканчиваются гибелью мироздания, в котором такая встреча произошла! Подумайте, сколько жертв, сколько боли приносят такие встречи в реальные

миры! Если вы чувствуете присутствие брата или сестры, вы немедленно, запомните — немедленно должны покинуть данную реальность! И второе правило, юные. Вы не должны принимать облик существ, населяющих реальность и пытаться быть одним из них. Это называется — Падение. Падшие постепенно теряют свою силу. Они медленно теряют рассудок и становятся смертными. Вы же не хотите лишиться своего могущества? Правда, юные? Что с вами будет, если вы превратитесь в простых смертных? Вас ждут болезни, страдания, боль и смерть. Мы же не хотим оплакивать одного из нас, который по неосторожности или из любопытства...

Я не слушаю. Кому может прийти в голову отказаться от всемогущества и стать смертным? Только глупцу! А глупцов не жалко. Оплакивать? Что значит это слово? Всемогущий просто все придумывает. Не найдется ни одного глупца, готового пожертвовать своим всемогуществом. Да и ради чего? Не понятно. А значит глупо!

Гибель мироздания?! Что это значит? Голос в моей голове ухмыляется.

«Поняла, наконец! То, что ты сделала в этом мире нарушило гармонию. За твою встречу с Орленом, этот мир расплатится своим существованием. Конец этого мира уже близок. Это уже не исправить. Так что. Не имеет смысла туда возвращаться. Мир погибает. И все, все что будет к нему относится, исчезнет.»

Мне вдруг становится холодно. Перед глазами мелькают страшные картины гибели миров. Я уже видела это. Я сама разрушала миры. Не остается ничего. Все погибает, нет не погибает. Исчезает. Словно и не было никогда. Но как же? Я ведь обещала Гранду, что он найдет свое счастье и обретет покой. Я же видела это!

«Самообман. Ты просто пытаешься облегчить свои муки совести за все, что случится в этом мире. По вашей вине! Я же предупреждал вас всех!»

Нет. Нет, я не могу этого допустить. Я должна все исправить. Карлин порту дан! Мне хочется плакать. Но вместо слез в душе появляется решение. Четкое и взвешенное. Ну что же, Всемогущий. Ты хотел, чтобы я вспомнила кто я. Я помню. Я была Элирией. Давно. Я была ею, я была многими другими. Что есть наша жизнь, если не опыт? У меня много опыта! Тысячи жизней, тысячи смертей! Тебе и не снилось такого, Всемогущий! Да, я была твоей ученицей! Я помню это. Но я — больше не она. Мое имя — Мирриэль. Я свободная эльфийка, обладающая древней магией! Я — это я! Тебе не убедить меня в обратном! И я должна вернуться. Теперь еще больше, чем прежде! Теперь, я должна найти способ чтобы все исправить! И я найду его! Я больше не самодовольная всемогущая и бессмертная! Я часть этого мира. Если придется я отдам свою жизнь в последний раз, отдам, попытаюсь спасти все, что мне дорого! И если мне не удастся этого сделать, что ж... я погибну вместе с ними, со всеми теми, кого когда-то бездумная выходка юной богини поставила на порог смерти. Я все исправлю или разделю с ними их долю, это и станет моей расплатой.

«Ты все так же наивна, Элирия! Есть вещи, которые нельзя исправить!»

Исправить можно все! Нельзя исправить только твою самоуверенность, старик! Если никто не делал этого прежде, не значит, что сделать это невозможно!

Итак, Элирия тяжелыми шагами мерила зал воздушного замка, даже не глядя на учителя, который не спускал с нее глаз.

— Ты создал нас бесчувственными истуканами пытаюсь обезопасить нас, спасти от возможных болезненных ощущений. Но как может истукан править теми, кто имеет чувства и эмоции? Это ошибка. Чтобы мы были действительно хорошими богами, мы должны все познать на своем опыте, мы должны все понимать, мы должны сопереживать, мы должны

все испытать, мы должны быть... смертными. Чтобы обрести истинное понимание мы должны прожить тысячи жизней. Только так мы станем истинными богами, только так мы сможем стать равными тебе, Всемогущий.

Старец подошел к ней и обнял за плечи, а потом поцеловал в лоб, и она опять все забыла.

В который раз он стирал ей память, он уже не помнил. Он думал, что, возродив ее он сможет воспитать ее такой, какой ему хотелось ее видеть. Он так надеялся, что, вырвав ее душу из колеса перерождений и поместив ее в одну из своих учениц, он рано или поздно сможет обрести то счастье, которого она его лишила, выбрав смертное существование, выбрав смертного. Но вот уже в который раз, ее мятежный дух пробуждался, вынуждая его начинать все с начала. Хорошо, придется попробовать еще раз. В запасе бесконечность, рано или поздно все случится именно так, как задумал он. Он же Всемогущий.

Это все обман! Все ложь! С самого начала! Я не Элирия! То есть я — это она. Но она тоже всего лишь перевоплощение! И она это понимала! Не знала, не могла знать, но понимала. Вот почему она искала Орлена. Калисто. Ее появление не случайно, такое уже было. Любовная история, начало, которой помнит только сам Всемогущий! Я начинаю беззвучно смеяться. Все обман. Орлен не мог устоять перед Калисто, это была их судьба. Их троих. Нет, четверых. Вот только даже Всемогущий не может противиться судьбе. Измена Орлена с Калисто — была предрешена. Но после этого Элирия, должна была его простить. И они должны были быть вместе. Элирия и Орлен. Это все уже было. Многие тысячи раз. А значит... Больно защемило сердце. Кален... это его судьба. Он предаст, он изменит, опять... как и тысячи раз до этого. Он тоже не сможет устоять. И мне придется это пережить. Опять! Пережить и простить, ведь потом он все равно выберет меня. Но от этого не легче.

«Вспомнила? Все?»

Вкрадчиво произнес голос в моей голове.

«Так может пора прервать этот порочный круг? Не стоит тебе опять это переживать»

Нет! Нет! Я не верю. Все обман! Я чего-то не понимаю. Не могу вспомнить что-то важное! Все было не так! Я бы не простила измены! Это не для меня. Мне нужно время. Я что-то упускаю.

«Элирия!»

Нет, это не мое имя! Это не моя судьба! Этого не может быть. Кален...

«Мне надоело твое упрямство! Блуждай здесь в бесконечности, пока не одумаешься! Пока не станет слишком поздно.»

Голос исчез. Теперь я понимала, что больше его не услышу. Это было даже к лучшему. Я должна вспомнить. Вспомнить что-то важное. И вернуться. Чтобы все исправить. Карлин порту дан.

Глава 3.

Горы вздрогнули. Содрогнулась земля. Спешащие за командором воины едва устояли на ногах, когда раздался один за другим два гулких взрыва. Там, снаружи. В том месте из которого они успели бежать. Командор замер. Его лицо уже не скрывал шлем, но даже лучшие мастера ничего не смогли бы рассмотреть на его лице. Третий взрыв не заставил себя долго ждать. Услышав его, Кален уперся кулаком в ближайшую скалу и замер. Он ждал. Ждал четвертого взрыва. Ведь если его не последует, это будет означать, что они не

справились, а они могут не справиться только в том случае если умрут. На каменном лице ничего не отражалось, но в голове он тихо вел отсчет мгновений от последнего взрыва. Прошло несколько долгих минут. Четвертого взрыва все не было. Командор в отчаяние ударил кулаком по своду, выбив несколько камней. Все закончилось. Они не смогли. Они погибли, прикрывая их бегство. Он закрыл глаза и начал молиться. Ему больше ничего не оставалось. Он не мог ее подвести, он должен закончить свое дело, должен вывести людей, хотя сердце рвалось туда, и душа готова была покинуть тело, чтобы мчаться и искать ее, презрев расстояния, времена. Вопреки смерти. Без нее все не имело смысла. Но он должен исполнить свой долг. Его губы беззвучно шевелились, сжимались кулаки и разрывалось сердце. Он уже решил, что едва он выведет людей, повернет в обратный путь, он вернется, чтобы найти их тела, отдать им последние почести и умереть на погребальном костре, держа ее в своих объятиях. Губы его все еще шевелились, когда нависшую в пещере тишину разорвал последний взрыв. Не отдавая себе отчета, он с облегчением улыбнулся, закрывая глаза и благодарил Создателя за очередное чудо. Их просто задержали. Они живы. Теперь можно спокойно продолжать путь. Он скомандовал выдвижение, и солдаты поспешили последовать за уверенно шагающим командиром. Никто даже и подумать не мог, что всего несколько минут назад этот уверенный мужчина готов был расстаться с жизнью, не услышав четвертого взрыва. Кален уверенно шагал вперед, отгоняя от себя дурманящий аромат сладкой клубники, когда где-то глубоко внутри его сознания тревожно звякнул мелодичный колокольчик, словно разорвалась струна на лютне. Он не остановился, лишь попытался усилить ощущение, докопаться до сути произошедшего. Продолжая уверенно шагать во главе отряда, он вдруг ощутил, как затхлый запах древних пещер сменился свежим воздухом лесной опушке. Глянув вниз он увидел раскинутый во все стороны вековой лес. Он стремительно летел к опушке, он должен был спешить. Зоркий глаз сокола легко различил вдали яркую рамку разлома, но она была не золотистого цвета, от нее не веяло смертью. Яркая голубая рамка быстро оформилась на поляне и из нее вывалился на зелень травы Гранд. Одна его рука весела плетью, куртка была пропитана кровью, вся одежда была перепачкана. Оба меча были в заплечных ножнах и тащил он здоровой рукой огромный топор, рукоять, которого, если упереть его в землю почти доставала ему до груди. Кален похолодел. Гранд должен был сопровождать Мирру, но он один. И тогда из голубого разлома вышел огромный орк. Едва он поставил обе ноги на траву, рамка разлома померкла и исчезла, словно и не было никогда. Орк громко зарычал, и аккуратно положил на мягкую траву свою ношу. Издав пронзительный крик, сокол сложил крылья и стрелой бросился вниз. Он уже знал, что увидит. Что случилось? Почему Мирра в руках орка? Почему Гранд тащит его топор? Их захватили в плен? Он падал, намереваясь выклевать глаза недругу, но, когда опустился ниже и смог рассмотреть все подробнее, взмахнул крыльями и решил сделать еще пару кругов над странной поляной. Он видел, как Гранд, вместе с орком, переругиваясь в голос, принялись оказывать ей первую помощь, останавливать кровь, которая выливалась из ее ран на плече, на бедре. Кален понимал, что она не контролирует себя и каждое прикосновение дается им огромными усилиями, но они продолжали, лишь ругаясь, но не останавливались. Остановив кровь из тяжелых ран, человек и орк, принялись осматривать более мелкие. И тот, и другой были ранены, но позабыв о себе спешили помочь ей. Перевязав ее, они занялись друг другом. Орк и человек. И бесчувственная эльфийка. Сокол взмыл в небеса. Ей не угрожал этот орк, как бы странно это не звучало, она была среди друзей, они позаботятся о ней. Видение померкло, Кален опять был в пещерах и вместо

слепящего солнца над головой, скупое давали свет несколько чадящих факелов.

Они разбили лагерь спустя несколько часов пути. Идущие впереди предусмотрительно оставили им кострища и немного провианта. Здесь остановилась группа Вейта. Когда они выходили, все еще было спокойно. Потом тут же останавливались Кара и Энель. Теперь был их черед. За ними никто не пройдет, все что было оставлено. Было оставлено для них. Изнуренные люди молча съели припасы и без разговоров легли у костров, кутаясь в плащи. Никто не разговаривал. Все молчали. Каждый понимал, что выжить в Лоринге не мог никто. Но произносить этого вслух так никто и не решился. Молча, каждый из воинов благодарил двух смельчаков, ставшихся их прикрывать, принявших удар на себя, принявших смерть за них, за их жен и детей, за их будущее. Каждый в мыслях давал себе слово, что их жертва не будет забыта, их не забудут. Все молча поглядывали на хмурого командора. Сочувствуя ему. Там остались его друзья. Великий воин, о подвигах которого распевали песни во всех кабаках и странная молодая эльфийка, которую считали надеждой. Но она осталась, осталась и погибла. За них. Каждый чувствовал свою вину. Ведь это они должны были ее прикрывать, это она должна была сейчас сидеть здесь у костра, а они должны были погибнуть там, зная, что отдают свои жизни за эту призрачную надежду. Они были воинами, а она, она не была воином, да и магом она не была. Просто странная худенькая девчушка с красивыми глазами и неловкой улыбкой. Всех удивил приказ командора, но никто не посмел ему перечить, кто они такие, чтобы задавать вопросы командиру. И теперь их терзали сомнения в правильности его решения. И его терзали, хоть он этого и не показывал. Молчание становилось гнетущим, и все по одному укладывались спать. Командор приказал отдыхать, взял стражу на себя. Он не сомневался, что погони не будет, но оставлять лагерь без стражи в смутные времена было бы чересчур беспечно. Они засыпали, испытывая смешанные чувства вины и благодарности. В конце концов сидеть остался только мужчина в белых доспехах, он так и не снял их. Словно белое изваяние он сидел, глядя в тлеющий костер.

Боль пришла, как всегда принося череду мучительных видений.

Он был отправлен в круг, поступили сведения о нескольких одержимых. Это была древняя башня. Массивные укрепления, величественные балюстрады, темные длинные коридоры, скупое освещаемые слабым пламенем дымящих факелов. Когда они вошли в башню их было двадцать три человека. Огромная сила, они смеялись над руководством, которое направило такую мощь против нескольких одержимых. Тогда они еще не знали. Не могли даже предположить, что выйдет из этой башни только один из них. И выйдет он не победителем, а освобожденным. У ворот их встретили маги, спасшиеся из башни. Несколько юнцов-учеников и один седой старик. Увидев белые одежды Видящих старик, ковыляя, отправился им на встречу.

— Господа. Мы заперли ворота, — прокашлял он. — Вам не следует входить туда. Я направил прошение архимагу. Это место необходимо сравнять с землей, там уже никого не спасти. Мы должны лишь сдерживать их, не позволить им выйти, пока башня не будет уничтожена.

Видящие лишь улыбнулись ему в ответ и постарались уверить старика, что каждому из них уже не раз приходилось сталкиваться с одержимыми, что они смогут совладать с этой проблемой, тем более в таком количестве. Старик же лишь поджал губы и отрицательно покачал головой.

— Ваш юношеский пыл здесь не уместен, господа. Вы не представляете, что там

случилось. Там не только одержимые, там маги крови и эти подземные бестии, их слишком много. Я даже не знаю кто из них хуже, но они все заодно. Это смертельная западня.

Кален, как и его товарищи лишь улыбнулся.

— Если ты так боишься, старец, замкни за нами ворота и, если мы не выйдем через два дня, можете уничтожать башню, — успокоительно проговорил командир их отряда.

— Ты ведешь этих юнцов на верную смерть, Видящий, остановись. Ты не знаешь, что ждет вас там, а я знаю. Я видел залитые кровью полы, я слышал душераздирающие вопли, я видел разорванные тела могучих магов, оказавших сопротивление. Мы поскальзывались на внутренностях своих друзей в ужасе спасаясь от неминуемой гибели. Поверь моим словам, там нет ничего, только смерть. Только ее вы там найдете. Все. Остановись.

Но командор лишь посмеялся над стариком и приказал всем Видящим готовиться к атаке.

Старец открыл врата, и едва последний воин вступил в проклятую башню, закрыл их. Запечатав закливанием высшего порядка. Старик знал, что они не вернуться. Он сделал все что мог, но Видящие, так уверены в своей силе, что не стали его слушать и теперь их ждала мучительная смерть.

Они стояли у входа держа мечи наготове. Как и говорил старик весь пол был заляпан кровью, валялись вырванные из суставов конечности, тех, кто не успел добежать до выхода. Командор поднял с пола оторванную голову с остатками переломанного черепа, ее оторвали, не отрубили, ни снесли магическим ударом, а оторвали. В стеклянных глазах застыл невыразимый ужас. Отбросив страшную находку, командор скомандовал сгруппироваться и прикрывать друг друга. Они медленно двинулись вперед. В мрачном свете едва горящих факелов, они шли по этому каменному кладбищу в зловещей тишине. Кровь была повсюду. Кален вздрогнул, когда почувствовал, как на его плечо что-то упало. Он перехватил меч, взглянул вверх и едва сдержал крик. На потолке было распластано тело мага, его размазали по потолку и теперь его кровь собираясь в крупные капли падала вниз. Понять, что это было когда-то человеком можно было лишь по впечатанному в потолок остатку руки, все еще сжимающей бесполезный посох. Кален позвал командора и указал ему на потолок. Тот нахмурился.

— Это не похоже на одержимых, им такое не под силу. Это была не битва, а бойня. Здесь что-то странное случилось. Не расходиться. Держаться вместе.

Приказ был неплох, но, когда они увидели первых врагов, соблюсти его было сложно. Из распахнутых дверей по обе стороны коридора на них хлынул поток подземных тварей. Им не было числа. Началась схватка. Видящие пытались держать строй, но тварей было слишком много. То и дело им удавалось окружить кого-то одного и тогда им ничего не оставалось, как смыкать ряды. Слушая как с сумасшедшим гиканьем твари утаскивают добычу в какую-нибудь из комнат, а потом оттуда доносились страшные предсмертные крики. Их наступление иссякло так же внезапно, как и началось. В один момент твари развернулись и исчезли в комнатах и коридорах. После первой схватки их осталось семнадцать. Никто не рвался спасать отсутствующих, все понимали, спасать уже некого. На полу осталось около сотни тварей, приходилось аккуратно переступать через их мохнатые уродливые туши. Они прошли всего несколько сотен метров, когда их встретил демон. Перед ними во всей своей красе стоял демон желания. Обворожительная полуобнаженная женщина с длинными рыжими волосами. Она просто стояла посреди забрызганного кровью коридора и обольстительно им улыбалась, поглаживая кожаный кнут. Командор поднял руку,

призывая всех остановиться. Кален стоял всего в шаге от него, но даже он не успел понять, чем грозит им эта встреча. Демонесса улыбалась и молчала. Если бы тогда Кален мог слышать духов, он бы услышал, что говорила она с их командором. И ей не потребовалось много слов. Когда командор обернулся к Калену, его глаза были чернее ночи. Она поработила его. Командор вскинул меч и атаковал Калена. Кален успел парировать, отбив неожиданную атаку. Демонесса засмеялась и легким шагом от бедра, неспешно стала приближаться.

— Не смотрите ей в глаза, не слушайте ее голос. Она зачаровала его, — выкрикнул Кален, отбиваясь от яростных атак командора.

Он сдерживал его натиск, но так долго не могло продолжаться. Кален кричал, пытаясь вывести командора из транса. Но тот не слышал его. Кто-то из Видящих бросился Калену на помощь и уже через несколько мгновений упал запертво, рассеченный мечом командора. Выбора не было. Кален сжал зубы и перешел в наступление. Долгие годы тренировок, наставления Гранда и врожденные способности сыграли ему на руку. Вознося в уме молитву Создателю, Кален нанес решающий удар. Командор упал к его ногам, так и не осознав, что произошло. Кален на секунду закрыл глаза и слышал томный голос.

— А я-то наивно полагала, что во главе стоит самый сильный воин. Какая оплошность с моей стороны. Но я ее исправлю. Ты хорош, очень хорош. Ты достоин большего, чем все они. Ты даже представить себе не можешь какое блаженство я способна тебе подарить.

— Создатель, укрепи мой дух, дай мне сил свершить угодное тебе, изгнать зло... — повторял Кален слова молитвы.

— Он не поможет тебе, глупый. Да и зачем нам третий? Он будет лишним. Разве сможешь ты стерпеть?

— Я верный твой слуга, я вручаю тебе, Создатель, мою душу, направь же мой меч...

— Даже если бы он слышал тебя, поверь, его светлые объятья не смогут сравниться с моими.

— Стань мне щитом, я же стану твоим карающим мечом. Свет во мне, для тебя, жизнь моя, для тебя. Служение свету — призвание мое. Направь меня во тьме, согрей меня в хладе. насыть меня силой своей, не позволь дрогнуть руке, карающей во имя тебя.

Демонесса замерла в нескольких шагах, прищуривая красивые глаза, она склонила голову на бок, изучающе глядя на медленно, но неуклонно приближающегося воина. А потом Кален вновь услышал ее медовый голос.

— Ты красив, молод и силен. Но я не вижу в тебе страсти. Ты неподвластен мне, ибо ты не знаешь истинной любви. Ты никогда не любил. Твои помыслы чисты до отвращения, — она брезгливо скривила губы и занесла хлыст для удара.

Острая боль пронзила его плечо, когда тонкий хлыст прикоснулся к доспеху. Металл раскалился, обжигая кожу, белая ткань почернела и задымилась. Кален не остановился, он продолжал наступать и молиться. И тогда он увидел страх в ее глазах и больше его ничего не сдерживало, теперь он не шел против сильного ветра, как при первых ее словах, время вернуло свой бег. Он отбил очередной удар хлыста, и одним прыжком оказался рядом с демоном. Ее речь больше не была сладостной. Ее прелести больше не завораживали. Он парировал удар ее кинжала своим мечом и вонзил свой кинжал в ее грудь. Демонесса закричала и обратилась в огонь. Жар обжог его лицо. Высокий столп огня затухал и вот уже у его ног едва тлели последние искры.

Он обернулся к товарищам. Те в нерешительности стояли у тела командора.

— Он был хорошим воином, но не смог противостоять ее силе. Мы должны двигаться дальше.

— Как ты смог ей противиться? — спросил один из Видящих.

— Молитва. Очисти свой разум и молись. Создатель не оставит детей своих уповающих на него.

— Но командор тоже был.

— Видимо он усомнился на секунду или же она истратила слишком много сил, чтобы сломить его, а на меня у нее уже не хватило.

— Кален, твой доспех...

Только сейчас он почувствовал обжигающую боль и быстро отстегнул раскаленный наплечник. И приказал сомкнуть ряды, делая шаг вперед. Никто не произносил никаких слов, но безмолвно все последовали за новым командором. Их осталось пятнадцать.

В следующий раз их встретили одержимые маги. Они не нападали, не использовали магию. Просто в дальнем конце коридора стояли пять фигур с посохами, преграждая путь Видящим. Воины воспряли духом. Всего пятеро. Их втрое больше. Но маги так и стояли, сзади послышалось уже знакомое шуршание и хлынула волна подземных тварей. Они бились как звери. Все понимали, что это последняя битва, слишком много было тварей. И эти твари были крупнее, они передвигались на четырех конечностях, но, когда поднимались на задние лапы были выше человеческого роста. Они были вооружены кинжалами и короткими мечами. Щитов их племя не признавало. Достигнув цели в несколько прыжков тварь поднималась, и выхватывала оружие из-за пояса. Началась схватка.

Но убили не всех. Послушные командам одержимых магов, твари не рвали их на части, а оттесняли от группы и утаскивали в сторону магов. Кален видел, как отчаянно дерутся его братья. Он сам уже изрядно устал. Пот скатывался по широкому лбу и резал глаза. Он видел, как одного из его братьев окружило с полсотни тварей. Но он не опустил оружие, он дрался до последнего. Кален видел, как тварь, которую насадили на нож схватила острыми зубами руку, державшую кинжал. Видел, как острые зубы вонзились в латную рукавицу и уже через мгновение мужчина закричал. Тварь упала на пол, держа в зубах отгрызенную руку. Другая тварь запрыгнув на спину Видящего резко рванула его голову вверх, отделив ее от тела. Кален молился. Он был готов к встрече с Создателем. Лишь трое Видящих все еще оставались на ногах и сопротивлялись, истекая кровью. Тварей было слишком много. Кален видел, как один из троих исчез под кучей набросившихся на него тварей. Другой получил удар под колено и не устоял. Гигикающая толпа утащила и его. Он остался один, но продолжал сопротивляться пока у него не потемнело в глазах.

Он очнулся в клетке. В магической клетке. Он был ранен. Ныли руки, глухой болью в груди отзывался каждый вдох. Он едва мог опереться на правую ногу. Глубокие раны пленным перевязали, но не утруждали себя излечением. Тут же рядом с ним сидели десять его братьев. Одиннадцать. Их осталось одиннадцать. Они видели перед собой начертанную на полу пентаграмму. По ее углам стояли пять человек. В темноте под колоннадой слышался неровный хор голосов. Многих голосов. Слышалось отвратительное шуршание подземных тварей. Пленных обезоружили и сняли доспехи, оставив лишь штаны и нижние рубахи. В этот момент Кален понял, что они будут завидовать павшим. И так оно и было. Когда они пришли за первым Кален бросился на вошедшего с голыми руками, но магический щит, легко его оттолкнул, оглушенный он упал на холодный пол. И уже через несколько минут одного из них принесли в жертву. Он не кричал проклятий, он читал молитву, но Создатель

был глух. Оставшиеся видели, как его разрывают на части, обагрив его кровью центр пентаграммы. Которая отозвалась на кровавую жертву на мгновение полыхнув золотым огнем. Сколько это продолжалось никто не знал. После четвертой жертвы, Видящие перестали сопротивляться. Кален каждый раз рвался заменить кого-то из братьев, но мучители упорно выбирали других, не его. Теперь они не смотрели на жертвенник. Они просто молились, взявшись за руки, слушая предсмертные крики своих друзей. Быстрая смерть ждала лишь первую жертву. Всех остальных долго мучали, убивая медленно и болезненно. Крики и проклятья умирающих не волновали магов крови, они лишь забавляли подземных тварей. Сколько это продолжалось заключенные не думали. Они уже простились с жизнями и смиренно ждали своей участи. Они не говорили больше, не держались за руки, не молились. Их оставалось трое. В очередной раз к клетке направился один из магов. Кален преградил ему путь. Закрывая собой товарищей.

— Возьми меня.

Маг лишь улыбнулся из-под капюшона.

— Для тебя у нас есть кое-что особое, воин. Ты убил демона желания, это немногим под силу, так что ты будешь последним. И поверь, ты даже не представляешь, как ты будешь страдать.

Маг приказал подземным тварям оттащить Калена и забрал другого. Кален схватился за прутья магической клетки. Прикосновение вызвало острую боль, но эта боль не могла сравниться с его чувством вины. Он возглавил этих воинов, он вел их, после гибели командора. Это его вина. Нужно было повернуть, нужно было прислушаться к словам старого мага у ворот. Он этого не сделал. Все это случилось по его вине. Боль, которую он испытывал все крепче сжимая прутья была заслуженной карой, за его безрассудство. Он привел их на этот жертвенник. Чем больше он думал об этом, тем менее последовательны и логичны были его мысли. Они путались в голове, превращаясь в огромный ком бессвязных обрывков. Его мозг рвался на части, как рвали, резали, ломали его товарищей. Когда он остался один, его рассудок был уже поврежден. Страх не было. Было отчаяние и самобичевание. Он молился, опять молился. Не о спасении, на это не было надежды, он молился о обретении света, о своих погибших товарищах. Молил Создателя принять их в свой свет. О себе он не молился. Он был готов принять свою участь. И было еще чувство, что он что-то не успел сделать, а теперь уж точно никогда и не сделает. Покрытые ожогами и кровью руки все так же сжимали ненавистные прутья, и он молился. Без надежды. Просто повторял годами заученные слова. Мыслей уже не было. В ушах все еще стояли крики его товарищей. Теперь его черед. Тогда он и увидел Астера и его отряд. Затуманенный рассудок принял их сперва за подземных тварей. Потом он разглядел в них людей, но решил, что это еще одна группа магов. И лишь когда Астер приблизился к клетке и приложил палец к своим губам призывая его к молчанию, он осознал, что это спасение. Маги затянули очередную песню, воспользовавшись этим Астер прошептал:

— Парень, ты как? Сейчас мы тебя вызволим, только разберемся с этими, — он кивком указал на магов.

Превозмагая отчаяние Кален прошептал в ответ.

— Сейчас, я хочу участвовать в битве. За ними должок, — он не знал в тот момент как зло блеснули его глаза.

Астер задумался, но рядом с ним возникла Элрина и, положив руку на его плечо, кивнула. Астер улыбнулся ей и кивнул в ответ. Маг, сопровождавший их развеял чары,

путья исчезли. Астер протянул ему меч.

— Это тебе пригодится. Будь готов. Атакуем по сигналу.

Кален кивнул. Боль от открытых ран и сломанных ребер не исчезла, но Видящих годами учат преодолевать боль, специально для этого есть истязания. Так что Кален смог встать на поврежденную ногу и поудобнее перехватить меч покалеченными пальцами. Его боль больше не имела значения, он был готов собирать долги. За каждого, кто погиб, за каждый их крик, за каждую каплю их крови. Через несколько минут последовал долгожданный сигнал. Отряд Астера не был единственным. Из всех углов на проклятых магах и подземных тварей хлынули люди, оглушая присутствующих боевым кличем. Кален тоже кричал. Кричал от боли, от осознания, что он единственный выжил, от беспредельного отчаянья, от ненависти. Он орудовал мечом, не задумываясь ни о чем. Было уже не важно выживет он или умрет, главное, что он умрет не как жертвенное животное, а в бою, с мечом в руках. Он крошил черепа и отрубал конечности. Маги попытались использовать против нападающих свои силы и тогда он вышел вперед, прикрывая своих спасителей. Он первым дошел до кровавой пентаграммы. И первым ударил по все еще не осознавшим свою ошибку магам. Одна из голов в капюшоне покатила по полу, прямо к центру рисунка. Туда где грудой лежали истерзанные тела его десяти товарищей. Он взвыл от ярости и разрубил второго мага от плеча до поясицы одним ударом. Это не было мстью. Если бы он хотел мстить, он бы убивал их медленно, так же, как они убивали его братьев. Но он не мстил, он делал свою работу, делал то, что умел лучше всего другого. Он убивал. Во имя света. Во имя Создателя. Он купался в крови врагов, а с губ его слетали слова молитвы. Молитвы, которая не помогла другим, которая уберегла только его.

Кален вырвался из кошмара. У его ног тлел костер. Рядом слышался мирный храп его людей. Этим он не подведет. Больше он никого не подведет. С момента своего случайного спасения он стал одиночкой. Он не возглавлял отряды, он был сам по себе, он не был готов брать на себя ответственность. Слишком долгим и болезненным было восстановление. Слишком глубоки были переживания. Слишком тяжело он перенес свое спасение. Но время лечит. И спустя несколько лет его сделали командором. И не было более справедливого и мудрого командира. Он не бросал своих людей в пекло, он берег каждую жизнь, предпочитая принимать огонь на себя. Он больше никогда не оставлял павших на поле боя. Вскоре слава о его руководстве опережала его. Люди стремились попасть в его отряд, служить под его руководством. Его уважали. Никто не вспоминал о его прошлом, никто не напоминал ему о его пленении, никогда. И теперь это был только его кошмар. Все, кто тогда спас его, скорее всего уже мертвы, кроме Астера.

Кален тяжело вздохнул. Нужно будет навестить его, проститься с ним. Им не нужны будут слова. И было бы здорово, если бы Мирра была с ним. Хотя Астеру будет тяжело встретиться с юной эльфийкой. Которая, без сомнения, напомнит ему Элрину, но он будет рад за старого друга. Столько всего еще нужно успеть сделать. Кален встал, чтобы размять затекшие ноги. Он прислушался к своим ощущениям. Все было спокойно. Он прошелся по стоянке. Тело все еще требовало обат, но здесь не было никакой возможности уступить этому гнетущему желанию. И он лишь попытался унять головокружение. Опять. Опять его преследовал запах сладкой клубники. Словно он находился в цветущем саду и ягоды были повсюду.

«Привет, незнакомец, — всплыл в мозгу томный голос. — И что тебе тут надо? Этот захудалый мирок просто магнит для бессмертных духов?

Две женщины сидели за белым столом, аккуратно попивая рубиновый напиток из серебряных кубков тончайшей работы. Одна из них сверлила его изучающим взглядом темно-зеленых глаз, на ее полных алых губах осталось несколько капель и она, упиваясь своей красотой, облизала губы. Черные волосы подчеркивали ее очаровательное лицо. Яркий алый лиф вызывающе облегал ее пышную грудь, на которой покоилась золотое украшение, маняще исчезающее в ложбинке между грудей. Она чарующе улыбнулась и забросила ногу на ногу, легкие лоскуты ткани, образовавшие юбку, раздвинулись, предоставив ему возможность созерцать точеные ножки.

— Составишь нам компанию? Мы тут вино пьем. Не самое лучшее, но вполне пристойное. Но ты ведь еще никакого не пробовал, тебе понравится. Здесь ты можешь принимать любой облик, тут нет смертных, это наше тайное место, мы тут с сестрой частенько отдыхаем, наслаждаясь безопасностью и негой. Так что? Мы не укусим тебя, дракон.

Он не мог отвести от нее глаз. Она была великолепна. Он не думал долго, сбросив облик дракона, он стал человеком и, приняв ее приглашение опустился в удобное кресло у стола. Она с улыбкой наполнила свой кубок и протянула ему, немного наклонившись, предоставляя ему возможность созерцать свою идеальную грудь, лишь слегка прикрытую лифом. Она игриво задела его плечо своим. В ноздри ему ударил сладкий запах. Он не знал его названия, но рот наполнился слюной, возникло навязчивое желание немедленно что-то съесть, желательно ту, которая так чудесно пахла. Она улыбнулась.

— Это клубника, хочешь попробовать? — она протянула ему небольшую красную ягоду.

Он замер в нерешительности, но она все уже решила за него и аккуратно приблизила руку с клубникой к его губам. Какой чудесный аромат. Он с удовольствием погрузил зубы в нежную сладкую мякоть. Она засмеялась. Ее тихий смех напоминал отдаленный шум моря.

— Итак, красавчик, что тебя принесло сюда?

— Я увидел здесь духа, среди аборигенов, и посчитал своим долгом напомнить ей о правилах.

— Лири, — осуждающе воскликнула красавица. — Ты опять за свое! Мы же договорились, что ты не будешь принимать этот мерзкий образ и тем более не будешь проводить время со своими любимыми эльфами.

— Не тебе меня учить, Калисто! Это ты пришла в мой мир и захотела играть по своим правилам, — очень спокойно, но твердо произнесла другая женщина.

Он с трудом смог оторвать глаза от завораживающего созерцания прелестей той, которая носила имя Калисто, и перевел взгляд на ее собеседницу.

Это была та самая девушка, которую он увидел на берегу лесного озера, паря над миром. Она не была так обворожительна и откровенна. На ней была легкая рубашка цвета молодой листвы, и штаны цвета мокрой травы. Она была худощава и словно прозрачна, он взглянул в ее лицо и не увидел ничего сверхъестественного. Простое милое личико. Светлые волосы, аккуратно сплетенные в тонкие косички у лица, мягкими локонами падали на тонкие плечи. Заостренные ушки, за которые она то и дело заправляла выбивающиеся на ветру пряди. Тонкое бледное лицо. Вздернутый носик и тонкие, едва различимые губы. Его поразило только цвет ее глаз. Они были удивительные: огромные озера, нет не озера, океаны, обрамленные черными длинными ресницами. Но он глянул на нее лишь мельком, Калисто порывисто поднялась из-за стола, задев его руку своим упругим бедром, чем немедленно отвлекла его внимание на себя.

— Перестань, Лири. Зачем нам делить этот мирок, в бесконечности еще сотни таких же.

— Вот и отправляйся туда! Что тебя здесь держит? Проваливай. Мне неприятно то, что ты внушаешь этим несчастным существам.

Калисто засмеялась.

— Сестренка, перестань, что подумает о нас, наш гость? Не стоит ругаться при нем, это по крайней мере не гостеприимно.

— А мне наплевать. Выметайтесь отсюда оба. Хотите вместе, хотите по отдельности! Мне безразлично. Оставьте меня. Я отлично проводила здесь время и без вас.

— Она такая злюка, дорогой. Но она не всегда такая, только когда ее что-то тревожит, а так она тихая и покладистая. Кстати, как ты уже понял меня зовут Калисто, эта злюка — Элирия. А как твое имя?

Она обошла его со спины и положила нежные ладони ему на плечи. Длинные сильные пальцы впились в его мышцы, не причиняя боли, но доставляя наслаждение.

— Мое имя Орлен. И я все еще считаю своим долгом вас предупредить, что вы нарушаете правила, двое бессмертных в одном мире..

— Олух, — недослушав, перебила его Лири. — Считать не умеешь, с тобой нас уже трое!

Лири гневно взглянула на него и резко поставила кубок на стол, отвернувшись. Калисто воспользовалась моментом и склонилась к его уху. Ее горячее дыхание обожгло кожу.

— Не слушай ее. Она просто мне завидует. Все местные боготворят мою красоту, а ей ничего не остается, как слушать хвалебные гимны в мою честь.

— Точно, — Лири резко поднялась из-за стола, но голос ее оставался тихим и спокойным. — Только гимнами это сложно назвать, больше похоже на военные марши, задающие темп ходьбы воинам. Да и кроме орков о тебе никто и не знает. А я с твоих слов просто сплю и вижу, как бы совратить доверчивого орка и затащить его в постель, подобно тебе.

Она презрительно фыркнула.

— Лири, у нас гость, а ты так себя ведешь. Где твой такт? Где воспитание?

— Хватит, Кали. Мне никогда не были приятны твои мелкие интрижки, а теперь и подавно мне не до них. Я хотела обсудить с тобой другой вопрос, но с появлением нашего незваного гостя, ты уже не можешь думать ни о чем другом. Ты мне противна. Придется мне опять все решать самой. Еще раз, добром прошу, убирайтесь из этого мира. Пока еще не слишком поздно, пока я еще смогу все исправить.

— Нет, уж, сестренка. Я никуда отсюда не уйду, — Калисто подошла ближе к собеседнице. — В этом жалком мирке, благодаря тебе, я получаю столько удовольствия, что тебе и не снилось. И я не собираюсь от этого отказываться.

— Ты сейчас говоришь о тех кровавых схватках среди орков, победителю которых ты предлагаешь себя? Неужели это удовольствие? Смотреть, как отважные воины убивают друг друга?

— О нет, Лири, удовольствие приходит потом и достается только победителю, — она откровенно провела рукой по своему бедру. — И, дорогуща, они не просто друг друга убивают, они ищут моего расположения...

— Ты хотела сказать, хотят тебя по... — она смущенно замолчала, опустив глаза. — Это не правильно, Калисто. Они не рабы, они не слуги и не игрушки. Они должны быть вольны в выборе, а ты хочешь сделать из них марионеток. Я не допущу этого. Я не позволю

поработать вольные народы. Они прекрасны в своей самобытности. Ты сделала уже слишком много плохого, мне придется все исправлять. Убирайся, Кали. И забирай своего нового знакомого, всего вам наилучшего, просто найдите себе другой мир или болтайте в бескрайности вечности, но не здесь!

— Ты глупая и самодовольная, Элирия. Ты не можешь мне указывать, я такая же, как и ты, я — всемогущий дух. И я буду делать, что захочу, — Калисто злобно сверкнула глазами и отвернулась от эльфийки. — Попробуй меня остановить, сестрица. Но я бы советовала бы тебе отвлечься от своих мыслей и заняться чем-то куда как более приятным, если хочешь, я пришлю тебе очередного победителя моих жестоких игр, поверь, они неутомимы, хотя и грубоваты.

— Ты, — Элирия хотела что-то сказать, но вместо этого глубоко вдохнула и, сокрушенно покачав головой, продолжила. — неисправима, Кали. Ты сошла с ума. Плотские забавы стали для тебя смыслом существования, но я не понимаю, ты же дух, ты должна быть выше этого. Ты ошибаешься, Кали, смысл не в этом. Ты все еще не понимаешь, ты все еще боишься сделать последний шаг и позволить себе просто стать одной из них, не быть выше их, но стать частью их общества, жить их проблемами, радоваться и грустить с ними. Ты пала, но пытаешься оставаться духом, это приведет тебя к беде. Улетай, Кали, иначе, однажды я не выдержу и нам придется сражаться. Я не хочу этого. Прости, Орлен, эта речь не была предназначена тому, кто не понимает ситуации, тебе лучше покинуть этот мир. Мне жаль, что ты все это услышал. Прощай.

Она встретила его взгляд. Ее глаза были печальны. Она опять поправила выбившуюся прядь волос и отвернулась. Уже через мгновение она обернулась прекрасным зеленым драконом с чудесными грустными зелено-голубыми глазами. Расправив крылья, она взмыла в голубую высь.

Кали улыбнулась, повернувшись к нему и подойдя к столу опять начала щебетать что-то. Но Орлен молчал. Сладкое мурлыканье Кали над его ухом не прекращалось, но он пытался вырваться из сладкого плена клубничного аромата. В спокойных словах Элирии он слышал разум, а речь Калисто была наполнена жестокостью.

Кален вздрогнул, освободившись от сетей видения. Он мотнул головой, рассеивая остатки морока. Что с ним случилось? Он с опаской решил, что видение — это лишь последствия отказа от обата. Он медленно сходит с ума. Он видел встречу трех драконов, но они не были божествами, они были в его видении такими... обычными. Обычное застолье, обычные разговоры. Вспоминая свою прошлую жизнь, он понимал, что такие беседы частенько вел его отец, решая какие-то проблемы. Они... Они были такими... живыми... Но боги не могут быть такими, боги непогрешимы, они не совершают ошибок, они всеведущи и благородны... Так ли это? Ведь красный дракон — изначальное зло. Могущественное и беспощадное. А Орлен? Это и есть белый дракон? Кален пытался вспомнить его облик, но не смог. Он смотрел на происходящее его глазами и потому не видел его со стороны. Зато он видел Элирию, его переживания о Мирре дают о себе знать, они были очень похожи, как две капли воды. Что это? Командор бесшумно ходил по лагерю. Он сходит с ума. Нужно быстрее добраться до Кары и Вейта, они смогут его контролировать. Его привела в ужас мысль, что в случае если он не успеет нагнать группу Кары, все его спутники будут в огромной опасности, ведь с его прошлым... Никто из них не сможет с ним справиться, он просто убьет их всех. Никаких больше одиноких ночевков, нужно выставлять посты, не против врагов, но чтобы контролировать его. Нужно выбрать кого-то из них, чтобы передать командование,

если все станет слишком плохо. Больше нельзя медлить. Нужно выдвигаться. Кален вышел в центр небольшого лагеря и скомандовал подъем. Медленно начали подниматься люди, освободившись от остатков сна. Нужно спешить. Опять спешить. В последнее время все происходит слишком быстро. Похоже он не смеет уже проститься ни с Астером, ни с Мирриэль. Он закрыл глаза, и начал молиться. Он должен хотя бы вывести этих людей. Сжав кулаки, он решил, что Мирриэль простит его, даже если он не сможет больше быть рядом с ней, а вот эти люди целиком зависят от него. Занятый своими мыслями он наблюдал, как быстро сворачивается лагерь.

— В путь, — спокойно произнес он.

По запутанным лабиринтам природных и искусственных пещер шла группа людей. Изможденные люди несли свою вину. Их непростой путь освещали лишь два чадающих факела. Они безропотно следовали за шедшим впереди человеком. Они молчали, словно тени в мире духов. Их вела надежда. За спиной они оставляли вину и воспоминания прошлого. Каждый шаг приближал их к будущему, и они не жаловались, ведь сейчас они были живы. Вел их высокий статный воин в белой одежде. Они шли за ним, зная, что он приведет их к свету.

Глава 4.

Принц Фредерик мерил шагами роскошный мраморный пол в замке своей сестры Королевы Миранды. В стране началась гражданская война. Но это ничего не изменило. Просто теперь жизни их поданных забирали не только демоны, но и междоусобицы. Люди гибли десятками, если не сотнями, а его сестра объявила очередной пир. Вся знать уже несколько дней только об этом и думала, подбирали наряды и искали спутников, никто не хотел ударить в грязь лицом, бал обещал быть грандиозным. Придворных дам мало волновало, что поля весной будут стоять не обработанные, крестьяне не смогут выходить на работу. Многие десятки земельных земель превратятся в запущенные пустыри. Люди уже сейчас бежали от демонов, покидая селенья не просто семьями, целыми деревнями. Все искали укрытия под защитой городских стен. Все большее количество людей опускалось на самое дно. Вчерашние земледельцы выпрашивали милостыню на площадях, молодые здоровые девушки становились падшими женщинами кто по собственной воле, кто по принуждению, юноши предпочитали бежать от непомерных налогов и постоянных призывов и становились в лучшем случае наемниками, а в худшем бандитами, которые охотились, как на дичь все на тех же перепуганных крестьян, отбирая последнее, лишая не только имущества, но и жизни. Это необходимо было остановить, и он решился еще раз поговорить с сестрой.

К нему вышла одна из фрейлин сестры. Молодая девушка в ярком фиолетовом платье, расшитом жемчугами.

— Принц, Фредерик, — фрейлина сделала книксен. — Королева готова вас принять, но сейчас у нее примерка платья. Вам придется подождать некоторое время.

— К демонам все! Неужели примерка платья важнее для моей венценосной сестры, чем судьба ее людей? Я не стану ждать пока она переговорит со всеми пока еще живыми швеями. Я требую немедленной аудиенции.

Фредерик слыл дамским угодником, но сейчас он не обратил ни малейшего внимания на миловидность девушки, его мысли были заняты другим. Он понимал, что дорога каждая минута. И бесцеремонно отодвинув девушку, преграждавшую ему путь он широко распахнул

створчатые двери в будуар сестры.

— Прости, Миранда, но у нас нет времени на церемонии, — сказал он с порога.

Королева стояла в одной нижней рубашке в окружении женщин, предлагающих ей на выбор ткани и фасоны платьев и украшений. Она все еще была привлекательной женщиной. Темные волосы завитыми кудрями обрамляли ее полноватое лицо, ниспадая на круглые плечи. Фредерик зло поджал губы, встретив ее негодующий взгляд.

— Я приказала тебе ждать, брат.

Он беспечно оперся на стену спиной и демонстративно стал изучать свои ногти.

— Так вызови стражу, сестра! Ах, я забыл, подле тебя не осталось стражи, способной хоть что-то мне противопоставить, кроме последних слухов и вычурных нарядов. Все твои стражники уже давно и превратились в заплывших жиром боровов, — он резко выпрямился. — Вон отсюда все! Я хочу поговорить с сестрой без лишних глаз, ушей и лиц.

Никто не двинулся. Женщины испуганно смотрели на королеву. Она закатила карие глаза и, осознавая, что брат прав и против него никто из ее стражников не пойдет, легким движением руки позволила прислужницам удалиться. Те поспешили исполнить приказ. Вздорный нрав принца был широко известен при дворе. Когда дверь затворилась в комнате остались трое. Фредерик внимательно смотрел на высокую блондинку, стоящую рядом с сестрой. Он зло сощурил глаза.

— Я сказал, что хочу поговорить с сестрой без свидетелей.

— Я не свидетель, принц, и вам не следует меня опасаться. Я предана вашей сестре всей своей душой. К тому же, принц, мне известно все, что вы хотите сообщить королеве. Если вы еще не забыли я личный предсказатель королевы. И я предупредила ее о вашем визите и предстоящем разговоре, так что вы можете не продолжать. Королева уже все обдумала и ее ответ — нет!

Фредерик с трудом подавил желание сдавить ее тонкую шею своими пальцами и послушать хрипы, когда она будет задыхаться.

— Брат, Милли права. Я все уже знаю. Ты опять будешь мне говорить о необходимости готовиться к войне, а не устраивать балы, но — она снисходительно улыбнулась. — Бал — прекрасный способ показать моим поданным, что все в порядке, все под контролем, королевство процветает. Так мы сможем поднять им настроение...

— Поднять настроение, — Фредерик едва не подавился этими словами. — Ты безумна, сестра. Люди уже этой осенью будут умирать от голода. Демонов все больше, они уже отходят от своих разломов на значительные расстояния, люди в ужасе, а ты опять готовишь бал! Люди гибнут...

— Если бы ты перестал подстрекать своих соратников к войне, жертв было бы куда как меньше, — жестоко сощутив глаза процедила королева. — Ты что же думаешь, что я совсем не понимаю кто приложил руку к этому восстанию? Даже без Милли, я все поняла. Тебе так не терпится одеть на себя голубую ленту правителя, что ты вверх наше мирное королевство в войну! И после этого будешь призывать меня к благоразумию? Одумайся, брат! Ты все еще жив, лишь потому, что я люблю тебя мой несносный младший брат. Отзови своих людей и все наладится. Я хотела прислать тебе приглашение на бал, но решила вручить лично, — она взяла на туалетном столике безупречно белый конверт и протянула ему. — Вот... Это приглашение на две персоны, можешь взять кого-нибудь из своих, — она презрительно поджала губы, — подруг.

Фредерик онемел. Он пришел говорить о серьезных вещах, а она опять все обратила в

фарс.

— А теперь, ступай.

— Миранда, — зло скомкав конверт проговорил принц. — Ты ослепла? Какой пир? Какие девицы? Где твои советники? Они что не говорят тебе ничего, у тебя что нет доносчиков? Люди на грани отчаянья! Еще немного и вспыхнет голод. Ты что же ничего не знаешь? Мир катится во тьму! Ты слышала о новом ордене? Они называют себя Хранителями. Ты знаешь о них? Они пытались сдержать демонов после провала на совете земель. Говорят, у них даже что-то получалось. Ты слышала последние вести?

Миранда нахмурилась, пытаясь вспомнить, что она слышала об этом, но немного подумав лишь слегка пожала плечами.

— Я слышала о них. Мне докладывали. Но при чем здесь это?

— Они уничтожены, Миранда. Лоринг, деревушка в горах, где они обосновались. Она была стерта с лица нашего мира! Их больше нет. Говорят, что там не обошлось без вмешательства высших сил. Уже от многих я слышал о том. Что там видели дракона. Дракона, Миранда! Самого настоящего дракона!

— Дракон? Мой дорогой брат, это всего лишь сказки. Ты совсем не в себе, если веришь таким рассказам.

— Если бы это было так, Миранда. Если бы. Но это правда. Там был дракон. И хранители — исчезли. Ты сможешь противостоять дракону, сестра?

— Я смогу, — уверенно произнесла Милли.

Фредерик лишь засмеялся.

— Вы обе ненормальные. Среди хранителей были Видящие и Ищущие. Неужели ты тешишь себя надеждой, что твои отвыкшие от боев войска, смогут быть лучше, чем представители двух самых воинственных орденов? Твою оборону сметут за несколько дней и даже хорошо укрепленные стены не смогут быть надежной защитой, от пламени дракона. Прекрати, сестра. Сейчас не время упорствовать. Мы должны обратиться к Астеру за помощью, мы должны объединить свои усилия, иначе нам не выстоять. Пойми же, женщина, сейчас военное время, скажись больной, назначь меня регентом, передай мне управление на время войны, а потом, когда все закончится, ты закатишь славный бал, наградишь меня почетной лентой.

— Нет, Фредерик. Этого не будет! Никакой войны не будет, мы сможем договориться.

— С кем ты собралась договариваться, Миранда? Кто твой враг? Ты знаешь? Может с драконом попробуешь договориться?

— Ну, драконом кто-то управляет, если вообще есть какой-то дракон, а с тем, кто управляет драконом, можно будет вести переговоры. Кем был он ни был, мы сможем найти общий язык. Так что прекращай эти глупости, братец, отзывай своих генералов, труби отступление, или как там это называется, ты не получишь от меня такого шанса, потому что я не верю твоим словам. Все вопросы можно решить путем дипломатии.

— Дура, — зло ругнулся Фредерик. — На совете земель собирались лучшие дипломаты, и что с ними стало? Кто-то выслушал их доводы?

— Совет земель — это трагическая случайность. Не более того, — она отвернулась от брата и стала рассматривать свое отражение в зеркале.

— Неужели ты и вправду так наивна? Миранда, — закричал он, привлекая ее внимание. — Это не было случайностью! Это было запланировано кем-то и наши дипломаты, словно послушные овцы отправились на заклание.

— Быть может виновна та, что предложила эту встречу, как там ее... Правая рука Святой матроны, молоденькая никому не известная девица, появившаяся из ниоткуда и ставшая любимицей? Кармэн, Фарел...

— Ее имя Энель. Нет она не может быть в этом замешана, она одна из глав Хранителей, наряду с Каленом и Карой...

— Кален, — королева игриво закусила губу. — Я помню этого юношу, ты водил с ним дружбу когда-то. Тогда он был еще совсем юн, но очень мил. А пригласи-ка его на мой бал, как друга, ну или можешь сказать, что мое величество готово выслушать предложения Хранителей.

Она глянула в зеркало, но быстро отвернулась.

— Миранда, ты что не слышишь меня? Твердыня Хранителей уничтожена! Никто не выжил. Нет никаких поводов считать, что кто-то из них смог выбраться живым, во всяком случае точно не основатели, всех троих я знаю, эти бы не оставили своих людей погибать и никогда бы не стали спасаться бегством. А вместо процветающего горного селенья — только снег. Там прошла лавина и смела все на своем пути на многие-многие мили вокруг не осталось ни одной живой души.

— Жаль, я бы с удовольствием переговорила с Каленом с глазу на глаз! — она мило улыбнулась.

— Ты просто похотливая баба, сестра. Я тебе о другом речь веду. Если начнется война, воины должны знать, что отдавать им приказы будет не сбрендившая женщина пышных форм в шикарном наряде, а опытный военачальник.

— Фредерик ты и так наш главнокомандующий, зачем тебе регенство?

— Потому, что люди уже устали, Миранда от твоих балов и налогов. Они хотят перемен. Им нужна надежда, так дай им ее. Дай им меня. Уже совсем скоро, Миранда, ты поймешь, что твое королевство в огне, если не в агонии, но сделать будет уже ничего нельзя. Сейчас самое время сделать верный шаг, сестра. Идет война. А руководить войсками — совсем не то же самое, что организовывать балы. Там люди умирают и проливают кровь, защищая таких как ты и твоя подружка, — Фредерик презрительно кивнул в сторону Милли. — Они умирают в то время как ты ждешь пятой перемены блюда или мило болтаешь с очередной дальней родственницей.

— Замолчи, Фредерик. Я довольно тебя слушала. Убирайся. Радуйся, что я люблю тебя, это спасет тебя от плахи, пока что, Фредерик, пока что, — Миранда удалилась за ширму, давая ему понять, что аудиенция окончена.

Фредерик кипел от злости и выйдя за порог со злостью впечатал кулак в первую же стену, давая гневу выход. Он ругал сестру последними словами. Их бунт потерпел поражение, он это понимал. Нет, воины остались ему верны, но знать их не поддержала, впрочем, как и простые люди. Переворот медленно изживал сам себя. На словах все соглашались с ним, но, когда дело доходило до решительных действий, все отступали, пасовали и уверяли, что их и так все устраивает. Захватить власть таким образом не получилось. Нужен другой план. Он зло шагал по мраморному полу и уже подходил к выходу в сад, когда его перехватила женщина. Она ждала его у самого выхода, опираясь на одну из массивных колонн.

— Принц, — она слегка склонила голову. — Мое имя Касандра.

Принц оценивающе осмотрел незнакомку и вспомнил, что многократно ее видел на балах. Она была приближенной подругой его венценосной сестры, несмотря на свою

слабость к красивым женщинам, сейчас Фредерик хотел ее просто задушить, чтобы отомстить своей сестре.

— Позвольте, принц, сказать вам несколько слов. Возможно, мне удастся развеять ту бурю, что бушует в вашей душе, — она улыбнулась ему и с легким кивком приняла предложенную им руку.

Некоторое время они просто прогуливались по зимнему саду. Когда же они отошли на достаточное расстояние, Кассандра освободила свою руку и начала говорить.

— Принц, не спешите искать убийц из ордена воронов. Возможно, у нас есть еще один шанс.

— Как ты узнала, что я думал, про воронов?

Она улыбнулась.

— Я неплохо читаю по лицам, принц. Так вот. Ни вы, ни я, не смогли убедить королеву, что грядет война и нам нужны союзники и обученные войска. Но мне кажется я знаю человека, который сможет быть достаточно убедительным.

Фредерик посмотрел в красивые глаза собеседницы.

— И кто же этот человек?

— Та, что возглавляет орден Хранителей.

— Энель?

— Нет, принц. Юная эльфийка, которая уцелела на совете земель. Именно она рано или поздно будет избрана главой ордена, трое основателей будут лишь ее советниками.

— Я думал о Хранителях, но разве не дошли до вас последние вести? Лоринг погребен под огромной грудой снега. Там не мог никто выжить, даже эльфы не на столько прытки, чтобы опередить бурю. Хранителей больше нет.

— Вы делаете слишком поспешные выводы, принц. Хранителей не было в Лоринге, когда сошла лавина, — прошептала она и заговорщицки прижала палец к губам, давая ему понять, что открыла ему огромную тайну. — Сколько прошло времени со схода лавины?

— Около двадцати дней.

— Верно, и сегодня утром ко мне прилетела птица с очередными указаниями от Жасмины, их дипломата. Сколько времени займет у крепкого ворона перелет от нас до Лоринга и обратно, Дня три-четыре. Значит письмо было написано уже гораздо позже. Они живы, принц. Все они живы. Там остались только двое, которые и привели в действие разрывные снаряды, вызвавшие лавину.

— Зачем им это было нужно? Зачем разрушать целую деревню? И как Кален все это одобрил? Он бы никогда...

— У них не было выбора. Враг значительно их превосходил числом, они вывели оттуда всех беженцев и поселенцев. Там остались лишь двое, скорее всего они отдали свои жизни во имя всеобщего блага.

— Кален? Он бы никогда не отправил никого на верную смерть. Значит он сам?

— Нет-нет, — поспешила его уверить собеседница. — Жасмина, пишет, что Кален возглавил последнюю группу. Они все уже встретились, Кален нагнал их на стоянке у выхода, вместе они пережидали бурю. Они держат путь в старую эльфийскую твердыню. Так что ваши переживания, принц, напрасны. Все что нам нужно, Фредерик, дать возможность Мирриэль поговорить с вашей сестрой.

— Вы так в ней уверены, Кассандра. Я сомневаюсь, что найдется человек способный открыть глаза моей сестре.

— О, принц, вы не встречали эту девушку. Поверьте, она найдет нужные слова. Я встретила ее всего один раз, она появилась на моем приеме по рекомендации одной из самых верных слуг церкви, матери Жаклин. Я была готова увидеть что угодно, ибо матушка описывала ее такими эпитетами, что даже мое, очерстневшее в политических интригах, сердце дрогнуло. Но когда я ее увидела, мне пришлось спасти одного из моих гостей, который не смог по своей глупости рассмотреть в ней силу. Не простую силу, принц. Она не магичка, совсем нет, но то что она с ним делала, и как она при этом выглядела, поверьте, мой принц, таких людей нужно держать в союзниках, ибо если они станут вашими врагами, вам не знать больше покоя и радости победы. Такие не проигрывают, они просто не умеют проигрывать.

— Похоже вы описываете одного мне знакомого человека, который тоже не умеет проигрывать.

— Вы, принц, про своего друга командора Видящих? Кален. О, да. Все, кто стоит у истоков хранителей очень, как бы это сказать, необычные личности. Но Мирриэль, это то, что их объединяет и направляет, это сама суть их ордена, сама суть. Она, истинное дитя Равновесия.

— Эльфийка?

— О, да, принц. Эльфийка, древнюю кровь которой, можно почувствовать лишь взглянув в ее глаза.

Принц задумался. Они стояли в чудесном саду, окруженные прекрасными цветами и деревьями, а рядом наполняя воздух свежестью и нежными трелями, переливался чистейший ручей. Он думал. Его план с восстанием провалился, обратиться к воронам он успеет всегда, а вот попробовать решить дело миром, другого шанса не будет.

— Что же Кассандра, вы меня убедили. Хранители получают от меня известие.

— Нет, милорд, не от вас. Они не принимают приглашений от... в последнее время ни от кого не принимают, и тем более, никто из них не рискнет безопасностью Мирриэль опять. Слишком дорого они заплатили за ее безрассудное желание все брать на себя. Я отправлю им известие. Если они решат, что это возможно, накануне бала в ваш дом постучатся. Вам просто нужно быть готовым к последствиям. Хранители уже сейчас считают себя единственной силой способной противостоять происходящему, и, если вы примите их помощь, я не знаю цены. Наименьшее, что от вас потребуют — полная лояльность ордену.

— Если они идут верным путем, это не будет повинностью, я с радостью приму их предложение. Для меня будет честью стать одним из них.

Кассандра опустила ресницы и кивнула. Потом она присела в реверансе и ушла.

Фредерик еще некоторое время прогуливался по саду, пытаясь представить себе эльфийку, которая смогла повергнуть в такой трепет одну из самых влиятельных закулисных фигур политической игры. Он многое знал о Кассандре, но никогда прежде с ней не встречался лично. Как и любой серый кардинал, она предпочитала оставаться в тени игроков, которыми управляла. А управляла она многими. Очень опасная женщина. Очень опасный враг и чрезвычайно ценный союзник. Что же эта затея с восстанием принесла такие неожиданные плоды. Дитя Равновесия. Внезапно у него возникло ощущение, что он тоже всего лишь марионетка, которая выполняет чью-то волю, предпринимая именно те шаги, которые нужны этому неизвестному. Он почувствовал себя пешкой в большой игре, и он даже не знает на чьей стороне он играет, кому он служит. Быть может встреча с эльфийкой

прояснит и это, раз уж она такая необычная. Мерзкое ощущение предрешенности быстро прошло. Он быстрым шагом устремился к выходу из сада. Бал назначен на конец зимы, еще три месяца. Придется набраться терпения и подождать.

Глава 5.

Открывание и закрывание глаз совсем не помогало. Я как была посреди ничего так и оставалась там. Куда бы я не шла, сколько бы времени не занял мой путь, я не двигалась с места. Вокруг меня лишь темнота и пустота. Бесконечность и безысходность. Я могу кричать, срывая легкие, но не слышу ни звука. Что бы я не делала, ничего не меняется. И вот уже какое-то неопределенное время я просто сижу, закрывая и открывая глаза. Меня не мучает жажда, я не чувствую голода, я не хочу спать. И даже в голове уже осталось совсем мало мыслей. Я не знаю, что мне делать. Вот и не делаю ничего. Просто сижу. Здесь нет энергий, я ничего не чувствую. Я не помню в какой момент ко мне пришла мысль, что раз я нахожусь вне времени и пространства, быть может я смогу поговорить с кем-то, кто так же, как и я здесь заключен. Кто это может быть? Я! Все мои прошлые воплощения. Теперь, здесь и сейчас они должны быть так же реальны, как и Мирриэль и вся ее жизнь. И я начинаю освобождать свои мысли, свои прошлые жизни. Сколько боли и горя я нашла в них. Их было так много, но хороших концовок не было ни разу. Я или проживала свою скучную одинокую жизнь отшельницей, или встречала воплощения Орлена и один из нас умирал, или же я умирала в бою, иногда я могла краем глаза на краю гибели видеть рядом его, но мы с ним так и не встретились, так и не соединились. Я все больше углубляюсь в свое сознание. Легкая улыбка играет на моих губах. Я должна добраться до самых первых воспоминаний, до Элирии. Она была всемогущим духом, кому как не ей знать способ выбраться из бесконечности. Для этого мне приходится переживать все свои прошлые воплощения. Я словно отматываю вечную память своей бессмертной души все дальше и дальше. И вот я снова на обрыве с Калисто. Стоп.

— Элирия! — обращаюсь я сама к себе.

— Мирриэль, — улыбается мне в ответ мое отражение.

— Мы должны выбраться отсюда, но я не знаю как. Как ты это сделала? Как ты стала смертной?

— Меня убили, Мирриэль, — разводит она руками. — Так я стала смертной.

— Но кто сможет убить меня здесь?

— Никто. Здесь никого нет. Ты не можешь умереть в бесконечности. Всемогущий остановил для тебя цепь перевоплощений, твой дух не попал в вечное колесо жизни, ты не можешь возродиться, даже если бы и смогла, Мирриэль, тебе пришлось бы начать с начала. Ты должна была бы родиться и вырасти вновь. Это слишком долго. У этого мира нет столько времени, осталось совсем немного. Я попыталась защитить этот мир от разрушения, создав источник. Он хранил мир, пока я в нем перерождалась. Потом его наполнил своей бессмертной энергией и Орлен, поэтому мир столько выдержал, иначе, присутствие трех бессмертных духов, уже давно бы разрушило его.

— Что такое источник? О нем меня спрашивали в пыточных камерах, но я не понимала.

— Конечно же ты не понимала. Это не твои воспоминания, а мои. Источник — это и есть мое бессмертие. Моя сила всемогущего духа. Моя и Орлена и эльфов. Источник — это бессмертие.

— Но что это такое? Как мне найти его? Как вернуть эльфам бессмертие? Как вернуть себе и Калену нашу силу? Ведь мы должны это сделать, чтобы победить Калисто, чтобы восстановить равновесие.

— Вернуть? Мирра, ты не понимаешь, если ты вернешь свое, то есть мое могущество, мир прекратит существование в тот же момент, то же случится, если свое могущество вернет Орлен. Я создала источник, как гарант того, что мир продолжит свое существование. Калисто не хочет уничтожать источник, она хочет им воспользоваться. Она хочет завладеть нашим могуществом, хочет его освободить, чтобы мир был уничтожен.

— Но что это будет? Что значит мир будет уничтожен?

— Значит, что он прекратит свое существование, — она облизала пересохшие губы. — Представь себе мир, в котором нет цели, нет надежды. Мир, лишенный души. Этот мир будет спать вечным сном, серым и безрадостным сном. В этом мире не будет смены времен года, не будет героев они или умрут, или просто сопьются, они будут не нужны. Не будет путников, им некуда будет идти, никто не будет их ждать. Не будет менестрелей им нечего будет воспевать. Мечи покроются ржавчиной, дороги утонут в бурьяне. Тот мир утонет в глухой тоске. И только еще какое-то время старые ведьмы и маги будут помнить о другом времени, будут звать. Они будут звать тебя, ведь ты была их последней надеждой. Они будут выводить руны вином и кровью, и каждая их мольба будет отзываться в твоей, то есть в моей, душе бесконечной болью. Они будут надеяться, что ты вернешься и все изменится. Они будут верить, что с твоим возвращением в их мир ворвется весна, вновь зазвучали песни. Ведь перед гибелью мир верил только тебе, а ты ушла. И даже если ты сможешь вернуться, будет уже поздно, ты не сможешь ничего изменить, ты опоздаешь. И это будет только начало. Мир будет умирать долго и мучительно. Но пройдет время и серый мир, окончательно погрузится во мрак, а потом исчезнет. Миры существуют лишь благодаря тем, кто их населяет. А если живые существа не будут видеть смысла в своем дальнейшем существовании, то и мир умирает. Тебе нужно вернуться и сберечь мир. Не дать ему погибнуть. Ты должна найти источник и уберечь его, не прибегая к скрывающейся в нем силе. Этот источник — единственное, что может спасти их всех.

— Не воспользоваться его силой? Но как я смогу остановить Калисто?

— Для этого не надо много. Однажды, она убила меня, раскрыв секрет. Если ты убьешь ее в смертном облике, она умрет. Она неуязвима лишь в облике дракона. А если она умрет, источник будет в безопасности. Мир будет спасен.

— А эльфы? Их бессмертие?

Она грустно взглянула мне в глаза.

— Древние эльфы знали ради чего они жертвуют своим бессмертием. Бессмертие эльфов — это мой первый дар этому миру. Я вложила в них свою силу, они стали первым источником. Они вернули источнику, то, что когда-то получили в дар. Они знали, что именно этой малости может не хватить потом, и их мир рухнет. Они добровольно присоединились к Орлену, вернув мой дар. Ты и Кален вы не сможете вернуть им бессмертие, если не уничтожите источник, они останутся смертными, но если будет уничтожен источник — эльфы вернут бессмертие и представь во что превратится их бессмертное существование в том сером мире, кем они станут? Будут ли они рады своему бессмертию, когда будут смотреть на гибель мира и умирать вместе с ним, ведь даже их бессмертие не даст им возможности спастись? Выбор за тобой. Но ты должна знать еще кое-что. Когда все будет окончено, когда вы одержите победу, когда миру ничего не будет

угрожать, вам в нем не будет места ни тебе, ни Калену, ни Калисто. Мой дух будет свободен от череды смертных перерождений, мой и Орлена и нас ожидает суд. Суд Всемогущего. Я не знаю, что будет дальше, но, когда вы спасете мир, — она не закончила лишь печально посмотрела мне в глаза.

— Не бывает счастливых концов. Герои не живут долго. Меня предупреждали об этом.

— Элрина, — мое отражение улыбнулось. — Очень сильная девушка. Она не была моим воплощением, так же как Астер — не воплощение Орлена. Их ждала долгая и счастливая жизнь. Но Элрина, как эльфийка, очень тяжело перенесла войну. Ее жизненная сила истощилась, даже если бы она не была ранена отравленной стрелой, она бы погибла от тоски и боли. Но это не было их судьбой. Если бы все можно было исправить...

— А Инариэль? Что ждет его? Барри? Энель? Кара? Гранд?

— Ты хочешь узнать, что будет с ними после победы?

— Да.

— Тебе нужна цель. Ты должна знать ради чего ты умрешь. Ты уверена?

— Да. Я должна знать, чтобы не сдаваться, чтобы искать выход.

— Хорошо. Барри. ПроЙдоха-гном найдет суженую себе под стать. Они будут жить долго и счастливо, наплодят кучу гномиков. Он будет очень зажиточным гномом, его дом всегда будет рад гостям, все найдут там пищу, кров, чудесную настойку, рецепт которой будет передаваться из поколения в поколение и станет достоянием их рода. Инариэль, тоже найдет свое счастье. Когда будет восстановлено Равновесие, в мире больше не будет магии, ведь магия — это тоже наш дар. Он станет хорошим правителем, рядом с ним будет любимая и любящая женщина. Он с грустью будет вспоминать былые времена, но со светлой грустью. Кара, о, с этой женщиной все сложно. Она полюбит, оставит воинское дело и будет странствовать со своим избранником. Они тоже будут счастливы. Дарк, хоть ты и позабыла о нем сейчас, тоже обретет свое счастье. Ну, а что касается Гранда, то его судьбу ты уже видела. Это все так и случится, — она замолчала.

— А Энель? Неужели она?

— Энель, а ты не догадалась еще? — она хитро улыбнулась. — По-моему все было куда как ясно.

— У колодца в видении про Гранда, я видела рыжеволосую женщину, — озарила меня догадка.

— Именно. Эти двое созданы друг для друга. Громила альбинос и строптивая Энель. От себя я скажу кое-что еще о чем ты побоялась спросить. Они никогда не забудут вас, и до глубокой старости в день вашей смерти на вашей могиле будут встречаться старые друзья, сначала с женами, потом и с детьми, а потом и с внуками и правнуками. Все будут вспоминать вас и устилать вашу могилу цветами под тихие звуки нежной музыки, вы останетесь для них всех образцом любви и примером храбрости и доброты. Они будут вас помнить. И их дети. И еще многие поколения влюбленных будут приносить клятвы верности на вашей могиле.

— А мы?

— Вы? Сейчас у вас нет будущего, как я уже сказала. Я и Орлен, предстанем пред судом Всемогущего. А ваши души вернутся в колесо жизни, к вечному перерождению. Возможно, когда-нибудь вы будете стоять, держась за руки, и приносить клятву верности на своей же могиле, но не сможете этого вспомнить. Круговорот жизни непредсказуем так же, как и вечен. Вы наши воплощение лишь потому, что мы не можем оставить этот мир без защиты.

Мы вынуждены выбирать тех, кто способен нам помочь и наделять их своей памятью. Вы простые смертные, просто именно ты подходила на роль моего воплощения, а Кален подошел для воплощения Орлена. Когда все будет закончено, магия исчезнет и мир будет жить своей жизнью, так же как и все его обитатели, все будут свободны от нашего неразумного вмешательства, все будет исправлено, мы останемся лишь богами, сказками, преданьями.

— То есть если бы не ваше вмешательство, мы бы никогда не встретились и не полюбили друг друга?

— Почему же? Ты знаешь, что у каждого рожденного уже есть тот, кто ему предназначен? Тысячи перевоплощений не могут этого изменить. Вы были предначертаны друг другу, так уж совпало, — она улыбнулась.

— А красный обат? Отравленные им люди?

— Когда магия покинет ваш мир, все магические воздействия станут невозможны. Все вернется к своему нормальному состоянию. Не будет красного обата, не будет отравления. Правда, и Видящих тоже не станет, так же, как и магов. Все следы магии и ее воздействия будут стерты. Все Видящие станут просто умелыми воинами.

— А демоны и разломы?

— Этого тоже не будет. Ничего этого не останется. Все это лишь последствия. За них несем ответственность только мы — всемогущие духи, вас это никак не коснется. А нам еще предстоит за это нести наказание.

— У меня щекотливый вопрос. Тот старик, говорил, что измена Орлена была неизбежна, значит и Кален тоже несет эту неизбежность в себе, он же является воплощением Орлена?

— Смертные, вы слишком многое додумываете, не зная истины. Так было с драконами, с Создателем, которым на самом деле был Орлен, так во всем. Вы не знаете истины и придумываете что-то, чтобы заполнить пустоту, чтобы изжить вопросы, — она с горечью покачала головой, но потом улыбнулась. — Ты, Мирриэль, это я. Неужели ты думаешь, что я бы смогла простить истинную измену, неужели ты думаешь, Орлен бы допустил нечто подобное? Не было измены. Никакой измены не было. Была ошибка в расчетах. Мы просчитались, вот и все что было. Решив, обмануть Калисто, мы сами попали в ловушку, и выхода уже не оставалось, только моя смерть. Или ты думала, что я не подозревала о намерениях Калисто? Тут она сыграла свою роль как по нотам. Это был наш план. Мой и Орлена. Мы хотели усыпить бдительность Калисто, встретиться для разговора и усыпить ее. Когда бы она уснула, мы просто вернули ее в бесконечность, передали в руки Всемогущего. Мы планировали покинуть ваш мир уже тогда. Мы должны были просто утащить ее силой. Но вышло иначе. Орлен опоздал лишь немного, ей этого хватило, чтобы захватить меня в плен. Я была слишком доверчива. Он не знал, что я в плену. Когда он вошел в обеденную залу, он увидел меня. Она изменила свой облик. Стала мной. Когда это вскрылось, Орлен был в ярости, но он опять опоздал. Она уже осуществила наш запасной план, убила меня. Измены не было. Она обманула его. Это не ваша судьба. Вам это не грозит. Тебе не стоит тревожиться.

Я облегченно вздохнула. Все встало на свои места. Опьяненная своей страстью Калисто, решила на отчаянный шаг, заполучить желаемого мужчину, даже зная, что для него ее не существует. Она получила свое, но чего это стоило всему миру. Всепоглощающая похоть одной безумной женщины едва не привела к разрушению целого мира. Да уж, не такими

себе представляют богов наши жрецы. Я отбросила лишние мысли и задала главный вопрос.

— Итак, остается лишь один вопрос. Чтобы все это так и случилось, мне нужно вернуться. Вырваться отсюда.

— Да, Мирриэль. Тебе еще предстоит долгий путь. Тебе еще нужно принять много важных решений. А для этого ты должна найти выход из бесконечности. Но я не знаю, как тебе помочь. Единственное, что я могу тебе посоветовать — ищи путь в себе. Ведь каждое живое существо — это и есть бесконечность. Ты нашла здесь меня, быть может так же ты сможешь найти и выход отсюда. Прощай, Мирриэль. Теперь я рассказала тебе все.

— Постой, а источник? Что это? Что я должна сберечь?

— Ответ на этот вопрос ты тоже уже знаешь, Мирра. Источник — это не что-то, и не кто-то. Источник — это место. И ты его уже нашла. Теперь ты должна его лишь сохранить.

— Держащий небеса...

Моя собеседница опять улыбнулась.

— Я не ошиблась в тебе, девочка. Именно, эта твердыня — оплот волшебства всего вашего мира. Пока не будет уничтожена Калисто, источник даст вам приют и надежную защиту, но, когда время подойдет к решающей битве и вы одержите победу, источник будет больше не нужен. Он впитает в себя всю магию из вашего мира, все наши дары, все зло, что мы причинили вам и исчезнет, так что потрудись сделать так, чтобы там не осталось поселенцев. Исчезнет магия и Держащий небеса, станет простым древним фортом, продуваемым всеми ветрами, одиноко стоящим на вершине седой горы. Это займет какое-то время, может месяц, может год, для нас, бессмертных духов — время не имеет значения. Я могу тебе сказать, что ты и Кален будете живы, пока не исчезнет магия. Вы успеете насладиться обычной жизнью. Хоть и недолго. Теперь ты уже точно знаешь все. Даже больше, чем тебе следовало бы, — она опять мне улыбнулась. — Прощай, последнее дитя Равновесия.

Я открыла глаза в пустоте. Теперь не было вопросов. Прodelки всемогущих богов поставили наш мир на грань уничтожения и нам, простым смертным придется за них отдуваться. Решать неразрешимые проблемы и жертвовать своими жизнями, чтобы все исправить. Карлин порту дан. Все должно быть исправлено. С больной головы на здоровую. Но выхода нет, мы простые смертные должны уничтожить всемогущего красного дракона, чтобы сохранить наш мир. Все просто. Хоть плачь. Но сейчас не до самосожаления. Нужно найти выход. Нужно искать выход в себе. Я опять закрываю глаза. Я представляю себе, что случится если я не успею. Представляю тот, другой мир. Мне становится не по себе. Но я должна это предотвратить. Нужно отбросить все сомнения. Нужно избавиться от страха, я должна идти вперед, только вперед, к моей цели. Я должна стать бойцом, стать воином света. Я должна спасти всех тех, кто мне дорог, должна подарить им будущее, теперь все это в моих руках. Теперь я знаю, какая мне дана сила и даже знаю зачем она мне дана. Я должна искать путь в себе. Я должна стать собой. Снова вспомнить себя. Хватит прятаться за масками воспоминаний, я Мирриэль. Я вольный эльф. И я должна найти выход. Я встаю, но глаза не открываю. Я — Мирриэль. Отец учил меня ориентироваться в лесу. Я — хороший следопыт. Я находила звериные тропы, неужели я сдамся здесь? Нет. Нужно найти выход из бесконечности, нужно вернуться к жизни. Значит я должна найти то, что заставляет меня жить. Ради чего я дышу? Ради победы. Нет, это не так. Победа — лишь цель, одна из многих. Кален. Да, ради него я дышу все то время, что знаю его. И пока я не знала его, я знала, что живу ради встречи с ним. Теперь я все понимаю. Я была ему предназначена судьбой. Он

жив. Значит он в том мире, куда я должна вернуться. Когда-то Раирнаил стал моим проводником в мире духов, теперь моим проводником из пустоты станет тот, кто заполнил пустоту в моей душе. Мой командор. Я открыла глаза. Конечно ничего не изменилось. Я все так же была в пустоте. Но знала, что нужно идти и пошла. Я долго шла в никуда. Пока впереди я не увидела неясный силуэт. В крошечной тьме пустоты я четко различила белый доспех Видящего. Он стоял, преклонив колени, сложив руки на навершие меча. Он молился. Он молился обо мне, молился за меня. Я не слышала слов, но знала, что это так. Я бегом бросилась к нему. Он удалялся с той же скоростью, с которой я приближалась к нему. Но в этом месте нет усталости, мне все равно сколько времени я буду бежать на пределе сил, главное, чтобы он не переставал молиться. Это гонка продолжалась бесконечно долго, и вот силуэт перестал удаляться. Я все еще бежала изо всех сил. Я уже начала различать слова. «Создатель, ты даришь свой свет всем страждущим, твоим теплом согреты наши души. Не покинь же ее, где бы не была она, пусть твой свет ведет ее.» Не его свет, Кален, свет твоей любви, но ты продолжай, любимый, еще немного. Я бегу и бегу к нему на встречу. Вот уже остается всего несколько десятков шагов.

— Кален, — забыв обо всем кричу я.

Он вздрогнул и открыл глаза.

— Мирриэль?!

— Дай мне руку, Кален. Помоги мне!

Он улыбается и протягивает мне руку. Я налетаю на него даже не сбавляя скорости и хватаюсь за протянутую руку.

Резко открываю глаза и сажусь.

— Очнулась? Ну и напугала же ты нас, девонька. Я уж и не знал, что делать. Три недели орк над тобой колдовал, ничего не помогало. Совсем тебе плохо, милая, ты на себя лучше не смотри. Надо ж было тебе додуматься до того, что ты сделала. Уж и не знаю что ты сделала, но это очень плохо на тебе отразилось.

— На меня не действует магия, Гранд, — облегченно вздыхаю я. — Три недели? А что со мной не так?

— Да ты не переживай, кто тебя знает, и внимания не обратят, а кто не знает, а только слышал, тем лучше. Я с тобой еще поквитаюсь, дрянная девчонка, за такого спутника, — ворчит Гранд протягивая мне плоску с водой. — Это ж надо. Орк в попутчиках!

— Я между прочим не сплю, — проворчал орк.

Я смотрю в бесцветные глаза Гранда и мне хочется смеяться. Я смогу дать ему будущее. Он будет счастлив с Энель, так же, как и все остальные. А мы... Мы будем счастливы, потом... в следующей жизни.

Трясущимися руками подношу воду к губам. Отпиваю и замечаю перемены в своей внешности. Все старания Инариэля канули в небытие. На моих руках красными рубцами виднеются все раны, которые он старательно залечивал. Каждый порез, каждый разрыв, каждая ссадина. Руки посинели и одрябли. Это не мои руки. Это руки древней старухи. Кожа почти прозрачная, сквозь нее видны все жилы, кажется, если присмотреться можно увидеть, как бежит по ним кровь. Да уж, использовать собственную энергию, в мире тьмы, было не лучшей идеей. Расплатой за это будет уродство. Теперь шрамы не исчезнут никогда, сколько бы не прошло времени, они будут затягиваться, но красные рубцы вечно будут покрывать все мое тело. Рубцы оставленные прошлым, и те, что мне еще предстоит получить. Придется скрывать лицо под капюшоном. Всегда. Никогда мне не одеть никакого платья, никогда

больше никто не назовет меня даже милой, как бывало прежде. За все нужно платить. Это цена наших жизней. Боль и отчаянье заполняют душу, мне предстоит научиться с этим жить. Но пока что, нужно держаться в тени и скрываться под капюшоном.

Над головой висит тяжелое осеннее небо. Звезд почти не видно, их закрывают тучи. По наспех устроенной крыше уже падают редкие капли дождя. Ночной воздух уже дышит прохладой, даже здесь, совсем рядом с владениями короля Лето. Нужно все исправить. И кое-что я смогу сделать уже совсем скоро. Я улыбаюсь Гранду, выслушивая его гневную перепалку с орком. Они собачатся, но без злобы. Просто соблюдают древний обычай, не более того. Как же хорошо снова быть здесь, снова иметь возможность все исправить. Перекусив под бесконечную ругань спутников, я ложусь у огня и завернувшись в теплый плащ, предусмотрительно захваченный Грандом при отступлении, забываюсь сладким, вполне обычным сном.

Глава 6.

Несколько дней пути по темным туннелям, мрачным и хранящим тысячелетнее злование. Люди были напряжены и молчаливы. Кален уверенно шагал вперед. Его терзали сомнения, но он был склонен довериться своим видениям. Они перевязывали ее раны, а не сооружали погребальный костер, значит она жива. Ей просто нужно время, чтобы восстановиться. Она вернется, как и обещала. До выхода из пещер оставался один дневной переход, когда Кален скомандовал боевую готовность, впереди были люди. Погасив факелы, они двинулись вперед, соблюдая осторожность. Несколько сотен шагов и они увидели костры.

— Командор Кален. Мы ждем вас, — тихо проговорил голос впереди.

Все расслабились. Это были свои. Уже через несколько часов они встретились с Карой и Энель. Их задержала снежная буря, здраво рассудив, что лучше переждать это бедствие в пещерах, оба отряда организовали большую стоянку.

Увидев Калена обе женщины поспешили ему на встречу.

— Я очень рада тебя видеть, вояка, — улыбаясь, обняла его Кара.

Энель не проявила никаких эмоций, но Кален смог различить рябь недовольства, в ее энергетике. Он так и видел энергии людей, его сила все возрастала, все сложнее ему было оставаться просто человеком.

— В чем дело, Стрелочка? Что тревожит тебя? Я здесь, кого еще ты ждала увидеть в моем отряде?

— Мирриэль, — смущенно проговорила она.

— Не лги мне. Теперь это совсем неуместно, если раньше я просто чувствовал ложь, теперь я ее вижу, очень четко. Столько всего случилось со мной, о чем я не успел вам рассказать.

— Ну, — развела руками Кара. — за пределами этих уютных по большому счету пещер, бушуют яростная снежная буря, мы тут застряли на несколько дней так точно.

— Сколько это уже продолжается? — напрягся Кален, уже предвидя ответ.

— Мы немного задержались в пути, — начала вспоминать Кара. — Скорее всего буря началась в тот момент, когда ты со своими людьми вышел из Лоринга.

Он кивнул.

— Я так и знал. Гномьи снаряды вызвали такую реакцию. Горы взбушевались.

— Гномьи снаряды? Вы что там натворили? — удивленно спросила Кара.

— Это была идея Мирры, она хотела преградить им путь, но потом мы решили, обрушить стихию на наступающих, чтобы они уже не смогли никуда уйти из-под Лоринга, чтобы они навсегда остались там, — Кален устало опустил у костра, в этот миг он понял на сколько он измотан.

Словно прочитав его мысли, Энель подала ему флягу с вином. Он с улыбкой принял этот знак понимания.

— Кален, кто остался там? Я не вижу Мирриэль и твоего странного друга? Кто еще?

Он тяжело вздохнул.

— Только они. Вдвоем. Гранд вызвался ей помочь.

— И ты, безумец, позволил им остаться? Зная, что это верная смерть? И что нам делать теперь? — Кара была рассержена, она не понимала, как можно было оставить там именно Мирриэль.

Кален лишь устало дотронулся до своего лба.

— Не волнуйся, Ищущая. Они живы. Я видел... О, как же это объяснить? Я не знаю Кара, посмотри на меня, — он взял ее руку в свою и взглянул ей в глаза. — Используй свою силу и скажи мне, ищущая, мой час пришел? Мне пора уходить?

Кара в ужасе вырвала свою руку.

— Ты рехнулся с горя?

— Посмотри на меня, Кара! — твердо произнес он. — Ибо если мое время еще не пришло, значит я вижу то, чего видеть не могу. Если это не мои иллюзии, значит это правда, хотя бы частично.

Энель не вмешивалась, лишь приподняв удивленно брови смотрела на внезапную перепалку друзей. Кара не стала больше противиться и пристально посмотрела в яркие голубые глаза друга. Она несколько минут внимательно его изучала и в итоге спокойно проговорила.

— Ты в полном порядке, я даже поверить в это не могу. Но в тебе меньше скверны. Чем было, когда ты употреблял обат.

— Значит, просто поверьте мне. Они живы. Оба. Я не знаю, как им удалось, не знаю, где они. Но я знаю, что они живы. Я видел это. У меня видения. Все чаще. Иногда, это видения непонятного прошлого, иногда я вижу настоящее, но то, что происходит очень далеко от меня.

— Ты становишься провидцем? — улыбнулась Энель.

— Нет, Энель, я не вижу будущего. Только то, что происходило прежде, или происходит сейчас. Я не могу этого объяснить, но я начал это видеть после того, как вернулся за Миррой в ее кошмар. Мои кошмары, становятся все реальнее, но чем отчетливее я их вижу, тем лучше понимаю, что это не кошмары, просто воспоминания, которые причиняют боль, воспоминания, которых я боюсь. Я переживаю их вновь и вновь, лишь для того, чтобы победить свой страх. Чтобы усвоить каждый урок, сделать вывод из произошедшего и простить себя и принять себя. Я говорю глупости?

Кара лишь пожала плечами, а Энель задумалась.

— Ты меняешься. Я говорила уже тебе об этом. Ты очень изменился. И этот процесс продолжается. Мы и представить себе не можем, что тебе довелось пережить, друг, но после встречи с ней, ты сильно изменился. Ты обрел уверенность в себе. Видимо ты прав, и все что происходит с тобой нужно для нашего общего дела. Создатель посылает тебе испытания,

лишь чтобы укрепить твой дух и направить на нужный путь. Единственно верный путь.

— Оставьте свои высокодуховные беседы, — фыркнула Кара. — Лучше расскажи нам, что произошло там в Сионе? И потом. Короткие записки Инариэля были такими сухими и скучными, какими и должны быть доклады, но нам хочется услышать всю историю из первых рук, так сказать. Время у нас есть, когда буря уляжется, разведчики доложат, а пока мы можем отдохнуть и выслушать тебя, командор.

Кален тяжело вздохнул. Придется опять все это вспоминать. Он начал свой рассказ с момента своего выезда. Он рассказывал им все, им он мог доверить даже свои мысли, он был в кругу друзей, очень близких друзей. Они прерывались на еду и сон. Наверное, прошел весь день, прежде, чем его рассказ закончился, но в сумраке пещер было непонятно сколько минуло времени. Как только гномы живут в своих подземных городах?

— Вот так, дамы. Теперь я слышу голоса духов. Использую магию Видящих не применяя обат. Вижу ауры людей. А еще вижу происходящее на расстоянии, но все еще не понимаю кто такая Мирриэль и как она делает все то, что делает. Я наращиваю свое могущество, но угнаться за ней не под силу даже мне.

Их мирную беседу нарушил ворвавшийся в круг света человек.

— Буря оканчивается, миледи, — поспешно доложил он Энель.

Все трое разом встали, пора было выдвигаться в путь. Все разговоры были отложены. Теперь нужно было преодолеть снежную пустыню и добраться до безопасных стен.

Все три отряда выдвинулись вместе, уже спустя несколько часов суматошных сборов. Через три дня медленного продвижения, они нагнали первый отряд. Им пришлось хуже прочих, буря застала их на снежном плато. Им пришлось пережить ее на терзаемой ветрами горной равнине, и защитой им были лишь палатки. Жертв среди людей не было, но погибло много скота, многие телеги с поклажей были утеряны, люди были напуганы и встретили подоспевших воинов радостными криками. Обдумав ситуацию, решили оставить поклажу, тащить на себе телеги по снегу, в который проваливаешься в лучшем случае по колено — было невозможно. Воины брали на руки детей, согревая их своим теплом. Равномерно распределив запасы между всеми, способными нести груз, все люди двинулись в путь. Женщины плакали, оставляя свои пожитки, но понимали, что важнее сейчас было спастись, а спастись можно было, лишь оставив все лишнее. Вскоре они перестали причитать, путь был неблизкий необходимо было беречь силы. Главное, что они все живы. А пожитки, будут и новые. Около пяти сотен уставших людей вытянулись в длинную вереницу. Впереди шли разведчики, стараясь прокладывать дорогу, идущие впереди сменялись каждый час, чтобы никто не выбивался из сил. Путь был сложен и далек. Солнце совсем не грело, лишь слепило своей белизной. Они были высоко в горах, в горах, которые не знали другого времени года. Здесь всегда была только зима. Иногда люди роптали на командование, что их ведут на верную смерть, ведь невозможно выжить в этом ледящем холоде. Что будут они все делать в холодных стенах снежного замка. Где добывать пропитания, сколько они протянут. Такие речи пресекались на корню. Нельзя было позволить разрастаться панике. Но холодная игла сомнения закрадывалась, рано или поздно в каждое сердце. Лишь Кален был уверен в благоприятном исходе. Они шли по снежной пустыне уже вторую неделю, когда увидели двигающихся им на встречу людей.

— Лучники, вперед. Стрелы на тетиву. — крикнула Энель.

Движение замерло. Бросив поклажу, лучники бросились исполнять приказ. Они выстроились в два ряда, около полусотни луков были направлены в сторону

приближающихся людей.

Кален сощурил глаза, прикрывая их ладонью от слепящего солнца. Люди впереди не остановились. Лишь один из них, замешкавшись на несколько мгновений поднял над головой флаг с символикой Хранителей.

— Свои, — облегченно вздохнула Энель. — Лучники, опустить луки! Это свои. Привал! Ждем гостей.

Уже через час у теплых костров грели руки два имперца и три мага.

— Вас ждет большой сюрприз, — улыбаясь в косматую бороду, говорил смуглый воин. — Это не просто объяснить словами. Придете, увидите. Поверьте, вы забудете и про тяготы пути и про то, что лишились всей поклажи.

Он загадочно потер руки.

— Инариэль отправил нас вам на встречу, иначе вы не сможете попасть в твердыню. Тут совсем недалеко уже. Главное, чтобы погода опять не подвела, но маги смогут помочь, если что. Через два дня будем в крепости.

Больше встречающие ничего не рассказали, лишь загадочно улыбались. Никто не пытался их разговорить, было слишком холодно, все слишком устали, весть о близости цели всех воодушевила и люди двинулись в путь. Они увидели стены замка уже через день, еще день им потребовался, чтобы подойти к высоким воротам.

— Ну, вот мы и на месте, — остановился у прохода один из магов. — Страж, я ручаюсь за всех и каждого из этих людей. Среди них нет врагов, известных нам. Но твоя бдительность будет принята нами с благодарностью.

Ему никто не ответил, лишь в голове у Калена в ушах зазвучал зычный голос.

«Древний, я рад твоему возвращению. Раз ты здесь, скоро моя миссия будет завершена. Но помни, древний, когда я скажу тебе, все, кто подчиняется тебе, должны будут оставить твердыню. Таков закон. Вы можете всем здесь пользоваться, пока не окончено дело, но потом, вы должны будете уйти. Все. Запомни!»

Кален внутренне содрогнулся, услышав голос, но в нем не было угрозы, лишь предупреждение. Кален счел разумным мысленно поблагодарить неведомого стража за службу и пообещать не нарушать закона.

Двое магов остались у ворот с командным составом Кара, Кален, Энель, Жасмина и Вейт терпеливо ожидали, когда длинная вереница доверившихся им людей войдет в ворота и окажется в безопасности. Пропуская в резные ворота измученных людей, маги странно улыбались. Трое других встречающих, ожидали людей за воротами. Из-за ворот постоянно раздавались удивленные возгласы. Но командиры решили войти в ворота последними, хоть их и терзало любопытство. Когда последние поселенцы прошли сквозь ворота, маги улыбнулись.

— Ну, а теперь вы, господа командующие. Возгласы удивления никак не посрамят вас в глазах ваших людей, поверьте, вы не представляете, что вас ждет.

Первым в ворота шагнул Вейт. Кален видел, как его друг сделал всего несколько шагов и замер в нерешительности, удивленно озираясь. За ним шла Кара. Ее реакция удивила Калена. Она повернулась к ним и глупо хлопала широко открытыми глазами.

— Это невозможно! — кричала воительница, словно сельская девчонка.

Маги самодовольно улыбнулись, переглянувшись.

Кален и Энель вошли последними. Сделав всего два шага, они остановились рядом со все еще стоящим в нерешительности Вейтом.

— Кален, — прошептала Энель, приподнимаясь на цыпочки, чтобы достать до его уха. — Ты видишь то же что и я?

— Да, — спокойно проговорил командор, расстегивая меховой плащ. — Это невозможно, но я не сомневался в решениях Мирриэль. Не знаю, откуда она знала, но верю, что она предполагала нечто подобное, выбирая именно эту твердыню новым домом для Хранителей. Чудесная погода, Энель. Кара, хватит глазеть, вон там замок, мне кажется нам туда.

Он легко улыбнулся. От замка в их сторону спешил верховой, ведя в поводе еще четырех лошадей. Ему потребовалось совсем немного времени, чтобы оказаться возле уставших путников. Резко осадив лошадь, наездник легко с нее спрыгнул. Это был Дарк. Он опять отлично выглядел. Швеи уже ушили его костюм и тот идеально сидел на исхудавшем имперце. Он был свеж и румян.

— Кален! Как же я рад, наконец тебя приветствовать, рубака! Пойдемте, друзья. Это еще не все сюрпризы! Но для первого впечатления, по-моему, достаточно. В замке вас ждут чудесные комнаты, богатый выбор нарядов и теплая душистая ванна. А когда вы приведете себя в порядок мы сможем встретиться у камина в главном зале, — в один момент он сменил игривый тон на серьезный. — Есть разговор. Неприятный и пугающий. Но сперва, вам стоит оттаять и сменить свои дорожные костюмы на что-то более достойное. Там и познакомимся.

Имперец очаровательно улыбнулся трем дамам. Жасмина миролюбиво кивнула головой, Кара не удостоила его даже взглядом, а Энель уже садилась в седло. Кален тоже легко запрыгнул на скакуна.

— Вейт? — обратился он к другу. — Я думаю, Дарк уступит тебе своего скакуна.

— Нет, командор. Я исполнил свой долг. И теперь мое место рядом с солдатами, а не с командирами. Я отправлюсь на стоянку, прослежу, чтобы люди хорошо разместились. Я с огромным удовольствием, уступлю тебе те обязанности, что ты возложил на меня, ускакав, спасти Мирриэль. Я снова обычный Видящий, друг. И несказанно этому рад.

Он махнул рукой и отправился в селение, следом за последней группой поселенцев. Кален улыбнулся. Его ноша оказалась не по плечу брату по ордену. Но это и к лучшему. Он пришпорил коня, нагоняя уже спешащих к замку друзей.

В замке, смыв с себя дорожную грязь и освежившись прохладной водой, командор переоделся в белые одежды своего ордена и вышел в общую залу. У большого камина уже сидели, ожидая их появления гном и эльф. Гном лениво ковырял стоящее рядом жаркое. Эльф стоял, опираясь спиной на массивную колонну и смотрел в огонь. Кален сразу увидел его обеспокоенность и улыбнулся, он уже догадался, о чем пойдет речь, и готов был успокоить друга.

— Кален, — первым заметил его появление гном. — Я так рад. Обнял бы тебя, да боюсь, что измажу твои белые одежды этим прекрасным мясом, которое так и просится, чтобы его съели. Ты только попробуй! Не оторвешься.

И в подтверждение своих слов он засунул себе в рот огромный кусок. Инариэль встрепенулся, и отвел взгляд, встретившись с его глазами. Кален лишь улыбнулся и подойдя к магу, положил руку ему на плечо.

— Твои тревоги напрасны, Инар, я знаю все, даже больше, наверное, чем ты. Она жива. Ранена, без сознания, но жива. Рядом с ней друзья. Они сумеют ей помочь.

Инариэль так и замер, глядя в его лицо.

— Откуда ты знаешь?

— Я видел это, Инар. Но что заставило тревожиться тебя. Что знаешь ты?

— Может подождем остальных?

— Не стоит. Девочки. Им нужно намного больше времени. Мы успеем уже все обсудить, пока они будут готовы к нам выйти. Да и зачем лишний раз их беспокоить. Помочь они ничем не смогут, будут только переживать. Давай все обговорим в мужской компании, а им выдадим уже готовую информацию, удобную и успокоительную. Итак, маг, что ты знаешь.

— Я разговаривал с Раиром. Он не знает где она. Ее нет в мире живых, но и в мире духов ее нет. Раир сказал, что она потерялась.

— Потерялась? Это на нее похоже, — Кален протянул руки к огню. — Она жива. Я знаю это точно. Она впала в свое обычное беспмятство, ты же знаешь, что когда она бредит, ее нет ни в одном из миров. Помочь тем, кто сейчас рядом с ней, мы ничем не можем, поэтому нам остается только одно, друг мой, молитва. Давно я не преклонял колени у алтаря. Здесь есть часовня? Я бы хотел побыть там в одиночестве, пока наши дамы приводят себя в порядок.

Инариэль понимающе кивнул и указал командору путь к небольшой часовенке, расположенной недалеко от самого замка.

— Я пошлю за тобой, когда все соберутся, — сказал эльф и вернулся к своим размышлениям.

Кален направился к часовенке. Оказавшись в маленьком уютном домике, он зажег предусмотрительно расставленные повсюду свечи и преклонил колени перед алтарем. Достав свой меч, он упер его острым лезвием в пол и возложил на навершие руки. Его голова коснулась рук, сложенных на мече, очистил свой разум, в мыслях тут же возникли слова молитвы. Он не обращал внимания на время, он обращался к Создателю с благодарственными словами. И молил проявить милосердие и спасти ее, защитить ее. Он молился вслух, здесь это было правильно. От всего сердца, от всей души шли слова. Он говорил и говорил, когда стройный ход его мыслей нарушил далекий звук, кто-то позвал его по имени. Он смог бы узнать этот голос в многотысячной толпе, даже если бы она просто прошептала его имя. Открыв глаза, он начал оглядываться по сторонам, но не увидел ее. Тогда он позвал ее:

— Мирриэль!?

— Дай мне руку, Кален. Помоги мне!

Кален улыбается и протягивает ей руку, хотя он и не видит ее, он знает, что она видит его. Она нашла способ. Потом она обязательно расскажет, что с ней случилось, ну а сейчас, важнее не пытаться понять, просто ей помочь. Он почувствовал легкое прикосновение прохладной ладони к своей руке и все закончилось. Он облегченно закрыл глаза. С его губ опять срывались слова благодарственной молитвы. Она вернулась. Она всегда возвращается. И всегда будет возвращаться.

Глава 7.

На опушке опускались мягкие осенние сумерки. Повеяло ночной прохладой, ночью, скорее всего опять будет дождь. Середина осени. Деревья уже все покрыты золотой листвой. Пожухла трава. Природа готовится к зиме.

Мы сидим у вечернего костра под легким навесом. Орк изловил зайца, и мы ужинали

нежнейшим мясом. Я аккуратно откусила небольшой кусочек. Нельзя переедать. Несколько недель я лежала без сознания, меня поили бульонами, но этого было мало. Я ослабла, едва могла сидеть прямо. Орк с удовольствием отрывал от небольшой тушки куски сочного мяса. Гранд стоял у огня, то и дело поворачивая еще одну тушку.

— Да, уж, Мирра, заставила ты нас поволноваться. Я испробовал все известные мне немагические методы исцеления. Потом Рыдгар пробовал на тебе их магию. С уверенностью могу тебе сказать, девочка, у тебя иммунитет ко всем магическим искусствам известным в этом мире.

— Да, Гранд, я знаю, — стараюсь улыбнуться я.

Конечно иммунитет, я не принадлежу этому миру, да и вся магия в нем существующая — это лишь частичка моего могущества, подаренная вам. Ой, я опять забываюсь. Я не она. Я — это я. Голова все еще кружится, крови я потеряла много, до сих пор еще не восстановилась. Радует, что Гранд сдержал слово. Орк жив и здоров, они даже сдружились, кажется. Я старалась не пялиться на Рыдгара, но мне было очень любопытно, я впервые видела орка. Я призвала энергетический взгляд и была потрясена. Его энергия была чистым потоком, ничем не замутненным. Но это была не энергия жизни. Не было привычного голубого сияния. Его окружала яркая золотая аура. Я попыталась это как-то объяснить для себя. Но в тяжелую голову не шли никакие разумные мысли. Очень хотелось спать. Раны ныли и чесались, словно напитываясь влагой набухали и проступали шрамы и ссадины, причиняя невероятную боль каждое движение давалось с большим трудом. Я во всем разберусь, но потом. Сейчас меня интересовало другое.

— Рыдгар, — впервые я обратилась к орку. — Я очень рада, что ты решил присоединиться к нам. Ты же не планируешь возвращаться к ней?

Орк внимательно посмотрел мне в глаза.

— Госпожа, велела мне доставить тебя к ней, но сомневаюсь, что Гранд позволит мне вот так просто взять и уйти. К тому же, — орк задумался на несколько мгновений его взгляд стал рассеянным. — У меня есть дело в этих краях. Мне нужно кое-что проверить.

— Проверить? Что же? — заинтересовалась я. — Прости, я не много знаю о вашем народе. Но какие могут быть дела у орка здесь, в эльфийских лесах?

Он казалось смутился.

— Один мудрый старец рассказывал мне легенду о свободном племени орков.

— Свободном? А разве вы не свободны там, за великой рекой?

Орк с аппетитом откусил еще один большой кусок мяса и сосредоточенно его жевал. Я уж было решила, что он не услышал моего вопроса, но он просто обдумывал ответ.

— Свободны, конечно. Каждое племя живет по своим законам, но есть кое-что, что не дает нам покоя. Есть Красная госпожа, которой мы все обязаны служить, выполняя любые ее приказы.

— Но, Рыдгар, ведь она была заключена в мире духов, она не могла требовать от вас повиновения находясь там.

Он бросил на меня быстрый взгляд. В нем читалось нескрываемое презрение.

— Мы чтим предков. Вам этого не понять. Эльфы долгое время были бессмертны, ваши предки были частью вашей жизни. У людей слишком короткая память, и слишком быстрая жизнь. Ни те, ни другие не понимают нас. Для нас предки — это знание, опыт. Это надежные советы и верные решения. Шаманы связываются с предками, не так как людские священники, наши предки нам отвечают, всегда отвечают, к ним можно обратиться с любым

вопросом, и они дадут ответ. Так всегда было. А она. Красный дракон. Мы считаем ее проматерью нашего народа. Она первый наш предок. Мы появились благодаря ей. Мы поклоняемся ей. Мы приносим ей жертвы, мы сражаемся в ее честь и погибаем с ее именем на губах.

— Зачем? — удивилась я, в мозгу что-то вспыхивает, мысль появляется и исчезает, я не успеваю ее словить.

Орк, опять пристально посмотрел на меня.

— Она — богиня. Мы отдаем ей свои жизни, чтобы она продолжала жить.

Теперь пришел мой черед хмуриться. Я задумалась. Я все еще не помнила всего, что происходило с Элирией, видимо, она давала мне только необходимые знания, или как там происходит этот обмен информацией между нами. Я ничего не знаю об орках. Я не помню какой богиней была Калисто, все мои воспоминания так или иначе связаны с Орленом и с противостоянием двух богинь. Я понимала, что знаю очень мало, а понимаю и того меньше.

— Если ты сочтешь это возможным, Рыдгар, я бы хотела лучше узнать ваши обычаи, вашу жизнь.

— Зачем тебе это? — рыкнул он. — Хочешь знать своего врага? Это разумно, но я не стану тебе помогать. Это мой народ. Там остались мои жены и дети. Вам не ведомо слово «преданность», эльф? Ничего я тебе не расскажу.

— Нет, Рыдгар. Орки не враги мне. Пока между нами не было ни одного столкновения, ну, за исключением стычки в Лоринге, но там все были на взводе, было слишком мало времени, чтобы разбираться и разговаривать. Но мои враги, Рыдгар, это те, кто пытается уничтожить жизнь, а орки не хотят уничтожить мир, в котором они живут. Моя цель, Рыдгар, спасение жизни, а не ее искоренение в любой форме. Жизнь орка для меня настолько же ценна, как и жизнь любого другого существа.

Рыдгар замер, снова рассматривая меня. Он сощурил огромные карие глаза и задал совершенно выбивший меня из колеи вопрос.

— Какого цвета твои глаза?

Я рассмеялась и тут же охнула. Острая боль пронзила плечо.

— Глаза? У меня сине-зеленые глаза, Рыдгар.

— Как море?

— Так говорят. Но какое это имеет значение?

— Ты из эльфов. Может быть ты знаешь о тайном месте в ваших лесах, о скрытом месте?

Пришел мой черед удивляться.

— Я не принадлежу к клановым эльфам, Рыдгар. Я из отшельников. Кочевников-одинок. Мы живем в Глуши.

— И сейчас ты идешь туда? Возвращаешься домой? Ты боишься Красной госпожи, спасаешься от нее? Думаешь там она тебя не сможет найти?

На мгновение красная пелена ярости застилает мне глаза, но я быстро успокаиваюсь и улыбаюсь, превозмогая боль, убирая растрепавшиеся волосы за уши.

— Нет, Рыдгар. Я не пытаюсь бежать от нее. У меня здесь есть дело. Очень важное и срочное. Я должна кое-что сделать. А потом я вернусь к своим друзьям и буду искать встречи с твоей госпожой. Поверь, я не боюсь ее. Хотя я и не представляю, как смогу с ней совладать, голоса разума она не слушает, а как по-другому решить все, я пока не знаю. Видимо, мне нужно стать мудрее, чтобы найти нужные слова и свершить нужные дела.

— Ты готовишься к войне и ищешь среди остроухих союзников?

— Война, Рыдгар, это всегда плохо. И тем более, я не желаю втягивать в это своих соплеменников. Война — это смерть, разорение и упадок. Если у меня будет возможность избежать кровопролитий, я постараюсь так и поступить. Я не желаю войны.

— Так ты спасла жителей деревни? Ты приказала им бежать.

— Я не могу приказывать, Рыдгар. Я не их лидер. Я всего лишь одна из них, но я не веду их. Я могу лишь советовать. И да, я советовала отступить. Иногда, Рыдгар, отступление — самый правильный вариант. Иначе все те, кто искал нашей защиты, погибли бы в огне или в схватке.

— Они бы приняли достойную смерть, а не запятнали свою честь отступлением, — упрямо прорычал орк.

Я вздохнула. И постаралась подобрать нужные слова, глядя на затухающее небо. Но я не знала какими словами можно объяснить воинственному орку, что лучше жить отступив, чем потерпеть поражение и умереть. Не найдя нужных слов, я пожала плечами.

— Выхода нет только из смерти, Рыдгар. Проиграть первый бой, еще не значит проиграть войну. А победить у нас бы не получилось. Отступление было единственно верным решением. Теперь у нас есть надежда одержать победу, когда мы будем готовы, мы примем бой.

Рыдгар зло проворчал, что воины так не рассуждают.

Я смотрела на небо и пыталась понять зачем я решила идти к эльфам. Нет, я была уверена в своей цели, но вот как совершить задуманное, я не представляла. Это будет еще один мой безумный поступок. Кален, наверняка, не позволил бы мне ничего такого сделать, даже думать об этом бы запретил, но я должна была завершить свое дело. Я приучала себя к ответственности. Большая сила — большая ответственность. А мое могущество было очень велико.

— Итак, Мирра. Теперь мой черед спросить? Какого демона мы делаем на опушке вечных лесов? Король Лето не любит, когда в его владения вторгаются люди и тем более орки.

— Вы не пойдете туда, Гранд. Я не собираюсь рисковать вашими жизнями. Это мое дело, и я отправлюсь туда одна. Как только смогу твердо стоять на ногах и натягивать тетиву.

— Ну уж нет, я обещаю присматривать за тобой. Я не нарушу своего слова, — Гранд стоял у костра и блики огня отражались в его бесцветных глазах.

— Это не обсуждается, Гранд. Вы отправитесь в цитадель, или будете ждать меня здесь, но в лес вы не войдете. Это слишком опасно.

— Мне надо в лес, — упрямо мотнул головой орк.

— Ты-то что там забыл? — не выдержал Гранд.

— Свободное племя, — беззлобно напомнил орк.

Меня посетила мысль.

— Ты не хочешь больше жить по ее законам. Не хочешь ей подчиняться. Ты ищешь своих родичей, которые смогли измениться. Жить без нее. Без крови и жертв? Без ненужных смертей ради... А ради чего вы сражаетесь, орк? Что заставляет ваших мужчин вступать в междоусобные схватки?

— Ради нее. Ради...

— Подожди, — резко оборвала я его речь. — Кажется я поняла. Она была в мире духов.

Она не могла питаться энергией жизни там, только если ей передавали эту энергию с кровью. Кровавые жертвоприношения. Именно так она там выживала, именно так она не потеряла своего могущества, именно благодаря вашим кровавым схваткам она смогла вырваться. Вы помогали ей все это время.

Орк молчал.

— Но зачем, Рыдгар? Что обещала она вам?

Он не отвечал.

— А что обещала она тебе? Она назвала тебя возлюбленным, — я сокрушенно покачала головой. — Она использовала единственную силу, которую у нее невозможно отнять. Она использовала свою притягательность, ведь только мужчины вашего племени могут быть шаманами, она обманывала ваших старейшин, затмевала их разум своими сладкими речами и вынуждала приносить ей жертвы. Много жертв. О, Создатель. Это же реки крови...

Я в ужасе закрыла глаза. Я словно наяву видела окровавленные жертвенники. Я видела поля для поединков, песок их был пропитан кровью. Кровью могучих воинов. Отважных и умелых, молодых и опытных.

— Тысячи тысяч, — я с сожалением посмотрела на орка. — Теперь мне понятно почему ты хочешь найти вольное племя. Ты не хочешь больше принимать в этом участие, ты хочешь найти другой путь, поверить в другого бога. Но в какого? Создатель вам не подойдет.

— Я не знаю ее имени, даже не знаю есть ли у нее имя. Я даже не уверен, что все, что я слышал имеет кокой-нибудь смысл, но я хочу проверить это, — очень тихо произнес орк.

— Прости, Рыдгар. Я не знаю таких тайных поселений. Мой отец не любил, когда вокруг нас было много народу, мы не заходили в селения и города. Никогда мы не отказывали путникам в приюте, но сами предпочитали не попадаться на глаза чужакам. Я попытаюсь узнать что-то у эльфов. Но не могу ничего обещать. Сам понимаешь, эти леса растянулись на огромные расстояния. Сомневаюсь, что есть хоть кто-то кто знает в них каждый закуток. Тем более, если закуток — тайное убежище орков. Но, Рыдгар, что будет, если ты не сможешь их найти? Что случится, если легенда останется лишь легендой? Если нет такого племени? Что будет тогда?

Рыдгар вытер стекающий по зеленым щекам жир, и довольно рыгнул.

— Я исполню то, что должен. Я приведу тебя к ней. Останусь еще какое-то время ее возлюбленным и потом приму достойную смерть в поединке.

Я внимательно смотрела на него. Он не колебался, ни на секунду. И его уверенность говорила лишь о том, что в случае если я не смогу помочь ему, его не остановит ни наше доброе к нему отношение, ни даже дружба, если она возникнет между нами, если он не найдет другого выхода, то будет исполнять ее приказы, всегда. Пока бьются их горячие сердца, пока их разум не познает другой возможности, пока у них не будет альтернативы. А вот если она у них появится, возможно тогда их живой ум примет реальность и сможет отказаться от заблуждения, от веры в кровавую богиню. Если я смогу ему помочь, если мы найдем подтверждение древней легенде, если он сможет довериться мне и принять мои слова, если я смогу ему показать другой путь. Я осознала, что ищу очередные трудности. Едва придя в себя, я опять искала неприятностей и опять ради спасения кого-то. Видимо, во мне было больше от Элирии, чем я предполагала. Даже не знаю хорошо это или плохо. Знаю только одно, я опускаю глаза, пряча слезы от своих спутников, это тяжкая ноша. Не уверена, что она по моим плечам. Совсем не уверена, что смогу все сделать правильно и добиться успеха. Сквозь терзающие меня сомнения, слышу в реальном мире, как тонко поет тихо

извлекаемый из ножен клинок. Поднимаю глаза, чтобы успеть соткать щит из энергии жизни над головой ничего не подозревающего орка. Он собирает посуду, после нашего нехитрого ужина, бурчит что-то себе под нос, а над ним, безликой тенью нависает Гранд, занеся меч для удара. Я ловлю взгляд бесцветных, пустых глаз и лишь немного мотаю головой, высказывая свое отношение к его задумке. Зачем я спасаю его? Ведь он четко дал понять, что в случае неудачи его поисков, я вновь стану пленницей, он не станет медлить. А я? Я не могу решиться на это. Он жив. Его душа чиста, он просто обманут, так же как весь их народ. Их не надо покорять, их не надо поработать, нет. Их нужно освободить, спасти. Гранд медлит, но мои силы тают, я не могу так долго, я едва дышу, болью в груди отдается каждый вдох. Я чувствую каждую царапину, каждый шрам наливается кровью и начинает разрываться уже сросшаяся ткань. Кожи или реальности? Не понимаю. Я — это я, я — весь этот мир, весь этот мир стонет от боли, так же, как сейчас готова закричать от боли я. Я часть мира. Мир — часть меня. Все так сплелось и перепуталось. Я не она. Я не бессмертная всемогущая богиня, но я готова отдавать свою жизнь за каждое живое существо в этом мире. Время остановилось. Меч Гранда завис в наивысшей точке, его взгляд остановился, замер орк. Перестал шуметь ветер в листве. Застыли звезды. Повисла тишина. Разрывается душа рвется реальность, катятся слезы.

«Дитя. Ты сможешь. Ты же не совсем человек. Ты остановишь его, но чуть позже.»

Очередной дух говорит в моей голове. Как же я устала от этого.

Но я ошиблась. Это не дух. Это вполне реальная фигура. Не нарушая круга, освещенного нашим костром, на самой границе моего видения или осознания стоит фигура. Сгорбленный и потрепанный старик опирается на ветку. И хрипло смеется.

— Я давно тебя жду, дитя. Очень давно. Я уже устал ждать. Раз ты наконец пришла сюда, значит мое время на исходе и скоро, я вернусь в вечный круг жизни. Я должен был дожидаться тебя здесь. И вот, уже несколько недель я внимательно следил за вашей компанией, и ждал, ждал тебя.

— Это ты остановил время?

— Конечно. Твои товарищи не должны знать того, что я скажу тебе.

— Опять тайны. Я так устала.

— Ты удивительное существо, дитя, — старик опять хрипло хихикает. — Надо же было такому случиться. Воплощение древнего могущественного бога, самого могущественного из трех, да и еще избранный. Все в одном теле. Впервые такое случилось со времен...

Он задумывается, кажется что-то подсчитывая в уме. А потом довольно хлопает себя по костлявому колену.

— Впервые со времен драконов. Ты такая особенная. Единственная на все времена, ибо если ты справишься, больше не будет богов в нашем мире, а если ты проиграешь — не будет самого мира.

— Тебе смешно? Безумец! Не вижу ничего забавного!

— Серьезно? — он кажется действительно удивлен моими словами. — А по мне это просто смех. Две надежды, которые могли бы как-то влиять на происходящее, в одном существе. В существе, которое не задумывается о своей значимости. Не понимаешь? С твоей смертью, умрет все, а ты бросаешься на мечи, влазишь во все самые опасные драки и сама ищешь неприятности и готова отдавать свою жизнь за последнего проходимца. Я не безумец, а вот о тебе я не могу сказать того же. Это ты — безумна! Каждая рана может стать роковой, последней, той, от которой ты уже не оправившись. Каждое твое проникновение в мир духов,

за завесу, может стать концом, ведь ты же понимаешь, что духи смерти судовольствием приберут твою душу. Воскреснет она, богиня, но она уже не сможет ничего изменить. Я рад, что не увижу конца этого безумия.

— Кто ты? Что нужно тебе?

— Мне — ничего. От тебя, мне не нужно ничего. Я всего лишь старик, старик, который наконец-то может исполнить свое предназначение. И уйти.

— Безумец, что ты говоришь?

— Я, — старик опять смеется. — Я — ответ на твои вопросы. По крайней мере, на несколько. Я ждал тебя здесь, на окраине этого леса сотни лет, нет, наверное, тысячи. Я знал, что однажды, ты появишься здесь. И будешь искать ответ на вопросы. Ответ: «Да». На оба терзающих тебя в данный момент вопроса.

Теперь уже я хмыкаю.

— Меня терзают сотни вопросов. На какие из них ответ «Да»?

— На самые в данный момент важные. «Да» — ты должна вернуть королю то, что отняла у него. «Да» — орочи легенды не лгут.

Я начинаю стонать. Голову разрывает боль. В глазах темнеет.

— Тебе больно? — участливо спрашивает меня старец. — Я могу облегчить твою боль. Я могу сделать так, что боли больше не будет.

Я плохо слышу его шепот. В голове гудит набат. Дрожат от напряжения руки.

— Как, — перекрикивая собственную боль кричу я. — Как мне вернуть долг?

— Очень просто, — шепчет голос у меня над ухом. — Найди его и приведи назад. Не отпускай его ни на секунду, когда найдешь. И верни. Все просто. Жизнь за жизнь. Равноценный обмен. Равновесие должно быть соблюдено, ты же знаешь, это твой закон. Ты должна вернуть, отобрав. И если ты сможешь вернуться, ты должна быть готова встретиться с последствиями своего решения. Всех своих решений, дитя.

Его трескучий голос звучит над самым моим ухом. Меня начинает бить озноб. Из глаз катятся слезы. Мне так больно, так страшно. Я ничего не могу поделать. Гранд так и стоит, он даже не моргает, орк застыл в странной неудобной позе, даже ночной мотылек, так и не сделал ни одного взмаха своими крыльями.

— Тебе больно. Тебе так плохо, дитя. Мне так жаль тебя.

Я закрываю глаза от внезапного осознания. В далеком прошлом на залитой солнцем поляне, я слышала что-то важное. Медленно приходит воспоминание.

— Сострадание! Ты — тот самый дух сострадания, который смог вернуться!

Старик довольно хихикает.

— Это я. Ты права. Опять права, дитя. А теперь расскажи мне все. Поделись своей болью, дай мне возможность облегчить твои страдания. Тебе же плохо?

— Очень, — честно отвечаю я, вспоминая все беды, что свалились на мою голову, вспоминая, все вопросы, на которые я должна найти ответы. — Мне так плохо.

Я начинаю бессвязно бормотать, рассказывая все, что меня терзает. Проходят минуты. Может быть часы. Он участливо хлопает меня по плечу, и я на грани сознания, ловлю себя на мысли, что что-то не так. Боль отступает, ее место занимает настороженность. Я не знаю, что напугало меня. Что заставило меня собраться и сконцентрироваться. Я не услышала ничего, не обычным слухом. Это невозможно было услышать. Я резко обернулась к старцу, резко сжимая левую руку в кулак. Катар. Хорошо, что Гранд так и не снял его с моей руки. Тонко звякнул сброшенный предохранитель. Тонкое лезвие послушно скользнуло из своего

укрытия и пронзило дряблое горло старца. Тонкий стилет выпал из его худой руки, лишь слегка оцарапав мою шею. И тут я задохнулась от ужаса. Время вернулось. Гранд все еще смотрел на меня. Но то что он увидел, наверное, поразило его. На его глазах я медленно заваливаюсь на спину, а на меня падает тело неизвестно откуда появившегося старика. Его спутанные волосы сплошным колтуном торчат из-под капюшона, а рядом с ним валяется стилет. Гранд мгновенно принимает решение.

— Мирра! — бросается он ко мне, уже позабыв об орке.

Он спешно стаскивает с меня уже холодеющее тело. Я с жадностью хватаю ртом воздух.

— Да что с тобой не так, девонька, — орет Гранд, обнаружив порез на моей шее. — Как ты умудряешься все время

— Выживать? — хрипло смеюсь я, преодолевая боль. — Равновесие, видимо. Я еще не прошла свой путь, друг.

Орк уже стоит рядом с плоской воды, ждет пока меня перестанет трясти и выворачивать.

— А ты, — бросает на него уничтожающий взгляд Гранд. — Лучше убирайся. Пока я занят. И благодари свою богиню, что все еще жив. До жути чешутся руки тебя убить.

Я закрываю глаза и понимаю, что воздействие бывшего духа было куда как более серьезно, чем простой стилет. Внутри все горит огнем при каждом вздохе, глаза слезятся, горло раздрает кашель. Он душил меня? А я не почувствовала? Я очнулась лишь на грани смерти, и тогда он решил использовать стилет. Он хотел облегчить мои страдания самым радикальным способом. Меня душит очередной приступ кашля. С жалостью понимаю, что весь мой ужин уже покинул желудок, и теперь выходит просто вода. А кролик был таким вкусным. Преодолевая боль шепчу, хватая Гранда за руку.

— Он, не виноват, Гранд. Он обманул. Его, — прерываюсь на хриплый кашель. — Ему помочь надо, всем им.

Гранд смотрит на меня как на безумную. И начинает трясти меня за плечи.

— Ты в своем уме? Он только что сказал, что отдаст тебя ей. Ты слышала это?

Я могу лишь кивнуть и опять захожусь в кашле.

— Если, не найдет искомого, Гранд. Если... Ты понимаешь? «Если». Я сделаю все, чтобы у него, у них всех больше не было нужды ей подчиняться, я найду другой путь для них.

Приступ кашля не дает мне продолжить. Гранд поддерживает меня в сидячем положении, а Рыдгар подносит к губам холодную воду. Голова кружится. Я поднимаю глаза к небу. Звезды тоже ходят ходуном, все небо сотрясается. Это так удивительно красиво. Темное небо, танцующие светила. Неосознанно прихожу к выводу, что меня трясет в очередном приступе кашля. Как же я устала! Я не могу не думать, не могу отрешиться от всего этого. Не могу отвлечься. Ни боль, ни радость не могут повлиять на мои постоянные размышления. Я все время к чему-то стремлюсь. Но даже зная свою цель, я не знаю верного пути. Блуждаю в потемках, ищу путь на ощупь. Но не могу остановиться. Не могу перестать думать. Может быть этот старик предлагал мне выход? Стоило освободиться, ведь смерть принесла бы покой. Но нет! Слишком многое зависит от меня. Я должна все исправить. Но как же я устала, как надоело все анализировать, отыскивая крупинцы истины в куче лжи, заблуждений и недосказанности! Почему все так сложно?

Прошло еще несколько дней. Я послушно исполняла все рекомендации моих спутников и ждала. Ждала, когда окрепну на столько, чтобы покинуть их. Я очень надеялась, что они не рискнут идти за мной в эльфийские леса. Останутся здесь или двинутся своим путем.

Наивный орк верил, что сможет меня остановить. Гранд надеялся, что я не посмею нарушить договор с Каленом. Но я знала, что должна пройти свой путь одна. Это я должна сделать сама. Мне не нужны помощники, я не хочу, чтобы кто-то из них пострадал, не хочу, чтобы они видели то, что мне придется сделать.

Выйти из этого леса, смогу только я. Так же, как и найти там то, что мне нужно, то, что нужно нам всем.

Я ждала. Прошло несколько дней. Моя стража была второй. Луна уже прошла половину своего пути. Гранд мирно похрапывал у костра, кутаясь в плащ. Вечером они устроили с орком дружеский поединок. Это заняло несколько часов. Они не уступали друг другу, я лишь помогала им оправиться. Хорошо, что я была рядом, они не жалели друг друга. Обоих пришлось лечить. Но мне было приятно смотреть на их схватку. Я знала, что уйду сегодня ночью, и поэтому с удовольствием наслаждалась последними часами спокойствия и определенности. Дальше меня ждала неизвестность. И я мысленно благодарила обоих за все. И просила прощения за задуманное. Раскатистый храп орка вывел меня из задумчивости. Пора. Я на секунду закрыла глаза, создавая магический барьер, они не останутся без защиты. Я подумала об этом. Я прикусила губу и отвернулась от манящего тепла ночного костра. Забросив за спину лук, надвинув поглубже капюшон, я отправила кинжалы в ножны и прихрамывая пошла в лес. Большая сила — большая ответственность. Моя ответственность, а не их.

Темный лес бесшумно принял меня в свои мягкие объятия. Уже через несколько часов, даже Гранд не сможет отыскать мои следы, я ведь эльф. Эльф, который вернулся в свой лес. Обезображенный, искалеченный, измотанный, но все-таки эльф. Они будут меня искать, но я в это время уже буду достаточно далеко.

Два дня в пути. Они не смогли меня догнать, я слышала, что они попытались, но отступили, когда потеряли след. А я продолжила свой путь. Я шла по незримым тропкам пока солнце не достигло своей высшей точки. Меня окружали зеленые дебри. Но это было моим домом, и я всем сердцем верила, что я дома. Я заметила слезку еще час назад. Конечно, будь на моем месте люди, они бы ничего не заметили, но мне было достаточно неверно лежащей тени от кроны столетнего дерева, и я поняла, что меня сопровождает передовой отряд моих соплеменников. Их было семеро. Они не проявляли себя, лишь наблюдали. Я знала о них, но не подавала виду, в конце концов, это их обязанность, не стоит их унижать разоблачением. Конечно, если бы со мной были человек и орк, нас бы уже давно остановили, но я была одной из них, а значит, могла идти беспрепятственно до определенного рубежа. Я улыбнулась. Мне нужно было за этот рубеж. Мне нужно было встретиться с убитым горем королем. Это будет непросто. Я не знала, как это сделать. Поэтому просто продолжала идти к своей цели, соблюдая, однако предосторожность. Я верила, что первая стрела будет предупреждением. Надеялась, что успею среагировать.

Когда в мягкий ковер травы у моей ноги вонзилась стрела, я остановилась и подняла лук над головой.

— Я не враг. Вот мой лук. Колчан вы видите. Я кладу его на землю. Я не желаю вам зла. В ножнах у меня кинжалы. Несколько метательных ножей. Я могу показать вам все оружие. Нынче беспокойные времена, я не готова расстаться со своим оружием, но я хочу лишь получить позволение на проход, — я глубоко вздохнула, понимая, что самое сложное, еще впереди. — Я должна говорить с вашим королем.

Ответом мне было молчание. Мои сородичи были осторожны. На их месте я тоже была

бы осторожна. Я закрыла глаза. Я видела их энергии, я знала где они, я могла бы их убить, но моей целью было не убийство. Шли долгие минуты. Ничего не происходило. Я знала, что стоит мне сделать шаг за ту линию, которую провела стрела у моей ноги, как в мою сторону полетит пять длинных острых стрел. Они держали стрелы на тетиве и были готовы пустить свои луки в ход. Но они этого пока не сделали. А значит, у меня был шанс. Я скинула капюшон, представляя им возможность рассмотреть мое обезображенное лицо.

— Мое имя — Мирриэль. Я представляю орден Хранителей. Я должна говорить с королем Лето. У меня есть кое-что для него. Я последняя, кто видел принца Раирнаила живым.

На этом мои идеи заканчивались. Я не придумала ничего лучше. Повисло долгое молчание. Но я знала, что они обдумывают мои слова. Я не стала их торопить. Сбросил плащ, чтобы они могли видеть все мое оружие, я села на траву, достала флягу и отхлебнула теплой уже воды. Еще через несколько минут рядом со мной бесшумно появился статный эльф. Я знала, что он стоит там, но увидела его только, когда он снял свой плащ. Нарочито небрежным движением он расстегнул пряжку на шее и сбросил плащ. На секунду у меня больно защемило в груди. В его красивом лице я видела легко узнаваемые черты. Тот же острый нос, тот же твердый взгляд, те же блестящие на вечернем солнце темные волосы. Если бы было еще чуточку темнее, я легко бы могла решить, что передо мной стоит воскресший Раирнаил. Я прикрыла глаза, постаралась успокоить сердцебиение. Сколько радостных и грустных воспоминаний захватили меня. Я вспомнила, как на моих руках умирал тот, другой. Тот, которого я тогда любила. Который любил меня. От печальных мыслей меня отвлек спокойный глубокий голос.

— Мое имя Ваззин. Я старший в этом отряде. Что за дело у тебя к королю?

— Ваззин, — уважительно повторила я его имя, кивнув головой в знак приветствия. В то же время я пыталась вспомнить, откуда оно мне известно.

«Мирра. Это мой сводный брат. Ты все забыла. Все мои рассказы о семье.»

Голос Раирнаила я услышала впервые с того момента, как мы с Грандом вырвались из обреченной деревушки.

— Я так рада тебя снова слышать, Раир, — едва слышно проговорила я.

«Я всегда рядом с тобой, ты же знаешь, просто не было нужды проявлять себя. Да и орк, немного меня заблокировал. Я не мог пробиться через его защиту.»

Конечно, я знаю это. Яркая голубая энергия жизни эльфов не может соприкоснуться с искрящейся золотой энергией орков. Изначальное добро и зло. Они не могут находиться вместе. Даже рядом им тяжело. Но только не для меня. Темный эльф. Так назвал меня Рыдгар. Я не есть изначальное добро, каким была Элирия. Я всего лишь ее воплощение. Неестественное воплощение.

«Какого демона, Мирра, тебя понесло к моему отцу? Я все понимаю, нужны союзники, но предупреждаю, что, если ты только заикнешься, что ты и есть та самая дикарка, с которой я обручился без его ведома, он тебя повесит. Посмотрит на тебя, ради интереса, и повесит.»

— Милорд, Ваззин. Я должна говорить с королем о вашем сводном брате. Принц Раир, — я облизала губы набираясь храбрости и достала из-за ворота рубахи нехитрое украшение на тонкой цепочке. — Я знаю, что вам, милорд, знаком этот знак. Такой же был на шее Раирнаила, когда он отправлялся на совет земель.

«Мирра! Что ты творишь?»

Ваззин посмотрел на украшение. Потом внимательно изучил меня. Да уж, не в лучшей я

форме, чтобы знакомится с несостоявшимися родственниками. Бедро все еще болит, нога плохо слушается, я прихрамываю. Вся одежда заляпана пятнами крови и наспех зашита. Одно плечо завязано грязными тряпками, все лицо в ужасающих шрамах. Это ты еще не видел, что скрывается под одеждой, братишка.

— Уходи, — презрительно бросил эльф. — Ты не в своем уме. Я не знаю, где нашла ты эту побрякушку, но лучше тебе больше не подходить к границам скрытого города. И не трепаться ни о чем таком. Другие могут тебе поверить.

Вот же. Раирнал рассмеялся в моей голове. Да уж, кто поверит, что прекрасный Раирнаил мог полюбить кого-то вроде меня. Эльфы мне точно не поверят. Остается только убеждать.

— На этих парных кулонах была принесена клятва вечной любви. Я должна последовать за принцем в мир духов, но я не могу уйти, не простившись с его отцом, вместо него.

Что творю? Что делаю?

— Ты знаешь, безумная, что ждет тебя, если я сопровожу тебя к королю. Его горе не знает времени, в своей печали он не ведает сострадания.

— Именно! Я хочу облегчить его боль. Если моя смерть принесет ему успокоение, я готова.

Слышу стон Раирнаила.

«Прекрати, Мирра. Прекрати разыгрывать эту безумную трагедию. Ты не сможешь помочь моему отцу. Но он с удовольствием тебя убьет!»

— Знаю, — шикаю я на него. — Доверься мне. И прекрати нудить. Ты не был таким занудой, пока не стал духом!

«Серьезно? Наверное, потому что я был жив! Смерть, знаешь ли, слегка меняет характер. Не в лучшую сторону. Особенно когда понимаешь, что та, ради которой ты умер, намеревается покончить с собой, самым нелепым способом. Сделав своим убийцей моего отца!»

— Сложи оружие. Все оружие. Я проведу тебя к королю. Похоже, что твое безумие опасно, пусть король сам принимает решение.

Такой вариант меня не устраивает. Я так привыкла к своим кинжалам, что без них чувствую себя просто голой.

— Сдавай оружие, — напомнил мне Ваззин. — Ты можешь не переживать за свою честь, никто из моих людей не позарится на такую «красоту».

— Не суди по внешности, Ваззин. Хотя Раир немного мне рассказывал о тебе. И, судя по его словам, ты не сможешь даже осознать на сколько мои слова разумны, так как не обладаешь даже зачатками интеллекта.

«Что ты делаешь?» — сокрушается Раир.

«А чего он так со мной разговаривает?»

«Я же тебе говорил, что он отличный боец, хоть и глуповат. А еще я тебе говорил, что он гордец, каких мало. Ты забыла?»

«Я все помню, Раир. Я же сказала, доверься мне».

Расчет был верным. Ваззин, недолго думая, ударил меня по лицу. Ну, он попытался. Я перехватила его руку и высвободила свою боль. Его глаза широко раскрылись от боли, но он сжал зубы и не закричал. Гордый!

— Я не отдам тебе оружие, Ваззин. Не потому что боюсь за свою честь, как ты видишь, мне не нужно применять кинжалы, чтобы успокоить любой пыл. Но потому, что на северо-

востоке отсюда, в нескольких часах пути открылся разрыв, нам нужно туда попасть. Чтобы я могла его закрыть, а после этого, ты проводишь меня к королю. И представишь, как официальное лицо, посла от Хранителей.

Он зло смотрел на меня. Его глаза не были голубыми, как у Раира, они были карими. Уничтожая меня взглядом, он прошептал через сжатые зубы.

— Мои люди держат тебя на прицеле, один мой сигнал

— И меня пронзит пять стрел? — улыбаюсь ему в ответ я. — Нет, Ваззин, ничего такого не будет. Ты не обладаешь теми задатками, которые были у твоего брата. И хотя ты очень похож на него внешне, ты не являешься носителем древней крови. В твоих жилах она разбавлена кровью других эльфов. И даже несколько людей я вижу в твоём роду. Это всего несколько капель, но они так влияют на наследственность. На способности. А между тем, твой брат бы смог почувствовать, если не увидит, что сейчас нас с тобой укрывает очень прочный энергетический щит, пробить его не смогут даже орки тараном, не говоря о легких эльфийских стрелах. Кстати, можешь потом сделать выговор своей подчиненной, я услышала аромат ее мыла за три сотни шагов. Если идешь в дозор, изволь не душиться как на бал. Или хотя бы не стой по ветру от предполагаемой цели, иначе очень просто можешь стать добычей, а не загонщиком. Прикажи своему метателю ножом сделать несколько шагов назад иначе, мне придется показать на что способна я. Тебе это не понравится.

Я зло сощурила глаза и отпустила его руку, прекратив воздействие. Я знала, как ему больно, но не сожалела о своем поступке.

— Я бы не советовала, но, если тебе очень хочется, Ваззин, я приму твой вызов. И хотя я все еще не оправилась от прошлого ранения, я готова вступить в честный поединок с достойным соперником. Единственное, о чем попрошу тебя, давай мы отложим его, хотя бы до момента, когда я закрою разрыв, ведь в нескольких часах пути от него начинаются заповедные земли. И если я не остановлю демонов, через несколько дней они насытятся на столько, что смогут уходить от разрыва на очень приличное расстояние и тогда, я не дам и ломаного гроша за жизнь любого, кто окажется у них на пути. Хватит таиться, это имело бы смысл с другими, но не со мной. Я не только знаю, где конкретно находится каждый из вас, я знаю о вас почти все. Ты, — я указала на скрывающегося в ветках за моей спиной эльфа. — У тебя болит ожог, на правой ноге. Скорее всего неудачно бежал от любовницы, все еще думаешь о ней и сожалеешь, что тебя так рано вызвали. Сочувствую. Ты, — указала я на дерево справа от себя. — Спрячь нож, поверь, я владею метательным оружием лучше тебя! Проверим? Бросай!

Я закрываю глаза и вижу энергетический сгусток летящего в мою сторону ножа. Наплечные ножны стали легче на один клинок, брошенный мной нож, легко сбивает в воздухе сверкающую угрозу. И, продолжая движение, прикалывает полу плаща одного из эльфов к дереву. Я победоносно улыбаюсь и прищуриваюсь.

— Про девушку я уже все сказала тебе, Ваззин. Она вон там. За тем камнем, отличное убежище, даже я не смогу попасть в нее ножом. Мне продолжать? Или закончим эту показуху, я бы хотела продолжить движение, могу продолжить по пути.

Ваззин теперь изучает меня с интересом.

— Кто ты?

— Я уже представлялась, Ваззин. Мое имя Мирриэль. Я принадлежу к ордену Хранителей. Я была нареченной твоего сводного брата Раирнаила. И хотя тебе сейчас сложно в это поверить, он любил меня. И сейчас я хотела бы встретиться с его отцом. Не

стану лгать, я не собираюсь умирать. У меня еще слишком много дел в этом мире, но клятва, принесенная нами, требует от меня определенных действий. Я должна разорвать узы, которые нас связали с Раирнаилом. Для этого я и хочу встретиться с королем.

Внезапно меня осенила странная мысль. Инариэль говорил о старом пророчестве, которое нашла Кара. Там были слова о том, что обретут, те что потеряли. Зацикленный на бессмертии эльфов Инар, решил, что речь об этом. Но речь шла о другом. О эльфах, но не о бессмертии. Ведь теперь я знала, что вернуть им бессмертие невозможно. Обретут, значит у меня все получится.

— Эй, — трясет меня за плечо Ваззин. — Ты что?

Видимо, я опять отключилась. Я посмотрела на него с уважением, он не побоялся дотронуться до меня, и даже, испытав опять удар от меня, продолжил приводить меня в чувства.

— Со мной так бывает. Очень часто.

— Я спрашивал тебя, о том, кто ты, когда ты закатила глаза и начала бормотать что-то, а потом просто рухнула на землю.

— Я — Мирриэль. — повторила я.

Он отмахнулся.

— Я слышал твое имя. Но я спрашивал о другом. Что ты за существо?

— Не знаю, — честно призналась я. — Я ничего не могу тебе сказать. Я — это я. А теперь идем. Глупая, — бросила я еще одной девушке из отряда Ваззина.

Она замешкалась и отвлекшись, случайно выпустила стрелу. Я на лету разрубила стрелу катаром. Обе половинки упали у моей левой ноги. Это заняло не более одного движения глаз.

— Если бы это было в драке, девочка, ты бы уже умерла.

Я не злилась. Теперь я чувствовала свое превосходство. Этим неженкам, даже и не снилось все то, что выпало на мою долю. У них нет и десятой доли той подготовки, которую получила я.

— У меня были отличные учителя. Из всего твоего отряда, Ваззин, только ты сможешь некоторое время мне противостоять. Все остальные умрут в течении десяти ударов сердца. Почему в дозоры посылают таких... зеленых? Где следопыты?

Ваззин смутился. И, наконец, приказал своему отряду присоединиться к нам.

— Где лесные лучники, Ваззин? Что это за юнцы?

— Тоже мне опытная, очень сомневаюсь, что ты старше меня — презрительно фыркнула девочка, от которой до сих пор чувствовался запах душистого мыла.

Я закрыла глаза и глубоко вздохнула. Наглецов надо учить, а лучше всего они понимают науку, проливая кровь. Ваззин попытался меня остановить, но я была быстрее. Ножны на предплечии опустели. Я не собиралась ее убивать, просто испугать. Когда мой нож вонзился в ее бедро, она стояла в десятке шагов от меня. Я увернулась от рук Ваззина, который попытался меня удержать, и очень быстро оказалась рядом с все еще визжащей девушкой, правой рукой я ухватила ее за золотые волосы, а левой выдернула нож из ее ноги и приставила к тонкому горлу. Она застыла, а я потянула ее за волосы и прошептала на ухо.

— Восемь. Ты мертва. Замечу, что я замешкалась, у меня страшно болит нога, а ты стояла достаточно далеко, иначе, ты бы умерла на счет «три».

Я отпустила девчущку. Убрав нож на место, я посмотрела Ваззину в глаза. Он готов был бросится на меня с мечом.

— Итак, — примирительно подняла я руки. — Если мы выяснили, кто здесь опытный, а кто нет, может быть ты ответишь на мой вопрос, Ваззин. А вы, детки, помолчите, пока взрослые разговаривают. Да не ной ты, воительница. Счас помогу. Зато, теперь от тебя не несет мылом, я почувствовала твой запах, запах твоего страха.

Я улыбнулась и залечила ее рану на ноге в одно мгновение. Она замолчала. Шестеро юнцов безмолвно и удивленно уставились на меня. Ваззин прищурился, осматривая мою работу по излечению, и удивленно приподнял брови, совсем, как Раир.

«Прекрати, Мирра. Мне тоже больно, хоть я и дух. Если бы не ты, не встреча с тобой. На совет земель поехал бы он, а не я. Но ты все изменила. Я решил принять ответственность. А теперь...»

Все нужно исправить. И это тоже.

— Разрывы, — услышала я где-то рядом голос Ваззина. — Все, у кого есть опыт ведения боя, пытаются сдержать демонов. Их слишком много. Маги не могут закрыть разрыв, он слишком велик. Нейтралов нет

— И не будет, — закончила я за него. — Подмоги от них не будет, Ваззин. Но я здесь. Я помогу. Веди туда. Юнцов оставляй здесь. Им там делать нечего.

— Как ты ее залечила? Кто тебя учил? Я никогда не видел ничего подобного, это было очень эффективно.

— Столько вопросов к безобразной страннице, Ваззин.

— Я не говорил, что ты безобразна, — парировал Ваззин, подавая мне второй мой кинжал.

— Меня учили хорошие учителя, Ваззин: страх, боль и безысходность. Ты еще не решился спросить, что у меня с плечом и с ногой. Я расскажу тебя. Несколько недель назад мы вошли в Лоринг. Да, ты верно вспомнил, Ваззин, это именно та деревушка, недалеко от форта, в котором так и не состоялся совет земель. Мы были окружены. Наши гонители захлопнули ловушку, решив, что нам уже не спастись. Но нам был известен тайный ход, за несколько дней мы вывели из деревни всех людей. Там остались двое. Я и мой друг. Мы должны были уничтожить наступающую армию, или по крайней мере изрядно ее потрепать. В этом бою меня и ранили. Бедро мне пронзил меч одного из нейтралов. Рана в боку, память о моей нерасторопности в бою с Видящим. Ну, а плечо мне повредил орк, когда я пыталась его спасти. Я могу тебе рассказать много историй, несмотря на то, что я молода, на мою нелегкую долю выпало уже немало сражений. Да и плен мне дорого стоил, я едва не сошла с ума, — загадочно улыбнулась я. — Так что боевого опыта у меня побольше чем даже у тебя, Ваззин. Особенно в боях с демонами. Так что идем. Вам крупно повезло, что мое дело привело меня к вам именно сейчас и я не задержалась в пути.

Молчание повисло над лесной полянкой. Я победоносно осмотрела своих слушателей и дотронулась до плеча Ваззина. Он явно вздрогнул, опасаясь получить очередной удар, чем вызвал у меня улыбку.

— Нет, Ваззин. Пока я в сознании, я могу это контролировать. То, что ты испытал, я испытываю при каждом прикосновении к живому существу, но я могу это сдерживать, и не выпускать, оставляя в себе, пока я не захочу причинить боль, я этого не сделаю. Но если я впадаю в транс, то не могу это контролировать. Так что не опасайся.

Мы двинулись в путь. Я очень старалась не отставать от моего проводника, но рана на ноге очень болела, каждый шаг давался все труднее. Я не сдавалась, не жаловалась. Ваззин, наконец, заметил, что я стала хромать гораздо сильнее и сбавил темп. Я была ему

благодарна. Но высказывать свою признательность не сочла необходимым. Несколько часов мы просто шли молча. Потом он все-таки задал вопрос, который терзал его.

— Так кто же ты?

— Я избранная, но я не хотела этого. Эта моя часть досталась мне от твоего сводного брата, это он был избранным. Он мог бы со всем этим справиться, он бы точно знал, что делать. Он, а не я. Это ошибка. Еще одна ошибка. Ошибка, которую нужно исправить.

— Что ты опять бормочешь? Ты сбиваешься на непонятную речь, едва стоит упомянуть Раирнаила. Ты и вправду так его любила?

— Да. Любила. Но тогда, это была не я. Я предназначена другому человеку. И теперь я должна избавиться от той части себя, которая больше мною не является. Нужно все закончить. Идем. Я слышу, как кричат ваши люди, они не справляются. Сколько разрывов пространства вы сейчас сдерживаете?

— Около дюжины, и все очень близко к скрытому городу. А сколько сдерживают разьезды и постоянные войска, мне не известно.

— Придется задержаться, даже мне потребуется несколько дней, если не недель, зависит от того как они удалены друг от друга. Что-то необычное было у разрывов?

— Я не знаю. Я не был у разрыва. Меня и еще двадцать офицеров оставили присматривать за молодыми. И проводить ускоренный курс.

— А король?

— Он остался в городе. Я не солгал тебе. Смерть принца стала для него сильнейшим ударом, он до сих пор не может оправиться. Фактически он не в состоянии принимать какие-то решения. Старейшины временно взяли управление на себя, мы тщательно скрываем этот факт, чтобы не допустить паники. Пока демоны не хлынули в наш мир, все было нормально, но теперь, правда откроется. Нам придется искать какой-то выход.

— Король Лето не в своем уме... Так на какой суд ты собирался меня вести?

— На суд Десятки.

— Не понимаю. Но это и не важно. Мы уже близко. Готовь оружие, там времени на подготовку не будет.

Я уже знаю, что меня ждет. Там демон желания, под ее влияние уже попали шесть человек. Эльфы очень эмоциональны, просто мечта, для демона желания. Первым делом, нужно их нейтрализовать, желательно не причиняя вреда.

— Слушай внимательно, Ваззин. Там демон желания всем заправляет. Она уже очаровала нескольких воинов, пока они под ее влиянием, ее воля для них важнее всего.

Демон желания. Калисто. Орки. Она использует именно такое воздействие. После подумаю об этом.

— Итак, нам нужно вывести их из битвы, желательно не причинив большого вреда, вырубить. Я смогу потом излечить раненных, но не во время битвы, после того как будет закрыт разрыв, то есть они не должны истечь кровью. Остальных я постараюсь защитить от ее чар. Запомни, не приближайся к ней, она — моя. Мне она не сможет ничего сделать. Я сильнее ее. Но ты должен присматривать за мной. Просто прикрывай меня. Я спасу вас, — я улыбнулась ему. — Поверь мне. Раир просит тебя, чтобы ты усмирил свою гордыню. Не надо повторять вашего детского поединка за право сидеть за столом рядом с отцом. Что бы это не значило.

Я увидела, как в его глазах отразилось понимание. Я лишь повторила слова Раира, но похоже, он все понял, а это было главное. А теперь, вперед. Как же болит нога.

Мы ворвались на поле битвы подобно смерчу. Определить зачарованных не составило труда. Они прикрывали свою демонессу. Четверо. Не вижу еще двоих. Падая на колени, я спускаю первую стрелу, один из одержимых роняет меч. Отличный выстрел, плечо. Закрепляя успех отправляю вторую стрелу в другое его плечо, теперь он не сможет ничего сделать. В ушах стучит кровь. Словно из другого мира слышу, как кричит Ваззин, быстро отдавая приказы. Вольные лучники потеряли командующего и теперь просто пытались выжить, наше появление — неожиданность для них, такая же, как и для демонов. Быстрым движением срываю кинжал, он уже торчит из шеи слишком быстрого импа. Еще одна стрела, как нож в масло, входит в открытую доспехом ногу одержимого эльфа. Ваззин смог уже сгруппировать остальных. Молодец. Я никогда не умела командовать, я — одиночка. Дерусь за себя. Похоже демонесса быстро понимает в чем тут дело и обращает внимание на меня.

— Ты, я помню тебя! Я так хотела с тобой встретиться лицом к лицу.

Она была в нескольких десятках шагов от меня и вот она уже совсем рядом.

— Ну, здравствуй! Дитя Равновесия. Как ты? Скучаешь без него?

Я не слушаю ее. Тонко звенят «близнецы».

— О! Как грубо! Ты же девушка! Нужно быть нежнее. Представь, что ты с ним! Я — это он! Ты же не сможешь причинить ему боль!

На моих глазах она меняет облик и становится Каленом. Я смеюсь. Нет, Кален слишком светлая личность, она не сможет удержать его образ. Она не опасна, пока занята мною, можно заняться другими демонами. Порывистыми движениями, расправляюсь с еще одним мелким демоном. Эльфы четко следуют командам Ваззина. Откуда-то в меня летит стрела, еще один одержимый. Быстро соткав щит, отбиваю стрелу и нахожу стрелявшего по энергетическому следу. Прости, друг. Мой кинжал впивается в его грудь. Не умрет, но и стрелять не сможет.

— Ты злая! — кричит на меня демонесса.

Смешная. Но ей придется заниматься в последнюю очередь. Двоих я вывела. Еще двоих оглушили свои и уже оттащили их с поля. Отлично. Снова бросаюсь в самую кашу. Демонов чуть больше десятка. Меня поддерживают отличные лучники. Слышу, что рядом со мной орудует тонким мечом Ваззин. Отличный воин. Облегченно вздыхаю. Я могу ему доверить прикрывать мою спину, почти, как Каре.

— Кара, ты знаешь, что он провел с ней ни одну ночь? Много ночей. Таких сладких, таких томных. Таких ночей, каких у тебя с ним не было никогда! А у нее были. Он скверный мальчишка.

Мне все равно. Это было до того, как он встретил меня. Я опять улыбаюсь. Демонесса опять исчезает, увернувшись от моего удара. Плохо, нога болит. Да все болит. Нужно торопиться. Из десятка демонов осталось трое. Еще немного.

— Как же так? Я не понимаю, ты же любишь его, ты страстно его желаешь, почему я не могу овладеть твоим разумом? — верещит над моим ухом демонесса.

Я делаю вид, что не слышу ее, расправляясь с очередным демоном. Послушные мне «Близнецы» аккуратно отделяют мерзкую голову от туловища чудища, я не вижу его глаз, потому что напала сзади. Я слышу ее негодующие восклицания. Я знаю, теперь я — ее наваждение. Она уже забыла об остальных. Ее интересую только я. Она появилась, чтобы попробовать еще раз. Передо мной опять стоит Кален. Он обнажен до пояса и протягивает мне руку, желая заключить меня в объятия. Я улыбаюсь и быстрым движением пронзаю его грудь.

— Как? — стонет демонесса.

— Ты его не знаешь, — шепчу я. — Он не просто Видящий, он не просто мой любимый, он нечто большее, то, чего ты никогда не сможешь передать, никакой иллюзией. Ты выбрала не тот образ.

При последних словах я поворачиваю кинжал в ее груди. Как же я устала. Разрыв можно закрывать, демонов больше нет. Я уже ели могу идти. На ногу больно опираться. Рана на плече опять открылась. Дурацкий лабрис. Как же больно. Открываю поток энергии жизни. Запросто закрываю разрыв. Пока сознание меня не покинуло, нахожу раненных. Ковыляю к каждому. Действовать на расстоянии сейчас очень тяжело, если возложить на них руки, станет проще.

— Ваззин, — кричу я. — Раненых ко мне. Я не смогу сама дойти до всех.

Он, кажется, понял. Десяток эльфов бросаются в разные стороны и несут ко мне раненных. Я не отпускаю энергию, лечу раны. Стрелы, мечи, зубы и когти. Очень тяжело.

— Последний, — слышу я голос Ваззина.

Он стоит рядом, я уже не помню сколько времени опираюсь спиной на его ноги, сидя на земле.

— Когда я потеряю сознание, — пытаюсь я предупредить его.

Он улыбается.

— Я помню.

Как же он похож на него. Раир. Я все исправлю, еще немного времени и все встанет на свои места. Теперь мне кажется, что даже глаза у них похожи, нет не цвет, эмоции. Еще один раненный. Я прикасаюсь к нему и излечив последнюю рану расслабляюсь.

— Мирриэль, — слышу голос Ваззина. — Маги помогут тебе, их тут двое.

Я улыбаюсь. Какие у него красивые глаза. Сколько в них нежности, совсем как...

— На меня не действует магия, Раир. Ты же знаешь. Никакая. Это мое проклятье. Просто дай мне время.

Но я не теряю сознание. Я все осознаю. Я понимаю, что мне промывают и перевязывают раны. Но это не со мной. Чтобы она там не сделала, но меня мучают видения. Демонесса не смогла этим воспользоваться. Просто не успела понять. Это хорошо. Она приняла не тот образ. Если бы это был не Кален, а Раир, я бы не смогла. Не смогла вынести его смерть еще раз. Когда на небо восходит луна я прихожу в себя окончательно. Рядом сидит Ваззин, глядя на яркое пламя костра.

— Мы должны спешить, Ваззин. Остальным вашим людям так же непросто. Без нас они не смогут справиться.

Он внимательно смотрит на меня. В его глазах больше нет призрания, нет холода, нет высокомерия.

— Я понимаю теперь.

— Что? — переспрашиваю я.

— Я понимаю почему он выбрал тебя. Знаешь, Раир всегда был первым, во всем. Я всегда хотел стать таким, как он. Мы частенько с ним дрались в детстве по пустякам. Я хотел доказать отцу, что я не хуже, но у меня никогда не получалось. И вот теперь опять. Даже покинув мир живых, он умудряется дать мне щелчок по носу.

— Он был особенным, Ваззин, — пытаюсь успокоить его я. — Но ты не хуже и не лучше, ты просто другой. Будь собой. Тебе никогда не стать Раирнаилом, но ты хорош, как Ваззин. Просто прими это.

«Мирриэль, остановись! Еще немного и он полюбит тебя, как любил когда-то я.»

— Особенный. На столько, что ты его любила.

— Это была наша судьба, Ваззин. Мы не могли этого избежать. Даже теперь я понимаю, что так должно было случиться, ведь иначе, я бы никогда не изменилась.

— Ты грустишь о нем?

— Постоянно, — честно признаюсь я. — Я готова многим пожертвовать лишь бы вернуть его.

Он порывисто наклоняется ко мне и страстно целует. Я хочу отпрянуть, хочу отстраниться, но его поцелуй так похож на поцелуй Раирнаила. Он так похож на него. Я закрываю глаза и в уме представляю наши поцелуи в старом домике на берегу океана. Как же они похожи.

— Позволь я стану им для тебя, — шепчет такой знакомый до дрожи голос.

Это не он, кричит сознание. Но воспоминания так живы, мне хочется их оживить. И руки обвивают его шею. Я помню его страсть, я помню его поцелуи, я помню, как сливались наши тела. Я ощущаю его нежные прикосновения к моему телу, желание заполняет меня. Я так хочу снова все это испытать, снова быть с ним, снова принадлежать только ему, снова сгорать в его страсти.

«Мирриэль, остановись. Вспомни о Калене!»

Какой назойливый дух. Кто такой Кален?

«О, нет! Мирра. Она тебя все-таки околдовала!»

Отстань, настыра! Не видишь, не до тебя! У меня в голове уже мелькают картинки, как с меня срывают одежду, как губы покрывают мое обнаженное тело поцелуями, как в свете луны мною овладевает такой желанный мужчина.

Ваззин, берет меня на руки и несет прочь от костра, а я нежусь в лучезарном пламени его нежных карих глаз. Стоп! Карих! Не то! С глаз спадает пелена, разум проясняется. Я вспоминаю.

— Стой, стой! — вырываюсь из его рук я. — Постой.

Он ставит меня на землю, но продолжает обнимать, привлекая к себе.

— Нет-нет, Ваззин. Это не правильно. Это была не я. Прости! О, демон меня раздери Она все-таки что-то сделала с моим сознанием. Стой, Ваззин. Это не то! Я не люблю тебя не хочу тебя. Я люблю другого!

— Раирнаила, — тихо шепчет он.

— Нет, Ваззин, даже не его. Нам лучше остановиться, — я легко выскользываю из его объятий. — Это демонесса. Ее влияние. Она пробудила во мне желание, и, хотя не смогла завладеть моим разумом, но затуманила его. Просто я не сразу смогла это определить. Прости. Это моя вина. Я не должна была отвечать тебе. Но

— Я так похож на него. И ты не устояла. Жаль, что это не продлилось чуть дольше.

— Нет-нет! Ваззин. Это было бы ужасно!

«Ну, славно! Теперь ты очаровала моего брата. Молодец, Мирра! Ты хочешь всю нашу семью уничтожить?»

— О, Раир, прости. Прости Ваззин.

— Почему ты постоянно разговариваешь с ним словно он здесь?

— Потому что он здесь, — пожимаю я плечами.

— Что? Как? Я думал...

— Что просто напоминаешь мне его? Нет, Ваззин. Дело не в этом. Дело в том, что он

его дух, привязан ко мне. Чтобы древняя клятва не тянула меня к смерти, он привязал свой дух ко мне. Он всегда со мной. Поэтому я все еще жива. Я не знаю всех тонкостей. Но Раир, всегда со мной. И теперь он негодует. Он злиться, что я...

— Едва не предала его память? Но он ведь умер, ты свободна! Брат, если ты слышишь меня, неужели даже сейчас ты станешь на моем пути и из-за тебя я опять лишусь желаемого?

— Все не так, Ваззин. Я любила Раирнаила, но теперь, есть другой. Другой. О Создатель! Я чуть было... Какой ужас!

— Я так тебе неприятен?

— О, нет, Ваззин! Все не так! Я люблю другого, понимаешь. Я пришла сюда, чтобы вернуть Раирнаила, чтобы все исправить, чтобы он освободился от меня, а я от него. Я не могу быть с Каленом, пока. Пока со мной твой брат. Я не могу!

«Что ты хочешь сделать, безумная?!»

— Да, Раир, да. Я хочу вернуть тебя к жизни! Я сделаю то же, что сделал ты! Я верну тебя, дам тебе еще один шанс! Ты снова будешь жить! Пойми же, я не могу по-другому! Ты не должен был умирать! Не ради меня! Ты нужен им. Нужен своему народу, особенно сейчас, когда твой отец обезумел от горя! Ты должен жить!

— Что тебе нужно для этого? — совершенно серьезно спросил меня Ваззин.

Я закусила губу.

— Жизнь, за жизнь. Я должна убить, и отторгнуть чей-то дух, чтобы на его место я смогла поместить дух Раирнаила. Он вернется. Но тот другой, займет его место в мире духов. Я заменю души. Только вместо души связанной со мной клятвой...

— Возьми мою жизнь. Я готов. Меня ничто не держит в этом мире. Если моя смерть поможет нашему народу, если я спасу брата ценой моей жизни. Я пойду на это. Но моя кровь, она не такая чистая, как кровь наследного принца...

— Это не важно, — размышляю я вслух. — Кровь зависит от духа.

«Нет, Мирриэль. Ты не посмеешь! Не он! Он мой брат!»

— Единокровный! — добавляю я.

Что я делаю? О чем я говорю?

Я размышляю над такой возможностью. Жертва должна быть добровольной. Что останавливает меня? Ничего. Я пришла сюда, именно для этого. Я смогу все исправить. Ценой лишь одной жизни. Как же сложно на это решиться. Я — дитя равновесия. Я должна его восстановить, любой ценой! Даже такой! Я закрываю глаза и набираю полную грудь свежего осеннего воздуха. Пахнет влажной хвоей и мхом. Грибами и смертью. И смерть несущая. Я — темный эльф. Эльф, пораженный тьмой мира духов. Я сжимаю левую руку в кулак. Послушно появляется лезвие.

Я смотрю в карие глаза.

— Я не могу, — опускаю я руки.

— Ничего не бойся, красотка! Я помогу тебе. Поверь, моя жизнь — это самая малость. Мне не жаль ее ничуть. Я всегда был вторым. А теперь, благодаря тебе, я стану первым. Я хочу этого, Мирриэль.

Он берет мою левую руку в свои и крепко пожимает.

— Давай! Просто сожми кулак, принцесса! Я не боюсь, и тебе не стоит!

Я сжимаю кулак, послушное моему желанию появляется лезвие.

— Вот так, — одобрительно улыбается он. — А теперь...

Его рука крепко держит мою. Он сжимает в кулак мою руку, не давая ей разжаться.

— Позволь мне сделать все правильно, сестренка!

Он проводит острием себе по руке вскрывая вены. От локтя до запястья. Горький запах крови бьет мне в нос.

— Теперь дело за тобой, чудесное создание! — он отпускает мою руку и ложиться на траву, истекая кровью.

— Ваззин, — я плачу, опускаясь на колени рядом с ним.

Как же мне плохо. Я не ожидала такого. В порыве благодарности я сжимаю его руку.

— Я буду с тобой, Ваззин. Я проведу тебя в мир вечного лета.

Я целую его в щеку.

— Ради этого, — улыбается он бледнеющими губами. — стоило жить и умереть...

Он не смог закончить фразу. Я спрошу его потом. Но сейчас медлить нельзя. Иначе все будет напрасно. Я призываю свою силу, взываю к энергии смерти. И вот я вижу его. Вижу, как его дух отделяется от тела, с каждой каплей крови связь все слабее. Что я наделала? Я ложусь на траву рядом с ним, держу его за руку. Здесь можно использовать только энергию смерти и меня уносит золотой поток. Холодный, мрачный и всепоглощающий. Я переносусь в мир духов и беру за руку бесплотный дух жертвы.

— Я не оставлю тебя, Ваззин. Я буду с тобой, как и обещала. Идем. Нам нужно найти Раирнаила.

Он улыбается мне. В его глазах нет страха. Только признательность. Как же это больно. Это была одна из самых сложных моих прогулок по миру духов. Я чувствовала его. Я знала, где его искать. Поэтому это не заняло много времени. Меня тянуло к нему, и я нашла его. Его дух так и остался на теновом отражении той пещеры, где он спас меня. Он стоял у черного камня.

— Как ты могла, Мирра? Зачем?

— Я должна спасти тебя, Раир.

— Но почему он? Я любил его, я хотел, чтобы он жил.

— Брат, я сам так решил! Не вини ее!

— Я не виню ее. Но я никогда не смогу ее простить.

Я закрываю глаза. Сердце разрывается. Он любил меня и теперь я предала его, предала. Слезы катились из моих закрытых глаз. Я подошла к духу Раирнаила и взяла его за руку.

— Жизнь, за жизнь. Дух за духа. Равновесие соблюдено.

Я закусила губу и отпустила руку Ваззина. По щекам катились слезы. Я покрепче сжала руку принца в своей руке.

— Я никогда не прощу тебя, — шептал Раир.

Я остановилась и оглянулась на оставленный мною дух. Его осветил яркий свет. Я увидела, как он улыбается глядя вверх. А потом он взглянул на меня, кивнул в знак признательности и исчез. Его вернули в колесо жизни. Он заслужил перерождение! Еще немного и мы оказались над ночной поляной, над истекающим кровью эльфом. Хотя кровь уже не текла. Он был мертв. Я потянула дух Раирнаила в реальность и привязала его энергией жизни связав тело одного из братьев с духом другого. Оставалось лишь вернуть к жизни тело Ваззина.

— Я никогда тебя не прощу! — крикнул на прощание мне дух Раирнаила.

— Ты ничего не вспомнишь, любимый, — прошептала я. — Ты забудешь все, что связано со мной. Забудешь свою любовь, забудешь клятву, забудешь все, что будет мешать тебе жить дальше. Ты должен жить! Без меня!

Он хотел что-то возразить, но я приложила свою руку к холодному лбу и почувствовала, как его воспоминания исчезают, помнить о нас буду только я. Он не воплощение дракона, он не сможет ничего вспомнить. Никогда.

— Прощай, мой принц. Так было нужно.

Я поцеловала его в губы, вливая в тело энергию жизни, исцеляя рану на руке и уничтожая раны в душе. Это было непросто, но я справилась. Я почувствовала, как встрепенулось под моей рукой, остановившееся сердце. Как в жилах начала восстанавливаться кровь. Уже светало, я не убирала своих рук с его тела. Я видела, как постепенно он возвращается. Я плакала. Я прощалась с тем, кого любила, опять прощалась. Теперь уже навсегда. Наверное, он чувствовал то же самое, когда спасал меня. Мне было очень больно, но я верила, что все сделала правильно. Он достоин этого. Мне это было нужно. Немного изменились черты лица. С каждым вздохом, он становился все меньше похож на Ваззину и все больше становился Раирнаилом. Я наблюдала. Я ждала, когда он откроет глаза. Я должна была убедиться, что он забыл меня. Вот дрогнули веки. Он пошевелился и открыл глаза. Яркие голубые глаза. Такие знакомые, такие когда-то любимые. Это был он. Я смогла его вернуть.

— Принц, — почтительно проговорила я, опуская взгляд, боясь напомнить ему о чем-то.

— Кто ты? — проговорил он.

Я улыбнулась. Все правильно. Теперь все правильно.

— Ваше высочество были ранены. Вы отошли от лагеря, и я увидела, как вы упали. Вот я и подбежала, чтобы убедиться, что с вами все в порядке.

— Спасибо, дитя. Со мной все хорошо. Немного голова кружится. Проклятая демонесса, здорово нас всех вымотала.

— Да, принц.

— Ты очень внимательна. Благодарю тебя.

— Рада вам услужить, принц, — я глубоко вдыхаю утреннюю свежесть. — Надеюсь, принц не забудет о своей признательности. Хранители будут рады союзу с лесным народом. Для того меня и отправили к вам, ваше высочество. Чтобы помочь совладать с демонами и просить вашей поддержки в сдерживании угрозы. Беда разрастается. Ваши люди и их верные луки, будут очень кстати в этом противостоянии.

— Безусловно. Мы окажем вам поддержку. Даже не сомневайся, но сперва нужно разобраться с нашими проблемами.

— Для этого я здесь, ваша светлость. Я помогу закрыть вам разрывы и обезопасить леса. Кроме того, принц, вы единственный, кого я смогу научить это делать, — я улыбаюсь ему не поднимая глаз. — Когда нас будет двое, мы сможем справляться быстрее.

— Это отличный план. Эээ

— Мирра, мой принц. Меня зовут Мирра.

— Да-да, конечно, прости. Совсем вылетело из головы.

— Понимаю, ваша светлость.

— Прекрати, на поле брани все равны. Зови меня по имени, дитя. Раир. Мы вместе проливали кровь и делили хлеб. Достаточный, по-моему, поводу, обходиться без титулов.

— Да, Раирнаил.

— Вот и славно. А теперь нехудо было бы позавтракать.

Он встал и направился к лагерю. Я смотрела ему вслед и улыбалась сквозь слезы. Все

получилось. Серебристая цепочка расстегнулась у меня на шее и соскользнула. Я посмотрела на тонкий кулон. Резной листок смерть-травы лежал в моей ладони. Все закончилось. Не было клятвы, не было любви, ничего не было. Мы никогда не встречались до этого короткого разговора. Для него, но не для меня. Я ничего не забуду.

Уже через несколько дней весть о возвращении принца облетела всех жителей леса. Эльфы ликовали. Никто не вспомнил о Ваззине. Вернулся наследник трона живой и здоровый. К королю вернулся рассудок. И уже спустя неделю, он собственноручно возложил золотую корону на чело своего сына. Это была пышная церемония. Седовласый король с обожанием смотрел на своего коленапреклоненного сына. Я боялась, чтобы рассудок окончательно не покинул его от радости, но все обошлось. Мне пришлось сочинить историю о том, что Хранители смогли отыскать и выходить принца. Он вернулся в родные леса и тут блуждая в глуши, все вспомнил. Мне сложно было вплести в свою сказку воспоминания Ваззина, я просто не стала ничего больше объяснять. Они сами заполнят со временем пробелы в моем рассказе. Так устроена память. Мы восполняем пробелы, не задумываясь откуда берутся воспоминания и зачастую вспоминаем о том, чего никогда не было. Где он пропадал больше года? Что он делал все это время? Я решила, что они все это придумают сами. Важен факт его возвращения. Никто не задавал лишних вопросов. Все хотели верить в чудо и не разбирались в его происхождении. Во время коронации я стояла в первых рядах, среди придворных вельмож. Стояла и любовалась им. Темные волосы Раирнаила обрамляли утонченное лицо, голубым огнем энергии жизни, горели его яркие глаза. Светлые голубые одежды с золотым плетением листьев на отворотах, подчеркивали его стать. Он был рожден для этого. Он должен был стать королем. Я не могла отвести от него глаз. Я была счастлива. Это была его судьба, не смерть в далекой пещере, а это. Царский венец, престол, красавица невеста и многочисленные потомки. Я знала, что он будет отличным правителем. Под его мудрым покровительством к эльфам вернется процветание, начнется их новый рассвет. Инариэль безусловно ему поможет, потом, когда все закончится. Когда этот мир будет избавлен от такого нежелательного присутствия трех безрассудных богов.

Через несколько дней после коронации прибыли эльфы с дальнего рубежа. Их целью было соединение узами брака их принцессы с теперь уже королем. Я видела статную красавицу принцессу. Она легко спрыгнула с лошади, оправила чудесное платье и сделала глубокий реверанс, здороваясь с королем. Она была очень красива. Теперь я понимала насколько я была обезображена, рядом с этой красавицей, я была просто чудовищем. Шрамы на моем лице и теле никогда не заживут. Никогда уже моя кожа не будет иметь такого нежного матового оттенка. Никогда прикосновения к ней не смогут сравнить с нежными прикосновениями шелка. Раирнаил подал ей руку, приглашая проследовать в бальную залу. Вечером был торжественный прием. Принцесса восседала рядом с королем, к неопишуемой радости родителей короля. Весь вечер молодые мило общались, иногда щеки девушки заливались румянцем. Они были созданы друг для друга. Уже к концу вечера я видела, как горели глаза принцессы при каждом взгляде на Раирнаила. И я видела страсть в его глазах. Я знала, что это страсть, когда-то он так же смотрел на меня. Я не стала дожидаться окончания пира, ушла спать пораньше. Я знала, что они уйдут вместе, знала, что они останутся вместе до утра. Знала, что теперь они не захотят расставаться.

Я присутствовала на помолвке. Закусив губу, я стояла в дальних рядах и смотрела, как мой принц целует свою невесту. В одно мгновение, он поднял глаза, приветствуя своих подданных и наши взгляды пересеклись, я увидела секундное сомнение в его глазах, он

немного нахмурился, словно всматриваясь в мои глаза. Я испугалась и поспешила отвести взгляд, и как можно быстрее смешалась с толпой. На секунду мне показалось, что он что-то почувствовал, это было бы неправильно. Не нужно испытывать судьбу, и опять все портить. Я испытывала странные ощущения. Я сделала все правильно, я все исправила, но в то же время, я знала, что никогда не забуду его. Это часть души онемела, но не исчезла, не отмерла. Просто я запретила себе тревожить эту рану. Это тоже шрам, только этот шрам на сердце никто не увидит. Я исполнила свой долг, я вернула им, то что они потеряли.

Я провела при дворе еще несколько недель, передавая Раиру свои знания об энергиях и управлении ими, избегая встречаться с ним взглядом.

Мы совершили несколько вылазок, практикуясь закрывать разрывы. Я надеялась, что так будет, когда возвращала его. Древняя кровь, оберегаемая эльфами, должна воспринять знания, он тоже избранный, он сможет делать то же, что и я. Двое избранных — это уже явный перевес в нашу пользу. Я качнула весы Равновесия, но это того стоило. Кроме этого мне нечего было противопоставить могуществу Красного дракона.

Я была дома, была среди своих родичей, но я чувствовала себя лишней. Меня не оскорбляли, не обижали, но обходили стороной. Меня опасались и сочувствовали. Я была официальным лицом, представителем Хранителей, не более того. Со мной поддерживали беседу, но старались не задерживаться рядом. Я выделялась на общем фоне, мне не было места при дворе. Несмотря на настоятельные просьбы фрейлин и придворных дам, я так и не сменила свой дорожный костюм на мягкие ткани платьев и юбок. Я не носила с собой лук, но не расставалась с катаром и метательными ножами. В охотничьей куртке из мягкой кожи, и высоких сапогах я чувствовала себя спокойнее и увереннее. И дамы перестали настаивать, но стали обходить меня стороной. Несколько раз они пытались втянуть меня в разговоры о балах, рюшах и последних веяниях дворцовой моды, но я не понимала ни слова, лишь глупо хлопала глазами переводя взгляд с одной на другую и молчала. Мне нечего было им сказать. А мужчины не воспринимали меня всерьез, придворные кавалеры не бывали на поле брани, они не могли меня понять. Мой образ жизни был чужд им. И мне все чаще снились мои приключения, меня уже манила дорога. Ни мягкая постель, ни теплые ванны, ни вкусная еда не приносили удовольствия. Все чаще я вспоминала нехитрые ужины у костра и умывания в холодных источниках. Придворная жизнь меня угнетала. Я была чужой здесь. Только в городе, среди простых трудяг и вояк я могла отдохнуть. Здесь я была своей. Я частенько навещала лазареты, оказывая посильную помощь. Меня с улыбками встречали на конюшнях и на тренировочных полях. Вечерами с удовольствием старые вояки слушали мои рассказы, молодые смотрели на меня с удивлением и восхищением. Я хотела надеяться, что Раир сможет очистить свой двор от неженок и пустомель и эльфы вернут былую славу и вновь станут теми, кто смог покорить сердце Элирии, станут достойны ее любви. В старой библиотеке, где я тоже любила проводить время, я нашла подтверждение орочьим легендам. Один из странников из глуши, рассказывал, что в лесах затерялась деревушка, в которой мирно живет небольшое племя орков. Но никаких точных данных. Лишь краткое упоминание. Придется долго ее искать. Но я готова была к этому. Теперь мой путь лежит туда. Я должна их найти, чтобы, вернувшись к Рыдгару, все ему рассказать. Был неоспоримый плюс в моем пребывании в городе эльфов. Я наконец-то обзавелась сменной одеждой, которую не нужно было подгонять мне по фигуре. Но время шло. И меня ждали дела.

Я не стала дожидаться свадьбы, хотя Раирнаил и просил меня, как представителя их

союзников, почтить своим присутствием это торжество. Я сослалась на неотложные дела и засобиралась в путь. Я покинула тайный город с первыми лучами солнца. Мой путь лежал в Глушь. Я бросила последний взгляд на спящий дворец и мысленно пожелала им счастья. Я поставила точку. Теперь мы оба были свободны. Тонкая цепочка с резным кулоном больше не висела у меня на шее и даже не лежала в моем кармане. Я оставила ее в тронном зале, после очередного торжества. Положила на верхнюю ступень престола, когда никто не видел. Я знала, что никогда не вернусь в тайный город. Никогда больше не вижу его, не услышу его голос, не рассмеюсь шутке и не пожалуюсь ему. Он исчез из моей жизни, я вычеркнула его, но спасла.

Глава 8.

Кален с Карой возвращались на ужин. Тренировки и смотры проходили ежедневно, они строго следили за подготовкой, и с удовольствием принимали участие в состязаниях.

— Чудесное место, — проворчала Кара. — Но тут совершенно нечего делать. Скучота. Такое ощущение, что мы в другом мире, в мире где нет разрывов, демонов и злобного дракона. Тебе не кажется, друг мой, что мы тут зря отсиживаемся, пока там приходит конец всему?

— Кара, мне тоже скучно. Ты же знаешь, я не привык прятаться за стенами, когда надвигается битва, но... Мирра там, она наверняка делает все возможное, чтобы добраться сюда. Просто, обычно ее продвижение замедляют всевозможные подвиги.

— Да уж, знаю. А потом ты мчишься ее спасать, когда она сунет свою голову в очередную западню. Эта эльфийка просто магнит для неприятностей. Какая скука, Кален. Пошли что ли на озеро, искупаемся.

— Кара, — он отрицательно покачал головой. — У тебя ничего не выйдет.

— Что? — посмотрела она на него самым невинным взглядом.

— Кара, я же объяснил уже и тебе и Энель, я уже не просто Видящий. Я чувствую твои мысли, Кара. И мой ответ — нет. Я люблю тебя, как соратника, как друга, но больше между нами не может ничего быть.

— Ты стал таким правильным в последнее время, Кален. Просто святой! Но сомневаюсь, что это изменило тебя на столько. Ты же понимаешь?

— Хватит, Кара. Это время прошло, теперь все по-другому. Ты бы поняла меня, Кара, если бы сама полюбила.

— Что по-другому, Кален. Что изменилось. Ты всегда сам говорил, что любовь для поэтов, для нас простых вояк есть другие понятия. Ты не бард, ты всегда предпочитал действовать, а не разговаривать. Да ты волочился за каждой юбкой, тебе было достаточно одного намека, чтобы ты уже тащил деваху в ближайший укромный уголок. И что случилось? Я же вижу пламя страсти в тебе, но ты не даешь ей выхода! Ты думаешь еще один или два, или десяток раз что-то изменит? Ты был и остаешься собой, Кален. Умопомрачительным любовником. Это будет отличным развлечением, обещаю, сохранить эту нашу маленькую тайну.

Она посмотрела ему в глаза, и попыталась поцеловать. Он мягко ее отстранил. Обнял за плечи и поцеловал в щеку.

— Ты права, Кара, я никогда не был поэтом, я не умею ухаживать, да я даже танцевать

толком не умею. Ты права, Кара, женщины всегда окружали меня, их всегда было с избытком. Я легко шел на близость. Я не был ничем связан. Но теперь, — он мечтательно улыбнулся. — Знаешь, когда я встретил ее, все изменилось. То, о чем ты говоришь, Кара, это — низость и пошлость. Я мог себе это позволить, пока не понял, что есть нечто важнее близости физической. Кара, я больше не хочу просто близости, мне мало обычной страсти. Мне нужна она. Она указала мне путь к свету, она стала моим проводником, к тому свету о котором я не смел даже мечтать. Тогда, Кара у меня на сердце была зима, я был холоден и расчетлив, а ее глаза, их блеск, ее нежность, это все изменило. Когда я смотрю в ее глаза, у меня на душе цветут сады, поют птицы. Понимаешь, мое сердце бьется только для нее. И всегда билось для нее. Я просто этого еще не знал, не мог понять. Я знаю, что живем мы в мире, где нежность и доброта считаются слабостью, но я так устал биться, биться для того чтобы просто жить. Я позволил себе, да Кара, именно позволил себе влюбиться. И теперь для меня нет никого желаннее ее. Ты помнишь, я ходил в бордель пытаюсь забыть ее. Я понял только Кара, единственным моим стремлением стало желание быть рядом с ней. Одна мудрая женщина сказала мне, что теперь только она сможет насытить меня, только засыпая и просыпаясь с ней я смогу чувствовать себя живым, по настоящему живым. Целовать ее, смотреть в ее глаза, видеть любовь в ее глазах и, Кара, это лучшее, что случалось со мной. Я знаю, что стану счастливым только с ней. И теперь, Кара, я не променяю этого ни на что. Никогда. Она — моя жизнь, моя судьба, моя любовь.

Он нежно провел по ее волосам.

— Прости меня, Кара. Я мучал тебя так долго. Мы оба терзались, мы не знали, что мы теряем, отказываясь от любви. Но теперь, Кара, я могу только пожелать тебе однажды встретить того, кто заставит твое сердце биться по-другому. Кто откроет твои глаза. И покажет тебе другой мир. Мир, где вы будете только вдвоем, а все остальное, станет лишь декорацией. Мир где у каждого есть надежда, на счастье. Я желаю тебе счастья. Но, я люблю только ее. И мне противна даже мысль, что я могу предать ее. Или как-то обидеть.

— Кален, очнись, — она резко вырвала свою руку. — Ты пугаешь меня. Ты командор Видящих, ты опытный воин, тебя учили подавлять свои чувства, а ты? Ты все забыл? Нет любви, Кален. Не бывает того, о чем ты говоришь! Это только твоя слабость, ты просто хочешь ее. Она использует тебя, она специально все это делает. Она просто... О, мужчины, она использует древнюю женскую хитрость, когда недоступное становится еще более желанным. Спорить готова, что твое помешательство пройдет после первой же ночи с ней! Подумай сам, кто она? Твоего расположения искали первые красавицы, ты всегда был разборчив, рядом с тобой никогда не видели дурнушек. А она? Я видела ее, когда вы вернулись. Ее тело обезображено, ее словно сшили из сотен кусков, она не просто некрасива, она — монстр. И ты хочешь мне сказать, что мечтаешь о том, чтобы ласкать это чудовище? Ты, для которого даже шелк простыней, был недостаточно нежен? Ты, для которого самые изысканные ласки были обыденностью? Ты...

— Хватит, Кара. Ты не понимаешь. Это все в прошлом.

— Я готова была отступить, когда она только появилась, когда она была изысканным эльфийским цветком. Но теперь, Кален, когда над ней не единожды надругались, когда ее тело покрывают шрамы...

— Воительница, твое тело тоже покрывают шрамы, но никогда это не останавливало нас.

— Так почему теперь останавливает?

— Потому что есть она. Этим все сказано, Кара. И давай закончим на этом. Мне жаль, что я причин тебе боль. Опять. Но твои попытки тщетны.

Она вырвалась из его объятий.

— Видит Создатель, я не хотела этого, Кален. Но тебя нужно привести в чувства. Однажды, ты уже говорил мне подобные слова. Я уже слышала от тебя о том, что ты нашел свою любовь. Ты помнишь это, Кален? Помнишь Салли?

Он опустил глаза, а потом встретил ее взгляд.

— Конечно, я помню ее. Милая девушка. Я провел с ней некоторое время.

— Один день, Кален. Ты был с ней всего один день, после того как она уступила тебе. Но до этого ты добивался ее несколько месяцев. И тогда ты рассказывал мне, как любишь ее. Я слышала почти те же слова, Кален, только тогда я была рада, я поверила тебе.

— Не понимаю, Кара.

— Не понимаешь? — она зло ударила его в плечо и отступив на несколько шагов достала меч. — Защищайся, Видящий.

— Прекрати, Кара, это переходит все границы. Я не стану с тобой драться из-за какой-то девушки, которую я знал много лет назад.

С ее уст слетел боевой клич. Она не шутила, это перестало быть дружеской беседой.

— Знал? Ты не знал ее, болван! Ты ничего не знал о ней!

Не тратя слов, она бросилась на него. Он был ошарашен. Но инстинкты взяли верх, он увернулся от ее удара и достал меч.

— Кара, что происходит? Я не хочу драться с тобой. Что за безумие?

Но время разговоров прошло, настало время битвы. Они так и сцепились посреди дороги. Кара не собиралась шутить, она нападала, стараясь ранить его. Он защищался, не поддавался на провокации, не переходил в наступление. Он держал оборону. Они кружили друг напротив друга, она нападала, он отбивал атаку и отступал. Проходили минуты, ничего не менялось.

— Хватит отступать, дурак! Дерись! Я все равно достану тебя! Тебе не передать сколько раз я боролась с соблазном просто перерезать тебе горло, когда ты был со мной. Или вонзить тебе кинжал в спину, которую ты частенько оставлял незащищенной. Но я надеялась, что ты одумался, что ты понял, что тебе нужна я. Я думала, что...

— Кара, откуда такие мысли, откуда такие желания? Я не узнаю тебя.

— Ты никогда и не знал меня, Видящий. Это лишь игра, все это было игрой.

Они взмокли и покрылись пылью, но продолжали схватку, разговоров больше не было. Не известно сколько бы это продлилось, но кто-то обратил на них внимание и передал сообщение в замок. Энель вскочила на лошадь, едва услышала вести.

— Всем оставаться здесь. Там не должно быть никого. Я сама с ними разберусь. Я знала, что однажды это случится.

Пришпорив коня, она быстрее ветра бросилась к месту внезапной схватки.

Они не заметили ее приближения, пока ее лошадь не остановилась в нескольких шагах от них. Энель легко соскочила с лошади и достала кинжалы.

— Остановитесь, вы оба знаете, на что я способна. Немедленно прекратите.

Они не собирались ее слушать, но ее окрик отвлек Кару. Кален воспользовался этим и выбил оружие из ее рук, перехватив кинжал, он выкрутил ей руки за спину. Используя свое преимущество в силе и массе, он повалил женщину на живот, и обездвижил, крепко надавив коленом ей на спину.

— Угомонись наконец! — зло прокричал он. — Хватит! Я не хочу причинять тебе боль. Растолкуй с чего ради, ты озверела и кинулась на меня с мечом? Неужели тебя так обидели мои слова? Я же попросил прощения!

— Ненавижу! — выплевывая пыль закричала Кара. — Ненавижу тебя, самовлюбленный ублюдок! Выродок бесчувственный! О любви он заговорил, ирод!

— Что тут происходит? Энель, что с ней?

— Она напомнила тебе о Салли, так ведь? Все дело в ней. Держи ее, Кален. Держи пока она не успокоится, пока не расскажет тебе все. Правду, Кару, расскажи ему. Уже пора. Самое время.

— Ненавижу! — пытаюсь вырваться кричала Кара.

— Да за что? — не выдержал Кален. — Ну провел я время с девушкой, это было сто лет назад.

— Да чтоб демоны тебя разодрали, осел!

— Кален, — тяжело вздохнула Энель. — Через какое время, после того, как... Как ты покинул городок, в котором жила Салли, ты встретил Кару?

— Прошло чуть больше года. Кажется. Именно тогда, Энель, ты нас свела с Карой.

— Точно, так и было. Только я делала это не для тебя, Кален. Точнее, я делала это в надежде, что вы сможете разобраться, но Кара так и не рассказала тебе правду, Кален. Ты просто больше никогда с ней об этом не говорил, ты предпочел забыть. Забыть тот единственный день с Салли. Ты не думал, что, — она закатила глаза подбирая слова. — Не думал, что это важно. А между тем это было очень важно для Кары.

— Важно для Кары? Что?

— Салли. Она была важна для Кары!

— Была?

Все еще вырываясь из его цепкой хватки Кара закричала.

— Да, представь себе, Кален. Салли! Она была моей сестрой!

— Была, — опять повторил он. — Почему была?

— Потому что, осел, она покончила с собой! После того, как ты попользовался ею и бросил! Я же просила тебя тогда не причинять ей боль! Просила не обижать ее! Ты клялся, что влюблен в нее. Говорил, что никогда ничего такого не испытывал. Лжец! А теперь то же самое ты говоришь о другой. Ты забыл Салли, просто отбросил, как старую, поношенную вещь. Ненавижу!

— Сестра?! Но у Кары нет сестры, только братья. Покончила с собой? — он остолбенел. — Я не понимаю, почему? Почему она так поступила? Объясни мне, Энель! Лежи спокойно, Кара, пока я не стукнул тебя по голове! Я ничего не понимаю.

Кара все еще силилась вырваться, но он не ослабил хватку. Энель вздохнула.

— Хорошо, я расскажу. От Кары связного рассказа ты все равно не услышишь. Салли действительно была ее сестрой. Они были молоды, частенько делились девичьими тайнами, и Кара, так как уже попала под твои чары, много рассказывала ей о тебе. Салли хотела познакомиться с тобой, хотела узнать, что за мужчина смог покорить сердце ее воинственной сестры. Кара пригласила тебя тогда в город, чтобы познакомить с сестрой, похвастаться. Но ты... ты начал оказывать Салли знаки внимания, она влюбилась в тебя. Она боялась сестры, и поэтому так долго не уступала тебе. Но когда ты поговорил с Карой и сказал ей, что кажется любишь Салли, что с тобой никогда такого не случилось, ну ты сам знаешь, что ты тогда ей наговорил. Кара решила, что она переживет и без тебя, для нее было

важнее счастье ее сестры. Она так и сказала сестре при следующей встрече. Та была счастлива. Все было хорошо. И она, сдалась.

— Ты, — снова закричала Кара. — Ты обесчестил мою сестру, использовал, словно дешевую шлюху. Она так любила тебя.

— Замолчи, — рявкнул Кален, и сильнее прижал колени к ее спине. — Продолжай, Энель.

— Ты исчез из города уже через день. Ты провел с ней всего один день, Кален. Для тебя не было ничего особенного в том, что ты был первым мужчиной, но не все девушки относятся к этому так легко. И не всегда это остается без последствий. Когда ты пропал, она надеялась, что ты вернешься. Ждала тебя. Ждала почти год. А когда родился ребенок... Она поняла, что ты не вернешься и повесилась.

— Ребенок? — Кален вздрогнул и отпустил брыкающуюся Кару.

Она воспользовалась этим и сбросила его с себя. Вскочив она набросилась на него с кулаками. Он сидел в пыли дороги и не чувствовал ничего, смиренно принимая тумаки и пощечины. Кара бесилась. По ее грязным щекам катились слезы, оставляя разводы на лице. Энель обняла подругу оттаскивая от него.

— Успокойся, Кара. Давно нужно было все это закончить. Давно нужно было ему рассказать. Может быть тогда, все было бы по-другому, может быть тогда он бы смог вмешаться, он бы обязательно вмешался, Кара, он бы никогда не оставил сына, если бы знал о нем. Ты сама все так запутала. Ты хотела быть с ним и одновременно мечтала о мести, думала, как побольнее ему сделать, а вместо этого...

— Что случилось с моим сыном? Он жив?

— Я не знаю, Кален. Теперь не знаю. Мальчик, — она опять вздохнула. — Твой сын, Кален, унаследовал твой нрав. Когда ему было восемь, он сбежал из дома. Он сбежал с Видящим, Кален. Он один из вас. Возможно, ты даже видел его в цитадели.

— Будь ты проклят! — плюнула в его сторону Кара. — Мой племянник сейчас в вашей дурацкой цитадели, возможно его уже приучили к обату, или замучили до смерти на ваших истязаниях, возможно он уже умер.

Она рыдала. Кален закрыл глаза, пытаясь вспомнить всех детей, которых приводили в цитадель.

— Это было двенадцать лет назад, значит моему сыну сейчас одиннадцать. Он слишком юн, таких молодых еще не подвергают истязаниям, и первую дозу обата он получит только после истязаний. Он просто ученик. Все еще можно исправить. Я смогу его найти и вернуть. Почему, Кара, ты не рассказала мне? Я бы никогда не отказался от своего сына. Я не знал о его существовании.

Он судорожно сжимал кулаки, пытаясь принять какое-то решение.

— О, Создатель, женщины! К чему эти тайны? Мне очень жаль, Кара! Если бы ты сказала, что Салли твоя сестра, я бы никогда. Если бы ты сказала мне, что она носит моего ребенка, я бы вернулся, я бы нашел нужные слова, я бы смог ей все объяснить. Ничего этого не случилось бы! Если бы ты мне все рассказала!

Он провел рукой по мокрым волосам, убирая их со лба.

— Я должен его найти. Я должен найти сына.

Он сжал зубы и зло посмотрел на подруг.

— Курицы! Вы обе! А ты, Энель, тоже молчала? Все эти двенадцать лет? Как вы могли?

Он встал. Стряхнув пыль с колен, он подошел к лошади.

— Дойдете пешком. Вам полезны прогулки. Может мозги освежаться и начнете соображать нормально.

Он вскочил в седло и развернув лошадь пустил ее в галоп, оставив женщин на дороге. Нужно было отправляться в цитадель. В крепость, которую захватили враги. Там был его сын. Он был нужен своему сыну. Все остальное не имело значения. Внезапно для самого себя он перестал быть одиноким воином, он стал отцом уже почти взрослого сына. Его жизнь наполнилась новым смыслом. Он ураганом ворвался в каминный зал, где наслаждались покоем гном и эльф.

— Эй, чем закончился поединок? — миролюбиво окликнул его гном. — Надеюсь ты задал этой зазнайке!

Кален даже не повернул голову в его сторону. Он стремительно пересек зал и скрылся в жилой части замка.

— Что это с ним? — удивился гном.

— Видимо опять поссорились. Кара любит его подаствовать, — пожал плечами эльф.

— Это да. Но обычно после этого они садятся вместе за стол и весело обсуждают случившееся.

— Возможно, сегодня он получил тумачков и не может с этим смириться. Сами разберутся.

— Нет дружище, возьми-ка двух лошадей и отправляйся за девочками, а я пока найду Дарка и попробуем мы выяснить у него что случилось.

— Я бы не советовал магу соваться к нему. Если Кален не в духе он может быть опасен. Но ты прав, поеду поищу наших дам.

Инариэль вышел из зала и взяв в повод двух лошадей, отправился по дороге в деревушку.

Гном решил, что магу действительно лучше не попадать под горячую руку и сам отправился в комнату командора. Когда он открыл дверь, Кален уже вытирался после купания.

— Ты вовремя, Барри. Помоги мне побыстрее собраться. Найди там на кухне что поесть в дорогу, и куда подевался теплый плащ?

— И куда ты так спешишь, дружище? Что даже на обед не останешься?

— Нет, на счету каждая минута.

— Поясни. Опять Мирра во что-то влезла?

— Нет, — отрезал Кален. — Ее это не касается. То есть, наверное, касается, но не напрямую. Не сбивай меня, Барри. Я сам еще не знаю, не понимаю, как жить с этим. Пока не могу даже думать о том, что скажу ей.

— Не понял! Что случилось?

Кален продолжал ходить по комнате, разбрасывая вещи, и не смотрел на гнома.

— Остановись ты наконец! — схватил его за руку гном. — Ты помнишь, я твой друг. Объясни мне все.

— Барри, эти дуры... Хранили двенадцать лет тайну. Я даже подумать не мог, о том, что такое возможно! Двенадцать лет, Барри, ты понимаешь? Двенадцать лет, я не смог разглядеть ложь в их душах, какой я после этого Видящий?

— Ну, друг мой, ты лучший. Если ты не видел этого, значит... Я не знаю, что это значит, — простодушно признался гном.

— Двенадцать лет! Они обе были рядом со мной, я считал их друзьями, а они лгали мне.

— Ну, на сколько я понял, они не лгали, просто не говорили чего-то. И что же это за

страшный секрет, который скрыли от тебя девочки?

Кален на несколько секунд задумался, стоит ли делиться своим открытием, но в голове была каша и он решил, что все равно придется что-то говорить, когда он привезет мальчугана сюда, лучше больше ничего не скрывать от друзей. Он тяжело сел на кровать и пристально посмотрел на гнома.

— У меня есть сын, Барри. Они скрывали это, почти двенадцать лет. Я не знал, что у меня есть ребенок!

— Вот это поворот! Ну, так поздравляю, дружище! Ты успешно проскочил самый тяжелый период, никаких тебе пеленок и соплей, сразу получаешь взрослого паренька, чем худо? Ну-ну, я шучу, конечно. Это было плохо с их стороны, конечно, но каким боком к этому причастны наши дамы? Или одна из них его мама?

— Нет, Барри. Слава Создателю, это не так! Но... Кара его тетя!

Гном едва не сел на пол от неожиданности.

— Тетя? Наша Кара? Ты обрюхатил и бросил ее сестру? Да ты просто смертник! Я удивлен, что ты смог прожить так долго!

— Я тоже! Но я не знал, что она сестра Кары!

— Ладно, ладно. Понятно. Дела давно минувших дней. Но куда ты теперь рвешься? Забрать паренька сюда? Где он? С мамой? Ее ты тоже приведешь сюда? Ну, конечно, о чем это я, не оставишь же ты паренька без матери. А Мирриэль? Что ты скажешь ей? Познакомься, дорогая, это моя бывшая любовница и мой сын! Представляю ее радость!

— Нет, Барри. Его мать умерла. Она покончила с собой!

— Покончила с собой? Еще раз поражаюсь твоей живучести, друг! И совсем ничего не понимаю. Так парнишка где? С кем?

— На острове Видящих. Он в цитадели. Его забрали три года назад.

— Беда! — резюмировал гном. — Твои братья под воздействием красного обата. И источник именно ваша цитадель.

— Я знаю. Зард и Кирк докладывали мне. Помнишь, тех Видящих, которых мы встретили в лесу, когда отправились в путь. С ними еще двое магов молодых было.

— Конечно помню. Мирра как обычно всех спасла и примирила. Но я не об этом. Ты что же собираешься вернуться в цитадель? И как ты это сделаешь? Войдешь в главный вход и скажешь: «Эгей, я дома! Встречайте командора!»

— Конечно нет!

— Значит планируется заварушка и ты собрался брать штурмом остров видящих в одиночестве? Ну уж нет! Я такого не пропущу! Я с тобой!

— Барри, это личное дело.

— Точно, и как большинство наших дел, практически безнадежное! То, что надо. А то я уже тут засиделся, того и гляди забуду, как топор держать и арбалет заряжать! Ты собирайся! Я тоже пойду достану из застенков свой щит и доспехи. Я не маг, так что в борьбе с твоими братьями, я буду очень даже кстати.

Кален не стал спорить. Для пререканий с гномом нужно очень много сил и времени. А ни того ни другого сейчас просто нет.

В это же время Инариэль уже спешил возле Энель. Впервые маг увидел следы эмоций на лице Кары, и был очень этому удивлен. Вот уж от кого он не ожидал таких проявлений, так это от нее.

— Я привел вам коней, думаю, это будет кстати.

— Конечно, — прорычала Кара, вырывая из его рук поводья. — Я смогу его догнать и убить, наконец!

— Стоп, никто никого не будет убивать, пока мы не разберемся в ситуации, — Инариэль попытался успокоить Кару словами, но это никак не подействовало на нее.

Сложив руки на груди, маг покачал головой. Ему частенько приходилось успокаивать чарами больных и их родственников, поэтому он даже не задумывался долго, в таком состоянии с ней нельзя было разговаривать. Он прошептал несколько слов и прикоснулся к плечу женщины. Она резко сбросила его руку и повернулась, чтобы кричать, но чары начали действовать и ярость искажавшая ее лицо сменилась обеспокоенностью. Она уже собиралась вскочить в седло, но передумала и уткнулась лицом в бок лошади, пряча слезы.

— Итак, с одной разобрались, — мягко проговорил эльф. — Ей нужно некоторое время, чтобы прийти в себя, но у нас нет лишних минут, поэтому предлагаю тебе, Энель, рассказать мне что произошло. То, что я увидел, меня встревожило. Кален вернулся чернее тучи, ничего не сказал, направился напрямиком в свою комнату.

— Нам нужно спешить, Инар. Его нельзя выпускать.

— Вот как? — удивленно приподнял брови эльф. — Ты предлагаешь мне, магу, встать на пути сильнейшего из Видящих, который судя по всему на данный момент не просто зол, но в ярости. Не лучшая из твоих идей.

— Не тебе, я сама должна его остановить.

— Сомневаюсь, Энель, что тебе это под силу. Единственная, кому это было бы по силам, сейчас блуждает в неизвестных далях и вернется еще очень нескоро. Итак, его надо остановить, но для начала я хотел бы узнать первопричину происходящего. Я слушаю, Энель.

— Едем. Иначе мы можем опоздать. Я не отпущу его одного. Это самоубийство. Я поеду с ним.

— И я тоже, — промолвила Кара. — Это все моя вина. Мне и исправлять. По крайней мере, я не останусь в стороне. Он все же мой племянник.

Инариэль вскочил в седло.

— Итак, дело в Каринном племяннике. Но при чем здесь командор, я пока не понял.

Энель тоже села в седло, развернувшись к Инариэлю, она коротко бросила.

— Карин племянник, родной сын Калена.

— Сын? — опешил эльф. — Тогда нам стоит поторопиться. Но ведь Видщие не могут иметь детей?

Они одновременно пришпорили лошадей.

В дороге они перекинулись еще несколькими фразами, но топот копыт заглушал слова. Когда они втроем ворвались во двор на ступенях стоял Барри.

— О, вы вовремя. Не хотелось уезжать, не простившись с тобой, дружище!

— Он еще здесь? — не теряя времени на приветствия выкрикнула Энель.

— Командор-то? Плащ свой ищет. Ему видетели нужен именно его плащ, и никакой другой ему не подойдет.

— Слава Создателю. Успели, — Энель встала на нижней ступени и обнажила кинжалы.

Рядом с ней встала Кара, так же обнажив меч.

— Эй, девочки, вы чего это? — встревожился гном. — Я все понимаю, но это слишком. Не стоит убивать его за былые ошибки! Я не позволю вам.

— Никто не собирается его убивать, Барри. Мы хотим поговорить. Но, боюсь, что нам придется добиваться разговора оружием, — спокойно проговорила Энель.

— Прошу меня простить, но я никаким боком не хочу принимать в этом участия ни на одной из сторон, — отошел в сторону Инариэль. — Я не трус, но воспоминания о спасении Мирриэль слишком ярко отпечатались у меня в голове, никакая сила не заставит меня обратить магию против Калена, а лук у меня в комнате, боюсь все пропустить.

— Что за шумиха? — появился в проеме Дарк. — О, драка?! Кто с кем?

— Не про нашу честь, Дарк, магам лучше не вмешиваться.

— О, командор провинился? С удовольствием посмотрю на это, — имперец потер в предвкушении руки и встал рядом с Инариэлем. — А повод хоть есть? Или у девочек просто тяжелый день?

— Есть, кажется. Но подробности мы узнаем, когда появится Кален.

Им не пришлось ждать долго. Кален лишь выйдя за дверь сразу увидел вооруженных женщин, и незамедлительно отбросил дорожную сумку. В его руке блеснул меч.

— Прочь! Обе! Я не настроен больше вас щадить. Хотите драки, готовьтесь. Все будет по-настоящему.

— Стой, горячая голова, — тихо произнесла Энель. — Мы не собираемся на тебя нападать. Мы хотим лишь остановить тебя.

— Не выйдет! Я уйду!

— Стой, говорю тебе! Мы поговорить хотим.

— Хватит с меня ваших разговоров.

— Инариэль, ты можешь с ним проверить тот же фокус, что с Карой? — теряя надежду взмолилась Энель.

— С ним?

— Даже не думай, Инар. О чем бы она не говорила. Не смей! Убью! — прорычал Кален сверкая глазами.

— Да я и не помышлял об этом, командор. Хотя нам бы всем не мешало успокоиться и выслушать друг друга.

— Я уже довольно сегодня услышал! Энель, уйди с дороги. Ты здесь вообще ни при чем!

— Я не отпущу тебя одного, Кален! Я иду с тобой! — громко произнесла молчавшая до этого момента Кара. — Я виновата перед тобой. Во всем этом моей вины не меньше, если не больше, чем твоей. Так что и разбираться будем вместе. Я соберусь за несколько минут, просто дай мне войти и дождись. В дороге мы сможем... выяснять отношения. Прости, что набросилась на тебя.

— Простить?! Ты лгала мне двенадцать лет! Ты позволила им забрать его! Ты не сказала мне ни слова! И теперь, он возможно мертв, из-за тебя, Кара. Мне понятна твоя ненависть ко мне, но в чем виноват мой сын? За что ты его обрела на это?

— У командора есть сын? — прошептал Дарк на ухо Инариэлю. — Как интересно!

Тот не ответил, лишь шикнул на него.

— Стоп! Всем спокойно, — из-за угла появилась Жасмина. — Уберите оружие! Все! Это наш дом, сердце нашего ордена, а вы тут железяками друг другу грозите! Вы в своем уме? Какие личные счеты могут быть в такое время? Отложите свои междоусобицы до победы! Вы трое возглавили орден, для простых людей — вы как единое целое! А вы тут собираетесь порубать друг друга в капусту прямо на пороге собственного замка? Что за воспитание?

Никто не двинулся с места, но она смогла привлечь их внимание.

— Итак, пока тут не началось побоище, объясните мне ради Создателя, что происходит.

Я едва ноги не переломала, так бежала на ваши вопли! Кто тут самый спокойный и способен говорить, не срываясь в крик?

— Я, — ответила Кара. — Инариэль постарался.

— Отлично! Мы все с нетерпением слушаем рассказ от первого лица, Кара. И пока она не закончит, командор, попрошу вас не вступать! Иначе, вы не узнаете от меня последних вестей о Мирриэль! Обещаю! Вам будет это интересно. И куда бы вы там не собирались всей толпой, придется немного обождать. Обстоятельства требуют незамедлительного обсуждения. Да спрячьте вы свои блестящие железяки, я уже оценила красоту игры солнца на отточенных гранях! Но нельзя разговаривать в такой обстановке!

— Молодец какая, — тихо восхитился Дарк, толкая Инариэля в бок.

На сей раз ее слышали.

— Я уберу оружие, при условии, что Кален не попытается прорваться, пока не окончится этот разговор, — поставила условие Энель.

— Командор? — обратилась Жасмина к Калену. — Нам нужно лишь ваше слово.

— Хорошо. Я дам вам всем возможность покопаться в этой грязи, — он со звоном вогнал свой меч в ножны.

Его примеру незамедлительно последовали Кара и Энель.

— Отлично, а теперь не будем смущать прислугу и домочадцев. Прошу всех в комнату собраний.

Кален застонал. Времени было так мало, а тут еще дипломатические проволочки, но отправиться в путь и не узнать, что за новости есть у Жасмины, было выше его сил. Он заложил руки за спину и быстро направился в кабинет, который стал новым пунктом сбора командования.

Огромные массивные створки библиотеки закрылись, впустив в просторное помещение всех заинтересованных лиц.

— Инариэль и Дарк, обеспечьте нам, пожалуйста, полную конфиденциальность, — чопорно проговорила Жасмина занимая место в удобном кресле у большого стола.

— Что? — переспросил Инариэль.

Дарк хохотнул.

— Она попросила соткать кокон молчания, чтобы нас не смогли подслушать.

— Ааа, — взбодрился Инариэль. — А я уж подумал, что она просит нас удалиться.

Два мага быстро справились с заданием дипломата. Едва они подали сигнал о готовности Жасмина сбросила маску отстраненности и спокойствия и ругаясь почище гномов налетела на Энель и остальных.

— Вы что творите? Что за разговоры на пороге, что за разборки? Все недоразумения между командирами должны выясняться исключительно приватно! Вы что хотите панику посеять или потерять авторитет? Как вы посмели?

Кален стоявший у стола резко ударил по нему кулаком.

— Слушай ты, — он грозно посмотрел в сторону Жасмины. — Мне плевать кто и что будет думать, есть вещи, о которых не задумываешься, когда на тебя вываливают все то, что свалили сегодня на меня! Не смей мне указывать как вести себя, выскочка! Я здесь лишь для того, чтобы узнать, что у тебя есть о Мирре. Больше меня ничего не интересует.

— Успокойся, Кален, просто давай всех выслушаем — тихо пробубнил гном, он единственный решил стоять рядом с разъяренным Видящим.

— Спасибо, Барри. Итак, Кара, мы все с нетерпением ждем твоего рассказа. Какая муха

тебя укусила? Почему именно сегодня ты решила рассказать Калену историю, в которой он принимал участие, но о последствиях которой он не догадывался. Почему именно сегодня, спустя двенадцать лет молчания, ты все-таки открыла ему тайну, да еще и прилюдно?

— Ты-то откуда все знаешь? — удивилась Кара.

— Энель со мной поделилась, опасаясь, что рано или поздно это может всплыть и придется как-то выкручиваться из такой щекотливой ситуации. Итак, рассказывай!

— Я не хотела ему ничего говорить, пока Крис жил с одним из моих братьев. Я давно уже решила, что не стоит ворошить былое, и не собиралась ему ничего рассказывать. Салли это уже не вернет.

— Стоп! — подняла руку Жасмина. — Не все тут в курсе кто такая Салли, и кто такой Кристиан. Начни с самого начала. С того, Кара, как ты пригласила Калена в свое родовое поместье, под предлогом, что тебе как будто, привиделся в городе одержимый!

— Все так и было. Мою младшую сестру звали Салли. Как-то, когда я гостила у своих родных, я рассказала ей о Калене. Тогда мне казалось, что он влюблен в меня. Я решила, что это судьба и рассказала все сестре.

— Ого, — хохотнул Дарк. — Склоняю голову, командор, перед вашим мастерством. Есть ли женщина в нашем мире, которая устояла?

— Замолчи, имперец, я не в духе, и это очень опасно для тебя!

Кара не обратила внимания на их перепалку и продолжила.

— Я до сих пор не могу себе этого простить. Я так его расписывала, что она поняла, как я к нему отношусь. Она смеялась, говорила, что не верит мне, что нет такого мужчины, который смог бы меня завоевать. Она хотела глянуть на него хоть разочек. Ей не пришлось долго меня уговаривать. Уже через неделю Кален прибыл в наш город. Мы встретились на постоялом дворе. Он не знал, что это мой родной город. Салли не терпелось его увидеть, и я, зная привычки Калена, сказала, что она сможет его увидеть в часовне. Она спросила, как узнает его, на что я ответила, что она точно не ошибется. Она прождала его несколько часов. Так они и встретились, — голос Кары дрогнул. — Уже вечером, Салли, сказала, что понимает почему я влюбилась. Сказала, что в такого нельзя не влюбиться. Тогда я впервые поняла, какую совершила ошибку. В ее голосе, в ее словах я услышала нотки ревности. Через несколько дней, она призналась, что не может не думать о нем. Кален не знал, что Салли моя сестра. Он начал оказывать ей знаки внимания. Они много гуляли, часто встречались. И вот уже пришел мой черед ревновать. Я уже мечтала, чтобы Кален уехал, но он всегда очень ретиво выполнял приказы командования, сказано искать одержимого, значит он будет искать, пока не найдет. И он искал. И в то же время все ближе сходил к моей сестрой. Я знала, что Кален любит женщин, и начала опасаться за свою сестру. А потом мы сидели с ним в корчме. Он нашел одержимого, задание было выполнено и ему пора было уходить. И тогда изрядно напившись, он сказал, что не хочет уходить из этого города, что здесь он повстречал чудесную девушку, которую смог бы полюбить. Которая растопила его сердце.

— Я был пьян, Кара. Ты сама меня напоила! Очень сильно. А еще я был очень молод! Я не понимал разницы, — перебил ее Кален.

— Тихо! — призвала к порядку Жасмина. — Потом дополнишь ее рассказ, а сейчас не перебивай.

— Да и помедленнее и подробностей побольше, я тут пытаюсь все это запомнить, отличная выйдет баллада, — снова вмешался Дарк.

Кален уперся в него ненавидящим взглядом. Кара же лишь опустила голову.

— Когда я слышала это от него, мне стало очень обидно. Но потом я подумала, что если он сделает мою сестру счастливой, то я не стану им мешать. В тот момент он был другом, но не более того и я легко могла смириться с потерей, зная, что он станет мужем моей сестры, практически моим братом. Кален прав, мы тогда очень сильно упились и той же ночью я, мертвецки пьяная, ввалилась к моей сестре и сказала, что буду рада, если у них все получится. Она заплакала и не знала, как меня благодарить. Она любила его гораздо сильнее, чем я. Утром следующего дня, она бросилась к нему и... Они провели вместе один день. Она потом много мне рассказывала об этом чудесном дне. Но уже утром следующего дня, когда Салли пришла к Калену на постоянный двор, хозяин сказал ей, что Видящий оседлал коня посреди ночи и уехал. Она решила, что его вызвали куда-то и он, закончив с делом вернется к ней, но он не вернулся. А через месяц она узнала, что ждет ребенка. Мне она призналась, когда беременность уже нельзя было скрывать. Она просила спасти ее от гнева отца. Я забрала ее из дома и отвезла в обитель света. Там на свет появился мальчик. Она назвала его Кристианом. Держа младенца на руках, она спросила меня, вернется ли Кален. О, Создатель, я хотела облегчить ее страдания, я хотела, чтобы она перестала страдать, перестала ждать и надеяться, я хотела, чтобы она просто продолжила жить ради сына, я же не могла даже подумать. Я сказала, ей правду, сказала, что Кален не вернется, что скорее всего он даже и не помнит о ее существовании. Она заплакала. Она все время плакала. А утром я услышала плач Криса. Я вошла в ее комнату. Она повесилась. Она не вынесла горя. В тот момент я решила, что должна отомстить Калену. Я оставила Криса на попечение сестер света и бросилась на поиски обидчика. Но когда я его нашла, я поняла, что смерть для него будет слишком милосердным исходом. Тогда об этой истории узнала Энель. Она просила меня все ему рассказать, говорила, что так будет правильно, что он должен знать. Но я решила причинить ему побольше боли, и подумала, что незнание станет для него худшей карой, я решила ему рассказать об этом, когда подвернется удобный момент, чтобы он понял, что значит потерять того, кого любишь. А потом все изменилось. И я поняла, что не смогу причинить ему никакого вреда, конечно, иногда мне очень хотелось его убить, особенно, когда я узнавала о его очередной девице, ведь он считал меня другом и частенько делился своими победами, но со временем прошло и это желание. Я действительно стала его другом и в какой-то момент поняла, что больше не виню его и не злюсь на него. До года Крис рос в обители. Потом я привела его в свой дом, сказав, что он подкидыш. Мой старший брат и его жена давно мечтали о детях, но Создатель не дал им такого счастья. Они с радостью приняли Криса. Они растили его, как родного. И даже когда у них появились свои дети, Крис никогда не чувствовал себя обделенным ни любовью, ни заботой. А когда три года назад я приехала их навестить, брат со слезами рассказал мне, что Крис ушел с Видящим. Я боялась этого. Мальчишка был похож на Калена, как две капли воды. Я надеялась, что на внешнем сходстве все и закончится, но я ошиблась. Он выбрал тот же путь, что и его истинный отец. Мой племянник и сын Калена, сейчас скорее всего в цитадели Видящих. Именно туда я и собираюсь отправиться вместе с Каленом. Я виновата перед тобой, Кален. Позволь мне исправить свою ошибку. Позволь помочь тебе спасти моего племянника, если это еще возможно.

Она с мольбой смотрела в каменное лицо командора. Все молчали, даже Дарк не произнес ни слова.

— Осталось выяснить, причину по которой Кален покинул город ночью, не простившись с твоей сестрой, Кара. Тебе же интересно это узнать. Спустя столько лет, ты

смоешь, наконец понять, что произошло. Командор, почему вы уехали тогда?

Кален, выдохнул и посмотрел Каре в глаза.

— Меня призвали. Я получил известие уже за полночь, я хотел проститься с ней, но не решился врываться к ней посреди ночи. Я пытался написать что-то, но не смог найти нужных слов и потому просто уехал. Я хотел вернуться. Я думал, что обязательно вернусь.

— Так почему ты не вернулся? Почему не отложил отъезд хотя бы до утра? — тихо спросила Кара.

— Я не мог отложить отъезд, Кара. Ты же не можешь отложить выполнение своего долга на более удобное время. Если тебе придет известие о том, что в нескольких днях пути от тебя селяне собираются казнить семью, в которой есть ребенок, проявивший дар, ты же не отложишь выезд, чтобы решить личные вопросы. Вот и я не мог откладывать.

— Ну а теперь самое главное, Кален. Пора поставить точку в этой давней истории, — сказала Энель. — Расскажи ей, наконец, почему ты не вернулся. Расскажи, куда тебя призвали в ту ночь!

— Через два дня, Кара, двадцать три Видящих вошли в башню, захваченную одержимыми. А вышел, Кара, один. Я. Только вошел я туда гордым и самоуверенным юношей, а вышел седым старцем, другим человеком. Раздавленным, уничтоженным, человеком, который получил второй шанс. Шанс, которого не было у двадцати двух других, равных мне. Все, что было до этой башни, было вычеркнуто из моей памяти. Мне потребовалось очень много времени, чтобы восстановиться, чтобы по крупицам вернуть себя. Чтобы вернуть ясность рассудка, чтобы перед моими глазами больше не стояли кровавые картины из той башни. Я никогда не рассказывал никому, что произошло со мной тогда. Только Астер знает, что я пережил и чего мне стоило возвращение.

— Возможно пришло время рассказать нам, Кален, — промолвила Энель.

— Нет, — отрезал командор. — Я не стану говорить об этом.

— Таак, эта часть истории понятна, — нарушила повисшую после резкого отказа Калена тишину Жасмина. — Теперь расскажи нам, Кара, с чего это именно сегодня ты решила открыть этот страшный секрет, который вы хранили двенадцать лет?

— Мирриэль, — скрипнув зубами проговорила Кара. — Кален начал мне рассказывать, как он ее любит, какая она чудесная. А я вспомнила свою бедную сестру и не сдержалась. Я хотела стереть с его лица эту счастливую улыбку.

— Тебе это удалось, Кара, — выпрямился Кален. — Все? Фарс окончен? Говори, Жасмина, что там с Миррой и я отправляюсь в путь.

— Это не фарс, Кален. Мы все понимаем твои чувства. И все хотим помочь, — сохраняя спокойствие проговорила Жасмина. — Поверь, штурмовать цитадель Видящих вот так наобум и в одиночку — не имеет смысла. Ты и сына не спасешь и сам погибнешь. А мы дорожим тобой. Поэтому нужно все обдумать. Но уже сейчас могу сказать тебе точно, один туда ты не пойдешь. Но есть еще один небольшой вопросик. Здесь все свои, Кален, и думаю, не только меня волнует как, учитывая твои... отношения с Мирриэль, ты собираешься представить ей Крису?

— Я еще не думал об этом.

— А стоило бы. Одно дело знать, что у тебя были интрижки до нее, и совсем другое дело видеть юношу, который стал последствием твоих походов. Она женщина, Кален, а женщины обычно очень плохо воспринимают подобные... новости.

— Она все поймет. Я уверен. Вы не знаете ее так, как знаю ее я.

— А жаль, — опять вставил реплику Дарк. — Я что это вслух сказал? Остынь, буйный! Это шутка была. Я думаю тут уже ни для кого не секрет, что женщины меня совсем не интересуют.

— Хватит поясничать. Тут серьезный разговор, — оборвала его Жасмина.

— Давайте решать проблемы по мере их поступления. Сейчас нужно мальчика найти. А что и как делать дальше, решим после, — почесывая бороду проговорил гном.

— Согласна, — поддержала гнома Энель. — Нам нужен достаточно большой отряд, чтобы справиться с Видящими. Всему миру не обязательно знать, что мы идем выручать паренька, это можно представить, как официальную миссию Хранителей. Мы в любом случае должны рано или поздно навестись в цитадель, там полно людей отравленных красным обатом, они опасны и непредсказуемы. Они союзники нашего врага, а значит, наши враги. Прости Кален.

Кален лишь отмахнулся от извинений, но задумчиво посмотрел в окно.

— У нас достаточно сильный и уже сплоченный отряд из моих братьев по ордену и Ищущих, да и многие ополченцы уже прошли отличную подготовку, — не отрывая взгляда от окна проговорил командор, сам он не подумал о такой возможности, но теперь, когда Энель озвучила этот план, он казался куда как разумным.

— Не забывай о наемниках империи, — напомнил Дарк. — Они станут отличным дополнением к отряду, к тому же это будет сюрпризом, для всех. Ведь еще никто не знает, что в наших рядах есть имперцы.

— Ты прав, — нехотя согласился Кален. — А вот магов нужно всего несколько человек, и только целители.

— Несколько погодников можно взять, нам через горы идти, — вставил гном.

— Ну, да. Это будет первым большим нашим делом, как Хранителей, не все Мирре нас представлять, пора и самим как-то проявлять себя. Нужно все продумать.

— В частности нужно отправить к подножию нескольких магов, чтобы они обосновались там и можно было открывать прямой портал отсюда-туда и обратно, а не ходить неделями по снежным пустыням. Большой отряд, через портал не переместить, а вот разведчикам будет гораздо проще с нами связываться, новости не будут так запаздывать, — задумчиво проговорила Жасмина. — Не каждый ворон долетит до Держащего небеса. Это же возможно, Дарк, Инариэль?

— Вполне, — уверенно ответил Дарк. — Я знаю кто сможет с этим справиться. Прикажу им готовиться.

— Я отдам распоряжение, готовиться к выступлению отряду. Нужно определиться сколько человек мы берем, — поддержала беседу Кара.

Старые обиды были забыты, больше не о чем было вспоминать. Все сказано, все выяснено. Теперь ей было стыдно, стыдно за свою многолетнюю ложь и скрытую ненависть. Он не был виновен, он не хотел предавать ее сестру. Он выполнял долг и это дорого ему стоило.

Но впереди была жизнь. Будут новые битвы, новые задания. Новые союзники и общие враги. Кара встала из-за стола и подошла к командору.

— Кален, — она протянула ему руку. — Ты останешься моим другом? Ты сможешь простить мне мою глупость?

Кален поднял на нее тяжелый взгляд. Было видно, что он раздумывает. Все замерли в ожидании его решения. В библиотеке опять повисла гнетущая тишина. А потом Кален

кивнул. Он протянул руку Каре, и они обнялись.

— Спустя столько лет боли и лжи, Кара, ты наконец сделала все правильно. Ты подарила мне сына. Я прощаю тебя, Ищущая.

Все выдохнули, спор был разрешен без крови, а это было немало, учитывая нравы спорящих.

— Около сотни человек должно вполне хватить, — вступил в разговор Кален. — Обычно в цитадели не бывает более пятидесяти воинов. Еще наставники и ученики. Но этих в расчет можно не принимать. Наставники — обычно давно отошедшие от дел, те кто ждет своего часа для ухода, а ученики еще не обрели нужных навыков.

— В этом вопросе мы полностью тебе доверяем, Кален. Никто лучше тебя не сможет подобрать людей и спланировать операцию, — сложила руки на груди Энель.

— На данный момент в нашем распоряжении около восьми десятков моих братьев, которые не были в цитадели, и не попали под дурное влияние. Ищущих чуть меньше, они разбросаны по всему миру, исполняя свой долг и вести до них доходят не сразу. Ну и несколько десятков имперцев. Ополченцев — несколько сотен. Оставлять Держащий небеса без защиты не стоит. Я соберу необходимых людей, — уже спокойно и уверенно проговорил командор, он вернул свое самообладание, отложив размышления на потом.

— Славно, а то я уж думал, что мечи будут тут ржавчиной покрываться. Вояки будут рады услышать о выступлении. Все засиделись здесь в безопасности. Настоящая схватка — это совсем не то, что чучела рубить на тренировочных полях, — довольно забормотал гном.

— Я рада, что вас захватил процесс, друзья мои, но у меня были новости, если они вам еще интересны, — напомнила Жасмина. — Важные и как обычно, странные. Возможно вам не придется тянуть за собой войска, поскольку теперь у нас есть союзники.

— Союзники — это всегда хорошо, — сказал Кален. — И при чем же здесь Мирра?

— И что в этом странного, — вставил Инариэль. — Мирра всегда легко находит друзей, ей это отлично удается. С ее возможностями, удивлюсь только если их меньше пары сотен.

— О, тогда ты не будешь удивлен. Их больше, гораздо больше. Целая раса.

— Гномы? — оживился Барри.

— Скорее эльфы, — спокойно произнес Кален, опираясь на стол. — Я видел ее на опушке леса, не удивлюсь, если это была опушка эльфийских лесов.

— Командор, вы действительно знаете ее лучше любого из нас, — констатировала Жасмин. — Так может вы знаете и как ей это удалось?

Он задумался.

— Не знаю. В этом она непредсказуема. Быть может она рассказала королю Лето о его сыне, о том, что их связывало...

— Почти, командор. Только вот Лето больше не король эльфов. Кто-нибудь еще попробует угадать?

— Самый простой способ заключить союз — вступить в брак, — предположил Дарк.

— Ну, все, имперец, ты уже столько сегодня наговорил, — Кален сорвался с места, собираясь все-таки пустить в ход кулаки.

Кара и гном ухватили его под руки, давая возможность Дарку отступить.

— Стоп, — опять закричала Жасмина. — Командор, возьмите себя в руки, наконец. Дарк высказал предположение и оно, кстати недалеко от истины, король эльфов действительно женится, но Мирриэль это не касается. Неужели никто не задаст главный вопрос?

— Кто стал новым королем эльфов? — глаза Инариэля блеснули.

— Правильно, мой ученый друг! Это самый верный вопрос. И вот тут начинаются странности, напрямую связанные с Мирриэль.

— Ты сказал новый король, а не королева. Значит это не Мирриэль, — заключила Энель.

— Нет, она уже покинула их город, и вопреки уговорам короля, не осталась на торжество. Присутствовала лишь на коронации и помолвке.

— Она? Не они? — уточнил Кален.

— В письме четко сказано, что Хранительница Мирриэль отправилась в дальнейшее путешествие в одиночестве.

— Несносная девчонка! Она сбежала от них! А Гранд не имеет понятия о местоположении Держащего небеса. И где теперь его искать, что выпросить как ей удалось от них уйти?

— От них, Кален? Мне казалось, что в Лоринге оставалось двое. Она и Гранд? Тогда о ком еще ты говоришь? — прищурилась Энель.

Командор недовольно посмотрел в сторону подруги.

— Третий присоединился к ним, чуть позже.

— Кто, Кален? — спросила Жасмина.

— Какая разница? Они заботились о ней, пока была в этом нужда, а потом она сбежала.

— Кто это, Кален, — продолжала настаивать Энель.

— О, демоны, что за день. Все тайны ищут выход, — он обвел взглядом всех присутствующих. — Только не беспокойтесь, у них все было в порядке.

— Да не тьяни ты, говори уже, а то у меня мозг закипает от предположений! — закричал из дальнего угла Дарк.

— Я не знаю его имени. Но я знаю, что, спасаясь из Лоринга, на опушку эльфийского леса вышли трое. Гранд, Мирриэль и орк.

— Кто? — не поверила своим ушам Кара.

— Огромный зеленый орк, — пояснил Кален. — Он нес Мирру на руках. Она была ранена.

— Откуда ты знаешь, как это было? — заинтересовалась Жасмина.

— У меня свои секреты, — многозначительно ответил командор. — Но информация верная.

— Это правда, — подтвердила Энель. — Мне известно, что из разрыва вышли трое: человек, орк и эльфийка. Вот только на таком дальнем рубеже мои люди не знакомы лично с Миррой и потому не смогли сказать уверенно, она это или нет. К тому же присутствие орка и мастера меча очень усложнило им задачу по сбору данных и тот, и другой очень воинственны и близко подобраться к лагерю так и не удалось. Теперь все становится на свои места. Мирра была ранена ей потребовалось некоторое время на восстановление сил. Скорее всего...

— Хватит этих измышлений, мы уже все выяснили, что касалось Мирры. А вот на вопрос кто же стал королем эльфов, у вас пока нет ответа, — напомнила Жасмина. — А это очень важно!

— Ну, говори уже быстрее. Сегодня все издеваются друг над другом, — ворчал гном.

— Итак, король Лето передал свою корону, не кому-нибудь, а своему единственному, подчеркиваю это слово, единственному сыну!

— Но принц Раирнаил мертв! — не сдержал удивления Инариэль.

— Твоя информация неверна, эльф! Принц жив и здоров, принял корону своего отца и намерен заключить брачный союз. В своем письме его величество Раирнаил, благодарит Хранителей за спасение его жизни на совете земель, и обещает всевозможную поддержку и обязательное участие во всех наших делах.

— Кален, ты понимаешь хоть что-нибудь? Ты же тоже слышал его? А я видел его дух.

Кален закрыл глаза рукой.

— Нет, не понимаю, — честно признался Кален. — Я слышал его, Инар, говорил с ним он был духом, ее оберегающим. Они с Мирриэль частенько забывали, что я могу их слышать и болтали как две сплетницы. Нет никакого сомнения Раирнаил мертв. Объяснение только одно: на троне эльфов самозванец!

— Тогда для вас еще одна новость. Вашего «самозванца» посадила на трон Мирриэль. Она его вернула. Точнее он вернулся в тот же день, когда ее увидели среди эльфов. Вот так-то, друзья мои. Какие будут мысли по этому поводу? Прошу, не стесняйтесь высказываться, потому что даже с моим дипломатическим даром и опытом в интригах, у меня в голове не укладывается, как ей удалось все это провернуть, — развела руками Жасмина.

— Есть еще одно объяснение, — приблизился к столу Дарк. — Она его вернула. Она вернула дух Раирнаила к жизни.

— Разве такое возможно? — удивилась Кара.

Дарк ухмыльнулся.

— С ней? Возможно все! Пора бы вам это понять, ведь вы считаете себя ее друзьями.

Кален и Инариэль переглянулись. Кален лишь пожал плечами.

— Сила Мирриэль не известна никому, даже ей самой. Ее возможности растут ежечасно. Сомневаюсь, что она сама знала, что способна на такое, пока не сделала этого. Но у меня есть один очень важный уточняющий вопрос. Возможно, Энель, твои источники были бы чуть более многословны, чем дипломатическая почта Жасмины. Узнай у них, когда Мирра покидала город, она... нет это слишком общий вопрос, так я ничего не пойму, — он сжал виски руками, собираясь с мыслями. — Мне нужно знать, когда она уходила, кулон все еще висел у нее на шее или его не было.

Энель нахмурилась.

— Это очень мелкая деталь, Кален, не думаю, что кто-то обратил внимание на такую мелочь, но попробую узнать. Дай мне несколько дней.

— Хорошо. Это очень важно. А пока, Инар, ты можешь подтвердить или опровергнуть всю эту информацию, используя свои методы. Попробуй найти Раирнаила в мире духов, если его там нет, узнай у своих знакомцев, что случилось. Может быть кто-то из них сможет что-то рассказать.

— Ты можешь не гонять мага, Видящий, — вольготно усевшись на стул, проговорил Дарк. — Духа принца больше нет в том мире.

— Что тебе известно, имперец?

— Ну, Мирра как-то делилась со мной своими планами. Она собиралась удрать к эльфам еще в первый день, когда пришла в себя после Сиона. Она сама мне об этом сказала. Сказала, что должна вернуть им долг. Так что, можешь не сомневаться, она нашла способ вернуть принца и возвести его на престол.

— Но если это так, то клятва, которую они принесли... — начал и тут же осекся Инариэль.

— Это не может быть Раирнаил, — сухо проговорил Кален. — Эльф прав. Если бы это был он, то его женой должна была бы стать Мирра.

— Она умница, — опять встрял Дарк. — Вы так сомневаетесь в ней, что просто смешно. Она вернула душу мертвого к жизни, неужели вы думаете, что она не сообразит, как избавиться от какой-то клятвы. Уверен, что она все предусмотрела. Или придумала в процессе. Она такая выдумщица.

— И все-таки я тебя сегодня покалечу! — пригрозил ему Кален.

— Я же не сказал ничего плохого, за что опять угрозы?

— От тебя это прозвучало так, словно ты имеешь ввиду нечто другое, Дарк, — попыталась объяснить ему Энель. — С нехорошим подтекстом.

— Ничего подобного, — обиделся Дарк.

— Ты пытаешься лгать Видящему, Дарк! — напомнил ему Кален.

— О, забыл. Ладно-ладно, постараюсь сдерживаться. Хотя ты очень смешной, когда злишься, а эти двое, — он кивком указал на Кару и Барри, — не дают тебе почесать кулачищи о мое достойнейшее лицо!

— Итак, — прервала их Жасмина. — Вроде бы мы все обговорили, все проблемы решили. Предлагаю, отужинать и передохнуть. Завтра Кален начнет собирать отряд для вылазки. Ох, чуть не забыла. Еще кое-что. Еще одна интереснейшая дипломатическая новость. Хранители приглашены ко двору королевы Миранды, на ежегодный бал-маскарад в честь окончания зимы. После развлекательной части предусмотрена аудиенция. Так что мы отправляемся на бал!

— Вот это точно без меня! — сразу запротестовал Кален. — Ненавижу балы!

— Ты не понял, Кален, это не просто приглашение, это требование королевы. Она хочет лично познакомиться с основателями ордена, чтобы решить, что делать дальше, — тоном, не терпящим возражений, заявила Жасмина. — Так что вы трое, будете на этом балу в любом случае!

— Почему я вижу ложь? Что не так с этим приглашением, Жасмина? Не лги! Я увижу, — напрягся Кален.

Жасмина закатила глаза.

— Как вы это выдерживаете? — задала она риторический вопрос. — Как можно разговаривать с человеком, которому нельзя солгать? Как вы двенадцать лет его дурили?

— С ним сложно общаться, пока не привыкнешь ему не лгать, потом становится все очень просто, — улыбнулась Энель. — И мы не лгали ему, Жасмина. Он ни разу не задал прямого вопроса по данной теме, а мы просто не затевали бесед о семье и детях. Это не была ложь. Мы просто молчали о том, о чем он не имел понятия.

— Хм, надо запомнить и как-нибудь использовать.

— Даже не думай, Жас. Больше это не сработает. Научен уже. Итак, что не так с приглашением?

— В нем нет ни слова про Мирриэль. Только вы трое и я, как сопровождающее лицо, и это странно, я уверена, что королева знает, кто такая Мирра и меня удивляет, что она не хочет с ней познакомиться.

— Это часть правды, — кивнул Кален. — А теперь вторая часть. Что еще, Жас?

— Как ты догадался?

Он ничего не сказал, просто посмотрел на нее и покачал головой.

— Ндаа, — задумчиво протянула она. — В общем, это не первое приглашение, а второе.

В первом было только одно имя.

Она испытывающе посмотрела на Калена. Тот лишь удивленно наморщил лоб.

— Твое, командор.

Дарк захихикал.

— Ой, заткните мне рот, иначе этот громила меня сегодня точно убьет! Нет, не могу сдержаться! Наш пострел и там поспел! Точно про тебя, мужик!

Кален нахмурился, но никак не отреагировал на хохот имперца.

— Я никогда не встречался с Мирандой, не был ей представлен. Давно приятельствовал с Фредериком, но... Я не понимаю. Почему я?

— Зато, дружище, я все понимаю очень правильно. Похоже королева указала нам самый быстрый путь к завоеванию ее расположения. И лежит этот путь через ее будуар. Она даже высказала свое величественное желание, кого именно она желает получить в свое полное распоряжение. Это прямое руководство к действию, так ведь, Жас?

— Боюсь, что в данном случае наш пошловатый имперец прав. Не могу сказать с уверенностью чего именно хочет королева, но что она хочет этого именно от тебя, командор, не вызывает сомнений. И могу вас заверить, пока она не получит желаемого ни о каком договоре ни может быть и речи.

— Вот поэтому я и не люблю балы, дворы и придворных, и интриги. Этого не будет.

— Не кипятись, громила. Да, хватит кулаки сжимать, я тебя не боюсь, ну, почти. Вам нужно туда отправиться, никто не заставляет тебя ложиться в постель королевы, но узнать, что к чему необходимо, для общего блага. А там, быть может все сложится само. Должно же хорошим ребятам иногда просто везти.

— Все, собрание окончено. Идемте ужинать, — Жасмина встала из-за стола.

— Ну и славно, а то у меня от этих разговоров уже живот начало крутить, — пожаловался гном.

— А ты не путаешь еду с выпивкой, бородач? — Дарк лучезарно улыбнулся, пропуская в дверь всех покидающих комнату.

— Хватит тебе всех доставать, Дарк. Наживешь проблем, потом даже я не стану вмешиваться, — пообещала Энель.

— Это слишком сложно. Мне не стоило влазить в это. Быть просто ученым отшельником было куда как проще, — сокрушался о своей доле Инариэль.

Все вышли из библиотеки. Дарк аккуратно прикрыл дверь за Инариэлем.

— Командор, — начал он очень тихо и подошел поближе к стоящему у стола Калену.

— Снова ты? — спокойно глянул на него командор.

— Спокойно, у меня серьезный разговор к тебе. Давно нужно было, но все не до того было, — он остановился в шаге от Видящего. — Тебе нельзя идти туда. Не перебивай, просто, выслушай меня. Девчонка, как же она любит давать невыполнимые задания!

Кален вопросительно приподнял бровь и сложил руки на груди, сдержав гневную реплику.

— Кален, ты не должен никуда выходить из этого уютного замка. Мирра, просила меня, присмотреть за этим. Демон ее раздери, как я смогу тебя удержать? Я могу лишь передать тебе ее просьбу. Она просила, чтобы ты не высовывался. Совсем. Ты должен исчезнуть с этого поля. Ты больше не должен быть ключевой фигурой. Как же это сложно! Я должен по просьбе полубезумной эльфийки заменить тебя. Я должен стать Каленом. Для всего мира.

— Ты говоришь ерунду, маг, — Кален отмахнулся от его слов.

— Ты не понял. Ох, — Дарк задумчиво почесал лоб. — Там в Лоринге ты же послушал ее, ты поверил ей. Поверь и мне. Она не зря просила тебя уходить оттуда. Дело даже не в том, что ты мог погибнуть, дело в том, что тебя не должны видеть. Ты слишком... приметная фигура для некоторых заинтересованных лиц.

— О чем ты?

— О, болван, ты все-таки. Тебя ищет Красный дракон. Именно тебя! И она не должна тебя найти! Так что выручать твоего сына, как это тебе ни обидно, отправятся другие, но не ты! Это может привести к катастрофе по сравнению с которой, все остальное покажется мелочью.

— Ты сошел с ума от безделья, Дарк. Я возглавлю отряд.

— Я же говорю — болван. Не злись. Ей тоже стоило бы кому-нибудь из девочек это поручить. Хотя их в тот момент рядом не было. Ладно, хоть просьбу исполни. Шлем не снимай, не стоит тебе блистать своим лицом перед всеми. Будь одним из многих, слейся с толпой своих братьев и не высовывайся. Ой, что она со мной сделает? Испепелит, это самое малое! Просто обещай мне, что будешь аккуратен. Никаких кабаков и лишних бесед, как можно меньше народу должны знать тебя в лицо и знать о том где ты находишься. Я сделал, что мог, — бессильно развел он руками и вышел прочь.

Кален остался в одиночестве. Он ничего не понял из странной речи мага и решил списать это на общую напряженность. Забыв о времени, он пытался вызвать видения. Но его мысли путались, и он так и не смог решить кого же он хочет увидеть больше Мирриэль или так неожиданно обретенного сына. Оставив эту затею, он спустился в общий зал, когда ужин уже подходил к концу. Еда была вкусной, вино чудесным, но он ничего не ощущал. К собственному удивлению, он пришел к выводу, что Мирра сможет о себе позаботиться лучше, чем одиннадцатилетний паренек. Сейчас в нем больше нуждался сын, как бы странно это не звучало. Окончив с едой, Кален отправился в казармы. Эльфы — это отлично, но и их воинам нужна встряска, чтобы не расслаблялись и не забывали о своем призвании. А лучники, конечно пригодятся. Решено. Там у походных костров, он сможет расспросить эльфов о том, что происходило с Миррой у них в лесах. Отдав распоряжения, он отправился спать, отвергнув приглашение Энель посидеть со всеми у огня в каминном зале. Опять начинались приступы кошмаров. Но теперь это были кошмары о будущем.

Он забылся тревожным сном, опасаясь, что может не успеть вовремя.

Глава 9.

Покинув город эльфов, я повернула в сторону дикого леса. Искать что-то в глухомани, конечно, безумие, но это как раз в моем стиле. Я вышла на берег ручья, за которым начинались земли вольных эльфов. В груди защемило от накативших воспоминаний. Одинокое путешествие располагало к размышлениям, я позволила себе окунуться в светлую грусть о давно прошедших днях. Тут мы встретились с Раиром. Тут все и началось. Началось это безумие. Кто бы мог подумать, к чему приведет случайная встреча.

Дни шли за днями, я бродила по лесам в поисках, избегая любых встреч. Здесь было так хорошо. Осень уже окрасила кроны в золото, часто шли дожди. К счастью, новые союзники подарили мне один из своих чудесных плащей, он не намокал, не становился тяжелее и прекрасно защищал от сырости и прохлады. Раны затянулись, я перестала хромать. И хотя рубцы шрамов никуда не исчезли, на темп моей ходьбы это больше не влияло. Я привыкла

терпеть боль, просто теперь ее стало чуть больше. Я вспоминала о друзьях, надеялась, что они смогли хорошо устроиться в древней твердыне. Надеюсь, им комфортнее, чем мне. Думают ли они обо мне? Вспоминают ли? Я сбежала от Гранда, это точно рассердит Калена, но есть дела, которые нужно завершить, надеюсь, потом я смогу вымолить у него прощение. Нет, о нем лучше не думать. Почему-то мне становится очень больно, стоит лишь вспомнить его. Я скучаю? Наверное, можно сказать и так. Не знаю. Меня терзают странные сомнения. Мы предназначены друг другу, но я дала клятву вечной любви другому, а он никогда и не задумывался над возможностью обычной жизни. Если мы сможем быть вместе, как это будет? Почему-то мне становилось страшно. Внезапно я осознала, что совсем не хочу умирать. Даже, ради спасения целого мира. Куда только подевалась моя бравада?

Я не хотела больше ничего делать, меня охватило уныние, и я вот уже несколько дней просто бесцельно бродила по осеннему лесу. Ничего не искала. Просто охотилась, готовила еду и наслаждалась одиночеством, тишиной и спокойствием. После города эльфов я избегала смотреть на свое отражение, даже в воде. Мне было неприятно, меня пугало то, что я видела. Все чаще меня посещала мысль затеряться в этих лесах навсегда. Вряд ли меня сможет кто-то отыскать. Слишком велика территория, слишком много укромных мест. Отличный вариант для того, кто не хочет быть найденным, для таких, как я. Отщепенцев и одиночек. Теперь я уже не чувствовала в себе стремления снова встретиться с кем-то из Хранителей. Даже встреча с Каленом, скорее всего не принесет радости, скорее всего я буду испытывать только горькое сожаление, что мне не удалось избежать этой встречи. Я передала свои знания Раирнаилу, теперь он сможет закрывать разрывы, надеюсь он справится с этим лучше меня. Ветер путал мои волосы, а в голове так же путались мысли. Я — вольный эльф. Отец учил меня жить, как хочется, жить ради жизни, а я в последнее время почему-то постоянно оказывалась на краю гибели. Я не хотела такой судьбы, даже величайшая любовь не стоит этого. Как же я устала. В сердце не было рвения, не было любви, оно сперва замерзло на холодном ветру, а теперь опустело. Я не чувствовала тепла, но при каждом движении боль пронзала все мое тело, я чувствовала каждый шрам, на теле и на сердце. Сколько боли я несла в себе, сколько отчаяния. Никто не мог этого даже и представить. Что двигало мною всего несколько недель назад? Уже и не вспомнить. Сейчас не хочется двигаться вовсе. Еще через несколько дней я смирилась с мыслью, что нужно искать место для зимовки. Зарыться в теплые меха, отгородиться от всего мира и уснуть на всю зиму, а лучше навсегда. Чтобы только больше не испытывать этой боли, будь она неладна. Глубоко в подсознании кричала старая я, бесстрашная и отчаянная, добрая и внимательная, любящая и любимая, но я не слушала ее, не позволяла влиять на меня, я закрывала ей рот, приказывая молчать. Однажды ночью я увидела во сне Ваззина. Утром я долго плакала. Я убила его, вонзила кинжал ему в спину, чтобы оторгнуть его дух и спасти другого, а потом придумала себе историю о добровольном самопожертвовании. Я убила его, чтобы мог жить другой. Вот какая мне уготована судьба, умереть спасая других, герой, о героизме которого никто никогда не узнает. О нем никто не вспоминал, хотя он отдал свою жизнь во имя общего блага. Мне становилось все хуже. Я перестала разводить огонь, меня пугало его пламя, оно напоминало мне горящую высоко в горах деревушку, покинутую людьми. Я перестала ставить шалаши и начала спать на ветвях. Все меньше меня боялись звери. Однажды прямо на меня вышла стая волков. Огромный серый вожак утробно зарычал, увидев меня и оскалил пасть. Я не стала доставать оружие. Смерть от клыков благородного зверя ничуть не хуже любой другой. Волк принялся. Подошел ближе, все еще рыча. Я села

на землю, и наши глаза встретились. Он рычал, а я молчала, я была готова. Темный эльф, так когда-то назвал меня орк. Эльф, в котором встретились тьма и свет. Встретились в смертельном поединке. Теперь, глядя в глубокие желтые глаза волка, я увидела свой черный силуэт и поняла, что со мной происходит. Тьма внутри меня побеждает. Во мне умирает все светлое и доброе, по частице, по крупице, из моей души уходит свет. Во мне умирает эльф. Долго и мучительно. Когда не станет эльфа, что останется? Кем я стану? Волк смотрел мне в глаза. А потом он тихо заскулил, прижал уши и лег на землю. Стая, услышав своего вожака, скрылась в лесах, а он еще немного полежал возле меня. Потом встал и подойдя ко мне, положил свою мохнатую морду на мое плечо и замер. Прошло несколько долгих минут. Волк отошел от меня, отряхнулся, словно побывал в воде, и направился к лесу. Перед тем, как скрыться в густом подлеске он оглянулся, в свете заходящего солнца я увидела слезы на его глазах. Он поднял голову и завыл, а потом исчез в кустарнике. Я встала и отправилась в путь. Путь в никуда. Я давно знала, что принадлежу миру духов, частично, теперь я поняла, что все меньше принадлежу миру живых. Я выбрала дорогу, которая вела к смерти. Но даже волк не стал меня трогать, побоялся того, что увидел. Он испугался меня. Дикий зверь. Так что уж говорить о людях? Я вселяю ужас. Инариэль как-то сказал, что я была похожа на богиню смерти. Тогда это было лишь мгновение, теперь я стала такой. То, что тогда напугало эльфа, стало моим естеством. Я закрыла глаза. Бой проигран, впрочем, как и война. Не хочу больше сопротивляться. С этим пора заканчивать. Слишком тяжело, слишком печально, слишком больно и так пусто.

Началась зима, во всяком случае выпал первый снег. Я сидела у ствола векового дуба глядя как медленно лед сковывает воды неизвестного озера, и ждала смерти. Я не ела уже несколько дней. Мне было трудно даже открывать глаза, и я перестала их открывать. Я торопила свой последний вздох, я хотела бы проститься со всеми, но рядом не было никого, поэтому я обращалась к ним всем в мыслях. Мой последний час, долго же смерть ждала этого. Столько раз я была на краю гибели и всегда возвращалась. А теперь, у меня не было желания оставаться, я не видела больше в этом смысла. Звонящая пустота в душе, поглотила меня. Но, даже теперь я не могла вымолвить слова прощания, обращенные к Калену, я не знала, что сказать, я представила себе его в последний раз, смотрела в яркие голубые глаза и просто молчала. Страха смерти не было, как не было больше и воли к жизни. Я умирала в глуши, и не было рядом друзей, чтобы заставить меня бороться. Я была одна на берегу замерзающего озера. А потом я уснула, мне приснился Инариэль. Он бежал мне на встречу, что-то кричал, но я не слышала его голоса. Меня окружали демоны, они плясали и оглушительно кричали, каждый из них наравил дотронуться до меня, ударить, укусить. Поцеловать? Приласкать? Они утягивали меня за собой в черную пустоту. Инариэль все еще бежал, но расстояние между нами непреклонно росло. Все было кончено, прощай, друг. Наверное, ты хотел мне помочь, как всегда, но на сей раз ты опоздал.

Яркий свет ударил мне в глаза. Я сощурилась. И попыталась понять, что же происходит. Я уже умирала, я видела демонов, окруживших меня, и вот я лежу на кровати, меня согревает теплое одеяло и в глаза нещадно бьет свет. Ладно, пока глаза привыкают, надо разобраться, что там творится у меня в душе. Ничего не изменилось. Я все так же не хочу жить, все так же чувствую гнетущую пустоту внутри. Гулким набатом бьется сердце. Но я жива, значит борьба еще не окончена, кто-то вмешался и вытянул меня из-за грани, опять. И кто бы это мог быть. Открываю глаза. Повернув голову вижу широкую спину, белую рубашку без рукавов и огромные зеленые плечи.

— Рыдгар, — стону я. — Как вы нашли меня? Я же запретила вам входить в леса!

На мой голос оборачивается не Рыдгар. Я закрываю глаза, потом опять их открываю. Передо мной в белой рубахе стоит орк, женщина орк. Она мне приветливо, на сколько это позволяет ее лицо, улыбается.

— Я не Рыдгар, незнакомка. Мое имя Вия.

— У орков не бывает таких имен, слишком короткое и мягкое, — ворчу я.

Она смеется низким, достаточно угрожающим смехом.

— Ты права. Мое полное имя Вырламинкаштырн. Можешь называть меня так.

— О, я даже и в лучшие времена с трудом бы запомнила этот набор звуков.

— Смотрю ты не в духе. Странно тебя принесли...

— Да я уж заметила, что я не вижу того замерзающего озера.

Вия перестала улыбаться и замолчала, осуждающе глядя на меня. Я подумала, что грубить спасителям по крайней мере не вежливо, даже если забыть о том, что спаситель — орк.

— Прости Вия. Я сама не своя. Мое имя Мирриэль, можно просто Мирра.

Вия кивнула.

— Вышей, — протянула она мне миску с дурнопахнущей жидкостью.

Я скривилась, но послушно выпила.

— Гадость, — констатировала я. — Что это?

— Лекарство.

— Понятно. А как я здесь оказалась?

— Тебя принес охотник.

— Ничего себе, вы всех валяющихся у деревьев путников тащите в дом и выхаживаете?

— Нет, только тех, на которых указывают древние духи. Особенно, когда посылают они для этого старого Вуда.

— Старый Вуд? Это кто?

— Ты слишком любознательна для того, кто ищет смерти.

— Этого у меня не отнять, точно.

— А ты не очень-то приветлива и благодарна за спасение.

— Ты плохо меня знаешь, раньше все было по-другому.

— Конечно, по-другому. Первый предупредил, что у тебя сейчас трудный период, просил быть снисходительными, но если будешь грубить, я в долгу не останусь! Поняла, Темная?

— Еще бы! А теперь ответишь на мои вопросы?

— А теперь, темная, ты будешь спать!

Я хочу сказать, что мне совсем не хочется спать, а хочется узнать ответы, но мой язык немеет, веки наливаются свинцом и я падаю на подушки. И проваливаюсь в кошмар. Меня опять окружают демоны. Но теперь я могу различить в бормотании отдельные слова: «наша», «с нами», «не уйти», «темная». Это длится бесконечно долго. Но потом все опять исчезает, и я открываю глаза в кровати. В комнате темно. Наверное сейчас ночь.

— Вия? — зову я. — Очень хочется пить, пожалуйста.

— Ее нет, — отвечает мне грубый мужской голос и рядом со мной возникает тень чашки.

Я беру ее и с удовольствием выпиваю чистую прохладную воду.

— Спасибо! А где Вия?

— Ее нет. Нельзя рядом с тобой находится долго, никому из нас, мы несем дежурство по очереди. Сейчас моя смена, — он протягивает мне уже знакомую миску с гадостью. — Пей и спи! Хватит разговоров.

— Хорошо бы проснуться, когда будет ее дежурство, она хоть немного разговаривает, — бурчу я, но послушно выпиваю и ложусь.

И снова темнота и демоны окружают меня. Я просыпаюсь, мне дают выпить гадость, и я опять засыпаю. Раз, два, пять.

Безнадежно открываю глаза. Орки настойчивы и молчаливы. Дают мне «лекарство» и следят чтобы я все выпила. Никто не разговаривает. Я сажусь в постели.

— Давайте, выпью, — смиренно произношу я.

— Сегодня тебе позволено немного отдохнуть. Следующий сон должен прийти сам, без лекарства.

— Вия, — я как ребенок радуюсь ее голосу.

— Да, темная, это я.

— Почему ты называешь меня темной? Я же говорила, меня Мирра зовут.

— Нет, сейчас это не твое имя. Так звали светлую эльфийку, которой ты была. Больше ты — не она. Пока не окончится процесс.

— Процесс чего?

— Трансформации, конечно. Ты изменилась. Изменился твой дух. Свершилось что-то, что дало возможность твоей темной стороне заявить о своих правах на тебя. И она это сделала. Обычно на этом все и заканчивается. Ты ведь не знаешь ни одного темного эльфа?

— Нет, — честно призналась я. — А что значит темный эльф? Чем они отличаются от светлых?

— Тем, что они знают правду.

— Какую правду?

— О себе, о жизни, о смерти. Это долгий процесс. Но ты хорошо справляешься. Думаю, что у нас все получится.

— А почему нет темных эльфов?

— Потому что, чтобы узнать правду о смерти, нужно умереть, а потом вернуться, чтобы жить. Но обычно никто не понимает, что происходит и того, кто свершает переход, хоронят. И он умирает уже насовсем.

— То есть, то что вы мне даете это не лекарство, а яд? Вы меня убиваете, чтобы я возвращалась? Да сколько ж можно надо мной издеваться?

— Мы не издеваемся, темная, мы помогаем. Пока ты не завершишь обращение, ты будешь думать только о смерти и искать ее. Мы помогаем тебе быстрее пройти этот путь. Это не яд, это очень сильное снотворное. Ты спишь, а не умираешь, но тебе кажется, что ты умерла и потому процесс продолжается.

— И когда он завершится? Как я узнаю? Или как ты узнаешь?

Вия внимательно посмотрела на меня. У нее были очень пронизательные карие глаза.

— Ты узнаешь. Ты поймешь. И когда это случится, ты родишься.

— Возрожусь? Что бы это могло значить?

— Это значит, что ты найдешь в себе силы жить дальше и делать, то что должна. Больше не будет сомнений и страха.

— Было бы хорошо. Меня очень пугает мое состояние.

— Не бойся. Мы поможем тебе.

— А почему вам нельзя находиться рядом со мной долго?

— Ты — темная. Пока ты не переродилась, ты не можешь управлять этим. А значит, ты словно дорога для демонов, они могут ходить туда и сюда. Из своего мира в наш. И все, кто долго находится рядом с тобой подвергаются опасности.

— Простите. Я...

— Тебе не надо извиняться. Мы осторожны, мы предупреждены, было бы хуже, если бы ты оставалась среди людей. Люди слабы, они не могут противостоять демонам. Хорошо, что ты ушла в леса, когда это началось. Это говорит о том, что ты очень чистая и добрая. Была... И, с нашей помощью, снова станешь. Просто ты будешь сильнее и умнее. Хочешь отдохнуть?

— Нет, пока нет. Дай воды, пожалуйста.

Она протягивает мне кружку. Утолив жажду, задаю следующий вопрос.

— Так кто такой старый Вуд?

— Волк. Очень старый. Он дух этого места.

— Волк? Когда я блуждала в лесах я встретила со странным волком.

Она кивает.

— Это и был Старый Вуд. Он пришел к Охотнику и привел нас к тебе. Мы вовремя успели, без Вуда, нам бы долго пришлось тебя искать, а он сразу взял твой след.

— Почему дух этого места помогает мне?

Она улыбнулась.

— Наверное, потому что узнал. Но кто знает, что на уме у духов.

— Узнал? Не может быть. О, передай мои извинения охотнику, который нес меня, я знаю, что не могла контролировать себя и наверняка причинила ему сильную боль.

— Нет, темная. Он был готов. Он знал, за кем идет и подготовился.

— Как? Магическая защита?

— Нет, конечно, сейчас к тебе нельзя применять магию. Обычно она просто не действует на тебя и рядом с тобой, но сейчас твой дух слишком слаб, любое магическое воздействие может оторгнуть его от тела, а мы этого не хотим. Мы знаем, как ты важна. Поэтому охотник взял с собой волокуши. Старый Вуд помог ему тебя на них положить, потому что твоя особенность не действует на зверей. Так что ты никому не причинила вреда. Не тревожься об этом.

— А что это за место?

— Ты в вольном поселении свободных орков.

— В эльфийских лесах?

— Да, мы давно тут живем. Первый привел сюда предков, еще во времена войны драконов. С тех пор мы обживаем этот уголок леса.

— Значит, случай привел меня в то место, на поиски которого я вышла, — невесело улыбнулась я.

— Случай ли?

— Что ты имеешь ввиду?

— Все происходит так как должно и тогда, когда должно. Ты искала нас, но мы тоже искали тебя. Равновесие должно быть соблюдено. Так говорит богиня.

— Странные слова для орка. Сомневаюсь, что Калисто когда-то думала о Равновесии.

— Нет, не Красная богиня. Все, кто живет здесь отреклось от нее. Мы чтим другую богиню.

— Да, и какую же?

— Мы не знаем. Для нас она просто богиня.

— А откуда вы о ней узнали?

— Нам рассказал Первый освобожденный.

— Первый значит. Расскажи, пожалуйста. Мы эльфы любим древние легенды.

— В легендах много истины, нужно уметь ее видеть. Но тут нет никакой красивой легенды. Марык, так звали первого освобожденного от власти красной богини воина, нес службу в ее темнице. Это было еще до начала войны. И однажды туда попала странная эльфийка. Тихая и спокойная. Она много говорила с Марыком, говорила, как с равным. Красная никогда не говорит с воинами, только с возлюбленными. Она рассказывала о другом пути, без крови и жертв, о пути настоящего воина, но не убийцы. Марык не знал ее имени, но ее слова нашли отклик в его душе, и он поверил ей. Поверил, что есть Равновесие. Что мир может существовать без слез и боли.

— Элирия, — слабо улыбнулась я. — Это ее охранял Марык. Это она рассказала ему все. Я должна была догадаться раньше. Конечно, кто же еще мог это сделать.

— Ты знаешь ее имя? — нахмурилась Вия.

— Конечно, знаю. Ее звали Элирия. Богиней, которой вы поклоняетесь был Зеленый дракон эльфов. Дракон Равновесия. Это она была заточена в плену у Калисто, и случилось это, видимо, когда Орлен опоздал. Когда они хотели все исправить. Ох, как же все перепутано.

Вия улыбалась.

— У богов не бывает по-другому. Так ведь? Ты же на себе это ощутила, темная?

— Вы знаете кто я?

— Конечно, Марык сразу узнал тебя. И рассказал нам. Ты ее воплощение. И теперь оркам предстоит помочь установиться Равновесию. И мы помогаем. Помогаем тебе.

— Да, Рьдгар будет счастлив, если я когда-нибудь смогу ему это все рассказать.

— Сможешь, когда переродишься, — уверенно сказала Вия.

— Слушай, а перерождение не предполагает новое тело? Мое слегка поизносилось в борьбе со злом.

— Этого я не знаю, темная. Но мне пора уходить. А ты, наверное, устала?

— Да, очень устала. Я посплю пока.

— Конечно. Отдыхай.

Она погасила свечу. И вышла. Я закрыла глаза. Наверное, я должна быть счастлива, я нашла для орка тайное поселение. Теперь ему нет нужды возвращаться к Калисто, а значит и меня к ней он не поведет. Но что-то я не ощущала радости. Мир был серым и пустым. Тихо в груди билось опустошенное израненное сердце.

Едва я провалилась в сон, я оказалась уже в знакомой черной пустоте. Демоны были рядом. Все было, как и прежде. Только теперь этот мрак не вызывал отчуждения, не пугал. Не бесновались демоны. Они просто стояли и смотрели на меня.

— Ты одна из нас.

— В твоей душе пустота.

— Ты наша.

— Тебе не уйти отсюда.

— Здесь твое место.

— Хватит, — прервала я их. — Надоели уже, все вместе болтать. Давайте-ка, по существу. И по-одному. Что вам нужно от меня?

— Ты наша. Нам ничего от тебя не нужно. Ты просто должна признать, что ты одна из нас. И остаться здесь. В мире живых для тебя больше нет места. Слишком черна твоя душа. Твои руки в крови невинного. Ты преступила черту добра и зла. Теперь ты с нами.

Голос в голове звучал очень отчетливо и спокойно. Он не требовал, он рассказывал.

— Посмотри на себя, — посоветовал голос. — Ты увидишь свое истинное лицо, и когда ты примешь его. Она останется таким навек. Больше нет света, нет жизни, но и страданий больше нет. Ты свободна.

Я посмотрела на себя. Впервые в этом черном мире. Моя кожа стала еще белее, она стала словно прозрачной, и переливалась тысячами ярких огней, словно была усыпана драгоценными камнями. Передо мной появилось зеркало, и я внимательно стала рассматривать свое лицо. На нем не было шрамов, не было следов перенесенных пыток. Нигде не было. Из зеркала на меня смотрела обворожительная красотка. Ее волосы цвета спелой пшеницы мягкими волнами рассыпались по округлым плечам. На плече не было клейма. Нежность кожи можно было даже увидеть, а не только почувствовать. Куртка из мягкой кожи, нежного цвета топленого молока была напрочь лишена рукавов, и изысканно подчеркивала высокую пышную грудь. Тонкую талию украшал легкий пояс цвета расплавленного золота. Длинные стройные ноги, красивые бедра. Легкость и непринужденность. Сгусток энергии и красоты. Я заморожено смотрела на другую себя. Из зеркала на меня с насмешкой и осознанием полного превосходства смотрели антрацитово черные глаза.

— Вот видишь, это — Адель, — прошептал голос. — Такой ты можешь стать. Теперь, когда мир людей доступен нам, разве не хочешь ты вернуться туда такой, обновленной. Ты можешь стать кем захочешь.

— И питаться энергией жизни других существ, чтобы продолжать существование, — закончила я за него.

— А что в этом такого? — удивился демон. — Ты же смогла убить человека, чтобы отобрать его тело? Неужели ради себя ты не сможешь убивать? Сомневаюсь. Они будут тебе поклоняться. Тебе не обязательно всегда быть дрянной девчонкой, можешь быть какой захочешь, но поверь, скоро тебе понравится быть плохой.

Я рассмеялась. Мне предлагали стать той, от кого я спасала людей.

— Ты зря смеешься. Представь, что ты сможешь дать своим любовникам, они будут просто умирать от желания обладать тобой.

— Это не моя стезя, — спокойно парировала я, хотя на секунду представила эту красотку в объятиях Калена, это было странно. — Это место занято. Калисто не потерпит конкуренции.

— Хорошо, — замурлыкал демон. — Решать тебе. Кем ты хочешь быть. Жалкой, искалеченной эльфийкой в лицо которой нельзя посмотреть без содрогания или...

Рядом с красоткой в зеркале появилось мое отражение. Я опустила глаза. Лицо расписано шрамами, спутанные грязные волосы наспех собраны в мелкие косички. Чужая одежда, висящая на исхудавшем теле словно на вешалке. И шрамы. Везде. Руки, пальцы, ноги, тело. Словно лоскутное одеяло. Но больше всего меня поразили пустые глаза цвета морской волны. Безжизненные и холодные.

— Вот, как видят тебя окружающие. Так и никак иначе.

— Это всего лишь оболочка, важно, что в душе, — попыталась парировать я.

Демон рассмеялся.

— А кто видит душу?

Я задумалась. Столько разговор о душе, но ведь, действительно, ее никто не видит. Никто не знает, что это. Так может это не такая уж большая ценность?

— Вот именно. К тому же, мы не собираемся у тебя забирать душу. Она останется при тебе, — пообещал слащавый голос демона.

Я задумалась. Я — демон. Вот это поворот судьбы. Что там мне рассказывала Вия перерождение, кажется так она это назвала. Это не перерождение, это перевоплощение. Должен быть какой-то другой путь.

— Ты размышляешь, — проворковал невидимый демон. — Это хорошо. Думай. Мы не станем тебя тревожить, пока ты не будешь готова дать ответ.

Голос исчез, но появилась Адель. Она улыбалась, глядя на меня, небрежно уперев руку в бедро.

— Не лги себе, милая, — проговорила она. — Я — это ты, мне известны все твои мысли, самые скрытые, самые сокровенные. Ты страдаешь, ты боишься. И правильно делаешь. Посмотри на себя еще раз. Как ты думаешь, захочет ли твой избранник целовать тебя, захочет ли он прикоснуться к тебе? Не будет ли ему противно? А может быть именно поэтому он избегает близости с тобой? Ты ему противна! А ты ведь страстно желаешь его, уже так давно! С первого дня, с первой минуты. Если ты дашь мне шанс, он не устоит.

За спиной Адель появляется образ Калена. Он нежно обнимает ее за талию привлекая к себе. Его губы впиваются в ее шею, покрывая ее поцелуями, а руки уверенно освобождают ее грудь от одежды.

Я пытаюсь закрыть глаза, отвести взгляд, уговариваю себя, что это лишь обман, уловка. Но я знаю, что она права. Я всегда это знала. Я недостаточно хороша для него, он всегда находил отговорки и оправдания, лишь потому, что не хотел меня обидеть. Я открываю глаза и вижу, как жадно образ Калена припадает к нежной коже Адель, в его глазах я вижу огонь желания. Он ласкает нежную кожу демоницы, сжимает ее грудь в своей ладони. Она поворачивается к нему лицом и опускается на колени, освобождая его тело от оков одежды.

Я не могу смотреть на это.

— Он никогда не сделает этого с тобой, — слышу прерываемый страстными стонами голос Адель. — А здесь ты не будешь знать отказа. Любой, кого ты захочешь, будет хотеть тебя. Смотри!

Я не хочу повиноваться, но не могу сопротивляться. Тьма во мне будоражит, заставляет кровь быстрее бежать по жилам, сердце колотится словно молот. Я открываю глаза и с трудом верю в происходящее. Калена больше нет, обнаженное тело Адель ласкает крылатый демон. Его серая пасть оскалена сотнями острых зубов, длинный раздвоенный язык жадно облизывает ее приоткрытые губы, проникает в рот. Когтистая лапа царапает нежную кожу, раздвигая стройные ноги. Адель не противиться, всем своим телом прижимается к змееподобной фигуре демона. Я вижу, как хвост твари появляется между ее ног и приводя ее в экстаз медленно проникает в нее. Она судорожно хватается руками за что-то, что сперва показалось мне посохом, когда я понимаю, что это, меня бросает в дрожь. А демон уже поворачивает ее к себе лицом и удерживая ее бедра широко раздвинутыми резко вонзает в нее этот «посох». Она выгибается, принимая его в себя.

Меня мутит от отвращения, желудок жалобно сжимается.

— Никто не откажет тебе. Ни один из них.

— Никогда не думала, что демоны...

— Страстные и умелые любовники? Мы воплощение тьмы, кому как не нам, знать все самые скрытые тайны и уметь делать то, что иные считают постыдным...

Ее слова прерываются ритмичными ударами тела о тело, стонами Адель и звериными порывками демона. Я закрыла и уши и отвернулась, я не могла больше этого выносить.

Я ушла от этого видения, внутри меня рос страх. Страх того, что несмотря на отвращение, я понимала, что Адель права, что наблюдение за этим противоестественным совокуплением, будоражит мое воображение. Я попыталась взять себя в руки, но внезапно появился очередной мираж. Адель ласкали уже двое демонов. Каждый из них хотел первым обладать ею, она же стремилась угодить обоим лаская их руками и губами. Я опять отвернулась и пошла в другую сторону. Но уже через мгновения я увидела перед собой сцену, как оба демона добиваются желаемого, сжимая хрупкое тело между своими серыми тушами. Один из демонов лежал на спине и удерживая Адель за бедра, а другой нависал над нею со спины. Я отвернулась и услышала ее сладкий стон, когда второй демон проник в нее. Но следующее видение было еще хуже, демонов было уже трое. Двое так и не отпустили ее ритмично двигаясь и рыча. А третий тряс у нее перед лицом своим достоинством, призывая ее к действию. Я ужаснулась, когда Адель послушно открыла рот.

А потом я услышала ее сладкий шепот над ухом.

— Я — это ты, дорогая. Так что это не мое нежное тело, сейчас терзают трое демонов, доставляя невероятное удовольствие, смешанное со жгучей болью. Это не я задыхаюсь, пытаюсь принять их троих и доставить им удовольствие всеми возможными способами. Это твое обезображенное и истерзанное тело сейчас держат шесть жестких лап, управляя каждым твоим движением. А ты горячая штучка, дорогая. Им такие нравятся!

Я вздрогнула, лишь на секунду допустив такую возможность, я ощутила, как рвутся мои внутренние органы при каждом движении, как я задыхаюсь от их зловонного дыхания, как их грубая кожа трется о мою, как впиваются в меня их когти.

— Нет, этого нет! Это лишь видение!

Все исчезло и рядом со мной осталась только Адель. Она облизала яркие губы.

— Как жаль, а ведь самое лучшее было еще впереди, — она поправила ворот своей рубашки. — Но согласись, что тебе это понравилось, ты просто испугалась, но ты этого захотела, захотела быть на моем месте. Захотела быть желанной и доступной.

— Сгинь, демон.

— Как пожелаешь, здесь ты можешь исполнить любое свое желание. Ты же одна из нас! Я лишь твое воплощение в этом мире, я — это ты.

Она исчезла. Мне потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя. Я бесцельно бродила по пустому миру тьмы, злобы и похоти.

Мир, лишенный света должен стать моим домом. Энергия жизни, которой я излечивала людей, должна стать моей пищей. Я должна отнимать жизни, которые стремилась спасти. Ради чего? Почему я должна идти на это? Ради пары стройных ножек и обворожительной улыбки, ради избавления от шрамов? Тут что-то не так. Демоны всегда лгут. Если бы я была демоном, к чему были бы эти уговоры, угрозы, демонстрации? А если я не демон, то что я здесь делаю? Гранд что-то говорил мне об этом. Что же он говорил. Слова друга сами всплыли у меня в голове: «Просто ты часть их мира, тебе подчиняется эта сила, потому что у тебя тоже две стороны, одна из них — демоническая. Поэтому ты и выжила в их мире, поэтому ты их чувствуешь, поэтому ты должна вернуться в их мир и принять себя такой, какая ты есть, ты должна осознать, что ты не становишься хуже от этого, ты просто другая.

Ты должна подчинить себе ту, другую, темную силу, но сделать ты это сможешь, только находясь там и тебе еще придется многому научиться, прежде, чем ты сможешь это сделать. Я научу тебя». Не успел он меня этому научить, придется разбираться самой. Я должна принять себя. Я не демон, просто мне подчиняется их сила, темная сила, но даже пользуясь этой силой, я не становлюсь одной из них. Энергия жизни и энергия смерти, темная и светлая магия, белое и черное, но всегда есть точка соприкосновения, когда энергия уже не является энергией жизни, но еще не стала энергией смерти, когда черную магию используют во благо, становится ли она белой? Я не Элирия, я не могу быть добром в самой его сути, я всего лишь ее воплощение смертное и слабое. Но может быть так оно и должно быть? Ведь Элирия с ее добротой и честью в итоге получила удар стилета, там, где она доверилась, я бы перестраховалась. Так может быть, именно то, что я — это всего лишь я, а не она, мне и удастся все решить. Я — не демон, но я имею право на зло, потому что... Потому что я — это я. Я могу злиться, я могу ненавидеть, могу ошибаться, я могу сопротивляться, я могу проявлять характер, потому что я — это я. И мне не нужно быть никем другим.

— В каждом из нас, рожденных и обреченных умереть, есть и добро, и зло, — громко сказала я. — В каждом заключен и свет, и тьма. Но только не все это понимают. Я поняла это сейчас. Да, я часть вашего мира, как и любой другой! В каждом есть демон, вопрос лишь в том, позволим ли мы демону управлять нами или научимся управлять демоном. Я выбираю второй вариант. Я — демон, которого взяли под контроль. Этот мир мой! Потому что я — демон. И когда мне это будет нужно, я буду об этом вспоминать и отбирать жизни, если сочту это необходимым без мук совести, без терзаний и колебаний.

Демоны ликовали.

— Но, — продолжила я. — Я не стану от этого хуже, я останусь собой, ибо света во мне не меньше, чем тьмы.

Я подняла голову.

— Вот мое решение. Тьмы во мне столько же, сколько и света. Но я не являюсь ни тем, ни другим. Да будет соблюдено Равновесие! Я и есть равновесие.

Тьма распалась вокруг меня при последних словах. Исчезли демоны.

Впервые за долгое время я спала без сновидений.

Проснувшись я с первыми лучами солнца. Я думала, что все уже изменится для меня, ведь я закончила эту метаморфозу, но свет не стал ярче, и, хотя мне больше не хотелось умирать, жить, как и прежде мне тоже не хотелось. Совсем. Но ярко в мозгу билась одна мысль. Долг. Даже если мне не хочется, я должна. Таков мой рок. И я встала с постели по велению рока. В хижине никого не было, видимо орки дали мне возможность просто поспать. Зато была холодная вода. Была аккуратно сложена моя выстиранная одежда. На стойке у выхода стояло все мое оружие. Я быстро умылась, приводя мысли и лицо в порядок, оделась и оставив оружие на стойке, вышла из хижины. Яркое утреннее солнце слепило глаза белизной снега. Я зачаровано осмотрелась. Снег выпал совсем недавно, не было пушистого холодного ковра, белая пыльца лишь немного припорошила траву, землю и золото ветвей. Насладившись ощущением жизни, я осмотрелась. Когда-то это было поселение на несколько десятков человек. Но шло время и вот, вокруг меня раскинулась деревня на несколько сотен жителей. Тут не было лачуг и дворцов, все дома были одинаково добротны. Над пекарней вился дымок, насыщая морозный воздух запахом свежего хлеба. На окраине деревни слышались равномерные удары молота, кузнец уже был занят делом. Здесь кипела жизнь, и это было видно. Я не чувствовала себя частью этого, но уже могла радоваться чужому благополучию.

Для меня жизнь еще не приобрела ярких красок, но и серую монохромность она уже утерjala. Пока я решала, где искать Вию, на улице появился маленький орк, он деловито погонял козу, не обращая на меня внимания. Маленький крепыш укутанный в теплую накидку вызвал у меня улыбку.

— Эй, — окрикнула я его. — Доброе утро тебе, хозяин!

— И тебе, гостя! — ничуть не смутившись ответил орчонок.

— Не подскажешь ли где мне найти Вию?

Он на несколько секунд задумался, видимо, решая о ком я говорю.

— А, — догадка осенила его и зеленое лицо засветилось радостью. — Дочка шамана сейчас на собрании. Вон тот дом. Там все охотники. Шаман их собрал зачем-то. Иди туда. Не пропустишь, дом с красными петухами на ставнях.

— Спасибо, дитя!

Орчонок, довольный что смог оказаться полезным отправился по своим детским делам, а я отправилась в указанном направлении. Дом с красными петухами на ставнях ничем отличался от других домов. Только из его трубы шел густой дым, видимо, очаг не гасили всю ночь. Легкое чувство тревоги охватило меня. Я так отвыкла, что-либо чувствовать, что вздрогнула от неожиданности. А потом улыбнулась. Я возвращалась к жизни. Я не стала нагло вваливаться в открытую дверь, сперва я постучала, но мне никто не ответил. Тогда я вошла в небольшую комнатку у входа. Широкая дверь в дом была открыта. В комнате за столом сидело два десятка здоровенных зеленых орков. Они были заняты беседой, и не заметили моего появления.

— Мы не можем так рисковать, — говорил один из них.

— Он один из нас, мы не должны отворачиваться от своих, — ответил другой.

— Все так, — проговорил орк восседавший во главе стола. — Нарвыл — один из лучших охотников, но, все мы понимаем, что безопасность племени, важнее жизни даже самого лучшего охотника. Все мы знаем, что красноглазые никого не щадят. Отправившись за ним, мы можем оставить без защиты женщин и детей. Это недопустимо. Нарвыл умрет достойно. Мы не можем рисковать. Мы скрывались сотни лет, и только поэтому все еще живы.

Орки загомонили. Они перебивали и перекрикивали друг друга.

А я смущенно вышла за порог. Невольно я стала свидетелем принятия одного из самых сложных решений для любого рода. Дать погибнуть одному или отправить на верную смерть, пытаясь его спасти еще несколько десятков. Но больше всего меня насторожило название захватчиков «красноглазые». Если это не эпитет, то здесь, неподалеку обосновались употребляющие красный обат маги или Видящие. Плохо дело. С ними орки не совладают точно. Но это не мое дело. Мне бы Вию отыскать.

Я дышала свежим воздухом, радуясь даже тому, что могу ощущать холод, когда услышала странные звуки из-за дома. В этот момент я пожалела, что оставила оружие. Едва слышный рык и шепот. Я аккуратно заглянула за стену, лишь на секунду и облегченно вздохнула. На резной скамейке у дома сидела Вия. Массивные плечи сотрясались от беззвучных рыданий, она то и дело хлюпала носом и вытирала маленьким белым платочком глаза. Я покачала головой и присела на скамейку рядом с ней. Наверное, нужно выразить свое сочувствие, но у меня не получится приобнять ее за плечи, даже если я и решусь, уж слишком она большая. Она вздрогнула от неожиданности.

— А, это ты, — расслабилась Вия, рассмотрев кто опустился рядом с ней. — Тебе еще нельзя выходить.

— Мне гораздо лучше, — успокоила я ее. — Не хочешь рассказать, что тебя расстроило?

— Это не твое дело, тем... — она остановилась на полуслове. — Ничего себе, никак не могла подумать, что ты сможешь так скоро с этим справиться. Отец говорил, что это может занять несколько недель, а ты, за одну ночь справилась. Удивительно!

— Что? — переспросила я.

— Ты справилась, Мирра. Твоя темная сила, больше не причинит вреда никому. Теперь только по твоему желанию, — она взяла меня за руку. — Пойдем к отцу.

Я была готова сдерживать боль, как обычно, но ничего не произошло. Я расслабилась, но боли не было. Я крепче сжала ее руку. Ничего. Мое проклятье исчезло, больше из меня не рвался темный мир. Мне не было больше нужды постоянно блокировать свои эмоции. Я освободилась от этой напасти.

— Постой, — я удержала пытающуюся подняться Вию. — Расскажи мне что случилось с тобой? Что заставило тебя плакать?

— Обычно плачут, когда больно и плохо? А что у эльфов не так?

— Не знаю, я не помню, когда позволяла себе плакать. Так что огорчило тебя?

— Что тебе до этого?

— Ты знаешь, очень давно, когда я еще была просто собой, мой друг сказал, что я умею находить нужные слова, чтобы облегчить боль других. Вот хочу проверить, вернулся ли этот мой дар, — невесело улыбнулась я.

— У тебя есть друг?

— И не один. У меня много друзей. Людей, которым я постоянно причиняю боль, своими зачастую необдуманно поступками. Людей, которым безразлична моя жизнь, наверное, они волнуются обо мне даже больше, чем я сама.

— Ты очень изменилась. Хотя я ничего о тебе не знала, но по сравнению с тем, что я видела перемены просто разительные — опять всхлипывая произнесла Вия.

— Я тоже немного знаю о тебе, да и о вашем народе вообще. Я не успела расспросить Рьдгара, он обещал, что, если не сможет вас отыскать, вернется к Калисто не один, а прихватит меня, как пленницу, Гранд уже занес меч над его головой, ведь он обещал Калену меня оберегать и уж конечно он не мог позволить Рьдгару пленить меня. А потом все случилось слишком быстро, меня попытался убить дух сострадания, я спаслась, а потом пришло время мне уходить. Так что мы так и не успели нормально поболтать.

— Как интересно. Когда охотник тебя принес, я сразу обратила внимание на твое оружие, и на шрамы, судя поэтому, ты очень воинственная.

— Нет, Вия, мне не нравится моя роль, она даже мне неприятна, особенно теперь, но у меня нет другого выхода я должна себя защищать, и убивать врагов, а иногда и друзей, — едва слышно и печально добавила я.

— Мы не такие, мы отреклись от злобы и кровопролитий и вот теперь пришла расплата. Беда пришла в наш дом, а мы не можем ничего сделать. Мы теряем людей, но все что делаем — продолжаем прятаться.

— У каждого, Вия, свой путь. Мой лежит через постоянные неприятности и столкновения. Это вынуждает меня быть той, кем я являюсь. Каждому даются испытания, но все они лишь укрепляют, если не убивают. Но, это я отвлеклась, что за беда у вас случилась?

— Красноглазые. Они появились здесь весной. Сперва, мы решили, что это такие же бедолаги, как и мы, которые ищут убежище в этих лесах, но потом стали пропадать охотники. А потом мы стали находить, то что от них оставалось. Несколько смельчаков

отважились подобраться к утесу поближе и видели, как красноглазые убивают пленников.

— Вия, это очень важно, красноглазые — маги? Или воины в белых одеждах?

— Нет, белых одежд там никто не носит, только разноцветные балахоны.

— Маги, — выдохнула я. — Но это не упрощает дела. Если бы здесь был Кален, все стало бы гораздо проще. Итак, маги убивают ваших охотников, а вы ничего не можете им противопоставить?

— Да, — в отчаянии воскликнула она. — Отец запретил мужчинам ходить в ту сторону, велел не выпускать детей и скрываться, избегать встреч с ними.

— Должна заметить, Вия, это очень разумное решение. Ты не представляешь на сколько они опасны. Меня даже удивляет, что они еще не нашли вашу деревню и не перебили вас всех.

— Нашу деревню нельзя найти случайно, — всхлипнула Вия. — Это заповедная земля, сюда могут прийти только те, кого ждут, кто знает путь.

— Это хорошо. И ты переживаешь за охотников, которые не вернулись и опасаясь, что это так и продолжится?

— Не за всех охотников, Мирра, за одного из них. Они собрали группу из десятки лучших молодых мужчин и отправились вызволять пленных, вопреки приказам отца, но не вернулись. Мы нашли уже тела девяти, остался только Нарвыл.

— Он дорог тебе? Он твой избранник? — догадалась я.

Она не смогла ответить, ее душили рыдания.

— Так, успокойся. Не плачь. Это не поможет ему.

— Ему уже ничто не поможет, осталось два дня.

— Вия, — как можно мягче говорю я. — В моей жизни не бывает случайностей, как показывает опыт. Я всегда оказываюсь там, где нужно и тогда, когда мне нужно, или не мне, но нужно. Понимаешь? Все не случайно. Даже если сперва и непонятно что я здесь делаю и зачем тут оказалась. Даже заточение и пытки не были случайны, я должна была через это пройти, чтобы...

— Тебя пытали? Вот почему на твоём теле столько шрамов. Но зачем это было нужно тебе?

— Чтобы обрести любовь. Чтобы понять, на сколько я дорога ему, и чтобы он смог это понять.

— Ты любишь кого-то? — удивилась она.

— Представь себе! Но я не чувствую этого сейчас, я словно окаменела, когда блуждала по этим лесам. Теперь мне нужно вспомнить, что значит любить и снова научиться чувствовать. Итак, Нарвыл, — я задумалась. — Я попробую помочь вызволить его.

— Ты? Одна?

— Именно! Одна, — улыбнулась я. — Вы мирный народ, а вот я — нет. Может быть тогда и закончится мое превращение, и я снова стану собой. Мне так холодно, Вия, внутри холодно. Словно я изо льда сделана. Смотри.

Я выдохнула, но в морозном воздухе мое дыхание не образовало пара.

— Я словно...

— Порождение тьмы, — закончила она за меня. — Ты сделала большой шаг, ты признала это. Теперь тебе нужно научиться с этим жить. Тебе нужно увидеть свет в себе.

— Поэтому я и хочу тебе помочь спасти возлюбленного. Я должна спасти его, чтобы... простить себя за ужасный поступок. Правильный, но ужасный.

Она не стала меня допытывать расспросами, и я была ей признательна.

— Но как ты сможешь это сделать? Нашим не удалось даже приблизиться к их лагерю.

— А как же они увидели, что это красноглазые совершают убийства?

— Они убивают не в лагере, там есть возвышенность, небольшой утес над водой.

Меня пробил озноб.

— Там растет черное дерево?

— Да, на самом краю.

Вот оно воплощение моего кошмара. Один из нас должен умереть у корней этого дерева, как и тысячи раз до этого. Я закрыла глаза, пытаюсь совладать со страхом, охватившим меня. Ничего не получалось. У меня дрожали руки, немели ноги, и я никак не могла вдохнуть, так сжалось все внутри меня. В голове билась только одна мысль — бежать, как можно быстрее и как можно дальше. Мне потребовалось несколько бесконечно долгих мгновений, чтобы прийти в себя. Страх не покинул меня, но я смогла произнести:

— Ну, выйти оттуда будет гораздо сложнее, чем войти. Я не буду таиться, я просто дам им меня поймать, так я и в лагерь попаду и мне не придется искать заключенных, я сразу окажусь там, где надо. А вот как мне вывести оттуда пленных живыми, вот это вопрос, на который я, пока, не знаю ответа. Но делать все придется в последний момент, уже на утесе, там это будет проще всего. Скажи отцу и остальным, чтобы ничего не предпринимали эти несколько дней. Если я не вернусь, тогда, — я закусила губу. — Найдите возможность связаться с Хранителями. Скажите, что у вас есть информация для Калена. Он точно сможет с этим справиться, если я потерплю неудачу. Маги — это его ремесло. Но, молю, ничего не говорите ему обо мне, если я не вернусь, ему не нужно знать, что я была здесь и что я пыталась сделать.

— Почему? — удивленно посмотрела на меня Вия.

— Пока он будет думать, что я жива, он будет продолжать бороться, но стоит только ему понять, что меня уже не вернуть... Я не хочу этого. Без него не останется никаких шансов. Пока он жив — у этого мира есть надежда.

— Это он твой возлюбленный?

Больно кольнуло в груди, словно шевельнулась острая льдина.

— Да, — ответила я. — Если я не вернусь и сюда придут Хранители, убедись, что мое оружие не попадет никому из них на глаза, уж слишком хорошо мои ножи известны любому из них. И не говори с Каленом сама. Он — Видящий, он почует ложь в твоих словах и добьется правды, а он не должен ее узнать. Не стоит устраивать долгих прощаний, Вия. Мне пора. Помни о моей просьбе. В какой стороне их лагерь?

Она махнула рукой в замешательстве. Для нее все происходит слишком быстро. Для меня же все уже было решено. О спасении я буду думать, когда у меня будет больше информации. В этот раз не будет погребального костра у черного дерева, даже если я потерплю неудачу. Я сломаю ход событий, хотя бы так. И вновь я шла на верную смерть. Шла в надежде, что смогу вернуть свою жизнь, сколько бы ее не осталось.

Я углубилась в лес, оставив за спиной скрытую в глуши деревню орков. Я не оглядывалась, я знала, что уже ничего не увижу. Солнце стояло высоко над головой, когда я сморщила нос, почувствовав тяжелый сладковато-противный запах. Так пахнет тлен. Это запах смерти. Я постаралась не вдыхать глубоко, словно смерть была заразой, которую разносит воздух, и я боялась ее подцепить. Это не помогало. Но я ничего не могла с собой поделать. Потом я увидела последнее предупреждение — человеческий череп на палке, а

чуть дальше было дерево, на котором висели части тел. Я едва сдержала в животе, ту чашку воды, которая там болталась. Отвернувшись от ужасного дерева, я перешла границу. Я знала, что они уже знают обо мне. Скоро за мной придут. Не стоит спешить. Иначе я рискую не попасть в лагерь, а быть убитой прямо на месте. А это не входило в мои планы. Утешало, что узнать во мне Мирриэль, сейчас смогут очень немногие и те, кто способен на это, сейчас очень далеко. Впервые, я радовалась тому, как выгляжу, после рук Мастера, после необдуманного использования своей жизненной энергии. Узнай они меня — и мне больше не сделать ни одного вдоха. Я отошла от дерева смерти на столько чтобы не чують запаха разложения и села у корней старой ели, словно собираясь отдохнуть. Я прикрыла глаза. Я не спала, но мне привиделась черная башня, нет не башня замок. Он стоял, купаясь в красных лучах заходящего солнца. Его окружало море, я видела белые шапки волн и слышала крики чаек. Мне даже показалось, что я чувствую свежесть океана. Небеса уже темнели. Замок был мертв или необитаем, ни одного огонька не зажглось в его окнах, на широких стенах не ходили стражи. Он возвышался над океаном глядя пустыми глазницами бойниц в безмятежность океана. А потом я увидела высоко в небе сокола, он летел к замку, оглашая высь своим криком. Странно, сокол был совершенно белым, словно его покрасили. Это было так противоестественно. Где-то в глубине души, родилось понимание, что его полет не принесет результата. Я хотела ему крикнуть, что в замке нет того, что он ищет. Но сокол уже сложил крылья и белой стрелой падал во внутренний двор. В момент, когда сокол должно быть коснулся земли, я получила оглушительный удар, и мир моих грез померк.

Я очнулась от боли, и вздрогнула, услышав, как где-то высоко звякнул замок. И невидимый голос произнес:

— Отлично, полный комплект. Отличное будет подношение.

— Вовремя эта уродина нам попалась.

В ответ зазвучал хриплый смех.

— Да уж, уродина. Даже и не думал, что среди прекрасных эльфов, как они себя называют попадают такие экземпляры.

Еще один смешок и все стихло.

— Эй, ты живая? — раздался голос в кромешной тьме.

Я едва сдерживала стоны, в ногу опять впивался холодный металл. Сразу нахлынули воспоминания, начался приступ паники. Я хватала ртом воздух и разрывая рубашку, мне казалось, что в шею сейчас опять вопьются шипы ошейника и противно над ухом зашепчет Мастер: «Ты можешь это все остановить! Всего лишь одно твое слово!». Я закричала. В ужасе я вскочила на ноги, собираясь бежать, но крепкие руки ухватили меня за плечи.

— Успокойся, эй, слышишь? Прекрати это! Не пугай детей!

Я задохнулась своим криком. Детей!? Каких детей?

— На вот, хлебни водички. Я детишкам оставлял, но вы, мелкота, не станете возражать, если мы поделимся с ней?

Я ничего не услышала, но мне в руки легла плоская миска с вонючей жидкостью. Я не стала разбираться. Камни в темнице были не более приятны на вкус, но тогда меня это спасло.

— Полегчало, горемыка?

Кромешная тьма. Как там, в мире демонов. Легкий щелчок, словно кто-то дотронулся до моего носа. Я — демон. Я могу видеть в этой тьме. Закрываю глаза, заглядываю внутрь себя, на меня приветливо смотрит мое величественное демоническое воплощение, Адель. Она

игриво подмигивает мне черным глазом с длинными ресницами. Я открываю глаза и понимаю, как видят демоны. Они не видят оболочек, только энергии. Как Кален. Он сказал, что в последнее время видит только самую суть, а не тело. Он тоже демон? Этого просто не может быть. Осматриваюсь. Надо мной нависает массивный широкоплечий гигант, готова поспорить, что его кожа зеленого цвета, потому что от него веет энергией смерти, но не так, как от Рыдгара. Его энергия смерти мягкая, и ее сладковатый запах не раздражает. В углу сжимаются в один комок три энергии жизни, совсем маленькие, а чуть поодаль от них еще одна небольшая энергия жизни, чуть больше, чем у тех троих, но значительно меньше, чем у взрослого. Видимо подросток.

— Полегчало спрашиваю, аль ты глухая? — рычит орк.

— Все в порядке, Нарвыл. Я в порядке. Минутное помешательство, уже прошло.

— Прости, в потемках не узнать тебя.

— Мы не знакомы, так что не пытайся меня узнать, — перебила я его смущенную речь. — Я пришла за тобой. Вия просила.

— Ты пришла за мной? — он расхохотался. — Ну тогда теперь нужно ждать того, кто придет за тобой! Только вот времени у нас до завтрашнего захода солнца!

— Нарвыл, ты меня не знаешь, не спеши с выводами.

— И как же звать тебя, спасительница?

Я задумалась, мое истинное имя могло привлечь слишком много ненужного внимания, если у этих стен были уши. Решение пришло очень быстро.

— Зови меня Темной. Вия меня так называла, я уже привыкла, — я увидела, как вспыхнула золотыми искрами его энергия, почувствовала, как он внимательнее стал всматриваться в окружающую нас мглу, пытаюсь меня рассмотреть.

— Что же, Темная, у тебя все в порядке? Эти изв. кхм, изгой тебе ничего не поломали, когда доставляли сюда.

— Все в порядке. Меня не так уж просто поломать. Раз уж ты знаешь мое имя, а я твое, может быть ты представишь мне и остальных?

— Детишки-то? Там троица, девочка и два пацана. Мартин, Тарж и Лара. А последний пацаненок...

— Я не пацаненок, — звонко, но уверенно вставил подросток. — Мое имя Крыс.

Я увидела яркую вспышку энергии жизни, он был зол.

— Крыс? — переспросила я. — Пусть так. И откуда же вы тут взялись все четверо?

— Нас украли из деревни, — захныкала девочка. — Я домой хочу, к маааамеее.

Пацаны тоже захлопали носами.

— Тише, тише, детки. Отведу я вас к маме, завтра уже, — присел возле них орк, поглаживая по головам.

Все трое поспешили залезть к нему на колени и прижимались к нему хныча. У меня в горле встал ком. Он лгал им. Лгал, чтобы утешить, чтобы они не плакали, чтобы они не знали до последнего, какая им уготована судьба. Меня затрясло от злости. Этим нелюдей нужно было уничтожить.

— Ну, а ты, Крыс. Тоже из деревни?

— Нет, — огрызнулся мальчонка.

Я подошла к нему поближе, цепь на моей ноге звонко громыхнула о камни пола нашей темницы. И тихонько прошептала.

— Что ты хотел сказать? Говори, только тихо, на ухо, не пугай маленьких.

Парень зло засопел. А потом зашептал, сдерживая гнев.

— Зачем он врет им? Ведь понятно, что мы все завтра умрем.

— Это понятно тебе, мне и ему, мы взрослые, мы можем справиться с этим, а они еще слишком молоды. Это только напугает их, и они будут плакать. Но ты злишься не на того. Он добрый и потому пытается облегчить их страдания, подарить надежду, успокоить. А злиться нужно на тех, кто бросил всех нас сюда. Как ты сюда попал, Крыс?

— Почему темная? — ответил он вопросом на вопрос.

— Меня так называли в последнее время.

— А до этого как тебя называли?

— По-разному, Крыс. Это не важно.

— Кто ты?

— Я? Эльфийка, если ты спрашивал о моей расе.

Я заметила, как его энергия изменяется. Сперва она была ярко-голубой и постепенно становилась все светлее и светлее, с каждым вопросом, и вот уже мой демонический взгляд слепило совершенно белое сияние.

— Как ты видишь в темноте? Это же не обычная тьма, это колдовство, но ты точно знала где я, когда подошла. Даже он так не видит, он ориентируется на голос, а я молчал.

— А ты смысленый, Крыс, — я улыбнулась, зная, что он не увидит этого и потрепала его по спутанным волосам.

Меня ослепило. Яркий белый свет ударил мне по глазам, но не от паренька, а изнутри. Яркая вспышка белого света осветила мою поглощенную тьмой душу. И я вспомнила голос Калена, вспомнила его объятья, вспомнила жар его рук и страсть поцелуев. Я вспомнила, как хочу быть с ним, вспомнила его глаза. Слишком много сразу. Я прикрыла глаза, стараясь сдержать слезы. А когда я их открыла, то уже не видела энергий, демонический взгляд пропал, но я видела все очень отчетливо, словно держала в руках факел. Я взглянула на паренька и потеряла дар речи. Не видя меня, на меня смотрели глаза Калена. Я охнула и отступила. Этого не может быть. Просто не может, мне почудилось. Я судорожно хватала воздух ртом, и не могла надыхаться.

— Крыс, откуда ты?

Парень видимо счел, наконец, меня достойной ответа.

— Они схватили нас, когда мы с учителем возвращались в цитадель за остальными.

— Цитадель, — глухо повторила я. — Цитадель Видящих?

— Да, — утвердительно кивнул паренек и до боли знакомым движением почесал затылок. — Мы успели вывести почти всех, осталась последняя группа учеников, которые еще не прошли истязания и не приняли обат. Ой!

Парнишка испугался, что взболтнул лишнего и совсем по-детски прикрыл рот ладонью.

— Не бойся, Крыс. Я все знаю о Видящих. Мой очень близкий друг один из них. Командор Кален.

— Ты знаешь Калена? — вспыхнули огнем его глаза. — Расскажи мне о нем, пожалуйста. Я три года провел в цитадели, но так ни разу его и не увидел. А я так хотел с ним повстречаться, но теперь...

— Ты обязательно с ним встретишься, — пообещала я. — Я все устрою.

— Ты поступаешь, как он, даешь мне надежду? Завтра на закате мы все умрем.

— Нет, Крыс, я не обманываю тебя. Это невозможно для меня, — я проглотила слюну. — Я не позволю никому причинить тебе боль. Не тебе. Я смогу вытащить нас всех. Я

все сделаю. Поверь.

Я закусила губу. Хорошенький сюрприз. Я знала, что Кален не был обделен женским вниманием, но он никогда не говорил о том, что у него есть сын. А между тем, этот мальчик не мог быть ни кем иным. Это его маленькая копия. Интересно, а сам Кален-то знает, что его сын едва не стал Видящим, и вообще знает ли он о том, что на свете есть этот удивительный ребенок.

— Как? — усмехнулся Крыс. — Как ты можешь нас спасти?

— Еще не знаю, — я поддалась порыву и обняла паренька, прижимая его голову к своему плечу я зашептала ему на ухо. — Я никогда не знаю, как я буду что-то делать, Крыс, но всегда знаю, что я должна сделать и делаю это, вопреки всему, назло року. Знаешь сколько раз я умирала за последний год? Ты не поверишь...

— Нельзя умереть больше одного раза, — резонно заметил парнишка.

— Обычно, это правда. Но я не обычная. Я умирала около сотни раз, Крыс. И всегда возвращалась. Всегда. Потому что я знаю, что меня здесь очень ждет один человек. Он не отпускал меня.

— Потому что любит? Как мой отец любит мою мать?

Я захлопала ресницами. Его отец Кален... что-то не складывается.

— Как имя твоего отца? — уточнила я.

— Заир, а маму зовут Веста. Они такие хорошие. А тетя Кара, ищущая, она тоже знает командора Калена, я просил ее нас познакомить, но она всегда так занята.

— Кара твоя тетя? — я совсем запуталась.

Парнишка сын Калена, это, несомненно. Значит, раз он оказался в семействе Кары, то единственный кто может быть его матерью — сама Кара. О, демоны, это просто удар в самое сердце.

— Ты знаешь тетушку Кару?

— Имею честь, — спокойно произнесла я.

Демон внутри меня ликовал, в душу медленно вползало чернильное пятно злости. Но одного взгляда в ясные глаза паренька хватило, чтобы ее ликование превратилось в жалкую улыбку. Не имеет значения. Важно сделать так, чтобы однажды он смог встретиться со своим отцом, посмотреть в его глаза. Важно чтобы он жил, в мы уж потом сами разберемся между собой, как и должны делать взрослые.

— Ты магичка? — спросил меня паренек.

— О, нет, Ка... Крыс, я не магичка. И, впервые жалею об этом.

— Почему? — искренне удивился паренек.

Я села рядом с ним на холодный пол.

— А представь, как было бы здорово, если бы я смогла обратить тебя в птицу, вас всех. Вы бы смогли улететь прочь. Вернуться домой. На легких крыльях вы бы выпорхнули отсюда, оставили позади все напасти и невзгоды.

— А ты бы смогла превратить меня в белого сокола? — спросил Крыс, прижимаясь к моему плечу своим еще детским плечом.

Белый сокол, конечно, вот что я видела. Сокол — символика ордена Видящих. Что же значило мое видение, что за замок я видела?

— В сокола Видящих, — уточнила я.

Истинный сын своего отца, как же я могла забыть о своей любви, сейчас это казалось таким естественным. Моя любовь — неотъемлемая часть меня, даже в мире демонов, я

знала, что люблю, просто забыла, как это чувствовалось. И вот этот парнишка, вернул мне память, стоило мне лишь увидеть в его глазах, глаза его отца.

— А меня в зимородка, — прошептала девочка.

— А я бы хотел быть соловьем, — сказал один из мальчиков.

— Конечно, я бы вас превратила в тех птиц, в которых вы бы хотели превратиться, — сказала я, протягивая руку девочке, которая слезла с колен орка и пыталась нащупать меня.

Совсем скоро возле меня уже сидели все дети. Я пыталась обнимать их всех. Я едва не плакала.

— Как бы я хотела вас всех укрыть от опасностей, скрыть от всех врагов.

Я видела, как зевают малыши.

— Нужно спать, детки. И тебе, Крыс, тоже. Завтра нам всем потребуются силы. Вы так устали, давайте засыпать. Засыпайте, пусть вам снятся прекрасные сны, пусть оставят вас страхи. Страх — удел взрослых. Вы же еще дети. Спите сладко, детки. Завтра взойдет солнце и будет новый день, отступит мрак ночи, уступая место свету нового дня. Дня, в котором не будет места страхам. Дня, когда вы станете ближе к своей мечте.

— Спой нам, тетя. Мама всегда поет колыбельную.

Я проглотила слезы и тихо запела колыбельную о волшебной стране, где исполняются все желания, где можно найти единорога и увидеть полет феникса. Я пела о дивных лугах и глубоких озерах. Сдерживая слезы, не давая дрожать голосу, я пела о том, что ждет их в будущем. Я придумывала слова этой песни, вплетая имена, засыпающих детей в мой рассказ. Я видела, как они улыбаются. Я делала то же что и орк, давала им надежду. Закончив только что придуманную песню, я запела эльфийскую колыбельную добрую и нежную, успокаивающую и дарящую ощущение тепла и уюта даже в этих казематах. Мне нужно было чтобы они уснули, пока они будут безмятежно спать, я буду думать, думать о том, как их спасти. Спали младшие мальчики, мирно посапывая, положив курчавые головы мне на колени. Соблюдая тишину, положил голову на мое плечо Крыс. Он еще не спал, но внимательно слушал. Я видела, что он мечтает, как и любой подросток, ему так хотелось поверить мне. Неожиданно маленькая пухлая ручка коснулась моей изорванной шрамом щеки. Я вздрогнула, боясь, что, нащупав мои шрамы, девочка испугается, но она не испугалась, а только приподнялась и поцеловала меня.

— Ты такая добрая, такая красивая, прямо как мама.

Я закусила губу, сдерживая стоны. Я поцеловала ее в мягкую щечку и прижала головку к своей груди.

— Спи, милая. Мама с тобой.

Слезы покатались из моих глаз. Я должна их спасти.

Дети спали. Поодаль стоял орк.

— Ты молодец, Темная. Даже крысенка смогла успокоить.

— Нам нужно с тобой подумать, Нарвыл. Подумать, как нам спасти их, себя и всех тех, кто еще может пострадать.

— Я готов тебя выслушать, Темная. Но я не представляю, как нам это повернуть.

— Как проходят казни? Ты знаешь?

— Знаю, — тихо прошептал орк. — На казнь выводят всех, кроме детей. Чтобы никто не питал надежд. Могу тебя успокоить, детей они просто усыпляют, они ничего не чувствуют, когда их...

— Не об этом, я хочу знать, — прервала я его. — Слушай меня внимательно, орк. Завтра

никто не умрет! Слышишь? Никто! Завтра я все это остановлю. Но для этого мне нужно знать подробности предстоящего мероприятия. Кто где стоит? Что находится вокруг. Как все происходит. Все, Нарвыл, до мелких деталей и, казалось бы, незначительных подробностей. Все может иметь значение.

Орк кивнул и приступил к рассказу. Я слушала, не перебивая его. В моей голове медленно складывалась картинка. И я судорожно искала выход. Внимательно изучая каждую деталь, я искала лазейку. И не находила. Отчаянно обдумывала возможности и последствия. Ничего. Орк окончил рассказ, и тихо сидел напротив меня.

— Слушай, Нарвыл. Я ничего не могу придумать, пока. Я уверена, что решение придет. У меня всегда так бывает. Запомни только одно, ни в коем случае, не позволяй мне приблизиться к черному дереву. Я не должна быть рядом с ним, иначе случится что-то ужасное. Я не знаю, что, не спрашивай. Но я знаю, что этого не должно случиться.

— Как же я смогу тебя остановить.

— Есть один способ, — я закусила губу, и почувствовала пристальный взгляд изнутри, передо мной возник образ Адель, она любовно поглаживала длинный лук и игриво мне подмигивала, и тут пришло решение, Адель улыбнулась и облизала губы. — В каком бы состоянии я не была, я никогда не причиню вреда Крысу. Даже если, я изменюсь, и это будет пугать тебя, помни, этот мальчишка... Если он будет стоять у меня на пути, я никогда не пойду против него.

— Что он должен делать?

— Смотреть мне в глаза, даже если ему будет очень страшно. Он должен смотреть мне в глаза. Я должна увидеть его взгляд.

— Могу я спросить почему он?

— Ты можешь спросить, Нарвыл. Но я не отвечу.

Он лишь кивнул.

— Я все понял, Темная. Итак, Вия справилась. Первый был прав, они нашли тебя и смогли направить.

— Да, Нарвыл. А когда я увидела Крыса, все закончилось, я смогла найти свет в себе, я снова чувствую, я снова стала собой.

Он многозначительно кивнул.

— Значит, это была наша судьба. Крыс пережил уже шесть жертвоприношений. И в последний момент, всегда находили другую жертву вместо него. Ему была уготована встреча с тобой. Я сразу понял, что он не обычный мальчик.

— Он обычный мальчик, — прошептала я, поглаживая Крыса по голове. — У него необычный отец.

— Ты знаешь его отца?

— Я знаю, а он — нет.

Орк многозначительно кивнул. Он догадался, но не стал ничего больше говорить.

— Пора спать, Темная. Тебе завтра потребуются все твои умения.

— И тебе, Нарвыл. Ты должен будешь спасти детей, пока я буду разбираться с магами. Унеси их подальше от места схватки, им не нужно ничего видеть. Всех, кроме Крыса, помни, он — единственная возможность вернуть меня в действительность, если вдруг это потребуются. И помни, что бы ты ни увидел, это буду я.

Он кивнул и облокотился на стену засыпая.

Я почувствовала, что наступило утро. Когда раздался скрежет замка, я уже не спала, но

вошедшим не нужно было об этом знать.

— Смотри-ка, а эта уродина пользуется популярностью у детей. Облепили ее со всех сторон.

— Это они просто ее не видели. Забирай младших, а я займусь выродком Видящих.

— Надеюсь он будет орать, а то его учитель так и не проронил ни звука. Жаль. Хотелось услышать его вопли.

— Он не стал одним из них, он будет орать, поверь.

Я сжала кулаки, сдерживая ярость. Еще посмотрим, кто будет орать. Вы не знаете с кем свела вас судьба. Детей забрали, они так и не проснулись. Даже Крыс продолжал мирно похрапывать, когда один из магов взвалил его на плечо.

— Отличное заклятие спокойного сна, даже эльфийка не шелохнулась, хотя вроде на них оно не должно так действовать.

— Может она сдохла? Вот будет печаль. Ну-ка проверь, дышит ли?

Кто-то склонился ко мне прислушиваясь к моему дыханию. Я поборолла желание немедля скрутить его шею и продолжила притворяться.

— Живая, все в порядке.

Когда они ушли я горько рассмеялась. Второй раз я была в руках у приспешников Калисто и второй раз меня не узнали. Равновесие должно быть соблюдено.

Нас вывели на свет, когда солнце уже прошло большую часть своего пути. Я шла, покорно опустив голову, но при этом старалась не упустить ни одной мелочи. Я сосчитала пленных. Всего пятнадцать человек, вместе с детьми. Да уж, Калисто всегда нравилось, когда в ее честь проливали реки крови. Семь человек, судя по одежде обычные люди. Еще двое выделялись выправкой, судя по всему воины. Трое спящих детей. Я и орк. А возглавляли это шествие двое магов, один из них крепко держал за спиной руки извивающегося змеей Крыса. Другой же нес красное знамя. Кровь во всем. Пафосная стерва. Доберусь я до тебя Тебе отольются слезы всех и каждого, кто был убит в твою честь. Меня охватывала злость. Внутри kloкотало пламя ненависти. Я сдерживалась, было еще рано. Лагерь хорошо укреплен, а вот там, на утесе, не будет ваших магических щитов и ловушек. Вы слишком самоуверены, как и та, которой вы поклоняетесь. Этим я и воспользуюсь. У людей будет возможность уйти. Тихо я начинаю собирать энергию жизни, постепенно создавая непроницаемые ни для магии, ни для оружия щиты, окружаю такими щитами всех пленных. Пока что они незаметны, но вот стоит попытаться причинить вред человеку, защищенному таким щитом и... Ничего не выйдет. Я хотела наделить эти щиты теми свойствами, которыми обладает магия Калена, но не смогла. Энергия жизни не может приносить вред, это только защита. Пришлось отказаться от такой мысли. Но и так неплохо. Пока я жива, никто из пленных не пострадает. С Крысом сложнее. Его опутывает сгусток непонятной мне магии. Я ничего не могу с этим поделать. Не могу защитить его.

Ну, вот и утес. И дерево на нем. Вот теперь мне действительно страшно. Отгоняя дурные мысли. Сейчас нельзя отвлекаться, от меня, моей сосредоточенности, зависят жизни всех этих людей. От меня зависит жизнь Крыса. Нужно думать, что делать дальше. Я уловила вопросительный взгляд орка и нашла в себе силы ободряюще ему улыбнуться. Пленных расставляют кругом. Только бы меня не поставили около дерева. Оно пугает и завораживает меня. От него веет холодом, тем холодом, который совсем недавно я чувствовала в своей душе. Безысходностью. Отчаянием. Болью. Меня ставят лицом к дереву, в самом дальнем от него краю. Отлично. Так проще, просто не нужно туда смотреть. Все готово, можно

начинать церемонию.

— Вы все сегодня станете частью вечности, — пафосно начинает маг с красной тряпкой в руках. — Каждый из вас отдаст свою жизнь, насытив ею величайшую богиню. Богиню крови. Красного дракона. Да будет так! Но первым умрет тот, кто счел своим долгом искоренять магию, кто хотел охотиться и убивать тех, кто обладает великим даром, даром магии. Прости нас, госпожа, он всего лишь ученик, но прими его душу и терзай ее в своих объятиях до скончания времен. Знаешь ли ты, юнец, что происходит с магами, к которым Видящие применяют свои силы? Их души разрываются от боли. То же ждет и тебя. Только мы разорвем твоё тело. Приготовиться!

Крыс отчаянно дернулся. Я смотрела на паренька и знала, что он даже в смертный час останется верен избранному пути, он не будет обращаться к палачам, он будет обращаться к Создателю, освобождая свою душу, облегчая боль молитвами. Я видела ужас в его глазах, но это видела только я. Парень крепко уперся ногами в землю и еще раз попытался вырваться. Я гордилась парнишкой, я знаю, его отец тоже будет горд, когда узнает, но для того чтобы парень сам мог ему рассказать, нужно было начинать действовать мне.

Давно, когда я только обрела свои силы меня учили управлять энергией смерти. Тогда мне сказали, что для нее не будет иметь значения сколько врагов мне предстоит убить, главное, чтобы я была готова принять их смерти, чтобы я была готова к тому, что каждая смерть, станет для меня моей смертью. Я буду умирать с каждым из них. И для меня это будет бесконечно долго. Но это не имело значения. Уже не имело. Все еще внутри меня кричала доброта о том, что их можно попытаться спасти. Но когда Крыса начали привязывать чтобы четвертовать, моя доброта заткнулась. Я была в ярости. Они посмели поднять руку на того, кто дорог мне. Смерть! Единственное что ждет их. Нет выхода? Убей!! Всех и каждого! Не зная жалости и сострадания. Но вокруг не было разрывов, чтобы вытянуть оттуда энергию смерти, не было даже демонов... Стоп! Я начинаю улыбаться. Нет демонов? Но ведь демон — это я. Адель, нужно просто ее освободить, стать ею, и мне не потребуется призывать энергию смерти, я стану демоном. Мои руки были связаны, за концы двух веревок держали маги. Но мне не нужно было читать заклятья или щелкать пальцами. Мне нужно было просто позволить себе стать тем, кем я боялась становиться. Раньше боялась, но не сейчас. Ветки рассыпаются пылью, едва я понимаю, что демон внутри меня проснулся и требует жертв. Я поднимаю голову. И очень тихо шепчу:

— Стоп!

Казалось, что воздух содрогнулся и застонала земля, мой шепот, разнесся громогласным эхом по округе, закричали чайки, стремясь оказаться как можно дальше от утеса, они расправили свои крылья и быстро удалялись в сторону моря. Маги, державшие меня, в ужасе делают несколько шагов назад. Тот что держит красную тряпку смотрит на меня широко открытыми глазами. Красными глазами безумца.

Я грациозно расправляю плечи, поправляя курточку без рукавов. Поправляю золотистый пояс. И с изяществом лани делаю несколько шагов к центру. Я улыбаюсь. Мой демон сегодня будет сыт. Столько пусть и зараженной, но все равно энергии. Хоть отбавляй. Я ехидно улыбаюсь, сощуривая глаза.

— Что застыли, недоумки? Вы хотели демона. Да будет всем дано по просьбам его. Вот и я.

За спиной, я знаю, висит огненный лук, равных которому нет. На бедре позвякивают в колчане черные стрелы. Я отличный лучник, у меня должно быть отличное оружие. Я

обвожу взглядом круг пленных. Задержавшись глазами на орке, едва заметно ему киваю. Под моим взглядом обращаются в прах веревки и железо, сковывающие движения пленных. Один из магов успевает опомниться и в меня летит огненный шар.

— Ах, как неразумно, — улыбается еще моими губами Адель.

Она ловит огненный шар, держит его некоторое время в своих руках, а потом с обворожительной улыбкой бросаю тому, кто его создал. От отважного мага остается лишь кучка пепла.

— Ап, — говорит демонесса и облизывает губы, а потом сладко причмокивает. — Это было вкусно. Хотя краснота немного портит вкус. Горчит. Нужно попробовать... Подсолить.

Она смотрю на одного из магов, который все еще стоит возле мирно спящих на траве детей.

— Изверги, детей-то за что? Гнилые вы люди!

Несколько мгновений она смотрит на мага, тот начинает страшно кричать. Под взглядом ее холодных глаз, его тело начинает разлагаться. Очень быстро, то, что было человеком, превращается в кусок гниющей плоти. Она опять облизывает губы. И недовольно морщится.

— Не то. Но у меня еще масса вариантов, — Адель обводит голодным взглядом магов.

— Кто ты? — кричит маг с красным знаменем.

— Я? — удивленно приподнимает Адель безупречные брови. — Демон. А что не заметно? Не стоит меня обижать, я очень... вспыльчива.

Она опускает ресницы и человек вспыхивает черным огнем. Рассмеявшись она поправляет тонкий пояс.

— Ладно, хватит игр, — я пристально смотрю на мага, который по моему предположению главенствует среди них. — Вели отпустить пленных, дай им уйти. И я обещаю, что просто убью вас, быстро и безболезненно.

— Ты не демон, ты не можешь быть демоном.

— Прикажи увальню, который занес нож над парнишкой, остановиться. Я не хочу пугать паренька.

Он ничего не сказал лишь улыбнулся. Адель склонила голову на бок.

— Серьезно? Проверить меня хочешь, — губы Адель раздвигаются в жестокой улыбке. — Да будет бойня!

Маг занесший нож над Крысом не успел ничего понять, я в мгновение ока оказалась за его спиной, нежно дотронулась подбородком до его плеча, крепко сжимая его шею одной рукой, взглянула на Крыса.

— Не бойся, Крыс, я же обещала, что все сделаю. Просто закрой глаза и поверь мне. Я познакомлю тебя с ним. Но чтобы мне не было стыдно перед твоей тетушкой, закрой глаза, милый.

Парень послушно захлопнул глаза. Адель улыбнулась. И оторвала голову магу, который попытался его убить. У второго она вырвала сердце и с наслаждением смотрела некоторое время, как оно продолжало биться в ее руке. Проведя руками по своей одежде, я избавилась от следов крови на ней. И снова подошла к Крысу.

— Эй, Крыс, — шепнула я. — Иди к орку. Отведите людей в безопасное место. Мне тут потребуется какое-то время, чтобы все уладить. Слушайся орка, это очень важно, Крыс.

— Меня зовут Кристиан, — испуганно глядя на меня проговорил парень.

— Жаль, — искренне улыбнулась Адель. — Крыс мне нравится больше. А теперь иди.

Маги попытались помешать пленным, но я волновалась только за Крыса, всем остальным ничего не угрожало. А Адель не волновалась вовсе. Она заливалась звонким безумным смехом, когда они пытались пробиться через мои щиты. Но если что-то угрожала Крысу, демонесса вмешивалась сразу и радикально решала проблему. Черный колчан опустел на десяток стрел. Когда маги поняли, что пытаться остановить пленных бесполезно они решили обратить свой гнев на меня и ударить вместе.

Адель видела, как пленные ушли на безопасное расстояние, теперь им ничего не угрожало. Она могла освободиться от остатков света в моей душе и спокойно расправиться с ними. Адель вольготно опустилась на траву в центре круга. Отложила лук и колчан. Больше не было света. Больше не будет разговоров. Черная сторона целиком овладела мной. Я больше не произнесла ни слова. Это была уже не я. Адель любовалась как отражается заходящее солнце на ее сверкающей коже. Она сладко потянулась, словно после долгого сна. Поправила разметавшиеся волосы. И ее черные глаза осмотрели место действия. Она улыбнулась, облизывая нежные губы. А потом начала просто их уничтожать. Медленно, наслаждаясь каждым моментом. Смакуя их предсмертные вопли, звуки ломающихся костей и рвущейся кожи. Купаясь в их крови, она получала удовольствие, сравниться с которым для меня могли только горячие объятия Калена. Она мстила им за всех, кого они убили, возвращала им боль, которую они причиняли. Она не была мной. Не сомневалась в правильности своих поступков. Она была великолепна, была непогрешима. Ее радовали фонтаны крови, забавляли конвульсии. Она ликовала, видя, как пожелтевшая трава обагрывается их кровью. Она не спешила с расправой, но их было всего около двух десятков, так мало для голодного злобного демона.

Остался последний. Тот самый, который посмел меня ослушаться. Он выбился из сил, пытаясь хоть как-то зацепить ее своим волшебством, и теперь стоял на коленях и дико озирался, не веря своим глазам.

— Кто ты? — кричал он визгливым голосом. — Что ты за демон? Почему ты спасаешь их и убиваешь нас? Ведь мы часть вашего мира, а они нет.

— Ты решил поговорить со мной, — Адель мило улыбнулась и присела возле него. — А давай, поболтаем. Развлекусь еще чуток, перед тем, как убить тебя. Задавай свои вопросы, я постараюсь ответить. Честно.

— Кто ты?

— Мое имя — Адель. Я — демон, я уже говорила, — она улыбнулась. — Частично. А частично... Ой, сколько во мне намешано. Тебе даже и представить будет сложно. Ну, основная часть, составляющая мою личность, кроме демонической, известна как Хранительница Мирриэль.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она победоносно улыбается, видя замешательство на его лице.

— Не ожидал? Вот так сюрприз! Ну, это две наибольшие части. А так же, есть еще тысячи прожитых мною жизней, воспоминания каждой из них, всех воплощений... А теперь пауза, чтобы ты смог прочувствовать всю красоту момента... — она склоняется к нему и шепчет прямо в ухо, так близко, что холод ее дыхания заставляет его вздрагивать. — Итак, помимо светлой эльфийки Мирриэль и прекрасного демона по имени Адель, во мне живут тысячи воплощений Зеленого дракона Равновесия. Неожиданно, правда?

Адель хлопает длинными ресницами, обнажая безупречно белые зубы в коварной улыбке. На его лице непонимание.

— Но ведь, Зеленый дракон был...

— Добрым? Ага. Была. Я была доброй. Пока меня не попытались принести в жертву пока на моих руках не умер дорогой мне человек, пока меня не начали пытаться в застенках Сиона, пока не попытались захватить Лоринг, пока мне не пришлось проходить сквозь мир демонов, чтобы спастись, пока мне не пришлось убить хорошего человека, чтобы вернуть к жизни другого человека, жизнь которого была важнее, пока мою душу не поглотила тьма, вынуждая забыть все, чем я дорожила. А потом, я увидела, что вы собираетесь убить четырех детей, ради забавы. Лишь благодаря вам, я, наконец, поняла, что, — она на секунду замирает будто подбирая слова, — только погрузившись во тьму, мы начинаем понимать что же такое свет и на сколько он важен, без тьмы не может быть света. И мне стало легко и приятно. Ведь во мне есть и то, и другое. Последней каплей, которая заставила Мирриэль отступить, и окончательно принять меня, как часть себя, принять тьму и позволить вершить зло, было твоё нежелание отпустить паренька, я же попросила о такой малости, а ты даже этого не захотел сделать для меня, — я укоризненно покачала головой. — И смотри что произошло! Моя доброта отступила, понимая, что иногда злости нужно давать выход. Просто доброту никто не слышит, а вот если у доброты отрастают клыки и когти, ну или крылья, например, к ней начинают прислушиваться. Я поняла кое-что важное для себя, зло можно победить только злом, добро тут... бессильно. Так понятно? Что еще ты хотел узнать? Только поторопись, ты напомнил мне о плохих вещах, и я в любой момент могу выйти из себя. Ах, да, ты хотел узнать каким демоном я являюсь, что я воплощаю. Я — демон добра, потерявшего терпение. Мирриэль сейчас попыталась бы тебя урезонить и образумить, она искала бы слова, чтобы вернуть свет в твою душу, но сейчас не ее время. А я не люблю долго болтать. Ты мне наскучил. Давно хотела это сделать, с того самого момента, как ты меня не послушал.

Выпрямившись в полный рост и расправив плечи, Адель очистила свою одежду от крови. И подошла к стоящему на коленях человеку. Подала ему руку, помогая подняться.

— Ты видел достаточно, а сделал даже слишком много. Пусть не знает твой дух покоя в веках терзаемый теми, кто умер по твоему приказу. Тебя никогда не примет Колесо жизни, ибо в душе твоей не осталось света, вечный мир тьмы ждет тебя.

Я кладу руки на его плечи и просто вырываю его душу из тела. Куском мяса тело падает на траву у моих ног. Как все просто, когда ты — демон. Дело сделано, пленные свободны, им больше ничего не угрожает. Ну, а мне пора вернуться, меня зовет мир тьмы, мир злобы и разврата, там меня ждут демоны, мечтающие сжать меня в своих объятьях и овладеть моим телом. Вратами в этот мир стоит черное дерево. Как оно прекрасно. Отражение всего самого мрачного и темного. Элирия когда-то постаралась убрать из этого мира весь мрак, перед своим уходом, но прошло столько времени, столько раз нарушали покой этого дерева кровью питая его, что теперь оно не собирало тьму, запирая в мире духов, а отдавало ее. От дерева шла мощнейшая энергетическая волна. Смерти, разрушения, боли и отчаянья. Меня тянет к черному стволу, как магнитом.

Я уже не вижу ничего вокруг. Существует только это дерево и я. Мы должны соединиться. Я не замечаю, как неподалеку появляются двое. Орк ведет парнишку за руку.

— Не бойся, Крыс. Это она. Там внутри она все та же, та что пела вам колыбельную. Та, что спасла нас. Она сказала, что только ты сможешь ее остановить. Вот уж не знаю почему, поверь, если бы я был уверен, что смогу справиться без тебя, я бы тебя не просил о помощи.

— Я не боюсь, — тихо ответил парнишка. — Даже если она убьет меня, я буду стоять до

конца, чтобы попытаться ее спасти, ведь она стала такой, стала демоном, чтобы спасти нас.

— Тебя она не тронет, Крыс. Она обещала.

Орк и парнишка преградили мне путь. Орк стоял за спиной мальчика, положив руку ему на плечо.

— Нарвыл, — склонила я голову. — Отойди. Уведи мальчика. Она сделала все что должна была. Вы свободны. Дай нам уйти.

— Ты сделала, но не она. Ты можешь и должна уйти, но не она.

— Орк, — промурлыкала я. — Ты забываешься. Она — это я, Адель. И нам нужно уйти а ты мешаешь. Нас ничто не держит в этом мире, мы не принадлежим ему. Тьма и холод влекут нас.

— Тебя, Адель, не ее, — спокойно ответил орк. — Я не дам тебе захватить ее. Не дам использовать. Она добрый и хороший, светлый эльф. Ты лишь ее часть, малая часть. Оставь ее. Уходи!

— Я могу убить тебя, орк. Мне достаточно одного взгляда, и ты будешь мертв.

— Знаю, Адель. Но она не позволит тебе. Крыс, подними глаза, — прошептал он на ухо мальчику. — Постарайся встретиться с ней взглядом. Ничего не бойся, мальчик.

Крыс последовал совету орка и поднял на меня глаза. Яркие голубые глаза. Адель замерла.

— Это подло! Я помогла ей вас спасти, а теперь вы хотите от меня избавиться? Не смотри на меня так, мальчик, от твоего взгляда у меня замирает все внутри.

Но Крыс лишь пристальнее взглянул мне в глаза. Он сбросил руку орка со своего плеча и бесстрашно направился ко мне. С каждым его шагом я чувствовала, как злость во мне гаснет, чем дольше я смотрела в его глаза, тем меньше во мне оставалось от Адель. Она хотела отвести взгляд, но я не могла оторваться. Это были глаза Калена. Парнишка был похож на него во всем. Волосы, скулы, губы, нос и взгляд. Я опустила на колени, чтобы, наши глаза оставались на одном уровне.

— Крыс, ты так похож на него — прошептала я.

— На кого?

— На своего отца, конечно. Когда я смотрю на тебя, в душе начинает полыхать пламя, согревая меня изнутри, но демон не может быть теплым внутри. Твои глаза, разжигают в ней такой огонь, что я не могу ее сдержать.

— Уходи, Адель. Ты — не она. Ее имя Мирриэль. Я слышал это, когда ты говорила с магом. А значит, она та самая Хранительница, о которой так много говорил мой учитель. Она сможет отвести меня и других детей в их цитадель. Ты помогла ей, Адель, спасибо. Но теперь позволь ей вернуться.

— Крыс... Я никогда не забуду тебя, говорят, что у демонов нет сердца, но я демон совсем недавно, ты останешься навсегда в моем сердце, как твой отец навсегда останется в ее.

— Меня зовут Крис, и она это знает. Она бы не стала называть меня Крысом, она не такая, она добрая. Верни ее, и прощай, Адель. Я тоже никогда тебя не забуду.

— Уж я постараюсь тебе в этом помочь, малыш. Она любит твоего отца, больше жизни и потому обратилась ко мне, чтобы спасти тебя. Я не знаю его, и не могу понять ее чувств, но я знаю тебя, и этого уже не изменить. Я — демон, я — часть ее. Когда ей потребуется моя помощь, она снова вызовет меня, снова отринет свет, ради того, чтобы его сберечь. И тогда, Крыс, если рядом не будет тебя или твоего отца, она не сможет вернуться. Ты должен понять

— она темный эльф. Эльф, который имеет темную силу. Я — ее темная сила. И раз обратившись ко мне она уже не сможет от этого никогда избавиться, избавиться от тех ощущений, которые ей подарила легкость, с которой она отбирала жизни без размышлений и терзаний. Она никогда не станет прежней. Я не смогу излечить ее душу, Крыс, мне чуждо милосердие и сострадание. Но я дам ей шанс, вернув то, чего она лишилась, приняв сторону света. Я оставлю кое-что на память тебе, Крыс. Скажи ей, что это я сделала для тебя, — я прикоснулась рукой к его волосам и, закрыв глаза, поцеловала мальчика в лоб

— Кристоф, — выдохнула я. — Нет, Кристиан. Крис.

Я открыла глаза и посмотрела на паренька с нежностью.

— Крис, ты очень смелый, твой отец будет гордиться тобой, когда мы ему все расскажем.

— Ты Мирриэль?

— Да, Крис. Не пугайся, — я попыталась отвернуться, чтобы спрятать рубцы на лице. — Эти шрамы, никогда не пройдут, но один хороший человек мне сказал, что важнее то, что внутри.

— Какие шрамы? — улыбнулся Крис. — У тебя другие глаза. У Адель были черные глаза, а у тебя они голубые или зеленые, не могу разобрать. Ты вернулась!

Парнишка обнял меня за шею. Я ответила на его объятия.

— Спасибо, Нарвыл. Без вас я бы не справилась.

— Да я ничего и не сделал. Это Крыс уговорил ее. Она выполнила его просьбу.

— А еще просила сказать, что она сделала что-то для тебя, но я не могу понять, что. По-моему, ничего не изменилось.

— Ты не видел ее утром, сынок. Это не та Мирриэль, которая пришла нас выручать. Совсем другая, новая Мирриэль.

— О чем ты, Нарвыл? — все еще обнимая паренька спросила я.

— А ты глянь на себя, девочка. Да хоть на руки, которыми ты вцепилась в малыша и, держу пари, уже смущаешь его своими объятиями. Смотри, если он и вправду так похож на своего отца, как бы у них размолвки потом не вышло из-за тебя, — оскалился орк.

Я поспешно выпустила из объятий раскрасневшегося Криса и взглянула на свои руки. Они были обычные. То есть совсем обычные. Не было больше на них следов от переломов костей, исчезли шрамы в тех местах где кости разрывали кожу, нельзя было рассмотреть жилы, больше не было синюшности и истощения. Это были мои руки. Такие какими они были, когда я встретила Раирнаила. Нежные, мягкие, аккуратные. Я не могла поверить своим глазам. Забыв обо всем на свете, я распустила ворот рубахи и обнажила плечо. Нежное, округлое плечо с совершенно ровной кожей, не осталось ни следа от ожогов и клейма. Я провела по своему плечу пальцами, радуясь ощущению мягкого бархата под пальцами.

— Невозможно шептала я. Это невозможно.

— Хватит, эй, слышишь? Хватит тут парня смущать. Ты еще штаны стащи, чтобы там все проверить! — осуждающе заворчал орк.

Я спохватилась и быстро запахнула рубашку.

Крис смотрел на меня с любопытством.

— Нет, нет, Крис, даже не думай ни о чем таком! — поспешно забормотала я, обращаясь больше сама к себе, чем к кому-то другому. — Я тебе в матери гожусь, не хватало еще чтобы ты в меня влюбился. Твой отец мне этого точно не простит.

— Ты очень красивая, — деловито заметил парень. — Почти такая же красивая, как

Адель. И глаза у тебя живые, а ее глаза меня немного пугали.

— Спасибо, Крис. Ты очень добр и внимателен.

— А почему ты все время вспоминаешь моего отца? Ты с ним тоже знакома? Нет, если бы ты его знала, то никогда бы не сказала, что я на него похож. Мы совсем разные.

— Адель наговорила лишнего. Это не важно, Крис, уже не важно.

— А мне важно! — заупрямился паренек.

— О, — я не смогла сдержать улыбку. — Узнаю этот взгляд. Похоже придется рассказать тебе правду, ведь иначе ты не отступишь, я права?

Он многозначительно кивнул и сложил руки на груди в точности копируя поведение Калена, когда он настаивает на своем.

— Крис, не я должна была тебе об этом говорить, но человека, который тебя вырастил не твой отец. Я бы возможно усомнилась в правильности моих выводов, но вы с ним так похожи, и лицами и глазами и даже жестами. Это не может быть случайностью. Ты определенно его сын.

— Ты говоришь странные вещи, но я догадывался об этом. Уж слишком я не похож на брата и сестер. Хотя мне никогда не рассказывали ничего такого, но я верю тебе. А теперь скажи мне, кто по-твоему мой отец?

— Он Видящий.

— Видящий значит. И как же его зовут? Он сейчас с Хранителями в их цитадели? Ты отведешь меня туда?

— Он с Хранителями, точно. В цитадели или нет, я не берусь утверждать, я уже несколько месяцев не связывалась с орденом.

— Как его зовут?

— Ты знаешь его имя, Крис. Твой отец — Кален.

— Командор мой отец?

— Готова спорить, что это так.

— Но если командор — мой отец, кто моя мать? Не может быть, чтобы Веста изменила Заиру.

— Этого я не знаю, Крис. Давай мы спросим у Калена, когда вернемся, или у твоей тетушки Кары, уж кто, а она точно в курсе.

— Но если он мой отец, почему он оставил меня? Почему я ничего не знал о нем? Я был ему не нужен.

Я отрицательно качаю головой.

— Нет, Крис, я уверена, что Кален никогда бы тебя не оставил, если бы знал, что ты есть. Он бы перевернул всю землю, чтобы тебя найти. И даже думать не смей, что ты ему не нужен. Но давай мы отложим эту беседу. Нужно убираться отсюда. Подальше от этого дерева.

— Давно пора, — проворчал орк. — И перестань морочить ребенку голову взрослыми делами. Пусть встретится с отцом, сами во всем разберутся, по-мужски.

— Ты прав, Нарвыл. Нам нужно отвести людей в их поселение, ну а тебя я обещала доставить Вие, да и мое оружие все осталось в вашей деревне. Так что веди нас, орк.

— Ого, целая деревня орков? Вот это здорово! — восхищенно закричал Крис, уже забыв о своих переживаниях.

Впереди его ждало приключение, встреча с отцом, которого он никогда не знал, забыв о невзгодах юная душа стремилась побыстрее окунуться в новый неизведанный мир.

— Ты как, Темная? Помочь? — участливо спросил орк, предлагая мне руку.

Я с благодарностью приняла его помощь. Даже в облике демона использовать энергию смерти — это очень болезненно. Меня пошатывало. Я вспомнила слова учителя, что мне придется нести груз забранных жизней и теперь я поняла, о чем он говорил. Даже будучи Адель, я несла ответственность за все, что натворила и теперь мне вовек не забыть их лиц, в любой тишине я буду слышать их крики, их мольбы, которые я не удостоила даже секундным замешательством. Два или три десятка жизней, которые насытили моего демона, которые вернули мне мой прежний облик, которые дорого заплатили за мое познание себя. Но нет, они заплатили не только за это, я все сделала правильно, просто Адель более решительна, не так многословна и более жестока, но это тоже я, та я, которую я должна принять, Темный эльф. Теперь я знаю ее имя, теперь я знаю на что она способна, теперь я знаю, что смогу к ней обратиться, если вдруг придется. Всегда смогу использовать энергию смерти, как использовала энергию жизни. Жизнь и смерть. Начало и конец. Я спасла людей, ценой жизни других людей. Не нужно никому об этом знать, я бы не хотела рассказывать об этом никому, тем более Калену. Нужно будет поговорить об этом с Крисом. Но чуть позже. Сейчас меня сильно мутит, земля уходит из-под ног. Хорошо, что орк все еще поддерживает меня.

Освобожденные ждали нас неподалеку. Селяне уже занимались детьми, которые пришли в себя и засыпали всех вопросами. Воины стояли ближе всех и могли видеть, то что происходило на утесе. Они хранили угрюмое молчание, когда мы подошли. В руках они сжимали найденные дубинки, на случай если придется отбиваться. Хотя, наверняка понимали, что ни против магов, ни тем более против Адель, это нехитрое оружие им не поможет, но были готовы продавать свои жизни подороже. Рядом с ними устроился еще один колоритный персонаж. Я не различила его среди пленных, поскольку тогда он выглядел в точности, как один из селян, сейчас же он нахлобучил на затылок яркую алую шапочку с помятым и поломанным в нескольких местах пером. Ожидая нашего приближения, он что-то бормотал себе под нос.

— На глазах у всех вокруг, разорвав порочный круг, скромный свой отбросив лик, Демон в ангела проник... нет-нет, не то... Изменив привычный лик, ангел в женщину проник.

Я уже слышала его бормотание. И меня совсем не радовало, то что я слышала. Спасти стихоплета, вот же меня угораздило, впрочем, как всегда. Теперь о моей темной стороне будет сложен, как минимум один распеваемый во всех кабаках куплет, а ведь так хотелось оставить это все в тайне.

— Милейшая, — бросился ко мне поэт. — Как ваше имя? Я хочу увековечить его в своем бессмертном произведении. И конечно же я приношу вам мою глубочайшую признательность за такое своевременно вмешательство. Честно говоря, я уж и не надеялся, что мир узнает о всех испытаниях, что выпали на мою долю. Но благодаря вам, прекраснейшая...

Он бросается ко мне пытаюсь облобызать мои руки. Его вовремя останавливает орк.

— Уймись, недотепа! Дай ей в себя прийти! Потом будешь ее допрашивать.

Поэт возмущенный таким пренебрежительным отношением хотел что-то возразить, но злобный рык орка предупредил его о тщетности таких попыток. Воины поудобнее перехватили дубины.

— Вы, это, не сердчайте, но к детям вас не пустим. Напугаете вы их. И ты паренек, ты

это, к другим детишкам ступай, мы тебя в деревню отведем, — начал было один из них. — Не надо тебе с такой компанией водиться.

Крис хотел возмутиться, Нарвыл напрягся, готовясь давать отпор, но все разрешилось само собой. С веселым смехом ко мне подбежали дети, все трое гурьбой накиннулись на меня, стараясь залезть на руки. Я с улыбкой опускаюсь на колени и ловлю их в свои объятия.

— Ты все сделала, как обещала, мы сегодня маму увидим, как он обещал, — щебетала девочка, протягивая руки к орку.

Воякам ничего не оставалось как смотреть на эту странную сцену.

— Она спасла вас, а вы? Эх вы, люди, — махнул с досадой орк.

В следующую минуту мы услышали охотничий рог. Нарвыл резко поднялся, держа девчушку на руках и обернулся к лесу. На его зеленом лице сияла счастливая улыбка. Но это я понимала, что он улыбается, ну еще может дети, все остальные были напуганы явно обнаженными клыками и хриплым рыком.

— Темная, слышь, это наши, — довольно зарычал Нарвыл. — Слышу рог охотников. Они здесь.

— Стой, Нарвыл. Не лучшая идея сейчас знакомить этих перепуганных людей с твоими соплеменниками, — пытаюсь я взывать к его благоразумию.

Орк улыбается.

— Им не нужно знакомится, Темная, ты что не понимаешь? Они просто сказали, что ждут нас. Они не станут сюда выходить. Так что дорога домой будет веселой.

Он высоко подбрасывает заливающуюся смехом девчушку.

— А эту мелкоту смело можно оставлять на доблестных вояк. Наши проводят их, чтоб ничего не приключилось дурного, присмотрят. Ты не волнуйся, они доберутся. Все, шалопаи, домой, к мамке! В лес одни не ходите больше!

Орк ласково потрепал по голове малышей и протянул мне руку.

— Идем, Темная. Нам не место здесь. Видишь же, не рады они нам. Идем, Крис. Ты же с нами?

— Я от вас никуда, — подтвердил паренек и тихонько прошептал, — А почему ты ее Темной зовешь? Мы же знаем ее имя?

— Мы-то с тобой знаем, дружок, а вот всем остальным его знать-то и не нужно, смекаешь? — орк щелкнул парня по носу и прихватил за плечи огромной лапицей, растрепывая другой его светлые волосы. — Вставай, Темная. Пора нам.

Он отпустил Криса и помог мне подняться. Я простилась с детишками, и мы втроем направились к лесу, где нас ждали орки.

— Пойдите, — поправляя на бегу сползающий головной убор семенил за нами поэт. — А как же моя баллада? Как ваше имя, спасительница?

— Темная ее имя. Так и напиши в своей песне, — рыкнул орк.

Мы не сделали и двух десятков шагов по лесу, когда из-за дерева к Нарвылу бросилась плачущая Вия. Тот совсем позабыл, что я стою исключительно благодаря его поддержке, и раскрыв свои объятия принял в них возлюбленную. Я потеряла равновесие и села на холодную землю. И тут рядом со мной опустился старый волк. Он внимательно посмотрел в мои глаза и мне показалось, что он заулыбался и довольно опустил голову на мои колени.

— Старый Вуд, — погладила я его по косматой голове. — Спасибо тебе. За все.

— Мы все видели, — проговорил сиплый голос. — Спасибо тебе, Темная. Спасибо, за отвагу, которую мы утратили, спасибо за надежду, что у нас пытались отнять, спасибо за

опыт, которого мы опасались.

Говорил со мной старый орк, что восседал во главе стола на встрече. Я уже понимала, что это шаман племени и отец Вии.

— Она больше не темная, отец, я говорила тебе. Она смогла принять себя и простить.

— Я вижу, — спокойно проговорил старый орк. — Но ваши эльфийские имена для нас труднопроизносимы, так же, как и наши имена для вас, потому среди орков будут тебя звать Фениксом. Ты смогла войти в пламя, и вернуться, пройдя его. А еще ты смогла принести это пламя нам, тем кто забыл о том, что значит гореть. Спасибо тебе. Всегда будем рады тебе, Феникс. Но путь твой далек, говорят духи, мы принесли твое оружие, ибо Первый знал, что ты справишься, он сказал, что тебе нужно будет в путь отправляться не мешкая. От того как скоро ты там окажешься и какой выбор сделаешь будет зависеть слишком многое, у тебя нет времени на отдых. Не сейчас. Старый Вуд выведет тебя и паренька в обход всех неприятностей, прямо к месту, где тебя все еще дожидаются, те двое. Они терпеливы. Он же приведет к нам того, кто ищет ответов. Того, кто призван вернуть нам былую воинскую честь. Доверься старому волку. Наш дом всегда открыт для тебя, если захочешь вернуться, или будет в том нужда, старый Вуд найдет тебя и приведет к нашему дому. А теперь прощай, Феникс. Не пожелаю тебе легкого пути, ибо путь твой не может быть легким. Одно знаю точно, каким бы он ни был, он будет достойным, — перефразировал он древнее напутствие.

Один из орков аккуратно положил рядом со мной мои вещи и сумку с припасами на дорогу.

— Спасибо, вольное племя, — нашла в себе силы сказать я. — Есть у меня просьба одна к вам. Сама бы сделала, но с пареньком — не смогу. На границе лагеря магов дерево есть...

Старый орк лишь кивнул, дескать понял все.

— Все сделаем, Феникс. Огонь примет их. Они обретут покой.

— Спасибо.

Орки исчезли в густой тени зимнего леса. Нарвыл поблагодарил меня кивком головы, но большего мне и не нужно было. Вия же на радостях так меня обняла, что я уж решила, что она меня задушит. Она шептала слова горячей признательности. А я не могла ей ответить ничего. Ведь пытаюсь спасти ее возлюбленного, я нашла кое-кого кто был очень важен для меня. Как обычно в моей жизни, все не просто так, все расписано и предопределено. Только вот я об этом узнаю, уже когда все случилось.

Старый волк спокойно лежал у моих ног. Крис с удовольствием потрошил сумку с припасами. Я подала ему эльфийский плащ.

— Давай заночуем здесь, Крис. Завтра отправимся в путь. Мне отдохнуть нужно.

Паренек ничего не ответил, лишь кивнул. Взял плащ и поступил так же, как поступил бы его отец, он набросил плащ мне на плечи, а сам, прильнул ко мне и укрылся самым краешком.

— Расскажи мне о нем, — попросил он, жуя.

— О ком, Крис?

— О моем отце. О Калене!

— Малыш, — улыбнулась я. — Обнимая его за худые плечи. — Он самый замечательный человек.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Ты так о нем говоришь странно. Так Веста говорит о Заире, когда он не слышит. От твоих слов веет таким теплом, таким добром. Ты любишь моего отца? Как Веста любит

Заира?

— Да, милый, люблю. Люблю всем сердцем, Крис.

— А я? — вдруг очень серьезно посмотрел на меня паренек. — Я твой сын?

Я закусила губу на мгновение, а потом улыбнулась, глядя в его ясные глаза.

— Крис, я не знаю кто твоя мама, и поверь, мне очень жаль, что это не я. Если на то будет воля Создателя, я с удовольствием стану твоей второй мамой. А сейчас спи, милый. Спи спокойно. Старый Вуд, будет беречь наш с тобой сон. Так что давай обнимемся покрепче, чтобы не замерзнуть и будем смотреть сны. Ты замечательный мальчик, Крис. Спи! Кален будет очень рад с тобой встретиться.

— А вдруг я не понравлюсь ему? Вдруг я не нужен ему?

— Не говори глупостей, Кристиан. Спи!

Я слышала, как бьется его сердце, чувствовала его дыхание на своем плече и понимала, что это тепло совсем другое, и что бы теперь не произошло, я всегда буду помнить эти мгновения. Это тепло. Теперь оно живет во мне, потому, что именно этот паренек смог зажечь во мне огонь, подарить мне свет. Именно он помог мне справиться с искушением оставаться Адель. Он помог мне снова стать собой. А теперь этот юный герой мирно спал на моем плече. Еще один никому не известный герой.

Глава 10.

Две недели пути были позади. Командор принял решение, что брать в бой неопытных ополченцев — не разумно. Поэтому утром из ворот Держащего небеса вышел отряд не более сотни бойцов. Но какие это были бойцы! Собраны были лучшие, те, кто не был занят обучением новобранцев. Видящие, стремящиеся вернуться в свою обитель и навести порядок в своем доме, Ищущие, которые в последнее время стали буквально братьями воинам носящими белые одежды, лучшие рубаки империи, которым не пришлось по вкусу земледелие и мирная жизнь. Несколько сильных магов, каждый из которых обладал всеми данными, чтобы возглавить любую из башен. Во главе отряда шли трое. Высокая широкоплечая женщина с коротко стриженными черными волосами, стройная фигура в плаще со всегда опущенным капюшоном и мужчина в белых доспехах. Пройдя весь путь до подножья скорым маршем они уже оставили магов в городе для налаживания портала. И теперь, не снижая темпа приближались к границам вечного леса. Вскоре они должны были встретиться с вольными лесными лучниками. Король эльфов послал им не менее пяти десятков лучших мастеров лука, как они и просили. По расчету командора с такими силами они легко могли освободить цитадель.

Кара предлагала всем командирам разместиться в одной палатке на время пути, но Кален наотрез отказался от такого соседства, а Энель предпочитала принимать своих таинственных визитеров в гордом одиночестве. Так что Кален делил палатку со своими братьями, Кара осталась со своими, они делили общий шатер с имперцами, а Энель предпочитала спать одна.

Ночь была временем для размышлений. И она с удовольствием этим пользовалась. Тихо потрескивал теплый огонек костра у ее ног. Зима медленно, но неотвратимо вступала в свои права. Медленно из тяжелых туч, цепляющихся за недалекие горные вершины своими рваными краями, падали легкие снежинки, тая от соприкосновения с незримым магическим

барьером, покрывающим лагерь. Из разбитых на ночевку палаток все еще слышались приглушенные разговоры и иногда раздавался тихий смех. Обыкновенная походная обстановка. Рассказы, шутки, байки у костра. Энель смотрела в яркое пламя и обдумывала информацию. Важную информацию, которой необходимо было поделиться с друзьями, но пока что еще не пришло время. Она сама еще не решила, как можно использовать полученные знания и потому не спешила выносить их на всеобщее обсуждение. Она не удивилась, что никто из ее друзей не подумал навестить перед походом старого эльфа, под присмотром которого все еще жил юноша, зараженный красным обатом. А она сделала это. Она понимала, что, столкнувшись с напастью, нужно побольше о ней узнать. И она многое узнала из спокойного повествования старика.

«Она пришла к нему, когда солнце только встало. Старик встретил ее с улыбкой и предложил чаю. Он не стал расспрашивать кто она, лишь кивнул в знак понимания.

— Миледи, чем могу я быть вам полезен?

— Ваш подопечный. Нас ожидает встреча и, боюсь, битва с теми, кто попал под то же воздействие. Я хотела узнать...

— Все!? Я так понимаю? Что же, я с радостью поделюсь с вами моими наблюдениями, — старик пригладил бороду. — Во-первых, могу вам сказать, что этот минерал, даже в том незначительном количестве, который имел неосторожность принять Бирк, сделал его чрезвычайно выносливым и устойчивым ко многим воздействиям. Парень силен, как бык. Неутомим. Видите, вон ту поленницу, миледи? — старик кивком головы указал на аккуратно сложенную кучу свежесрубленных дров. — Все это он сделал буквально за пару часов. И при этом на его лице не выступило ни капли пота. Вам следует быть готовым к тяжелой схватке, если вам придется схлестнуться с подобными ему.

Старик тяжело вздохнул и отхлебнул чая, смачивая горло. Энель кивнула, внимательно рассматривая сухопарого паренька, который занимался приготовлением завтрака у очага. Да уж, тяжелая у них задача, если красный обат наделяет людей такой силой. Но интересовало ее сейчас другое.

— Это излечимо? Мы можем обратить процесс? Остановить его? Что делает с ним эта отравка?

— Ничего не делает, миледи. С ним ничего не происходит. Он не болен. Он не умрет, даже если мы не станем ничего делать. Он просто будет все больше терять чувствительность. Это единственное, что с ним происходит. Он забывает пить, есть, спать. Если бы не моя забота, Бирк, умер бы от истощения. Он просто не знал бы, что ему нужно есть. Он не чувствует голода. А без пищи, миледи, как вы несомненно знаете, человек может прожить лишь несколько десятков дней, без воды и того меньше.

— Но гномы, нашедшие этот минерал впервые, умерли.

— Да, миледи. Та же участь ожидает и эльфов. Но не людей. Эльфы и гномы несмотря на все произошедшие с ними изменения остаются слишком... восприимчивыми к постороннему вмешательству в ммм... душу, наверное, можно это так назвать. Для них красный обат — яд. Но на людей, он действует совершенно иначе. Вы, моя дорогая, простите за фамильярность, очень хорошо умеете приспосабливаться к быстро изменяющимся обстоятельствам. Я уверен, что в итоге, вы останетесь единственной расой. Ни наши древние знания, ни мастерство гномов, ни агрессия орков, не сможет соперничать с вашей жаждой жизни, с вашим упорством. Но я отвлекся, если вы захотите со мной пофилософствовать, как-нибудь потом, я с радостью угощу вас своим замечательным чаем, и мы будем вести

долгие беседы у теплого очага. Но сейчас вам нужно знать другое. Красный обат не убивает людей напрямую, но полностью лишает их воли. Они становятся послушными марионетками, выполняющими волю того, кто... я не знаю кого... но подозреваю, что они выполняют волю того, кто их заразил. Парнишка не попал под влияние этого неизвестного, я думаю, что этого удалось избежать из-за моего постоянного контроля, ну а в этом чудесном месте, до него просто никто не может дотянуться и поработить его разум.

— Они лишены воли? Значит...

— Это значит лишь одно, миледи. Тот, кто сможет перехватить этот метод управления, сможет ими руководить. И если это сможет сделать кто-то из вас, в вашем распоряжении окажется огромное количество управляемых, послушных и неутомимых бойцов.

— Но как это сделать?

— Я не знаю этого, миледи. Я не смог. Я смог лишь оградить паренька от чужого влияния, но не смог установить над ним свой контроль. Хотя он с радостью выполняет все мои просьбы, но я не могу им управлять.

Старик пожал плечами.

— Надеюсь, я смог вам чем-то помочь, миледи. Надеюсь, мои домыслы и наблюдения не были так уж бессмысленны.

— Совсем нет, вы очень помогли, почтенный. Прошу меня простить. Мне пора отправляться.

— Конечно, миледи. Возвращайтесь в любое время, я буду рад вашему обществу. И еще кое-что, миледи, от меня: позвольте себе быть человеком. Надеюсь вы понимаете, о чем я, потому что я не понимаю, но эта мысль вертится у меня на языке с того момента, как я увидел вас. Словно кто-то шепчет мне эти слова прямо в ухо.

Она удивленно посмотрела на странного старца, капюшон уже наброшенный на рыжую копну непослушных волос и по привычки надвинутый глубоко на глаза, скрыл выражение ее лица. Она вышла от старца и направилась к воротам. Возвращаться в замок не было смысла, она договорилась с Карой еще вчера, что та захватит ее дорожную сумку. Нужно было все обдумать. Но мысли упорно бежали от нее, в голове крутились лишь странные слова старца: «Позволь себе быть человеком». Что бы это могло значить? Неужели ее начинали преследовать странности, так же? как и всех окружающих ее людей? До появления Мирриэль все было так просто и понятно, а теперь все так запуталось. Была Священная книга, были истины, вечные и непререкаемые, была церковь и короли, были служители орденов, а теперь? Теперь церковь — лишь название изжившего себя учения, короли — марионетки, служители орденов забывают о своем долге и идут против того, чему служили все поколения их предшественников, неужели все это из-за одной эльфийки?

— Нужно было позволить Каре ее сразу убить. Ничего бы этого не случилось, — зло процедила она сквозь сжатые зубы.

Ничего бы не случилось. Они бы не смогли закрывать разломы. Кален бы не отказался от обата и вскоре умер или сошел с ума. Он бы не влюбился и никогда не узнал о том, что у него есть сын, им бы не пришлось сейчас спешить на выручку неизвестному мальчугану. Возможно, они все были бы уже мертвы, ведь оставить Лоринг они решились лишь благодаря Мирриэль. Но и привлекла внимание к этой мирной деревушке тоже именно эта несносная эльфийка. Энель тяжело вздохнула. Наедине с собой, она могла расслабиться, здесь никто не услышит ее, никто не осудит. Ничего бы не изменилось? Вряд ли. Это нужно просто принять как данность. Это все случилось не из-за Мирры, она лишь игрушка в руках

случая, как и все они. Она всегда так боялась полагаться на этот зыбкий аргумент. Уже очень давно она полагалась в своих решениях не на волю случая, а на точные данные, из многих источников. У нее была лучшая агентурная сеть, никто не обладал такими знаниями, как она. И это было так сложно. Особенно невыносимо это стало, когда появился этот странный человек с бесцветными глазами. Мастер меча. Она все знала о нем. Но никогда его не встречала. А когда встретила, в ней словно что-то сорвалось. Что-то давно дремавшее, то, что должно было умереть, но почему-то все еще было живо и теперь это что-то терзало ее. Она пыталась отгонять мысли о нем, но получалось плохо.

Энель остановилась, пытаясь понять, что изменилось в ней. Но ничего не шло в голову. И она начала вспоминать все, с самого начала.

Она не помнила своих родителей. Росла на улице, промышляя мелким разбоем добывала себе пропитание. Орудовать ножами она научилась там же, там без этого было просто нельзя. Это было жизненно необходимо. Она дралась за объедки, срезала кошельки и тенью ускользала от стражи. Тени — так их называли на улицах. Она была тенью. Пока однажды не решилась на отчаянный шаг. Она попыталась срезать кошелек у дамы почтенных лет, которая мирно любовалась красотой городского парка. Тогда ее поймали впервые. Стоило ножу коснуться тонкой кожи ремня, как на ее детскую руку легла теплая ладонь женщины. Она не закричала, не звала на помощь, просто держала ее за руку, а потом посмотрела в глаза маленькой воровки.

— Девочка? — кажется дама сама была удивлена, что схватила воровку за руку. — Ну, здравствуй, милая.

Женщина смотрела прямо ей в глаза и улыбалась.

— Давно же я ждала тебя, только вот никак не думала, что наша встреча будет такой, малышка. Как тебя зовут?

— Тень, — буркнула воровка пытаясь высвободиться из рук женщины.

— Тень? Нет, это не имя, милая. Ты хочешь сбежать от меня не так ли?

Девочка ничего не отвечала, глядя загнанным волчонком на женщину, она готова была отрезать себе руку лишь бы освободиться.

— Что же. Я отпущу тебя, если ты не захочешь остаться со мной. Я хотела предложить тебе стать моей воспитанницей. Тебя ждет мягкая постель, вкусная еда, уроки музыки, танцев. Я смогу сделать тебя настоящей леди. Тебя будут уважать. Ты будешь влиятельной личностью.

Девочка затихла, представляя себе такую жизнь. Но ее детское воображение не могла нарисовать того, чего у нее никогда не было.

— У тебя ловкие пальцы, малышка, думаю, ты с легкостью научишься играть на лютне. Это будет чудесно, милая.

Девочка шмыгнула грязным носом.

— Если ты не хочешь этого, милая, я отпущу твою руку, и ты можешь бежать, я не стану тебя преследовать. Но неужели тебе не хочется узнать другую жизнь? Жизнь, в которой тебе не придется воровать еду.

— Но я больше ничего не умею, — опутив голову произнесла девочка.

— Зато ты отличная воровка, — улыбнулась женщина. — Я научу тебя другим вещам. Уверена, что ты сможешь добиться гораздо большего, приняв мое предложение. Итак, я отпускаю твою руку. Если хочешь — беги. Ну, а если ты готова измениться, садись рядом со мной, давай еще немного полюбуемся красотой этого парка, а потом, пойдем в мой дом и

забудем, при каких обстоятельствах мы с тобой встретились, мой рыжеволосый подарок судьбы.

Женщина отпустила ее руку. Первым порывом было бежать, но детский разум ухватился за возможность вкусно поесть в доме у этой странной дамы. А потом можно будет улизнуть, она ведь умела вскрывать любые замки. Она села на скамейку.

Тогда она еще не знала, что это начало пути. Не знала, что кроме музыки и танцев ей будут преподавать интриги, шпионаж, заказные убийства, кражи, Святое писание и дипломатию. Не знала, что она станет первым шпионом Церкви. Самым верным. Убежденным. Она не знала, что станет орудием, личным убийцей Преподобной. Не знала, что ждет ее впереди. Она послушно ждала, когда женщина поднимется со скамьи и возьмет ее за руку.

— Вот и умница, Энель. Теперь тебя будут звать так, милая.

Заблудившись в своих воспоминаниях, она не заметила, как подошла к воротам. По дороге, вздымая пыль сотнями сапог, уже чеканили шаг их воины. Она уже могла рассмотреть возглавляющую их фигуру. Кален не одевал тяжелый доспех, но белые одежды их ордена не сменил на походный костюм. Она улыбнулась, пока никто не видит, этот мужчина всегда поражал ее. Сколько она знала его, столько удивлялась. Его принципиальность, его настойчивость, его верность, его наивная доброта. Она восхищалась той стойкости, с которой он терпит все выпавшие на его долю испытания, терпит и не меняется. Она всегда знала, о его тайне, это была ее работа, она должна была знать все тайны. Рядом с Каленом, легко шагала в Кара. Еще один человек, которого она так и не смогла понять. Знатная леди, избравшая тяжкий путь воина, отбросившая предрассудки и наплевавшая на устои. Она бежала из дома, когда отец решил выдать ее замуж, ей тогда не было и четырнадцати лет. По стечению обстоятельств, она наткнулась на Ищущего. Тот пожалел девочку и привел ее в их цитадель. Так решилась ее судьба. Она отбросила куклы и наряды, взялась за рукоять меча и облачилась в доспехи. Сбегая из дома, она отрезала свою длинную косу и с тех самых пор, ее волосы были коротко острижены. Она не испугалась мучительных тренировок, синяков и ушибов. Даже теперь она гордилась каждым своим шрамом. Энель поймала себя на мысли, что немного завидует Каре в ее упорстве, в ее умении отречься от своего женского начала. Которое дало сбой лишь раз, в тот раз, когда они повстречались с Каленом. Тогда они обе забыли о своем предназначении и своем долге, они потеряли головы от одного взгляда на статного юношу. Но Энель тогда смогла быстро взять себя в руки, ее Святейшество не одобрила бы такую связь. Ведь уже тогда были правила, которые Энель не смела нарушать. Все, кто был близок с юной шпионкой должны были умереть от ее руки, на следующий же день. Никто не должен был ослабить ее, никто не мог стать близок ей. Уже тогда она понимала, что не сможет убить этого парня, а значит, она не должна была сблизиться с ним. К тому же он был Видящим, а люди, умеющие распознавать ложь — слишком опасны для шпионов, от таких нужно держаться как можно дальше. Поэтому ее позабывала ревность Кары и их первая драка. Ее она тоже пощадила тогда. Сколько минуло лет? Очень много. Слишком много. Одиноких, холодных, серых лет. Никогда она не позволяла себе быть человеком. Она так и осталась Тенью, только теперь это стало не названием шайки малолетних преступников, это стало ее призванием, ее жизнью.

Тем временем, Кален и Кара поравнялись с ней и не сбавляя шага, двинулись дальше. Кара лишь отдала ей ее дорожную сумку. Они спешили.

Энель легко приспособилась к их шагу. Они одновременно шагнули за ворота.

Кто бы мог подумать в день их первой встречи, что все выйдет именно так? Что спустя столько лет они будут вместе шагать, возглавляя небольшое войско. Отправляясь в опасное путешествие, ради освобождения цитадели Видящих, ради спасения маленького мальчика, который по воле рока является родственником обоим ее друзьям. Она всегда с осторожностью применяла это слово, но эти двое давно уже доказали свою преданность и дружбу. Они были истинными друзьями. Теми, кого у нее не должно было быть. Они были ее тайной. Одной из немногих тайн, которые она хранила от женщины, обучившей ее всему, от женщины, которая в грязной воровке смогла разглядеть большой потенциал. От женщины, которая научила ее лгать и изворачиваться, и узнавать самые сокровенные тайны. Эту тайну она смогла сохранить, до самого конца. Эту смогла. Она знала, чем закончится ее разоблачение. Такое уже было. Да. Именно ее разоблачение привело к тому, что она стала истинно взрослой.»

Энель протянула руки к огню и опять попыталась сосредоточиться, но нахлынувшие вдруг воспоминания не хотели ее отпускать.

«Ей вспомнились уроки танцев.

— Нет, Энель, не так, — строгий окрик и болезненный удар палкой по лодыжкам. — Ты опять не слушаешь музыку и не соблюдаешь ритм. Так ты будешь выделяться. Разве нам нужно привлекать к тебе внимание неуклюжими позами, чтобы тебя, девочка моя, вычислили из-за того, что ты не умеешь танцевать?

— Нет, Ваше Святейшество, — растирая очередной ушиб склонилась в поклоне юная шпионка.

— Вот и старайся. После танцев у тебя занятие по языкам, а потом стрельбище.

— Да, Ваше святейшество, я помню.

— А теперь повторяй мне родословную герцогини Маргенштейн, и не забывай слушать музыку, детка.

— Конечно.

Энель принимает первую позицию и начинает танец, повторяя заученные имена, даты, причины смерти и особенности жизни всех предков герцогини.

После изнурительных уроков танцев, она вприпрыжку бежит на стрельбище. Там ее уже ожидает учитель. Она не знала их имен, они были просто учителями, безликими и многочисленными. Кинжалы, метательные ножи, лук, арбалет, короткий меч. После физических нагрузок — урок алхимии. Яды, противоядия, сонные зелья, зелья правды.

С утра до позднего вечера она металась между залами и площадками. Когда поднималась луна, ей позволяли вернуться в комнату. Но даже эта небольшая скромная комнатка, казалась тогда, совершенством. Измученная, но совершенно довольная она засыпала, давая себе слово, что завтра, она сможет порадовать Преподобную своими знаниями. Для бывшей уличной девчонки, все это было пределом мечтаний.

Шли годы. Из уличной воришки, выросла юная девушка с яркими рыжими волосами и чудесными сияющими глазами. Она была воспитана в строгости, и умела вести себя в обществе и однажды пришло время ее первого выхода в свет. Она с трепетом ожидала этого чудесного дня. Утром в ее скромную комнату вошла прислужница и принесла первое в ее жизни бальное платье. Она не могла налюбоваться нежным персиковым цветом обновки. За завтраком преподобная сразу заметила ее состояние.

— Энель, — нежно проговорила она. — Это не просто выход в свет, милая. Это твой первый экзамен. На балу я укажу тебе человека, ты должна будешь кое-что выведать у него.

Любыми способами, так что не забудь прихватить кинжалы и склянки с зельями.

Девушка едва не подавилась. Она-то рассчитывала немного отдохнуть от тренировок и нагрузок, но отринув свою усталость послушно кивнула.

Она справилась. Ей не пришлось применять оружие, выпивший мужчина с удовольствием болтал с юной рыжеволосой прелестницей.

Преподобная была рада. Но пришла к выводу, что нельзя не воспользоваться юностью воспитанницы. И тогда начались совсем другие уроки. Ее учили искусству обольщения, и мастерству услаждения. Сперва Энель смущалась. Но несколько болезненных наказаний показали ей, что не стоит отводить взгляд от процесса соращения и совокупления. Но она была невинна и ей было совершенно непонятно, что и как происходит. Она жалела о том, что тогда призналась в этом своей наставнице. Решение было принято очень быстро. Уже вечером того же дня в ее комнату после захода солнца вошел мужчина. Его сопровождала сама Преподобная.

Девушка инстинктивно прикрылась одеялом, когда ее сон нарушил свет.

— Энель, — усмехнулась Преподобная. — Ты — женщина. Уже достаточно взрослая и привлекательная, мы не можем себе позволить упускать такую редкую возможность. Ведь ты же знаешь, что мужчины после близости с женщиной могут быть чрезвычайно откровенны. Но есть у тебя один недостаток, милая.

— Какой? — испуганно заморгала девушка.

— Твоя неопытность, милая. Мужчины хотят видеть рядом с собой искусных любовниц, а не робких девиц. Но это мы легко исправим. С этого дня, три раза в неделю с тобой будут... заниматься... Больше ты не будешь наблюдать, милая, за тем как совокупаются другие, этому искусству будут учить тебя. Со всеми тонкостями. Это первый из твоих наставников. Через несколько недель, когда ты привыкнешь мужчину будет сопровождать женщина, которая будет тебе показывать, что и как надо делать и наблюдать за тем, чтобы ты все делала правильно и наилучшим образом. Ты ведь будешь стараться, милая?

— Конечно, — дрогнувшим голосом произнесла Энель. — Все что вы скажите.

— Вот и замечательно. Слушай его, и все пройдет нормально, девочка. Я верю, что ты не разочаруешь меня.

И она вышла, погрозив пальцем.

— Не бойся, малышка, — улыбнулся мужчина. — все будет хорошо. Не уверен, что тебе понравится в первый же раз, но скоро ты научишься не только доставлять, но и получать удовольствие.

Он быстро снял рубаху, и остался только в штанах. Энель сжалась пружиной. Она судорожно пыталась вспомнить все уроки, но при виде обнажающегося мужчины у нее все вылетело из головы. Внутри она рыдала, она не так себе это представляла, не по принуждению, не из-за долга. Как и любая девочка, она мечтала о любви, мечтала о нежности и ласке. Но сжав зубы, она послушно позволила снять с себя рубашку. Мужчина лишь улыбнулся ей, и крепкая рука опрокинула ее на подушку. Она зажмурилась, стараясь не подавать вида. Он старался быть нежным и аккуратным, но, когда его руки прикоснулись к ее бедрам она замерла, сжимая ноги. Он лежал рядом с ней нежно поглаживая ее ноги.

— Если ты не расслабишься, будет очень неприятно, ты же понимаешь, что я должен это сделать, так или иначе. Не сопротивляйся.

Но она ничего не могла с собой поделать. Не могла больше притворяться, она была всего лишь юной девушкой. Закусив губу, едва сдерживая слезы, она выхватила из-под

подушки кинжал и приставила к его горлу.

— Нет, уходи, скажи, что ты все сделал и уходи.

Мужчина отстранился от нее и грустно посмотрел ей в глаза.

— Прости. Так не выйдет.

Дверь открылась и на пороге появилась ее Святейшиство. Она сердито сдвинула брови.

— Энель, я надеялась на твое благоразумие, надеялась, что мы обо всем договорились, но раз ты не хочешь по-хорошему, милая, будет по-плохому. Но будет так, как сказала я.

Она хлопнула в ладоши и в дверном проеме появились двое других мужчин с веревками в руках. Энель застонала. И опустила кинжал, сопротивляться было невозможно. Она опустила глаза. Но когда те двое подошли она предприняла отчаянную попытку. Диким зверем она бросилась на одного из них, но опытный воин легко отбил порывистую атаку юной шпионки, и обезоружил ее. Другой уже стоял рядом, он сильно ударил девушку по голове и она потеряла сознание. Когда она пришла в себя в комнате не осталось никого, кроме первого учителя. Она попыталась пошевелиться, но руки и ноги были накрепко привязаны к кровати. Больше она не могла противиться.

— Прости, — тихо прошептал учитель и откинул легкую ткань укрывавшую ее обнаженное тело. — Я не хотел, чтобы все получилось так.

Она рвалась словно птица в силках, но все было бесполезно. Он разделся и лег рядом с ней. Она противилась и кричала, вырываясь. Но спустя немного время голос охрип и силы закончились. Она больше не вырывалась, лишь слезы катились по ее щекам.

— Прошу, умоляю, — со слезами на глазах она смотрела в лицо мужчины, который уже нависал над ней. — Не надо.

— Прости, — коротко ответил он.

Он почувствовала тепло между своих ног и истошно закричала, когда это тепло вошло в нее.

Это не продолжалось долго. Он тоже не получал от этого удовольствия, она видела это в его глазах, читала на его лице. Закончив, он быстро оделся.

— Прости, девочка. Но ты же знаешь, ей нельзя отказать. Поверь я, — он тяжело вздохнул и не закончи фразу. — Если ты обещаешь не бросаться на меня с ножом, я развяжу тебя.

Она не ответила, ее все еще душили рыдания. Она лишь кивнула. Она знала, ей не отказывают, никто и никогда. Мужчина, чьего лица она никогда больше не могла вспомнить, отвязал ее ноги и руки. Она обхватила руками свои колени и подтянула их к груди, свернувшись калачиком, тихо зарыдала. Он ничего больше не сказал, лишь прикрыл ее содрогающееся тело одеялом, и ушел. Она проплакала до самого утра. А потом дала себе зарок, что это были последние слезы из-за мужчины в ее жизни. Как же она тогда ошибалась.»

Ее бросило в дрожь даже сейчас, спустя столько лет. Она все еще не могла забыть этого урока, как и всех последующих. Энель глянула в темное небо, пытаясь забыться, но круглая белая луна в темных небесах напомнила ей о том дне, когда она решила бежать.

«Она долго вынашивала свою тайну, стараясь делать вид, что все в порядке. Она была примерной ученицей по всем дисциплинам, не прекословила и послушно выполняла все задания, но в голове ее постепенно складывался план побега. И однажды в такую же лунную ночь, она решилась. Она бежала без оглядки. На ее губах играла улыбка. Она вырвалась, она смогла, теперь никто не будет ее ни к чему принуждать, а умеет она уже достаточно, чтобы

заработать себе на кусок хлеба. Собранных сбережений хватит на лютню и несколько месяцев безбедного существования. А потом она будет зарабатывать пением и игрой на лютне. Она будет свободна, наконец, свободна. Она так боялась погони, что в первой же деревушке купила коня на постоялом дворе и вскочив в седло помчалась прочь от ненавистного замка. Перед побегом она подробно изучила карту местности и первым делом направила своего скакуна к реке. Она путала следы, чтобы ее нельзя было выследить. Загнав коня в воду, она направила его в обратном направлении, к замку. И так проехала несколько часов, покинув реку лишь когда на горизонте забрезжил рассвет и совсем близко к воде подступил лес. Едва покинув спасительные воды реки, она сразу направила скакуна в чашу. Несколько недель она путала следы, сбивая со следа погоню. Она ехала верхом, а потом продавала лошадей и продолжала путь пешком. Она купила себе плащ и глубоко надвигала капюшон на глаза, скрывая свои рыжие волосы. А потом и вовсе остригла их. Она измазывала лицо в грязи и прятала глаза. Она смогла успокоиться лишь когда старую луну сменила новая. Тогда она позволила себе расслабиться и прекратить безумное бегство. Она купила лютню и начала наигрывать в тавернах веселые мелодии, если не было другой музыки. Хозяева всегда снисходительно относились к странствующим музыкантам. Их не обижали. На еду и ночлег она могла смело рассчитывать. Пьянящая свобода вскружила ей голову. Никогда в своей жизни она не была так счастлива. Она была свободна. Она бродила по городам и селам, пела в тавернах баллады, ела вкусную еду без оглядки на Священную книгу, пила вино. Не хватало ей только одного и каждую ночь она мечтала о том дне, когда встретит человека, с которым сможет прожить всю жизнь. Она мечтала о любви, о том, что они будут жить в мире и согласии всю жизнь, вырастят детей, возможно, смогут понянчить внуков, и мирно умрут в своей кровати в один день. Нет больше нужды думать о заговорах и интригах, нет больше надобности убивать и воровать. Все будет хорошо, она верила в это, она не могла не верить. Шли дни, недели и месяцы. Юную девушку-барда стали узнавать в тавернах, многие уже знали ее песни, песни в которых она рассказывала свою мечту. Она не пела о войне и героизме, она пела только о любви, настоящей любви, без пошлости и сарказма. Она пела о том, чего никогда не знала. Мужчины дарили ей свое внимание, но она никогда не отвечала, ее бросало в дрожь при одной мысли о близости, она никак не могла забыть того, что случилось в ее комнате и кроме того, ей не нужен был кто-то, ей нужен был единственный. Спустя несколько месяцев она примкнула к труппе бродячих циркачей, путешествовать в компании единомышленников ей показалось разумным. Они кочевали, неся с собой веселье и беззаботность. Акробаты, жонглеры, силачи, клоуны и дрессировщики. Шумная толпа несла с собой радость и свет. Она с радостью пила с ними вино, делила пищу и кров, но даже рядом с ними она искала любви. Силач дарил ей цветы, клоун смешил ее у костра, акробат посвящал ей трюки. Она улыбалась, и прятала глаза под капюшоном. Но так не могло продолжаться долго, она была молода и мечтала о любви, она пыталась рассмотреть своего единственного, в каждом, кто оказывал ей внимание. И однажды, после вечернего застолья акробат Кинг вызвался ее проводить до девичьего шатра. Ночи были еще теплые и они решили немного прогуляться под луной. Кинг смешил ее, рассказывал байки и пытался читать стихи. Она принимала его ухаживания. Он был немного старше ее, но всю жизнь путешествовал с бродячими артистами и многое повидал. Он с удовольствием делился своими наблюдениями и выводами. Они и не заметили, как оказались на берегу маленькое речушки. Сидя на берегу они болтали и бросали в воду камушки. Вокруг многоголосьем шумела осенняя ночь. Кинг робко обнял ее за плечи, она

сперва вздрогнула, но потом улыбнулась и положила голову ему на плечо. В этот момент мир вокруг нее замер. Он обнимал ее, а потом его губы приблизились к ее уху, и он начал шептать чепуху, признавался, что полюбил ее уже давно, с первого взгляда, но все не мог решиться. Его дыхание обжигало шею, голос дрожал, слова путались. Она замерла в ожидании, она боялась, что сейчас все повторится, грубость, боль. Но она ошибалась. Кинг отстранился от нее и попытался поймать ее взгляд, сжимая ее ладонь в своих руках.

— Энн, милая, ты самая удивительная и загадочная девушка из всех, кто встречался мне. И ты мне очень дорога. Я не очень-то умею признаваться в любви. Но я очень хочу тебя поцеловать, не по-дружески, Энель. По-настоящему. Ты позволишь?

Она несколько раз удивленно хлопнула ресницами, а потом отбросила все свои страхи. Никогда больше не повториться, то что с ней случилось тогда. Теперь все будет по-другому. Так как должно было быть. Она улыбнулась и кивнула. Смущаясь и краснея Кинг неловко прикоснулся к ее губам.

И это было чудесно. С того самого вечера, они частенько уходили на прогулки вдвоем. Они много разговаривали и целовались. Они не спешили, у них впереди было много времени, они были так молоды. Они так думали. Ей так хотелось в это верить, верить, что, когда придет время, когда они смогут преодолеть смущение, они смогут перейти от поцелуев к чему-то большему. Энель уже мечтала о том дне, когда они оставят бродячих артистов и смогут поселиться в небольшом домике, развести огород и создать настоящую семью. Они много разговаривали об этом, планируя все до мельчайших подробностей. Больше Энель не вспоминала прошлое, теперь для нее было лишь будущее.

Волшебная сказка рухнула в один миг.

Однажды ночью в девичий шатер ворвался клоун, Ганс, он разбудил всех и приказал прятаться, подальше от опасности.

— Эн, прячься, это разбойники, сейчас Стан и Кинг сдерживают их, но как на долго их хватит, никто не знает. Бегите, девочки, может быть вам повезет.

Разбойники! Ее новой семье, ее друзьям, была нужна помощь, ее учили сражаться, она отлично метала ножи, она не могла бежать. Силач — Стан и Кинг, не смогут им противиться, а тем более клоун Ганс. А вот она сможет! Ганс уже присоединился к отбивающимся, девушки быстро выбирались из шатра, а она добралась до кухни и схватив ножи направилась в сторону схватки. Она сбросила свою ночную рубаху, чтобы не привлечь к себе ненужного внимания, и найдя грязь, перепачкалась в ней, чтобы слиться с тьмой вокруг, стать Тенью. Снова. Скрываясь в тени, она легко обошла стороной захваченных боем мужчин. Если бы кто-то увидел ее лицо в этот момент, то его поразила бы холодная кривая усмешка на губах юной обнаженной девушки, крепко сжимающей в руках пять кухонных ножей. Она была в тылу врага, перед ней, стоял лучник, натягивающий тетиву, чтобы пустить стрелу в одного из тех, кто стал ее другом. В этот момент она возблагодарила судьбу, за уроки в замке. Она обманывала себя, прошлое не оставило ее, все уроки и тренировки всплывали в ее голове, с каждым ударом сердца в ней все меньше оставалось от робкой Энн, она становилась собой, той собой, которую она презирала, той собой, которой она боялась стать. Смешной казалась ее робость, она поняла, что после этой схватки не захочет засыпать одна, даже если Кинг и не готов к этому, она не хотела больше ждать.

Она не боялась убивать, ее научили спокойно к этому относиться. Она бесшумно подошла к лучнику со спины и улыбнулась, обнажив губы в улыбке. Он повернулся, словно почувствовал опасность, на секунду их глаза встретились, и она вонзила нож для разделки

мяса в его горло, чтобы он не успел крикнуть. Отерев нож о его одежду, она обругала себя за нерасторопность и со вторым уже не церемонилась. Он не успел повернуться. Она появлялась из темноты, убивала и исчезала. Но уже очень скоро нападающие поняли, что их атаквали с фланга. Но никто не мог объяснить, что происходит, все кто столкнулся с нападавшим, были мертвы. Она присматривала очередную цель, когда заметила, что раненый Кинг, упал к ногам нападавшего. Она откинула с глаз перепачканные волосы и взяла небольшой нож, взвесив его в руки она удовлетворенно кивнула и метнула нож в стоящего над акробатом разбойника. Тот нелепо раскинул руки, выронив меч и упал навзничь перед недавней жертвой. Из его спины торчал кухонный нож. Стан подхватил раненного и оттащил его за телегу, служившую им укрытием. Забыв о циркачах, разбойники пытались спасти свои жизни. Их оставалось пятеро, а ножей было лишь четыре. Она выжидала. Тьма была ее союзником, но горящие на телеге факелы мешали ей. Она недовольно поморщилась. Придется выходить. «Оцени обстановку», — учили ее. Итак, один с рогатиной, один с топором, еще двое вооружены старыми мечами, у пятого серп. Все — оружие ближнего боя. Лучников она вывела из боя. Она улыбнулась, все просто, нужно просто вернуться к одному из убитых лучников и взять его оружие. Краем глаза наблюдая за испуганными разбойниками, она вернулась за луком. Отложив ножи, она взялась за лук, и презрительно сморщилась. Лук был некудышным, а стрелы и того хуже, но для нее это не было проблемой. Она наложила стрелу на тетиву и, очень спокойно выдохнула, спуская тетиву. Стрела пронзила грудь одного из тех, кто держал меч. Бесплезная железка упала рядом с телом. Тем временем, скрывающиеся за телегой защитники поняли, что к ним пришла нежданная подмога, и силач, ухватив меч бросился на оставшихся в живых. Она сокрушенно покачала головой. Его геройство было сейчас бесполезно, но она улыбнулась, его порыву. Она понимала, что ей придется взяться за ножи. Отложив лук, она выбрала два больших ножа и покинула спасительную тьму, отвлекая внимание на себя. За себя она не боялась, она боялась за Стана, Ганса и Кинга. Стан еще не успел добраться до оставшихся в живых, когда она была уже рядом с ними. Здравомысленно рассудив, она решила, что самым опасным для нее оружием была рогатина. Остановившись лишь на мгновение, она метнула второй нож в того, кто был опасен и промахнулась. Вместо груди, нож вонзился в руку. Рогатина выпала, раненый взвыл, Тень улыбнулась. Она добьет его потом. Топор, меч и серп? Серп. И начался танец смерти. На нее посыпались удары. Она увернулась от меча, замах топора был слишком широк, она просто проскользнула под его руками, и один из ножей, вонзился в незащищенный живот. И вот она у цели. Разбойник понял, что эта чумахая тьма явилась за ним и приготовился к схватке, перехватив поудобнее свое оружие. Они успели обменяться несколькими ударами, прежде чем на разбойника сзади навалился Стан. Крепко ухватив разбойника в свои стальные объятия, силач приподнял его над землей. Энель улыбнулась Стану и ее нож перерезал горло несчастного разбойника. Парень с мечом попытался удрать, но нож Энель остановила его. Из всех нападавших, остался в живых лишь тот, у которого была рогатина, он лежал на земле все еще вопил и ругался. Она подошла к нему и совершенно бесстрастно поставила колено на его живот и вонзила нож в грудь. Он захрипел и затих. Когда она поднялась на нее смотрели трое друзей. Стан, Ганс и Кинг.

— Эн? — неуверенно спросил Ганс. — Это ты?

Она улыбнулась. Как он смог ее узнать?

— Да, Ганс. Это я, — она привычным движением выдернула нож из груди жертвы и отерла о его же одежду.

Легким шагом она подошла к тому, что был вооружен топором и решительным ударом пронзила и его грудь. «Не оставляй в живых никого. Один выживший — опаснее сотни противников».

— Энель? — не мог поверить своим глазам Стан. — Как? Зачем? Ты?

— Вот так, — коротко бросила она и присела, осматривая рану Кинга. — Ганс, неси самую крепкую настойку, что найдешь! Эй, ты слышишь? Очнись уже! Он же кровью истечет!

Она резко встала и вlepила пощечину замершему в нерешительности клоуну. Тот вздрогнул и бросился выполнять поручение.

— А ты, Стан найди что-нибудь его перевязать! Клади его сюда, я присмотрю.

Стан опустил стонущего акробата на землю и сделал несколько шагов в направлении повозки, но потом остановился и оглянулся.

— Эн, зачем ты убила того беднягу, который убегал и раненого? Они же были не опасны уже!

— Они бы не стали церемониться ни с тобой, Стан, ни со мной! Подумай, что они хотели сделать с нашими девчонками, представь, это! И не задавай мне больше таких вопросов. Это было правильно, Стан. Меня так учили.

— Учили убивать раненных и отступающих?

Она подняла на него презрительно сощуренные глаза.

— Убивать, Стан, всех, кто пытается убить тебя. Убивать тех, кто должен умереть. Не испытывать при этом сомнений и не чувствовать жалости.

— Учили? Эн..

Он хотел добавить что-то еще, но лежащий на земле юноша застонал, напоминая о себе, силач нерешительно повернулся спиной к девушке, о которой, как оказалось, никто из них ничего не знал. К девушке, которая забыв девичий стыд спокойно стояла перед ним обнаженная и не обращала внимание на кровь убитых ею людей, которая смешивалась с грязью на ее руках, теле и лице.»

Эти грустные воспоминания заставили теперешнюю Энель искать выпивку. Она так давно не вспоминала всего этого, она так хотела забыть об этом. Наверное, такие же чувства испытывает Кален, пытаясь отказаться от обата. Тяжкие воспоминания.

«Ей не суждено было провести эту ночь с Кингом, но она провела ее у его постели. В рану Кинга попало грязь, она начала нарываться. Его трясло в горячке, ничего не помогало. Весь следующий день парни косо смотрели на нее, а девушки, с которыми до этого она делила все радости и беды, сторонились ее и смолкали, когда она подходила. Она все поняла. Она спасла их жизни, но потеряла их дружбу, она напугала их. Она ждала, когда кто-то из них решиться ей об этом сказать. И Стан решился. Он сказал, что они не могут больше путешествовать с ней, они не доверяют ей. Она оказалась совсем не тем человеком, за которого они ее приняли, и они не были готовы к такому преображению, он просил ее уйти. Она промолчала, лишь кивнула. Она все понимала. Для них она была уродцем, бессердечным существом добывающим раненных. Она быстро сложила свои нехитрые пожитки в дорожную сумку и подошла проведать еще живого Кинга.

Он попытался ей улыбнуться.

— Энни, мне так жаль, если бы я только мог, я бы остановил их, нет, Эн, я бы ушел с тобой, и мы бы нашли домик и зажили там счастливо, позабыв обо всем этом. Но мое время истекает...

Она вытерла выступивший на его лбу пот.

— Мне очень жаль, что я не успела спасти тебя, Кинг, прости.

— Ты спасла остальных, девочка-менестрель. Ты не слушай их, они не понимают. Ты...

Он не смог закончить, его глаза закатились и его начало трясти. Она понимала, что это конец. Слезы подступали к ее глазам, он любил ее. И теперь она понимала, что тоже любила его, она хотела бы отдать ему всю себя, если бы у них было время. Но, он умирал, а она уходила.

— Прощай, Кинг, — она поцеловала его в обжигающе горячий лоб, прикоснулась рукой к его щеке и отвернулась.

Ее руки коснулись его горячая ладонь.

— Постой, Энни. Прошу, не оставляй меня. Мне очень больно и страшно, эти недотепы не смогут, а ты... Я не хочу мучаться, а сам я не смогу... Это не правильно, в книге написано, что самому нельзя...

Он протянул ей свой кинжал.

— Прошу, Энни. У тебя хватит отваги. Ты смелая и решительная. Ты лучшее, что было со мной...

Она взяла кинжал и закусил губу. Он успокоительно положил руку на ее кулак и направил кинжал в свою грудь.

— Я любил тебя, Энель. А теперь смелее, отважная незнакомка.

Она знала, что он прав, его муки только начинались. Дальше будет только хуже. И он умрет, все равно умрет. Его ждет страшная агония, которая растянется на несколько дней. Это было актом милосердия. Она зашептала заученные слова из Священной книги, слова для тех, кто отходит в мир духов. Окончив молитву, она покрепче сжала рукоять и, закрыв глаза пронзила его грудь. Он улыбнулся и легонько пожал ее руку в последний раз. Она сжала зубы, сложила его руки на груди и вложила в них кинжал.

— Ты достойно прошел свой путь. Пусть духи предков примут тебя. Прощай.

Она вышла и больше не оборачивалась. Ее не остановили крики из лагеря, когда обнаружили его тело, не остановили проклятья, летящие ей вслед. Она сжала кулаки и удалялась. Теперь она понимала, что ей нет места среди простых людей. Все то, что она умела, то, что было для нее естественным, для них было дико. Она перестала быть одной из них. Но кто она теперь?

Те циркачи были последней ее компанией, с момента, когда они изгнали ее, она стала одиночкой. А потом она сложила песню про дружбу, смерть, предательство и одиночество. Когда она пела эту песню, замолкали даже самые веселые компании, бесноватые гуляки опускали глаза и тихо хлебали свою выпивку, качая головами. Она была хорошим менестрелем и умела передавать музыкой и немногими словами так много эмоций, так заразить своими чувствами зал, что слушатели начинали смеяться вместе с ее веселой песенкой, подмигивать своим возлюбленным под ее баллады, и теперь еще они начали страдать вместе с ней. Так в одиночестве она странствовала еще несколько месяцев. Наступила зима. Спасаясь от начинающейся метели, она вошла на постоялый двор и попросилась на ночлег. Обеденный зал встретил ее запахом вкусной еды и шумной беседой множества людей, нашедших приют под этим кровом. Хозяин показал ей комнату, а когда она оставила свои вещи и спустилась вниз, проводил ее к столику у самой стены.

— Юной леди, не место на зимней дороге, но, боюсь, мой трактир, не слишком безопасен для милой дамы. Если желаете, я принесу еду вам в комнату, чтобы...

Она улыбнулась и глазами указала ему на кинжалы на поясе.

— Не волнуйся, милейший, я смогу постоять за себя. Поверь, это не простое украшение. На твоём месте я бы больше волновалась за того, кто осмелится на подобное безрассудство.

Она мило улыбнулась и накинула на голову ставший частью её жизни капюшон. Сегодня она не планировала выступать, хотела лишь отдохнуть и вдоволь наесться. На поясе висел тяжёлый кошель. Случайное стечение обстоятельств обогатило её на несколько десятков полновесных серебряных монет. На прошлом ночлеге она случайно оказала посильную помощь девушке, к которой пристали изрядно выпившие ребята. Никто серьёзно не пострадал. Ей не пришлось никого убить, она просто продемонстрировала своё мастерство владения ножом, метнув нож, она попала одному из мужчин прямо в ладонь, которой он оперся о стену, прижимая к ней девушку. Пострадавший вскрикнул, а Энель продемонстрировала второй нож и порекомендовала остальным ретироваться по добру, по здорову. Девушка оказалась дочерью купца, который наградил её за спасение чести его дочери.

Теперь она готова была стать простым зрителем. У очага с лютней в руках стоял высокий мужчина в тёмном костюме и его пальцы легко скользили по звонким струнам. Он не смотрел на зрителей, его взгляд был прикован к инструменту. Бросив на него быстрый взгляд она уже знала, многое. Судя по его одежде и инструменту, она сделала вывод, что он получил хорошее воспитание, скорее всего имеет высокое происхождение, что было удивительно, поскольку юноша был полукровкой. Острые уши, рост, овал лица выдавали его принадлежность к эльфам. Но в отличие от субтильных эльфов, мужчина был широкоплеч и глаза его были человеческие. Однозначно полукровка. Вряд ли эльфийский дворянин, даже и полукровка, стал бы унижаться до развлечения простолюдинов в этом забытом всеми богами месте. Значит, он знатен по людской линии, какой-то барон не удержался от соблазна, а гордая эльфийка сделала все, для того, чтобы её ребенок был признан и получил достойное образование. А дальше, скорее всего, вольная кровь матери взяла верх, и он отправился в путь, в поисках себя. Она не отдавала себе отчета в том, что все чаще стала пользоваться знаниями, полученными во время обучения в замке. Они всплывали в её разуме сами собой, без её участия и желания. Она сжала в руке кубок, пытаясь не думать об этом, но не могла не думать. С того самого момента, как разбойники напали на бродячих артистов, с того мгновения, как она убила человека, спасая жизни других, её не отпускало ощущение, что она делает что-то не так. Она видела и понимала то, на что другие просто не обращали внимания, все чаще она чувствовала себя игрушкой, пешкой в чужой игре. И все меньше ей нравилось быть пешкой. Лишь один шаг вперед... И больше ей не позволено правилами игры? Но она не хочет играть по таким правилам. Ей бы дойти до последней линии и тогда... она перестанет быть пешкой, она станет королевой, вольной ходить как ей вздумается. Но пока что... пока она просто делает еще один шаг вперед, лишь один шаг, шаг в никуда, потому что она не знает куда идет, не знает пути, не ведает цели.

Ее печальные размышления прервали нежные слова эльфийской баллады. Забыв о своих грустных мыслях она с упоением слушала мастерскую игру и удивительное пение мужчины в черном костюме. Она слушала его молча, и ловила себя на мысли, что его слушала не только она, затихла вся таверна, казалось, что даже огонь в очаге перестал жадно пожирать поленья, прекратилось потрескивание, застыл даже воздух. Все замерло и притихло, вслушиваясь в непонятные для большинства слова. Но Энель понимала каждое слово. Он пел о позабытых королях, о том, что в этом мире нет правды, в его песнях были страшные имена проклятых,

но великих вождей, он пел о том, что простым смертным нельзя понять и разобраться где черное, где белое, где истина, где обман. Ее била дрожь при каждом слове. Она не знала плакать ей или смеяться, он пел о том, что терзало ее, он положил на музыку, и нежным эльфийским наречием передавал ее мысли. Она сжимала крепче уже опустошенный кубок и боялась пошевелиться. Найдя в себе силы, она осмелилась поднять глаза на исполнителя и встретила его взгляд. Его черные глаза смотрели прямо на нее. Она увидела в его глазах мрак бездны, холод смерти и неестественным теплом в них отражались блики очага. Его пение смолкло так же неожиданно, как и началось. Жизнь возвращалась в затихшую таверну. Снова полился смех и начались разговоры, крестьяне ничего не поняли, но он пел не для них. Он нашел ее. Свою слушательницу, ту, что поняла. Оставив место у очага, он бесцеремонно подвинул стул к ее столу.

— Позвольте, милая леди? — в его голосе слышалась насмешка, он ведь знал ответ.

Она не смогла ответить, лишь кивнула в ответ.

— Итак, ты знаешь Старшую речь, девочка. Ты ведь поняла каждое слово? Я не спрашиваю, можешь не отвечать. Я видел твои глаза и мне известен ответ. Я только не понимаю, откуда столь юное создание имеет такие познания. Хотя сейчас даже это не важно. Как звать тебя, моя прелестница?

Ее щеки вспыхнули огнем, под его холодным взглядом. Он смотрел на нее как на вещь, которую он пытался оценить, понять ее происхождение.

— Хозяин, неси-ка вина. Не бойся меня, дитя. Я не причиню тебе вреда. Мне просто интересно кто ты. Расскажи мне свою историю, быть может, она станет моей новой балладой, — он улыбнулся.

Она отчаянно мотнула головой, пытаясь отогнать внезапную слабость. Поборов себя, она приняла решение и улыбнулась. Легкие ресницы взметнулись вверх и зеленые глаза смело встретили холод черноты его глаз. Она протянула руку к его лютне, и игриво склонила голову.

— Позвольте, милостивый государь?

Он удивленно приподнял черные брови, но протянул ей инструмент, давно в его жизни не встречались такие женщины. А эта и женщиной-то не была, совсем дитя. Он был заинтригован.

Энель взяла инструмент и тонкие пальцы легли на серебро струн. Она удовлетворенно кивнула, никогда прежде в ее руках не было такой лютни. На этом инструменте нельзя было играть грубую музыку для людей и память услужливо подсказало ей печальную эльфийскую балладу, в герое которой она все чаще узнавала себя. Никому неизвестный эльф искал истины, дружбы, любви, но находил лишь боль и разочарование. Какую бы он не выбрал дорогу она уводила его все дальше от света и с каждым шагом он все больше погружался во мрак. Заканчивалась баллада печально, эльф решил, что он не принадлежит этому миру, а, следовательно, волен делать что захочет, он вступил в лигу Воронов и стал наемником, он убивал по заказу до той, поры пока однажды его не схватила стража. Его казнили на восходе солнца, и он радовался смерти, потому что жизнь ему опостылела.

Она знала, что слов никто не поймет, никто, кроме незнакомца в черном костюме. Она смотрела на него каждый миг своего исполнения. Она читала его эмоции на лице. Она видела, как его надменность сменилась удивлением, а на смену удивлению пришло уважение. Он не сводил с нее глаз. Он тоже пытался ее читать. Для зрителей, это был поединок менестрелей, но для них двоих, это было поединком умов. В нем не было

победителей, но он давал возможность узнать противника. Когда она окончила песню, она уже знала, что он был не простым менестрелем. Как и она, он скрывался. Она уже знала, что он вооружен, и знала, что он сможет применить свое оружие в случае необходимости. Он был таким же, как она, только старше и опытнее, у него можно было поучиться.

Он встретил ее чуть более теплым взглядом и подал кубок вина.

— Итак, ты нашла меня. Не ожидал, что за мной пошлют адепта, а не опытного воина, хотя...

Она сделала вид что пригубила вино, но вместо этого принюхалась, изучая запах и цвет напитка.

— Не бойся, девочка, я не стану тебя травить, это как-то не достойно что ли. И как ты нашла меня? — он сделал демонстративно большой глоток.

Она опять промолчала. «Сперва думай и оценивай ситуацию, лишь потом говори, ни одного лишнего слова, Энель! От этого может зависеть не только выполнение задания, но и твоя жизнь»

— Молчишь. Понятное дело. Не хочешь говорить, где я оплошал. Чтобы по твоим следам, в случае провала, могли прийти другие? Не стоит, милочка, я знаю, что я — твое посвящение и не стану противиться. Я слишком долго жил, слишком много убежал. Я устал.

Его черные глаза больше не казались ледящей душу бездной, вдруг она увидела в них беззвездное летнее небо. Темное, но не грозное. Она уже знала за кого он ее принял, она уже понимала, от кого он бежал. И к ней это не имело никакого отношения, она почувствовала облегчение и смело припала к кубку. На ее губах играла улыбка.

— Почему ты улыбаешься? Все оказалось проще, чем ты планировала? — он не был печален, он улыбался, теперь искренне.

— Нет, Ворон, я улыбаюсь, потому что ты ошибся и мне не нужна твоя жизнь. Я смогла провести Ворона, ха... Они были бы довольны моим успехам...

— Ты не из Воронов? — он недоверчиво всматривался в ее лицо.

— Нет, я просто менестрель.

— Точно, — он стукнул себя ладонью по лбу и склонился к ее уху. — Ведь все менестрели спускаются в обеденную залу с кинжалами у пояса, в голенище и за рукавами, как я мог забыть?

— Ты забываешь, Ворон, я девушка. Я путешествую одна. И зачастую мне приходится применять кинжалы, чтобы увидеть следующий рассвет.

Он на несколько секунд задумался, а потом бесцеремонно схватил ее за правую руку и задрал рукав до локтя. Он покрутил ее руку и резко отпустив, начал копаться в своем кармане.

— Демон тебя раздери, дура, ты зачем эту игру затеяла? На-ка, немедля под язык положи, — он протянул ей черную горошину.

Но она уже не слышала его, ее разум помутился, и она поняла, что попалась, как последняя крестьянка. Он ее отравил все-таки. Конечно. Он не собирался сдаваться, он не хотел умирать, он просто...

— О, дерьмо дракона, — Ворон порывистым движением открыл ее рот и положил горошину под ее язык и быстро подхватил ее бесчувственное тело на руки. — Хозяин, где ее комната? Не видишь, плохо даме, я отнесу, не переживай, все с ней нормально будет, просто вино у тебя забористое.

Хозяин быстро проводил его к комнате постоялицы.

Уложив ее на постель, мужчина быстро разжевал еще несколько горошин и положил ей в рот эту кашлицу. Найдя кувшин, он стал заливать воду ей в рот.

— Давай, ну, давай же!

Когда она проглотила несколько глотков, он подождал несколько минут, а потом начал вызывать у нее рвоту.

— Что за глупые игры у тебя, дитя, — бормотал он, постукивая ее по спине. — Я же убить тебя мог. Я уже тебя убил, раздери меня демон! Давай, милая, очнись.

Она не слышала его. Не чувствовала ничего. Она уже летела на встречу с Кингом, с тем кого она не успела спасти, единственным, кого она хотела спасти.

Он еще долго очищал ее внутренности, вызывая рвоту. Спустя несколько часов, она слабо застонала, когда он попытался опять вызвать рвоту.

— Не надо, отпусти...

— Нет уж. Дура! Не отпущу. Никто больше не умрет по моей вине, на моих руках довольно крови. Какого демона ты спела песню про Ворона?

Она не смогла ничего ответить. Она была в другом месте. Там ее ждал Кинг. Он улыбался ей, и раскрывал свои объятия.

— Энн, — он обнял ее за плечи и его губы коснулись ее виска.

Она обняла его, прижимаясь к его груди головой.

— Кинг, я...

— Не надо, Энель. Не надо слов, — он нежно смотрел в ее зеленые глаза. — Я так любил тебя, Энель. С первого взгляда я полюбил тебя, дивное создание.

— Я, — попыталась вставить она слово, но он положил руку на ее губы, заставляя молчать.

— Нет, милая. Не надо. Я теперь дух, а тебе, пора уходить. Он очень хочет тебя спасти, и у него все получится, потому что твое время еще не пришло. Ты еще не прошла свой путь, воительница.

— Нет, Кинг, — вырвалась она из его объятий. — Не гони меня! Я хочу остаться с тобой! Я люблю...

— Нет, Энель, — печально покачал он головой. — Не меня тебя суждено любить. Я — простой гимнаст из бродячего цирка, а тебе суждено любить героя. Странного, но великого. Я хотел лишь сказать тебе, что благодарен. Еще раз, сказать. А теперь... Ворон сделал все, что мог, теперь мой черед... Прощай, Энель. Я прошел свой путь, а твой только начинается. Прощай!

Он взял ее за плечи и резко оттолкнул от себя, выбрасывая из мира духов в реальность.

Она очнулась в своей комнате, рядом с ней, поправляя одеяло сидел Ворон.

— Слава богам, ты очнулась. Дура! Что за игры? Если ты поняла кто я, ты что не знала, что с Воронами нельзя играть, что Воронам нельзя доверять?

Она попыталась удержаться от рвоты. Вытирая текущую слюну, она посмотрела в черные глаза.

— Ты не Ворон. Больше не Ворон.

Он внимательно посмотрел на нее и поднес чашу с водой к ее губам.

— На-ка, дура, попей, — он поправил одеяло. — Спасибо.

— За что?

— Дура! За то, что выжила! — сверкнул он глазами, но потом улыбнулся. — За твои слова, дура! Что этого ты не знала? Только услышав эти слова от того, кого Ворон пытается

убить, он свободен от всех клятв и обещаний. Слова «Ты больше не Ворон» освобождают от всех обетов. Вот только обычно их никто не успевает сказать.

— Ты спас меня. Как твое имя?

— Вороны теряют имя, когда принимают первый клинок из рук учителей. Становятся просто Воронами.

— Как тебя звали? Ведь у тебя есть родовое имя?

— Лерд.

— Не эльфийское, — улыбнулась она. — Странно для полукровки, обычно таким как ты дают эльфийские имена, что потом ты мог гордиться наличием Древней крови.

Он на секунду смутился, а потом улыбнулся.

— Так называл меня отец. Он так и не смог запомнить полное имя. У него всегда были трудности с эльфийским.

— У меня нет таких проблем, — попыталась пошутить она.

— Называй меня так, мне будет приятно. А тебя как называть, беда?

— Меня зовут..., — она задумалась и опустила глаза.

— Что-то не так? Плохо опять?

— Нет-нет, все нормально, — она закрыла глаза. — Но ты спас мне жизнь, и я не хочу тебе лгать.

Она посмотрела на него. Он спокойно встретил ее взволнованный взгляд. И неожиданно для них обоих обнял ее за плечи и привлек к себе.

— Беда, я буду звать тебя так. Мне все равно как и кто тебя называл. Учитывая все обстоятельства нашего знакомства — это имя тебе очень подходит. Поверь — все остальное не важно, Беда.

— Беда?

— Для меня, однозначно.

Он отвернулся. Но потом резко повернулся к ней. Их глаза встретились. Зелень весеннего леса и тьма ночного неба. Так прошло несколько секунд, а потом он запустил длинные пальцы в ее короткие волосы и привлек ее к себе. Несколько секунд она слушала как бьется его сердце в груди.

— Невозможно, — едва слышно произнес Лерд. — Я даже не знаю тебя, но все мои инстинкты говорят мне бежать от тебя. Не медлить ни секунды. Наверное, стоит прислушаться, инстинкты убийцы никогда меня не подводили. С тобой все будет хорошо. А мне пора.

Он поднялся, но она схватила его за руку.

— Не уходи, Лерд. Я совсем одна. Ты первый человек с кем я могу говорить откровенно, кому не нужно лгать, который все сможет понять.

— Ты опасна для меня, дитя.

— Я не ребенок! Я не Ворон, но я такая же, как ты. Просто...

Он сощурил глаза, в их беспроглядной тьме мелькнула догадка.

— Кто-то решил пойти по пути Воронов и создать собственных убийц, не просто создать, воспитать с малолетства. Отличный план. Но кто же мог на это решиться. И сколько лет тебя тренировали?

— Сколько я себя помню, — тихо прошептала она, опуская глаза.

Ей так хотелось все это рассказать ему, но ей не пришлось говорить ни слова.

— И что ты тут делаешь? Ищешь свою цель?

Она отрицательно мотнула головой, уже немного отросшие волосы повторили движение ее головы.

— Я сбежала. И теперь прячусь от них. Я хотела другой жизни. Той, которой у меня никогда не было, обычной.

Он скривил губы в кривой улыбке.

— Ты решила изменить свою жизнь, девочка, но ты не учла, что твои создатели сделали все, чтобы у тебя не было выбора. Ты, та кто ты есть, кого они хотели видеть. И, видимо, ты начала это понимать, раз пытаешься что-то узнать у меня. Хорошо, я отвечу на твои вопросы, дитя. А потом уйду. Спрашивай.

— Как давно ты ушел от Воронов?

— Это пятая зима.

— Ты убивал, после того как ушел?

— Нет, ты едва не стала моей первой жертвой. Мне надоело видеть кровь на своих руках, я предпочитаю держать лютню, а не меч.

— Как? Как ты смог отказаться от этого?

Он внимательно посмотрел на нее. И присел рядом с ней на край кровати. Он взял ее руку в свои и поднес к носу. Он вдохнул запах и скривился.

— Ты еще не отмыла руки от крови, детка, я чую ее запах. Ты не так давно убила первого врага, убила не по приказу, а потому, что так было нужно. И тебе понравилось это. Понравилось осознание, что ты можешь сама решать кому жить, а кому умереть. И ты не остановилась. И сейчас, ты понимаешь, как просто было бы решить все твои прошлые проблемы. Тебя терзает вопрос, почему. Почему ты не делала этого раньше. Почему ты позволяла уходить своим обидчикам живыми, почему их кровь не обагрила твои руки. Ведь так, Беда?

Она не ответила. Только подняла на него глаза. Он встретил ее взгляд с улыбкой.

— Так. Можешь ничего не говорить. Я это вижу. Я тоже был таким. Вот только, Беда, я тебя разочарую. Знаешь ли, у Воронов, а я не сомневаюсь, что твои хозяева, переняли их систему обучения полностью, окончившему обучение, дают возможность бежать, это просто еще одно испытание. Последнее. Испытание на верность. Ты не сбежала, Беда, тебя отпустили.

— Зачем? — удивилась она.

— Для того, чтобы ты поняла, что ты не сможешь жить другой жизнью, что у тебя нет другого пути и единственное, что ты можешь сделать, это вернуться к ним и принять свою судьбу. Это укрощение, Беда, это всегда срабатывает, ты не первая и не последняя. Теперь, когда ты увидела жизнь, к которой ты бежала, когда ты спала в грязи, когда ты испытала голод, когда ты узнала, что такое презрение, ты же уже решила, правда? Решила, что пора вернуться.

— Да. У меня уже появлялась эта мысль.

— Так чего же еще ты хочешь, Беда?

— Я хочу этого избежать, я хочу, чтобы ты научил меня, как жить без убийств.

— Никак, Беда! Ты уже знаешь вкус победы и больше не захочешь быть побежденной, и с ними, это будет гораздо проще.

— Но ты...

— Я — другое дело, Беда. Я не просто отомстил всем своим обидчикам, я не просто замарал руки в крови, я в ней купался, очень много раз. Так много, что меня уже воротит от

одного ее запаха, который я чую везде. А ты еще не готова, ты еще не насытилась.

Она уверенно мотнула головой.

— Я смогу, научи!

— Я не учитель, Беда. Я — убийца.

— Тогда позволь мне стать твоей спутницей. Тебе не придется ничего делать, я буду просто наблюдать и делать выводы.

— Ты считаешь, что тебе этого будет достаточно?

— Вполне.

— Мой внутренний голос говорит, что я пожалею об этом, но я чувствую свою вину перед тобой, — он задумался на несколько секунд. — Прежний я, ушел бы не раздумывая, но я изменился. Хорошо, пусть будет по-твоему. С этого дня ты — моя компаньонка. Буду за тобой присматривать, Беда. А сейчас отдыхай. Завтра в путь. Только не вздумай ныть, меня это бесит.

— Я не буду, — улыбаясь пообещала она.

Он уже стоял у двери и улыбнувшись добавил.

— Придется тебе еще подучиться на лютне играть и петь, а то у меня от твоего пения и игры несварение будет.

В него полетел подсвечник, но он успел закрыть за собой дверь.

Утром они отправились в путь вместе. Лерд не шутил, когда сказал, что будет ее учить игре и пению. Вечерами, после выступлений они садились в опустевшей таверне и начинали упражняться. Он не давал ей спуска. Его сложно было обрадовать, даже в самом лучшем исполнении он находил недочеты и неточности. Но больше они никогда не заговаривали о прошлом. Энель несколько раз попыталась завести этот разговор, но он резко обрывал ее.

— Однажды, Беда, это уже едва не стоило тебе жизни. Не рискуй так больше. Ты хочешь научиться жить по-другому, так не вспоминай и не мешай мне забывать. Теперь мы с тобой просто музыканты. Ты моя ученица. Ничего больше.

Она упрямылась и считала, что едва представится такой случай, он обязательно покажет свои тщательно скрываемые навыки и схватиться за нож. Но ее ожидало разочарование. Даже когда они оказались в затруднительной ситуации, и она уже потянулась к ножу, Лерд с улыбкой вышел к дерущимся, она готова была броситься в драку, а он уладил все за несколько минут теплой беседы. Все остались довольны. Дерущиеся примирились и угостили всех выпивкой, принося извинения за доставленные неудобства.

— Вот так надо решать проблемы, Беда, а не ножами. Дипломатия — великое дело. Тебе стоит этому уделить больше внимания.

Они бродили широкими трактами, и едва различимыми тропами. Ночевали во дворцах и на сеновалах. Ели изысканные блюда и делили последнюю краюху хлеба. Пили лучшие вина и дождевую воду. Он научил ее не просто исполнять музыку, а жить ею. Не просто смотреть, но видеть. Он безошибочно улавливал настроения публики и всегда умел привлечь внимание и найти подход к зрителям. С каждым днем прошлое отступало, у нее не было времени на терзания и воспоминания, каждую свободную минуту она упражнялась, а в пути они раскладывали песни чтобы можно было исполнять их вместе. Ей сложно было соответствовать его высоким требованиям, но с каждым днем, она все больше привязывалась к угрюмому и привередливому менестрелю. Все с большим уважением она относилась к его просьбам и наставлениям. Вскоре, она уже позабыла о всех тревогах, и поняла, что растворяется в этом человеке, становится его частью, теряя часть себя, но это ее не испугало,

она решила, что это именно тот необычный герой встречу с которым пророчил ей дух Кинга. Вскоре они стали очень популярны. Слава о их творческом союзе неслась далеко впереди полуэльфа и рыжеволосой девушки. Рядом с ним она расцвела, из угловатой девчушки превратившись в прекрасную девушку. Во время их выступлений мужчины не сводили с нее глаз, а дамы тихонько вздыхали, глядя на ее учителя.

Первое время ее забавляло настойчивое желание женщин оказаться с ним наедине. Он никогда не считал нужным скрывать от нее свои любовные похождения, и возвращаясь с очередного свидания он просто просил дать ему несколько часов, чтобы отоспаться. Она улыбалась и шла репетировать, оставляя комнату в его распоряжение. Несколько раз ей пришлось спать за столиком, когда комнат не хватало и он первым попадал в их апартаменты. Но ее это не трогало. Рядом с ним ей было так спокойно, она действительно поверила, что сможет не возвращаться. Так прошло несколько месяцев. Была середина весны. Они, как обычно, готовились к вечернему выступлению, когда в еще закрытую для посетителей залу ворвались люди с закрытыми масками лицами. Она напряглась и быстро исчезла за камином. Лерд не любил, когда она принимала участие в таких делах и она научилась послушно отступать и наблюдать со стороны. Но в этот раз все пошло не так. Лерд не успел начать свою сладкую речь нападающие появились одновременно и из задней двери на кухню и из главного входа. Они не совершили ошибки, не сбросили со счетов Лерда, не забыли приставить нож к горлу менестреля.

— Молчи, певец, иначе следующей песни не будет.

— Тащи сюда хозяина и баб.

Все, что она так старалась забыть, вернулось в первое же мгновение. В жилах закипела кровь, и она презрительно сощурила глаза. Едва острое лезвие прикоснулось к шее учителя, она уже знала, как проберется на кухню, обругав себя за то, что оставила нормальное оружие в дорожной сумке. Уж слишком она расслабилась рядом с бывшим Вороном. Нападавшие выволокли из кухонного помещения рыдающих женщин. Хозяин попытался вырваться, но меч уперся в его живот и держащий его покачал головой.

— Сейчас повеселимся, — заржал один из захватчиков и полез под юбку хозяйской дочке.

Она скрипнула зубами и отвела взгляд. Она выжидала удобного момента. Когда визг и плачь женщин создали достаточно шума, а захватчики были заняты своими жертвами она проскользнула, скрываясь за нагромождением еще не расставленных столов и стульев. Дверь в кухню осталась приоткрытой, и она легко проникла в помещение. Быстро осмотревшись, Энель довольно улыбнулась. Здесь было очень много острых предметов, особенно порадовал набор столовых ножей, примерившись к ним, она рассовала их в сапоги и за рукава, вполне удовлетворительное метательное оружие. Первым делом она обратила внимание на огромный тесак, которым хозяин разделявал туши, но покрутив его в руке поняла, что с таким весом не очень удобно управляться. Из соседней комнаты раздались отчаянные крики, и девушка решила, что пришла ее пора, иначе она может опоздать. Лишь мгновенный взгляд из кухни, чтобы отметить для себя местонахождение всех участников драмы. Когда она выглянула, этого никто не заметил, никто, кроме Лерда. Она сразу увидела его внимательный взгляд и секундное удовлетворение, мелькнувшее на его лице. Он знал где она и ждал, когда она начнет действовать. Она уже видела, что он занял более удобную позицию для нападения. Он ждал только ее. Когда он понял, что она видит его, он медленно опустил ресницы, давая ей понять, что он готов. Они ударили одновременно, так же слаженно, как

исполняли баллады. Лерд вонзил острую иглу в шею человека, державшего его, тот не успел даже понять, что произошло. В это же время Энель метнула два ножа, обеими руками и двое, насильевавших хозяйскую дочку мужчин были повержены, один упал прямо на девушку, из его глазницы торчал столовый нож, второй получил нож в спину. Энель быстро перепрыгнула через стойку и оказалась лицом к лицу с вооруженным мечом человеком. Он был хорош, несколько раз она едва успевала подставлять нож, защищаясь от ударов, несколько раз он смог ее достать, но он недооценил ее. Девушка быстро сократила дистанцию, проскользнув под его рукой и вонзила нож в сердце. В глазах ее потемнело, она услышала, как разрывается ее легкая куртка и что-то холодное касается кожи, а потом была боль. Она не вскрикнула, лишь повернула нож в его ране и с силой рванула оружие на себя. Готовясь отбить атаку еще одного противника. Краем глаза она видела, как Лерд освободил корчмаря, тот бросился утешать рыдающих женщин, а менестрель уже вступил в схватку с тем, что стоял у двери. Энель едва держалась на ногах, но она услышала шорох сзади, на втором этаже стоял лучник, видимо он шарил по комнатам постояльцев, пока его друзья развлекались. Мужчина уже прицелился, проследив направление, Энель поняла, что стрела предназначена стоящему спиной к лучнику Лерду. Она попробовала достать нож, но руки дрожали, она боялась промахнуться, она не сможет. Но ей нужно сделать лишь один шаг и... Она застонала и встала на пути летящей стрелы. Она была ниже ростом, чем Лерд, стрела могла пройти выше, преодолевая боль она подпрыгнула. Ее отбросило прямо к ногам последнего человека в маске, который прятался за столом. Она увидела кинжал в его руке. Инстинктивно прикрылась руками. Кинжал опустился на нее, но соскользнул по спрятанному в рукаве ножу и лишь оцарапал плечо. Выдохнув, она выхватила спасший ее кинжал и вонзила в горло склонившегося над ней мужчины. Ей в лицо хлынула его кровь. Она отплевывалась, но туман уже застилал ее глаза, она теряла сознание, и уже не различала лиц, когда над ней кто-то склонился она попыталась оттолкнуть его ногой, но ее ногу словили за лодыжку. Она стиснула зубы и пыталась вырваться или поднять другую ногу. Она не дастся живой, лучше смерть.

— Тише, Беда. Это я, — услышала она знакомый спокойный голос.

— Лучник, — ей казалось, что она кричит, но ее шепот был едва различим.

— Я убрал его, Беда, все закончилось.

Она разжала руку и спрятанный кинжал звонко ударился о пол, это было последнее, что она услышала.

Она пришла в себя и закашлялась в горле пересохло, в комнате не хватало воздуха, она начала задыхаться, попыталась подняться, чтобы открыть окно и вдохнуть, но крепкая рука уперлась ей в грудь.

— Лежи, Беда. Сейчас дам тебе попить.

Она ничего не видела. Ее губ коснулся холодный металл, и она сделала жадный глоток, ее горло обожгло, и она опять закашлялась.

— Пей, дуреха. Это лекарство. Ты вся горишь, сейчас выпьешь это и дам воды.

Она послушалась. Захлебываясь она сделала еще несколько глотков. После этого Лерд сдержал обещание и подал ей воду. Она жадно набросилась на прохладную влагу. Осушив сосуд, она тяжело вздохнула.

— Я ничего не вижу, Лерд.

— Это пройдет, Беда. Просто у тебя жар, поэтому зрение подводит. Ты поспи.

Она задрожала всем телом, ее начал бить озноб.

— Как холодно, — пожаловалась она.

— Сейчас еще одно одеяло накину.

Она слышала, как он сделал несколько шагов и почувствовала, как ее укутывают в одеяло, словно ребенка. Она подтянула колени к груди, пытаясь согреться. Но острая боль в боку заставила ее застонать, и она содрогнулась.

— Нет, Беда, нельзя так, — мягко сказал Лерд. — Так еще хуже будет. Давай-ка выпрямляйся, девочка.

— Мне холодно, — едва не плача произнесла она.

— Хорошо. Лежи спокойно. Сейчас станет теплее.

Она услышала какую-то возню и попыталась рассмотреть, сквозь туман, застилавший ее взгляд, что он делает. Он снимал с себя одежду. Она вздрогнула, теперь уже даже не от холода, ее охватил ужас.

Лерд откинул одеяло и лег рядом с ней.

— Иди сюда, Беда. Ты чего дрожишь? Холодно?

Она промолчала, послушно прильнула к его обнаженному телу. Слезы потекли сами, она пыталась их сдержать, но это было выше ее сил.

— Ты что ревешь, дуреха?

— Я обязана тебе жизнью, я понимаю долги надо отдавать...

— Что? — удивился он, отстраняя ее от себя. — Ты что подумала, дура? Ты что решила, что я собираюсь воспользоваться моментом? Серьезно?

Он рассмеялся.

— Поверь, Беда, еще никому не удалось оскорбить меня сильнее. И остаться в живых, а вот у тебя похоже вышло. Спи, дура. Ничто не согревает лучше человеческого тепла. Так что расслабься, твои прелести меня не интересуют, я тебя выходить пытаюсь.

Она шмыгнула носом.

— Правда?

— Да, правда. Никогда в моей жизни мне не приходилось брать женщину силой и, надеюсь никогда не придется. А ты и не женщина вовсе, ты раненный товарищ, поверь даже будь ты мужиком, я бы сделал то же самое. А теперь иди сюда, — он обнял ее, привлекая к себе. — И прекрати трястись, ты хоть и раненый товарищ, но я все-таки мужчина. Согревайся, дуреха. Должен заметить, что ты очень отважная, Беда. И неестественно везучая. Ты ведь даже не поняла, кто они, но сделала все правильно. Спасибо тебе.

— Кто были эти люди?

— Не все, Беда, лишь двое из них. К нашему с тобой счастью. Если бы они все были Вороны, боюсь, у нас бы не было шансов.

— Вороны?

— Именно, Беда. Они пришли за мной. Но они не знали, что моя ученица тоже прошла определенную подготовку, они не были готовы к этому. И это спасло нас. Спи, Беда.

— Ты не уйдешь?

Она не видела его лица, она уткнулась носом в его плечо и засыпала. Она не могла разглядеть нежности в его глазах, не могла увидеть ласковой улыбки, не различила боли в его голосе.

— Нет, Беда. Не уйду.

Он убрал с ее лица мокрую прядь рыжих волос и прикоснулся к горящему лбу губами.

Так проходили их ночи. Он крепко обнимал ее, согревая теплом своего тела, но никогда

не позволил себе ничего большего. Она выжила, он не дал ей умереть. Через неделю жар у нее спал. Она шла на поправку. Вечером он пришел сменить ей повязки. Она сидела в кровати и улыбалась.

— Готова, Беда? Сейчас будет больно.

Она без лишних слов стянула рубашу, предоставляя ему возможность действовать. Он улыбнулся. Она скрипела зубами, но не позволила себе вскрикнуть ни разу.

— Да, ты необычайно везучая, девочка. Если бы его клинок вошел чуть правее, даже мои врачевательские способности тебе бы не могли. Ты бы умерла через несколько минут, захлебываясь в крови, ну а так, рана затягивается хорошо, через неделю можно будет вставать, а через две, сможем отправиться в путь, ты будешь в порядке. Ну, вот и все. А теперь пей лекарство и ложись спать.

Она послушно выпила отвар лечебных трав, натянула рубашку и привычно подвинулась к краю, освобождая место для него. Он подошел к кровати.

— Нет, Беда. Сегодня ты будешь наслаждаться спокойным сном в одиночестве. Жар спал, и я с удовольствием отправлюсь согреть постель какой-нибудь прелестницы, а ты будешь отдыхать.

Он поправил одеяло и вышел, а она почувствовала острый укол ревности. Впервые она испытала это чувство и испугалась. Испугалась, того что это означало. Она влюбилась в него. А он видел в ней лишь товарища. Друга. Но не женщину. Она зарылась под одеяло с головой и вспоминала, запах его тела, его тепло. Ей не хватало тепла его рук, его дыхания, его сердцебиения. Постель была пустой и холодной, холодной, как объятия самой смерти. И она заплакала. Уснула она, когда уже светало, уснула в слезах.

Утром он пришел как ни в чем не бывало.

— Просыпайся, соня. Пора упражняться.

Она натянула одеяло на свою голову, всем своим видом давая ему понять, что она не желает его видеть, не желает с ним говорить, не желает упражняться.

— Нет, Беда. Так не пойдет, — сказал он, срывая с нее одеяло. — Не бойся сегодня будут занятия не по музыке, мы займемся с тобой отработкой метания ножей. Надеюсь, это поднимет тебе настроение. Эй, ты чего? Плохо выглядишь, плохо спала?

— Ты тоже, — буркнула она в ответ, чем вызвала его смех.

— О, милая, конечно я плохо выгляжу, я совсем не поспал. Горячая попалась девица, ненасытная, словно суккуб, не дала мне глаз сомкнуть.

— Ла-ла-ла, — произнесла она закрыв уши.

— Понятно, тебе не интересно. Хорошо. Не буду вдаваться в подробности. На-ка, я тут зашел к местному кузнецу по дороге, и купил тебе парочку неплохих метательных ножей. Будет чем тренироваться. А вот и мишень, — он поставил на стол небольшое яблоко.

— Я бы предпочла человека, — огрызнулась она.

Он сделал вид, что не понял намека и протянул ей нож. Она крутила в руках аккуратный ножик.

— Почему ты делаешь это? Ты же говорил, что мы должны все забыть.

— Говорил, но после нападения, все изменилось. Теперь они не оставят меня в покое, теперь начнется настоящая охота, и мы должны быть готовы к этому. Я, конечно, предпочел бы, остаться один на один с этой проблемой, но боюсь, что мне не удастся так просто избавиться от тебя, моя навязчивая спутница.

Она презрительно фыркнула и метнула нож. Пролетев через комнату, нож задел самый

край яблока и вошел в стену.

— Хм, — произнес Лерд, доставая нож из стены и подавая ей. — Придется доплатить хозяину за испорченные стены и мебель. Плохо, давай еще раз.

Прошла неделя. Лерд позволил ей вставать и ходить по комнате. Она с трудом передвигала ноги, ныло плечо, резало в боку, но она упорно продолжала двигаться. Он наблюдал за ею упорными попытками с умилением. Как отец, который видит первые шаги своего ребенка. Отец! Она ненавидела в нем это. Она хотела его объятий, мечтала о его поцелуях, а он видел в ней ребенка. Она злилась и все настойчивее добивалась его похвалы и одобрения.

Прошла еще неделя. Они оставили уже привычные комнаты и двинулись в путь. К вечеру они добрались до небольшой деревеньки. Исполнив несколько песен Лерд оплатил их постой и проводил ее до комнаты.

— Иди спать, Беда.

— А ты? — зло прищурилась она.

Он улыбнулся.

— Не жди меня, запри дверь, думаю сегодня я буду спать в другом месте, — сладко потянулся он.

Она сжала кулаки, но послушно закрыла дверь и закрыла засов. Она опять проплакала всю ночь. Он так и не появился, даже утром, когда она вышла в обеденную залу и хозяин подал ей остатки вчерашнего ужина, она же попросила вина и не долго думая, осушила кувшин до дна. Его не было. Юношеское воображение, обостренное алкоголем, услужливо рисовало ей картинки из запрещенных книг. Перед ее внутренним взглядом он обнимал женщину, целовал ее губы, раздевал и потом она слышала ее томные вздохи, дорисовывать картинку дальше она так и не решалась, ей было мерзко. Она поела и вернулась в комнату. Ждать его. Ждать, чтобы все ему высказать. Но алкоголь взял верх, и она уснула. Проснулась она от звука открывающейся двери и незаметно перехватила нож. Он тихо проскользнул в комнату, тихонько притворив за собой дверь. Она разозлилась еще больше.

— Где ты был, Лерд? — выпалила она.

— Демон тебя раздери, Беда, ты чего это ведешь себя как ревнивая жена? Я с дамой был, я же предупреждал тебя. А ты почему дверь не заперла? К тебе же любой вломиться может!

— Как вломится, так и выломится, — огрызнулась она и метнула нож, который вонзился совсем рядом с его рукавом. — Я волновалась, между прочим, уже часа два, как мы планировали выехать, а ты где-то бродишь, потаскун!

— Эй, милая, успокойся. Ты чего не с той ноги встала что ли? Или у тебя тяжелые дни?

— Пошел ты, урод! Тебе лишь бы баб потискать!

— И не только потискать! Я между прочим честно грел тебя все время, пока у тебя был жар, теперь нагоняю упущенное.

— Тебя никто не просил! — зло бросила она. — Мог бы и не греть, подумаешь, тебе то что? Тебе же наплевать на меня! Зачем ты спас меня? Чтобы тебе не так скучно было путешествовать? Чтобы я прикрывала твою черную спину, от твоих же мать их ити, товарищей?

Теперь уже он зло сверкнул темными очами.

— Какая муха тебя укусила?

— Да иди ты, ко всем демонам, любовничек! Нас преследуют Вороны, а он по бабам

шляется.

Она зло плюнула и закинула на плечо свою дорожную сумку. Подойдя к двери, она выдернула кинжал и засунула его обратно в наплечные ножны.

— Я так больше не могу, Лерд. Похоже здесь наши пути расходятся. Спасибо, что спас меня, но я не хочу больше проводить бессонные ночи в ожидании, что в любой момент в комнату могут проникнуть Вороны и убить меня во сне, пока ты крутишь очередной роман. Прощай.

Она вышла за дверь и, сделав несколько шагов, остановилась. Она надеялась, что он бросится за ней, захочет остановить, но он так и не открыл дверь. Гордость не позволила ей вернуться, она вышла за порог постоянного двора и оседлала свою лошадь. Садясь в седло, она утерла слезы и обругала себя последними словами. Она выехала за ворота и найдя удобное место для засады, притаилась. Она не могла его оставить, она любила его, ревновала и ненавидела, но не собиралась его оставлять в одиночестве. Она ждала его. Ждала, чтобы стать его тенью, невидимым спутником, чтобы прикрывать его спину, даже если он никогда ее не полюбит, даже если он никогда не узнает о ее любви, она не оставит его, всегда будет с ним. Он выехал через несколько часов. Она дала ему возможность удалиться, а потом поехала по его следам. В следующем же селении она сменила коня и купила широкий плащ с капюшоном. Она уже знала куда он держит путь и направилась туда же. Она сопровождала его уже четыре дня. Несколько раз она была близка к провалу, он проходил слишком близко, но ей удалось остаться неузнанной. Она пряталась в темных уголках зала, слушала его пение с замиранием сердца, а потом сопровождала его на очередное свидание. Только она никогда не знала, что это будет свидание, однажды она едва не наткнулась на него, когда девица бросилась к нему на шею прямо посреди дороги. Каждый день новая женщина, иногда несколько. В ней бушевала ярость. Она упрекала себя за глупость, но теперь она не сомневалась, она не была ему нужна, он даже не вспоминал о ней. На пятый день, она опять вышла за ним. Он направился в темный закоулок. Темноту ночи нарушал лишь один отблеск света, где-то на окне горела свеча. Она зло сощурилась. Очередная пассия. Все, так больше не может продолжаться. Это было свыше ее сил. Когда она увидела, как на встречу ему выбежала какая-то женщина, как он страстно обнял ее, как прижал к стене, задирая юбку. Терпение лопнуло. Она тенью отделилась от стены и подойдя еще на несколько шагов метнула нож. Девица испуганно вскрикнула, Лерд обнажил кинжал, повернувшись лицом к опасности.

Она сделала еще несколько шагов и зло крикнула.

— Убирайся, девка! Не с тобой разговор будет.

Девица еще раз взвизгнула и скрылась за дверью, заперев ее за собой. Лерд убрал кинжал.

— Беда? Что за фокусы? Ты же сама решила уйти, зачем меня преследуешь теперь? Решила убить?

— Нет, — произнесла она, подходя ближе и стянув капюшон с головы, ветер подхватил рыжий огонь ее волос. — Не убить, Лерд. Я ушла в надежде, что ты остановишь меня, что ты не дашь мне уйти.

Их разделяло всего несколько шагов, она уже могла видеть на его лице непонимание.

— Ты не хотела рисковать жизнью. Ты испугалась постоянного преследования.

— Нет, Лерд. Ты так ничего и не понял. Я ушла потому что боялась, что однажды не сдержусь и убью. Убью одну из твоих любовниц. Убью, чтобы... чтобы ты понял... Чтобы ты

заметил меня.

Она сделала последний шаг и стояла вплотную к нему. Она подняла голову, чтобы посмотреть в его глаза. Он был выше ее, она едва доставала до его плеча. Сбросив плащ, она приподнялась на носочки и ухватив его за шею, заставила склониться к ней. Она колебалась лишь секунду, а потом горячо поцеловала его в губы. Его замешательство длилось не дольше мгновения, а потом она почувствовала его руки, обвивающие ее талию и приподнимающие ее над землей. Он ответил на ее поцелуй. Так продолжалось несколько минут, они не могли остановиться. Потом он поставил ее на землю и оторвался от ее губ.

— Постой, Беда, ты всего лишь дитя, я не могу.

— Ты не хочешь меня?

— Нет.

Она отпрянула от него, но он схватил ее за руку.

— Да нет же. Я хочу, о боги, я знал, что ты станешь моей погибелью. Беда, я никого никогда не желал так страстно, как тебя! Но ты...

— Дитя? — она прильнула к нему. — Может и так, Лерд. Но разве это имеет сейчас значение? Ты слышишь, как стучит мое сердце? Если ты прогонишь меня, я уйду, но я умру от ревности и тоски. Я люблю тебя...

— Беда, — нежно произнес он, дотронувшись до ее щеки, по которой текла слеза. — Не надо. Я гораздо старше тебя, милая, я тебе в отцы гожусь, я...

Она не стала слушать его, улыбнувшись, она припала к его губам. Он не устоял, приподняв ее он прижал ее к стене, покрывая поцелуями ее лицо и шею. Отвечая на его ласки, она обхватила его бедра ногами. Он остановился, чтобы перевести дыхание и пристально взглянул в ее глаза.

— Ты, действительно беда. Не будем же мы делать этого здесь, на улице? Слезь с меня, идем в уютную комнату, там есть постель и вино, и еда.

— Постели хватило бы, — отпуская его, прошептала она.

Подобрав брошенный плащ, они вернулись на постоялый двор. Захватив у хозяина кувшин вина и блюдо с едой, он увлек ее за собой в небольшую комнатку под самой крышей.

Едва он поставил блюдо, как она вновь поцеловала его. Он подхватил ее на руки и опустил на постель. Продолжая целовать ее, он ласкал ее бедра, прижимая ее к себе все сильнее. Она судорожно шарила слабыми пальцами по его камзолу, пытаясь расстегнуть тугие пуговицы. Он убрал ее руки и оторвался от нее, крепко прижав ее запястья к кровати.

— Еще две недели назад, ты вздрогнула, когда я раздевался, а теперь тебе не терпится меня раздеть. Может нам лучше остановиться, Беда. Я не хочу, чтобы ты делала это из чувства долга. Ты ничего мне не должна, Беда.

— Дурак, — произнесла она, вырвала свои руки из его хватки и уложила его на спину, сев сверху. — Разве похоже, что я делаю это только по одной причине? Нет, Лерд, есть еще кое-что. Я хочу быть с тобой. Хочу прожить жизнь с тобой. Хочу делить с тобой не только постель, не только музыку, не только тяготы пути. Я люблю тебя, Лерд. И я хочу, чтобы ты любил меня.

Она прикоснулась к его губам, а потом начала целовать его в шею. Руки перестали дрожать, она уверенно справилась с застежками на камзоле. Он гладил ее бедра, и не прекращая целовал. Она уже чувствовала, что больше не будет разговоров, страсть искала выхода. Он резко сел, стянул с себя камзол и рубашку, а потом вновь уложил ее на спину. Она ойкнула, резкое движение отозвалось болью и в плече, и в боку.

— Прости, меня, девочка. Я буду аккуратнее, ты просто заставила меня позабыть обо всем на свете.

Он смотрел на нее несколько секунд, а потом прикоснулся губами к ее шее.

— Позволь я раздену тебя. Не страстно, как хочешь ты, а аккуратно, наслаждаясь каждым мгновением. Запоминая каждый миг, блаженства.

Она не ответила. Она понимала, что ему не нужен ответ. Он улыбнулся и принялся ее раздевать, медленно и нежно, покрывая поцелуями каждый обнажаемый участок тела. Когда он стянул с нее рубашку и прикоснулся языком к соску, она застонала и ее руки впились в одеяло, на котором она лежала. Ее захватил водоворот чувств, остановилось время, замерло мироздание и перестало существовать. Теперь были только двое он и она. Его ласки и ее нега. Она замерла ощущая, как разгорается пламя внутри, как темнеет в глазах, как слабеют ноги. Не было ничего. Только его губы, только его руки, только его черные глаза. Его рука скользнула по ее животу, и повторяя его движение вниз пополз жар. Он аккуратно распустил пояс и стянул с нее штаны. Когда его губы коснулись ее колена, а руки легли на обнаженное бедро, она опять застонала. Он остановился и посмотрел на нее.

— Я уже видел тебя обнаженной, я менял тебе повязки, и даже не позволял себе мечтать, что смогу когда-нибудь покрывать поцелуями твою нежное тело, Беда. Ты не представляешь, чего мне стоили те пять ночей, когда я лежал рядом с тобой и не смел к тебе прикоснуться, когда я ощущал жар твоего тела и не имел права прильнуть к тебе губами. Я потому и искал других женщин, я не мог насытиться, потому что хотел только одну, тебя, Беда. Хотел и не смел даже мечтать.

— Хватит болтать, — оборвала она его. — Ты думаешь мне было легче? Но теперь все позади. Не трать наше время на разговоры.

Он улыбнулся и его руки сжали ее бедра, а губы прикоснулись к животу. Она впилась ногтями в его обнаженные плечи. Его ласки становились все более настойчивыми и смелыми. Она металась в постеле пытаясь не стонать от испытываемого желания, стараясь не торопить его, мучаясь и наслаждаясь каждым мгновением.

— Пожалуйтса, Лерд, хватит, я не могу больше, — взмолилась она, когда он оторвался от ее тела на короткое мгновение.

Его горячее дыхание обожгло ее живот.

— Беда, — облизывая пересохшие губы, дрожащим от нетерпения голосом произнес он. — Я должен знать. Ты... У тебя это уже было...

Она вздрогнула, ощущая, как холод ужаса охватывает ее. Она вырвалась из его рук и сжалась у изголовья кровати, обхватив колени руками. Она смотрела на него взглядом загнанного зверька.

— Да, — поборов страх процедила она. — Но тогда все было не так.

Он все понял.

— Прости, но я должен был знать. Если тебе страшно давай остановимся.

Она отрицательно замотала головой, хотя сейчас ей больше хотелось плакать, чем стонать, принимая его ласки. Зачем он все испортил? Но он все понял и сел на край кровати, успокаивая дыхание.

— Все, все. Не бойся. Хватит на сегодня. Давай-ка я укурю тебя одеялом, и мы просто полежим рядом. Мне тоже нужно немного времени, чтобы прийти в себя, он подал ей одеяло и отвернулся, чтобы не смущать ее.

Она закрыла глаза, и быстро утерла слезы, пока он не видит. А потом она посмотрела на

его обнаженные плечи с кровавыми отметинами ногтей и страх отступил. Она отбросила одеяло и быстро переместилась на край кровати, обняла его за плечи и начала покрывать его спину поцелуями. Он другой, все будет по-другому, он не хотел ее обидеть, он боялся сделать ей больно. Она прильнула к его спине всем своим телом. Ее руки обвились его тело и продолжая целовать его спину, она потянулась к ремню. Несколько секунд он пытался осознать, что же происходит, а потом она запустила свою руку в его штаны и все сомнения вылетели из его головы, когда нежные пальцы сомкнулись, сжимая его возбужденную плоть. Он дал ей несколько мгновений, а потом убрал ее руку и резко повернулся к ней лицом и припал к ее губам.

— Негодница, — прошептал он. — Я едва рассудка не лишился, когда понял, что и сегодня я не смогу обладать тобой, Беда. Теперь придется начать с самого начала.

Он опустил ее на постель и с упоением начал ласкать, вздрагивающее под каждым прикосновением тело. Уверенным движением он сдвинул ее бедра к краю кровати и опустился перед ней на колени, забросив ее ноги себе на плечи. Когда он прикоснулся к ней она вздрогнула и обмякла. Первым желанием было свести колени, но он не позволил ей, лишь еще нежнее прикоснулся губами к внутренней поверхности ее бедра. Она застонала и попыталась вырваться, не для того чтобы бежать, а для того, чтобы быстрее его раздеть, быстрее ощутить тепло его тела внутри себя. Он опять сдержал ее уверенным твердым движением и продолжил свои ласки. Она вздрагивала, стонала, вырывалась и падала без сил. А он все не останавливался. Она потеряла счет времени, один всплеск сменялся другим и каждый следующий был сильнее прошедшего, ей казалось, что она вот-вот взорвется, от переполняющего ее желания, а он все не останавливался. Потом он оторвался, и она смогла перевести дыхание, пока он избавлялся от штанов и сапог. Она хотела подняться, хотела увидеть его, но не смогла, ее трясло от множества пережитых экстазов. И когда он вновь коснулся ее бедер, она опять вздрогнула.

— Прости, милая. Я больше не могу, — извиняясь прошептал он, сдвинул ее еще ближе к краю кровати и нежно развел ее колени.

Она ощутила жар его тела. Он сжал ее бедра, удерживая ее от движений и медленно, но решительно овладел ею. Она застонала при первых же движениях, потом вскрикнула и попыталась вырваться. Он удержал ее, поглаживая бедра.

— Тише, Беда. Я и так с трудом сдерживаюсь. Я уже давно отвык от таких испытаний. Тише... если ты дернешься еще раз, сама причинишь себе боль, я не лучший выбор для первого мужчины. Прекрати брыкаться, девочка. Если ты не прекратишь дергаться, я остановлюсь и спать пойду.

Она честно попыталась сдержаться, но у нее ничего не получалось. Ей казалось, что он слишком осторожен, слишком медлителен, ей хотелось всего и сразу, а он, словно нарочно, едва поникнув в нее останавливался. Она попыталась перехватить инициативу, но он не позволил, решительно остановил ее. Он прижал ее к кровати и заглянул в глаза.

— Ты думаешь мне не хочется этого? Ты думаешь, что я специально мучаю тебя и себя?

Она не ответила, лишь застонала и попыталась обвить его бедра ногами.

— Так нельзя, Беда. Ты не понимаешь. Доверься мне. Все будет, но в свое время, мы же не хотим, чтобы тебе было неприятно, правда? Так что замри и не мешай, иначе пеняй на себя.

Она смирилась, но лишь на несколько мгновений, а потом она перестала вырываться и пошла на хитрость, она села и оказалось с ним лицом к лицу. Улыбнувшись она припала к

его губам, а потом ее нежные губы начали ласкать его шею, руки гладили широкие плечи, легонько царапая.

— Прекрати, Беда. Да чтоб тебя, демоница.

Он сделал резкое движение и прикрыл ее рот ладонью заглушая крик.

— Несносная девчонка! — выдохнул он ей на ухо. — Просил же. Ну все, самое страшное позади, милая, дальше все будет проще и гораздо приятнее.

Он нежно покусывал мочку ее уха. Едва он начал двигаться она забыла о пронзившей ее минуту назад боли и сладко застонала. Она поняла почему женщины вились около него стаями. Нежность и сила сливались в нем, составляя идеальное сочетание. Больше он не сдерживал ее, упиваясь ее порывами. Она потеряла счет времени, едва не лишаясь сознания от переживаемых эмоций, которые накрыли ее с головой, унося в поднебесную высь. Когда все закончилось он нежно уложил ее поудобнее, она не могла пошевелиться. Он гладил ее плечи, целовал шею, нежно обнимал, прижимая к себе.

— Теперь ты только моя, Беда. Я никогда тебя не оставлю. Ты моя, — шептал он ей на ухо.

Так она и уснула. Наслаждаясь его нежностью.

Едва проснувшись, она испугалась, что ей все приснилось, но теплое ровное дыхание на шее и тяжелая рука, лежащая на ее бедре, уверили ее, что все было именно так, как она помнила. Ее охватило желание повторить все еще раз, и она вывернулась из его объятий и уложила его на спину, нежно прикоснулась к исцарапанным плечам губами. Он открыл глаза и улыбнулся.

— Ненасытное дитя, — он протянул руку к ее голове и нежно потрепал растрепанные волосы. — Может сперва перекусим?

Она улыбнулась, обнажив зубы и отрицательно мотнула головой. Сбросив с него одеяло, она села на него, продолжая ласки. Он не сопротивился, позволяя ей все, что она решалась делать. Она видела, как в нем возрастает желание. Но он продолжал наслаждаться неловкими ласками с мягкой улыбкой на губах. Испробовав все, на что хватило еще не искушенного воображения, но не получив желаемого результата, она почувствовала себя никчемной и готова была уже расплакаться. Она не знала, что делать дальше. Он приоткрыл глаза и заметил ее замешательство.

— Ты просто беда, девочка.

Он крепко обнял ее и уложил на спину.

— Такая милая, робкая и настойчивая. Что тебе нужно от меня?

Она забросила ноги на его бедра.

— Ты, мне нужен ты.

Он улыбнулся и исполнил ее желание. Уставшие, но довольные они приступили к еде. Они сидели голыми в постели и кормили друг друга, обливались вином, слизывая его с обнаженных тел и снова придавались любви. Они не выходили из комнаты весь день, лишь к вечеру к ним постучался хозяин, требуя оплаты за еще один день. Лерд потребовал еще еды и выпивки. Когда он приоткрыл дверь, чтобы забрать принесенное и расплатиться с хозяином, корчмарь увидел, что на смятой постели, прикрывая бедра простыней, лежит юна девушка, глаза которой светятся счастьем.

— Вам может воды принести, господин менестрель?

— Воды? Принеси воды и большую бадью, хочу искупать свою беду. Отличная идея, хозяин.

Он поливал ее водой, смывая соленый пот и сладкое вино с ее нежного тела. Она улыбалась, наслаждаясь каждым мгновением, а потом игриво потянула его за шею и пока целовала набрала полные ладони воды и плеснула ему на грудь. Он улыбнулся и достал ее из бадьи, поставил на пол, покрывая ее чистое тело поцелуями.

— Ты грязный и плохо пахнешь, — отбивалась она от него.

Вырвавшись она забежала за кровать и в него полетела подушка. Он поймал метательный снаряд и отбросил в сторону.

— Хочешь поиграть, дитя? А ты знаешь, что я сделаю с тобой, когда поймаю?

— Неа, не знаю, но могу предположить. Но меня еще нужно поймать.

— Я тебя отшлепаю, несносная девчонка. А потом... Нельзя же так издеваться над немощным стариком.

Она весело засмеялась. И метнулась в сторону от его рук. Она не долго убегала, ей не хотелось убегать, ей хотелось быть пойманной. Он крепко сжал ее руки и повалил на постель. Она упала, рыжие волосы разметались по смятым простыням, она улыбалась.

— Я обещал тебя отшлепать, Беда. А я всегда держу слово, — он повернул ее на живот и легонько шлепнул.

Она игриво подставила попку для очередного удара.

— Невыносима, — констатировал он и обхватив ее за талию поставил ее на колени.

Насладившись друг другом, они опять уснули.

Утром они расплатились с недовольным хозяином, судя по всему их игры не давали ему спокойно спать. Но они были равнодушны к его настроению. Они были счастливы.

Тогда все стало просто. Они вместе путешествовали, пели, вместе ели и проводили ночи. Они были счастливы. Но счастье двух убийц не может длиться долго. Им было отпущено всего несколько месяцев. В тот ужасный день она осталась одна на несколько часов, Лерд отправился покупать провиант и новую одежду, во время последней игры он случайно разорвал на ней всю одежду, теперь нужно было что-то на смену. Энель вышла на улицу подышать вечерним воздухом, предвкушая сладость приближающейся ночи. Она ничего не услышала, замечтавшись. Она не успела даже пискнуть, когда грубая крепкая рука зажала ей рот, кто-то ловко скрутил ее запястья за спиной. Больно впилась в кожу веревка.

— Спокойно, я лишь доставлю послание и отпущу тебя. Поняла? Не заставляй меня душить тебя, это, конечно доставит мне удовольствие, но это не входит в мои планы. Будешь слушать?

Она кивнула, в сгущающихся сумерках она смогла рассмотреть на руке, зажимающей ей рот рисунок черного ворона. Все внутри нее оборвалось.

— Отлично, ты уже поняла кто я, это упрощает мою задачу. Ты знаешь кто твой любовник?

Она кивнула.

— Отлично, еще проще. Ты знаешь зачем я здесь?

Ее сердце перестало биться, она с трудом проглотила слюну и опять кивнула.

— Хорошо. Хочешь что-то сказать?

Она кивнула.

— Закричишь, убью, — пообещал мужчина и убрал руку, зажимающую ей рот, но в спину уперся кинжал, она почувствовала его холод даже сквозь одежду.

— Не тронь его. Он ушел от вас. Я освободила его от клятв. Я сказала, что он больше не ворон.

Мужчина хрипло рассмеялся.

— Идеалист Лерд. Узнаю своего брата. Нельзя стать бывшим вороном, девочка. Ворон всегда остается вороном, никакие слова не могут этого изменить. Так что выбрось из головы эти глупости.

Она кивала головой и старалась избавиться от веревки на запястьях. За отворотом ее куртки аккуратно устроился и ждал своей очереди небольшой ножик. Нужно было только достать его. Чтобы ее движения были незаметны, нужно повернуться лицом к Ворону.

— Можно мне повернуться, я не люблю разговаривать стоя спиной к собеседнику.

Мужчина хмыкнул и резко дернул ее за плечо поворачивая к себе лицом.

— Ну-ка, дай рассмотреть тебя, деточка. Очень уж интересно, что за птица вскружила голову Лерду.

Он бесцеремонно приподнял ее лицо за подбородок, чтобы рассмотреть в свете луны.

— Странно, ничего особенного, у него были и покрасивее и с большими достоинствами, а твои прелести и не различить под курткой, не знал бы что ты девка, за пацана бы принял. И что же ты хотела мне сказать, деваха?

Ножик уже разрезал половину веревки, нужно было еще немного времени.

— Не трогайте его, отпустите, он же не хочет больше быть одним из вас, он так давно ушел, оставьте его, — взмолилась она, пуская слезу.

В это время веревка ослабла, и она перехватила ножик для нападения, но не успела ничего сделать, мощный удар в челюсть остановил ее порыв. В глазах потемнело, но ей не дали упасть, а уложили на землю и обыскали, изъяв все оружие, что было у нее при себе. Сознание медленно возвращалось, руки ее опять были связаны, теперь уже более надежно, рядом сидел высокий мужчина в черной маске, перед ним на земле было разложено все ее оружие.

— Лерд хорошо тебя обучил, я едва не попался на твои уловки, дитя, но тебе не хватает опыта. С такими, как я — тебе еще рано тягаться. Итак, вернемся к основной теме нашего разговора. Ты хочешь, чтобы я сохранил ему жизнь?

— Да, — твердо ответила она.

— Хорошо, но ты же понимаешь, что я не могу не выполнить задание и вернуться с пустыми руками.

— Какое у тебя задание?

— Не это важно, дитя. Но у меня есть предложение. Жизнь, за жизнь. Я оставлю его и живых, но убью тебя.

— Я согласна, — ни секунды, не колеблясь решительно заявила она.

Мужчина чуть внимательнее взглянул на нее.

— Так ты его действительно любишь, дитя? Любишь так, что готова отдать свою юную душу, спасая этого развратника? Как интересно, а что бы сказал он, предложи я такой выбор ему? Ты не думала об этом?

— Это не важно, — твердо сказала она. — Убей меня.

— Странно, — пожал он плечами. — Но это уже не моего ума дело.

Из темноты выступила фигура в темном плаще.

— Ну, здравствуй, Энель, девочка моя.

Она вздрогнула. Ворон пришел не один. Та, от которой она пыталась бежать все это время, была здесь. Лунный свет вырвал из тьмы высокую прическу и добрую улыбку ее Святейшества, главы церкви, преподобной Матери.

— Долго же ты бегала, малышка. Я успела соскучиться по тебе. И вот когда мне повстречался этот достойный человек, я поняла, как тебе удавалось так долго скрываться от моих глаз. Он не убьет тебя, Энель, я не позволю ему. Слишком много надежд я возлагаю на тебя, дитя.

— Ваше Преподобие, я бы склонилась в поклоне, но делать это связанной и лежа на земле не слишком удобно, — зло огрызнулась она.

— Узнаю мою девочку, — рассмеялась седовласая женщина.

— И что же за интриги связывают церковь и наемных убийц?

— Все просто, девочка моя. У нас тоже есть неугодные и неудобные люди, которых проще устранить, чем переубедить. Видящие — слишком чисты, для тайных убийств они не подходят, Ищущие — тоже не подходят, на Нейтралов мы не имеем никакого влияния. Поэтому иногда нам приходится прибегать к услугам черного братства. Но они берут очень высокую цену, поэтому почти десять лет назад я решила обзавестись собственным Вороном, который будет служить только интересам церкви. Магистр подробно описал мне процесс тренировок и посоветовал искать кандидата среди уличных воришек не старше семи лет. Так мы и встретились с тобой, девочка моя. Вороны не берут девочек, но я решила, что это знак судьбы. Я следовала всем советам магистра в процессе твоего обучения. И даже позволила тебе бежать, как это принято у них. По словам магистра, ты должна была вернуться не позднее трех-четырех месяцев, Энель, но ты все не возвращалась. И тогда я забеспокоилась. И начала тебя искать. Помощь Воронов и здесь оказалась кстати. Мы нашли тебя и узнали с кем ты путешествуешь. Лерд уже давно приговорен к смерти, поэтому мы здраво рассудили, что, если убрать его, ты вернешься, но те двое недотеп, которых отправил магистр на это задание, не справились. Полукровка не пострадал, а вот ты была серьезно ранена.

— Это вы их послали?

— Конечно, я же говорю, ты очень ценна для меня, девочка. А потом, мы опять вас потеряли из виду на несколько месяцев. И вот, неделю назад, тебя узнали, донесли кому надо, и мы здесь. А вот тут уже начинается интересное, мы узнали, что теперь ты не просто его спутница, он стал твоим любовником, Энель. Теперь над ним нависла неминуемая смерть. Во-первых, вороны жаждут его крови, во-вторых, ни один мужчина не может остаться в живых после того, как спал с тобой, Энель. Ты моя, мое создание, мой план. Ничто и никто не должно отвлекать тебя от той цели, которую я указываю. Ты не можешь просто взять и влюбиться, отречься от меня и от Создателя. Твоя жизнь принадлежит мне. И теперь мне придется позаботиться о том, чтобы ты больше никогда его не вспоминала. Ты принадлежишь Создателю и мне, Энель.

— Оставьте его, — твердо проговорила она. — Не смейте его трогать, иначе меня вам тоже не получить.

Она оторвала от воротника маленькую горошинку и сжала ее в зубах. Ворон бросился к ней, но замер в шаге.

— Что это? — удивилась Преподобная.

— Яд. Лерд действительно хорошо ее обучил. Стоит ей раскусить эту горошину и через несколько минут она умрет, противоядия нет.

— Как ты мог пропустить это? Я все доложу твоему магистру, — разочаровано всплеснула она руками. — Успокойся, Энель. Именно это я и собиралась тебе предложить. Мы оставим ему жизнь, я даже позволю тебе с ним проститься, дам тебе эту ночь. Но утром, ты уйдешь. Оставишь его навсегда. И больше никогда не будешь искать встречи с ним. Ты

должна запомнить, девочка, если ты нарушишь этот запрет. Он умрет. За ним постоянно будут следить его братья, любая твоя попытка, будет стоить ему жизни. Но если ты добровольно завтра утром отправишься со мной и будешь служить мне и Создателю, он будет в безопасности. Он доживет до седых волос и умрет своей смертью. Его жизнь в обмен на твою верность. Выбор прост. Тебе нужно принять решение, милая, сейчас.

— Я согласна. Клянись кровью Создателя, что не нарушите своего слова.

— Клянусь, девочка. Он мне не интересен, мне нужна ты. Я буду ждать тебя в конюшне, когда взойдет солнце. Не опаздывай, иначе я усомнюсь в твоей верности. Освободи ее и верни ей оружие. До утра, девочка моя.

Ворон разрезал веревки, стягивавшие ее запястья. И подал руку, помогая подняться. Она презрительно фыркнула и оттолкнула его.

— Я буду ждать тебя, девочка моя.

— Я приду, — коротко бросила она.

Войдя в их комнату, она оперлась спиной на дверь и опустившись на пол заплакала. Лерд услышал ее всхлипывания еще на лестнице, поэтому открывая дверь, он был готов увидеть все, но только не то, что увидел. Его смелая, отважная Беда сидела на полу растирая по лицу горькие слезы.

— Беда, милая, что с тобой? Обидел кто-то?

— Лучше бы обидел, Лерд, — она повисла у него на шее.

— Девочка моя, что случилось?

Она зажмурилась и опять разрыдалась, пряча лицо на его груди. Он гладил ее по волосам и шептал нежности, но это не успокаивало ее, она лишь заходило в очередном приступе истерики. Прошло несколько часов, пока он понял, что единственно верным решением, будет жесткое приведение в чувства.

— Все, детка, хватит. Объясни толком, что случилось. Поверь мы сможем найти выход из любой ситуации, мы же вместе.

Она подняла на него заплаканные глаза.

— Прости меня, Лерд. Другого выхода не было. Он убьет тебя, если я послушаюсь.

— Постой. Кто меня убьет, кого ты слушаешься.

Она всхлипнула. И сбивчиво рассказала ему о том, что это их последняя ночь, что ей позволили лишь проститься с ним и завтра она должна уйти. Он молча слушал ее.

— Ты не должна была так поступать, Беда. Это моя жизнь, я не хочу покупать себе жизнь ценой твоей свободы, ценой твоей души, милая. Я предпочел бы умереть, но не отдавать тебя им.

— Нет, Лерд. Я не смогу так. Ты будешь жить, и я буду жить, просто мы не сможем больше никогда увидеться, никогда больше я не поцелую тебя. Никогда больше твои губы не прикоснуться к моей шее. Но мы будем живы, Лерд. Это правильно, любимый. Однажды мое служение закончится, и я найду тебя.

— Моя малышка, — он поцеловал ее. — когда твое служение окончится я буду седым старцем.

— Не важно, это совсем не важно, Лерд.

Он улыбнулся, прижимая ее к своей груди.

— У нас осталось так мало времени, любимая, давай больше не будем его тратить на разговоры.

Он поцеловал ее в губы и подхватив на руки, отнес в кровать.

Он спал в изнеможении, когда она тихонько выскользнула из-под его руки и быстро собралась. Тяжело вздохнув, она вышла из комнаты, так и не решившись его поцеловать в последний раз.

Крепко сжимая уже опустевший кувшин, она сидела у походного костра. Высоко в небе слабо поблескивали тусклые звезды, луна медленно продолжала свой путь. По-зимнему холодный ветер пробирал до костей. Руки коченели, пальцы уже плохо слушались. Она поднесла замерзшие руки к огню, чтобы согреть. Острое покалывание в пальцах сказало, что пора убирать пальцы от огня, но она не спешила. Она смотрела на огонь и хотела, чтобы так же просто, как сейчас она смогла отогреть свои руки, можно было согреть ее сердце. Ей так хотелось снова почувствовать тепло в душе. Она закрыла глаза, пытаясь заглянуть в свою душу, но долгие годы она возводила ледяную стену, стену, которой она отгородилась от всего, стену, за которой спряталась, та наивная девчушка, которая просила опытного убийцу стать ее учителем. Но стена эта была неприступна и нерушима. Замурованной в ледяных скалах осталась Беда. Теперь она не могла себе позволить такой слабости. Она стала мудрее и старше, гораздо старше. Она закрыла глаза, сдерживая подступающие слезы.

— Где же ты, Лерд? Где ты Ворон? Как бы мне хотелось увидеть тебя. Увидеть, чтобы понять, что все было не напрасно.

Но она знала, что никогда его не увидит. Потому что, если увидит, это принесет смерть одному из них. Таковы были условия. Она знала, что он жив и продолжает свое странствие, она знала все о нем, теперь ей не нужно было лично его выслеживать, для этого были агенты и информаторы. Она знала, но этого было так мало...

— Стрелочка? — вернул ее в реальность спокойный голос Калена. — Ты что тут сидишь? Ты что еще не ложишься?

Лишь мгновение ей потребовалось, чтобы вернуть себе самообладание, когда она повернулась к командору ее лицо ничего не выражало, каменная, нет, ледяная маска.

— Командор, — она улыбнулась. — Не спиться вот. Сижу вино пью, составишь компанию?

Ей совершенно не нужна была компания, но, если бы она не спросила, он бы удивился. Но она совсем забыла о новых особенностях старого друга, Кален внимательно изучал ее.

— Не уходи никуда, Энель. Я сейчас посты проверю и вернусь к тебе. Кажется мне, что нам пора поговорить. И твоя натянутая улыбка, Энель, не обманет меня, я не вижу ее. Мне очень не нравится то, что я вижу.

Она зло выругалась про себя.

— Говорили же тебе, Беда, не води дружбу с Видящими. Кто бы еще мог тогда мне сказать, что у меня в друзьях будет такой Видящий, от которого ничего нельзя скрыть.

Она отчаянно стукнула себя по лбу кулаком. Но отступать было нельзя, теперь он не оставит ее, пока не докопается до истины. Нужно что-то срочно придумать, полуправду, чтобы он не почувствовал обмана. Но в голову упорно ничего не шло. Столько лет она хранила свою тайну, столько лет не позволяла себе даже вспоминать о своем прошлом, о

своем бегстве. И вот в самый неподходящий момент появился тот, кому нельзя солгать. Мир рушится, красный дракон свободен, скоро придет конец всему, какой уже прок в тайнах? Ведь почти все, кого это касалось уже мертвы. Быть может настал момент истины? Пора открыть другу правду? Чтобы он понял, кого он нежно называет Стрелочкой. Он вернулся с двумя кувшинами. Без слов подал ей один из сосудов и бесцеремонно уселся рядом с ней.

— Пришло время, Энель, — спокойно сказал он. — Я всегда знал, что ты скрываешь свое прошлое и никогда не заговаривал с тобой об этом. Но весь мир сошел с ума, и я хочу знать, кто скрывается за той маской, что ты носишь.

— Зачем, Кален?

Он внимательно посмотрел в ее глаза и улыбнулся уголками губ.

— Чтобы облегчить твою боль.

— Не понимаю, о чем ты, — невинно пожала она плечами.

Он расстегнул застежку на меховом плаще и небрежно набросил его на плечи подруги.

— Ты думаешь я не догадывался все это время о том, что ты не просто правая рука Преподобной? Ты действительно считаешь, что я слеп, глух и глуп? Ты так боишься, что я узнаю, что тебя воспитывали, так же, как готовят Воронов, только с самого детства? Ты считаешь, что меня напугает общество убийцы? Я и сам убийца, Энель. Я не стану тебя осуждать.

— Ты знал? Давно?

— Всегда, — улыбнулся он. — Я был любимцев Преподобной, ты же знаешь. Однажды она вызвала меня на аудиенцию. И рассказала все о тебе. Мы тогда уже сдружились, и она опасалась, что это может далеко нас завести, мы ведь были так молоды. Она считала своим долгом охладить мой юношеский пыл и предупредить, что меня ждет кинжал на следующее же утро. Она сказала, что это закон, и даже ради меня, она не станет его изменять и порекомендовала держаться от тебя подальше. Но я не послушал ее, и очень этому рад, Стрелочка.

Он поднял кувшин.

— За твоё здоровье, Тень. Ты замечательный друг.

— Ты знал все? — удивленно бормотала она. — И никогда не подал вида? Ни словом, ни взглядом ты...

— Меня учили этому, Энель, с детства, как и тебя. Для того, кто видит обман, обманывать становится очень просто, — пожал он плечами. — У каждого из нас свои призраки прошлого. Вот только грядет новый мир, не знаю, чем он будет отличаться от настоящего, но перед вступлением в эту новую жизнь, всем нам придется пройти обряд очищения, у каждого он будет свой, но я уверен, что будет. Так что же терзает тебя теперь, Стрелочка? Я вижу твои муки, даже теперь, когда ты знаешь, что никогда мне не лгала?

— Однажды я сбежала от Преподобной, — она смотрела на его реакцию, но он лишь кивнул головой и опять подарил ей добродушную улыбку и продолжил за нее.

— Испытание. Ничего умнее еще никто не придумал. У каждого ордена свое испытание, но каждый прошедший обучение должен доказать свою пригодность к служению. О твоём испытании я тоже все знаю. Ты пыталась забыться в объятиях Ворона-полукровки, — он задумался. — Лерд. Интересный выбор. Я встречал его. Лично мое мнение — староват он для тебя. Даже его эльфийские корни не могут скрыть этого.

Она смутилась.

— Не думала, что Преподобная рассказала тебе и об этом.

— Не она, — отпивая сказал он. — Сам Лерд. Ты знала, что он написал балладу об этом? Конечно, там нет ни одного имени и поет он ее только на эльфийском, но так уж случилось, что со мной в тот день был один юный маг-эльф. Он-то и перевел мне все. А вот прочитать чувства исполнителя не составило труда. Сейчас вспомню, он называл тебя Бедой в своей балладе. Я сразу понял о ком он поет, вот уж не скажу тебе почему. Просто понял, что рыжая копна волос и зелень вольных лесов в глазах в сочетании с мастерским владением кинжалами, хитростью и непредсказуемостью — это точно про одну мою знакомую. А потом мы с ним мило поболтали, ты же знаешь, я могу быть очень убедительным, когда докапываюсь до истины.

— Ты, — вспыхнули ее глаза.

— Тише, Беда. Не причинил я ему вреда, мы просто напились с ним. Эльфы почти не пьянеют, но тогда он здорово набрался и начался мужской душевный разговор. Он не мог предположить, что я знаком с тобой. Но каждое его слово, укрепляло меня в догадке. Единственное чего я так и не понял, это почему ты отказалась от любви?

— Ты еще спрашиваешь? Ты, который сам поступил точно так же?

Он отвел взгляд.

— Долг? Но ведь в тот момент ты была свободна. Ты еще не прошла испытание, ты могла не возвращаться в монастырь. Что побудило тебя?

— То же, что гнало тебя через пол мира, когда Мирра была в плену.

— Ты отказалась от любви, потому что любила? Ничего не понимаю.

— Не удивительно, командор.

— Я вижу, как в тебе закипает гнев, Энель. На кого ты сейчас злишься?

Она сделала большой глоток вина, ей предстояло разрушить светлый образ, сложившийся в его голове, и она не знала, как это сделать и опасалась последствий, хотя теперь это уже и не имело значения. Мир менялся, им всем нужно было меняться, чтобы найти свое место в этом новом мире.

— Ты сказал, что тот, кто видит обман становится отличным лжецом. Так вот, мой друг, ты долгие годы благоговел перед самой искусной лгуньей. Ее Святейшиство была далеко не святой. Она поставила меня, тогда еще совсем юную девчонку, перед выбором. Я должна была служить или они бы убили его.

— Лерда? — уточнил Кален.

Она кивнула.

— Того единственного, кого я любила, того, кто любил меня.

Она не смотрела на него, но даже если бы и смотрела не смогла бы различить мелькнувшее в добрых голубых глазах сочувствие, смешанное с презрением. Он быстро взял себя в руки и решил, что не стоит омрачать светлые воспоминания подруги, известными ему подробностями, рассказанными Лердом при их пьяной беседе.

«— Красивая баллада, Лерд, — икнул голубоглазый юноша. — Только очень печальная.

— На самом деле все еще печальнее, чем я спел, Кален. Гораздо печальнее. Правда всегда грубее и банальнее, чем в песнях.

— Да ты что? — продолжая разыгрывать пьяного, удивился Кален. — Неужели может быть что-то печальнее?

— Может, мой юный друг. Ложь всегда печальнее, а предательство — непростительно.

— Не могу понять, — расплылся в улыбке Кален, подливая Лерду крепкий эль.

— Я предал ее. Понимаешь?

Кален насторожился. Он уже давно понял о ком эта песня. Понял все то, что пытался передать певец. Он давно научился читать между строк, но не почувствовал предательства, только острую боль. Менестрель искренне переживал каждый момент. В его груди болью отдавалось каждое слово.

— Не понимаю, — опять глуповато улыбнулся юный Видящий.

— Это было лишь игрой. Все, что случилось с нами. Все было обманом, я лгал ей. Я знал о ней все. Она была лишь заданием, моя Беда, — Лерд сокрушенно покачал головой. — Это было простым заданием, вернуть беглянку. Заставить ее вернуться. Но все пошло не так. В том нападении все было рассчитано, мой брат должен был ранить меня, и тогда мне предстояло с ней поговорить и сказать, что она сможет отомстить Воронам, лишь вернувшись на путь убийства. Но эта девчонка, истекая кровью, приняла на себя удар, защищая меня. Понимаешь?

Кален понимал. Теперь понимал. Но не то, что пытался сказать певец, а к нему пришло понимание того, что он видел в глазах Энель, какую боль она несла, чем она пожертвовала. В нем закипал гнев. Он решил немедля отправиться к ней и все рассказать, чтобы облегчить ее страдания.

— А потом, — прервал цепь его мыслей Лерд. — Потом случилось невозможное. Выживая ее, я влюбился. Впервые в жизни, я понял, что есть человек, который мне дороже жизни. Засыпая рядом с ней, я готов был отдать свою жизнь, только чтобы спасти ее. Она была необыкновенной. У тебя было много женщин, парень?

Кален предпочел промолчать, пьяный менестрель вряд ли вспомнит их разговор завтра.

— А у меня было очень много женщин, но она... Ты знаешь, — внезапно протрезвев Лерд пристально взглянул в глаза Видящего. — однажды ты поймешь меня. Когда надежды уже не будет. Ты встретишь ту, ради которой готов будешь на невозможное. Поверь мне... На пути каждого мужчины встречается такая и главное, не упустить ее, не позволить ей уйти. Ты должен держать ее, быть рядом с ней. Только с ней. Она станет твоей жизнью, как Беда стала моей. Это видимо мое проклятье... Я должен жить с этим. Должен жить, потому что она пожертвовала всем, чтобы я мог жить.

Лерд опустил голову.

— Что было дальше, Лерд?

— Дальше? Она тоже полюбила меня. Однажды, она ушла. Сказала, что не может больше так жить, жить каждую секунду опасаясь нападения. Ты понимаешь? У нее получилось! Она изменилась. Она была готова к обычной жизни! Я отпустил ее. Я надеялся что она исчезнет, надеялся, что больше никогда не увижу ее, и этим спасу. Я готов был понести наказание за невыполненное задание, только бы она была жива, была свободна, была счастлива. Но она вернулась. И больше я не смог ее отпустить. Каждый день я боялся, что появится заказчица, каждый день я молил всех богов подарить нам еще день, хотя бы один. А потом, спустя три месяца появился мой брат Ворон и сказал, что сегодня все должно закончиться.

Он не стал наливать себе. Выпил прямо из кувшина.

— Я мог восстать, мог забрать ее и спрятать, но не сделал этого. Я не стал сражаться за нее. Никогда, мой юный друг, не повторяй мою ошибку. Дерись за свою любовь до последней капли крови, дерись, пока меч не выпадет из твоих мертвых рук. Дерись! Иначе, ты умрешь, как я. Я умер в тот день. Я ушел, оставил ее, бросил, предал. И она ушла. Ушла, считая, что спасет этим меня! Она так любила меня! Хочешь знать, что было потом, когда

утром за ней закрылась дверь?

Кален молча налил себе эля и коротко кивнул. Он хотел знать, ведь это была правда, а его учили искать правду. Энель была другом, нужно было знать правду.

Лерд кивнул и продолжил рассказ:

Я сел в постели едва за ней закрылась дверь.

— Прощай, Энель. Прощай моя беда, — это все что я смог тогда сказать.

Я стоял у окна, наблюдая, как две всадницы выезжают за ворота. Она не оглянулась и это было правильно. Боль пронзила сердце, я понял, какую совершил ошибку, опустил глаза и стал медленно собирать вещи. Дверь в комнату приоткрылась и рядом оказался тот самый Ворон, который вчера смог захватить врасплох Энель.

— Отлично разыграно, как по нотам, — глухо рассмеялся он. — У вас эльфов видать в крови актерство. Такой затяжной спектакль, но ты молодец, терпеть рядом эту маленькую занозу столько времени. Ты что грустишь, брат?

— Да, что так заметно? — огрызнулся я, подошел к нему и коротко ударил его в челюсть. — Это за нее, ты не должен был причинять ей вреда.

Мужчина потер место удара.

— А ты не должен был ей яд давать. Она едва не покончила с собой.

Я застыл и непонимающе посмотрел на Ворона.

— Я что дурак, по-твоему? Я не давал ей яд.

Мужчина снял черную маску и расхохотался.

— Она провела меня и заказчицу. Одуреть. У этой крошки отличные задатки.

— Ты не представляешь на сколько ты прав, брат.

— Я не узнаю тебя, Лерд. Это было всего лишь задание...

— Она любила меня, понимаешь? Не так как другие. Искренне, беззаветно, так, как может любить только чистая душа. Что они сделают с ее душой? Что будет с ней теперь?

— Ты тревожишься о ней? Что с тобой? Неужели ты действительно в нее влюбился, Лерд?

Я не ответил. Я стоял в изголовье кровати любуясь несколькими рыжими волосками, оставшимися на подушке, после нашей последней ночи.

— Вот так все для меня и закончилось, парень. Только несколько волосков на подушке и воспоминания, — он порывисто схватил Калена за руку черные глаза в упор смотрели в голубые глаза Видящего. — Никогда не отпускай свою любовь, парень. Потом будет только боль. Боль, по сравнению с которой, все остальное покажется лишь игрой.

Кален отвел его в комнату и закрыл дверь, давая возможность менестрелю проспать. Поэтому даже он не знал о том, что случилось потом.

Лерд услышал, как удаляются шаги юноши. И спокойно сел в кровати. Он налил себе воды и улыбнулся. Все было кончено. Парень не заметил подвоха, он был слишком увлечен рассказом, докапыванием до истины в прошлом, и не заметил обмана в настоящем. Эльфийская кровь сделала Лерда устойчивым к алкоголю, но, если бы он не изобразил пьяного, парнишка бы ему вряд ли поверил. А так, все было просто. Нужные слова были сказаны и теперь рано или поздно, паренек обязательно расскажет Энель, о том, как ее обманули. И освободит этим рассказом. Ведь если она поймет, что все было подстроено, наверняка она разозлится, и перестанет думать о судьбе обманщика. Главное, чтобы парень

не тянул с этим, чем быстрее она узнает правду, тем быстрее сможет бежать от ненавистных воспитателей. Он многому ее научил и верил, что на сей раз, она сможет скрываться и без его помощи. Конечно, паренек подпишет ему смертный приговор, Вороны всегда держат слово и когда ее Приподобие потеряет свою Энель, конечно, все ее негодование обрушится на голову Лерда, но он был готов принять этот удар. Он понял, что готов умереть, чтобы освободить ее. Только бы не было слишком поздно. Только бы его посланец не стал дожидаться удобного момента. Быть может она сама захочет его убить, тогда он сможет еще раз посмотреть в ее зеленые глаза. О большем он и не мечтал, только увидеть ее еще хотя бы раз, увидеть свободной. Лерд видел, как юноша вместе со спутником отправились в путь немедля и улыбнулся.

— Поспеши, Видящий. Помоги мне исправить мои ошибки.»

Кален поднял кувшин и обнял подругу за плечи.

— Стрелочка, иногда пути судьбы очень запутанны. На нашу долю выпадают испытания, которые кажутся непреодолимыми, но все мы дети Создателя, он знает итог. И ведет каждого к его судьбе. Ты грустишь о потерянной любви, но смогла найти нужные слова, чтобы вернуть мне веру в любовь, чтобы я смог сделать решающий шаг. Ты, моя дорогая подруга, еще не встретила того мужчину, который станет твоей судьбой. Мы часто заблуждаемся и теряем надежду, а потом и веру. Но однажды появляется человек и все изменяется. Я — живой пример тому. Я должен был встретить Мирру, встретить, чтобы понять кто я, на что я способен. И теперь, я не представляю своей жизни без нее. Даже когда она далеко от меня, я знаю, что она думает обо мне. Иногда мне кажется, что я слышу ее голос, а на грани сна и реальности я вижу ее образ.

— Тоже мне сравнил, — усмехнулась Энель. — Ты свою Мирру еще даже и не целовал толком, представь, что было бы с тобой если бы вас связывали бурные ночи? Что было бы с тобой если бы ты знал, как она засыпает в твоих объятиях? Как она прижимается к тебе всем телом в сладкой неге? Смог бы ты тогда ее отпускать? Смог бы ты довольствоваться ее призраком? Получилось бы у тебя отпускать ее зная, какой опасности она подвергается ежечасно? Ты не можешь этого представить, Кален, ведь всего этого еще не было. Или я чего-то не знаю?

— Ты знаешь все, Энель. — грустно произнес Видящий. — Однажды мне посоветовали делать все правильно, и дожидаться момента, когда она станет моей женой...

Энель рассмеялась.

— Какие глупости, Кален. Слова вообще не имеют значения. Поверь, она не станет целовать тебя крепче, если над вами проведут церемонию. Жизнь так коротка, Кален, ты никогда не думал, что она может не вернуться?

— Ты причиняешь мне боль, Энель. Конечно я думал об этом...

— И для тебя будет иметь значение была она твоей женой или нет? Или обнимая ее хладное тело ты будешь ненавидеть себя за то, что никогда уже не узнаешь, как бы все было, если бы ты не тянул?

— Замолчи, Энель, — его черты заострились взгляд стал жестким и холодным. — Если я буду обнимать ее хладный труп, меня уже ничто не будет волновать, я буду думать только о том, как отомстить и умереть.

— Прости, друг, я... Это было жестоко. Я только хочу тебе сказать, что не нужно откладывать на потом, не нужно ждать, пока сойдутся звезды. Мы всего лишь люди, каждый день может стать последним, нужно успеть так много.

— У нас не было даже возможности остаться наедине. Мы все время спешили, опаздывали и переживали. Я даже не могу сказать, что хорошо ее знаю. Но, я не сожалею ни о чем. Только о том, что я однажды оттолкнул ее. Если бы я тогда не сделал этого, все было бы проще, гораздо проще...

— Пути судьбы очень запутанны, Кален, ты сам это сказал.

Они рассмеялись.

— Иди отдыхать, Стрелочка. Завтра нас ждет дорога. Кто знает, быть может именно завтра ты встретишь того, кто станет твоей судьбой.

— Я должна убивать каждого с кем проведу ночь, командор.

Кален жестко взял ее за плечи и повернул лицом к себе.

— Ты больше не Ворон. Ты никому ничего не должна, Беда! Ты свободна! Мир рушится, на развалинах старого мира я освобождаю тебя от всех обетов!

— Спасибо, Кален. Но ты не моя жертва, ты не можешь меня освободить!

— Ты плохо меня знаешь, Стрелочка. Я не твоя жертва, но и ты не Ворон. Поверь мне, прошу тебя! Больше никто не сможет управлять тобой, никто не станет говорить тебе, что делать, никто и никогда больше не станет указывать тебе цель, теперь ты свободна сама выбирать путь! Ищи свою дорогу к счастью! Ты его достойна! Оставь прошлое призракам, впереди тяжелый путь, но путь, выбранный тобой, а не для тебя.

Он проводил ее до шатра и поцеловал в щеку на прощанье. Оставшись одна, она укуталась в теплый плащ и попыталась уснуть. Обычно ей было достаточно вспомнить объятия Лерда и сразу становилось теплее, но сегодня она слишком много думала о нем, воспоминания начали причинять боль. Она отогнала мысли о менестреле и закрыла глаза. Неожиданно в голове всплыло воспоминание о том, как мастер меча помог ей подняться, как странно горели его глаза, когда он прикоснулся губами к ее руке. Неожиданно для себя она вспомнила тепло его прикосновений и внимательный взгляд бесцветных глаз. Вдруг ей стало очень тепло, уютно и спокойно. Засыпая, она улыбалась, это видимо ее рок, привлекать мужчин старше себя. И испытывать к ним непреодолимое влечение. Лерд остался в прошлом, так же, как и Кинг, как многие другие. Но мир рушится, все изменяется. Кален прав, она больше не игрушка, не пешка. Создание ордена Хранителей стало ее последней линией, теперь она — королева и может делать все, что ей вздумается. Она добилась своего. Ее служение окончилось. Теперь у нее есть выбор, она вольна вернуться к Лерду, найти его, и утонуть в его черных глазах или же она может сделать еще один шаг вперед и попытаться удачи с другим необычным человеком, человеком, который заинтриговал ее. Который, как она теперь понимала стал ее наваждением. Впервые она не почувствовала укола боли, когда вспомнила о Вороне-менестреле. Она словила себя на том, что ее уже увлекла эта игра, теперь ей хотелось удостовериться в верности баллад о бывшем нейтрале. В конце концов, она ничего не должна Лерду, не обязана хранить ему верность, да и не делала этого никогда. Ее съедало любопытство, она хитро улыбнулась сама себе и пообещала не упустить такой возможности. Теперь нужно было лишь дождаться возвращения Мирры, Гранд наверняка вернется вместе с ней.

Засыпая, Энель впервые за долги годы не чувствовала себя шпионкой. Она устала быть просто Тенью. Не хотела она больше быть Бедой. Она хотела быть просто человеком, просто женщиной. И теперь никто уже не сможет ее остановить. Ну, а если и попробуют она без зазрения совести его убьет, сама, без приказа. Она больше не была частью чужого плана. У нее был собственный план. Странно, что ей потребовалось столько времени, чтобы понять

это и принять. Забываясь спокойным сном, она не почувствовала, как треснула внутри нее возведенная много лет назад ледяная стена.

Глава 11.

— Хватит, человек! Прекрати топтать землю. У меня уже в глазах рябит от твоего непрерывного движения! — злобно рыкнул орк.

— Да успокойся ты, чудовище зеленое! Я просто уже устал от ожидания. В жизни столько не сидел на одном месте, да еще и в такой компании! Сколько еще нам здесь торчать?

— Ты сам сказал, что мы должны ждать ее здесь, — пожал могучими плечами Рыдгар.

— Да где ее столько носит? Зима уже! Он меня точно убьет!

Рыдгар подкинул дров в огонь.

— Кто он?

— Тебе не стоит об этом знать, иначе мне придется тебя все-таки убить. Честно говоря, руки давно чешутся.

Орк обнажил желтые клыки в усмешке.

— В прошлый раз я победил по очкам.

— Ага, а два раза до этого победа осталась за мной, — напомнил Гранд, наполняя котелок свежей водой.

— С тобой приятно иметь дело, человек. Даже проигрывать тебе не позорно. Ты отличный воин.

— Ты тоже, Рыдгар. Но за них, я убью даже тебя.

— Значит она все-таки его уже нашла?

— Я ничего тебе не скажу.

— Твое молчание, Гранд, красноречивее любых слов, — резонно заметил орк. — Ты же понимаешь, что она не вернется, если не найдет то, что ищет. Она с характером! Да еще с каким! Он, наверное, очень сильный мужчина, раз может ее терпеть. Если бы моя женщина была такой, я бы ее поколотил. И не один раз. Это как с мясом, если не побить, будет жестким. А женщина должна быть мягкой и послушной, а с этой, хлопот не оберешься!

Орк покачал головой. Гранд усмехнулся.

— В этом ты прав. Но он с ней справится, когда придет время, она станет нежной и ласковой. Ты просто не видел их вместе, и, надеюсь, не увидишь, — погрозил он ножом орку.

— Я вот думаю, как он встретит ее. Она сильно изменилась. В Лоринге она была, — орк не закончил, опасливо покосившись на мастера меча, который быстро нарезал мясо в котелок. — А когда мы оказались здесь, она была похожа на тех зомби, что поднимала Красная, для нападения на вашу дереvушку.

Гранд вздохнул.

— Не стану с тобой спорить, но не думаю, что он заметит. С ним в последнее время много странностей творится.

— Не только с ними, — буркнул орк.

— А с тобой что уже не так? — насторожился Гранд.

Орк задумчиво почесал за ухом.

— Я — шаман. Раньше я говорил с духами, принося жертвы. Это был ритуал, обряд.

Меня обучали этому, готовили, но, когда она освободилась, что-то пошло не так. Теперь не я говорю с духами, а они говорят со мной. Постоянно. Это словно шум бурной реки, я не могу разобрать слов. Они все кричат и чего-то требуют.

— Да уж, нелегко тебе, орк. Надеюсь, что Мирра сможет с этим разобраться. Если вернется.

— Вернется, — уверенно сказал орк. — Среди прочих я слышу голоса, которые говорят, что она уже в пути, но предупреждают, что она изменилась. Опять изменилась. Она будет меняться, пока не обретет полную силу, пока не обратится в то, чем должна быть. И мне становится страшно, человек. Мне! Рыдгару Бесноватому!

— Бесноватый? Прозвище твое? — улыбнулся Гранд.

— Да, — серьезно ответил орк. — Почему тебя это не тревожит?

Гранд забросил в кипящий котелок нарезанную тушку кролика и помешал отвар.

— Потому что, Рыдгар, чем бы она не стала, как бы она не изменилась, она останется очень светлым и добрым человеком, она никогда не причинит вреда своим близким, и сделает все, чтобы избежать любых жертв.

— Ты так уверен? Но духи говорили о том, что пришло время темного эльфа. Я не знаю о ком еще они могут сказать такое, только о ней. Она стала темным эльфом, эльфом, принявшим сторону тьмы.

— Это пустые слова, Рыдгар. У любого из нас есть тьма в душе. Если ты не видел тьмы как можешь ты быть уверен, что в тебе есть свет?

— Для вояки, ты слишком много думаешь, человек.

Гранд рассмеялся. Они продолжали готовить ужин, браниться и перешучиваться. Но оба насторожились одновременно. Гранд взялся за меч, Рыдгар кивнул и придвинул к себе свой лабрис.

— Двое, — прошептал Гранд.

Рыдгар согласно кивнул и громко потянул воздух, принюхиваясь.

— И собака, — добавил орк, сплевывая.

Они продолжали делать вид, что ничего не происходит, но были готовы в любой момент вступить в бой.

— Вы как всегда настороже, друзья мои, — раздался звонкий голос. — Не стоит встречать меня мечами, хоть я и представляю, что доставила вам массу неприятностей.

— Мирриэль! — Гранд отправил меч в ножны и обернулся.

От края леса в сторону их костра шли двое. Они были почти одного роста, обе фигуры были укутаны плащами, капюшоны закрывали лица. Гранд прищурился, пытаясь рассмотреть их, но ничего не увидел. Рядом с человеческими фигурами вальяжно вышагивал огромный пес.

— Гранд, — Мирриэль вошла в круг света и сбросила капюшон. — Прости меня, друг мой, но я...

— Должна была. Мирра, можешь не объяснять. У меня было много времени, чтобы обдумать все, я не сержусь, но я волновался.

— Знаю, прости. Так было нужно.

Вторая фигура попыталась снять капюшон, но Мирриэль шепнула что-то и капюшон остался на месте. Она подошла к Гранду и обняла его. Он не верил своим глазам. Она была прекрасна. Неверное пламя костра выхватывало из полумрака удивительное доброе лицо, без тени усталости, аккуратные волосы и волшебные чистые глаза.

— Мирра? — недоверчиво присматривался мастер меча к девушке. — Я слышу твой голос, вижу твои глаза, но ты — другая.

Рука его опять легла на меч. Предупреждающе зарычал пес, но теперь Гранд увидел, что это не собака, а огромный волк.

Девушка положила руку на холку зверя и потрепала его между настороженных ушей, что-то шепча. Волк посмотрел на нее и успокоился.

— Это я, Гранд, поверь. Мне многое придется рассказать тебе. Но сперва, мне нужно поговорить с Рыдгаром. Здравствуй, воин, — обратилась она к орку.

Тот не ответил. Внимательно всматриваясь в ее лицо. Его широкие ноздри вздрагивали, он принюхивался, не доверяя зрению.

— Это она, — спокойно подтвердил орк, встретившись с человеком взглядом. — Я чую ее кровь.

— Рыдгар, я нашла их. Теперь ты можешь быть уверен в правдивости древнего духа. Твои собратья отринули злость и жестокость, и теперь им нужна твоя помощь, ибо в настоящий момент они не могут быть уверены в безопасности своего укрытия, а многие поколения мирной жизни отучили их сражаться. Ты нужен им, чтобы они смогли вернуть свою доблесть. Если ты готов, Старый Вуд покажет тебе путь.

Орк не отвечал. Его желтые глаза безотрывно смотрели в глаза зверя. Орк коротко кивнул и быстро собрал свои нехитрые пожитки. Закинув за спину огромный лабрис он подошел к Гранду и хлопнул его по плечу.

— Мне пора в путь, воин. Я нужен своему народу, — он сделал несколько шагов за волком и обернулся. — Я согласен с тобой, Гранд, мы не пойдем где свет, если не познаем тьмы. Я знаю тьму, воин. Теперь я хочу увидеть свет.

Волк медленно направился к лесу, орк пошел следом. Он остановился на опушке леса и обернулся.

— Спасибо тебе, Темная, хоть это больше и не твое имя! Но для меня ты еще долго останешься Темной, я помню вкус твоей крови, я знаю, что чувствовал и хоть мне пока не доступно понимание того, что случилось с тобой, но я вижу изменения. Все меняется, эльфийка. Сегодня я готов назвать тебя другом, хотя встретились мы, как враги. Если что нужно, ты знаешь, как меня найти.

— Пройди свой путь достойно, воин, — спокойно ответила она ему.

Орк ушел в лес, следуя за волком. Мирриэль глубоко вздохнула.

— Ух, — она пригладила волосы и позабыв высокомерность добавила. — Эти орки с их обрядами... Устали мы, Гранд, что там в котелке кипит? Живот от голода уже сводит. Старый Вуд так спешил нас вывести, что на еду времени не оставалось. Мы голодные. Накормишь?

— Конечно, когда узнаю кого ты приволокла, заноза! Ты представляешь, что со мной Кален сделает, если узнает, что я позволил тебе уйти.

— Спасибо он тебе скажет, дружище! Смотри и не удивляйся, ну или удивляйся только не падай! Лучше сядь, Гранд. Тебя ждет сюрприз!

— После того, что я вижу, вряд ли что-то способно удивить меня больше, Мирра.

Она хитро улыбнулась.

— О, Гранд, ты все еще сомневаешься во мне? Напрасно! Иди сюда, Крис. Знакомься, Гранд, это Кристиан.

Она улыбнулась, и ее спутник снял капюшон.

— Ну, наконец-то, ты знаешь, Мирра, как мне было любопытно, а ты запретила подсматривать! Я голодный, что там в котелке?

— Мать моя! — едва устоял на ногах Гранд. — Это кто?

Мирриэль улыбнулась, растрепала пареньку волосы.

— Это Кристиан, Гранд. Крис, отвлекись от похлебки и познакомься с Грандом.

Парень нашел ложку которой помешивали еду и уже с удовольствием набивал рот, отфыркиваясь от горячей еды, словно кот, он едва заметно кивнул воину, не переставая жевать.

— Это как же так? Ничего не понимаю, — рассеянно развел руками Гранд. — Я совсем слаб зрением стал? Меня мучает морок? Что это?

Мирриэль миролюбиво улыбнулась своими новыми красивыми губами.

— Погоди, Крис. Нельзя есть из котелка, даже если очень голоден, малыш. Вот тарелка, наложи себе и жуй потихоньку.

Парень промычал что-то, но встретив ее строгий взгляд, тяжело вздохнул и взял тарелку.

— А ты тоже знаешь моего отца? — накладывая себе пищу спросил паренек.

— Отца? Я? Мирра, я должен знать его отца? — Гранд не находил ни слов, ни объяснений.

Мирриэль улыбнулась. Ее улыбка подарила столько света и тепла, что мастера меча бросило в пот.

— Ты хорошо знаешь его отца, Гранд! Лучше, чем я, — он едва смог уловить нотки грусти в ее голосе. — Или ты еще сомневаешься в этом?

— Дерьмо дракона, Мирриэль! Кто этот парень? Он не может быть тем, кого я в нем узнаю, не может быть его сыном! У Калена нет детей! Он Видящий! Они не могут иметь детей!

— Он — сын Калена, Гранд. В этом нет сомнений. Ты посмотри на него! Одно лицо, одни глаза. Я не сомневаюсь в этом, друг, ни секунды.

— Но это невозможно, Мирра! Ты отправилась в лес одна, а вернулась оттуда с пареньком, который как две капли воды похож на Калена! Это магия какая-то! Этого не может быть!

— Адель, — крикнул паренек, но опомнился и быстро исправился. — Мирра, а еще что-нибудь есть?

— Адель? — опять удивился Гранд. — Адель, значит. Мирра, что происходит?

— Это долгая история, Гранд. И я не хотела бы об этом вспоминать, — она закусил губу. — Крис, держи язык за зубами, дорогой! Никогда больше не вспоминай о ней, хорошо? Забудь!

Крис посмотрел на взрослых и захлопал ресницами.

— Она спасла нас, Мирра! Она сделала тебя такой! Я не могу о ней забыть!

— Она сделала тебя такой? Все! Я ничего не понимаю! Давай-ка, девочка, с самого начала! Мне нужно знать все, чтобы я мог потом все объяснить ему.

— Можно я поем, Гранд? Пожалуйста! И уложу Криса спать. Потом я все тебе расскажу, обещаю. Я не изменилась, ну то есть я конечно изменилась, но ты же знаешь... О, Гранд, — она отбросила сомнения и обняла его за шею. — Я так рада тебе! Я так рада вернуться, еще раз.

— Это все благодаря мне! — самодовольно заметил парнишка, дожевывая кусок мяса.

— Крис! — одернула его Мирра. — Кушай, милый и не болтай.

— Стоп! Я чувствую себя идиотом! Начинай сейчас, Мирра, иначе я сойду с ума.

— Хорошо, — тяжело вздохнула она, печально глядя на вкусную пищу.

Под их тихую беседу парнишка набил живот и мирно засопел, устроившись возле Мирры. Он положил голову ей на колени, и она гладила его по волосам, продолжая свою историю. Гранд смотрел на нее и не мог поверить. Все что она говорила не могло быть реальностью, это было слишком необычно, даже для него.

— Ну вот, орки встретили нас в лесу, отдали мне мои пожитки и Старый Вуд привел нас с Крисом сюда.

— Ой-ей, девонька, мне все ж придется надрать твои острые уши! Ты как додумалась-то принца оживлять, в мир тьмы за ним идти? Совсем разума лишилась. Ты же там остаться на век могла! Он бы точно с меня голову снял!

— Ну, Гранд. Все обошлось. Все уже хорошо.

— Хорошо говоришь? А что с пареньком-то делать теперь?

— Гранд, — она тяжело вздохнула. — Я хотела просить тебя о помощи. Криса нужно отвести к отцу, но я не могу. Ты же понимаешь, мне еще нельзя с ним встречаться. Это только подвергнет его опасности. Прошу тебя, когда выйдем из леса, тебе нужно будет отправиться с ним в Держащий небеса. А мне придется продолжить свой путь.

— Оставить тебя одну? Кален меня убьет.

— Нет, Гранд. Он все поймет. Ты приведешь к нему парнишку, он будет счастлив. Только следи, чтобы Крис не болтал слишком много. Я бы не хотела, чтобы Кален тревожился обо мне.

Гранд рассмеялся.

— Ты забыла кто он? Я ничего не смогу от него утаить, даже если паренек и сможет держать язык за зубами.

— Ты прав, я забыла совсем. Но есть еще кое-что, Гранд. Мы должны найти ребят, которых Крис и его учитель смогли вывести из цитадели.

— Нет, нет и еще раз нет, девочка! Я понял твою мысль, и я не согласен!

— Гранд, этим детям нужна помощь, они всего лишь дети! Их нужно отвести в безопасное место!

— Я не стану надзирателем за всей этой сворой детворы!

— Они не просто дети, Гранд. Они собирались стать Видящими, по-моему, это уже о многом говорит. Или я не права?

— Права, заноза! Но как ты себе это представляешь? Я и выводок ребятни? Что я буду с ними делать? Я не умею, не могу...

— У тебя все получится, Гранд, — она улыбнулась. — Ты — мастер меча, ты сможешь многому их научить за время пути, они будут уважать тебя и слушаться, я не думаю, что возникнут проблемы.

— Ой-ей, ты из мастера меча няньку хочешь сделать! Плохая затея.

— У нас нет выбора, ты же понимаешь. Я не могу вернуться. Пока еще не могу.

— И куда ты отправишься потом?

— Пока еще не знаю. Моя дорога меня найдет, Гранд. Со мной всегда так.

— Это точно. Ладно, давай ложись спать! Я сегодня покараулю. Завтра отправимся за его друзьями.

— Спасибо, Гранд.

Утром, после завтрака они собрали лагерь и отправились в лесной дом, где прятались юные Видящие. За время пути Мирра наблюдала как возникает привязанность между пареньком и Грандом. Она с улыбкой встречала их с охоты, смеясь выслушивала историю о добытом зайце. На одной из стоянок Мирра все-таки уговорила Гранда на несколько уроков. Он не стал отпираться, впервые со времени их знакомства у них была такая возможность. Кристиан с восхищением наблюдал за их тренировкой. Парные кинжалы против меча.

— Почему один меч, мастер? Я в заведомо более выгодном положении. Это не честная схватка, — очень серьезно спросила Мирра.

— А в твоём опыте, девочка, были честные схватки? К тому же очень сомневаюсь, что тебе будет полезен опыт противостояния двум мечам. Таких как я, Мирра, остались единицы, и лучшие на твоей стороне. А вот обычный бой — это всегда полезно. Попробуй воспользоваться своим преимуществом.

Мирра кивнула и попробовала атаковать. Гранд легко отбил ее нападение и сам перешел в атаку. Пытаясь уследить за его движениями, молниеносными выпадами и странными уходами, она понимала, что никогда такого не видела. Одно дело было наблюдать, как они упражнялись с орком, но совсем другое дело, когда ты сама противостояешь этому убийственному мастерству. Она едва успевала отбиваться, о контратаке можно было даже не думать. Лишь иногда она видела что-то знакомое в его позициях, и понимала, что будет дальше. Она старалась, но даже ее мастерства хватало лишь на то, чтобы не пропускать его удары.

— Хорошо, Мирра, очень хорошо, — Гранд поднял меч, показывая, что тренировка окончена. — Должен тебе заметить, что ты отличный боец, девочка. Ты не пропустила ни одного удара, не многие, очень немногие на это способны.

Мирра спрятала кинжалы в ножны и встряхнула уставшими руками.

— Ты просто ураган, Гранд. Я ничего подобного не видела.

— Видела, девочка, не могла не видеть. Ты же упражнялась с Каленом, и видела его в бою.

Она задумчиво кивнула и с улыбкой вспомнила, как они валялись в грязи на первой тренировке. Все становилось на свои места, он поддавался, он не сопротивлялся в полную силу, тогда он позволил ей победить. Ее охватило чувство нежности и больно защемило в груди. Она так хотела снова быть рядом с ним, но сейчас это было невозможно, ей нужно было быть как можно дальше, ради спасения мира, ради будущего их друзей. Она украдкой вытерла глаза.

— Гранд, научи меня, — тараторил Крис. — Я тоже хочу так!

Гранд рассмеялся и потрепал парнишку по светлой голове.

— Да, малыш, конечно! Ты вылитый отец. Ему было столько же, когда он обратился ко мне с такой же просьбой. Вот только я был гораздо моложе, — он обнял паренька за плечи и грустно взглянул на девушку. — Я думаю, Крис, отец сам научит тебя. Ему это будет приятно. Так что не стану я отнимать у него такую возможность. Что там с обедом, девочка?

Так проходило их путешествие. Крис отлично ориентировался и уже через три дня, они были у цели.

— А теперь стойте, — скомандовал Крис. — Нужно ждать сигнала, иначе могут принять нас за чужаков.

— И что? — усмехнулся Гранд. — Забросают огрызками яблок?

Крис ничего не ответил, лишь смерил Гранда серьезным взглядом. Через несколько

минут ожидания протяжно ухнула сова и они увидели три фигуры, медленно поднимающиеся с земли. Когда эти трое приблизились Мирра улыбнулась. Парням было едва ли лет по пятнадцать.

— Крис, — улыбнулся один из них и обнял друга. — Мы уж и не надеялись снова тебя увидеть. Кого это ты привел? Где брат Пир?

— Его убили. Он достойно принял смерть, — спокойно проговорил Крис. — Это Хранители. Они отведут нас в их цитадель, там много братьев, там командор Кален.

Парни спокойно кивнули. У Мирры сжалось сердце. Эти дети так спокойно говорят о смерти, с готовностью принимают ее, они уже свыклись с мыслью, что все умрут, и главное для них — принять смерть достойно. Ребята были вооружены.

— Сколько вас тут, детишки? — начал разговор Гранд.

Встречающие косо посмотрели на него.

— Мы — не дети, старик. Мы — Видящие.

— Очень сомневаюсь, мальцы. Никто из вас еще не прошел обучение до конца, вы еще не можете называть себя Видящими. И, надеюсь, Калену хватит ума образумить вас и...

— Не надо, Гранд, — дотронулась Мирра до его руки и отрицательно покачала головой. — Не сейчас.

— Кто вы? — повернулся к ним один из парней. — Имена, звания, орден?

— Мы — Хранители, — спокойно проговорила Мирра. — Меня зовут Мирриэль, а это Гранд.

— Эльфийка? — презрительно поморщил нос парней. — Эльфы хорошие лучники, но не сильны в ближнем бою.

Она лишь улыбнулась и не стала ему перечить.

— Где ваша цитадель? — задал вопрос второй парень.

— Высоко в горах, — опять ответила Мирра. — Отсюда недели две-три пути, если пешком.

— Тяжело будет, — спокойно констатировал третий паренек. — Младших придется нести. Они не смогут выдержать дневной переход.

— Младших? — не смог сдержать удивление Гранд. — Что среди вас еще младше, чем вы?

— Есть, — спокойно ответил уже Крис.

— И на сколько младше? — Гранд уже сердито глянул на Мирру.

— Самому маленькому — семь. Мы тут старшие.

— Старшие? — Гранд остановился и взял Мирру за локоть. — Девочка, ты серьезно хочешь повесить мне на шею этих сопляков? Я не знаю, что с ними делать! Я не умею вытирать носы и кормить с ложки! Даже если я добуду еды на всю эту ораву, кто и как будет ее готовить? Ты же знаешь, что я не мастер в этом деле, суп из кролика — предел моего умения.

— Старик, мы сами можем позаботиться и о себе, и о младших. Мы тут уже несколько лун отсиживаемся, ждали Криса и Пира. И живы пока.

Гранд глянул на ребят с уважением, Мирра лишь улыбнулась. В большом доме их встретили еще почти два десятка парней. Одни занимались уборкой, другие готовкой, на веревках у дома было развешано выстиранное белье. Несколько ребят упражнялись у дома сражаясь на мечях. Завидев старших все оставили свои дела и вошли в уютное тепло.

— Это Хранители, — коротко отрезал один из наших сопровождающих. — Они

предложили нам отправиться в их цитадель. Там командор Кален и другие братья. Мы приняли их предложение. Путь неблизкий, нужно выложиться братья. Создатель даст нам силы. Собирайтесь. Старшие, помогите малышам. Оружие, еда, одежда. Не забудьте про теплые плащи, нас ждет путь в горы, да и сама цитадель стоит на горе. Там будет холодно. На сборы три часа. Выдвигаемся после обеда.

Выслушав краткие указания, все ребята, распределив обязанности, отправились их исполнять. Гранд смотрел на это с удивлением.

— Я всегда знал, что у Видящих строго с дисциплиной, но не мог даже предположить, что увижу нечто подобное. Это просто маленькие солдаты. Сплоченный отряд. Может быть я и поспешил с выводами, похоже, мне самому будет чему у них поучиться.

— Вот и славно, Гранд. Все к лучшему. Пока ребята собираются нам с тобой отлучится нужно, Гранд, тут разрыв недалеко, счастье, что дети на него еще не наткнулись. Закрывать нужно.

— Ага, — встрял паренек, который крутился возле них. — На запад, минут двадцать, если без младших идти. Там трое наших дежурят, смотрят, чтобы демоны в нашу сторону не двинулись, меняемся ежедневно.

Мирриэль тяжело вздохнула. Дети контролируют разрыв. Понятно почему Кален всегда такой серьезный, он никогда и не был маленьким, едва попав в орден, мальчуганы лишались детства, их делали взрослыми, презрев законы природы.

— Идем, Гранд, — напомнила она.

— Я с вами, — тут же вызвался Крис.

— Нет, Кристиан, — мягко сказала она. — Ты останешься, чтобы помочь братьям. Мы справимся там и без тебя, дорогой.

Мальчик насупился, но спорить не стал.

Мирриэль быстро нашла разрыв, возле него действительно дежурили трое ребят, быстро переговорив с парнями Мирриэль и Гранд обнажили оружие. На секунду Мирра остолбенела, когда увидела демонов у разлома. Она помнила одного из них. Там в мире тьмы он ласкал Адель. У нее свело живот, когда она вспомнила свои ощущения, лишь на секунду допустив, что вместо Адель там, зажата между двумя серыми тушами была она сама. Ее бросило в дрожь, и она не могла понять происхождение этой дрожи, то ли она испугалась, то ли... Она выбросила мысли из головы и атаковала. Увидев ее демон остановился и оскалился.

«Я знал, что тебе понравится, знал, что ты вернешься, Адель. Убей человека, что пришел с тобой. Я хочу заключить тебя в объятия, хочу насладиться тобой. Ты же помнишь, как тебе было хорошо!»

Он высунул длинный язык, словно желая ее лизнуть. Мирра вздрогнула, увидев, как поднимается его достоинство. Она запретила себе смотреть в его сторону и сосредоточилась на мыслях о мальчиках, которые доверились им, о Крисе. Демон был немало удивлен, когда она вонзила в его живот свой кинжал. Справившись с собой, она подключилась к зачистке. Когда все демоны были повержены она легко закрыла разрыв, стерев его из реальности.

Гранд уже чистил меч, но не спускал с нее глаз, пока она не подошла к нему.

— Не хочешь мне объяснить, что это было?

— Что? — переспросила она.

— Демон. Я видел его... странную реакцию на тебя. Он явно не был готов к тому, что ты его убьешь, он ожидал другого, об этом очень наглядно говорило его тело, — как мог

более мягко сформулировал Гранд.

— Не надо, прошу, — она не устала, но дышала тяжело.

— Мирра? — чуть настойчивее произнес мастер меча.

— Для них я — Адель, Гранд. Для всех демонов. Он... этот демон был ее любовником.

— Вот это да! — мастер меча был шокирован. — Ты хочешь сказать, что Калену теперь придется соперничать с демонами в искусстве любви?

— Не придется, — она едва смогла проглотить слюну и облизала губы. — Там была она, не я. Это была не я.

Она все еще не могла отделаться от ощущения, что по ее коже, оставляя царапины, шарят жесткие серые лапы.

Он не нашел что ответить, лишь пожал плечами.

— Я не могу оставить тебя, девочка, давай отведем парней в какую-нибудь деревушку, отправим Хранителям весть, где их забрать и продолжим путь. Вместе.

Раздвоенный язык прикасается к ее щеке, серая лапа хватается за бедро.

— Нет, Гранд, ты должен отвести мальчиков, туда, где будет безопасно. Я справлюсь, — она не могла дышать, вспоминая кошмар.

Это лишь кошмар. Этого не было. Никогда не было.

Видения блекнут и исчезают.

— Гранд, — тяжело вздыхает она, поднимаясь с колен. — Ему не нужно об этом ничего знать. Ни про Адель, ни про ее...

— Ты опять забываешь, что он Видящий, сильнейший из них, я не смогу от него ничего утаить.

— Не заговаривай об этом и он ничего не почувствует. Хотя бы попробуй.

— Хорошо, Мирра. Но мне это совсем не нравится. А что если таких будет несколько?

— Замолчи, Гранд. Не напоминай. Я одна не полезу закрывать разрыв. Я еще не выжила из ума. Надо хотя бы двое.

— Хорошо, надеюсь на твое благоразумие. Пойдем к детям.

— Да, идем. Тут в одном дне пути есть деревушка, там заночуем и узнаем последние новости.

Когда они возвращались, то увидели, что все парни собрались возле дома.

— Не нравится мне это, — поморщился Гранд. — Что они задумали?

— Давай подойдем и узнаем, — миролюбиво предложила она.

Они тихонько подошли к столпившимся ребятам.

— А потом она как прыгнет, а он как врежет. Я даже ничего толком рассмотреть не успел так быстро они их всех положили.

— А потом что? — выпалил кто-то.

— А потом я к вам побежал чтобы все рассказать...

— Ага, — гордо добавил Крис. — Они это умеют. Вы бы видели, как они друг с другом дрались. Вот это было зрелище! Я ничего не видел, только слышал звон при каждом ударе.

— А чего они дрались? Мы думали, что они друзья.

— Конечно друзья, — утвердительно кивнул Крис. — Они просто упражнялись. Гранд и меня обещал научить.

— Так вот оно что, — улыбнулся Гранд. — Оказывается за нами следили, Мирра.

— Вы собрались, мальчики? До вечера нам нужно в деревню попасть, вас разместить и накормить. Так что у нас много дел.

— Да, Хранители, мы готовы.

Они двинулись в путь. Эльфийка, альбинос и почти три десятка детей от семи до шестнадцати лет. Старшие распределили груз, кто-то взял на себя присмотр за младшими. Гранду и Мирре не пришлось ничего делать, они просто возглавили этот странный отряд. К вечеру, как и планировали они достигли деревни. Оставив мальчиков на пустующей ферме недалеко от деревни Гранд и Мирра отправились в место, где всегда можно узнать последние новости из первых рук, они отправились в корчму. Чтобы не привлекать к себе излишнего внимания Мирра надвинула капюшон на самые глаза.

— Ты чего, — удивился Гранд. — Когда мы повстречались ты хуже выглядела и то лицо не прятала.

— Вот именно, Гранд. Сейчас я привлекаю слишком много внимания. Мужского внимания, — она многозначительно подняла брови. — Понимаешь?

— Ты боишься, что к тебе будут приставать мужики? Я с тобой, да и ты сама справишься с любым мужиком, ну, за редким исключением.

— Да, Гранд, я боюсь. Боюсь, что...

— Что? — не понял он.

— Вы такие, твердолобые! Я боюсь, что я... Что Адель, сделает что-то плохое, очень плохое, что-то такое, чего я бы никогда не сделала. Как с тем демоном, понимаешь?

— Нет, не понимаю.

— ООо, — она зло сжала кулаки. — Демон тебя раздери, Гранд! Он узнал меня, понимаешь! Он узнал Адель! И она его узнала, понимаешь? Я...я...

— Ну, говори уже, я ничего не понимаю твоих бормотаний и причитаний!

— Гранд! Да ладно, забудь! Я не хочу быть узнанной.

Он пожал плечами.

— Дело твое. По мне, так ты чудесно выглядишь, дорогая, очень аппетитно, словно жаркое... Так бы и съел! Ох, кажется я проголодался. Пойдем поедим, девочка!

Он открыл дверь таверны и найдя свободные места устроился за столом. Мирра не отставала от него. Сразу же у их столика появилась молоденькая крепкая девушка.

— Что изволите, господа? Могу предложить чудесную оленину, или же предпочитаете птицу?

— Давай-ка, детка, нам тарелку оленины и кувшин вина, — произнося это Гранд оценивающе глянул на девицу и когда та повернулась, легонько шлепнул ее чуть пониже спины. — Поторапливайся, милашка!

Мирра подняла капюшон, чтобы собеседник мог рассмотреть ее лицо и скорчила гримасу.

— Гранд, фу! Какая низость!

— Ты ничего не понимаешь, девочка. Я несколько месяцев провел в лесу, в компании орка. Потом рядом со мной появилась очаровательная особа, но я не смею даже глянуть на нее, как на женщину, потому что она возлюбленная моего друга. Я истосковался по женщинам. Пока ребята там нас ждут, я намерен исправить сложившуюся ситуацию, потому что иначе, я скоро кидаться начну на всех, а учитывая мое ремесло, это очень опасно. Так что хватит тут корчить из себя оскорбленную невинность, дай мне немного развлечься

Он хотел еще что-то сказать, но не успел. Рядом с их столом появилась видная девушка со светлыми волосами, аккуратно припрятанными под бархатную голубую шапочку и не тратя время на разговоры незнакомка вlepила Гранду пощечину.

— Скотина, Гранд! Ты опять исчез! Почти на шесть месяцев! И вот я вижу тебя, трепещу от ожидания, а ты щиплешь за зад трактирную девку!

Она замахнулась еще раз, но Гранд перехватил ее руку и нежно прижал к своим губам.

— Милая, я просто хотел узнать не забыла ли ты меня, ничего больше, клянусь тебе, свет очей моих. Твоя ярость говорит о том, что я все еще могу вымолить у тебя прощение, и я с радостью это сделаю, Сью, сразу после твоего выступления. Ты так обольстительна, милая, я едва могу смотреть в твои сияющие глаза.

Настроение девушки менялось на глазах и вот она уже не собирается его убить, но готова ему отдать всю себя.

— Гранд, ты нехороший. Ты опять пропал посреди ночи, и я даже не знала где тебя искать, милый. Я так волновалась за тебя, — девушка не стала больше тянуть и уселась прямо ему на колени, подставляя тонкую шею для поцелуев. — А кто твой спутник? Познакомишь нас?

— Эээ, конечно, — запнулся он.

Мирра надвинула капюшон поглубже, пряча свое лицо и решила прийти ему на помощь.

— Мое имя Тами, мастер любезно согласился сопроводить меня до места назначения, за умеренную плату. Нынче на дорогах небезопасно, — она вздохнула и налила себе вина. — Но на сегодня его работа окончена, если я не помешаю вам, я хотела бы перекусить, а потом удалюсь. Но мастер Гранд, хочу вам напомнить, что утром мы должны встретиться и отправиться дальше. Прошу прощения, миледи, что мне придется похитить у вас его, но он взял оплату вперед и потому я не считаю возможным освободить его от данного слова.

— О, так у нас вся ночь, Гранд. Жду тебя после моего выступления, — она припала к его губам. — Я верну его утром, обещаю. Тем более, что он все равно уйдет.

Девушка удалилась. Она вышла на сцену и под громкие овации, запела любовную балладу.

Мирра отодвинула капюшон и посмотрела на Гранда, приподняв бровь. Она так и не задала вопроса, на столе перед ними появились тарелки с едой. Гранд не упустил случая и опять шлепнул девушку, подавшую еду.

— Спасибо тебе, девочка. Боюсь разгляди тебя эта кошка, мое лицо бы серьезно пострадало.

— Ты бы отбился, — попыталась отшутиться она.

— Ну, я бы назвал это по-другому, но, да. Я бы выкрутился, как всегда. Сью милашка, но не блещет умом, зато у нее отличный слог. Не находишь?

— Нет, — честно ответила Мирра. — У меня просто уши вянут от ее пошлостей, дрянного исполнения и никудышных рифм.

— Ты стала злой, — заметил Гранд, улыбаясь.

— Я — эльф, у нас в крови чувство прекрасного. К ней и ее песням — это не имеет никакого отношения.

Гранд рассмеялся.

— Мы сюда пришли с определенной целью, Гранд. Нас ждут мальчики, они голодные.

— Сейчас все уладим, девочка. Но ты же понимаешь, кормить мальцов сегодня придется только тебе. Я доведу их до Видящего небеса, но сперва...

— Мужчины, вы невыносимы! — вздохнула она.

Он расхохотался, но его приступ смеха, как и неумелое исполнение Сью прервал один из посетителей. Поднявшись в полный рост, мужчина поднял свою кружку.

— За Хранителей! Создатель услышал наши молитвы. Силами этих отважных людей, мы теперь в безопасности, остров Видящих очищен от скверны. Больше не будут наших детей преследовать красноглазые твари. Слава Хранителям! Слава Создателю!

— Интересно, — потягивая вино промолвил Гранд. — Хранители здесь.

— Здесь? — переспросила Мирра и ее бросило в дрожь, лишь от мысли, что Кален может быть рядом.

— Мирра, остров Видящих всего в двух днях пути. Они рядом. Мы передадим им мальцов и будем свободны.

— Нет, Гранд. Ты поведешь мальчиков, я не могу приближаться к ним, к нему... Я не смогу этого сдержать, и она узнает. Она почувствует. Мне нельзя к нему приближаться.

— Мирра. Он убьет меня, если я вернусь без тебя.

— Нет, Гранд. У него будет Крис. Он простит. Скажи ему, что я его люблю. И обязательно вернусь. К нему, как всегда.

— Меня тревожит другое, — задумался Гранд. — Как Хранителям это удалось?

— У меня нет ответов, Гранд. Я не знаю.

— Наверное, так будет правильно, Мирра, — устало выдохнул он. — Так будет правильно.

Она поела, забрала еду для мальчиков и ушла из таверны, оставив Гранда там. Он вернется. Он обещал.

Она вернулась к мальчикам, накормила их и предложила укладываться спать. Крис подошел к ней.

— Мирра, а где Гранд?

— Он вернется, Крис. Очень скоро, утром, дорогой. Мы узнали кое-что, мальчики. Хранители освободили цитадель Видящих, теперь там безопасно.

Новость встретили дружными радостными возгласами. Она улыбнулась.

— Возможно, ребятки, вам не придется идти в горы. Скорее всего, Хранители оставят в цитадели своих людей, чтобы удерживать контроль над ней. Кроме того, ребята, Хранители еще не вернулись в Держащего небеса. Их лагерь в двух днях пути отсюда. Так что ваше долгое и утомительное путешествие откладывается. Скоро, мальчики, вы будете в безопасности, рядом со своими старшими братьями.

— А Кален? — задал вопрос Крис.

Она улыбнулась и потрепала паренька по щеке.

— Ты скоро его увидишь, Крис, очень скоро, всего два дня. Гранд отведет вас, ребятки.

Мальчики были в восторге, только Крис насторожился и шепнул ей на ухо.

— Гранд нас отведет? А ты, Мирра? Ты не пойдешь с нами? Ты не хочешь увидеть Калена, своих друзей?

Она обняла мальчика за плечи и поцеловала в макушку.

— Очень хочу, Кристиан. Я очень хочу пойти с вами, всех увидеть. Увидеть твоего отца. Но я не могу, Крис. Не сейчас. Сейчас мне нужно будет уйти.

— Уйти? Но ты же вернешься?

— Обязательно, Крис. Я вернусь. Вернусь чтобы снова увидеть тебя, милый. А сейчас ложись спать. Завтра вас ждет дорога.

И ее ждет дорога. Опять дорога. Но ей не по пути с ними. Не важно куда идти, главное подальше от Калена. Чтобы его спасти. Чтобы спасти мир. Чтобы все исправить. Карлин порту дан.

Глава 12.

Еще одна остановка, до замка Видящих всего несколько дней пути. Воины собрались, совсем скоро предстоит битва. У костров больше не шутят, все сосредоточены и спокойны. Все понимают на что они идут. Каждый понимает, что сегодняшние друзья завтра могут умереть. Кто-то точит оружие, кто-то занимается доспехами. Прохаживаясь у костров, Энель не поднимала капюшона. Ее сопровождала Кара. Вот уже несколько часов они пытались найти Калена. Но командора нигде не было. Их отправляли от одного костра к другому, но, когда они там появлялись им говорили, что командор ушел. И они начинали поиски с начала. Вот и конец их стоянке. Чуть дальше в поле едва заметно поблескивают огни от костров эльфов. Вольные лучники не захотели разбивать свой лагерь вместе с людьми. Их послали на помощь, они готовы были помогать, но многовековая вражда не исчезла по единому слову нового короля. Эльфы держались особняком и не стремились налаживать связи с людьми.

— Энель, ты же понимаешь, что он там? — Кара была рассержена, она сдвинула брови и говорила жестким шепотом.

— Я надеюсь, Кара, что он действительно там, но мы не можем быть уверены, пока не узнаем наверняка.

— Слушай, ну это ведь не в первый раз из лагеря пропадает мужик! Погуляет, спустит пар и вернется. Никуда он не денется.

— Кара! Он наш друг. Он волнуется, он хочет узнать, что с ней произошло. Неужели ты не понимаешь?

— Понимаю! — зло выдохнула Кара. — Мы идем за моим племянником, за его сыном, а он думает о своей ветреной возлюбленной, о которой уже несколько месяцев нет никаких известий, даже твои шпики, Энель, ничего не рассказывают. Она — эльфийка, чего еще ждать от этого народа? Они как ветер. Сегодня здесь любовь, завтра там.

— Замолчи, Кара, — Энель стиснула зубы, вспомнив о Лерде. — Давай просто узнаем там ли он. Нам не повредит вечерняя прогулка.

— Вы все так печетесь о ней, просто тошно! Орден и без нее будет существовать.

— Кара, а тебе самой не интересно, что с ней произошло? Не интересно, как Раирнаил воскрес и принял престол? Тебя это не волнует?

— Король эльфов. Что нам до них? У них вечно свои проблемы.

— Прекрати, Кара. Ты что все еще ревнуешь Калена?

Темноволосая воительница потупила взор и ничего не ответила.

— Молчишь? Значит ты все еще не смирилась? Он любит ее, Кара.

— Ее? А кто она такая? У него есть сын, мой племянник. Чем хуже была моя сестра? Почему ее, Энель?

— Ты не это хотела спросить, Кара, — проницательно заметила Энель. — Ты хотела спросить почему не тебя?

— И это тоже, — устала скрывать свою боль за гневом Ищущая.

— Спроси у него, Кара. Хотя, он вряд ли сможет дать тебе ответ. Любовь — это чудо, она неподвластна нашим желаниям. Она приходит и все изменяется. Навсегда.

— Ты какая-то странная в последнее время, Энель. Я тебя не узнаю.

Энель лишь лукаво улыбнулась. Было не время и не место рассказывать о том, что по

ночам ей снятся излишне откровенные сны. Сны, которые воплощают пошловатые баллады о мастере меча, но только вместо многочисленных любовниц, в ее снах, он всегда с ней. Она уже теряла самообладание, забывала обо всем, мечтая лишь о том моменте, когда сможет еще раз посмотреть в бесцветные глаза.

Огни эльфийского лагеря уже были очень близки и их окрикнули стражи. Они назвали себя и из темноты появились двое.

— Мы рады вас приветствовать, дамы. Что угодно вам?

— Мы ищем командора Калена. Он в вашем лагере?

— Да. Он пришел некоторое время назад. И лагерь не покидал.

— Довольна? Пойдем назад? — спросила Кара.

Энель мотнула головой. Из лагеря неслись нежные звуки музыки. Энель заслушалась.

— Идем, — потянула она за собой Кару.

Энель шла на звук музыки, но заметив у одного из костров белые одежды Видящего, свернула туда. Она остановила Кару, не доходя до освещенного участка, привычно скрываясь в тени.

— Что еще? — недовольно буркнула Кара.

— Молчи и слушай. Кален — Видящий, ему они откроют больше, чем нам. Не мешай ему делать то, что он умеет.

— Тогда зачем мы здесь?

— Чтобы знать все, а не только то, что решит рассказать нам Кален. Молчи.

Кален сидел у костра с тремя рядовыми лучниками. Эльфы сперва робели при виде белых одежд, но добрые слова и милая улыбка командора быстро расположила лучников к нему. Некоторое время они просто обсуждали тяготы пути, Кален искренне интересовался их трудностями, внимательно выслушивал жалобы и предложения. А потом разговор свернул в нужное русло. Речь пошла про нового короля. Кален поздравил эльфов с чудесным возвращением принца.

— Вы правы, милорд. Это было чудо. Больше года никто не видел принца. И вдруг, он появился, словно из ниоткуда, — говорил один из эльфов.

— Это она его привела, не знаю на радость, или на беду. Одна из ваших, Хранительница.

Энель заметила, как вздрогнул Кален.

— Она. Страхолюдина эта. Слыхал я, что вы всех привечаете, но такого я не видел ни разу в жизни своей. Видно и вам она не сильно по душе, что одна везде ходит, — промолвил молодой воин.

— Замолчи, Корин, дурак ты еще молодой. Не слушайте его, командор. Я сидел с ней у костра, — заговорил молчавший до того эльф. — Молодой он еще, не понимает ничего. А вот я сразу понял, что девчужке немало досталось на ее веку. Она достойно представила Хранителей. Я был у разлома, когда она там появилась, словно ураган она сметала демонов. Ножам так орудовала, что даже я засмотрелся, таких мастеров еще поискать надо, да и врядли еще сыщешь. Глядя на нее, сразу я понял, что вы не только на словах воюете. Ни одну битва девчужка прошла. Не жалела себя, ради общего блага. Не из тех она кто за спинами стоит и команды раздает, она настоящая. Истинный лидер, который будет впереди отряда, идущего на смерть и не усомниться, и в людей вселит уверенность. Сильная она, командор. Отвыкли мы уже от таких. Наши-то барышни все больше в балах себя проявляют, а не в битвах. А я за ней бы пошел. Даже не задумался бы.

— Мирриэль, — тихо сказал Кален. — Почему юноша назвал ее страхолюдиной? Когда мы с ней расставались...

Молодой эльф рассмеялся.

— Да потому, что зомби бывают посимпатичнее. Кожа прозрачная, видно как кровь по венам бежит, шрам на шраме, живого места нет, я только глянул на нее и меня в дрожь бросило. Говорят, что она передовой отряд целый перебила, так хотела с королем встретиться.

Кален нахмурился, его Мирра не могла этого сделать. Да и описание ее внешности не укладывалось у него в голове.

— Враки, — отмахнулся от его слов старший эльф. — Отряд Ваззина вернулся в полном составе, напуганные, но живые, хороший она им урок преподала. Только вот сам Ваззин сгинул в одной из схваток с демонами. Достойный был воин. Не слушай, командор, этих домыслов. Не было зла в ее глазах. Боль была. Сильная, нестерпимая. Но это только я, наверное, и заметил. Приветлива она была и улыбалась. Ела с нами и пила. Из замка бежала, неловко ей там было среди наших ряженных. А с нами она была мила и добра. В лазарет ходила, раненных лечила, да так, что лекари только диву давались. Безднадежных на ноги ставила. Сестра моя дежурила раз в лазарете и видела все. Говорит, подходит она к воину, которому рану прижигали, чтобы кровь остановить, а не помогло. А она подошла, улыбнулась, руки на рану положила и глаза закрыла. Руки убирает через мгновение, а раны, как и не было, только шрам остался. И воин спит крепко, хотя до того от боли мучился, стонал.

— Это она может, — улыбнулся Кален. — Хоть и не любит, когда за ней наблюдают.

— Да уж поняли мы, что она не любит этого. Всегда одна. Увидит лицо знакомое, улыбнется и быстрее уйти старается, или капюшоном укрыться. Молодой король ее привечал, но она сторонилась всегда. Что ты, Видящий, в лице поменялся? За нее тревожишься?

— Да, — не стал скрывать Кален. — Давно уже не видел ее, много прошло времени, а от нее ни одной весточки, вот я и решил у вас разведать, что да как.

Молодой эльф удивленно посмотрел на статного воина в белой одежде.

— Совсем у вас людей глаза не видят. Что нашел ты в ней?

Энель сперва испугалась, что Кален схватится за кинжал, но командор ответил очень спокойно.

— То, чего в других нет, — Кален задумчиво смотрел в огонь.

Пожав плечами, молодой эльф отошел от костра. За ним последовал и другой. Остался один, тот, что осаживал грубости своих молодых братьев.

— Ты не слушай их, командор. Глупые еще. Мы-то с тобой бывалые вояки и понимаем, что женская красота не в рюшах кроется и не серебром подчеркивается.

— Скажи мне, эльф, когда уходила она видел ее кто-нибудь?

— Утром она ушла, еще до рассвета. Не простилась ни с кем. Никто не видел ее, и не знает куда она отправилась. Но король наш благодарен ей за все, потому мы и здесь.

— Жаль. Хотел спросить я об одной детали, да, видно никто не ответит мне.

— А ты спроси, человек. Может и смогу чем помочь.

Кален протянул руки к огню, и задумался.

— На груди у нее украшение было, простой листок на тонкой цепочке...

— Был, я видел его. Она его все время в руках держала, перебирала, словно думала о

чем-то. А потом такую же цепочку во дворце нашли, на ступенях у трона.

— Нашли? — переспросил Кален.

— Да, после одного из балов, как раз перед уходом ее. Всех гостей спрашивали, никто не признал своей вещицу, только король наш, когда в руки взял эту цепочку, побледнел и пальцы разжал, словно не цепочка там была, а змея какая.

— Оставила значит, а как король к ней относился?

— Почтительно, командор, не переживай за это. Не обидел он твою Хранительницу. Но ей плохо было, вот она и ушла.

— А потом вести были какие-нибудь?

— Да что там вести, слухи и байки. Мы, когда из леса выходили, мимо деревеньки шли, там праздник люд закатил. Говорят, мол, демоница, людей от гибели спасла. Видано ли дело, чтобы демоны людей спасали, а не жрали? Но те, кого якобы спасла та демоница, говорили, что она одним взглядом магов убивала.

— Взглядом? — встревожился Кален вспоминая, как Мирра обратившись к энергии смерти, поступила с пыточником.

— Взглядом, командор. А сперва говорят, когда их на казнь-то повели, на демоницу эту никто и внимания не обратил. Говорят, плащ у нее был, как наши — эльфийский, да капюшон на глаза надвинут. Только вот странность какая, я бы байку эту и не запомнил, кабы не детвора. Девчонка одна все плакала и кричала, что не демоница то была, а добрая магичка. Кричала малышка, что магичка эта им колыбельную дивную пела, сперва сама сочиняла, а потом на эльфийском и хоть дети не поняли ни слова, но сразу успокоились и... Ты что же, командор, думаешь, что это вашу Хранительницу за демоницу приняли?

— Не знаю я, — откровенно признался Кален.

— Не может того быть, Видящий. Демоница та была красоты невиданной, мужики так и говорили, глаза отвести не могли от нее. Глазищи черные, как бездна, а сама стройна, как лань. Кожа ее такой нежной казалась, что и тронуть страшно, и блестит словно в драгоценных камнях. Не может это быть ваша Хранительница, ты уж прости меня, но она отличный воин, а у воинов шрамы остаются, и видел я их на лице у Хранительницы, не может то она быть. Простой люд никогда ее красавицей не назовет, не знают они ее. Вымысел это все. Детишкам сон приснился, а мужичкам случай помог.

— Черные глаза говоришь? Значит это точно не она, — спокойнее выдохнул Кален. — У нее не черные глаза. Значит не она. Слава Создателю. Спасибо тебе за рассказ твой. Доброй ночи.

— И тебе, командор. Только вот знаешь, что странно, — задумчиво добавил эльф.

Кален уже собирался уходить, но оглянулся.

— Что же?

— Я был тогда у разлома, когда Ваззин с твоей хранительницей подоспели. Видел ее в деле. Но не это удивляет меня. Вдвоем они были, не было с ними принца. А ночью, я видел, как Ваззин вашу Хранительницу на руки подхватил и за лагерь понес, целовал он ее страстно, а потом... Ваззин пропал, а принц — вернулся.

— А Ваззин — это кто? — встревожился Кален.

— Так это брат принца нашего, сводный.

— Брат?

— Да, командор. Ушел один брат, а вернулся — другой. Вот, что непонятно мне. Но может мне привиделось это, после боя, уставший был. Несколько дней оборону держали,

пока Хранительница не подросла.

— Брат... — задумался Кален. — Спасибо еще раз.

Кален отходил от костра, когда заметил слежку.

— Кара, — окликнул он. — Если бы не ты, Энель я бы точно не заметил. Что привело вас сюда?

— Мы тебя искали, — подойдя к нему спокойно ответила Кара.

— И как давно вы слушали мою беседу с этим милым эльфом?

— С самого начала, Кален, — ответила Энель.

— Тем лучше, не придется пересказывать. Пойдемте в лагерь, нужно бы подумать над этим.

— Вы идите, — сказала Энель, вновь прислушиваясь к музыке. — Я, пожалуй, еще тут поброжу.

— Нет, Энель, — Кален жестко сжал ее руку. — Не стоит. Идем.

— Что с тобой? — удивилась шпионка. — Ты странно себя ведешь.

— Я пытаюсь уберечь тебя от беды, — сказал Кален выделив последнее слово. — Тебе не стоит тут оставаться.

Сердце шпионки упало. Она все поняла. Поняла, почему такими странно знакомыми показались звуки музыки. Здесь был Лерд. В этом лагере. Это он играл на лютне. Энель вырвала руку из крепких пальцев командора и жестко процедила.

— Я сама выбираю свой путь, Кален. Помнишь? Теперь никто не может мне указывать. Я остаюсь.

Кара стояла между двух огней и ничего не понимала, кроме того, что вот-вот ее друзья возьмутся за оружие.

— Не делай этого, Стрелочка, — мягко попросил Кален.

— Я имею на это право. Я заслужила это право.

Кален посмотрел на нее со скорбью.

— Прощу, Энель, не надо.

— Спасибо, друг, за заботу. Но я так хочу.

Кален кивнул и направился в сторону их лагеря. Энель же отправилась вглубь эльфийского лагеря, следуя звукам музыки. Кара в растерянности несколько секунд думала за кем из друзей последовать и решила, что с Каленом все более понятно.

— И что это сейчас было? — спросила она, нагнав командора.

— Я пытался уберечь ее. Нужно было ей все рассказать. Но теперь уже поздно.

— Ты о чем сейчас?

— Она сама тебе расскажет, Кара, если захочет. А я не стану выдавать ее секреты, ведь она мой друг. А теперь, спокойной ночи, завтра тяжелый переход, я хотел бы отдохнуть.

Энель быстро нашла источник музыки.

Он сидел у костра один, наигрывая печальную мелодию. Она застыла, задержав дыхание, она смотрела на того, кого любила когда-то, на того, ради спасения которого она пожертвовала своей жизнью. Он был жив и здоров, как ей и обещали. Он сидел лицом к огню, и она видела, что время не пощадило его. Он сохранил былую статью, но глубокие морщины избороздили когда-то высокий лоб. Серебряные нити проступали в черной гриве волос, собранных в хвост на затылке. Она смотрела на него и не могла поверить, в то, что это происходит с ней. Всю свою жизнь она мечтала об этом моменте и вот она стоит рядом с ним, ей стоит сделать всего несколько шагов и позвать его. Она колебалась. Она

пожертвовала всем ради него. Она улыбнулась. «Иногда пути судьбы очень запутаны», так ей сказал Кален. Пришло время их распутывать. Она сделала шаг вперед, покидая свое укрытие. Он тут же поднял на нее глаза. Глаза его остались прежними черными, бездонными. Конечно он не мог ее узнать, прошло столько лет, на ней был длинный плащ, а лицо скрывал опущенный капюшон. Она подошла к костру, зная, что он не спускает с нее глаз. Она знала, что он уже готов атаковать. Он сам ее учил. Всегда быть наготове. Игра становилась опасной, однажды он едва ее не убил, когда она заигралась, но тогда она была подростком, а он был в самом рассвете, а сейчас в рассвете сил была она.

— Что тебе путница? — прозвучал такой знакомый, уже почти забытый голос, который она так часто слышала в своих снах.

Она вспомнила, как они познакомились и протянула руку к его лютне.

— Позвольте, милостивый государь?

Его пальцы дрогнули, лютня выпала из рук, глаза вспыхнули огнем

— Беда? Это ты? Девочка моя!

Она сбросила капюшон, по плечам рассыпались рыжие волосы.

— Здравствуй, Лерд.

Они замерли в нерешительности. Он любовался ею, а она пыталась понять, зачем она это делает, а потом она поняла. Пришло время ставить точку в этой давней истории. Надо поставить точку и идти дальше в новый мир, без тяжелого груза прошлых горестей.

— Какой ты стала? Просто красавица. Я не сомневался в этом, милая. Я всегда знал, что ты просто прелесть. Но что ты тут делаешь?

— Я искала тебя, Лерд, — солгала она.

Он кивнул.

— Чтобы убить?

— Нет, Лерд. Чтобы простить. И проститься. Недавно, мой друг сказал мне, что я больше не Ворон, а когда я возразила ему, что он не может меня освободить, потому что он не моя жертва, он ответил мне, что и я никогда не была Вороном. Не была, Лерд. Понимаешь?

— Нет, — покачал он головой.

— Ты знал кем я стала?

— Конечно, Энель, я следил за твоей жизнью. И старался держаться подальше. Но после совета земель...

— Все изменилось, Лерд. Только вот поняла я это совсем недавно. А слова моего друга, я поняла только сейчас. Никогда не была Вороном. Потому, что Ворон должен сам вернуться и принять служение, а меня вынудили это сделать. Я не была Вороном, потому что не приняла обетов, мне их навязали силой. И теперь, когда я вижу тебя, я понимаю, что ты принимал в этом участие. Ведь так, Лерд? Все, что тогда происходило, было подстроено? Наша встреча, занятия, дороги и схватки? Все? Даже любовь? Ты не любил меня, а я юная дура, ничего не замечала. Я так любила, так верила тебе. Молчишь? Значит, я права. Значит мой друг подозревал что-то, иначе он бы не произнес этих слов, он подтолкнул меня к этим мыслям. Он дал мне нить, и вот теперь я распутала клубок.

Она опустила у огня, протягивая руки к теплу. Лерд молчал.

— Ты никогда не была Вороном. Ты права. Это было моим заданием. Но не все, Беда. Того, что я влюблюсь в тебя, не мог предвидеть никто. Ни заказчица, ни магистр, ни я.

— Любил? Странная у тебя любовь, Лерд.

— Какая уж есть, Энель.

— Я пришла сюда проститься, Лерд.

— У нас есть время, Беда?

— Как и тогда, у нас эта ночь.

— Тогда не будем ее тратить впустую, девочка моя.

Он сел рядом с ней и обнял за плечи, а потом поцеловал.

Она так долго мечтала об этом поцелуе, так мечтала о его близости, но теперь, когда все это происходило, она ничего не чувствовала. Они не стали тратить время и отправились в его шатер, но даже отвечая на его ласки, она ничего не чувствовала, кроме горечи и обиды. Все было так, как она помнила, ничего не изменилось в нем, только добавились морщины, седина и усталость. Она уснула в его объятьях. Она проснулась еще до восхода солнца, выскользнула из его рук и оделась.

— Ты опять хочешь уйти не прощаясь?

— Я думала об этом, Лерд. Но теперь меня не гонит страх, меня не ждут годы служения. Теперь все по-другому. Меня ждут друзья. Они уже точно изволновались. Не потому, что я — их план, их собственность, а потому, что им не все равно.

— Мне тоже не было все равно. Поэтому я и рассказал все тому парнишке Видящему.

— Какому Видящему?

— Калену, разве не поэтому ты пришла? Неужели он так тебе ничего и не сказал?

— Тот, кто всю жизнь учится видеть ложь в других, сам становится отличным лжецом.

Нас ожидает долгий разговор с ним, как давно это было, Лерд?

— Очень давно, Энель. Когда я рассказал ему все, у него еще усы толком не росли, я-то думал он тут же помчится к тебе и все расскажет, и ждал столько лет, а вчера ты пришла сама, даже не подозревая ни о чем.

— Мне хочется верить, что Кален сможет мне все объяснить.

Лерд вытянулся на спине, положив руки под голову и глядя в потолок произнес.

— Конечно у него найдутся объяснения, Энель. И скорее всего его мотивы будут, как всегда, благородны, а помыслы чисты, — он улыбнулся. — Я так мечтал еще раз увидеть твои глаза, прикоснуться к твоим волосам. Я счастлив.

— Что ты имеешь ввиду Ворон?

— Что я счастлив!

— Я не об этом, Лерд. Что ты имел ввиду, когда говорил про Калена?

— Ах, ты об этом? — разочаровано ответил он. — Знаешь, Беда, ты стала такой... взрослой и серьезной... Хотя ночью ты была той же милой малышкой, которая таяла от моих прикосновений.

Она снисходительно улыбнулась.

— Я выросла, Лерд, уже давно. И уже очень давно научилась делать то, что нужно для дела, а не то, что мне нравится. Так что там про Калена?

— Ты притворялась, Энель?

— Лерд, хватит переводить тему. Беде было так же хорошо, как и много лет назад. Вот только я уже давно не Беда.

— Ты стала скучной. Хорошо, хочешь о деле, давай говорить, как взрослые, — он откинул одеяло и начал надевать штаны. — Итак, откуда ты хочешь начать?

— Почему по-твоему Кален ничего мне не рассказал?

— Все просто, девочка. Он — Видящий, а этот орден известен своим рвением в

служении церкви. Ему приказали молчать, и он молчал.

— Нет, этого просто быть не может. Давай-ка теперь все с самого начала! — на мгновение сомнение охватило ее разум, но она вспомнила чистые глаза Видящего, вспомнила, как он пытался ее остановить еще вчера, хотя сам и дал подсказку, она не могла поверить, что ее друг, мог так с ней поступит лишь потому, что это было в интересах церкви.

— Долгая предстоит беседа, до выхода не успеем.

— Одевайся, мы отправляемся в наш лагерь.

— Нет-нет, Беда! Ни за что! Я — Ворон, не забыла? А у тебя там куча Видящих и Ищущих. Мне с этими ребятами точно не по пути.

— Они не причинят тебе вреда.

— Нет, Беда. Я никуда не пойду, хочешь получить информацию, оставайся со мной.

Она тяжело вздохнула и бесшумно достала кинжал. С улыбкой она подошла к Лерду и поцеловала его, а потом приставила кинжал к его горлу.

— Ты пойдешь со мной, Лерд. Если у тебя есть важная информация, я должна ее узнать. Если ты вздумаешь сопротивляться, мне придется привести тебя силой. Не доводи до этого.

Она быстро обыскала его одежду, нашла и забрала все припрятанное оружие и несколько капсул с ядом.

— Беда? — он был удивлен.

— Она умерла, Лерд, уже давно. Когда, спасая своего мнимого возлюбленного, согласилась на служение. Ее больше нет. Осталась только Энель. Холодная, бесчувственная, расчетливая шпионка и убийца. Если ты думаешь, что у меня дрогнет рука, ты ошибаешься. Я не задумаюсь ни на секунду. Меня так учили, у меня были отличные учителя, Лерд. И ты — один из них. Ты знаешь на что я способна была, когда была сопливой девчонкой, представь, на что я способна теперь. Я и тогда не боялась убивать, ну а теперь подумай, сколько у меня было практики за все эти долгие годы. Ты даже себе представить не можешь, скольких мужчин я убила, едва проснувшись поутру в их постели, только лишь потому, что могла разговаривать во сне и сказать лишнего. А теперь хватит этого балагана. Одевайся и идем.

— Постой, ты не понимаешь. Они не только меня убьют, они и тебя тоже убьют, если я расскажу тебе правду. Всю правду.

— Еще какую-то правду? Стоп! Мне не надо ничего рассказывать. Я не верю тебе больше, ни единому слову. Наша беседа продолжиться в присутствии Калена, он точно сможет понять на сколько ты честен.

— А как ты, Энель, узнаешь, говорит ли правду твой друг? Если он захочет солгать, как ты уже понимаешь, для него это не составит труда.

— Ворон всегда остается Вороном, — презрительно бросила она. — У тебя новое задание, Лерд? На сей раз, ты должен посеять во мне сомнения в верности моих друзей и развалить орден Хранителей на корню. У тебя ничего не выйдет, любимый. До Вороное вести доходят с опозданием. Ни я, ни Кален, ни Кара больше не решаем ничего в ордене. У нас есть глава ордена, все в ее руках. Пока жива она не имеет значения какие взаимоотношения связывают нас, как основателей и живы ли мы. Орден держится на вере совсем в другого человека, а мы лишь помогаем ей, — она бессовестно лгала, хотя это было бы самым верным исходом и они уже частенько об этом говорили, но вот осуществить сей план все никак не получалось.

— Таинственная эльфийка Мирриэль, — понимающе кивнул Лерд. — Мы знаем о ней, но не знали, что она приняла руководство орденом на себя. По нашим данным она исчезла

сразу после бури в Лоринге. И появилась у эльфов, только чтобы возвести на трон, ранее считавшегося умершим, принца Раирнаила. После этого ее след потерялся в бескрайних эльфийских лесах. Наши люди сообщили, что она отправилась в Глушь. Там ее и потеряли окончательно.

— Я не стану делиться с тобой информацией. С моей стороны это было бы безрассудством. А теперь, одевайся, — проговорила она ничем не выдав своего удивления его осведомленностью.

— Ты уверена, что нашла все?

— Лерд, я очень хорошо тебя знаю.

— Я тоже мог измениться за эти годы, Энель. И изменился, дорогая. Неизменно осталось только одно. Моя любовь к тебе, — он надел камзол и отпоров подшивку подал ей тонкую проволоку, которой при желании и умении легко можно было перерезать горло. — Если ты хочешь убить меня, дорогая, лучше сделай это сама. Ты, в отличие от твоих друзей, не станешь меня пытаться, а я уже стар и хотел бы принять быструю смерть, а не корчиться в умелых руках пыточников.

— Тебя никто не тронет, Ворон.

— И нет, Энель, у меня нет задания. Я просто искал встречи с тобой, — он сложил руки за спиной, позволяя ей связать запястья. — Даже если это будет стоить мне жизни, я рад нашей встрече.

Она ловко связала ему руки, проверила еще раз рукава и затянула узел.

— Идем, Лерд. Скоро будут трубить подъем, к этому моменту нам лучше уже быть в лагере.

Она накинула капюшон на голову, скрывая под плотной тканью рыжие волосы и сомнения. Она больше не позволит себя обманывать. Пришло время узнать правду.

По дороге они не разговаривали. Учитель и ученица, любовники, враги. Первое, что увидела Энель подходя к лагерю были белые одежды рядом с одним из постов. Кален. Только он не сменил одежды ордена на дорожный костюм. Увидев ее, командор, быстро подошел. Он остановился в нескольких шагах от них и рассмотрев кого она вела, сдвинул брови и сложил руки на груди.

— Энель, я бы хотел получить объяснения. Тебя не было всю ночь, мы с Карой тревожились.

— Хватит, Кален, — устало бросила она. — Хватит лжи.

Он удивленно приподнял брови.

— Лжи? Кроме твоего пленника тут никто и никогда не лгал тебе, но раз ты ведешь его со связанными руками, значит ты уже знаешь об этом.

— Хватит, — резко прервала она его. — Идем, нужно поговорить, но без свидетелей. Мой шатер вполне подойдет.

Кален согласно кивнул.

— Я позову Кару, как я понимаю, нам предстоит какой-то серьезный разговор. Или она будет лишней? — уточнил Кален.

— Зови, боюсь, она тоже причастна.

— До отхода два часа, нам хватит времени?

— Не знаю, Кален. Если не хватит, придется продолжить на следующем привале.

— Следующий привал — последний!

— Знаю, именно поэтому нам и нужно все узнать.

Кален не стал больше ничего говорить, он отправился за Карой. Ее пришлось будить. Воительница, несла вторую стражу и уснула всего час назад. Но настойчивость друга и его тревожные новости, привели ее в чувства. Быстро одевшись, Кара присоединилась к командору.

— Что за спешка, Кален? Ну, подумаешь, Энель провела ночь с каким-то мужиком, наверняка, его после этого убила, надеюсь только, что это не был один из наших людей. О, Создатель! Кален, она что грохнула какого-то эльфа? Король остроухих будет совсем не в восторге, если до него дойдут эти вести, надо что-то придумать, прикрыть ее, она тело спрятала?

— Все еще хуже, Кара, чем ты только что нарисовала. Она не только не убила его, она привела его сюда. Что еще хуже, это не просто какой-нибудь эльф. Это совершенно конкретный эльф-полукровка. Демон ее раздери, что случилось с ее головой? Как она могла притащить его сюда?

Кара промолчала, она ничего не понимала.

— А что не так с этим конкретным полукровкой, Кален? Хоть намекни, а то я совсем ничего не понимаю.

Кален остановился и пригладил волосы.

— Так, Кара. Меч, нож, все оружие отдай мне, пожалуйста. Сейчас. Пока мы еще не дошли.

Кара нахмурилась.

— Кален, ты знаешь, что я никогда не расстаюсь со всем оружием.

— Знаю, Кара, но сейчас тебе придется уступить моей просьбе, иначе, ты не сможешь присутствовать при беседе. Я знаю твой горячий нрав, а наш гость, безоружен, на сколько это можно сказать о таком как он. Я буду держать все под контролем, да и Энель не спустит с него глаз. Нам не нужен труп, Кара. Отдай оружие.

Кара пожала плечами и отстегнула от пояса ножны с мечом и кинжалом.

— Кара, — Кален посмотрел на нее с укором. — Я просил все оружие.

— Демон, — выругалась Кара и достала еще два ножа.

— Кара, — покачал он головой. — Иглы тоже.

— Да чтоб тебе! — она аккуратно достала несколько тонких длинных игл и передала ему.

Он улыбнулся.

— Кто он? Демон тебя раздери, раз ты так печешься о его благополучии, и почему я должна захотеть его убить? Я что его знаю?

— Нет, Кара, его ты не знаешь, надеюсь, иначе все будет еще сложнее, хотя, по-моему, сложнее уже некуда. Он — Ворон, Кара.

— Энель приволокла в лагерь Ворона? Она с ума сошла? Отдай мне оружие, его надо немедленно убить.

— Поэтому я и отобрал у тебя оружие, Кара. Чтобы ты не смогла этого сделать.

— Да я его руками задушу, мне и оружие не потребуется, — Кара ринулась к шатру Энель.

Кален быстро среагировал, схватил подругу за талию и заломал руки.

— Спокойно, Кара. Убийство пока что не входит в план. Нужно сперва его выслушать. Тем более, что это очень важно для Энель, иначе бы она так не поступила.

Кара вырывалась и отбивалась, но Кален не ослаблял хватку.

— Он — Ворон, это приговор. Смертный. Немедленный. Ты забыл, чему вас учили? Вороны лгут всегда, да так что даже Видящие не способны различить их ложь.

— Обычные Видящие, Кара. С такими как я, Вороны никогда не сталкивались. Впервые у нас есть возможность узнать правду о Воронах из первых рук. Так что уймись и веди себя пристойно. Попробуешь на него напасть, Кара, — предупредил он, глядя прямо в глаза подруге. — Мне придется тебя остановить, любыми способами, Кара. Ты понимаешь меня? Не глупи.

Он отпустил ее. Кара заворчала, растирая руки.

— Бычара, — обозвала она друга. — Вот сойдемся мы с тобой в поединке, посмотрим кто кого.

— Мы это уже проходили, Кара, — спокойно ответил Кален. — У тебя не хватает выносливости в бою со мной. Так что не стоит повторять.

— Зато я быстрее, — буркнула она.

Он улыбнулся и откинул полог шатра.

Энель стояла рядом со стулом, на котором спокойно развалился мужчина в черных одеждах, глядя на мужчину Энель поигрывала кинжалом, было видно, что она с трудом сдерживается. Увидев друзей, она спрятала оружие и улыбнулась.

— Наконец-то, я уже едва не убила его.

Мужчина улыбнулся и посмотрел в глаза Калену с издевкой.

— Ну, здравствуй, Кален. Ты возмужал с момента нашей последней встречи. Стал настоящим мужчиной.

— Здравствуй, Лерд, — спокойно ответил Видящий. — Я так понимаю, что говорить с тобой придется мне, девочки слишком близко к сердцу воспринимают твое... присутствие.

Мужчина улыбнулся.

— Ну, одна так точно. А вот чем я не угодил второй прелестнице, даже представить себе не могу. Я прежде с ней не встречался лично. Развяжешь? Или боишься? Беда..., то есть Энель отняла у меня все оружие, неужели безоружный старик вызывает у вас такой ужас, что вы не позволите мне размять руки, детки? — невинно спросил он.

Их мирную беседу прервала Энель.

— Итак, Кален ты не отрицаешь, что встречался с ним прежде?

— Зачем мне это отрицать, Энель. Я сам тебе сказал об этом несколько дней назад, — пожал плечами Кален.

Энель сжала кулаки.

— Но ты не все мне рассказал! Ведь так, дружище?

Лерд улыбнулся и протянул Калену связанные руки.

— У вас это, похоже надолго, может все-таки развяжешь, дружище? До ужаса хочу посмотреть на это. Имей ввиду, Видящий, если что, я на твоей стороне, вдвоем мы точно с ней справимся, даже если она будет в гневе!

Кален улыбнулся и разрезал веревку, стягивающую руки Ворона.

— Ты что творишь? — попыталась остановить его Кара, но Кален так посмотрел на нее, что она замерла.

— Итак, время истины пришло, — Энель достала кинжал. — Почему, Кален, ты не рассказал мне окончание той давней истории? Это был приказ?

Он улыбнулся ей, и спрятал кинжал в ножны.

— Нет, Стрелочка, я не получал таких приказов, а даже если бы и получил, вряд ли стал

бы его выполнять, если бы решил, что он не оправдан.

Лерд удивленно посмотрел на Видящего. Всем было известно, что Видящие беспрекословно выполняют приказы, тем более если они исходят от самой Преподобной. Что-то было не так с этим парнем. Он или лгал или... не был Видящим.

— Тогда почему?

— Потому, что, Энель. Если бы я первым заговорил о твоём прошлом, ты бы никогда не простила меня. Никогда бы не смогла мне довериться, опасаясь, что для меня это всего лишь приказ той, кому ты служишь, еще одна возможность держать тебя в повиновении. Если бы я попытался как-то воздействовать на тебя, повлиять на твои решения, я бы никогда не стал твоим другом, ты бы никогда не научилась мне доверять. Тогда ты еще была слишком юна и вспыльчива.

— Так, теперь стоп! — вмешалась Кара! — Я не понимаю ни слова! Что тут происходит? Кто этот Ворон? Почему вы оба так говорите, как будто давно его знаете? Почему он остался жив, после встречи с тобой, Кален и тем более после ночи с тобой, Энель? Объясните мне все!

Лерд рассмеялся и откинулся на спинку стула.

— Будет интересно послушать, Энель, что ты ответишь своей подруге. Ведь она ничего не знает о тебе до момента вашей встречи, ты ей ничего никогда о себе не рассказывала? Я, честно говоря удивлен, что парнишка все знает, я думал, что он тоже ничегошеньки не понимает.

Энель перехватила кинжал в воздухе и зло глянула в сторону Ворона.

— Кара, это — Лерд. Ворон, — Энель закатила глаза, собираясь с мыслями. — Он мой любовник. Единственный, оставшийся в живых. Это из-за него я приняла обеты и стала верной слугой ее Преосвященства.

— И как ему удалось тебя на это уговорить? — удивленно спросила Кара, такого она не ожидала.

— Я поступила на службу, чтобы спасти его жизнь, — выпалила Энель. — Это было условием моего повиновения, он должен был остаться в живых. Но вот совсем недавно, я узнала, что его жизни ничего и не угрожало, что все это было подстроено, чтобы я вернулась и приняла свою судьбу. Я ведь правильно все говорю, Лерд?

Мужчина кивнул и резко обернулся, почувствовав пристальный взгляд Калена.

— Вот так, Кара. Они воспользовались моей слабостью. Лерд мастерски сыграл влюбленного и на этом меня и подловили...

— Он не играл, Энель, — спокойно прервал ее Кален. — Тогда он не лгал. Он действительно полюбил тебя, но не смог пойти против своих обетов. Он хотел тебя спасти, но не знал, как это сделать. Он любил тебя, но глубоко внутри него жила уверенность, что он поступает правильно, что только пожертвовав тобой, собой и вашим влечением, он сможет помочь тебе стать той, кем ты должна быть. Он сам не осознавал, что делает, но он был прав, Энель. Только став убийцей на службе у церкви, ты нашла свой путь. Ты стала собой. Той Энель, которую я знаю, о которой ходят слухи, которую уважают и боятся, которой не смеют перечить. Подумай, ведь если бы рядом не было тебя, не было бы и ордена Хранителей. Не случилось бы всего того, что случилось. Я бы никогда не смог признаться себе, — он осекся и замолчал.

Лерд не отрывал от него взгляда, пока он говорил, как и обе женщины.

— Кто ты, парень? — процедил сквозь зубы Ворон. — Я ничего не говорил, ни слова,

как ты узнал все это?

— Ты надеялся провести Видящего, Лерд, — улыбнулся Кален. — Но я больше не Видящий. Только вот вижу я еще больше, чем прежде. Меня нельзя обмануть. Мне не нужны твои слова, Лерд, больше не нужны. Я вижу твою душу, каждую мысль, каждую минуту твоей жизни. Он не лгал, Энель. И он не ошибался. Ошибкой было лишь то, что ты так долго не могла его забыть.

— Их ты тоже видишь? — вернув самообладание спросил Лерд.

— Я вижу всех, — утвердительно кивнул Кален.

— Но тогда, — растерянно произнесла Кара. — Почему ты не догадывался о Кресе?

— Кара, — устало опустив глаза произнес Кален. — Я не знаю ответов. Во мне постоянно что-то меняется. Сперва я видел лишь настоящее, потом я начал видеть текущие мысли, несколько дней назад я понял, что, глядя на человека я могу видеть всю его жизнь. Это случилось совсем недавно, когда я опять увидел сон. Я не могу их понять эти сны. Я видел пламя, черное пламя, в нем я смог различить Мирриэль. Я увидел ее глаза, почувствовал ее ужас. А потом она вышла из этого огня, просто прошла сквозь него. Я видел, как в этом огне горит ее кожа, видел, как ей больно, но когда она вышла... Я не могу этого объяснить, она стала другой.

— Как интересно. И ты не боишься сейчас говорить все это при Вороне, Видящий? — Лерд усмехнулся. — За такую информацию мне дорого заплатят.

— Ты ничего не скажешь, Лерд. Никому и никогда. Ты будешь до конца своих дней винить себя за то, что не смог ей помочь, не смог ее удержать. Но я должен сказать тебе правду, она больше не твоя Беда. Больше никогда ею не будет. Она сможет простить и забыть, но ты не сможешь. А не расскажешь ты никому и ничего потому что ты будешь одним из нас. Ты станешь Хранителем, после этого разговора, и все наши тайны, станут твоими тайнами.

— Я — Хранитель? Ты в своем уме, парень? Можешь не отвечать, я вижу, что нет, — Лерд скрестил руки на груди.

Женщины смотрели на друга без слов. Обе понимали, что он не шутит, его мягкая улыбка и уверенный тон, значили для них больше, чем любые слова.

— Итак, ты хотел нам рассказать о том, как и зачем на самом деле были образованы ордена. Я не стану читать твои мысли дальше, не стану портить впечатление. Ты сам нам расскажи, ведь ты же хотел именно этого? Хотел нас поразить? Сомневаюсь, что у тебя это получится, но дам тебе шанс попробовать.

— Демон тебя раздери, парнишка! Ты что действительно все это видишь?

Кален лишь улыбнулся и сделал приглашающий жест, призывая Лерда начать урок истории. Но Ворон молчал, все еще рассматривая спокойное лицо Калена.

— Лерд, что ты хотел нам сообщить? — напомнила о себе Энель.

— Это немыслимо. Я не могу в это поверить! Что твориться с этим миром?

— Он катится в бездну, Ворон, и удержать его от этого под силу только Хранителям, потому ты и станешь одним из нас, ты поймешь это, — тихо произнес Кален.

— Ваш орден, Хранители — лишь выдумка. Обман, — начал Лерд. — Все обман. Я собирал правду по крупицам, всю свою жизнь я посвятил этому. Я путешествовал по миру в поисках истины. Садитесь, дамы, не хочу чтобы вы успели меня зарезать до того, как я окончу свой рассказ. А то обидно будет, всю жизнь прожил во лжи, а умер из-за правды.

— Они и не успеют, Лерд, — уверил его Кален. — К тому же наши дамы сейчас заняты

совершенно другими мыслями. Кара все еще пытается понять, что здесь происходит, она пока что приняла для себя решение не предпринимать никаких действий, пока не разберется. А вот мысли Энель доставляют мне особое неудобство. Стрелочка, ты не могла бы не думать об этом сейчас, пожалуйста. Ты так живо себе это все представляешь, что мне становится прямо неловко, словно я это все уже вижу. Прекрати, прошу тебя.

— Надеюсь она думала о том, как мы провели ночь, — самодовольно улыбнулся Лерд.

— Почти, — закрывая глаза почесал лоб Кален. — Она думала о том, чем вы занимались, но в ее мыслях с ней был уже не ты, прости, но она уже готова делать следующий шаг. Энель, — крикнул он. — Прекрати немедленно! Он все-таки мой друг и да, все эти песни не выдумка, но только все это писала одна женщина и только о том, что происходило с ней! А сейчас перестань! Нет, он не старик, он немногим старше меня! Хватит!

— Ты действительно видел мои мысли?

— Хуже, Энель. Я все это чувствовал. Я знаю, Дарк на моем месте был бы счастлив, но вот мне это было крайне неприятно, больше не думай об этом при мне. О, Создатель, дай мне силы!

— Как интересно! А ты чувствовал за меня или за него?

— Энель, — устало проговорил Кален. — Думала-то ты, значит и чувствовал я за тебя.

— Вот это да, — встряла Кара.

Она хотела еще что-то добавить, но Кален жестко ее прервал.

— Даже не думай, Кара! Во всех смыслах! Я больше такого не вынесу!

— Так может я пойду, пока вы тут разбираетесь, — вкрадчиво произнес Лерд.

— Кара прекрати, этого не будет, и ты понимаешь это, Лерд ты никуда не пойдешь, тебе слишком интересно, Энель, прекрати, у меня сейчас голова взорвется от ваших мыслей!

— Все, достаточно уже, — заметив, как побледнел Кален повысила голос Энель. — Лерд, ты хотел нам что-то шокирующее рассказать.

— Боюсь, что я преувеличил значимость моих знаний, судя по тому, как интересно вы тут живете, я совсем от жизни отстал.

— Не важно, выкладывай, что у тебя там про ордена, — оборвала его Энель, подавая Калену воду.

— Так вот, я хотел начать с того, что самая главная ложь — это Священная книга и сам Создатель. А ведь вся история орденов берет свое начало именно в этом мифе. Не было создателя, в том смысле, который заложен в книге, никто свыше не диктовал тексты, все это было придумано людьми и для людей. Просто поверить в миф о Создателе было проще, чем пытаться понять происхождение Драконов и их действия. Но в этом-то и суть. Мы не можем их понять и принять. Потому, что они не из этого мира! Единственно верными являются сказания о Драконах. О трех Драконах. С этого я и начал свои поиски.

— Мы знаем это, Лерд, — поддерживая Калена за плечо сказала Энель. — Три дракона: Зеленый — Равновесие, Красный — Агрессия, Белый — Добро. Тебе назвать их тайные имена? Зеленый — Элирия, Красный — Калисто, белый...

Она не успела договорить, Кален выпрямился, словно пружина, глаза его потемнели, и он продолжил за нее...

— Орлен. Запах клубники, он не знал ее вкуса, он был последним. Он хотел спасти их, хотел образумить своих сестер, но Калисто была так прекрасна, что он не смог найти нужных слов, а потом он понял Элирию и... Лири... Он опоздал. Элирия умерла, потому что

он опоздал. Карлин порту дан, Орлен Лири мовакним. Карлин порту дан. Бартыш раныв дакорп.

Он закрыл глаза и мотнул головой. На него изумленно смотрели все трое присутствующих.

— Да уж, пожалуй, мне действительно стоит остаться, — приглаживая волосы сказал Лерд. — У вас тут сумасшедший дом какой-то. Тайна на тайне...

— Это ты еще Мирриэль не встречал, вот где сплошная загадка, — улыбнулась ему Энель. — Кален, ты как? Помнишь, что было?

— Запах клубники, почему здесь так пахнет клубникой? Почему меня постоянно преследует этот запах? Я помню, Энель. Мирра говорила, что с ней такое бывает, да и сам я не раз видел, как она начинала грезить наяву. Похоже, это заразно.

— Что ты говорил? Последние слова помнишь? Что это значило?

Кален задумался, вспоминая.

— Карлин порту дан — я не знаю на каком это языке, но знаю, что это значит. Надо все исправить. Что еще я говорил?

— Карлин порту дан, Орлен Лири мовакним, — дословно повторил Лерд.

— Надо все исправить, Орлен, умоляла Лири. — быстро перевел Кален.

— Бартыш раныв дакорп, — сказал следующую фразу Лерд.

— Нужно вернуть мир или, возможно, мир должен быть спасен, слишком много возможных вариантов, но смысл в том, что нужно вернуть мир, — Кален устало опустил глаза на землю прикрывая ладонью. — Я сам уже ничего не понимаю.

— Тогда я, пожалуй, продолжу, — предложил Лерд. — Ты садись, Видящий, тебе сейчас нужнее. Итак, вы знаете про драконов, это уже хорошо, вы даже не пытаетесь отрицать очевидное. Я боялся, что за такие мысли вы все трое наброситесь на меня, как верные псы церкви и ее догмат.

— Калисто, это была она. Это из-за нее Мирра приказала мне убираться из Лоринга. Она знала, что Калисто на свободе, она предупреждала меня. Но я не понимаю... Зачем Красному дракону потребовались Хранители, — Кален сжимал виски, словно удерживая свою голову от взрыва. — Дарк, он что-то говорил мне об этом, но я не обратил внимания. Что же он говорил? Мирра просила меня не высовываться, просила его... Калисто...

— А вот тут и начинается главный обман. Хранители — действительно существовали, но целью их существования была вовсе не защита. Они не Сохраняли мир, они Хранили тайну. Тайну источника.

— Источника? — переспросила Энель поднимая бровь.

— Источника, — подтвердил Лерд. — Источника Магии. Изначально в нашем мире не было магии. Первыми магами стали эльфы. Магия была даром Зеленого Дракона. Ничего не сулило беды, от такого щедрого дара. Но появилась Калисто и появилась другая магия, которая стала использоваться не так, как было изначально запланировано и не теми. То, что должно было приносить только добро и свет, стало мощным орудием убийства и порабощения. Элирия пришла в ужас, но исправить все у нее не получилось. Она попыталась остановить Кали, но потерпела неудачу. Говорят, что перед смертью она успела создать Источник. Который должен был поддерживать наш мир в равновесии, пока Элирия не вернется и не одержит победу над Калисто. А еще она попыталась избавить наш мир от грязи и скверны, принесенной Калисто она...

— Черное древо Скорби. На высоком утесе, возвышаясь над миром, стоит знак любви и

надежды. В черном стволе запечатана боль, корни питаются гнилью души. Черное дерево так высоко, нам не достать и не постичь цены. Кровью дракона оно взрощено, пламенем отчаянья обожено, но стоит недвижно, и даже ветер боится черноты его вечной листвы, — проговорил Кален.

В шатре опять повисло молчание, но Видящий больше ничего не говорил.

Лерд несмело прокашлялся.

— Именно так, парень. Черное дерево — был посажено Элирией, перед самой смертью. У корней этого дерева она умерла. Я чувствую себя дураком, собирался вас удивить, но похоже, что удивляюсь здесь только я. Так вот. Орден Хранителей, действительно существовал для того, чтобы беречь источник от посягательств Калисто. Ведь если ей удастся добраться до источника, она обретет всю мощь, что сохранила в нем Элирия. Она обретет силу Зеленого дракона, удвоив свою. Но была одна проблема. Элирия не успела никому сказать, что это за Источник, где он находится и как можно его использовать. Ищущие, занимались поисками Источника. Поэтому, все они кочевники, они должны были собирать по крупицам знания и делать выводы. Видящие, были созданы специально. Прости меня, мальчуган, но весь ваш орден — просто выродки. Над вами ставили эксперименты, отбирая самых крепких и здоровых. Изначально, Видящие должны были видеть не ложь, а тьму в душе, они должны были находить и уничтожать последователей Калисто. Но они были простыми людьми и не были способны противостоять черной магии, и их начали изменять. Путем многолетних опытов и тысяч жертв, было найдено вещество, способное давать людям возможность противостоять магии. Обат. Были и побочные эффекты у этой микстуры. Очень быстро она пожирала мозг человека и сводила его с ума. Но есть и еще кое-что, выродки — не должны размножаться. Все Видящие, принявшие обат хоть раз, становятся стерильны.

Кара рассмеялась, Энель наморщила лоб.

— Мальчик мой, — не удостоив Кару даже взглядом, обратился Ворон к Калену. — Ты знаешь хоть одного своего брата у которого были бы дети?

— Знаю, — тихо ответил Кален. — Одного знаю очень хорошо.

Лерд удивленно уставился на Видящего. Кален спокойно встретил его взгляд.

— Этот Видящий перед тобой, Ворон. У меня есть сын.

Лерд на несколько мгновений так и застыл с открытым ртом. Потом он нахмурил лоб и, позабыв о том, что он все еще пленник, начал расхаживать по шатру, меряя его шагами.

— Это невозможно! — наконец сказал он. — Ты принимаешь обат?

— Больше нет, — не сводя с него внимательного взгляда произнес Кален. — Я отказался от него много лун назад.

— Сколько раз ты его принимал?

— Раз? — переспросил Кален и улыбнулся. — Я не знаю, сколько раз я его принимал. С тринадцати лет, два раза в день, ну, и, если была необходимость, а такое частенько бывало. Я никогда не считал.

— Нет-нет, на тот момент, когда ты сделал ребенка.

— Много, — коротко пресёк этот разговор Кален

— Это не может быть твой ребенок, она солгала тебе! Видящие не могут становиться отцами, — подвел итог Лерд. — Либо ты лжешь, что принимал обат, когда смог зачать ребенка, либо тебе солгала твоя женщина, и ребенок не твой.

— Я не лгу, Ворон, а с высказываниями по поводу матери моего сына, я бы советовал

тебе внимательнее выбирать слова, иначе ты рискуешь расстаться с жизнью, потому что тетка моего сына, сейчас буравит тебя взглядом и готова свернуть тебе шею, как курице. И не сомневайся, у нее это получится, — сказал Кален поднимаясь, чтобы вмешаться, если Кара все-таки бросится на обидчика.

Но его вмешательство не потребовалось, Энель уже держала Кару за локти, лишая возможности двигаться. Лерд быстро огляделся и замер, осмысливая происходящее.

— Она, — указал он на Кару, — родная тетка твоего сына?

— Именно, и ты только что был на краю гибели, Ворон.

— Невозможно! Только если... Кто ты парень? Я спрашиваю не из простого любопытства. За одно утро, я узнал столько, что у меня в голове просто не укладывается! Я вижу только одно объяснение, — он посмотрел в глаза Калену, предоставляя ему возможность прочесть свои мысли.

— Ты серьезно?

— Вполне, это единственное объяснение, которое я смог придумать. Ты — не человек, Видящий. Это все объясняет.

— Это бред, Лерд.

— Может вы и нас посвятите в ваши размышления? — отпуская Кару, поинтересовалась Энель.

— Обязательно! Только сперва, я продолжу свой рассказ, чтобы у вас было чуть больше данных для размышления. Итак, с назначением Видящих и Ищущих мы разобрались. Не остается еще вопрос о магии. Магия эльфов — дар Зеленого дракона, это исцеление, созидание и любовь, это та магия, которая призвана помогать в добрых делах. Магия, построенная на крови и жертвах — это магия Красного дракона. Но есть и третий вид магии, боевая. Людская магия. Она не требует жертв, и может творить как добро, так и зло. Так вот, Хранители нашли Источник. Белый дракон вмешался в ход событий и соединил свою силу с силой зеленого дракона, дав людям возможность колдовать. Магия людей — это его сила. Сила Орлена. Орлен отдал свою силу и стал смертным, возглавив войска в последней битве с Калисто, в битве, исход которой нам всем известен. Эльфы пожертвовали своим бессмертием, а он пожертвовал собой, ради одной цели — избавить наш мир от Кали, изгнать ее. Но, что-то пошло не так, и она не была изгнана, она была заточена в мире духов, считалось, что на вечно. Но, последние события ярко указывают, что она освободилась. Итак, теперь у нас в наличии разгневанный долгим заточением древний Дракон, сметающий все на своем пути. Для того, чтобы заточить ее в прошлый раз, погибли двое других. Вопрос в том, что можем сделать мы, чтобы предотвратить катастрофу? Ответ приходит сам. Нам нужны двое других. Нам нужны Орлен и Элирия.

— Это невозможно, — произнесла Энель, внимательно рассматривая свои ногти.

— Возможно, милая моя. И я удивлен, что ты все еще не понимаешь. Конечно, они не могут просто вернуться, но они могут перевоплотиться. Священная книга отрицает такое понятие, как Колесо Жизни, но мы уже понимаем, что Священная книга слишком часто ошибается. А если вспомнить о Колесе, то многое становится на свои места. Души, не завершившие свои дела не находят покоя, они возвращаются в мир снова и снова, стремясь окончить то, что им предназначено. Элирия и Орлен умерли, но вряд ли дух Дракона Равновесия может обрести покой, зная, что угрожает нашему миру, так же, как и дух Орлена, который не смог помочь Элирии вовремя и не может себя за это простить. Их души, будут бесконечно получать новые тела и будут проживать, казалось бы, обычные жизни, до той

поры, пока не потребуется их помощь, пока они не смогут закончить все свои дела. Но я хотел вернуться к разоблачению лжи в Священной книге. Создатель. Кто это? Что это? Что он создал? В священную книгу верят только люди. Значит, это имеет отношение только к ним, значит он создал что-то только для них. А что люди получили накануне последней битвы?

— Магия, — прошептала Энель и странно посмотрела на Калена, тот был безучастен.

— Умница, Беда! Магия. Создатель дал людям магию. А мы уже знаем, кто дал людям магию. Орлен — Белый дракон. Отсюда вывод, что Создатель — это и есть Белый дракон. А вот все остальное — это уже выдумки людей. Единственное зерно истины во всей книге — это Создатель, Орлен. Ну а теперь вернемся к вопросу перерождения. Тут все просто. Элирия — должна возродиться женщиной, и исходя из ее любви к эльфам, она должна быть эльфийкой. А Орлен, должен быть мужчиной. Мужчиной, с непоколебимой верой в Создателя, потому что он и есть — Создатель. Итак, это мужчина, воспитанный в одном из орденов. Нейтралов — отмечаем, их цвет — серый. Ищущие — не подходят, их вера поверхностна, она не проходит нужных испытаний. Остаются только Видящие. Воины в белых одеждах. Воины, принимающие веру без ропота и готовые жертвовать своими жизнями во имя Создателя и черпающие свою силу в молитвах. Но, даже сузив круг поиска лишь до одного ордена, у нас остается масса кандидатов. Ведь все Видящие — мужчины. И тут на помощь нам приходит анализ. Если в тебе дремлет древний дух, рано или поздно он начнет проявлять себя. Ты начнешь отличаться от всех остальных людей. И что мы имеем в сухом остатке, Энель? Ты понимаешь?

Энель ничего не ответила, ее глаза расширились, и она в упор смотрела на старого друга, все еще недвижно сидящего на стуле и судорожно сжимающего виски.

— Лерд, ты хочешь сказать, что Кален — воплощение Орлена?

— Именно, девочка моя. Ты поняла. Конечно, когда ты меня сюда притащила я даже и не представлял, чем это может закончиться. Но, я получил гораздо больше, чем рассчитывал... Это все объясняет. Он смог отказаться от обата, вещества, которое сам же и придумал, чтобы улучшить способности своих воинов, чтобы они могли найти Источник, чтобы он смог наполнить его своей силой и дать людям шанс выстоять в битве с Калисто. А судя по вашим немногим оговоркам и моим данным, ваша Мирриэль — очень странная эльфийка, обладающая необычайными способностями, в частности, она легко излечивает любые раны...

— Не любые, — проговорил Кален. — она не может лечить себя. Не может возвращать к жизни, она может помочь, только пока бьется сердце. Дарк говорил мне об этом, он намекал... Он сказал, что Калисто ищет именно меня, поэтому я и не должен...

— Это важное дополнение и его мне еще предстоит обдумать, но суть, мои юные слушатели, вы уловили. Ваша Мирриэль...

— Воплощение Элирии, — медленно проговорила шпионка. — В бреду она говорила, что Зеленый еще не обрел свою силу, а Белый еще не вернулся, тогда у Калена еще не проявлялось столько необычных способностей. Она говорила именно об этом, Кален, что ты думаешь по этому поводу?

— Ничего. Я очень устал. Слишком много чужих мыслей. Какое это имеет значение? Даже если это и так?

— Мы должны найти Источник, чтобы и ты и Мирриэль вернули свои силы и одержали победу над Калисто, — спокойно заметил Лерд. — Иначе у нас нет шансов.

Звук горна разорвал нависшую в шатре тишину. Был подан сигнал к подъему.

— Скоро в путь. У нас есть дела. Итак, Лерд, я был прав? Ты остаешься с нами и становишься членом нашего ордена?

— Я буду рад, если вы сочтете меня достойным. Ворон на службе у Создателя во плоти, не терпит еще и с воплощением Зеленого Дракона познакомиться. Никак я не мог предположить такого исхода нашей встречи, Беда, — потирая руки проговорил Лерд.

— Пусть будет так. Энель, думаю, ты лучше прочих найдешь дело для нашего новобранца. Избавьте меня от ваших мыслей наконец! Я поеду в авангарде. Не хочу никого из вас видеть рядом, хотя бы один день.

День прошел незаметно. Энель не спускала глаз с Ворона, но ничего подозрительного так и не заметила и к вечеру расслабилась. Похоже, что Лерд действительно проникся идеей, что Кален воплощение Белого дракона, ее это забавляло. Она не стала с ним спорить, каждый убийца имеет право на частичку безумия, но это вовсе не означало, что она поверила ему, она подыграла, чтобы... Прочитать его? Она и сама не знала зачем. Просто решила, что лучше будет присмотреть за ним, чтобы он не разболтал свою нелепую идею кому-нибудь еще. И несмотря на то, что она волновалась за командора, она за весь день даже не приблизилась к нему. Но у нее было время подумать и к вечеру, она уже знала, что делать с информацией, полученной от старого эльфа. Она все проанализировала и новые возможности командора были им очень на руку. Если только они смогут это использовать. Она терпеливо ждала вечера, чтобы увидеться с Каленом и поделиться своими мыслями.

Кален же провел день в седле, он старался быть как можно дальше от людей, поэтому выехал вперед на несколько сотен шагов. Его терзали сомнения. Ворон все рассказал так складно, но это было такой нелепицей. Он не мог не согласиться, что с ним происходит что-то странное, что он с каждым днем все меньше походит на обычного человека, но принять версию Лерда было выше его сил. Он раздумывал над происходящим, но мысли упорно возвращались в сон, где Мирриэль была заперта в мире духов и не могла найти выхода. Она металась из стороны в сторону, но выхода не было. А за ней с улыбкой наблюдала прекрасная женщина с черными глазами. А потом был черный огонь, сквозь который она прошла. Он отгонял дурные мысли, завтра их ожидает жестокая битва, битва с его братьями, с теми, кто был его семьей все эти долгие годы. Многих он считал друзьями, многих учил, многих просто знал в лицо. Они жили под одной крышей, ели одну еду, жили одними целями, и теперь он должен был повернуть свой меч против них. Он знал, что это будет тяжело с самого начала, но не думал, что для него это превратиться в пытку. Один день оставался, и они будут под стенами замка. Уже этой ночью они будут переправляться на остров. Всего один день, и он увидит сына. Его терзали муки совести перед парнем, как он сможет ему сказать, что он его отец, как парень примет его, быть может он бросится на него с мечом, что тогда? Сможет ли он узнать и не убить в пылу схватки собственного сына? Или единственное что его ждет — это горечь утраты? Он гнал эти мысли, но понимал, что это вполне вероятный исход. И что ему потом делать? Как смотреть в глаза Каре? Как он сможет жить с этим знанием? Размышляя обо всем, он не заметил, как медленно начали опускаться сумерки. Он остановился, лишь когда услышал шум моря. Они были на месте. Теперь нужно было организовать переправу. Он повернул коня назад.

Их войско уже остановилось в ожидании дальнейших указаний. Он без труда различил Энель, которая стояла в первых рядах. Рядом с ее серым плащом, он легко различил черную фигуру Ворона. Этого не избежать, он направил коня прямо к ним.

— Нужно организовать переправу, — сказал он, спускаясь с седла и отдавая поводья подоспевшему воину. — Там деревушка, у них есть паром, небольшой, но нас устроит и такой. Переправляться будем в темноте. Не уверен, что в замке еще не знают о нас, не стоит терять бдительности. Я пойду с первой группой, там должны быть опытные бойцы. Больше двадцати человек в доспехах паром не выдержит. Так что следует отобрать лучших, если придется сразу вступить в бой.

Он не дал ей вставить и слова и избегал смотреть на нее, он боялся, что теперь каждый взгляд на человека будет открывать ему все мысли, боялся, что не сможет этого выдержать.

— Постой, — взяла его за руку Энель. — Сперва мне нужно тебе кое-что рассказать.

— Опять? — не сдержал он стона. — Может хватит уже? Я и так слишком много о тебе узнал.

— Нет, Кален, не обо мне. Это действительно важно.

— Хорошо, — нехотя согласился он и взглянул на подругу.

Ничего не произошло, он не увидел ее мысли. Он видел ее свет, почти обычный людской, он уже привык видеть людей именно так, уже даже различал всех по этому странному свечению, но мыслей он не видел, не чувствовал. Он с облегчением вздохнул, это было просто переутомление, или еще что-то, это не стало частью его жизни.

— Давай-ка прогуляемся до деревни и договоримся о переправе. Лерд, найди Кару и оставайся рядом с ней.

— У вас какие-то тайны, Беда, — улыбнулся Ворон. — Возможно я буду полезен.

— Не в этом случае, Лерд. Исполни приказ, — жестко одернула она его.

— Как прикажешь, — улыбнулся Ворон и повернул назад.

Они удалились от стоянки на приличное расстояние, шум моря становился все ближе.

— Давай по берегу пройдемся, Кален. Разговор не долгий, но секретный. Успеем еще в деревню сходить.

Кален согласно кивнул, и они отправились к морю. Энель некоторое время задумчиво жевала губу, все еще размышляя, о предстоящем разговоре. Еще некоторое время они просто брели по берегу, молчали.

— Ты причинил мне боль, Кален. То, что ты сделал, то что ты скрывал, но что я тебе рассказываю, ты и сам можешь видеть. Мне тяжело, Кален. Умом я понимаю, что ты поступил правильно, но на душе обида.

— Теперь ты понимаешь меня, Стрелочка? Вы с Карой тоже виноваты передо мной. И если мое молчание было оправдано, то ваше может обернуться катастрофой.

— Ты прав, друг. Как всегда, прав. Прости. Надеюсь, мы сможем это пережить и остаться друзьями. Но сейчас я хотела рассказать тебе, что узнала о воздействии красного обата на людей. Перед выход из Держащего небеса я посетила пожилого эльфа, присматривающего за пареньком-магом. И расспросила, что происходит с парнем, к чему нам следует быть готовыми.

— Ты молодец, Энель. Я об этом не подумал, я в тот момент вообще не мог ни о чем думать.

— Так вот, эльф рассказал мне, что красный обат не убивает людей. Эльфов, гномов — первые расы — да, но не людей.

— А что происходит с людьми, — задумчиво бросая камни в набегающую волну спросил Кален.

— Они лишаются воли, и исполняют приказы беспрекословно.

— Лишаются воли, — тихо повторил командор. — Ты хочешь сказать, что красный обат — это зелье, с помощью которого кто-то, скорее всего Красный дракон, управляет людьми.

— Кален, ты же не поверил трепу Лерда? Какие драконы? Этого не может быть.

— Не может, Энель, но есть. Это все объясняет. Других объяснений у меня нет.

— Ты хочешь сказать, что ты поверил ему? Ты всерьез считаешь себя переродившимся Белым драконом? А Мирру — Зеленым?

— Не в этой части, Энель, я ему поверил, хотя, что касается Мирриэль — это тоже многое бы поставило на свои места. Но что не вызывает сомнения — это Красный дракон. Твои же люди тебе и докладывали о том, что его уже видели в разных землях. У тебя есть основания не доверять своим доносчикам?

— Нет, Кален. Нету, но я пришла к выводу, что это была какая-то иллюзия...

— А огонь, извергаемый им, тоже иллюзия? Перед тем как ты ответишь вспомни, что от этого огня уже пострадало несколько селений. И все выжившие в один голос рассказывают одно и то же. Нет, Энель. Красный дракон — это реальность. И именно против него мы выступаем. Полное подчинение, лишение воли легко объясняет все рассказы о зараженных Видящих и магах, нам нужно принять эту реальность и думать, что с этим делать.

— Полное подчинение, Кален, означает, что они подчиняются командам, выполняют приказы. В связи с этим я подумала, что мы сможем избежать кровавой битвы. Нам не придется убивать твоих братьев.

Он недоуменно почесал лоб.

— И как ты себе это представляешь? Красный дракон дрогнет перед нашей мощью и прикажет им сложить оружие?

— Нет, Кален, не Красный дракон, прикажет им сложить оружие, а ты! Все, что тебе нужно сделать — это перехватить управление зараженными людьми. Подумай, Кален. Если ты сможешь это сделать, война прекратится, ведь теперь ты будешь управлять зараженными, а они будут слепо тебе повиноваться.

— Я? Энель, я не представляю, о чем ты говоришь. Я не маг, как я смогу это сделать?

— Так же как вчера ты читал наши мысли, Кален! Если ты способен читать мысли, что сможет остановить тебя? Ты перехватываешь ментальные команды врага и вместо них, отдаешь свои.

— Как просто, — ухмыльнулся он. — Но для того, чтобы прочесть мысли мне нужно находиться рядом с тем, кто думает, а нам не известно местоположение нашего врага.

— Об этом я как-то не подумала, — Энель села на песок. — Значит выхода нет, кровопролития не избежать.

— Что там говорил твой Ворон? Белый дракон специально создал обат, чтобы наделить своих воинов, определенными умениями? Но он не сразу нашел это вещество... Если поверить его словам и во всем остальном, если я и есть Белый дракон...

— Кален, ты пугаешь меня. Это уж слишком похоже на безумие...

Но он не слышал ее, он размеренно шагал вдоль линии прибоя то удаляясь от нее, то возвращаясь.

— Энель, если все, что сказал Лерд не лишено смысла, значит я смогу... Смогу влиять на них, если я — воплощение Орлена, я — воплощение Создателя. В нас годами вбивают веру, Энель. Если они поверят в это... Даже внешнее воздействие станет невозможно. Мы не можем пойти против Создателя. Мы его воины. Мое влияние будет гораздо более сильным, во всяком случае на Видящих, чем любое одурманивающее зелье.

— И как ты это сделаешь?

Он просиял.

— Иллюзия, Энель. Простая иллюзия. Они должны увидеть Белого дракона. Я не стал спорить с Лердом по поводу Белого дракона и Создателя. Потому что глубоко внутри каждый Видящий и так это знает. Мы изучаем не только Великую книгу, в нас растят веру. Все мы, Видящие, на уровне подсознания, знаем, что Белый дракон и Создатель — одно и то же. Если мы сможем их отвлечь этой иллюзией, возможно, мне удастся воплотить и твою часть плана, Энель и перехватить приказы, я уже делал это. Когда Мирра увидела духа, привязанного к Касту, дух просил меня, разорвать связь. Я знаю. Как я это сделал. Нам нужно отвлечь всех, чтобы напасть мог только один, когда он на меня нападет, магия, подчиняющая их будет направлена на меня, и я смогу сделать то, что делал годами... Обратить ее против того, кто ею управляет и мне не нужно его видеть, он может быть где угодно, моя сила не зависит от близости объекта. Ты — умница, Стрелочка. Я смогу освободить своих братьев, от влияния. А тот дух был не так уж прост, без него я бы не нашел выхода.

— Ты всерьез думаешь, что это сработает?

— Иллюзия — не боевое заклятье, таким мы не можем противиться. Ну, противиться-то можем, но только когда готовы к этому, а они не будут готовы к тому, что увидят. Все должно получиться, Энель. Но в любом случае, сперва мы должны добраться до замка. Вставай, нам нужно договориться о переправе.

Уладив дела с паромом, они вернулись в лагерь и созвали сопровождающих их магов. Выслушав безумный план командования, маги сперва задумались, но посоветовавшись решили, что смогут сотворить такую иллюзию. Все было решено. Вместо наступающего отряда, защитники цитадели будут видеть парящего в небесах Белого дракона.

— Что сделают твои братья, Кален, увидев такое? — уточнила Кара.

— Они будут молиться, — ответил за него Лерд.

Кален лишь молча кивнул, подтверждая слова Ворона.

Как они и предполагали переправа заняла всю ночь. Несмотря на новый план, решено было перестраховаться и оставить силовые методы решения на случай если не сработает первый план, если что-то пойдет не так. К утру весь отряд занял удобные позиции на берегу противника, и едва взошло солнце, рыцари в белых одеждах, Ищущие, имперцы и эльфы были готовы к наступлению.

Кален стоял во главе своего отряда. Энель приняла командование лучниками, Каре достались имперцы и Ищущие. Все были готовы. Маги, стоящие за лучниками, начали творить иллюзию. Спустя несколько часов, рассекая небесную высь могучими крыльями, в воздух взвился Белый дракон. Кален увидел, как замерли его братья рядом с ним, хотя они и были предупреждены, им едва хватило сил не пасть на колени. Годами заученные слова молитвы срывались с их губ. Кален улыбнулся. Все шло по плану. Все они всегда знали это. Лерд просто смог докопаться до истины, которая им была известна всегда. Каждому из них. Но если Лерд прав в этом, может ли он быть прав и во всем остальном? Не лучшее время для размышлений. Отгоняя свои мысли, Кален командовал наступлением. Дракон парил высоко в небе, спускался к замку, то и дело казалось, что он заденет башни своими крыльями и опять возносился в высь.

Кален приказал остановиться всем и к цитадели отправился лишь небольшой отряд, только братья, только те, кому были не безразличны жизни зараженных людей. Удача была

на их стороне. Расчет был верным. Защитники цитадели не успели даже закрыть ворота, один из Видящих так и застыл возле механизма, преклонив колени он смотрел в небо и молился. Помедлив немного Кален решил, что самое время попытаться все изменить. Он вспомнил яркий день на поляне, вспомнил демона, привязанного лорду Касту. «Обрати на меня свою силу» — сказал тогда демон. Но теперь было другое дело, нужно было обратить силу против того, кто не нападает. Кален смотрел на одного из братьев, но не видел сияние его духа. Его не было. Что-то блокировало сущность человека, скрывая ее в красной дымке. Командор сосредоточился на этой дымке, еще через мгновение он увидел красную нить, исчезающую в небесах, уходящую за пределы их реальности. Он следовал за ней, конечно его тело оставалось на месте, в тяжкий путь отправился его дух. Еще через несколько мгновений он видел уже около полусотни таких же нитей, уходящих из цитадели в мир духов. Все они стремились в одном направлении, Кален следовал за ними, он должен был найти источник, чтобы предотвратить кровавую бойню. Он видел себя между мирами. Сквозь него проходили сотни красных нитей, он преграждал им путь, идти дальше не имело смысла, он чувствовал направленный поток и теперь он мог все остановить. Оставался только вопрос как это сделать? Голова закружилась, во рту пересохло и в ноздри ударил приторный запах сладкой клубники. С каждым шагом запах становился все сильнее, навязчиво что-то напоминая, возвращая в забытое прошлое, или унося в мир грез.

«На мягком диване изящно облокотившись на высокую спинку Калисто потягивала вино из тонкого бокала. У ее ног сидел мужчина, безотрывно глядя ей в глаза, в ожидании любого приказа.

— Какая прелесть, — проворковала Кали. — Даже я не смогла бы сделать ничего подобного, я восхищена. Бедный Орлен так увлечен поисками Источника, что даже не заметил, как дал мне в руки возможность управлять людьми.

— Я уничтожу тебя, — он появился внезапно, просто материализовался у нее за спиной. Она вскрикнула, выронила бокал и вскочила на ноги.

— Человек, защити меня, — взвизгнула она.

— Да, госпожа, — промолвил мужчина у ее ног и преградил путь Орлену, переведя на него взгляд своих красных глаз.

— Лири всегда была права, Калисто, ты неисправимо жестока, но от себя я добавлю, что ты еще и глупа. Неужели ты думаешь, что, создавая такой мощный инструмент воздействия, я не подумал о том, что он может попасть не в те руки? Если так, мне тебя жаль. Ты не сможешь подчинить себе людей с помощью моего зелья, даже и не пытайся.

Он посмотрел в глаза мужчине и тихо прошептал.

— Что твоя жизнь?

— Служение, — так же тихо ответил человек.

— Чему ты служишь?

— Создателю, — красный цвет в его глазах поблек, стал почти прозрачным.

— Что ты несешь его именем?

— Свет, — красная пелена спала с его глаз.

— Что ты жертвуешь?

— Жизнь, — взгляд его прояснился, он удивленно оглядывался по сторонам.

— Ты жаждешь зла?

— Нет!

— Ты свободен?

— Да!

Человек пришел в себя и громко выругался, увидев Калисто. Орлен удовлетворенно кивнул и дотронувшись до плеча человека произнес.

— Тебе никогда не победить, Калисто! Единственные кто слепо верят тебя — несчастные орки. Но я знаю, что придет и их время и они обретут свободу. Прощай.

Он исчез вместе с человеком. Калисто громко выдохнула, она боялась, что все закончится гораздо хуже, но присутствие человека удержало его.

— Итак, нужно еще что-то придумать, чтобы нейтрализовать этих людишек, — задумчиво произнесла она и опять налила себе вина.»

Очнувшись от видения Кален уже все понял и громко произнес.

— Что твоя жизнь? — эхо подхватило его слова и разнесло по всей цитадели.

Звук отразился от всех стен, от каждого камня и каждая трещина его усилила, казалось, что цитадель вздрогнула, просыпаясь ото сна. На его вопрос последовал незамедлительный ответ.

— Служение, — это слово в единый миг произнесли все находящиеся в замке люди.

— Чему ты служишь? — продолжил Кален, и внутри него зрело понимание происходящего.

— Создателю, — ответил ему стройный хор.

— Что несешь ты его именем? — сопровождающие Калена Видящие отвечали вместе с теми, кого они считали врагами.

— Свет!

— Что жертвуешь ты? — в глазах зараженного, так же, как и в видении в глазах человека уже исчезали красные блики.

— Жизнь.

— Ты жаждешь зла?

— Нет!

— Ты свободен?

— Да!

При последнем слове взгляд зараженного у запорного механизма прояснился. Он мотнул головой, протер глаза и, увидев Калена, громко стукнул кулаком в грудь.

— Рады приветствовать вас дома, командор. Давно вы тут не появлялись.

— Приветствую тебя, брат, — улыбнулся Кален снимая шлем.

Он уже не сомневался, что зараженных больше не осталось, нигде, на всем свете. Он знал, что эти несколько простых вопросов, были лишь частью молитвы, которую они учили с самого первого дня пребывания в ордене. Ответы на них знал каждый, это и было ключом, тайным посланием, которое Орлен передал своим воинам, просто никто никогда не задумывался над этим. Это были просто слова молитвы. Но теперь все приобретало другой смысл. Теперь каждый из них будет знать, чем была эта молитва. Жаль, что он не знал этого прежде, тогда в Лоринге, он бы мог спасти столько жизней. Из внутреннего двора уже выходили люди, а к замку торопились те, кто ожидал сигнала от передовой группы. Они встретились у ворот. Никто не доставал оружия, сняв шлемы и отложив щиты люди улыбались, обнимались со знакомыми и учтиво приветствовали незнакомцев. Все были рады. Уверенно шагая по знакомым корридорам, Кален подходил к комнатам учеников. С замиранием сердца он открыл дверь. Комната была пуста. Мальчиков не было. Несколько раз тяжело ударило сердце. Кален закрыл глаза, сдерживая гнев. Он быстро нашел в

обеденном зале тех, кто был в замке и не стал тянуть с вопросами.

— Где ученики? Что сделали с мальчиками?

— Командор, — кулак гулко ударил по доспеху. — Ученики пропали несколько лун назад. Говорят, что Пир и его ученик, вывели парней из цитадели, когда...

— Пир, — Кален вспомнил этого человека, он был хорошим другом и мудрым наставником.

— Пир был заражен?

— Нет, командор. Он вернулся с задания, когда мы, — человек смутился. — Он нашел одного из своих учеников, Крису, и вместе они тайком вывели ребят из цитадели.

Сердце Калена упало. Криси не было в цитадели, он спасся, но теперь стало совершенно не понятно где его искать.

— Всех? Они успели вывести всех?

— Нет, командор. Они выводили детей небольшими группами по 5–7 человек. В цитадели осталось 8 детей, за ними Пир не вернулся. Или не смог, или ему помешали.

— Где оставшиеся дети?

— В подземелье, никто не знал, что с ними делать.

Командор тяжело вздохнул, но больше ничего не сказал. Он отправился в подземелье, чтобы освободить детей. Мрачные каменные стены, как обычно, внушали страх. Кален вспомнил как спускался сюда в последний раз, спускался, чтобы отнять жизнь у своего наставника, но сегодня он спускался, чтобы спасти жизни и должен был спешить. Мрачная атмосфера подземелья наверняка плохо действовала на детей. Когда он достиг своей цели, то увидел, что дежурный уже выпустил всех ребят и теперь они толпились около него пытаясь дознаться, что же произошло. Но тот сам ничего не мог ответить, мог только извиняться перед мальчиками, объясняя им, что все они попали под какое-то странное воздействие, которое заставляло их делать страшные вещи, забыв о своем долге, вопреки их воле.

— Командор Кален, — заметил его один из парней. — Командор, вы вернулись!

Кален вспомнил парнишку, несколько лет назад, когда он заходил в цитадель по вызову главы ордена, его попросили провести несколько занятий с детьми, этот парнишка уже был тогда в обучении. Кален помнил его успехи.

— Сандр, — улыбнулся Кален. — Как же я рад, что ты все еще среди учеников.

— Истязания были назначены на конец осени, командор, но все изменилось, — печально ответил мальчик.

— Это замечательно, Сандр, у тебя еще есть время подумать. Скажи мне, Сандр, почему ты не ушел с Пиром?

— Я сам попросил остаться, чтобы за младшими присматривать, был уговор, что если все станет совсем плохо, я выведу их, но я не успел. Пир доверился мне, а я не справился. Когда ушла последняя группа красноглазые, — паренек осекся, глядя на стража, но тот никак не отреагировал. — Они схватили всех и заперли здесь. Скорее всего, когда Пир или Крис вернулись, они никого не нашли, и подумали самое худшее.

— Надеюсь, что это так, Сандр. Скажи, пожалуйста, а куда отвели детей? Ты знаешь где Пир их укрыв?

— Нет, командор. Точное место мне не известно. Знаю лишь, что они говорили про дом в эльфийских лесах. Эльфы уважают Пира, они позволили ему там остановиться. Больше мне не известно, командор.

— Нужно их найти и вернуть, — потрепав парня по плечу сказал Кален. — Ты молодец, Сандр. Ты хороший друг и добрый парень. Думаю, твоя храбрость и самоотверженность заслуживают награды, я поговорю об этом с командором.

— Спасибо, командор, но что случилось? Как вам удалось их вернуть? Я сам видел, как исчезала краснота из глаз стража, сам слышал, как он повторял слова молитвы, что это было?

— Древнее знание, парень. Гораздо более древнее, чем вся история нашего ордена. А теперь давайте-ка пойдем на свежий воздух. Вам этого наверняка очень хочется, ребята.

Дети с радостью бросились вверх по ступеням.

— Спасибо, командор. Вы появились вовремя. Через три дня за детьми должны были прийти другие, страшно подумать, что они сделали бы с ребятами. Никто из нас не смог бы жить с осознанием такой вины. Еще раз, спасибо!

Кален лишь устало кивнул и вышел из подземелья. Он оставил широкий двор и остановился у ворот поджидая Кару и Энель. Ему предстояло им рассказать, что их поход хоть и закончился более чем успешно, однако ни на шаг не приблизил их к Крису. Ему не пришлось долго их ждать, они сами его искали. Уже спустя несколько минут рядом с Каленом стояла Кара. Энель была в нескольких шагах.

— Как ты это сделал? — не сдержалась Энель.

Кален нашел глазами черные одежды Лерда и, почесав подбородок, честно признался.

— Я начинаю верить в безумную теорию Ворона. Я вспомнил это. Вспомнил как это сделал он, Орлен. Я просто повторил то, что увидел.

Энель поежилась.

— Ты пугаешь меня, командор.

— Это не мои воспоминания, я не мог ничего такого знать. Но я знал, как их вывести из-под контроля. Знал, как нейтрализовать действие яда. И еще я знаю, что это не случайно, не случайно именно я вижу все это. С каждым новым днем, я все больше склонен поверить в безумную идею Лерда о перерождении.

Кара не стала дожидаться конца его речи.

— Где Крис? С ним все в порядке?

— Его не было здесь, Кара. Он был учеником Пира, вместе они выводили детей из цитадели. Но никто не может знать, где они прятали ребят. Придется надеяться на шпионов Энель, может быть они смогут что-то узнать, направить нас. Меня тревожит только то, что за последней группой они так и не вернулись, — он опустил глаза. — Теперь нам известно еще меньше, чем было известно, когда мы выходили из Держащего небеса.

— Демон раздери тебя, Кален. Ты парнишку ни разу в его жизни не видел, а он поступает так же как ты, дерьмо дракона! Ему одиннадцать, а уже туда же, спасать всех, подставляться, голову в капкан совать!

Энель лишь рассмеялась.

— Это в крови, Кара, не зависит от воспитания и окружения. Радуйся, ты по крайней мере знаешь, что у него доброе и храброе сердце.

— Точно. Если он еще жив!

— Ты раньше времени-то паренька не хорони. Если он действительно похож на отца, то будет жить долго, вопреки всему. Создатель не оставит его своей милостью. Предлагаю несколько дней подождать, может быть мои люди, что-нибудь смогут узнать, тогда сразу и двинемся дальше. Не вижу смысла возвращаться в Держащий небеса, чтобы потом опять

идти за парнем. Давайте-ка оставим остров, вернемся на последнюю нашу стоянку и там немного передохнем, узнаем обстановку. А потом уже будем принимать решения.

Кален согласно кивнул, Кара зло выругалась, но тоже согласилась. В тот же день они вернулись на свою стоянку и приготовились к ожиданию. Так прошло три дня.

Вечером, когда по лагерю продолжал ходить лишь патруль, а все воины уже крепко спали, у костра обсуждали последние новости. Информаторы Энель рассказали, что дети действительно скрывались в эльфийских лесах, это подтвердили эльфы, оберегавшие их. Они же рассказали, что Видящий, который привел детей пропал несколько недель назад, вместе с одним из мальчиков. Но всего три дня назад дети исчезли посреди дня, никто из эльфов не видел куда пропали дети и не знали причин их исчезновения.

— Итак, мы опять в начале пути. У нас нет никаких данных, мы ничего не знаем, — закончила Энель.

Кара злобно ругаясь выхаживала вокруг костра. Кален сидел молча и смотрел в огонь. Нависшую тишину, нарушил резкий окрик. Кто-то приближался к лагерю. У костра тут же возник воин с докладом.

— Командор, у границы лагеря что-то странное твориться. Там человек, а с ним дети, несколько десятков.

Кален резко поднялся. Если детей захватили в плен и хотят торговаться, вряд ли притащили их с собой, значит их привели, не для этого.

— Вам знаком человек, который привел детей? — он постарался скрыть волнение, быть может Мирра смогла отыскать детишек и привела их.

— Нет, командор, мне не знаком этот воин.

— Хорошо, сам разберусь, — Кален порывисто встал и направился к посту.

Пятеро имперцев уже окружили группу вновь прибывших, ожидая дальнейших указаний. Кален быстрым шагом приближался к человеку, стоящему к нему спиной. На руках мужчина держал двоих детей. Один мирно спал, положив голову на широкое плечо, другой только открыл глаза и протирал глаза. Рядом с мужчиной стояло несколько парней лет пятнадцати, они с улыбками смотрели на приближающегося командора. Одного из них Кален узнал. Как и Сандр, этот парнишка должен был в этом году стать Видящим. Сомнений не оставалось. Это были именно те ребята, которых они искали. Один из парней что-то шепнул мужчине и тот повернулся, скидывая капюшон.

— Дружище, — блеснули в бледном свете луны бесцветные глаза. — Принимай гостей. Ох, умаялся я с этими сорванцами. Хотя они молодцы, но нянька из меня никудышная, устал от них, видеть уже не могу.

— Гранд, — Кален не знал радоваться ему или набросится на друга с бранью, ведь если Гранд здесь, значит Мирра осталась одна.

— Не спеши сердиться, Кален. Давай-ка я детей сдам, а потом все тебе расскажу. Кстати, я тут тебе кое-что приготовил... необычное.

Гранд отпустил паренька, который проснулся, а другого передал старшему.

— Знакомься, дружище, — Гранд приобнял за плечи одного из ребят и стянул с него капюшон, растрепав светлые волосы грубой пятерней. — Это Кристиан. Крис, как и обещал, знакомлю тебя с Каленом.

Командор замер, встретив взгляд таких же голубых глаз. Он смотрел на свое отражение, только гораздо более юное.

— Командор, — несмело начал паренек, но закончить он не успел, сметая все на своем

пути, к нему мчалась Кара.

— Крис, негодник, как же я волновалась!

— Тетушка Кара, — мальчик обнял подбежавшую воительницу.

Гранд подошел к другу.

— Ты парней-то размести, командор, накормить их надо. Просить-то они не станут, но мы в дороге весь день были, боялись, что не успеем вас застать.

Кален лишь кивнул, подзывая патруль, отдал необходимые распоряжения и мальчиков проводили в лагерь. Спящих взяли на руки, у других взяли поклажу. Скоро от костров, уже были слышны довольные возгласы детей. Их кормили остатками ужина и уже готовили поздний ужин для так внезапно появившихся гостей. Кара все еще тискала паренька, воспользовавшись моментом Кален грозно посмотрел на Гранда.

— Я просил тебя не оставлять ее, она не справится одна, где она?

Крис вырвался из крепких объятий тетушки и подошел к командору.

— Командор, мастер Гранд не виноват. Мирра приказала ему вести нас сюда, сказала, что это важнее, чем просто сопровождать ее. Он не мог с ней спорить, она...

Мальчик запнулся, раздумывая над тем стоит ли рассказывать, как именно Мирра настояла на своем, стоит ли говорить о том, что, когда Гранд попытался ее уговорить в ней проснулась Адель, ее глаза стали черными, а кожа начала блестеть на солнце.

— Крис, — резко одернул его Гранд.

Кален прищурился, вглядываясь в лицо старого друга.

— Кален, давай-ка мы их к костру отведем, а потом уж допрашивать будем, — вмешалась Энель, отвлекая командора.

Кален зло посмотрел в сторону мастера меча, но кивнул. Теперь, когда Крис был рядом, его целиком охватило беспокойство за Мирриэль, особенно его встревожили воспоминания Гранда о том, как она вернулась, которые он без труда смог увидеть в памяти друга. Но он последовал совету Энель и присел возле паренька, чтобы встретиться с ним глазами.

— Ну, здравствуй, Кристиан. Я очень рад с тобой познакомиться, думаю, нам о многом нужно поговорить. У тебя, наверное, масса вопросов.

Мальчик сложил руки на груди и спокойно встретил его взгляд.

— Почти нет. Мирра мне все рассказала. Она была права, я действительно на тебя похож. Наверное, поэтому она тогда...

— Крис, — опять шикнул на него мастер меча. — Пойдем-ка, малыш, покушаем, пока нас зовут.

Кара ухватила паренька за руку и потащила к костру.

— Гранд, друг мой, тебе многое придется мне объяснить.

— Я и не сомневался, дружище. Вот только сказать мне тебе почти нечего.

— Ну, я буду тебя направлять. Например, мне бы очень хотелось узнать кто такая Адель и почему у тебя, старый вояка, чуть не испарина выступает, когда ты о ней думаешь? Я давно тебя знаю и совершенно уверен, что ты боишься ее. Я не могу поверить собственным словам, но это твои мысли, Гранд, твои ощущения.

— Как ты узнал о ней? Я же даже не заикнулся?

— Все меняется, друг мой, и в последнее время слишком быстро. Теперь я могу видеть твои мысли. Все мысли, друг. Даже мимолетные воспоминания. Сперва я испугался, что не смогу это контролировать, но теперь. Теперь я вижу, то что хочу, или то, что нужно. Так я и знал о Адель. Ты едва не вздрогнул, когда Крис заговорил о том, что Мирра тебе приказала

вести детей сюда и оставить ее. Я пока что не понял при чем здесь Адель, но это имя просто всплыло у тебя в голове.

— Крис. Просил же я его, не вспоминать об этом. Но он не удержался. Он то еще не знает, что тебе достаточно просто намек и ты тут же все почувствуешь.

— И мне совсем не нравится то, что я чувствую. Крису угрожала опасность?

— От нее? — Гранд усмехнулся. — В случае с Адель, опасность угрожает всем, кроме тебя и Криса. Но, раз уж мне придется тебе и это рассказывать, я бы предпочел сперва поест. Первым делом еда, потом уже казнь, договорились?

— Мастер Гранд, Мирра же просила не говорить отцу про Адель, — услышав их разговор Крис уже вырвался от Кары и шагал рядом с ними. — А ты действительно ее испугался, Гранд?

— Я испугался, парень. Но даже я с трудом могу понять испугался я ее или за нее. Даже не знаю, что хуже. Я никак не мог поверить, что мое небольшое опоздание так ее рассердит.

— Ты пришел почти в полдень, мастер, она была очень зла! И если бы не я...

— Молчи, Крис!

— Стоп, — остановил их Кален. — Адель была с мальчиками и Мирриэль? Она их нашла? Кто она?

— Крис, давай-ка, дружок, ты замолчишь. И мы с твоим отцом и его советниками попытаемся разяснить ситуацию, пока я все еще могу разговаривать, пока твой отец не убил меня.

— Он не убьет, он знает, что Мирра бы этого не одобрила, а вот Адель...

— Крис, хватит, ты и так сказал уже слишком много, — Гранд потрепал паренка по голове.

— Хватит, мальчики, — Энель появилась бесшумно, взяла Криса за руку. — Тебе, мастер меча, кое-что знать нужно, у нашего Калена новая способность, он видит не только ложь. Он видит все, прошлое и настоящее, все эмоции, чувства, все, что испытывал человек в тот момент или испытывает сейчас.

— Энель, опять — застонал Кален. — Прекрати об этом думать!

— Прости, Кален, не могу. Но больше никому не надо знать о моих мыслях, — она сурово свела брови.

— Командор, — освободив свою руку из ладони Энель, Крис подошел к Калену. — Она говорила мне, что ты — мой отец. Раньше мне хотелось надеяться на это. А теперь я готов в это поверить еще больше, чем прежде. Но я... Командор, я всего лишь ученик и если вы скажите, что мне лучше...

— Крис, — очень спокойно Кален опустился на колени и потрепал мальчика по щеке и обнял. — Ты — мой сын. Это не вызывает у меня сомнений. Кара подтвердила это и у меня нет оснований сомневаться в ее словах. Но, мальчик мой, я совсем не знаю, что значит быть отцом. Я не знал о твоем существовании до недавнего времени... Крис, мне потребуется некоторое время, чтобы привыкнуть к этой мысли и научиться быть отцом. Я очень хочу стать хорошим отцом, и буду очень стараться.

— Она так и сказала, — улыбнулся Крис. — Сказала, что, если бы ты знал, ты бы нашел меня.

— Так и есть, Крис, — Энель улыбнулась. — Но сейчас нам всем нужно просто накормить голодных, отложив взрослые разговоры на потом.

У костра сидели четверо взрослых и мальчонка. Наевшись до отвала, паренек начал

зевать, но наотрез отказался уходить. Первой его попыталась взять на руки Кара, но он поцеловал тетку и отстранился.

— Можно? — подойдя к Калену спросил парнишка. — Я не хочу больше потеряться, не хочу чтобы это было сном.

Кален улыбнулся и посадил парнишку к себе на колено.

— Спи, Крис. А мы тихонько поговорим.

Он поглаживал парня по голове, пока тот не уснул. Аккуратно уложив паренька, Кален укрыл его своим плащом.

— А теперь, Гранд, ты мне все расскажешь! Начни с самого начала. Что случилось после того, как я увел людей? Я думаю всем здесь присутствующим будет интересно узнать все из первых рук.

— Кален, я отвечу на твой вопрос, но ты действительно хочешь, чтобы я говорил в присутствии Ворона?

— Мое имя Лерд, мастер меча. Сколько долгих лет наш орден мечтал заполучить тебя в свои ряды, но ты всегда был непреклонен и вот настал тот день, или точнее та ночь, когда у одного костра мы все сидим, наслаждаясь его теплом и дружеской беседы. Я — Хранитель, Гранд, такой же, как и ты. Я один из немногих, кто понимает, что перед лицом такой угрозы, все прошлые распри не имеют значения.

Кален согласно кивнул. Гранд почесал небритую щеку.

— Да уж. Эта девчонка сводит меня с ума. Сначала орк, потом мальчишки, а теперь Ворон. Она всех сведет с ума. Рыдгар был прав, женщина не должна быть такой...

— Кто такой Рыдгар? — перебила его Энель.

— Рыдгар — имя орка, что был с нами. Но начать я хотел не с этого... Когда стемнело, мы увидели войско, что стояло под Лорингом. Там были Видящие, прости, друг, мне пришлось пробивать, чтобы осуществить задуманное нами. Я многих убил. Твоих и моих братьев. Но все они были заражены. Там были демоны, призраки, скелеты, зомби, вся нежить, поднялась по ее зову. Кален, девочки, я видел ее, видел собственными глазами. На моих глазах она обращалась из женщины в дракона и сеяла пламя среди опустошенных домов Лоринга. Наш враг — Красный дракон, Калисто...

— Ты спятил, мечник? — невесело ухмыльнулась Энель. — Драконы — лишь вымысел.

— Нет, девочка. К моему сожалению, нет. Я видел ее, как сейчас тебя. Она... восхитительна, обольстительна, великолепна и... ужасна. Рыдгар должен был убить нас, или хотя бы меня, Мирру он должен был доставить своей госпоже, но, когда Мирриэль спасла его, он усомнился в своих идеалах.

— Мирра спасла орка? — вставила Кара. — Я же говорила, она сумасшедшая!

— Если бы не Рыдгар, мы бы не выжили в эльфийских лесах. Если бы не Рыдгар Мирриэль никогда бы не нашла Криса, не спасла бы его от казни, Кален бы никогда не встретился со своим сыном.

— Мирриэль спасла Криса от казни? — выхватил из его рассказа Кален самые страшные слова.

— Мы выходили ее. Я и орк. После того как она открыла проход в мир духов, защитив его энергией жизни, чтобы мы не пострадали. В нем мы и спрятались от неминуемой гибели, но орк попытался меня добить, она встала у него на пути и была серьезно ранена, а потом она совершила очередное безумство, — Гранд печально смотрел в огонь. — Мы бы не смогли выбраться без нее, она уже теряла сознание, я был ранен, нести ее я не мог. И она

использовала единственный источник энергии доступный в мире духов, свою жизненную силу. Она смогла приблизить выход на столько, что нам оставалось сделать лишь несколько шагов. Но она дорого заплатила за этот отчаянный шаг. У ее тела не осталось энергии на восстановление, она просто иссушила себя, это привело к тому, что все ее раны, все, что Инариэль залечил, все вернулось и навсегда застыло кровавыми рубцами и ужасными шрамами. Орк тогда впервые назвал ее Темным эльфом, попробовав ее кровь. Но для меня это не стало новостью. Я уже подозревал это.

— Темный эльф? — изумленно вставил Лерд.

— Да, темный эльф, — нехотя пояснил Гранд. — Эльф, способный управлять темными энергиями, которые обычно убивают в этой древней расе свет и добро. Немногие выживают после этого, единицы. Я никогда не встречал таких, как и многие века до этого. Древнее знание о перерождении было утрачено много веков назад. И вот появляется Мирра и ее странная связь с миром демонов. Когда я впервые ощутил ее сопротивление, прикоснувшись к ней, я сразу понял, что это. Я испугался, что девочке суждено умереть перерождаясь, моих знаний хватило бы лишь на начало процесса. Ведь все что мне известно относится только к людям, как это действует на эльфов, я не имею представления. Я решил, что попробую ей помочь, хотя бы попробую. Поэтому я и остался с ней, Кален. Я знал, что моих пусть и скудных, но все-таки знаний хватит на некоторое время, хватит чтобы продлить ее жизнь, я надеялся приостановить процесс перерождения.

— Кровь демонов, — понимающе кивнул Лерд.

Гранд пристально взглянул в глаза Ворона, но тот расслабился и на лице его заиграла самодовольная ухмылка.

— Продолжай, Гранд, — вывел его из задумчивости Кален.

— Несколько недель она не приходила в чувства, мы уже сдались бы, но я знал, что она еще жива, я верил, что она сможет вернуться. И мы ждали. Когда она пришла в себя и заговорила с Рыдгаром, тот сказал, что должен будет вернуть ее Калисто, если не найдет другой путь. Он рассказал нам про свободное племя, живущее в эльфийских лесах.

— Свободное племя? — изумилась Кара. — Племя орков в эльфийских лесах?

Гранд кивнул.

— Именно так, Ищущая. В эльфийских лесах скрывается племя орков, они отказались от служения Калисто и искали спасения в этих краях. Рыдгар — шаман, один из духов рассказал ему об этом племени, но сам орк не смог бы его отыскать, его бы настигли стрелами с белым оперением уже на подступах к лесу, и Мирриэль решила ему помочь. Она ушла ночью. Что было с ней в лесах я не знаю достоверно. Она лишь сказала, что смогла вернуть долг королю эльфов, а потом ее нашли орки.

— Гранд, — покачал головой Кален. — Я уже знаю, расскажи и всем остальным.

Гранд тяжело вздохнул и приложился к поданной Энель бутылке гномьей настойки.

— Я боялся, что мне придется все рассказывать. Меня лишь успокаивает твоя безмятежность, Кален. Я думал ты меня убьешь.

Кален улыбнулся уголками губ.

— Ты бы все равно не смог с ней ничего сделать, не смог бы ее остановить. Твоей вины нет в том, что она упряма до безобразия. К тому же я знаю. Что она вернулась, а значит, все было сделано правильно.

— Она пошла к эльфам. Ей позволили пройти достаточно далеко, а потом ей пришлось доказывать свое право идти дальше. Она устроила небольшую демонстрацию своих

возможностей, а потом закрыла один из разрывов. А потом она, опять сделала необходимую глупость, — Гранд вздохнул. — Рыдгар прав, эта женщина неуправляема. Я искренне тебе сочувствую, друг мой. Она вошла в мир духов, отыскала там Раирнаила и вернула его, стерев из его памяти все воспоминания о себе. Она освободилась от клятвы вечной любви. Раир не узнал ее. Она погостила у эльфов, но высокомерие и холодность их знати чужды ей. И она сбежала. Опять сбежала. Некоторое время она блуждала по лесам, в поисках поселения орков, а потом орки сами ее нашли. Она сказала, что вольное племя заботилось о ней и помогло в одном деле с которым сама бы она никогда не справилась. Я думаю, что именно орки помогли ей стать тем самым Темным эльфом, которым она должна была стать. Они черпают знания у духов предков, поэтому они знали, что делать. Там она узнала о лагере магов крови. У них в плену был один из орков, и Мирра вызвалась ему помочь. Опять бросилась в омут с головой. В полном одиночестве. Она сказала, что это было очень важно для нее. Она нашла магов, или точнее они нашли ее и бросили к пленным. Там она и встретила Криса. О том, что случилось там, лучше расскажет Крис, если вам это будет так интересно, что вы заставите парня еще раз вспоминать тот кошмар. Но Мирра предпочла бы чтобы никто из вас никогда не узнал подробностей, это точно. Могу сказать, что она всех спасла, как обычно.

— В твоём рассказе нет ни слова о Адель. Кто это? Почему она пугает тебя? — напомнил ему Кален, поглаживая Криса по волосам.

— Адель, — Гранд повел плечами будто сбрасывая оцепенение. — Адель-демон.

— Демон? — переспросил Кален. — Одержимый?

— Нет, Кален. Не одержимый. Она не одержима, она просто демон во плоти. Даже не так. Мирриэль сразу поняла, что Крис твой сын, она должна была спасти его, спасти их всех, предотвратить убийства, но она не могла этого сделать своими силами, она не Видящий, не может обращать магию против магов, тем более ей нечего было противопоставить нескольким десяткам магов крови. Она приняла сложное, но единственно верное в той ситуации решение. Она Темный эльф. Если вы все еще не поняли, я постараюсь объяснить чуть более наглядно, надеюсь, что никому из нас не придется этого видеть в реальности, — Гранд достал монетку и покрутил ее в пальцах, он повернул одну сторону монеты к огню, так что пламя отразилось от блестящей поверхности, указав на освещенную часть монеты Гранд произнес. — Это Мирра, все светлое и доброе, что есть в ней, такой мы ее знаем. А вот это, — Гранд указал на темную сторону монеты. — Это все то, что Мирра пытается скрыть, от всех, и в первую очередь от себя. Это ее страх, боль, слабость, ненависть, она не позволяет себе даже думать о таких вещах, но они есть, они никуда не исчезают, весь этот мрак накапливался и когда она использовала свою жизнь в мире духов, чтобы спасти нас, этот мрак обрел свою жизнь, нашел выход. И имя этой тьме — Адель. Мирра учится жить с этим, она учится подчинять Адель себе, но на это требуется время. А пока что, как только Мирра чувствует свою беспомощность, злость или что-то с ее точки зрения предосудительное, то чего она не должна чувствовать, ей на выручку приходит Адель. Она перестает быть Мирриэль — светлым эльфом, она превращается в прекрасного демона по имени Адель.

— Мирриэль и Адель — это одно и то же? — переспросила Энель.

— И да, и нет, миледи. Адель — это то, чего в Мирриэль быть не должно по ее собственному мнению, поэтому у нее другое имя. Это жестокость, доходящая до крайности, это безразличие, это ненависть, это похоть, — Гранд смотрел на Калена произнося все это и

видел, как напрягся Видящий при последнем слове. — Однажды Мирра смирилась с тем, что в ней есть все это, тогда Адель исчезнет, наверное. Но пока что, ей нужна Адель, чтобы она могла принимать все то, что ей приходится делать, списывая это на деяния демона. Адель защищает Мирру, в какой-то степени. Ей больше не нужна ничья помощь, Кален. С этим ей никто не поможет. А со всеми врагами и неприятностями Адель справится легко, непринужденно, грациозно и безусловно кроваво. Как и любому демону, ей нужна кровь, ей нужны жизни, и она, не задумываясь, их отнимает. Вам не стоит тревожиться о Мирре, она под очень надежной защитой.

— Но ведь она воплощение Зеленого дракона, она не может быть такой, — задумчиво проговорил Ворон. — Или же я ошибся, и она не Элирия?

— Ты не ошибся, Ворон. Но Элирия лишь часть Мирриэль. Она простая смертная, а не дракон, и ей свойственно все то, что свойственно смертным. Она не может быть такой, какой была Элирия. Но она так верит в это, что ей потребовалась Адель. Единственное, что тревожит меня, — Гранд задумался. — Адель очень сильна. Я боюсь, что однажды, призвав ее, позволив ей действовать Мирриэль не сможет вернуться. Адель останется, а Мирра станет лишь тенью, воспоминанием.

— Она вернется, — пробормотал, протирая глаза Крис. — Просто нужно чтобы рядом был я или отец. Она сама так сказала. Адель. Когда она смотрела мне в глаза, она сказала, что внутри нее горит пламя любви, а демон не может чувствовать любовь, поэтому возвращается та, которая может, возвращается Мирриэль. Она любит тебя, отец! Эта любовь, всегда ее заставляет вернуться. Это мне сама Мирра сказала, правда, я тогда еще не знал кто она и не знал, кто ты. Но теперь я знаю, мы всегда сможем ее вернуть.

— Спи, Кристиан, — нежно проговорил Кален. — Спи, сынок. Мы завтра с тобой об всем поговорим. А теперь, засыпай, а лучше ступай к друзьям, мы тут будем скучные вещи обсуждать, тебе будет неинтересно. А там ты согреешься и выспишься.

Мальчик послушно кивнул и побрел к остальным мальчикам.

— Итак, она любит тебя, а это еще раз подтверждает все мои догадки, да и Гранд придерживается того же мнения. Ведь так, Нейтрал? Ты тоже веришь, что они воплощения драконов?

— Нейтрал? — удивилась Кара.

— Бывший, — поправил Лерда Гранд.

— Последний, — вставила Энель. — Итак, у нас полный комплект. Осталось разобраться, что же мы все-таки можем сделать. И, если поверить всем вашим рассказам, про драконов и Источник... Мы должны его найти.

— Только что делать потом? Когда мы найдем Источник, что нам с ним делать? Разрушить? Искупаться в нем? — Кален задумался, рассеянно глядя на мерцающие в ночи языки пламени.

Теперь он понимал, что значил его сон. Мирра не заблудилась в мире духов, она была там по праву, по праву демона. Она стала тем, с чем боролась, она пошла на это ради его сына. Но что теперь? Осталась ли она собой? Он видел в памяти Гранда ее образ, когда она пришла в себя на опушке эльфийских лесов, и теперь не мог осудить эльфов за жестокие слова, но он видел ее и когда она вернулась с Крисом. Она была прежней, была той милой эльфийкой, которую он когда-то полюбил, только в глазах ее поселились метущиеся черные искры, Гранд мог их и не заметить, а вот он сразу обратил на это внимание. Кем она стала?

— Командор, — окрикнул его один из стражей.

— Что еще?

— Там был кто-то еще, неподалеку от лагеря.

— Был? — вскинула бровь Энель.

— Да, миледи. Тень. Она скользила за пределами нашего восприятия, но маг смог ее засечь, а потом эльфы подтвердили, что кто-то исчез, растворился в ночи, едва мы довели ребят до лагеря. Эльфы даже пустили несколько стрел, когда никто не отозвался на оклик, но никого не задела, хотя они отменные лучники.

— Мирра, — выдохнул Кален, закрывая глаза.

— Она не могла не увидеть тебя, дружище. Прости. Я знал, что она где-то рядом, чувствовал ее взгляд, но не мог ничего тебе сказать, — Гранд положил тяжелую руку на плечо друга. — Ты бы бросился ее искать, а она этого не хотела. Дай ей время. Она вернется.

— Она всегда возвращается, — тихо проговорил Видящий. — Всегда. Я пойду. Завтра поговорим.

Боль, что отразилась на его лице, заметили лишь те, кто сидел у костра.

— Зачем она так с ним? — подсаживаясь чуть ближе к мастеру меча спросила Энель, сдвинув брови.

— Она его любит и очень боится, боится его потерять, боится, что он не сможет принять ее изменения, боится, что накличет на него беду, милая моя, — мягко проговорил Гранд, глядя в глаза шпионке.

— Разве это любовь? — изумилась Энель и словно случайно коснулась руки этого странного мужчины, протягивая замерзшие руки к огню.

— Именно это и есть любовь, Беда, — спокойно проговорил Лерд. — Когда жизнь любимого, важнее пребывания рядом с ним. Ты и сама это знаешь, малышка. Ты поступила так же.

Энель презрительно фыркнула.

— Она хотя бы может быть уверена, что он ей не лжет.

— Хватит, — остановила их пререкания Кара. — Я не хочу больше ничего слушать. Предлагаю всем отправиться спать, этой ночью мы уже ничего не сможем решить. Хорошо если Кален завтра будет в настроении что-то обсуждать. А то как появляется эта несносная эльфийка он совершенно теряет голову. Идем, Ворон, ты под моим присмотром, так что вперед. В отличии от некоторых я не испытываю к тебе слабости, так что вперед, сегодня будешь спать в одном шатре с Ищущими.

Она недобро улыбнулась.

— Угораздило же! — закатил глаза Лерд. — Беда, ты не заступишься за меня? В твоём шатре гораздо безопаснее для меня, там и лежанка хорошая, а то, боюсь, воительница меня спать на пол уложит, привязав к своей постели.

— Нет, Лерд, — Энель холодно взглянула в его глаза. — Я простила тебя. На большее ты не можешь рассчитывать. И этого много для тебя.

Лерд печально вздохнул и послушно поплелся за Карой.

— Ты строга с ним, Энель, — улыбнулся Гранд, когда они остались одни. — Ты что дрожишь? Замерзла?

Он поднял валяющийся плащ Калена и накинул на плечи сидящей рядом женщины. На краткое мгновение его руки задержались на ее плечах, легонько их сжав. Он уже собирался убирать руки, когда его грубую руку накрыла аккуратная ладошка, вынуждая его задержаться. Зеленые глаза встретились с его глазами, и она очень тихо, без насмешки и

стали в голосе произнесла:

— Так теплее. Настоящее человеческое тепло.

Гранд не мог даже представить себе, чего ей стоили эти простые слова. Он немного опешил, но прикоснувшись губами к ее холодной руке все же отстранился от нее.

— Не нужно этих игр, милая. Я слишком стар для этого. И, боюсь, не слишком подхожу на роль жертвенного животного.

— О чем ты? — будто бы удивившись Энель подняла вопросительно бровь, не сводя с него глаз.

— О том, милая, что я знаю, чем все закончится для меня. А я не собираюсь в мир демонов в ближайшее время.

Она зло сощурилась.

— Кален, — догадалась она.

Он кивнул и сел рядом с ней.

— А если все изменилось? Измениться? Ведь сейчас время перемен.

— Я буду рядом, когда это случится. Когда все измениться. Когда ты перестанешь видеть во мне лишь героя похабных песен и увидишь человека. А сейчас, миледи, я, пожалуй, раскланяюсь и отправлюсь спать. Дорога с этими сорванцами не была легкой. Доброй ночи, Энель, — бросил он через плечо, направляясь в шатер командора.

— Кален, негодяй, когда успел-то? — зло прошептала она и поднявшись отправилась в свой шатер.

Но по воле случая, она увидела командора, выходящего из шатра, где расположились дети.

— Кален, — грозным полусшепотом окрикнула она его.

Он спокойно встретил ее разгневанный взгляд.

— Стрелочка, — его губ коснулась такая знакомая полуулыбка. — Ты чем встревожена?

— Что ты ему сказал?

— Кому?

— Гранду! Не прикидывайся! Я... попыталась привлечь его внимание, но он...

— Отказался? — Кален задумчиво потер подбородок. — Значит ты должна быть счастлива, Энель.

— Счастлива? Ты же видел мои мысли, как должен отказ сделать меня счастливой?

— А ты подумай головой, — усмехнулся он и озорные искорки забегали в его чистых глазах. — А еще говорят, что мужчины в такие моменты думают не головой, вы, женщины, похоже не лучше. На моей памяти, Гранд ни разу не сказал «Нет» ни одной женщине, или не женщине, но особе женского рода. Он всегда рад весело провести время.

— Я знаю, — зло прошептала она. — Так почему со мной не так?

Кален положил руку на плечо подруге и тепло улыбнулся.

— Потому что с тобой не так, как со всеми. С тобой не так, потому что ты — другая, особенная. Понимаешь?

Она упрямо качнула головой и вырвала плечо из его пальцев.

— Он сказал, что не хочет становиться жертвенным животным...

Кален рассмеялся.

— А ты, дорогая, думала, что никто не знает о твоих привычках и обычаях? Он слишком долго был Нейтралом, он знает, что делают с нежелательными свидетелями, а в твоём случае любой может представлять опасность. Так что не удивляйся. Он не пылкий юноша, Энель.

Он старый бродяга, воин. Его пытались захомутать магички и суккубы, если забыть про навязчивость воронов и просто желающих его руками решить свои проблемы. Ты думаешь он плохо изучил вашу породу? Он все понял, лишь единожды уловив твой пылкий взор. Но раз он отказался, значит он поставил условие, Энель. Он ничего не делает просто так. Просто попытайся понять его слова. И все станет проще. Не печалься, Энель. В любви не бывает все просто. Это счастье, а счастье нужно заслужить, милая. Чем я и занимаюсь. А теперь отправляйся к себе и хорошенько подумай. Завтра поговорим.

Он потрепал ее по щеке и ушел, оставив шпионку в растерянности.

— Мужчины! — вздохнула она и отправилась спать.

Уже лежа в своей постеле, погасив огонь и закрыв глаза она вспомнила странные слова старого эльфа: «Позволь себе быть человеком».

— Если бы это было так просто, — вздохнула она, и ее окутал тревожный сон.

Глава 13.

Она не смогла заставить себя уйти. С замиранием сердца она следила, укрываясь в темноте ночи, как к мальчишкам подошли стражи. Подло екнуло сердце, едва она смогла различить белые одежды Видящего, размашисто шагающего к группе спасенных детей. Где-то глубоко в душе презрительно рассмеялась Адель. А она не могла даже вздохнуть, напрягая зрение до боли в глазах, сиюсь рассмотреть такие нежно любимые, родные черты.

«Дура, — насмешливо проговорил демон. — Если он так нужен тебе, иди к нему и ничего не бойся. Пока я с тобой, тебе даже Калисто не страшна. Мы с ней сможем справиться. Иди. Всего-то одна ночь ничего не изменит. Завтра продолжишь свой путь.»

Она отмахнулась от навязчивой идеи и проглотив предательские слезы скользнула еще глубже во мрак, заставляя себя отвернуться.

— Я вернусь, — прошептали бескровные губы.

Она так распереживалась, что едва успела увернуться от эльфийской стрелы. Злобно обругав себя за невнимательность, она накинула эльфийский капюшон и стала частью ночи.

Утро застало ее бегущей по берегу моря. Она бежала на встречу солнцу, бежала из последних сил. Бежала с того самого момента, как рядом просвистела эльфийская стрела. Еще за несколько часов до рассвета, выйдя на промерзший берег моря, она сняла эльфийские сапоги из тончайшей кожи, чтобы не замочить их. Безумная гонка с самой собой, бег от себя, от него. Она бежала всю ночь. Стараясь оказаться как можно дальше от лагеря Хранителей, чтобы не было соблазна повернуть назад. И теперь на глазах ее блестели слезы, не от боли, которую причинял каждый шаг сбитых в кровь о ледяной наст ног, не от холода зимнего утра, сковывающего все тело, она была напугана и пыталась бежать от своего страха. После неожиданной стычки из-за опоздания Гранда, когда вернуть ее смог только пристальный взгляд Криса, она поняла, что Адель не исчезла навсегда, она лишь затаилась, выжидая удобного момента, чтобы напомнить о себе. Она злилась на себя и не знала, как теперь жить. Если каждая вспышка гнева будет приводить к появлению Адель, которую нельзя контролировать, которая будет крошить и убивать, наслаждаясь своей властью, становясь сильнее с каждой каплей крови. Чем она стала?

У нее опять не было ответов. И она опять не знала куда идти.

«Беги, Мирра, беги. Ничего не бойся. Я с тобой! — шептала Адель в ее голове. — Как

же приятно, снова было вернуться. Ты мечтаешь избавиться от меня? Но кем ты станешь без нас всех? Без Элирии, тысяч ее воплощений, меня? Простой эльфийкой? И что ты сможешь противопоставить Калисто? Свои клинки? — Она презрительно фыркнула. — Ты даже с ними не сможешь управиться, если станешь просто собой! Так что беги, лети, делай что хочешь, тебе не уйти от себя. Ты же знаешь, что я права. Сама подумай, эта земля проклята. Проклята вами, неразумные Боги! Но ты хочешь все исправить, так принимай мою помощь! Со мной ты можешь играть по своим правилам! Ты можешь смеяться в лицо судьбе и спокойно идти против нее, кто еще способен на такое? Только ты! Только мы! Ты боишься? Но это правильно! Ведь только тот, кто знает, что такое страх, может быть смелым! Только тот, кто даже перед лицом опасности не опускает гордо поднятой головы. И это ты, Мирра. Только ты! Ты воплощение древнего бога! Ты должна стать еще сильнее. Ты должна принять меня, принять Элирию, принять наши силы и научиться пользоваться нашими дарами. Иначе тебя ждет поражение! Я не лгала тому магу. Я — была Элирией, просто она не отделяла меня от себя. Ты восстанавливаешь свои силы! Так и должно быть!»

Она не сбавляла шаг. Из легких судорожно вырывался воздух, она задыхалась, но не останавливалась. Она все еще чувствовала, как ее кожу обгадила кровь магов, слышала их крики, ощущала их страх. Это была не она. Это была Адель!

«А ты бы предпочла смотреть как они разрывают Криса на куски, пока ты пытаешься их уговорить?»

Нет! Никогда! Этого бы она не выдержала. Все было сделано правильно. Так было нужно. Слезы катились по бледным щекам. Она остановилась не в силах сделать больше ни шагу, ноги подкосились, ее согнуло судорогой, и она закричала, выпуская из своих горящих легких весь воздух до последней капли. В ужасе взмыли в небо гнездившиеся на берегу птицы.

— Да, демон! Ты права! Ты — это я! Это все я! И у меня есть к тебе дело, Адель. Мне нужно найти кое-кого в мире духов, в мире вечного лета.

«Тебе надо, ты и ищи! — проговорила строптивая демонесса, а потом вкрадчиво добавила. — А я пока погуляю по белому свету, покажу ему, какой может быть Мирриэль, когда ее не хотят слушать»

— Герои не живут долго и счастливо? Попробуем это исправить.

«Хочешь найти лазейку для себя, исправляя ошибки прошлого? Хочешь доказать себе, что есть другой выход? По-моему, глупая затея, но я не стану тебя отговаривать. Дело твое.»

— Вот именно, Адель. Мое, — рука сжалась на тоненьком колечке, все еще лежащем в тайном кармашке. — И пора его закончить.

Восходящее солнце коснулось бледной щеки, отразившись тысячей лучей на нежной коже. словно граненный алмаз. Блеснул за спиной огненный лук. Легкая усмешка коснулась тонких губ. Небрежным движением поправив волосы, с колен поднялась женщина с черными глазами.

— Спасибо, Мирра. Нам будет хорошо, ты сможешь привыкнуть ко мне, и окончательно принять, — она звонко рассмеялась, облизнув потрескавшиеся губы. — Ну, а теперь. Надо бы перекусить. Не бойся, Мирра, я буду выбирать жертв. В мире полно заразы, которую необходимо уничтожить! Итак, мир, вот и я!

Лагерь Хранителей проснулся с первыми лучами солнца. Вновь запылали костры, в морозном воздухе уже разносились запахи готовящегося завтрака. Маги разогнали тяжелые тучи, из которых вот-вот собирался пойти снег. Обычная суета на привале.

Кален проснулся одним из первых. Где-то глубоко в душе он ощутил внезапный холод, который заставил его вздрогнуть и резко открыть глаза.

— Мирра, — шевельнулись его губы, но сердце не отозвалось теплом, как обычно при мысли о ней, она глухо ударилось о ребра и застыло, скованное холодом.

Он тут же поднялся, стараясь разогнать по жилам застывающую кровь. Но чувство неминуемой беды не прошло. Он схватился за кинжал, хотя рядом и не было врагов, он был среди друзей. Окинув быстрым взглядом большой шатер, он сразу нашел мальчиков, которых разместили тут же. Крис спал, свернувшись клубком. Губы командора тронула легкая улыбка, холод отступил, но тревога осталась. Кален размял затекшие плечи и достал меч. Лучше всего сейчас будет отвлечься, а лучшего средства от душевных болей, чем упражнения с оружием он не знал. Да и соперник подходящий звонко храпел совсем рядом. Озорно блеснули глаза, вспомнив детскую проказу, он решил устроить Гранду резкий подъем и разбив образовавшийся за ночь лед в бочке у шатра, набрал полную плошку ледяной воды.

— Я не сплю, Кален, — встретил крадущегося командора открытыми глазами мастер меча. — Твоя выходка — просто неприемлема. Мы взрослые люди, а ты ведешь себя, хуже этих детей! Неужели ты думал застать меня врасплох?

— Надеюсь, — честно ответил Кален. — Ты любил так нас будить, когда-то.

— Это было так давно, Кален. Ты был едва ли старше Криса.

— Да, — грустно улыбнулся командор. — Не хочешь размяться?

Гранд широко улыбнулся и сбросил одеяло.

— Ты же знаешь, я всегда готов помахать мечом. А то за месяцы сидения у эльфийского леса, и имея в противниках только орка, я совсем заржавел, — он аккуратно достал один из своих мечей. — Они отличные бойцы, Кален. Орки. Если у них все такие, как Рыдгар, я понимаю, почему пришлось объединять эльфов, гномов и людей, чтобы их остановить. Надеюсь, нам удастся избежать прямого столкновения с ними, иначе, все наши прошлые битвы, покажутся нам с тобой детскими шалостями.

Кален ничего не ответил, он даже не слушал. Громким набатом в его висках стучала кровь и при каждом ударе сердце замирало, словно размышляя стоит ли продолжать биться.

— Что-то случилось, Гранд. С Мирриэль. Я не знаю, что. Но ей очень плохо.

— Что за мысли, дружище?

— Я знаю, Гранд. Она в беде.

— Кален, ей ничего не грозит. Поверь. С Адель никто не сможет совладать, она уложила больше двух десятков магов крови, по словам Криса, даже не вспотела. Твоей милой эльфийке ничего не грозит.

— Кроме самой Адель, — решился озвучить свои мысли Кален.

— Не думай об этом. Пойдем-ка на воздух. Или ты решил меня оставить без боя?

Кален улыбнулся и шутливо поклонился.

Едва они вышли из шатра, зашевелились мальчишки.

— Пошли смотреть, — растолкали они Криса. — Гранд будет с командором Каленом драться.

Крис несколько раз моргнул глазами и, на ходу обувая сапог, опрометью бросился за

друзьями.

Сперва взрослые не обратили внимания на двух воинов, скрестивших мечи в дружеском поединке, но стоило им присмотреться кто эти двое, и вот уже по краю облюбованной для поединка полянки собралась целая толпа. Мальчишки кричали от восторга при каждой атаке и блоке, да так, что даже не было слышно звона металла, а так как клинки постоянно сходились и расходились, вновь наталкиваясь друг на друга, веселое улюлюканье и радостные вопли не смолкали ни на мгновение.

Разбуженные этими криками к месту схватки стали подходить Ищущие. Кара все еще сладко потягивалась, стоя у шатра, когда ее чуть не сбил с ног один из имперцев. Недолго думая, она ухватила его за висящий на спине капюшон плаща.

— Что такое там происходит, что за вопли с утра пораньше.

Имперец просиял.

— Драка! На мечах тренируются. Говорят, мастера какие-то, а крик — дети подняли.

— Разминка — это хорошо, — зевнула Кара. — Лерд, ты встал там? Пошли посмотрим на тренировку. Мастеров в лагере немного, скорее всего Кален устроил себе веселье. Бычара нашел себе равного. Надеюсь, хоть кто-то сможет его проучить.

— Иду, — отозвался из теплого полумрака Ворон.

Растолкав зрителей Кара встала в первом ряду, рядом с Энель, которая появилась несколькими минутами раньше.

— Ну и что тут, Стрелочка?

— А? — вздрогнув от неожиданности переспросила Энель.

Кара подозрительно покосилась на подругу.

— Ты что не слышала, как мы подошли? Это на тебя не похоже, да еще и вопрос мой не расслышала. Ты здорова?

Лерд рассмеялся.

— Нет, Кара, она больна. И, по-моему, достаточно тяжело. Она ничего не слышит, потому что причина ее заболевания, захватила ее внимание целиком и все ее мысли заняты одним человеком. Пока она не получит, то чего желает, она не выздоровеет. Я ведь прав, Беда? Это его Кален видел в твоих мыслях?

Она не ответила, лишь смерила его презрительным взглядом.

— Что ж, не буду скрывать, что мне хотелось узнать кто он. И теперь я спокоен. С этим я даже не попытаюсь тягаться. Только если яд, но точно не честный поединок.

Энель зло сверкнула глазами.

— Ты не посмеешь! Иначе ты будешь молить меня отдать Каре и ее отряду, даже их пытки покажутся тебе нежным прикосновением, по сравнению с тем, что сделаю с тобой я.

— Тише, Беда. Это были лишь мысли, я не собирался ничего ему делать. Все что связывало нас, осталось в прошлом. Я рад твоему прощению, Энель, — уже серьезно проговорил Лерд. — Я уже давно отпустил тебя, малышка. И не имею претензий. Это была лишь невинная шутка и скрытое восхищение его мастерством.

Слушая их перепалку Кара переводила хмурый взор с них на дерущихся и обратно.

— Энель, о чем сейчас этот Ворон треплется? Неужели и ты туда же? Двое влюбленных в одной команде — это уже слишком! Да какое двое? Инар тоже со своей милкой не расстается, не удивлюсь если даже Дарк себе уже какого солдата присмотрел. Одурели дружно? Война на пороге, а у них одни шуры-муры на уме! Тьфу, мерзость какая! Тоже мне вояки!

Кара так разошлась, что толпа вокруг них слегка расступилась. Но даже устроенные Карой разборки не отвлекли зрителей от захватывающего действия. Взрослые, как и дети с восторгом наблюдали за поединком равных.

— Устроили балаган, — проворчала Кара. — Клоуны.

Но даже она не могла отвести глаз, стараясь рассмотреть происходящее, научиться новым приемам.

— Слишком быстро, — с горечью произнесла она. — Ничего не понятно. Я никогда не видела ничего подобного. Что вытворяет этот старик?

— Он не старик, — толкнула подругу в бок Энель. — Кален сказал, что он немного старше нас, просто он такой... необычный.

Кара посмотрела на подругу и покачала головой.

— Мало тебе было Ворона в любовниках, теперь нейтрала подавай? Тянет тебя на экзотику, подруга. Имперцев в твоём списке ещё нет? Может за Дарка возьмёшься? Перевоспитаешь, глядишь и толк выйдет из мужика!

— Фу, Кара, — поморщилась Энель. — Ты такая противная. Может это от недостатка любви? Так ты не теряйся, Лерд свободен, ему нравится ломать девчонок и влюблять их в себя, а потом бросать. Попробуй.

— Нет-нет, я не согласен, Беда, — запротестовал Лерд. — Боюсь, что с ней я не управлюсь. Мне бы хотелось ещё немного пожить.

Кара смерила Лерда строгим взглядом и фыркнула.

— Ну уж нет, этого я точно придушу. Мелковат. Да и староват. Не осилит.

Энель прыснула от смеха и закатила глаза.

— Я вообще-то пошутила, но ваша реакция — это очень забавно. Ладно, пора это останавливать. Есть уже хочется.

Она сделала несколько шагов к сражающимся. Отбивая очередной удар Кален заметил ее и улыбнулся.

— Хочешь меня сменить, Стрелочка? Если Гранд не против, я уступлю тебе его, если решишься.

Мечи столкнулись ещё раз и застыли в воздухе. Гранд посмотрел ей в глаза и сделал приглашающий жест головой.

— Если милая леди желает, я готов, — он сделал легкий поклон.

Кален отошел в сторону, забросив меч на плечо и вытер пот со лба. Рядом с ним тут же появился Крис. Командор улыбнулся и потрепал паренька по светлым волосам.

— Ну как тебе, сынок? Не стыдно за отца?

Крис поднял на него восхищенные глаза.

— А меня научишь?

— Конечно, а сейчас давай-ка посмотрим, как Гранд с двумя кинжалами справится.

— Легко, — улыбнулся паренек. — Они с Миррой тренировались, когда мы вернулись. Это было красиво.

В груди командора опять гулко стукнуло и замерло сердце.

— Ну, сынок, Мирра — отличный боец, но она благородный воин, она убивает только по необходимости, когда другого выхода нет, а вот Энель — она другая. От характера зависит и стиль боя, сынок. Энель — тренированный убийца. Ее цель — убить, а не устранить опасность. Но ты сейчас и сам все увидишь.

— А Гранд с ней справится? — обеспокоился мальчик. — Он хороший, мы с ним

подружились.

— Не бойся за него, Крис. Я сомневаюсь, что найдется среди смертных способный ему противостоять. Только если он захочет поддаться.

— А зачем ему это? — недоуменно спросил паренек.

— Ну, Крис, понимаешь, иногда, чтобы победить, нужно проиграть. Но я тебе это потом объясню, когда ты подрастешь.

— А ты поддавался?

— Бывало, Крис, смотри.

Энель обнажила кинжалы и тоже поклонилась сопернику. Сразу же из этой неудобной, казалось бы, позы, она перешла в наступление. Солнце ярко заблестело на клинках, отражаясь на смертоносных обоюдоострых гранях, но молниеносная атака захлебнулась, натолкнувшись на нерушимую оборону. Гранд так крутил мечом, что Энель не успевала даже приблизиться. Приняв свою ошибку, она отступила, и тогда в наступление перешел он. Подавляя ее сопротивление, он приближался. И вот ее клинки соединились над головой, парирую вертикальный удар.

— Согласись, милая, мне нет равных? — улыбнулся Гранд нависая над ней.

— Нет, — упрямо мотнула она головой, сбрасывая капюшон, рыжие волосы рассыпались по плечам.

Напрягая все тело, она смогла отбросить его и снова атаковала. Парные клинки били вместе, пытались обмануть противника, но неизменно каждый удар встречал сопротивление. Безуспешные атаки обеих сторон, виртуозная защита, неожиданные выпады, молниеносная реакция на изменение ситуации. В глазах Энель уже разгоралась злость, ни разу в ее жизни ей не приходилось вести бой так долго, она теряла не только силы, но и терпение.

— Гнев — плохой советчик, девочка, — мягко проговорил Гранд, опять приблизившись к ней на опасно близкое расстояние. — Сдавайся, тебе не победить. Прими свою слабость.

— Никогда, — прорычала Энель и перешла в атаку. — Никто и никогда больше не сделает меня слабой.

Смертельный танец продолжился.

Крис заметил, как его отец потянулся к мечу.

— Что не так? — уточнил мальчик.

Кален улыбнулся пареньку одними губами, глаза неотрывно следили за схваткой.

— Не волнуйся, Крис. Они просто увлеклись, боюсь, что мне придется вмешаться, если они не смогут разобраться сами.

А кинжалы опять сталкивались с мечом. Он парировал, но не сдвигался с места, заставляя ее менять позиции. Она не теряла самообладания, продолжала игру. Для всех это выглядело так, но она вспоминала все прошлые обиды и в каждый удар вкладывала всю свою ненависть и боль, она хотела отомстить этому человеку за все свои потери, за свою загубленную жизнь, за предательства и обманы, она выплескивала на него свою боль, а он лишь улыбался. Парные клинки вновь остановили меч, на сей раз у самого бедра.

— Энель, я не виноват. Успокойся! Ты хочешь меня убить?

— Да, — прошептала она и атаковала.

На сей раз Гранду пришлось сделать несколько шагов назад. Она так распалилась. Что ударила его прямо в лоб, без уверток и обманных маневров, вложив всю свою ненависть в этот удар. Он выбил один из кинжалов из ее руки и парирав резкий удар мечом, легким движением вывернул ее руку за спину.

— Я не виноват, Энель.

— Ты, — задыхаясь от гнева прошептала она. — Почему ты отказал мне? Ты никогда не отказывал!

Он улыбнулся и прижал ее спину к своему животу, склонившись к ее уху он прошептал.

— Ты должна забыть обучение, забыть, кто ты, кто я. Когда ты позволишь нам просто быть, — на секунду он замолчал. — Я не смогу устоять. Но пока что, ты просто — убийца. Холодный и расчетливый. Такого хорошо иметь в друзьях, но таких нельзя любить. А я хочу любить тебя, Энель. Любить за доброту и мягкость. Позволь мне любить тебя.

Он потянул ее за прядь волос, заставляя запрокинуть голову и посмотреть в его глаза. Она извернулась в его руках и подхватила кинжал, продолжая схватку.

Наблюдая за ними, командор улыбался. Он вспоминал их первую схватку с Миррой. Они валялись в грязи. Он позволил ей победить, он видел в ее глазах радость и его ничуть не смущало поражение. Он был счастлив тогда. Тот короткий миг счастья, сейчас это причинило боль. Он жестко сжал зубы и кулаки.

— Позволь ей победить, Гранд, — прошептал он.

Но его друг не собирался сдаваться. Очередная атака шпионки захлебнулась, и он снова был в опасной близости.

— Перестань, милая, — он едва заметно коснулся щекой ее растрепанных волос. — Я не хочу причинить тебе боль, девочка. Хватит, тебе не победить.

Она вырвалась и вновь перешла в атаку. Еще несколько раз они сходились и расходились. Призывно затрубили рога, возвещая о начале завтрака. Толпа начал расходиться, но они продолжали сражаться. Спустя некоторое время, на полянке остались кроме сражающихся лишь Кален и Кара. Они стояли рядом, Кара взяла за руку Калена, вынуждая его посмотреть на себя.

— Почему, Кален ты выбрал ее?

— Ты опять за свое Кара? Потому что она — другая. Ты отличный товарищ, твоя сестра стала матерью моего сына, многие другие дарили мне любовь и тепло. Но, Кара, только с ней я понял, то значит любить.

— Почему? — упорствовала Кара.

— Потому что даже победив меня, тогда в первой схватке, она стыдилась своей силы. Я не мог объяснить, Кара. Но то, что я тогда увидел в ее глазах, эта боль, от осознания своего превосходства. Я не встречал таких добрых и чистых людей, Кара. Я не знаю ответа на твой вопрос, дорогая Кара, но я знаю, что это было правильно. Она — то чего нет у меня, недостающая часть моей души. Она — это я, только лучше.

— Ты совсем одурел. Ты полюбил ее за слабость?

— Нет, Кара. За вынужденную силу, за жертвенность, за любовь к жизни, за все чего никогда не знал. Давай оставим этот разговор, навсегда, Кара, — он нежно коснулся ее волос. — Ты — не часть меня, Кара. Я уже нашел свою часть и это — Мирриэль. А это значит, что ты часть кого-то другого.

Он улыбнулся подруге. И вернулся к созерцанию поединка.

Оценив ситуацию, Гранд перешел в решительное наступление. Он ждал, пока разойдутся зеваки, чтобы не унижить ее, чтобы это осталось только между ними. Он точно знал, что она не примет слабака, никогда не будет считать его достойным, а значит, нужно было побеждать, ломая ее, доказывая свое превосходство. Мирриэль напророчила ему рыженькую дочку, а что если... Какая сумасшедшая мысль. Убийца на службе у церкви —

мать его детей. Хотя, это было бы почти закономерно. Кто еще сможет делить жизнь с бывшим демоном? Он улыбнулся этой мысли и опять завертелся волчком, разбивая ее оборону в дребезги.

— Что же ты делаешь, Гранд? — сокрушенно наблюдал за поединком Кален.

— Он все делает правильно, Кален. — в тон ему ответила Кара. — Она никогда не потерпит рядом слабака, а все, кого она победила — слабаки. Это его шанс доказать свое превосходство. Он должен быть как Лерд, должен ее победить, но не должен ее предавать, этого она не простит.

— Я думаю, он это понимает, Кара. Очень глубоко в душе, так глубоко, что и сам этого не осознает, но знает, что так будет правильно. Так же как знал я, что нужно поддаться, чтобы она поверила в себя.

Энель еще раз попыталась его достать, но он опять ушел от удара из крепко сжал ее руку, заставляя выпустить клинок. Серебряным звоном в воздухе разнесся звук удара клинка о землю. Гранд все еще сжимал ее руку в своей ладони, Энель попыталась его ударить другой рукой, но он, отбросив меч, перехватил и эту попытку. Он крепко сжимал ее запястья в своих жестких ладонях. Легким движением он привлек ее к себе и его ладонь легла ей на талию, нежно привлекая ее. Легкая улыбка коснулась губ мастера меча, когда он встретился с пышущими гневом зелеными глазами шпионки.

— Ты просто человек, девочка. Не противься этому. Позволь себе быть тем, кто ты есть.

Она задохнулась от гнева, но грубая ладонь коснулась ее щеки и бесцветные глаза смотрели безотрывно. Она вдруг поняла, что все ее навыки — ничто, по сравнению с его спокойной уверенностью и нежной грубостью. По телу пробежала дрожь и уже занесенный для удара кулак, опустился на плечо мастера меча раскрытой ладонью.

— Только если с тобой, — сами прошептали губы, и освободившись, другая рука, коснулась щеки воина.

Она ждала поцелуя, но вместо этого услышала слова над самым ухом.

— Не сейчас, милая, как бы нам ни хотелось. Для людей ты должна остаться лидером, неоспоримым и безгрешным, — он шумно выдохнул ей в ухо. — А теперь самое время, для твоей сокрушительной победы, милая. Ты же сможешь это сделать?

— Смогу, если ты позволишь, но уже не хочу, — честно призналась она. — Никто ничего не видит. А Кален и Кара и так обо всем знают, их мы ничем уже не удивим. Так что?

— Пойдем кушать? — предложил он, целуя ее ладонь. — А вечером мы сможем поговорить.

Она кивнула, впервые с детства ощущая, радость и грусть одновременно.

За едой не обсуждали дела. Наслаждаясь простой походной пищей, все хранили молчание. Счастливый Крис набивал полный рот и пытался говорить в одно и то же время, за что получал тычки от строгой тетушки. Энель хранила напряженное молчание, она сама не могла поверить в то, что произошло во время поединка и теперь злилась на себя, избегая смотреть в сторону Гранда. Мастер меча с удовольствием рассказывал любопытному Крису очередной эпизод своих длительных странствий. Кален молчал и был рассеян. Его тревожило возникшее утром чувство холода и пустоты.

— Кален, — судя по всему не в первый раз обратилась Кара к Видящему. — Ты оглох что ли?

Кален пригладил волосы и посмотрел на подругу.

— Прости, Кара, что ты сказала?

— Я говорю с детьми что решать будем? Отправим их в вашу цитадель или заберем в Держащий небеса?

— Думаю, что под защитой Хранителей им будет лучше и безопаснее, несмотря на наши усилия, сомневаюсь, что нам удастся избежать военных столкновений, детям лучше быть подальше от тягот военного времени.

— Ты так рассуждаешь, Кален, словно смирился с неизбежным. Но мы не сможем укрыть всех детей в Держащем небеса.

— И это меня тревожит, Энель, — жестко прервал ее командор. — Мне очень жаль, что мы не смогли предотвратить возвращение Калисто, мне очень жаль, что теперь простым людям придется платить за нашу нерасторопность.

— Ты чувствуешь свою вину, командор? — удивился Ворон.

— Да, Лерд, именно так! Я виноват в том, что происходит. Если бы не моя глупость, если бы не бессмысленные странствия Мирры, на которые ее обрек я, если бы не ее плен, если бы удалось избежать всего этого, если бы мы смогли сразу ей довериться и помочь осуществить задуманное, возможно сейчас ни нам, ни детям, никому бы не угрожала война. Но вместо этого, — он сжал зубы. — Мы вынуждены мириться с последствиями и едва успеваем разбирать весь тот бардак, который сами же и допустили.

— Ты что-то не в духе сегодня, командор, — спокойно заметила Энель. — Что тревожит тебя?

Он даже не посмотрел на нее. Шпионка удивленно приподняла бровь, такого он себе обычно не позволял, только если дело не касалось Мирриэль. Едва речь заходила о его возлюбленной он становился скрытным и нервным. Кара лишь хмыкнула.

— Сама что ли не знаешь? Эта деваха бродит по миру, а он страдает, уж больше года как она его окрутила и, вильнув хвостом, исчезла.

Гранд напрягся, Лерд удивленно взглянул на Кару, Энель попыталась рассмотреть на каменном лице Видящего хоть что-то, но не видела ничего. Кален поднял тяжелый взгляд на Кару.

— А ты все никак не успокоишься, Кара? Тебе все неймется? Займись ты уже своими делами, вон полный лагерь вояк, которые скоро забудут, как меч держать, а ты прохлаждаешься!

— Эй, остынь, воин! — вмешался Гранд. — Я сказал уже тебе, что ей ничего не может угрожать, с ней все будет хорошо. Что нашло на тебя?

— Хорошо? Как может быть с ней все хорошо? Она всегда находит неприятности, всегда сунет голову в самое пекло, ради всех нас, пытаюсь нас спасти. И что она делает чтобы спасти моего сына и твоего, Кара, племянника? Она становится демоном! Она отринула свет, ради того, чтобы Крис был спасен. Ради меня! А что сделал я? Чем я могу ей помочь? Как остановить это? — он закрыл глаза. — Это безумие! Я ничего не могу сделать. Только ждать, пока она делает все, пока она умирает сотни раз за каждого из нас, за тех, кого знает и о ком не имеет понятия, пока она страдает. Кто я после этого?

— Ты тот, кто заставляет биться ее сердце, тот ради которого она живет и совершает все это, Кален, — положив руку на его плечо тихо сказал Гранд. — Ты источник ее силы, ее воли к жизни. И этого уже достаточно. Но, если тебе натерпится помахать мечом — все в твоих руках. В Держащем небеса хватает опытных воинов, способных заменить тебя, в этот период затишья. Тебя манит дорога, друг мой, и я тебя понимаю. Я готов тебя сопровождать, куда бы ты не отправился. Единственное, о чем вынужден тебя просить, мы будем

путешествовать инкогнито. Никто не должен узнать кто ты.

Кален слабо улыбнулся.

— Но, Кален, — попыталась вмешаться Энель. — Ты только вчера встретился с сыном, и хочешь снова его оставить? Ты подумал о нем?

— Теперь ты пытаешься мною манипулировать, Энель? Вы молчали двенадцать лет, обе, а теперь ты взываешь к моему чувству долга? Очень спорные методы.

— Отец, — спокойно заговорил Крис. — Ты тоже это чувствуешь?

— Что, Кристиан? — Кален пристально посмотрел сыну в глаза.

— Не знаю, что это. Это как воспоминание, но оно не проходит. Что-то такое я уже ощущал, но не могу вспомнить. Меня тревожит что-то, я проснулся с этим чувством. Мне было холодно.

— Как странно, — потрепал Кален сына по голове. — Я тоже проснулся от холода, но я знаю, что это значит. Она опять в беде. Опять задумала что-то опасное и безумное. Я боюсь, что она решится отправиться к Калисто одна, чтобы разобраться во всем и все остановить, пока еще не поздно.

— Нет, — отрицательно покачал головой Лерд. — Она не пойдет к ней сейчас. Она еще слишком слаба, боюсь, что даже ее демон не сможет ей помочь в этой борьбе и она это знает, надеюсь.

— Сегодня, Крис, я в твоём распоряжении. Попробуем наверстать те годы, что у нас отняли. Пойдем, сынок, прогуляемся, поохотимся и поговорим, ты хотел что-то спросить, — Кален встал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мирра не смогла ответить мне только на один вопрос. Кто моя мать?

Кален сверкнул глазами на Кару.

— Ее звали Салли, сынок. Она умерла, когда ты родился.

— А почему ты не искал меня?

— Я не знал, о тебе, Крис, все это время. О причинах, по которым от меня скрывали тебя, лучше спросишь свою тетюшку. Пойдем, я все расскажу тебе, малыш.

Они удалились, у костра повисла тишина. Следующим ушел Гранд. За ним увязался Ворон. Зло отбросив миску поднялась Кара, приняв близко к сердцу упрек Калена, она отправилась наводить порядок в лагере. Энель еще некоторое время задержалась у огня, но услышав крик ворона, принесшего послание, отбросила грустные мысли и отправилась читать послание.

В следующий раз компания встретилась лишь вечером. Кален с Крисом потрошили кроликов и весело болтали. Гранд присоединился к ним и скоро уже вся компания шумно обсуждала способы охоты и ценность добычи. Кара так набегалась за день, что просто расслаблялась у огня, наслаждаясь возможностью просто помолчать. Лерд сидел здесь же, наигрывал мелодию, складывая новую балладу. Энель скинула капюшон оказавшись в кругу друзей.

— Похоже мы тут задержимся, друзья мои.

— А что мы планировали куда-то уходить? — задал вопрос Лерд.

— Людям нужно вернуться в Держащий небеса, отвести туда детей, а вот для некоторых желающих поупражняться с мечами найдется и тут работа. Мои люди рассказывают о большой банде, которая держит в ужасе местных жителей уже несколько месяцев. Найти бы их и поговорить, успокоить, — улыбнулась Энель любовно поглаживая кинжал на поясе. —

Да и весенний бал совсем скоро, а мы должны быть там, Миранда не простит нам отказа, а нам не нужны такие трудности.

— Бал, — тяжело вздохнул Кален. — А можно без меня?

— Нет, — отрезала Энель. — Сам знаешь, что нельзя.

Командор ничего не ответил, вернувшись к разделке зайца.

— До бала чуть больше трех недель. До Вертинии около недели пути, значит на улаживание здешних проблем у нас есть две недели. Лично я устала уже от организационной работы, хочется реальных действий, а то, вся работа легла на плечи Мирриэль, а я не привыкла отлынивать от работы, — глаза шпионки блестели озорством. — Давненько я не принимала участия в драках, с того дня, как Мирра закрыла первый разрыв. Нам всем нужна встряска. Влияние этой эльфийки на всех нас, все пытаемся разрешить разговорами и миром, никаких стычек. Даже скучно.

— Я — за, — улыбнулся Кален. — Только детей нужно отправить в безопасное место, там о них позаботятся. Инар точно не оставит их без присмотра.

— Я тоже буду рада хорошей драке, — Кара мечтательно закрыла глаза. — Надоело руководить, хочу просто подраться.

— Ну, я не успел соскучиться без драк. Я расстался с Миррой всего несколько дней назад, а эта девочка, всегда находит неприятности, или они находят ее. Но я с удовольствием к вам присоединюсь, — не отвлекаясь от своего занятия, проговорил Гранд.

— Ну и я, с удовольствием буду вас сопровождать...

— У тебя нет другого выхода, Лерд. Я пока еще не готова довериться тебе на столько, чтобы отправить тебя в нашу цитадель и оставить без бдительного контроля с нашей стороны, — оборвала его Энель. — Вот и отлично. Завтра утром отдадим распоряжения и будем наслаждаться жизнью вольных воинов. Предлагаю заменить символики прошлых орденов на символику Хранителей. В первую очередь, Кален, это касается тебя, уж слишком ты приметная фигура, боюсь, ты будешь притягивать неприятности не меньше, чем Мирра, если продолжишь расхаживать в своих белых одеждах.

Кален лишь пожал плечами.

— Я больше не Видящий. Я не принимаю обат и не служу церкви. Думаю, никто из моих братьев не станет оспаривать такого решения.

— А как же я? — не отрываясь от кролика спросил Крис.

— Ты отправишься в цитадель вместе с остальными мальчиками, Кристиан, — тоном не терпящим возражений сказал командор. — Я слишком долго тебя искал, чтобы опять потерять, малыш. Там вы все будете в безопасности. Тебе понравится это чудесное место. А мы вернемся после весеннего бала у королевы Миранды. Это всего несколько недель, сынок. Ты должен понимать, сейчас тяжелые времена, нам всем нужно быть осторожными. Я же могу на тебя положиться? Ты будешь помогать Инариэлю и Дарку, будешь слушать старших братьев, я могу на это рассчитывать, сынок?

Крис ничего не ответил, молча кивнул, подарив отцу взгляд полный восхищения. Кален улыбнулся, он все еще испытывал странные чувства глядя на этого паренька. Словно взгляд в прошлое.

Крис начал рассказывать Каре, как они охотились. Лерд опять взялся за лютню. Их мирные посиделки прервал резкий окрик стражи. Все встрепенулись, но вскоре от поста пришел гонец:

— Там менестрель, просится на ночлег, позвольте разрешить, командор?

— Конечно, пусть отдыхает. Накормить певца не забудьте.

Они вернулись к своим делам. Они слышали, как рассыпался в благодарностях путник, но не обратили на него особого внимания. Вспомнили о менестреле только когда он запел. Лерд презрительно усмехнулся, Энель поморщилась, исполнение было никудышное, но слова его баллады заставили всех прислушаться.

Из глубин веков седых
Возродилось зло
Напомнить о богах былых
Призвано оно.
Красных глаз слепая злость,
Души кроет мрак
Их спасти не удалось
Никому. Никак.
Черными вратами в смерть
Дерево стоит
Не уйти, не избежать
Вид его твердит.
Вы умрете здесь, сейчас
Выхода уж нет
Жертвенник заждался вас
Пусть померкнет свет.
Красным пламенем горит
Магия в глазах
Паренек будет убит
Первым среди вас.
Для богини подношенье
Вот, что ваша жизнь.
Нет надежды на спасенье,
Видящий, молись.

При последних словах Кален тревожно взглянул на Крису, тот лишь молча кивнул, а песня продолжалась.

Но раскатом грома в небе
Прозвучало «Стоп»
И отбросив все сомненья,
Вышла вдруг вперед.
Сбросив плащ, уже не нужный,
Улыбнулась им
И рассыпались оковы,
Превратились в дым.
На глазах у жертв печальных
И грозных палачей
Оказалась на утесе
Та, что всех милей.
Феей я назвал бы деву,
Если б не одно,

Нежный лик скрывал собою
Еще больше зло.
Солнца яркие лучи
Бликами алмазов
На ее руках, плечах
Отразились сразу.
Золото ее волос
Мне глаза слепило
И мне страшно говорить,
Что же дальше было.
Я не знаю, как она
Отразить смогла удар,
Но вернулся магу в миг,
Пущенный им шар.
— Отпустите паренька,
Тихо прошептала,
А иначе, маги, вам
Достанется немало.
Не послушали ее,
Только рассмеялись.
А в глазах у девы вдруг
Искры заметались.
Легким шагом, словно тать,
Дева к жертве подошла,
Легким шорохом листвы
Прошептала: не смотри.
Чернотой глаза блеснули,
Руки тонкие ее,
Голову врага свернули,
Словно не было ее.
А другому грудь пробила
Без оружия, рукой.
И с улыбкой сердце сжала,
Мы слышали лишь вой.
Паренька освободила,
Орку грозному кивнув,
Приказала убираться,
Удивляя всех вокруг.
Я не видел, что там было
Ноги я едва унес,
И смотреть не смел я даже
На злосчастный тот утес.
Понял я одно тогда
На глазах у нас
Демон тело захватил,

Чтоб спасти всех нас.

Я не знаю ее имя,

Только орк сказал,

Чтобы я в своей балладе

Темной ее звал.

Баллада закончилась и на некоторое время в лагере повисла тишина. Первым ее нарушил Лерд.

— Какое ужасное сочинение, а исполнение и того хуже.

— Заткнись, Ворон, — рыкнул Гранд. — Кален?

— Это про Мирриэль, Крис, я ведь прав? Этот менестрель сейчас нам поведал, как она тебя спасла, — не поднимая глаз спросил командор.

— Это про Адель, отец, — ответил мальчик. — Певуну еще повезло, что он не видел того, что было потом. Она была беспощадна. Никто из магов не выжил, она не дала им шанса. Я видел все, я должен был быть рядом с ней, чтобы вернуть, когда она закончит.

— Мирриэль не смогла бы так поступить, — спокойно произнесла Энель. — Она не может противостоять магам, тем более магам крови.

— Для этого и была нужна Адель. Ей не страшны их заклятья, она — демон. И не сколько я понимаю, очень сильный демон. Один из высших, — задумчиво проговорила Кара.

— Теперь, друг мой, ты понимаешь, почему твоей возлюбленной ничего не угрожает? Понимаешь, почему меня так испугала Адель? А ведь она лишь начала обращаться, когда говорила со мной, Крис вмешался очень быстро...

Мальчик улыбнулся.

— Она просто была в гневе, у нее еще даже глаза не почернели полностью.

— Темная, — задумчиво проговорила Энель. — Темная. Я сегодня уже слышала это имя. В одном из донесений. Да, точно, вспомнила. Сегодня вечером прилетела птица, я сперва даже внимания особо не обратила, но теперь... В одном поселении недалеко отсюда, убили трех разбойников, прямо у ворот, они плату требовали за проход в селение, местные с ними боялись связываться, а днем их растерзанные тела нашли у дороги, а на земле их же кровью руна эльфийская выведена — Темная.

— Мирриэль, — вырвалось у командора. — Вот почему мне так холодно.

— Адель, отец. Только она называется этим именем.

— Похоже у нас проблемы, — резюмировала Кара. — Идем искать эту бестию, чтобы успокоить?

— Нам ее не догнать, — резонно заметил Гранд. — Нужно понять куда она направляется и ждать ее там, только так у нас будет шанс.

— Я буду отслеживать сообщения, — пообещала Энель. — Возможно, командор, ты сможешь понять куда она держит путь.

Глава 15.

Допивая последнюю каплю энергии жизни из тела разбойника Адель улыбалась. Она не была жестока, она просто хотела утолить свой голод, поэтому они даже не успели понять, что с ними произошло.

— Ну вот, — облизнула она губы. — И стоило так кричать и не пропускать меня? Довели! Пеняйте на себя. Нечего приставать со всякими глупостями к одиноким странникам. Это ж сколько девок вы, гады, испортили, коли со всех такую плату требовали, как с меня? Ну теперь никому вы уж не преградите пути. Так, осталась одна мелочь, нужно дать знать Хранителям, что я на их стороне, но так, чтобы никто ничего не понял. Пусть головы поломают. Оставим подсказку, надеюсь, догадаются.

Глядя на мертвые тела, Адель недовольно поморщилась. Слишком банально, надо к-то погромче о себе заявить. Кровожадно улыбаясь она начала рвать мертвые тела на части и разбрасывать по округе. Осмотрев кровавую бойню, довольно улыбнулась, быстро обмакнула палец в еще теплую кровь жертвы и вывела эльфийскую руну на теле одного из убитых.

— Ну вот и все.

Набросив капюшон, чтобы скрыть блеск своей кожи, она направилась в поселение. Таверна была еще полупустой. Простой люд работал, мужики соберутся ближе к вечеру, а пока можно просто осмотреться. Она заняла столик в углу, откуда отлично просматривалось все помещение и сбросила плащ. В таверне было тепло, уютно потрескивали поленья в очаге.

— Чего изволите, госпожа? Могу предложить тушеные овощи и курицу.

— Вина принеси, сперва. Немноголюдно у тебя тут.

— Так еще не вечер, миледи.

— Так может развлечешь меня рассказом? Я давно в пути, и все время одна, хочется узнать куда меня занесло и что здесь происходит.

— Извини, госпожа, мне готовиться к приходу гостей нужно. Вот народ соберется, там и узнаешь все новости. А тебя по дороге никто не обидел? Часто путники жалуются, что бандиты лютуют.

— Никого я не встретила в пути, хозяин. Меня бандиты стороной обходят, как лук увидят, да уши мои торчащие. Нет желающих стрелу схлопотать, все же знают, что эльф с луком — уже проблема.

— Вот и славно, госпожа, сейчас я вина принесу.

Адель улыбнулась хозяину, когда тот подал вино. Налила себе и прикрыла глаза, наслаждаясь теплом и выпивкой, в этом мире ей все время было холодно, по сравнению с миром тьмы, просто вечная мерзлота, да еще и этот противный снег. А вот у очага лучше, можно хоть отогреться немного. Согреваясь, она ждала, когда соберутся люди. Время тянулось медленно, ей надоело ждать, и она решила прогуляться по деревеньке.

— Оставь за мной это место, хозяин. Я вернусь скоро, прогуляюсь пока.

— Хорошо, миледи, — кивнул хозяин.

Небольшая деревенька встретила незнакомку настороженно. Стоило Адель сделать несколько шагов, как зашушукались у нее за спиной женщины, подзывая бегающих детей,

мужики бросали на нее оценивающие взгляды, но наткнувшись на странный красный лук за плечами и колчан звонко позвякивающих при каждом шаге стрел, побыстрее отводили глаза. Сидящий на заваленке старичок, презрительно сплюнул сквозь зубы, бросив ей вслед лишь одно слово:

— Эльфка.

Адель сдвинула брови.

— И как ты это терпишь, Мирра? Ты их спасаешь, а они к тебе, как к мусору относятся. Я бы убила. Терпила ты несчастная...

Дорогу ей преградили вооруженные мечами мужчины.

— Миледи, — не скрывая презрения процедил один из них. — Вы путешествуете одна?

— Именно так, милейший, — едва сдерживая клокочущую ненависть молвила Адель.

— В окрестностях банда орудует, надеюсь, они не причинили вам неудобства.

Адель прищурила глаза.

— Нет, почтенный. Мне никто не встретился, благодарю за заботу.

— Кто вы, миледи? Нынче редко даже мужчины отваживаются на путешествия в одиночестве, а вы лакомый кусочек для разбойников и прочих негодяев. Красивая одинокая девушка, беззащитная и слабая.

— Мое имя Адель, и путь я выбираю, когда стою на развилке. Я путешествую без конкретной цели.

— Эльфийские леса в другой стороне, — грубо вмешался в их беседу другой воин.

Адель закатила глаза, сдерживаться становилось все сложнее, но она была еще сыта, а убивать ради убийства, ей не хотелось.

— Вы не задержитесь в наших краях?

— Не планировала. Утром я уйду.

— Не выходите за частокол, миледи, боюсь, вы можете накликать на нас беду. Приятного вечера.

«И тебя туда же, ублюдок. Небось еще и с этими уродами, что на дороге стояли, заодно был. Интересно, а как они ему отдавали часть девичьей чести? Падаль!»

Но она не сказала этого, лишь слегка кивнула головой, соблюдая приличия. Прогулка не принесла облегчения, Адель была неприятно удивлена таким отношением обывателей к себе, с каждым новым косым взглядом и шепотком ей все больше хотелось отбросить напускную праведность и сделать то, что обычно делают демоны, уничтожить всю эту мерзость. Демонесса совсем не понимала, зачем Мирриэль готова была жертвовать своей жизнью ради спасения этого сброда, ее мнение крепло с каждой минутой, мир демонов давно уже не был сказочным местом, но там все было честно, там не было таких игр, там каждый был собой и не боялся этого и не презирал других. Там было много плохого, но там были честные схватки, честные победы и достойные поражения, там каждый был сам за себя. Она надеялась повеселиться, но этот мир был угрюм и безрадостен. Из водоворота мрачных мыслей ее вырвал пронзительный визг. На встречу ей здоровенный мужик тащил за волосы тощего ребенка. Ребенок упирался, орал и пытался вырваться. Губы Адель дрогнули, она вспомнила молчаливый испуг Крыса, глаза этого ребенка были так же широко распахнуты. Она легким движением сняла лук с плеча и остановилась, преграждая дорогу здоровяку, правая рука быстро ухватила одну из стрел в колчане, но накладывать ее на тетиву демонесса не спешила. Она успеет, в любом случае.

— С дороги, — рывкнул на стройную эльфийку мужик.

— Отпусти ребенка, скотина. Боишься сражаться с равными и выбираешь слабейших?

— Эта упырица у меня кусок мяса утащил, — остолбенел, глядя в черные глаза Адель, мужик. — Ее наказать надо, все по закону. Руку отрублю, по локоть, будет знать, как чужое тянуть!

— За кусок мяса? Ничего себе у вас порядки, — зло хмыкнула Адель. — Ты зачем у него мясо взяла, дева?

— У меня братишка маленький, — жалобно взвизгнул ребенок. — Он есть просит, а меня никто на работу не берет. Что же мне делать прикажете? Смотреть, как брат с голоду умирает?

— Отпусти девку, бугай! Не видишь дите голодное, потому и взяла чужое.

— А мне-то что? У меня своих четверо, они тоже есть хотят, а воров наказывать нужно. Адель повела плечом и наложила стрелу на тетиву.

— Отпусти, девчонку, ирод! А то и твои воровать пойдут, потеряв отца!

Мужик глупо моргнул пару раз. Адель демонстративно натянула тетиву.

— Эльфка, — плюнул мужик под ноги демонессе. — Твое счастье, что все вояки наши на войну ушли, а то и на тебя бы управу нашли, остроухая дрянь!

Он резко дернул девчонку за руку, та не удержалась и рухнула в грязный снег лицом. Мужик же пошел к своему дому.

Адель аккуратно вернула стрелу в колчан и повесила лук за спину.

— Вставай, кормилица! Родители-то где твои?

Девчонка размазала рукавом грязь по лицу и поднялась.

— Нету. Одни мы. Отец на войну ушел, а мать две недели тому, разбойники на дороге убили, когда она в лес пошла.

— Разбойники значит, — зло прошептала Адель уже сожалея, что их смерть была слишком быстрой, сейчас она бы заставила их страдать. — Где брат твой?

— Дома, ждет меня.

— Веди, — спокойно распорядилась демонесса.

Девочка послушно побрела впереди странной незнакомки, указывая путь в их хибарку. Пройдя несколько шагов, девчушка остановилась и робко подняла глаза на свою спасительницу.

— Спасибо вам, миледи. Он бы мне точно руку отрубил.

— А ты не воруй, — отрезала Адель, обескураженная такой искренней благодарностью.

Девочка вытерла текущие слезы и отвернулась, направляясь к самому краю деревеньки. У самого частокола опираясь на него перекошенной стеной стояла хижина с дырой вместо двери. Оттуда доносился жалобный плач. Девчушка бросилась внутрь. Адель брезгливо осмотрела строение и пригнувшись, чтобы не задеть хлипкий косяк, проскользнула в темноту. Внутри было темно, демонесса ругнулась.

— И как вы тут выживаете?

— Плохо, — честно ответила девочка. — Нас из дома выгнали, батя-то хороший дом построил, там теперь эти двое живут, что стражей тут заменяют. Раньше хорошо было, там и печь была и кровати, и еда была. А как мать убили, нас и выгнали, кому мы нужны, сироты? Никому лишних ртов не надо.

Девочка сидела на грязной соломе, прижимая к себе маленький комочек.

— Сколько ему? — зверя спросила Адель.

В хижинке вдруг ярко блеснул огненный лук, Адель уже не могла сдерживать гнев, ее

сила прорывалась сквозь хлипкий образ простой странницы.

— Четыре скоро. А ты магичка?

— Почти, — прошептала Адель и голос ее звенел от злобы. — Немного лучше, чем магичка, девочка. Бери своего брата, пойдем в таверну, накормлю вас, а там уж разберемся с вашими обидчиками.

— У меня нечем заплатить за еду, миледи, если бы было что-то я бы сама купила...

— Я разве сказала, что тебе придется за это платить, дитя? Я сказала: «Накормлю». И поторопись, я не повторяю дважды.

Она поспешно вышла из ветхой хибарки. Следом за ней поспешно выбрались дети.

— Идем, — бросила она, направляясь к корчме.

Дверь в таверну она открыла ногой, словно опасаясь испачкаться, прикасаясь к тем предметам, до которых дотрагивались люди. Отбросив осторожность, она не стала менять облик и скрывать себя за иллюзией.

— Хозяин, — рявкнула она, едва дети оказались около нее. — Детей вымыть, немедля, и за мой стол.

— Я что нянька с детворой возиться али банщик, — попытался возразить корчмарь.

— Жене прикажи, хозяин, коли сам брезгуешь! Ей-то небось не впервой!

— Я, — попытался возразить еще не понимающий ничего хозяин.

— Немедля, — еще раз рявкнула Адель, резким движением она сорвала с пояса длинную плеть. — Пока я не разнесла все твое заведение по бревнам, вместе со всеми, кто здесь находится!

— Эльфийское отребье, совсем страх эти остроухие потеряли, забыли кто здесь хозяин? Напомнить тебе?

Адель зло сверкнула глазами, повернулась к говорившему и хлесткий удар длинной плети пришелся ему как раз по середине лица. Соприкоснувшись с кожей человека плеть вспыхнула ярким огнем, оставляя на его лице глубокий рваный ожог. Никто не успел ничего понять, а демонесса уже стояла около орущего от боли мужчины. Она резко схватила его за волосы и потянула назад.

— Не смей так говорить о моем народе, урод! Это вы забыли кто здесь хозяин, кто древняя раса, кто спас вас всех. Это вы потеряли честь и страх, вы низкие и подлые существа, я сделаю одолжение этому миру, избавив его от подобных существ, мразь.

Коротким движением она резко рванула его голову назад, в повисшей тишине звонко хрустнул позвоночник, и мужчина упал на пол. Адель с удовольствием пнула мертвое тело красивым сапожком тонкой выделки и поправила тонкий золотой пояс.

— Еще есть желающие мне противоречить или угрожать? — обвела она ненавидящим взглядом притихших людей. — Хозяин, дети все еще не умыты, я отдала распоряжение, или мне повторить? И только попробуй сделать что-нибудь этим сироткам, шкуру спущу, я не шучу, мне запасные сапоги нужны, человеческая кожа вполне подойдет.

Испуганный хозяин взял замерших детей за руки и повел в сторону кухни.

— Пока нет детей, могу выслушать ваши возражения, отребье!

— Мужики, чего сидим? Она одна, а нас тут человек пятнадцать будет, мы что девки эльфийской испугаемся?

— Советую, тем кто испугался, уйти. Не оставляйте ваших детей сиротами, а то и им придется, как этим двоим еду воровать, когда их из дома односельчане выгонят, — Адель смерила всех презрительным взглядом. — А вот смельчаков, попрошу остаться. Хозяин

долго будет отмывать свою корчму после моего посещения.

Из-за столов поднялись пятеро. Адель разочаровано поморщилась.

— Дурачье, куда прете?

Она не стала доставать оружие, насмотревшись на их нравы она опять проголодалась. Но теперь это был не простой голод, это была жажда крови. Она сбросила плащ и повела тонкими плечами. Хрупкую эльфийку окружили пятеро подвыпивших мужиков вооружившихся ножами, стульями и чем попало.

— Сейчас девонька мы тебя скрутим и повеселимся, — прошепелявил один из них. — Давно хотел попробовать эльфийку, да все случая не представлялось.

Она дала ему возможность договорить, а потом решительно ударила в горло, схватилась за кадык и рванула его на себя, разрывая плоть.

— И не попробуешь, — констатировала она.

А потом она крутанулась всего несколько раз. Второй нападающий был слишком неуклюж, она немного сместилась, прикрываясь неуклюжим телом, и его же дружок пырнул его в бок ножом, Адель быстро выдернула кинжал из раны, разрывая тело и тут же вонзила нож в глаз задиры, который оказался ближе других. Двое других ринулись одновременно с двух сторон. Люди не увидели ничего, но на кончиках ее пальцев заблестели золотистые искры энергии смерти, она подпустила их поближе и отпустила смерть на волю. Две тонкие золотые нити впились в тела людей и постепенно стали окрашиваться голубым цветом, вытягивая из тел, так необходимую демонессе энергию жизни. Мужчины упали, так и не успев приблизиться к эльфийке. Она же помассировала пальцы и улыбнулась.

— Хорошо. Больше нет желающих умереть сегодня? — она осмотрела оставшихся в живых. — Ну и ладно. Приберу пока тут, падаль нужно сжигать, чтобы не смердела.

Ее глаза блеснули и тела охватил холодный золотой огонь. Уже через несколько минут тела исчезли, словно и не было никогда, так же, как и кровавые следы.

— Ну а теперь, всем доброго вечера, — улыбнулась Адель онемевшим от ужаса присутствующим, и гордо прошла к своему столику.

Прошло немного времени и из кухни появились умытые дети, а за ними семенил хозяин. Он быстрым взглядом окинул помещение и не нашел никаких повреждений, что его немало порадовало.

Дети быстро уселись за стол.

— Неси еду, хозяин, видишь, детвора голодная. Не волнуйся, я заплачу за их ужин звонкой монетой, а не угрозами и разрухой. Я порядочная женщина.

— Не сомневаюсь, госпожа, сию минуту все принесу. А вы чего изволите? У нас чудесное жаркое для самых дорогих гостей, — вкрадчиво пролепетал корчмарь.

— Вот и носи его детворе, а мне вина, да побольше и получше, есть мне уже не хочется.

Надежду узнать новости можно было оставить, перепуганные до полусмерти ее представлением люди вряд ли захотят разговаривать, но это ее уже мало волновало. Она найдет другую деревеньку, где сможет все разузнать, а сегодня она больше не будет хулиганить, во всяком случае не здесь. Но ведь еще нужно вернуть сироток в их отчий дом, а там, наверняка, придется испачкать руки или нет? Хозяин принес еду и вино. Дети с жадностью голодных волчат набросились на пищу.

— Что-то еще, госпожа?

— Да, — задумчиво промурлыкала Адель. — Девочке нужна возможность кормиться самой и кормить своего братика, думаю, у тебя на кухне найдется какая-нибудь работа для

девчушки, твоей жене все ж помощь будет.

Хозяин задумался лишь на мгновение.

— Найдем чем занять ее, госпожа. Но платить-то много я не смогу.

— Главное, чтобы дети не голодали и не мерзли, а то на дворе зима, а они вон босиком ходят. Что ж вы за люди такие? Их отец вроде как на войну отправился, стало быть вас защищает, а вы его детей голодом решили заморить да из дома выгнали.

— Так, госпожа, — комкая в руках грязный фартук поспешил оправдаться корчмарь. — Их отец пошел за Фредерика воевать, супостат стало быть, а в деревню пришли стражи королевы Миранды, светись ее имя в веках.

— Это те двое, которые тут на правах хозяев гуляют с оружием? И чего вы их испугались?

— Так, госпожа, их много было, человек сто, наверно, куда нам с ними тягаться? А эти двое остались порядок блюсти.

— Ага, — презрительно хмыкнула Адель. — Двое здесь и трое у ворот, те что мать детишек загубили.

Корчмарь удивленно раскрыл глаза.

— Разбойники?

— Ну вот, разбойники, — вздохнула Адель. — Определись уже, человек. Эти двое — стражи, а те трое — разбойники, а хлебали они одну похлебку.

Хозяин ничего не ответил, лишь опустил голову.

— Нелюди вы, детей в беде бросили. С теми тремя я разобралась и с этими разберусь. Помогу вам, недостойные. А вы-то сами, селяне, за кого в этой войне?

— Ну так, госпожа, дело известное. Королева уже задушила налогами, житья нет, а ей все балы да наряды, вот в конце зимы опять прием назначен, а у нас уже запасы на посев, что оставляли на стол идут, только б до весны дотянуть. Фредерик — он мужик военный, навел бы порядок, коль бы выпала ему такая оказия. Да сестрица его к трону не подпустит, вот и воюют.

Адель усмехнулась.

— Так что ж вы не противитесь? Коли три-четыре таких села как ваше собрать, сможете отстоять свои хибары, даже перед сотней стражей, вы ж мужики работающие, вам не привыкать кровь да пот проливать, а стражи эти — тьфу, так название одно, только баб да детей пугать, да и то не каждая баба испугается. Не дело это. Ты подумай о моих словах, да и предложи ополчение собрать. А то у них балы и еда на золоте, а вы детей голодом морите! Без таких как вы Фредерик правды не добьется. Ладно, не трясись тут, ступай. А вы мелкота ешьте от пуза, никто вас больше не обидит, я позабочусь. А батя вернется и заживете, как прежде. Ты мне, девочка, скажи где ваш прежний дом искать, пойду со стражами побеседую, пока вы с едой управитесь, глядишь, и одумаются они, вернут чужое.

Девчушка стала объяснять, не переставая жевать, но Адель не понимала ни слова. К их столу несмело подошел один из мужиков.

— Отведу я тебя, госпожа, покажу их дом. Права ты во всем, не надо было нам позволять этим извергам детей обижать. Да только боязно нам против королевы идти. Потом же, если что и наши дети сиротами останутся, а то и их...

— А иначе ничего и не выйдет, — смерила она его холодным взглядом. — Все надеетесь, что за вас все сделают? Другие будут руки кровью марать, а вы в тепле да сытости отсидитесь? Так не бывает. Хотите что-то изменить, прикладывайте силы, вооружайтесь,

сопротивляйтесь, страдайте и умирайте. Но не скотами на бойне, а людьми, как те, кто против орков стояли, кто свои жизни клал на ваших войнах, пока вы в тепле отсиживались да детей делали. Совсем вы, люди, гордость потеряли. Да и королева ваша — дура. Тут демоны рвутся из своего мира тьмы, а она балы закатывает. Того и гляди орки из-за реки полезут, а она в войнушку с братом играет. Тьфу. Ладно, веди давай, а то что-то я разошлась, плохо она на меня влияет.

— Кто, госпожа, — переспросил удивленный селянин.

— Знакомая одна, — огрызнулась Адель, поднимаясь. — Чтоб ей демон ж... уши надрал. Ешьте, дети.

Они вышли в темноту ночи и направились в центр поселения.

— Их отец, у нас как бы воеводой был, он и частокол поставил и оборону организовывал, пока не ушел за Фредерика драться. Хороший мужик, правильный. Такой какими и нам бы стать надо, как ты и говоришь, госпожа. Да только говоришь ты складно, а кто ты не могу понять? Тех, в корчме, ты быстро уложила, хоть с виду девчонка совсем молоденькая.

— Я — эльфийка, наш возраст так просто не определишь. Не надо тебе знать кто я, человек, а то умрешь раньше времени. Путница я. Просто мимо проходила.

Человек лишь кивнул, и указал на добротный дом.

— Вот их дом отчий. Те, что напали на тебя, они с королевскими стражами пришли, — будто оправдываясь добавил он. — Они тоже разбойничали, думаю я. В шайке той, человек десять насчитывали, вот так и выходит: трое у ворот, двое здесь и шестеро, что в корчме были.

— Иди, человек, своей дорогой. Ты вроде, мужик неплохой, присмотри за детьми, пока их отец вернется. Чтоб не обидел никто их больше. Натерпелись они уже.

— Отчего ж не присмотреть, присмотрю, как этих разбойников не станет, мы снова дружно заживем, — мечтательно произнес он. — У меня своих трое, чуть постарше этих. Так что и одежду найдем и обувь, да и где трое, там и пятеро — не беда, только бы до весны дотянуть.

— Разберусь я с этими стражами, а там посмотрим, может и до королевы вашей дело дойдет, — лукаво улыбнулась демонесса.

— Пройди свой путь достойно, — тихо прошептал мужик и пошел назад в корчму.

Адель проводила его взглядом.

— Достойно! Совсем люди не понимают, что говорят. Демону он напутствие церковное дает, — она покачала головой. — Мирра, как ты терпишь их глупость? Ах, ну да, ты же не можешь мне отвечать, занята своими поисками. Достойно, придумают же!

Она дернула дверь, но та не поддавалась.

— Ну не крушить же дом? Детям там еще жить. Ох, что я делаю? Демон, который заботится о житье человеческих детей? Засмеют меня на той стороне, позора не оберусь! А все Мирриэль с ее влиянием и воспоминания о Крысе. Ох, мальчишка, что ж ты со мной сделал.

Она подошла к освещенному окну и постучала.

— Отворяй, стража, разговор есть, — звонку крикнула она.

— Что барабанишь, зараза? Ночь на дворе, — раздался недовольный крик в доме.

— Да сообщение у меня, о разбойниках, что у деревни люд грабят.

Она услышала недовольное бормотание и шаги направились к двери. Она тоже подошла

к дверям. Стукнул засов и дверь открылась. На пороге стоял противный страж, который ей еще вечером нагрубил.

— Ты? — удивленно всмотрелся он в лицо демонессы.

— Ага, пошли в дом, а то холод до костей пробирает, видишь, одна я.

— Ну, заходи, эльфка, — скользя липким взглядом по ее ладной фигурке произнес страж.

— Так-то лучше, — она быстро переступила порог и вошла в теплую комнату, где мирно потрескивал камин, а на столе под лучинами были разложены карты. У стола сидел второй страж.

— Что намечаете новое место для засады, разбойнички? — усаживаясь на свободный стул поинтересовалась она.

— Что? — удивленно уставился на нее мужик, что рассматривал карту. — Ты путаешь что-то, странница. Мы — стражи, мы охраняем это селение от разбойников.

— Ааа, ну тогда я вам добрую весть принесла, — Адель потянулась, словно кошка на солнце. — Убила я разбойников. И тех троих, что у ворот были, и еще шестерых, что в корчму поужинать пошли.

— Что? — теперь уже удивился другой.

— Так что планы свои, засуньте демону в пасть, нет у вас больше банды. Вы вдвоем только и остались. Но я и это исправлю, — сверкнула она черными глазами. — Зря вы детишек обидели. Я бы может и мимо прошла, кабы не это. Ну а теперь на себя пеняйте, живыми не выпущу. Слабость у меня образовалась с недавнего времени, не могу стерпеть, когда детей притесняют взрослые беспринципные мужланы.

Оба разбойника одновременно схватились за оружие, но сделать не успели ничего. Противному она запрыгнула на спину и свернула голову, да так, что увидела его удивленные глаза. Второй же был осторожнее, он не приближался, лавируя между мебелью.

— Ты не взяла свой лук, эльфка.

— Он мне не потребуется. Не хочу тут кровью все заливать, детишкам еще спать в этом доме, боюсь, как бы их кошмары не мучали. Ты не бегай, бандит, от меня не убежишь. И как вы сегодня уже надоели, если у меня внешность эльфа, это не значит, что я — эльф.

— Что?

— Других слов от тебя не дождусь? Ну и ладно. Не эльф я. Хочешь узнать кому сегодня грубил твой недалекий и уже мертвый друг? На кого напали недоумки в таверне? С кого требовали плату телом на подходе к деревне трое изуверов? Тебе покажусь, так и быть.

Адель встала посреди комнаты и на глазах человека исчезла нежная эльфийка, на ее месте появилось пылающее огнем обнаженное женское тело. Голова существа упиралась в потолок, из-под волос, которые мягкими светлыми локонами падали ниже колен, торчали небольшие рожки, черным безумным огнем горели глаза. Пышная грудь, тонкая талия, и оскаленный острыми клыками пылающий рот.

— Демон?! — выронил меч страж.

Демон склонил голову на бок и протянул к нему огненную руку с длинными черными когтями.

— Точно, человек! Ты угадал!

Она схватила его и сжимала корчащееся в огне тело, пока одно из сломанных ребер не пронзило его сердце. Улыбнувшись, демон исчез. В комнате опять села эльфийка.

— Какая милая иллюзия. Надо запомнить этот образ. Ишь ты как перепугался. Ну хоть

признал, а то все эльфка, да эльфка, олух. Надо бы и Мирру научить такие иллюзии наводить, ей будет полезно. Тааак, теперь приберемся и за детьми, а то уже время позднее им спать пора.

Тела исчезли в таком же огне, как и те, что были в корчме.

— Даже запаха не осталось, — похвалила сама себя Адель и вышла за дверь.

Когда она вернулась в корчму, дети уже наелись и отчаянно терли глаза, борясь со сном.

— Идемте, горемыки. Отведу вас домой, — она достала несколько монет и бросила их на стол. — Хозяин, там с лихвой хватит и за вино, и за ужин, и за доставленное беспокойство. Да и еще хватит на жалованье девочке, на первое время. Помни, человек, обидишь детей, я вернусь и поквитаюсь. Слово даю.

Хозяин замотал головой, приговаривая, что даже в мыслях не было. Когда беспокойные гости ушли он подошел к столу. На грязном дереве лежали четыре золотые монеты. Корчмарь чуть не упал от удивления, за такие деньги можно несколько месяцев безбедно жить всей семье, да и жалованье девочке платить.

— Вот это да! — зажимая монеты в мокрой руке, не мог поверить в такую нежданную радость, корчмарь. — Кто же она такая? Да не важно. Все наши беды решились с приходом этой странной эльфийки. Слава Создателю, что есть такие добрые существа, значит не безнадежен наш мир...

Тем временем «доброе существо» отворило дверь отчего дома для пары ребятишек.

— Ну вот вы и дома, дети. Здесь тепло и светло, ваши кровати и одежда, если ее не разворовали, должна быть на месте. Умывайтесь и укладывайтесь спать.

— Ты останешься с нами? — прижался к ее ноге мальчонка.

Адель едва удержалась, чтобы не сбросить его с ноги.

— Нет, мальчик, мне нужно уходить. Но я договорилась с корчмарем, он даст твоей сестре работу, а тот человек, что показывал мне дорогу к вашему дому, обещал за вами присмотреть, пока не вернется ваш отец.

— А если он не вернется? — со страхом прошептала девочка.

— Вернется, — уверенно сказала Адель.

Девочка умывала личико брата и вытирая слезы сказала.

— Спасибо, тебе, странница. Даже имени твоего не знаю. Спасибо, что заступилась, что накормила, что дом наш вернула и дала надежду на будущее. Вот только не верим мы, что отец вернется, война все-таки. Да еще и демоны, говорят, все чаще появляются.

— Демоны, — задумчиво проговорила Адель. — Бойтесь их? Демонов?

— Конечно боимся, они ж убивают всех.

Адель улыбнулась, расправляя постели.

— Их не бойтесь, они вам вреда не сделают. Идите сюда.

Дети послушно подошли к странной эльфийке. Она присела возле них на колени и взяла девочку за руку.

— Не бойся, я просто нарисую у тебя на руке один знак, защитный, и демоны вас никогда не тронут, ни вас, ни тех, кто стоять за вами будет.

Она прикоснулась ногтем к коже девочки и уверенным движением вывела демоническую руну, свое имя, потом острием стрелы уколола свой палец и повторила рисунок своей кровью.

— Жжется, — пожаловалась девочка.

— Так надо, девочка. Потерпи и брату скажи, чтобы потерпел немного, зато теперь все,

кто связан с вами кровью для демонов — неприкосновенны.

— А что это за знак? — рассматривая странно мерцающие символы спросила девочка.

— Имя одного демона. Теперь вы под его защитой. Поверь, малышка, этот демон достаточно могущественный, чтобы его имя остановило любого. Если возникнет в том необходимость, просто покажите демонам эти рисунки, будьте готовы, демоны проверят их подлинность, будет так же неприятно, как сейчас. Рисунки начнут пылать огнем, когда встретят энергию демонов, но зато потом вы будете в полной безопасности.

— А почему жжется?

— Потому что демон огненный. Если бы это было имя ледяного демона — было бы холодно.

— Ты так много знаешь о демонах.

— Много, — коротко согласилась Адель, заканчивая рисовать руны на руке у мальчика. — А теперь ложитесь спать.

Она укрыла детей теплыми одеялами и уже собиралась уходить. Но мальчик схватил ее за руку и заглянув в глаза попросил.

— Расскажи сказку, чтобы мы быстрее уснули.

— Ага, — приподнялась девочка. — Про демонов расскажи. А то никто нам ничего про них не говорит.

— Про демонов, — опустила Адель длинные ресницы. — Хорошо, расскажу. Представьте себе мир где царит мрак, где нет растительности и воды, где царит хаос. Но даже в этом хаосе есть определенный порядок, закономерность и красота. Огонь и лед одновременно разрушают и создают что-то новое. Там постоянно идет борьба. Борьба за те крохи энергии, что живые отдают миру тьмы. Вы знали, что каждый раз, когда вы вспоминаете своих умерших, частичка вашей энергии отходит миру тьмы, и там за эти крохи сражаются демоны. Раньше этого было достаточно для их спокойного существования, но потом в их мир ворвалась беда. Спасая ваш мир, в мире демонов заключили могущественное существо — Красного дракона. В том мире все зависит от вашей энергии, даже дракон зависел от нее. И вот, на праве сильнейшего, дракон стал отбирать у остальных демонов необходимую им пищу, и он был ненасытен. Энергии становилось все меньше. Демоны становились все злее. Однажды они решили, что пора бы поставить эту... древнюю богиню на место и заставить ее делиться. Но все было не так просто, как им хотелось бы. Они собрали большую группу, самых мудрых, сильных и влиятельных демонов и отправились на переговоры. Но все было напрасно. Дракон уничтожил почти всех, кто был там, а тех, кого пощадил — подчинил своей воле. С древними богами почти всегда так, они имеют прескверный характер и никого не хотят слушать. Так мир демонов остался без уважаемых правителей и тут начался кошмар. Началась война. Сильные пожирали слабых, отбирали у них последние доступные частицы энергии. Демоны становились все злее, и стали искать другие выходы чтобы добыть пропитание. Они стали вселяться в магов, захватывая их тела, чтобы насытиться, чтобы утолить свой голод. А потом, красный дракон открыл первую дверь в ваш мир. Самые сильные и злобные ринулись, ведомые ненавистью, болью и голодом. Они убивали, чтобы наконец-то насытиться. А дракон забирал часть их добычи себе, чтобы открывать все новые двери и выпускать все больше демонов, чтобы получить как можно больше энергии. Чтобы однажды освободиться и отомстить тем, кто лишил ее свободы.

— Ее? — спросила девочка.

— Да, детка. Красный дракон — женщина. Очень коварная и жестокая.

— Значит демоны не всегда были злыми? — не открывая глаз спросил мальчик.

— Нет, дети, демоны не были злыми. Их сделали такими. Это, почти как с вами, детки. Твоя сестра не пошла бы воровать, если бы вас не выгнали из дома, если бы вашу мать не убили. Вас вынудили делать плохие вещи, так и с демонами, их тоже вынудили. Она сделала так, чтобы демоны стали злыми, чтобы они убивали. Во всем виновата она, ну и тот, кто ее заточил в мире демонов. Хотя он, наверняка посчитал, что это наименьшее из зол, он не знал, чем это может закончиться.

— А кто он?

— Белый дракон.

— Это все правда? — опять приподнялась девочка.

— К сожалению, да. Так все и было. Но это было очень давно.

— Откуда ты знаешь?

— Ты слишком любопытна для юной леди, девочка. Просто поверь, так все и было.

— А дальше?

— Дальше, — Адель задумалась. — Дальше появилась небольшая группа демонов, которая пыталась сопротивляться воле Красного дракона. Они сплотились и ждали. Ждали своего шанса, чтобы все изменить. Они противостояли озверевшим собратьям, пытались предотвратить бессмысленные кровопролития, но их было слишком мало, силы были неравны. И однажды у них появился шанс. В их мир пришла необычная девушка. Демоны очень мудрые, они почти сразу поняли, что это за девушка. Члены сопротивления бросились за ней, чтобы помочь выбраться из их мира, чтобы потом можно было с ней поговорить. Объяснить ей все, но они не успели. Девушка исчезла. Она пропала на достаточно большой промежуток времени, по вашим, людским, меркам, но они внимательно следили за ней, надеялись, что однажды она все-таки решится использовать их энергию, это дало бы им возможность с ней связаться. Но она очень долго ничего не предпринимала. Очень долго. Несколько раз они спасали ее, когда плохие люди пытались ее убить. Один из демонов сопротивления все время был рядом с ней, чтобы если что, подстраховать. Он выталкивал избранницу, не давал ей провалиться в мир тьмы. Удерживал на краю гибели. Но связаться с ней так и не мог. Пока однажды, она не использовала силу демонов, чтобы отомстить своему обидчику. Тогда демон сопротивления впервые смог с ней поговорить. Лишь несколько слов он успел ей внушить, но и это было большим прорывом. Больше она не боялась их энергии, теперь оставалось лишь ждать удобного случая. И вскоре он представился. Она создала проход через их мир, чтобы спастись самой и спасти своих людей. Сопротивление ликовало, вот он этот шанс, теперь они все смогут ей объяснить. Но, опять все пошло не так. Она была ранена, и чтобы спасти своих друзей, она воспользовалась своей жизненной силой, она отдавала ее таким бурным потоком, что уже через мгновение к этому живительному источнику стремились тысячи изголодавших демонов. Про разговоры больше не могло быть и речи. Демонам сопротивления оставалось лишь сдерживать натиск кучи обезумевших собратьев, прерывать те связи, которыми демоны вытягивали из нее последние силы. Они сделали все возможное, она спаслась, но потеряла столько жизненных сил, что одному из демонов сопротивления пришлось отдавать ей часть своей силы, чтобы она смогла выбраться, чтобы она выжила. Так демон стал ее частью, а она стала частью демона. Это как разделить тело на две части, и каждая потом продолжает жить своей жизнью, оставаясь неразрывно связана с другой своей половиной. А потом, она еще раз пришла в мир демонов. Пришла, чтобы найти одну душу, найти и вывести, вернуть ее в мир жизни, — Адель закрыла

глаза, она рассказывала детям свои воспоминания, но теперь на нее нахлынули воспоминания Мирриэль, ее боль, от осознания, что ей придется пожертвовать жизнью Ваззина, ради спасения Раирнаила. — Ей пришлось убить невинного, чтобы вернуть душу другого. Ей было очень страшно и больно, но она знала, что так нужно, и сделала это. Впервые в своей жизни, отняв жизнь не ради спасения собственной. Это сломило ее. Она потеряла свою сущность, она считала, что поступила недостойно и потому заслуживает наказания. Она сама стала своим палачом, с каждым днем все больше погружаясь во мрак, тогда демон, связанный с ней смог начать с ней говорить, смог начать действовать. И однажды она поняла, что изменилась, поняла, что теперь она стала другой. Она простила себя, смирилась с необходимостью совершать жестокие поступки, ради достижения своей цели. Но приняв своего демона, она не могла вспомнить другую часть своей души, которая все еще сжималась от ужаса, осознавая совершенное зло. И тогда появился один удивительный ребенок. Он напомнил ее сердце любовью, озарил ее душу таким светом, что демон связанный с ней, буквально ослеп, увидев его. Но мальчику угрожала беда и она ничего не могла сделать, и тогда она призвала своего демона, призвала, чтобы спасти ребенка. И демон пришел на ее зов. И остался с ней, теперь уже на равных. Но демон начал меняться вместе с ней, она училась у демона жестокости, а демон учился любви и добру. Так они и живут, учатся друг у друга и надеются, что вместе они смогут решить все проблемы, справиться со всеми делами, отдать все долги. Чтобы обрести покой.

— Ты говоришь о себе, так ведь? — спросила девочка.

— Не совсем, малышка. Я открою тебе одну тайну, обещаешь ее сохранить?

Девочка утвердительно кивнула.

— Это ее тело, тело той, о которой я говорила, а я, тот самый демон, который связан с ней, который отдал ей свою силу, чтобы она выжила.

— Ты — демон? — удивилась, но не испугалась девочка.

— Да, демон, — Адель улыбнулась. — Мое имя Адель. Некоторые знают меня под именем Темная.

— А кто та, другая?

— О, малышка. Она последний компонент в этой смеси древних богов. Она — Зеленый дракон, только она не обладает его могуществом, лишь его памятью, его знаниями, и этого должно ей хватить, чтобы исполнить свой долг.

— А чем вы отличаетесь?

— Подходом к решению проблем, — белозубо улыбнулась Адель. — Я — убью не задумываясь, чтобы спасти тех, кто мне дорог, а она скорее пожертвует своей жизнью, но не отберет чужую.

— Так на наших руках ты вывела свое имя?

— Да, малышка. Ты не боишься меня?

Девочка пожалала плечами и отрицательно покачала головой.

— Нет. Ты была к нам добрее, чем все люди. Мне кажется, что дело не в том, к какому роду ты принадлежишь. Название рода не делает тебя ни плохим, ни хорошим. Лишь твои поступки, могут сказать, кто ты есть.

— Ты очень умная девочка. Такая же умная, как тот мальчик, ради спасения которого, она призвала меня. Даже странно, что у таких подлых и низких существ, как люди, такие разумные дети. Жаль, что взрослые люди все понимают не так, как ты.

— Они понимают, — уверенно произнесла девочка. — Просто они забыли об этом, им

нужно вспомнить, как нужно было вспомнить Зеленому дракону. Однажды их тоже пронзит тот свет, что увидела она, спасая какого-то мальчика, и тогда все изменится. Я ведь права?

— Надеюсь, малышка, что именно так все и будет. И совместные усилия Белого и Зеленого дракона с помощью демона, увенчаются успехом и Красный дракон будет изгнан из нашего мира навсегда.

— И что случится тогда?

— Мир демонов снова станет закрытым, они больше не будут вырываться сюда. Постепенно там воцарится порядок. Придут новые сильные и мудрые правители, которые восстановят давно нарушенное равновесие в мире тьмы. И когда это случится, малышка, не забывай о своей матери, каждое твое воспоминание, будет дарить мне частицу твоей энергии, и я буду вспоминать о тебе и об этом вечере. И мне будет хорошо.

— Я каждый день буду с тобой говорить, Адель, чтобы ты никогда не голодала.

— Спасибо, дорогая. Это будет чудесно. А теперь, спи. Заболтались мы с тобой.

Адель легким взмахом руки погасила свет и поправила одеяло у младшего мальчика. Ей было легко и спокойно, так спокойно, как уже давно не было. Сотни лет противостояния и вот она на свободе, чтобы помочь этой истории завершится. Она знала, что теперь делает это не только ради своих братьев, не только ради того, чтобы восстановить те потери энергии, что они понесли из-за Красной, теперь она еще делала это для того, чтобы обезопасить этих детей, Крыса и многих других, других, достойных жизни, тех в ком свет не погас, просто померк.

— Придется тебе, Мирра, потрудиться, чтобы раздуть этот огонь в их душах, но это уже не моя забота, мое дело — убивать. И с этим я справлюсь гораздо лучше тебя, подружка.

Демон не ведают усталости, им не нужно спать, и обычная еда их не привлекает. Адель провела с детьми всю ночь, размышляя над сложившейся ситуацией. Но едва первые солнечные лучи позолотили далекий восход, она ушла. Не прощаясь. Так было проще для демона. Она боялась привязываться к живым, зная, что больше никогда не сможет их увидеть. На столе она оставила несколько золотых монет, чтобы дети уж точно не нуждались ни в чем. А на карте отметила место, где разбойники устроили схрон, там лежало все награбленное добро, что они не успели пропить и прогулять. Карту она сжала в руке и заперев за собой дверь дома, отправилась в корчму.

Хозяин колот дрова на заднем дворе. Адель сразу направилась на звук.

— Миледи, — приветливо улыбнулся хозяин, заметив гостью. — Если вы хотели позавтракать, то со вчерашнего дня на кухне осталось кое-что, сейчас жене прикажу, она все подаст. И не тревожьтесь за девочку, все сделаем, как надо.

— Нет, хозяин, от еды я откажусь. Но есть у меня для всей вашей деревни подарок. Надеюсь, распорядитесь с умом, — она протянула ему карту. — Это я нашла на их столе. Кровавым крестом отмечено место, где они сложили все награбленное за это время. Найдется среди вас способный прочитать карту? Да? Вот и славно. Думаю, тех запасов хватит вам и на оружие для защиты и на посевную, чтобы больше не было голода в ваших краях. Прощай, человек.

— Спасибо тебе, благодетельница, — сжимая в руках карту бормотал корчмарь, впервые заметив, как сияет на восходящем солнце ее бледная кожа, и как разливается могильным холодом мрак ее черных глаз.

Она не обернулась, лишь огнем блестел за ее плечами красный лук.

— Теперь я понимаю тебя, подружка, — выйдя за ворота пробормотала Адель. — Ты

всегда говоришь, что твоя дорога сама тебя находит, похоже, теперь так же она находит и меня. Война — всегда плохо, особенно между родней, тем более, когда страдают от нее обыватели. Итак, Миранда, жди в гости, я иду к тебе.

Глава 16.

Солнце уже клонилось к закату, но небольшой отряд продолжал путь. Они хотели нагнать беглянку, хотя и понимали, что угнаться за демоном в эльфийском обличье будет непросто. Слишком много у нее было преимуществ, а у них было слишком мало информации.

— Итак, — нарушил молчание Кален. — она убила бандитов и даже оставила нам записку. Не понимаю зачем ей это было нужно?

— Возможно, она хотела, чтобы мы последовали за ней, — пожала плечами Энель. — И если ее план был именно таков, то мы его исполняем безропотно.

— Или же она хотела нам сказать, что эти убийства ее рук дело, чтобы мы оставили ее в покое, — задумчиво произнес Лерд.

— Или она просто ведет нас в ловушку, чтобы сожрать, как принято у ее собратьев, — вставила Кара.

Кален улыбнулся.

— Даже очень сильный демон, Кара, не справится с нами всеми. Или ты сомневаешься?

— Сомневаюсь, друг мой, этот демон, по словам моего племянника и полусбрендешего менестреля уложил больше двух десятков магов крови и даже бровью не повел. Крис говорит, она даже кровь со своей одежды как-то очистила, когда они к ней подошли на ней не было ни капельки. А еще этот демон, каким-то образом исцелил твою ненормальную подружку, да так, что и следов не осталось. Это не обычный демон, ее даже Гранд боится, а уж он-то по своей работе уж очень близко знаком с этим племенем.

— Ближе, чем вы все думаете, — тихо произнес мастер меча. — В словах воительницы, Кален, есть доля истины. Адель — не простой демон, я таких не встречал. И если она завладела телом и душой Мирры, боюсь, у нас крупные проблемы. Но, должен отметить, она более чем разумный демон. Если бы она хотела затеряться, она бы не стала оставлять нам послания, значит она чего-то от нас ждет.

— Или нас ждет, — опять вставила Кара.

— Возможно и такое, — не стал спорить Гранд. — Но если она хотела заманить нас, точнее одного из нас, то гораздо проще было подписаться именем Мирриэль, тогда бы Кален помчался сломя голову, забыв об осторожности. Она не могла этого не учесть. Остается только вариант, что она просто предупредила нас, чтобы мы не волновались. Подала так сказать знак, что с ней все в порядке, а значит и Мирре ничего не угрожает.

— А ты не переоцениваешь мыслительные способности пожирателей трупов? — усмехнулась Энель.

— Они не пожирают трупы, милая барышня, они питаются нашей энергией, не более того. Сами оболочки их мало привлекают. Вам стыдно не знать таких деталей при вашем-то роде деятельности.

— Мы ничего не знаем о демонах, нейтрал. Это всегда была забота вашего ордена, вы их изучаете и анализируете поведение, — вступился за свою ученицу Лерд. — Мы лишь уповали на вашу неподкупность и нейтралитет, как оказалось, напрасно.

— Хватит тут собачиться, — грозно глянул на них Кален. — На закате будем в деревне.

Она опережает нас на два дня. Будем надеяться, что она оставила нам хоть какую-то подсказку, чтобы мы поняли, чего ей нужно от нас.

Пять человек продолжили путь в тишине. Кален последовал совету и сменил одежды Видящего на обычную одежду. Теперь он был простым ничем не примечательным путешественником.

На закате эта странная компания подошла к воротам деревеньки. Ворота уже были закрыты, пришлось стучать и ждать пока им ответят. Из-за частокола выглянул мужчина. Рядом с ним мелькнуло несколько фигур и зажжённый на частоколе факел осветил натянутые луки.

— Кто такие? — не грубо, но уверенно спросил страж.

— Путники, — начал Кален. — Ищем где бы на ночь остановиться.

— Это можно, — спокойно сказал страж. — Но за частоколом с оружием ходить запрещаем, так что прячьте свои мечи и луки, да подальше.

Кара хотела возмутиться, но Энель резко стукнула ее в бок.

— А не опасно без оружия-то? Времена лихие нынче, а женщину любой обидеть сможет, — спросила Энель.

— Здесь вам ничего не угрожает, — уверил их страж. — Разбойников всех перебили. А против демонов у нас оберег есть, ни один за ворота не суется.

— Тут есть демоны? — оживился Лерд.

— Есть, — ответил страж, наблюдая, как они прячут оружие. — вон за тем полем, разрыв. Раньше спасу не было от них. Но теперь нашли управу. Больше они в нашу сторону даже и не смотрят. Заходите, — удовлетворенно кивнул мужчина, когда все оружие было убрано с глаз долой, и спустился с частокола.

Через несколько минут перед ними приветливо распахнулись массивные створки.

— Сразу спрошу, — преграждая им путь опять заговорил мужчина. — Вы на чьей стороне?

— Какой стороне? — уточнил Лерд.

Энель толкнула локтем и его, да так, что эльф обиженно на нее посмотрел, потирая ушибленный бок.

— Мы не принимаем участия в разборках ваших владык, добрый человек.

Мужчина хохотнул.

— Точно, я и вижу, что вы бродячие артисты. Не юлите, господа наемники, за кого воевать собираетесь?

— Да уж, род наших занятий не скроешь под плащами, — миролюбиво улыбнулся Кален. — Но ты ошибся человек, мы не наемники, хоть люди и военные. Хранители мы. Слышал про таких?

— Доходили слухи, — кивнул страж. — Слышали мы про цитадель Видящих, только вот там армия была, хоть и небольшая, но армия, а вас пятеро всего, отбились от своих или дезертиры?

— Ни то, ни другое. Мы по личным делам идем. В частности, нас интересует убийство разбойников, что несколько дней назад произошло. Сам понимаешь, добрый человек, вашей королеве не до наведения порядков, а мы за людей волнуемся, вот хотели расспросить что да как, как вы с этой напастью справились, помощь опять-таки посильную предложить.

— С помощью вы опоздали, Хранители. Нам ее уже оказали, да такую, что на зависть соседям. Сейчас все с округи к нам в деревню мечтают перебраться. Да, заходите, что это я

все вас за воротами держу? В таверну идите, корчмарь любит эту историю рассказывать. Милости просим. А на постоя недорого можете к детям воеводы попроситься, только если обидите сирот, свет вам мил не будет.

Он указал им направление где корчму искать и закрыл крепкие створки.

— Милейший, а коли демоны вас не трогают и бандитов вы извели к чему ворота на ночь запираешь? — уточнила Энель.

— Так это от людей, миледи, запираемся. Войска ходят туда-сюда, Миранда народ обирает до нитки, а мы больше не хотим ей на балы последние крохи со своего стола отдавать, вот и запираемся, чтобы возможность была отстоять свои семьи. Мы-то Фредерика поддерживаем, вот и опасаемся произвола со стороны королевы.

Энель лишь кивнул, в знак того, что поняла все.

— Молодцы какие, — прошептала Кара. — О сиротах заботятся, да и деревеньку свою оборонять готовы.

— И демоны в их сторону не смотрят, — добавил Гранд. — Я за всю жизнь такого не слышал. Чтобы демонов можно было оберегом напугать.

— Странно это, — подтвердил Лерд.

— На месте разберемся, — успокоил их Кален. — Пока нету о чем размышлять.

Корчма их встретила пряными запахами еды и вина. В небольшом помещении было тепло, даже душно, что заставило путников сразу же снять теплые плащи. Едва за Грандом закрылась дверь, как около них уже стоял хозяин.

— Доброго вечера, путники. Вон столик свободный, вам там удобно будет, все разместитесь, у нас такие компании — редкость, так что самый большой стол свободен. Вы устраивайтесь, вам чего подать-то, господа?

— Вина принеси, а то мы день в пути были, горло бы промочить, да и еду тащи, на всех, — распорядилась Кара.

— Сию минуту, миледи, — откланялся хозяин. — Дана, неси вино, да пять кружек. Донесешь сама?

Гости расселись за большим столом. Кроме них в корчме было еще человек пять, но особого внимания на них никто не обратил, лишь окинули взглядом и забыли.

У стола появилась девчушка с короткими волосами, расставляя кружки она приветливо улыбалась.

— Сейчас вина принесу. Побоялась все сразу брать, чтобы не разбить ничего.

— Спасибо, девочка, — кивнул ей Гранд.

Девчушка бросила быстрый взгляд на мужчин и щеки ее порозовели, что вызвало улыбки у всех Хранителей. Когда девочка ушла Кара рассмеялась в голос.

— Ох ты, дите еще совсем, а уже засматривается на мужичков наших. Еще бы такие, небось, у них в деревне не водятся, один другого краше, что эльф смазливый, что вояки бывалые. Ой силы нет, бабская доля. Мужика нормального найти и детей с ним годовать.

Энель рассмеялась вместе с Карой, а вот Лерд был очень серьезен.

— А тебе, Гранд, не смешно?

— Ничуть, — в тон ему настороженно ответил мастер меча.

— Почуял тоже? Значит я не ошибся, — Лерд задумчиво посмотрел на дверь кухни, где скрылась девочка.

— Что почуял, — насторожился Кален.

— Не знаю, что там почуял эльф, — проговорил Гранд. — А вот я четко ощутил

исходящий от девочки поток демонической энергии. Их кровь я не спутаю ни с чем. А вот и загадочная наша девчушка, ну-ка, Кален, выпроси у юной прелестницы, что с ней не так.

Кален молча кивнул и улыбнулся самой доброй своей улыбкой подоспевшей девчушке.

— Тебя Даной зовут, дитя?

— Да, господин, — девчушка неуклюже поклонилась, едва не выронив бутылку.

— Ты нас не бойся, девочка, мы хоть и грозные с виду, но зла хорошим людям не делаем.

Девочка зарумянилась пуще прежнего.

— Мы путешествовали долго, нам бы последние новости узнать, как думаешь, Дана, позволит тебе отец с нами побеседовать?

— Хозяин не отец мне, — потупилась девочка. — Мой отец на войне, а мать разбойники убили. Я работаю тут, помогаю чем могу, когда просят.

— Так может ты есть та сиротка, у которой нам посоветовали заночевать?

— Да. Дом у нас большой, а нам с братом и одной кровати хватит, сможем вас всех разместить. Только вот большая кровать только одна — родительская. Так что вы уж сами решите кто на ней спать будет, — девочка смущенно теребила край передника.

— А тут и решать нечего, мы нашим дамам уступим комфортное ложе, а сами уж как-нибудь устроимся, — улыбнулся Кален внимательно разглядывая девочку. — Ну, раз мы с ночлегом уже определились, так вечерком в твоём доме и расскажешь нам как вы тут живёте, договорились, Дана?

Девочка кивнула и поспешно скрылась в кухне. А за столом повисло молчание, все смотрели на Калена, ожидая, что он скажет.

— Ой, женщины, я думал вы с возрастом такими становитесь, а нет, похоже вы рождаётесь такими. Эта малышка как про ночлег заговорили, все решить не могла кто из нас пара. По её мнению, одиноким должен остаться Гранд. Тебя Энель благополучно сосватали Лерду, а мне Кару. Это конечно забавно, но дело не в этом. Девочка и её брат и есть оберег деревушки от демонов. В ней нет ни капли страха перед ними, только... теплота и сочувствие. У неё на руке знак, Энель. Тебе стоит его рассмотреть, там руна, я не разобрал что за она. А ещё странно, но её переполняет благодарность. Я не мог прочувствовать все, слишком у неё путались мысли и воспоминания.

Тут к столу подошел хозяин, принес пять больших тарелок с горячей едой.

— Вот, господа, ваш ужин. Дана мне сказала, что вы про новости спрашивали, так я сам с вами посижу, коли желаете, а то девчушка смущается, — хозяин улыбнулся.

— Присаживайся, хозяин. Рассказывай, как жизнь ваша идет? Что оборону вы наладили хорошо, мы уже заметили, честь вам и хвала за это, — начал Кален. — Нам так меньше забот будет, коль все так за свои дома стоять будут. Вот только, как с демонами вы договорились я в толк не возьму, мы вот ничего другого, кроме как убивать их, так и не смогли придумать.

— Так это недолго рассказывать. Нету тут тайны никакой. Два дня тому, у ворот первый демон появился, мы еще не успели ни оружием разжиться, ни стражу поставить, добро что Данка выбежала благодетельницу свою искать, проститься хотела, да той уже и след простыл. Я к девчонке кинулся, хотел ее от беды уберечь, а она только улыбнулась мне и говорит: «Вы, дядюшка, не бойтесь. Не сделает он нам ничего, вы только за мной стойте, я сама разберусь.»

— Что за демон-то был? — не удержался от вопроса Гранд.

— Да баба в черном одетая, над землей летала.

— Отчаянье? Ничего себе, и что девчушка сделала? — потрясенно произнес мастер меча.

— Не знаю, господа хорошие. Данка рукав закатал и к демону пошла. Тот сперва атаковать хотел, но чуть к Данке приблизился, остановился, некоторое время повисел, развернулся и улетел. Мне даже почудилось, что он голову склонил перед нашей Даной.

— Чудеса, да и только. А ты-то трезв был, хозяин, может привиделось тебе? — нагло улыбаясь спросил Лерд, но встретив взгляд Калена смутился.

— Что вы, не привиделось. Как вас сейчас вижу, так и там все было. А вчера на заходе солнца, еще трое появились. Ворота уже заперты были, стража сразу за Даной послала. А демоны стоят смиренно у ворот, словно собака, что в дом просится. Дана вышла опять руку свою показала, демоны глянули и отвернулись, так и исчезли за полем. Не знаю, что там у нее на руке, а только для демонов это, видать знак какой-то.

— Интересно, — прошептала Энель. — А накануне что было-то? Перед тем, как такие чудеса у вас начали твориться, может заходил кто к вам?

— А как же не заходить, заходила эльфийка одна. Красивая, такой красоты в жизни не видел, уж простите меня, милые дамы, но от нее глаз не оторвать было. Днем она пришла, вина попросила, а потом вышла воздухом подышать. Вернулась она с сиротами с Данкой и братишкой ее, где она их встретила, не знаю. Приказала вымыть детей и накормить, а потом такое началось, я вам и описать-то не смогу. Красавица эта и положила всех бандитов, что тут хозяйничали, а мне карту принесла, где место было тайное отмечено. За те деньги мы и оружия купили. Она только одну ночь у нас была, а утром ее и след простыл. Дивная она была. Глаза черные, кожа почти белая, и на солнце словно драгоценный камень блестит, а лук у нее какой, любой мастер залюбуется. Вовек ее не забудет никто, кто хоть раз увидел.

Кален вопросительно глянул на Гранда, тот едва заметно кивнул в ответ.

— Имя у нее было? — спросила Энель.

— Не сказала она нам имени, никому, может только у Даны спросить, она ж у них и ночевала. Не много она говорила, но что говорила, все правильно, словно в душу смотрела. Я про войну ей рассказал, а она и говорит, что не дело так с людьми обходиться.

— Спасибо, хозяин, — прервал его Кален. — Иди. Мы позовем, если еще что потребуется.

Корчмарь раскланялся и удалился.

— Итак, это была Адель, — подвела итог Энель.

— Корчмарь не все рассказал. Она убила не только разбойников у ворот. Здесь, в корчме было еще несколько жертв. Она была вне себя от ярости, я видел это в его воспоминаниях, он был очень напуган. Она не стеснялась применять свои демонские штучки, только вот не понимаю, она убила разбойников, но остальных не тронула, позаботилась о детях и о селянах, оставив им карту с отмеченным схроном. Но демоны так не поступают.

— Обычные — нет. Но она не обычный демон, я уже говорил об этом, — Гранд отхлебнул из кружки вина и поморщился. — Ну и гадость. Из всего сказанного и не сказанного хозяином, можно сделать только один вывод: Адель не заманивала нас в ловушку, она просто дала нам знать, что с ней все в порядке и мы можем не волноваться. Кроме того, она не тронула мирных жителей и даже помогла им, из чего следует, что она контролирует свой голод и по-своему, но пытается помочь нам.

— Чудесно, — не удержалась Кара от язвительной усмешки. — Демон на стороне

Хранителей. Кто бы мог подумать.

— Ты зря так, Кара, — не отрывая глаз от тарелки проговорила Энель. — Она не может закрывать разрывы, как Мирриэль, но в то же время, она обезопасила жителей деревни от этой угрозы, а это немало.

— А почему она не может их закрывать? — спросил Лерд.

— Она не может использовать энергию жизни, не может ее отдавать, только забирать. А Мирра закрывает разрывы именно энергией жизни, — пояснил Кален, при каждом слове в его груди глухо стучалось сердце, словно из последних сил. — С демоном разобрались. Остается только один вопрос, что с Мирриэль, какого демона она выпустила своего демона на прогулку?

— Ну, здесь только один возможный вариант. Если демон здесь, значит его место в их мире свободно, — отодвинув уже пустую тарелку сказал Лерд.

— Мирра опять отправилась туда, — Кален тяжело вздохнул, кто бы знал, как он устал от ее бесконечных сумасбродных выходов. — Что ей еще там нужно? Раира она уже вернула, что еще? Я уже просто не знаю, чего ожидать от нее.

— Она следует за своими ощущениями, раз она туда опять полезла, значит так нужно. Скорее всего мы не узнаем кому и зачем, нужно просто ей довериться. Обычно ее ощущения не подводят, — попытался успокоить его Гранд.

— Только вот мне от этого ни капли не легче, — жестко выпалил Кален. — Как меня угораздило-то? Хуже выбора я сделать просто не мог! Такая любовь никак не способствует спокойствию и безмятежности.

— А я тебе говорила, — подняла кружку Кара. — Но у вас на уме возвышенные чувства и всевозможные переживания. Выбрал бы обычную девчонку, и жил себе счастливо, каждый вечер греясь в ее объятьях.

— Да, замолчи ты, наконец, — не сдержался он. — Сколько можно, Кара? Мало того, что Мирра без конца выкидывает непонятно что, так и ты еще капаешь без конца! Я так долго не выдержу. Дана!

Девочка появилась почти сразу.

— Мы бы хотели уже на отдых устроиться, если тебе хозяин позволит, мы бы тебя проводили.

Хозяин все слышал и улыбаясь кивнул. Оставив плату за еду на столе, компания вышла за девочкой. Путь не был долгим и вскоре они уже входили в дом воеводы. Девочка подхватила брата на руки и проводила гостей к столу.

— Я сейчас покажу вам комнаты, а вы уж решите, как разместитесь.

Осмотрев место ночлега, оставив там поклажу, компания собралась у стола, в ожидании юной хозяйки. Дана появилась спустя несколько минут.

— Вы простите, я брата укладывала.

— Ничего, девочка, мы понимаем. Ты нам расскажи про постоялицу свою. Про Адель, — мягко попросил Кален.

Девочка заметно вздрогнула.

— Я не знаю о ком вы.

— Ты все понимаешь, Дана, не стоит лгать. Мы не желаем ей вреда, нам просто нужно знать, что у нее на уме, мы помочь хотим.

— Ей не нужна помощь, — улыбнулась Дана.

— Ей, может быть и не нужна, но нужна другому человеку, очень дорогому мне

человеку, — Кален посмотрел на девочку. — Ты же знаешь, кто она? И, думаю, ты знаешь, что такие как она предпочитают пользоваться чужими телами. Я друг той, чье тело захватила Адель.

Девочка внимательно на него посмотрела.

— Ты друг Зеленого дракона?

— Мы не называем ее так. Ее имя Мирриэль.

— Так вы Хранители? — удивилась девочка. — Мой отец много о вас говорил.

— Да, Дана, мы — Хранители, — подтвердила Энель. — И так уж случилось, что мы не знаем ничего о Мирре и сейчас очень тревожимся о ней. Адель говорила тебе что-нибудь?

— Нет, — покачала головой девочка. — Адель рассказывала мне о демонах, и о драконах. Она сказала, что они смогли поладить с зеленым драконом и теперь учатся друг у друга, но она не говорила, что с ней случилось.

— Поладили? — переспросил Гранд.

— Да, Адель сказала, что зеленый дракон приняла ее.

— Мирриэль, — выдохнул Кален, сокрушенно качая головой. — Я же предупреждал, нельзя верить демонам, что же ты наделала?

— Адель — хорошая, — всплыла девочка. — Она не причинила зла никому. Она мне все рассказала, о том, почему демоны злые. Они не виноваты, они просто голодны. Они пытаются выжить.

— Она — демон, Дана. Демоны часто лгут, — попыталась успокоить ее Энель.

— Нет, она не такая. Она из сопротивления. Они пытались остановить все это, они пытались исправить то, что наделали драконы. Она не обманщица, а вы, вы — девочка не могла подобрать слов.

— Мы пытаемся спасти этот мир, Дана. Мы хотим остановить Красного дракона, но для этого, нам нужна Мирра, а мы не знаем, что с ней случилось, — положив руку на худенькое плечико проговорил Гранд. — Мы хотим вернуть нашу подругу, но не желаем зла Адель. Покажи, пожалуйста руку, что за знак она оставила? Как ты остановила демонов?

Дана задумалась, но потом закатала рукав и показала руну.

— Когда приближаются демоны, руна начинает гореть огнем, но не обжигает меня. Это ее имя, она так сказала.

Энель внимательно рассмотрела рисунок и кивнула.

— Так и есть, это ее имя, ничего больше.

— Значит демоны боятся ее имени? — уточнила молчавшая до сей поры Кара.

— Не боятся, Кара, уважают, трепещут. Она незаурядный демон, я уже столько раз это повторил, что самому тошно, — поправил ее Гранд.

— Она спасла зеленого дракона, когда та отдавала свою жизнь, ради спасения друзей, Адель отдала ей часть своей силы, чтобы помочь, чтобы защитить, если бы не Адель, ваша подруга умерла бы.

— Спасла? Но зачем? Она не говорила? — начал расспрос Лерд.

— Чтобы все исправить. Чтобы в мир демонов вернулся порядок, который нарушила Красный дракон, — пожалала плечами девочка. — Я не очень поняла, что она имеет ввиду, но она сказала именно так.

— А что еще она сказала?

— Даже не знаю, наверное, больше ничего. Вы если хотите еще поговорите, а я спать пойду. Завтра утром нужно в корчму, помогать.

— Спасибо, Дана, за помощь. Ты очень храбрая девочка, — улыбнулась Энель. — Мы тоже спать пойдем, нам отдых будет на пользу.

Утром они простились с Даной, расплатились за ночлег и отправились в путь. Теперь им не оставалось ничего другого, только пытаться догнать демона,двигающегося в неизвестном направлении. От одного поселения к другому они шли, расспрашивая об Адель. И им рассказывали. На пятом рассказе они перестали удивляться добродушную демонессу. Им наперебой рассказывали, как она помогала справляться с разбойниками, как заступалась за обездоленных. Они не слышали ни одного дурного слова. И везде, где она проходила, в глазах людей они видели воодушевление, она указывала им путь и помогала на него встать. Гораздо чаще они слышали недовольный ропот в сторону королевы Миранды и ее свиты, на их глазах зрело народное восстание. Люди устали жить в страхе, им надоели поборы и бездеятельность власти.

— Нам не угнаться за ней, — констатировал Лерд. — Она слишком стремительна.

— Сделаем последнюю попытку, — предложила Энель. — Если и там ее не догоним, что ж, пусть путешествует. Зла она не делает, нам даже придраться не к чему. Люди в восторге от нее. Везде, где она побывала, демоны пропадают. По большому счету, она делает то же, что и Мирра, просто другим способом. Нам же важен результат.

— Согласна, — кивнула Кара.

— Я тоже, не вижу смысла гоняться за ней. Придет время, сама объявится, — согласился Гранд.

— Хорошо, переночуем под крышей в следующем селении и направимся в столицу. Будет время передохнуть и поговорить с Фредериком, перед балом, — подвел итог Кален.

Когда день уже склонился к вечеру они вошли в корчму. Устроившись за столом, они ожидали, когда к ним подойдет хозяин.

— Добрый вечер, господа. Чего изволите?

— Неси еду, и расскажи нам не приходила ли в вашу деревню некая эльфийка со светлыми волосами и черными глазами?

— Госпожа Адель? Так она сейчас в комнате у себя, а вы к ней по какому делу? Она просила не тревожить ее до ночи.

— Здесь? В какой комнате? Проводи быстро, — резко поднялся Кален.

Хозяин поспешно кивнул.

— Пойдемте.

Быстро поднявшись на второй этаж, вся компания остановилась у двери указанной хозяином.

— Иди, хозяин. Спасибо! Это личное дело, — Лерд протянул ему несколько монет и хозяин поспешно удалился. — Думаю, стучать не имеет смысла.

Кален нажал плечом на хлипкую дверь и с легкостью сорвал ее с петель. Они ввалились в комнату. Комната была пуста. Холодный ветер играл занавесками, прикрывавшими распахнутое настежь окно.

— Ушла, — выглядывая в окно констатировала Энель. — Несколько минут назад, когда мы входили в таверну, скорее всего, почувствовала, что ли.

— Или предупредили, — предположил Гранд.

— Почему она бежит от нас? — осматривая комнату задался вопросом Лерд.

— Ей нельзя встречаться с нами, она не хочет этого. Встреча с Каленом, вернет Мирриэль, видимо, Адель хочет это предотвратить, — сказал Гранд.

— И куда она могла направиться? — спросила Кара.

— Туда, — указала Энель на виднеющийся за окном лес. — Она эльф, в лесу ей будет проще спрятаться и избавиться от нашего пристального внимания.

— И теперь мы будем гоняться за ней по лесу? — скептически подняла бровь Кара.

— А нужно ли нам за ней гоняться? — спросил Лерд. — Мы же собирались отправиться в столицу. Давайте оставим ее в покое и займемся своими делами.

— Она не просто так оставляла нам все эти следы, она хотела, чтобы мы ее нашли, иначе бы просто затерялась, и мы бы ничего не знали, — Кален задумчиво потер лоб. — А теперь сбегает. Ничего не понимаю. С Миррой было непросто, а с этой вообще кошмар. Наш путь все равно лежит через этот лес, следуем плану, отправляемся в столицу. Надоели мне эти загадки. Хватит. Бал уже не кажется мне таким уж противным событием. Уж лучше на балу от танцев отлынивать, чем сапоги топтать в поисках неуловимой демонессы в эльфийском обличье. Выдвигаемся немедленно, переночуем в лесу.

Он не стал ждать ответов, просто развернулся и вышел из комнаты. Его спутникам ничего не оставалось, как переглянувшись последовать за ним.

Холодный зимний вечер отчаянно трепал теплые плащи, но Видящий словно не замечал его, он не сбавлял скорость, не оборачивался и не обращал внимания на едва поспевающих за ним спутников. Теперь уже он был зол. Что с ним произошло? Как он мог так ошибиться в ней? Он считал ее своей судьбой, он мечтал быть рядом с ней, но она делала все, чтобы быть подальше от него. Она сбегала при каждом случае, оставляла его в неизвестности. Ему надоели эти игры. Не имело значения кем они были. Воплощения древних богов или простые смертные. Разве это имеет значение? Он любит ее, он через столько прошел, чтобы доказать ей свою любовь. Эти бесконечные муки, эти оживающие воспоминания, нескончаемый поток боли, а результат? Она опять сбегает. Так не может больше продолжаться. Пора положить этому конец.

— Кален, ты слышишь меня вообще? — дернула его за плечо Энель. — Мы устали уже, надо искать место для ночлега.

— Ищите, — бросил он, вырывая руку из ее хватки. — Я не устал, не хочу останавливаться. Я продолжаю путь, встретимся на месте. Я буду у Фредерика.

Энель остановилась, словно громом сраженная.

— Не бойся, шпионка, я с ним пойду, мне не привыкать, — дотронулся до ее локтя Гранд. — А вы потихоньку добирайтесь. Ему сейчас нужно остыть. Что-то он сдал в последнее время. Совсем он запутался со своей любовью. Но я его понимаю, наше дело — война, в любви мы ничего не понимаем. И будьте осторожны. Береги себя, Энель.

Он нежно коснулся ладонью ее щеки и улыбнулся.

— До встречи, Энель, — повернувшись к ней спиной он ускорил шаг, чтобы нагнать Видящего.

— До свиданья, воин.

— И что это сейчас было? — спросила Кара.

— Ищем ночлег. У Калена приступ гнева или боли. Не знаю. Но его сейчас лучше не трогать. Ты давно его проверяла? Может он все-таки изменился? — осматривая снежный лес произнесла Энель.

— Каждый день просматривала. Вроде все в порядке. Но ты же сама понимаешь, с ним в последнее время совсем тяжело общаться. Он вспыхивает, как факел промасленный.

— А вон, девочки, охотничий домик виднеется. Предлагаю там и заночевать, — указал

Лерд направление. — Ничего удивительного. На него столько всего свалилось в последнее время, да и единственная любовь чудит. На его месте любой бы взорвался.

— Замолчи ты, знаток любовных переживаний, — оборвала его Энель. — Пойдем. Пока согреется эта хижина все равно не уснем, будет еще время поболтать.

К их удивлению дверь открылась легко и не издала ни звука, внутри было темно и тепло.

— Кто-то здесь был, совсем недавно, — констатировала Кара.

— Да ты просто невообразимо проникательна, воительница, — хихикнул Лерд. — Как ты до этого додумалась?

Но его хорошее настроение очень быстро пропало. Едва он втянул носом воздух в хижине утонченное лицо полуэльфа искривила гримаса отвращения.

— Девочки, нам лучше убраться отсюда и подальше, и очень быстро. Бегом отсюда, я сказал.

Но его предупреждение запоздало. Из полумрака появились две тени. Одна из них преградила дверь, другая же встала у небольшого окна. В кромешной тьме раздался звук обнажаемых кинжалов.

— Не надо так, мы вас ждали, а вы за оружие хватаетесь. Нехорошо, — прозвучал мягкий женский голос.

— Мирра? — удивлено воскликнула Энель.

— Почти, — в голосе послышалась насмешка и шпионка увидела, как неясной тенью опустилось на пол тело Кары, громко звякнуло ее оружие, глухо охнул Лерд, так и не успев выскочить за дверь, а ее неумолимо потянуло в сон, она знала, что этого не может быть, но сил сопротивляться не было

«Как глупо. Попались, как дети» успела подумать шпионка и ее глаза закрылись помимо ее воли.

Глава 17.

Продвигаясь вперед Адель пыталась понять, что она ищет, для чего она помогает людям, почему продолжает искать в них что-то. Она демон, ее суть — питаться их энергией. А она не просто ищет пищу, она, как и обещала, выбирает жертвы и зачем-то разговаривает с другими. Она чувствовала влияние Мирриэль. Вполне обычным делом для нее стали разговоры с собой, или точнее с той, которая все еще бродила по миру духов, пытаюсь отыскать единственную душу. А она бродила по миру людей. И ее пугал этот мир. Она привыкла к жестокости, но к жестокости по необходимости, а люди были жестоки просто так, почти всегда. Она искала оправданий для себя и других подобных ей, но вместе с подтверждениями своей правоте, находила массу опровергающих все доказательств. Люди не были просто пищей, о, нет. Демоны ошибались, уже так давно ошибались. Да в этих противоречивых существах было много зла, очень много, но все чаще, проводя время в кругу людей, Адель понимала, что добра в них гораздо больше. Она видела это в их детях, в глазах матерей, обнимающих своих чад, видела это в глазах мужчин, которые готовы были бросить свои мирные занятия и встать на защиту своего дома, своей семьи. И теперь она не просто предполагала, она смогла вспомнить разницу. Та энергия, которую им отдавали смертные по собственной воле, она была другой, не такой как та, что демоны отбирали убивая. Даже малой доли первой, хватало для насыщения на долгие дни, если не недели, а вот другой было всегда мало. Ты убиваешь, насыщаешься, но спустя уже несколько часов, ты снова ощущаешь

голод, нестерпимое желание убить, чтобы насытиться. Другие демоны не успевали этого понять, их или убивали, или они теряли разум и превращались в ненасытных убийц. А вот у нее появился шанс не только понять разницу, но и рассказать потом о своих выводах. Впервые она четко ощутила эту разницу, когда девочка обещала вспоминать о ней каждый день. Тогда в нее хлынул поток чистой энергии, теплой и нежной, которая насыщала не раздражая, мягко и ненавязчиво. А через несколько часов ей пришлось убить, и на нее обрушилась тяжелая волна, чуждой отторгнутой энергии. Ей стало очень плохо, такой ошеломительной была разница. Но из-за голода демоны не разбирают, они берут то, что возможно. Сильный голод затмевает разум. Так бывает, когда пытаешься выжить любым способом. И теперь, Адель не хотела убивать ради пищи, ежедневно она получала частичку девочки и ее брата, которые вспоминали о матери и о ней, и ей было этого довольно. Теперь она убивала, потому что так было правильно, по ее мнению. Кто бы мог подумать, что желание Мирриэль что-то изменить в текущем моменте времени, принесет такие странные и неожиданные результаты. Все это она поняла уже через день, после встречи с девочкой и ее братом, теперь нужно было поделиться своими находками с теми, кто был заинтересован в таком знании. Первыми были, конечно же демоны, но с ними она сможет разобраться, когда вернется, а вот в этом мире нужно было предупредить Хранителей. Мирра много сделала для нее, даже не осознавая этого, и Адель посчитала, что должна ей, должна поговорить с ними. Но она никак не могла осуществить свой план. За ней шли пятеро, и один из них был способен все испортить просто своим присутствием. Ведь стоило ей его увидеть, как Мирра немедленно вернется, чтобы быть рядом с ним, и демонесса не успеет ничего сделать и сказать. И ее знания пропадут. Нужно было как-то их развести в разные стороны, разъединить. Она не могла ничего придумать, группа была слишком сплочённой. Наблюдая за ними, она удивлялась такие разные, такие похожие. За плечами у каждого из них она видела тяжелый путь, полный потерь и самопожертвования, боли и радости, грусти и тоски. В каждом жила боль, у каждого своя, но она не делала их слабее, не ломала, а закаляла, придавала сил и уверенности в том, что выбранный путь верен. Каждый из них нес свой груз ответственности, все они по-разному справлялись с этим. Рыжеволосая, пыталась спрятаться от всех и потому редко снимала капюшон, эльф, прятал свою грусть за язвительностью и напускным легкомыслием, темноволосая воительница, забывалась в бою, а странник с белыми волосами делал выводы и забывал. Сложнее всего было с избранником Мирриэль. Адель боялась к нему приближаться, но вскоре, после того как она впервые их заметила, ей это и не было нужно. Она без труда видела сотни призраков, которые постоянно сопровождали его. Она не могла представить, как он выживает. Каждый из призраков пытался его подчинить, подавить волю, захватить его разум, но он не сдавался, она не видела его, но чувствовала, как сводит судорогой его мышцы, при каждом соприкосновении с призраками. И еще она видела, что его оборона слабеет, с каждым прикосновением этих неуспокоенных душ, в нем оставалось все меньше сил сопротивляться, все меньше желания выжить, он медленно терял контроль над собой. Очень медленно, но неотвратно. И когда она поняла это, она ощутила боль, она чувствовала, как сжимается от страха за него сердце Мирриэль. Они были связаны и все, что приходилось ощущать Адель, чувствовала и Мирра. Однажды она не выдержала и сформулировала мысль:

— Ты должна быть с ним, Мирра, иначе он умрет.

— Он умрет в любом случае, Адель, так же, как и я. Мы — смертные. Мы рождаемся и умираем.

— Ты не понимаешь, он умрет без тебя. Ты должна вернуться. И чем быстрее ты это сделаешь, тем будет лучше для него.

— Я не могу сейчас вернуться, Адель, мне нужно еще время. Если я не справлюсь, если я не смогу ее найти...

— Ты ничего уже не изменишь, Мирриэль. А он нуждается в тебе.

— Так же, как и я нуждаюсь в нем, Адель. Дай мне все закончить, и я вернусь, и больше никогда его не оставлю до самой смерти.

— Ты глупая эльфийка, — зло ругнулась Адель.

— Я воплощение Зеленого дракона Равновесия, Адель. С моей помощью, ты вернешь порядок в свой мир и не будет более благоразумного правителя в мире тьмы, чем ты. Я исправлю все ошибки, которые успею, демон, чтобы мир мог существовать дальше.

— Дура ты, подружка. За что он только любит тебя?

Мирриэль не ответила. На этом их разговор окончился.

Адель приняла решение, по возможности ускорить их встречу и отправила на помощь Мирре одного из своих сородичей, оставшихся в мире тьмы, чтобы он помог ей сократить время поисков. Ну, а ей все еще нужно было решить, как разделить эту группу. Именно над этим она и размышляла, сидя в своей комнате в захудалой корчме. Она решила не убегать больше, она хотела заставить Мирру вернуться, это было так просто, нужно было лишь дождаться их и посмотреть в глаза этому человеку, и она уже готова была это сделать. Когда ее размышления прервал тихий голос.

— Она все равно сбежит от него, как только представится такая возможность, демон.

Адель резко обернулась к окну, в руках ее полыхнула огненная плеть. У открытого окна стоял высокий мужчина в широком черном плаще. На нее спокойно смотрели такие же черные глаза, как и ее. В них был тот же холод. Но он не был демоном в привычном понимании. Мужчина приветливо улыбнулся, обнажая острые клыки, на смуглом круглом лице это выглядело особенно устрашающе. Высокий, широкоплечий, даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что вся его массивная фигура сплетение стальных мышц. От него веяло сокрушительной силой и старостью. Он был стар, хотя у подобных ему, внешность не изменяется тысячелетиями, но она знала, что он едва ли не ровесник этого мира.

— Вампир? Тебе-то что известно об этом?

— Ты обижаешь меня, демон. Вампир, — он презрительно скривился и сбросил теплый капюшон позволяя огненной гриве густых волос рассыпаться по могучим плечам. — Я не простой вампир.

— Я вижу, что ты один из первых. Долгая жизнь...

— С начала времен, — подтвердил мужчина, расправляя широкие плечи, стряхивая налипшие на плотную ткань снежинки. — Я последний из первых.

— Возможно, — не стала спорить Адель. — Но, что ты, воплощение тьмы, можешь знать о смертных и их жизнях?

Вампир рассмеялся тихим зловещим смехом.

— Я живу среди смертных тысячи тысяч лет. Я знаю о них все, демон. И я читаю мысли и сердца.

— Ерунда, вампир, ты просто пьешь их кровь.

— Я изучал их, наблюдал за ними и многое понимаю. Она будет бежать от него до тех пор, пока не поймет, что их встреча не приведет к его смерти. Но это она так думает, пока.

Она еще не потеряла его. А вот он ее уже терял. И сейчас он переживает это еще раз. Не только демонов интересует эта история, милая. Так вот, дай ей закончить, то что она начала. Не мешай ей. Она все равно сделает так, как посчитает нужным с твоей помощью или без нее. Не усложняй ее и без того сложную жизнь.

— Ты болтун, как и все кровососы.

— Да пойми же ты, демон. Если он не успеет осознать свои силы, эта встреча убьет их обоих! Калисто без усталости ищет их. Пока ты занимаешь ее место, они в безопасности. Тебе нужно решать, демон, и решать быстро, они уже вошли в дверь этой таверны. Если ты готова бежать, я помогу тебе.

— Вампир, — проворчала Адель. — Ладно, уговорил, пошли.

Он указал на окно и опять обнажил клыки в улыбке.

— Только после тебя, демон.

Адель не заставила себя упрашивать и легко выпрыгнула в окно, захватив лишь сумку с личными вещами. Он опустился рядом с ней и набросил на нее полу своего плаща.

— Так они нас не смогут увидеть, даже если будут смотреть до рези в глазах.

— Так вот как вы, кровососы, скрываетесь от людей?

— У нас свои секреты, демон. Идем.

Они быстро добрались до лесной опушки.

— Вот там, стоит охотничий домик, жди там. Я сделаю так, чтобы он ушел один, а остальные искали ночлег в лесу и приведу их прямо к тебе.

— Эй, кровосос, только не вздумай их кусать! Никого!

— Не извольте тревожиться, миледи. Я на строгой диете.

Она хмыкнула и отправилась к домику. Ждать пришлось недолго. Уже через несколько часов открылась дверь, и она увидела, как в дом вошли две женщины и полуэльф, а следом за ними тенью скользнул вампир. Дверь закрылась, теперь эти трое были в их власти. Она еще не успела ничего предпринять, как в голове ее зазвучал голос вампира: «Я сейчас их усыплю, нужно будет их связать, чтобы они нас не покалечили, пока разберутся что к чему, попытайся выиграть мне несколько мгновений, эльф почувствовал неладное.» И тут же она услышала:

— Девочки, нам лучше убраться отсюда и подальше, и очень быстро. Бегом отсюда, я сказал.

Адель увидела, как рыжеволосая схватилась за ножи.

— Не надо так, мы вас ждали, а вы за оружие хватаетесь. Нехорошо, — как можно мягче проговорила она, отвлекая женщину.

Этого было достаточно, ей ответил растерянный голос.

— Мирра?

— Почти, — улыбнулась Адель, видя, как накрывает рыженькую вампирское заклятье сна.

Вампир зажег свет и деловито принялся разоружать людей, Адель присоединилась к нему.

— А этот эльф непросто, — вытаскивая очередную смертоносную игрушку из тайника в одежде проговорил вампир. — Чего только тут нет?

— Серебра, — очаровательно улыбнулась Адель.

— Злыдня, — мило улыбнулся вампир. — Его нужно покрепче связать.

— Всех их нужно связывать покрепче, а то нам с тобой несдобровать.

Вампир кивнул и умело стянул тугой узел на руках эльфа. Когда все было закончено, демон и вампир аккуратно уложили пленников у очага. Адель развела огонь, чтобы люди не замерзли.

— И сколько они будут спать?

— Около часа, у нас есть время поболтать.

— Вот смотрю я на тебя вампир и понять не могу, ты почему такой смуглявый и здоровый? Вашему виду положено быть бледными и щуплыми, вы ж одной кровью питаетесь, а это не слишком питательный продукт.

— Предрассудки, — отмахнулся вампир. — Щуплые и бледные — обращенные, а я рожден вампиром. И, кстати, для рожденных, кровь — скорее деликатес, излишество, слабость, как алкоголь для людей, а не питание. Я могу спокойно обходиться и без нее. Кстати, меня зовут Себастьян Берт вон Прайм Далин.

— Себастьян, красивое имя. А я Адель.

— Приятно познакомиться, принцесса тьмы, — вампир даже бровью не повел, галантно склоняясь к ее руке.

— Принцесса, без царства, — усмехнулась Адель. — После того, как появились драконы и стали активно вмешиваться в жизнь нашего мира, разрушая его уже одним своим присутствием.

— Это не меняет ничего. Я рожден вампиром, а ты — рождена демоном.

— Мы не рождаемся, вампир, и не умираем. Мы те, кто есть, испокон века.

— И между тем, не могу не выразить тебе своего восхищения.

— Заткнись уже, Себастьян. Не тревожь старую рану.

— Ты же сама вызвалась ей помогать, сама отдавала ей свою силу, сама вела ее к черте, не ради нее? Ты веришь в нее, надеешься, что она сможет закончить все и ты вернешь свое царство.

— А ты вызвался мне помогать вот прям из любви к людям?

— Конечно нет, принцесса, — вампир присел у огня рядом с ней. — Со дня изгнания нашего рода из твоего царства, мы всегда мечтали вернуться, принцесса. Прошло столько времени, все изменилось. Изменился ваш мир, и мы тоже изменились. Быть может, вернув свое ты сможешь забыть старые обиды и позволишь последним оставшимся вампирам вернуться?

— Вас изгнали за гордыню и длинные языки. Я помню этот процесс. Но ты прав, прошло слишком много времени. Я подумаю, как вам помочь, Себастьян.

— Все было не так, хотя язык там точно присутствовал, — вампир игриво подмигнул Адель. — Как там? Что там происходит сейчас? — грустно глядя в огонь спросил он. — Тебе покажется это нелепостью, но я скучаю по своему миру.

— Все изменилось, Себастьян. Наш мир рушится, а из-за постоянного присутствия в нем Красного дракона, там разрушения происходят быстрее, чем здесь. Ты не узнаешь наш мир, вампир. Того мира, из которого вас изгнали, давно уже нет. И я не знаю, сможем ли мы восстановить его. Элирия позаботилась об этом мире, но не о нашем, о нем она почему-то не подумала.

— Она была всего лишь юным Богом, она не могла предусмотреть все. Не вини ее, она и так сделала много.

— Ты просто не видел во что превратилась страна вечного лета, Себастьян. Нет больше лета, ничего нет, запустение и разруха.

— Не отчаивайся, принцесса, нам потребуется много времени, но мы сможем все восстановить, когда эти юные духи покинут наш мир.

— Поэтому я и помогаю ей. Она должна завершить начатое тысячелетия назад. Они должны уйти. Сложнее всего будет с Калисто. Орлен последует за Элирией, слишком велико его ощущение вины. Ты видел, как мучается его воплощенный?

Вампир молча кивнул. Он видел. И ему было страшно от созерцания увиденного, а что чувствовал человек, он не мог даже представить.

— А она не понимает, — пожаловалась Адель.

— Она понимает лучше, чем ты можешь подумать, демон, но она смертная, она хочет иметь хоть небольшую надежду. Надежду, что даже для героев есть будущее... Вопреки тому, что она знает от Элирии. Она очень хочет жить. Забыть обо всем этом кошмаре и просто жить. Она боится, что, завершив это дело, они больше никогда не встретятся, ведь завершившие дела не возвращаются в Колесо жизни. Дай ей шанс.

— Но это законы вселенной, и даже богам не дано их изменить. Это баланс. Закончив свое дело, они завершат цикл перерождений.

— Она очень упряма, возможно, у нее получится.

— Ты ее знаешь?

— И ее, и многих до нее. Я был дружен с ее отцом. Я учил его древним знаниям. Впервые я увидел ее, когда она еще ходить не умела, — вампир улыбнулся. — Она была очень смелым ребенком. Ей нравилось трогать мои клыки, она любила сидеть у меня на коленях, слушая наши разговоры. Я всегда знал, что Элирия будет возрождаться среди вольных эльфов, и всегда находил новорожденных, следил за ними, учил их родителей. Так что я хорошо ее знаю, Адель. Она заслуживает этого шанса, даже если это будет единственным исключением.

Вампир резко обернулся к пленникам и встретил внимательный взгляд полуэльфа. Тот не сводил глаз с сидящих у огня фигур.

— Как интересно, — проговорил Лерд. — Я не мог не услышать вашей беседы, и я потрясен.

— Себастьян! — осуждающе проговорила Адель.

Вампир пожал плечами.

— Он полуэльф, на них наши чары действуют слабее, чем на людей, я не подумал об этом. Прости, Адель.

— Ну, то, что вы не желаете нам смерти, я уже понял, — усаживаясь сказал Лерд. — Так к чему все эти сложности?

— Ха, — встала спиной к огню Адель. — Ты хочешь сказать, эльф, что если бы к вам троим подошли демон и вампир и сказали, что хотят поговорить, вы бы вот так просто согласились?

Лерд нахмурился, представляя такую ситуацию.

— Вряд ли, — честно признался он. — Скорее всего мы бы для начала атаковали, но мы знаем кто ты, демон и потому тебя бы постарались не зацепить сильно.

— Ну, ты и рыжая, может быть. А вот вторая, точно попыталась бы сделать пару дырок в этой шкурке, чтобы остудить пыл ее возлюбленного.

— Ты плохо думаешь о Каре. Она вспыльчива и ревнива — это так, но она не станет вредить Мирре, она достаточно разумна.

— Не в моменты, когда ее захватывает ревность. Так что, во избежание кровопролития,

мы приняли такие меры.

— Пить дадите? — поинтересовался Лерд. — А то от этого вампира меня мутит.

— Меня зовут Себастьян, — проговорил вампир, поднося к губам Лерда бутылку с водой.

— Очень неприятно, вампир, — поморщился Лерд. — Нет, ты сам вроде нормальный мужик, но для меня ты воняешь, как пятидневный труп.

Вампир улыбнулся.

— Знаю, особенно в замкнутом пространстве. Но тебе придется с этим смириться. Если будешь себя хорошо вести, развяжу, и будем ждать пока очнутся твои подруги.

— Да уж куда я денусь? Развязывай. Вот дожил я до седых волос, думал, что уже все знаю, все видел, а встретил их и теперь понимаю, что не знаю ничего. Это так стимулирует, — потирая руки проговорил Лерд. — Оружие?

— Вернем, когда будете уходить, — отрезала Адель, возвращаясь к огню. — С нами вам точно ничего не грозит.

Лерд пожал плечами и придвинулся ближе к огню, он устроился рядом с Аделью, внимательно разглядывая ее. Демонесса уже давно избавилась от теплого плаща и теперь внимательному взгляду Ворона предстало чудесное зрелище. Дикая пантера на отдыхе.

— А ты не планируешь сказать рыжей, что все еще любишь ее? — поинтересовался вампир.

— Нет, и тебе не советую, вампир, — блеснул глазами Лерд. — Она выбрала другой путь, больше я не стану ей манипулировать. Мне и того случая было более чем достаточно. А ляпнешь лишнее, найду даже в мире тьмы и убью, наплевав на твоё бессмертие.

Вампир рассмеялся, от этого звука резко открыла глаза Энель.

— Час говоришь, Себастьян? — критично осматривая ворочающуюся шпионку уточнила Адель.

— Я давно не практиковался, — попытался оправдаться вампир. — Но воительница-то спит еще.

— И меня так и тянет облить ее холодной водой, чтобы привести в чувства, как когда-то она приводила в себя Мирру, — злобно улыбаясь проговорила Адель.

— Адель, вот и свиделись, — села на полу шпионка. — Что тебе надо от нас, демон?

— Ну, я поговорить хотела, вообще-то.

— А что обычные методы разговоров у демонов не в ходу? Подойти, поздороваться, выпить вина и все обсудить.

— Я бы с удовольствием, но вы же не расставались с двумя здоровяками, которые сейчас плетутся где-то в лесу, а мне категорически нельзя встречаться с одним из них. Да и с другим тоже не хотелось бы, а то он так нервно на меня смотрел в последний раз, боюсь, не удержался бы и кинулся, а мне пришлось бы защищаться. Я о них тревожилась между прочим, можно было и поблагодарить, — обижено проговорила Адель. — Вот делаешь добро, стараешься, а никто даже спасибо не скажет. А говорят, что это мы, демоны, невоспитанные и неотесанные.

— Вы убиваете всех встречных, — возмутилась Энель. — За что вам спасибо говорить-то?

— Дамы, дамы, успокойтесь, — вмешался вампир. — Давайте мы все обсудим, когда все смогут слушать, чтобы не повторяться. Милая леди, вы не станете пытаться нас убить? Мне очень неприятно разговаривать с вами, как с пленницей, я бы предпочел общение равных.

Он обнажил клыки в улыбки, чем вызвал ее секундное замешательство.

— Вампир? Ну, а что меня удивляет, чего еще ждать от демона?

— Мое имя — Себастьян, милая леди. И несмотря на то, что я действительно принадлежу к роду вампиров, смею вас уверить, вы в полной безопасности.

— Стоило прожить все эти годы, чтобы познакомиться с вампиром-аристократом, — засмеялся Лерд. — Не бойся, Беда, он не опасен.

— Беда, — удивленно переспросил Себастьян, освобождая руки шпионки от веревок. — Странное имя для столь милой особы.

— Это не имя, а детское прозвище, — ответила Энель. — Меня зовут Энель.

— Польщен, — вампир прикоснулся губами к ее руке. — Осталось привести в чувства вашу подругу.

— Можно я? Руки чешутся, — вызвалась Адель.

— Прости, Адель, не думаю, что это хорошая идея. Я сейчас все сделаю, — Себастьян прикоснулся рукой ко лбу Кары, та открыла глаза и вскрикнула, увидев клыки недалеко от своего лица.

— Выродок, — закричала она, пытаясь освободить руки. — Что решил меня про запас оставить, кровосос? Ты мне дорого за это заплатишь!

— Кара, успокойся, — подала голос Энель. — Он не собирается тебя кусать, во всяком случае уверяет, что это не входит в его планы.

— Энель? — удивленно захлопала глазами воительница.

— Угу, и Лерд тоже здесь, пить хочешь? — Энель подошла к подруге. — Если ты не будешь дергаться, Себастьян развяжет и тебя тоже. Они хотят с нами поговорить.

— Они? Нас что занесло в гнездо вампиров?

— Нет, Кара. Здесь Адель, Себастьян ей помогает.

— Энель, ты в своем уме, ты называешь вампира по имени и собираешься говорить с демоном?

— Я же говорила, что с ней возникнут проблемы, — поднялась Адель, опираясь на предусмотрительно поданную вампиром руку, — Нужно было ей все-таки врезать, пока она еще без сознания валялась. Может помогло бы? Хотя сомневаюсь, ревность пинками не лечится.

Лерд засмеялся, но Энель осуждающе посмотрела на Адель к уху которой приник вампир, что-то нашептывая.

— Кара, пожалуйста, успокойся. Иначе они не позволят снять с тебя веревки и не столько опасаясь тебя, сколько чтобы им не пришлось потом причинять тебе боль. Сама подумай, здесь демон, убивающий взглядом и вампир против скорости и силы которого ни я, ни ты не можем ничего противопоставить, если бы с нами были Кален и Гранд, возможно, мы бы и могли оказать достойное сопротивление, но их нет, поэтому не стоит и думать об этом. Они хотят лишь поговорить, Кара. Давай их выслушаем.

— Последний год — это все что мы делаем, слушаем и идем на поводу и каждого встречного.

— Это называется дипломатия и политика, дорогая амазонка, — улыбнулся вампир. — Обретая власть, мы приобретаем и кучу последствий, а еще получаем множество ограничений и лишений. Если вы не готовы жертвовать своим вольнодумием и свободой, то эти игры не для вас.

— Вот еще, кровосос меня жизни будет учить! — разъярилась Кара. — Развяжи меня, и

разберемся кто тут к чему готов!

— Давай ее все-таки вырубим, Себастьян, она же нам не даст поговорить, — предложила Адель.

Энель тяжело вздохнула.

— Сюда бы Инара, он умеет быстро успокаивать, на нее это отлично подействовало в прошлый раз.

Кара продолжала бушевать, грязно ругаться и вырываться.

— Ладно уж, не буду рубить, но успокою, — пообещала Адель. — Как же мне хочется тебя поколотить, дура набитая, но моя загулявшая в мире тьмы совесть сейчас бушует, требует от меня хорошего поведения и доброго к вам отношения.

Адель взяла один из кинжалов Энель, которые лежали в углу и подошла к Каре.

— Теперь слушай меня, Кара. Я сейчас порежу тебя, немного, просто чтобы выступила кровь и немного тебя успокою, доступным мне способом, высосу избыток твоей жизненной энергии. Поверь, мне самой это не очень нравится, но вариантов немного или я, или Себастьян. Поверь, лучше доверься мне, чем этому острозубому красавцу.

— Не смей! — предупредила Кара.

— Сама не хочу, но другого способа я не вижу, — огрызнулась Адель.

Адель подошла к ней, но Кара не думала сдаваться, она резко вскочила на ноги и ударила демонессу плечом.

— Отвали, упырица! — Кара с ненавистью посмотрела на Адель и повалившись на пол, ухватила ее за ноги, лишая равновесия, когда Адель вырвалась из ее хватки, Кара уже спокойно произнесла. — Все, теперь я успокоилась. Можете развязывать. Больше не буду кидаться, просто не могла сдержаться, хоть пихнуть эту самодовольную демоницу.

Кара спокойно села на пол.

— Похоже это у вас взаимно, — улыбнулся вампир и освободил Кару.

Адель покачала головой и потеряла ушибленное плечо и бедро.

— Зараза! Вот вернется Мирра, она с тобой по-своему разберется, а мне до вашей дележки мужика дела нет никакого. Было бы кого делить!

Себастьян коснулся ушибленного места и прошептал несколько слов, боль отступила.

— Так ты еще и лекарь, Себастьян? — удивилась Адель, откровенно флиртуя с вампиром.

— Немного, но работает это только на таких же, как и я, принцесса.

Адель зло шикнула на него, но на его последние слова смертные не обратили никакого внимания. Только Кара пообещала рассказать Калену, как демоница в теле его возлюбленной крутит хвостом перед вампиром. Адель с вампиром дали возможность своим гостям перекусить. Демонесса устроилась на широком подоконнике и совсем по-детски покачивала свисающими ногами, Себастьян стоял рядом с ней, то и дело склоняясь к ее уху и что-то нашептывая, вызывая приступы заразительного смеха. Удостоверившись, что гости успокоились и готовы к беседе, Адель заговорила.

— Итак, я готова ответить на ваши вопросы, вы ведь именно за этим шли по моим следам?

— Ты их специально оставляла, — парировала Энель. — Ты знала, что мы пойдем за тобой, зачем ты хотела с нами поговорить?

— Действительно, зачем? Это сложно объяснить, да еще так, чтобы вы поверили мне. Я не знаю с чего начать. Наверное, лучше всего будет, если я буду знать, что вам известно о

нашем мире и о нас.

— Демоны питаются энергией людей и живут в мире демонов. Наша жизненная сила — единственное, что их интересует и они любыми способами хотят ее отнять, — проговорила Энель. — Демоны всегда лгут и любыми путями стремятся завладеть телами людей. Наверное, Гранд, смог бы что-то еще добавить о демонах, а Инариэль о вашем мире, но то, что озвучила я — общеизвестные факты.

— И это все? — удивленно приподняла бровь Адель и посмотрела на вампира.

Повисшую тишину разорвал их хохот. Они смеялись до слез, а смертные смотрели на них и ничего не понимали. Адель в приступе смеха едва не упала с подоконника, вампир помог ей удержать равновесие и вытер катящиеся из глаз слезы.

— Ой, не могу больше, — пожаловалась Адель и сделала глубокий вдох. — И они еще называют себя разумными. И откуда такие глубокие познания?

— Из священной книги, — настороженно произнесла Энель.

— Все понятно, — резюмировала Кара. — Энель, эта демонесса совсем чокнутая, еще более чокнутая, чем Мирриэль. И ты собиралась их слушать? Пошли отсюда, натравим на этих двоих Гранда с Каленом, пусть мальчишки сами разбираются в этом безумии.

— Хватит говорить ерунду, — резко встала Адель. — Я слишком долго пыталась быть хорошей. Никто отсюда не выйдет, пока я не открою ваши глаза, слепцы. Что ты хотел добавить эльф?

— Ну, я говорил им уже, что священная книга — лишь сборник сказок и единственная существенная фигура, описанная там — это Создатель, или Орлен, другими словами.

— Крупица истины в этом есть, — подтвердила Адель. — Итак, начну с самого начала. История нашего мира началась задолго до появления Элирии. Ни она, ни Орлен, ни Калисто ничего не создавали, все уже существовало и идеально функционировало, пока не появились они. Наш мир, который теперь вы зовете миром тьмы, раньше назывался миром Вечного лета. Да, Лерд, именно об этом рассказывали все ваши древние легенды, лучший мир, куда отправляются те души, чьи дела закончены, кому больше нечего дать своему миру, те, кто больше не нуждается в перерождении, кто готов обрести покой. Наш мир был миром вечного покоя, для тех, кто его заслужил. Прежде, до появления этих неразумных всемогущих, наш мир был точной копией вашего. Те же реки, леса, поля, города и селения, дома и замки. Каждая душа, прошедшая свой долгий путь, мечтала оказаться в определенном месте, в месте, которое она любила при жизни, поэтому наши миры — близнецы. Ты ведь помнишь его таким, Себастьян? Зеленые леса, колосющиеся нивы, прозрачные ручьи, мир и благодать. Больше этого нет, Себастьян, ничего этого нет, — Адель горько усмехнулась. — Первой нарушила этот идеальный баланс Элирия. Она не хотела ничего плохого, она хотела лишь сделать жизнь эльфов легче и приятнее и, конечно, длиннее. Она подарила им магию и бессмертие. Глупышка, их души перестали перерождаться, это стало приводить к их упадку, ведь бесконечная жизнь никак не способствует работе над собственным духом, эльфы перестали умирать, перестали отрабатывать свои программы, они выпали из Колеса жизни, и оно покачнулось. Тогда мы впервые ощутили голод.

— Мы ощутили голод? — перебила ее Энель. — Ты хочешь сказать, демон, что ты все это видела?

— Да, Энель. Я все это видела. Лучше, чем многие другие духи, потому, что я возглавляла совет старейших. Я — принцесса тьмы. В том мире, я подчинялась только Владыке.

— И как ты этого добилась? — заинтересовался Лерд.

— В совет попадали только те, кто тысячами перерождений заработал это право. Только те, кто был истинно достоин власти, получали ее. Чем чище была душа, тем более высокое место она занимала в нашем мире.

— Но как случилось, что вы стали демонами? Воплощениями зла и тьмы? Если изначально, вы были избранными духами, — удивился Лерд.

— Голод, — тихо проговорила Адель. — Духам не нужна обычная пища, в этом вы не ошибаетесь, мы действительно питаемся энергией живых, но раньше, это было не так.

Адель встала и повернулась спиной к слушателям, ее пальцы сплелись в замок за спиной, она словно пыталась успокоиться, или скрыть от них свои чувства.

— Каждый раз, когда кто-то из живущих вспоминал о своих умерших, наш мир получал частицу его энергии, ваши слезы печали, ваши надежды, простое обращение к предкам за советом, все эти простые действия насыщали наш мир, давали нам жизнь. Когда эльфы стали бессмертными, от них перестала поступать энергия и мы забеспокоились. Но прошло несколько столетий и все нормализовалось. Как бы это вам объяснить, наш рацион оскудел, но это не стало катастрофой. Мы научились жить так. Мы нашли Лири и все ей объяснили, рассказали к каким последствиям может привести ее безграничная любовь к этому народу. Элирия поняла свою ошибку и попыталась ее исправить, она создала источник магии, вложила в него всю свою мощь, чтобы удержать равновесие. Этот источник удерживал ваш мир, но не наш. Потом она планировала создать ситуацию, в которой эльфы добровольно откажутся от своего бессмертия и магии и все бы вернулось на круги своя. Но ее планам не суждено было осуществиться. Свою лепту внесла Калисто. Она бывала в нашем мире, она видела как, и с помощью чего мы живем, у нас она впервые ощутила ту благодать, которую нам давала ваша жизненная сила. И ей понравилось это. Она хотела все больше энергии, и мы с помощью Лири, изгнали ее, запретили появляться в нашем мире. Тогда она нашла орков, обманула их и заставила убивать друг друга, чтобы питаться их энергией. А потом появился Орлен. Он тоже бывал у нас, но в отличие от Калисто, он не пристрастился к нашей пище. Он все понял и начал помогать Элирии исправить ее оплошность. Когда Элирия умерла, умерла и наша надежда. Только она могла воспользоваться источником, только она знала, как это можно сделать. А потом ослепленный болью Орлен начал поиск источника, чтобы завершить дело Лири. Он не знал, что будет делать, когда его найдет, не знал сможет ли сделать хоть что-то, но упорно продолжал искать. И когда нашел, вспомнил о своей возлюбленной, и потерял разум. Он решил стать смертным, чтобы найти ее вновь и вернуть, чтобы у них была другая жизнь, ведь он знал, что ее душа вернулась в Колесо жизни, он мечтал воссоединиться с ней. Мы пытались его отговорить, но не смогли. Он сказал, что позаботится об этом мире и о людях и отдал источнику всю свою силу, без остатка, став простым смертным. А потом он отправился воплощать свою безумную идею в жизнь. Он искал смерти. Но убить бога, даже лишеного могущества, может только другой бог. Он искал Калисто. Он все продумал, с его легкой руки появился Создатель, люди обрели магию, он смог объединить все народы, чтобы противостоять Калисто. Он дал им цель, назвал и указал им врага, он не сомневался, что эльфы сделают правильный выбор и когда придет время, пожертвуют своим бессмертием, чтобы остановить Красную богиню. В этом он не ошибся. Как и в том, что ваш мир будет в безопасности. Если бы все пошло по его плану, Калисто была бы отправлена прямиком на суд бога всех богов, а оттуда ей бы не удалось улизнуть, равновесие было бы соблюдено. Смертный Орлен нашел бы воплощение смертной

Лири и они проживали бы сотни жизней, проходя свой путь, до той поры, пока не встретились бы в нашем мире и не обрели бы покой. Но он не учел кое-чего. Когда он пришел к Калисто и вынудил ее убить себя, Красная догадалась к чему все это может привести. И она начала пить энергию, усиливая себя, вокруг кипела битва, люди, орки, эльфы и гномы умирали сотнями, энергии было более чем достаточно. И тут случилась беда, заклинание Орлена, которое должно было изгнать Калисто из нашего мироздания и заточить в далекой темнице, не сработало в полную силу, часть энергии, использованной для него, поглотила сама Калисто, и она не исчезла, она была заточена в нашем мире. Орлен перекрыл ей вход в ваш мир, и тогда начался наш кошмар. Кали была гораздо сильнее любого из нас и даже всех нас вместе, и мы ничего не смогли поделать. Сперва она просто воровала у нас энергию, а когда Владыка попытался с ней договориться, чтобы избежать голода, она уничтожила всех, кто решился на переговоры. Души, заслужившие покой, были вычеркнуты из памяти и реальности. Их больше не было. Из всего совета тогда выжила только я. И лишь потому, что меня не было с ними, Владыка приказал мне остаться и действовать по обстоятельствам. После их гибели Калисто перехватила контроль над энергетическими потоками, и вся энергия поступала в ее безраздельное пользование. Она выделяла нам лишь крохи, лишь для того, чтобы поддерживать в нас стремление насытиться. Этот голод и породил тех демонов, которых знаете вы. Наш мир пришел в упадок, никто из духов больше не следил за состоянием полей и рек, все исчезало. Теперь наш мир — бесплодная пустыня, в которой царит хаос, тьма и голод. Прошло время и Кали научилась открывать двери в ваш мир, выпуская демонов на охоту. И чем больше дверей она открывала, чем больше людей умирало, отдавая свою энергию демонам, тем сильнее становилась Кали, тем больше дверей она могла открыть, тем больше было жертв, тем больше было энергии в ее распоряжении. Той энергии, которой нельзя насытиться, той энергии, которая лишь распаляет голод, делая его нестерпимым.

Адель едва заметно вздрогнула, когда рука Себастьяна прикоснулась к ее пальцам, слегка их пожимая. Она увидела ободряющую улыбку галантного вампира, он положил руку ей на плечо. Адель поблагодарила его взглядом и продолжила.

— Но вырваться она все еще не могла. Для этого нужна была особая жертва. Особая кровь. Кровь тех, чьей энергией она была заточена. Ей понадобилось очень много времени, чтобы она смогла подчинить себе людей. Первыми стали те, кто ближе всех общался с демонами. Воины в серых одеждах, которые сдерживали демонов у дверей, которые пили кровь демонов, чтобы быть сильнее и иметь возможность подчинять себе слабейших из нас.

— Нейтралы, — догадался Лерд. — Они пьют кровь демонов? Этого не знал даже я думаю, что даже наш Магистр не знает этого.

— Это уже не важно, они все уже мертвы, освобождение Кали придало сил демонам, те кто был с ними связан, пали их жертвами. Этого ордена больше не существует.

— Но Гранд, нейтрал, он все еще жив, — обеспокоилась Энель. — Или ты, демон, хочешь сказать, что он на стороне нашего врага?

Адель посмотрела в горящие зеленые глаза шпионки и улыбнулась.

— Нет, я не хотела этого сказать, Энель. Гранд не подвластен демонам, каким-то образом он смог избавиться от своего демона и очень давно. Ему ничего не угрожает. Но те, кто был под властью демонов нашли древнюю кровь, и принесли ее в жертву. Эта жертва освободила Кали, и она вернулась в ваш мир, чтобы уничтожить и его, как уничтожила нас.

— И как же с этим всем связана Мирриэль? — задала вопрос Энель.

— А вы как думаете? Мне просто интересно на сколько вы заблуждаетесь в этом вопросе.

— Мирра, способна закрывать двери, это мы знаем. Она владеет энергией жизни и, по рассказам Калена, энергией смерти тоже. Она могла бы предотвратить возвращение Калисто, но уже не успела этого сделать. Так что же она может сделать теперь? Убить Калисто?

— Она не сможет убить Кали, никогда. Это не ее судьба, — улыбнулась Адель. — Я уже однажды сказала одному человеку, что она готова пожертвовать своей жизнью, но не отобрать чужую. Тем более она не сможет убить свою сестру. Да, Энель, ты можешь сколько угодно долго не верить мне и всем остальным, кто тебе уже говорил об этом, но Мирриэль — воплощение Элирии. И она должна закончить свое дело. Она должна вернуть равновесие, восстановить обычный ход колеса жизни. Вам уже давно нужно было бы свыкнуться с этой мыслью и примириться. Именно этим она и занимается.

— И где же сейчас эта непутевая спасительница? — выпалила Кара.

— Сейчас она в моем мире, Кара, она пытается изменить прошлое, один раз ей это уже удалось, когда она вернула эльфам их принца, теперь она хочет вернуть веру людям, укрепить их дух. А же решила использовать представившийся мне шанс и вспомнить, что значит быть живой. Последствия оказались более чем странные. В этот мир я пришла с тем же голодом, что и остальные демоны. Я убила магов, предотвратила жертвоприношение, и мне это понравилось. А потом я увидела Крису, точнее потом он заставил вернуться Мирру и что-то изменилось, у меня появилось ощущение что где-то в моих расчетах есть неточность. Когда Мирра впервые меня призвала мне было наплевать на людей. Но там, на утесе, она смогла защитить всех, кроме Крису и мне пришлось взять его защиту на себя. И я защищала его, вопреки своему голоду, вопреки ненависти к людям, я защищала этого паренька. Я была заинтригована и искала возможности проверить свои умозаключения, проверить себя. Уходя, Мирра попросила меня только об одном, не убивать во имя голода невинных. Я дала ей слово. А потом я встретила девочку и ее брата, которых выгнали из их дома и обрекли на голодную смерть. Я спасла девочку от расправы, когда она украла кусок мяса для брата, какой-то мужлан хотел отрубить ей руку, — Адель смолкла на несколько секунд, но собравшись с мыслями продолжила. — Я не убила его, просто напугала. Я накормила детей и вернула им дом. Это странное ощущение. Когда девочка начала со мной говорить, я почувствовала, как ее энергия наполняет меня. Я не крада жизнь, мне ее дарили. И я вспомнила, как это бывает. Вам не понять этого, но это совсем другие ощущения, совершенно другие. Когда Мирра найдет то, что ищет, и я вернусь в свой мир, все изменится. От вас требуется лишь небольшая помощь. Вы должны напомнить людям, что их обращения к умершим, не просто желательны, а необходимы. Если вы сможете сделать так, чтобы в наш мир поступала ваша энергия, та энергия, которой нам не хватает, я смогу остановить их, — Адель подняла на них свои черные глаза. — Больше не будет демонов в вашем мире, даже открытые двери перестанут их привлекать, если они вспомнят, какой бывает энергия воспоминаний. Я вам обещаю. Той энергии, что дает мне девочка, всего одна девочка, хватило бы на сотню изголодавшихся демонов. Если таких будет хотя бы несколько сотен, я смогу их убедить, я помогу вам. И еще я дам вам оружие против моих собратьев. Несокрушимое оружие.

— Что мы будем тебе должны за это, демон? — не выдержала долгих разговоров Кара.

— Почти ничего, воительница. Исполните свое обещание. Я хочу восстановить свой

мир, а мой мир зависит от вашего, значит мне придется спасти и ваш мир тоже. Вы должны дать нам энергию, а я сделаю все остальное. Мне потребуется время, как и вам, но это будет гораздо более продуктивно, чем бегающая от двери к двери Мирриэль, которая лишь оттягивает неминуемую гибель. Я смогу переломить ситуацию в корне.

— Да, Адель, — ответила за всех Энель. Я была правой рукой преподобной матери, я имею огромное влияние на многих людей, я смогу сделать так, чтобы ежедневные молитвы о погибших стали традицией, для тысяч людей. Дальше — больше. Этого тебе достаточно, демон?

— Вполне, — удовлетворенно кивнула Адель. — Мирриэль не даст вам нарушить слово. Итак, все просто. Демоны забыли вкус настоящей энергии, чистой, незамутненной страхом и болью. Для сдерживания демонов, необходимо им дать то, от чего они отвыкли. Когда перед вами будет стоять демон не пытайтесь его убить, смотрите на него и вспоминайте тех, кого больше нет. Это действует моментально. Я дам вам возможность в этом убедиться. Как только ваша добровольная жертва будет отдана, демон остановится и вернется в наш мир, он больше не будет испытывать голода, и не станет убивать.

— Так просто? — скептически усмехнулась Кара. — А мы-то целый орден держали, чтобы защищаться от вас.

— Да. Кара, все просто. Вы испытываете ненависть, мы голодаем. Теперь, когда Кали нет, никто не станет отбирать у нас вашу энергию и все изменится, вы отдаете энергию, мы ее, с благодарностью, принимаем, просто нужно переломить сложившуюся ситуацию, повернуть ее в свою пользу.

— Кто ее убьет? Ты сказала, что это не ее судьба, так чья же? — перебил ее Лерд.

— Я не знаю, — улыбнулась Адель. — Но это точно будет не она.

— Ты лжешь, — разглядывая самодовольную улыбку демонессы заключила Энель. — Ты знаешь. Но не хочешь нам сказать.

— Даже если и так, рыжик, я не могу ответить на ваш прямой вопрос, это нарушит ход событий. Равновесие должно быть соблюдено. Завтра вам предстоит небольшой поход. Вы сможете удостовериться в том, что мое оружие против демонов действует, а я получу удовольствие. Так что предлагаю укладываться спать. Мы с Себастьяном будем рядом, но вы нас уже не увидите, так что говорите, что хотели сейчас.

Никто не стал ничего говорить. Лерд устроился в уголке и завернулся в теплый плащ. Кара все еще сердилась и бурчала, но стоило ей устроиться поудобнее у очага, как комнату огласил сладкий храп. Адель, как и вампир не нуждались во сне, они стояли у окна и мило болтали, когда к ним подошла Энель.

— Не смей, Адель. Мирриэль любит Калена, она не сможет этого пережить.

— Ты о чем? — поднимая бровь деланно удивилась демонесса.

— Я о твоих заигрываниях с вампиром. Они слишком долго идут к этому, они достойны этого. Оба достойны. Я не позволю тебе все испортить.

Адель улыбнулась, склонив голову она рассматривала Энель.

— И что ты сделаешь? — усмехнулась она, но взглянув в глаза женщины, сменила тон и продолжила серьезно. — Ты хороший друг, Энель. Но тебе не стоит волноваться. Мы с Себастьяном обсуждаем планы на будущее. Его мало привлекает это тело, так что ты можешь не тревожиться. Ты еще не осознала насколько для всех нас важна их связь. Единственное, о чем буду просить именно тебя, не дай им затягивать с этим. Эти проволочки могут привести к гибели обоих миров, Энель. Ты должна сделать так, чтобы,

когда она вернется, он был очень близко. Ей не просто там, поверь, очень непросто. Я не придерживаюсь строгих взглядов и в моем мире об этом знают очень многие. А там она — это я. К тому же, когда я пыталась ее убедить в том, что мы связаны с ней, я показала ей как хорошо могут это делать демоны, а так как мы связаны на уровне эмоций, она почувствовала это. Теперь я сожалею об этом, но в тот момент мне показалось, что это будет хорошим толчком. Так что ей теперь приходится отбиваться от домогательств кучи пылких демонов, поверь, это очень сложно, у меня ни разу так и не получилось. Нам остается лишь надеяться, что она не встретит сразу нескольких, в этом случае у нее просто не будет шансов.

— Бедная Мирра, — вздохнула Энель.

— Не отчаивайся, в любом случае она получит очень ценный опыт, — попыталась опять отшутиться Адель, но натолкнулась на злой взгляд шпионки и смолкла. — Вы отдохайте, а нам в путь пора, ночь — наша стихия. Прощай, Энель.

— Прощай, Адель, надеюсь больше с тобой никогда не встретиться.

— Однажды мы встретимся, когда ты закончишь свой путь и будешь достойна покоя. Тогда ты сможешь увидеть, ради чего сейчас вы все это делаете, ради чего страдаете и умираете. Но это будет еще не скоро, и ты не сможешь вспомнить этого. Прощай.

Глава 18.

Мрак и пепел. Кипящие серные источники и извергающиеся вулканы. Пустота и страх. И, конечно, демоны и духи куда же без них в этом мире ужаса. Сперва не хватало воздуха, но постепенно организм адаптировался. Она посмотрела на себя и не узнала. Она больше не была собой, горькая усмешка исказила лицо. Они с Адель поменялись душами, а тела остались. И теперь она была демоном. Очень красивым демоном. Даже то отражение, что она видела в зеркале, когда принял своего демона, было как жалкая насмешка неумелого художника. Она была совершенством. Белоснежная гладкая кожа, стройный стан, длинные ноги. Улыбнувшись, чужими губами она убрала с лица длинную прядь светлых волос.

— Как она с ними управляется, это же так неудобно, — проворчала Мирра, пытаясь собрать в высокий хвост непослушную гриву.

Она не видела своего лица, но знала, что и оно тоже совершенно. Даже демоны Желания не могли бы с ней сравниться теперь.

— Да, Адель, похоже в своем мире ты презираешь условности вроде приличной одежды, — осматривая свой наряд покачала головой Мирра и тяжело вздохнула.

Она бы предпочла остаться в своем костюме, но выбирать ей не приходилось. На ней были короткие очень облегающие ягодицы шортики и полупрозрачная рубашечка, завязанная причудливым узлом под высокой грудью. На этом легком наряде немного нелепо смотрелось ее вооружение: парные кинжалы на бедрах, метательные ножи на предплечьях и лодыжках, а правую руку привычно обнимали мягкие ножны катара. Осмотрев свою экипировку, она еще раз осуждающе покачала головой.

— Пройти тихо, видимо, не получится, при такой внешности, не избежать мне проблем, а если принять во внимание вольность нравов местных обитателей, проблем будет много.

Она внимательно осмотрелась и задумалась. Она стояла на том самом берегу, где становилась после ночного бега. Только он был другим. Здесь не было зимы, даже принимая во внимание отсутствие одежды, ей было жарко. Море не было синим, как в том, другом мире, оно отливало красными всполохами разгорающихся пожаров, и вода, или что там было

вместо воды, была темная и казалась упругой.

— Как странно, — оборачиваясь назад, она рассматривала лес, точнее останки леса. — Одно и то же место, просто как отражение. Исковерканное и изувеченное.

Занимаясь осмотром местности, она не заметила, как к ней приблизился дух, он ее тоже не заметил, он мчался со всех ног, если можно так сказать о духе, удирая от здоровенного серого демона. Увидев мчащееся на нее полупрозрачное облако, она инстинктивно выставила вперед руки, чтобы удержать его, но дух не заметил этой преграды и пройдя сквозь нее оказался у нее за спиной. Теперь уже разъяренный демон мчался на нее.

— Да, уж, скучать мне точно не придется, — подумала вслух она и потянулась за кинжалами.

Она выбрала удобную позицию для атаки и ожидала, когда демон приблизится, но увидев ее, демон сбавил скорость и начал присматриваться. Разглядев, он забыл о духе и остановился в нескольких шагах от нее.

— Принцесса, что вы делаете так далеко от черного замка одна? — морда демона оскалилась сотней зубов, но в глазах не было угрозы. — Я много слышал о ваших вылазках, но никак не мог подумать, что встречу вас лично, принцесса.

«Принцесса значит? И что еще, Адель, ты забыла мне сказать?»

А демон тем временем деловито устроился на черном песке.

— Мое имя Агюстос, принцесса Адель. Я тут за старшего в этих краях. Вот гоняк непослушных духов, решивших воспользоваться возможностью вырваться в мир людей. Тяжело становится, госпожа, дверей все больше, стражей не хватает, — демон с сожалением покачал головой. — Я верю в ваше дело, принцесса, но с каждым днем, сдерживать местных становится все сложнее.

— Постой, — не убирая кинжалы сказала Мирра. — Не спеши. Я мало что понимаю. Я сейчас тебе скажу кое-что, надеюсь, ты сможешь мне помочь. Я — не совсем Адель.

Демон поднялся и утробно зарычал, медленно он стал приближаться. Мирра выставила вперед кинжалы, демонстрируя свою готовность защищаться.

— Я не хочу тебе зла, Огюстос. Просто я немного растеряна. Я знаю, Адель, поверь. Она будет крайне недовольна тобой, если ты на меня нападешь, да и мной, наверное, если я тебя убью.

Демон начал кружить вокруг нее. Он вставал на ноги и опускался на четвереньки, выбирая наиболее подходящее положение. Но потом это странная круговерть остановилась, демон еще раз взглянул ей в лицо и вдруг широко улыбнулся.

— У нее получилось. Дрянная девчонка, смогла достучаться до тебя, — он сел на песок и засмеялся. — Я — старый дурак. Хотя в нашем мире очень тяжело различать цвета, но твои глаза, теперь я вижу, что они не черные. У всех демонов черные глаза. Впрочем, как и у всех порождений этого мира. Итак, как же мне тебя называть Темная?

— Пожалуй, так и называй. Я уже почти привыкла. Хотя мне сказали, что я больше не являюсь темной, ведь процесс завершился.

Округу опять начал сотрясать громкий смех демона.

— Теперь ты именно и стала Темной, окончательно. Теперь это твоя суть, твоя неотъемлемая часть. Теперь ты по праву можешь носить это имя. Ты думала, что избавилась от тьмы в душе, приняв ее? Это не так. От этого уже нельзя избавиться. Убери свои ножи, Темная. Ни один здравомыслящий демон не станет нападать на принцессу тьмы с целью причинить ей зло. Мы любим Адель. Все, кто остался здесь. Мы верны ей и ее делу и раз ты

здесь, значит мы верили в нее не напрасно. Но тебе стоит держаться подальше от дверей, где скапливаются кучи голодных демонов и разъяренных духов, эти уже обезумели от голода и не станут слушать никого, даже Адель.

— Так значит Адель не просто демон? Не просто темная часть меня?

— Конечно нет, Адель — наша принцесса. Последняя из древнейших духов, первая в сопротивлении.

— Сопротивление? — удивленно приподняла бровь Мирра.

— Она ничего тебе не рассказала? — демон хмыкнул. — Видимо, не хотела портить сюрприз. Тебе повезло, что я был здесь, а то наломала бы ты дров, Темная.

Он похлопал огромной лапищей по песку рядом с собой.

— Садись, Темная. Сейчас кратко расскажу тебе нашу историю, чтобы ты знала, кто пожертвовал тебе часть своей силы, кто вытаскивал тебя, кто такая наша принцесса и почему ей было так важно, твое участие во всем этом. Ты знаешь о колесе жизни...

Мирра утвердительно кивнула и села на горячий песок рядом с демоном, внимательно слушая его рассказ. Иногда она задавала возникающие вопросы и он, Огюстос, как мог объяснял ей что и как.

— И вот, Темная, ты здесь. А значит принцесса в вашем мире, для того, чтобы найти возможность остановить это безумие и спасти оба мира.

— Да уж, — вырисовывая на песке цветы и завитушки вздохнула Мирра. — Сначала на меня повесили спасение одного мира, но чем дальше, тем больше, и теперь уже я должна спасти два. Не многовато ли для меня одной?

— Ты не одна, — демон взял ее за подбородок и заставил посмотреть в свое лицо. — Подумай, Темная, разве ты одна? С тобой наша принцесса, твои друзья, да и на этой стороне ты найдешь союзников и помощников.

Мирру пробил озноб, когда когтистая лапа коснулась ее щеки. Она вспомнила чувства Адель, когда демоны прикасались к ее телу, огненная волна желания поднималась внутри нее. Она с трудом проглотила скопившуюся слюну.

— Перестань, — прошептала она, уворачиваясь от поцелуя.

— Глупая, ты не знаешь от чего отказываешься, — когтистая лапа скользнула по бедру, оставляя горячий след. — Сама подумай, когда еще принцесса забредет в наши края, а тут такой шанс, я не могу его упустить. Она бы не отказалась.

По телу пробежала дрожь. Глаза закрывались помимо ее воли. Она ощутила слабость в ногах и жар во всем теле, слишком долгим было ожидание, но она ждала ласк от другого, не от этого демона.

«Нужно думать о Калене, только о нем. Вспоминать его лицо, его руки, его нежные голубые глаза». Ей сложно дался следующий вздох и превозмогая слабость она скинула с себя оцепенение и отстранилась от демона, который уже обнимал ее за плечи.

— Нет, Огюстос, я не Адель, — тяжело дыша проговорила она. — Я не хочу этого.

— Тогда почему так блестят твои глаза, Темная? Почему вспотели твои ладони? Почему ты так тяжело дышишь?

— Все не так, демон.

Он рассмеялся.

— Дело твое, Темная. Я конечно мог бы применить силу, но в нашем мире — это дурной тон. Можешь не тревожиться. Если тебе не встретятся безумные, никто не станет добиваться твоего расположения силой. Только вот, как долго продержишься ты сама? Ведь

тебе были приятны мои прикосновения, и ты даже смогла представить, как все будет дальше, ведь так?

— Нет, Огюстос. Не так. Да меня терзает желание, но причиной тому один человек, а не ты. И никто не сможет этого изменить.

— Человек? А ты смешная, Темная! Ни один человек не сможет доставить тебе того блаженства, которое ты получишь с самым захудалым демоном. Хотя с другой стороны я вижу верность и честность? Давно я не видел их в нашем мире. Тем приятнее будет тебе помочь. Что привело тебя в наш мир? — спокойно отстраняясь от нее спросил демон.

С трудом переводя дыхание она ответила.

— Я ищу кое-кого.

— Здесь? — нахмурился демон. — Зачем тебе душа? Тебе двух мало? Хочешь третьей обзавестись?

— Нет, Огюстос, не хочу. Мне и двух более чем достаточно, — ложась на живот и заглядывая в глаза демону произнесла она. — Я хочу ее вернуть. Дать ей второй шанс. Исправить прошлое. Она не должна была умирать.

— Хм, — ухмыльнулся демон и лег рядом с ней. — Если ты знаешь, где ее настигла смерть, то проблем нет. Она там, где умерла. Но должен тебя предупредить, если она умерла, но не была к этому готова, то она не осознает, что мертва. Таких много в нашем мире, мы называем их потерянными. Этот мир для них, лишь продолжение того. А почему ты уверена, что она здесь? Быть может она вернулась в колесо жизни и ждет следующего воплощения.

— Я знаю, что она здесь. Я говорила с ней.

— Ты глупая, смешная и странная, — подвел итог демон. — Так ты знаешь где она умерла?

— Нет, никто не знает. Я знаю только ее имя. Элрина. Больше мне ничего не известно.

— Имена здесь не в ходу, особенно прошлые. Боюсь, Темная я не смогу тебя направить. Тебе предстоит обыскать весь этот мир, чтобы найти ее. А почему ты уверена, что сможешь ее вернуть?

— Я это уже делала, — поежилась она от охватившего ее холода при воспоминаниях о Вазине.

— Делала? — на его морде отразилось удивление. — Ты вернула духа к жизни?

— Да, Огюстос, вернула. Мне дорого это стоило, но я сделала это.

— Зачем?

— Так было нужно. Нужно для нашего общего дела, как теперь я понимаю. Я вообще неудачница, демон, сначала встретила принца и отдала ему свою любовь, потом он умер, спасая меня. Я потеряла память, очнулась в кандалах, влюбилась в мужчину, который меня презирал, угодила в ловушку, пережила пытки и безумие. Вернулась, но ничего не изменилось. Только теперь я знаю, что мой избранник тоже меня любит, но... Все так сложно, Огюстос. Мне приходится от него бежать, и все на что он осмелился — несколько поцелуев. Я убегая, теряюсь, страдаю и все ради спасения мира, то есть миров... Я должна исправить ошибки богов, должна завершить начатое ими, но я не могу. Я всего лишь смертная. Понимаешь?

— Ничего не понимаю, — честно признался демон, нежно поглаживая ее по щеке. — Кроме того, что ты ко всем твоим недостаткам еще и наивна. Ты хранишь верность тому, кто еще ни разу не попытался воспользоваться твоей привязанностью? На мой взгляд — это

глупо.

— Все демоны такие?

— Какие?

— У вас всего три мысли: утолить голод, подраться и спариться.

От громкого смеха демона задрожал даже песок.

— А люди другие? У них те же мысли. Просто мы не скрываем своих желаний и намерений, а люди еще интриги устраивают и прочие мерзости. Демон убивает, глядя в лицо, а не в спину, а у вас есть целая лига убийц, которые тренируются убивать в спину или того хуже — травить!

— Ты ничего не понимаешь, демон! Как вообще ты можешь судить о людях, ты же демон — порождение тьмы, как и мерзкие твари, что рвались на свободу, когда погибла Элрина.

— Не сравнивай меня с лурнаком, девчонка! — он злобно зарычал и одним махом подмял ее под себя, с силой вдавливая ее руки в песок. — Я все знаю о людях, я защищаю их пытаюсь остановить вторжение изголодавшихся братьев в их мир, по эту сторону.

Он прижал ее лицо к земле и зашептал на ухо.

— Никогда не сравнивай демонов с лурнаками, это оскорбление, которое тебе не простят. И никому никогда в этом мире больше не говори того, что сейчас рассказала мне. Ты не представляешь, как ценятся у нас невинные девицы, если кто-то догадается — тебе уже не отвертеться. Хочешь остаться целой — веди себя, как Адель. И что ты сможешь сделать, милая, сейчас ты в моей власти. Мне стоит лишь немного напрячься, перехватить твои нежные ручки в одну из своих, и твоя тоненькая одежонка разорвется в клочья, и я с легкостью получу свой приз. У тебя такая нежная кожа, ты так соблазнительно сопротивляешься...

Она почувствовала, как дыхание демона обожгло ей плечо и острые клыки впились в шею, не разрывая, но царапая кожу. Он слизал шершавым языком выступившую кровь, и замер, словно размышляя не поступить ли так, как он только что описал. Она еще раз попыталась вырваться, но жесткий локоть уперся ей в щеку, вдавливая голову в песок, да с такой силой, что ей пришлось отплевываться от забившихся в рот пещинок. Она поняла, что сопротивление бесполезно и не могла не ругать себя за очередную глупость. Демон тяжело дышал у нее над ухом.

— Темная, — его голос показался почти нежным. — Забудь о нем, на некоторое время. Я не хочу учинять насилие над тобой, но, если ты перестанешь сопротивляться и позволишь всему случиться, ты не пожалеешь.

— Нет, демон. Не позволю. Лучше смерть. Однажды я уже предала его, больше этого не будет, — она вспомнила, как ответила на поцелуи Ваззина, как кружилась тогда ее голова.

Воспоминания о нем болью отозвались в сердце. Она вспомнила, как убила его, вспомнила как вела его по этому миру, чтобы принести его в жертву, ради жизни его брата. В этот момент хватка демона ослабла, и он свалился на бок, рядом с ней.

— Прекрати немедленно! — закричал Огюстос. — Ты не понимаешь, сейчас твою энергию учуют сотни голодных демонов, даже я не смогу тебе помочь, они разорвут тебя в клочья.

— Но я ничего не делаю, — растеряно пробормотала она.

— Ты вспомнила кого-то умершего, и едва не утопила меня в своей энергии. Это слишком много, я больше не смогу ее поглощать, прекрати!

Она переключилась на мысль о Калене, пытаясь заглушить ту боль, что вызвали воспоминания. Демон тяжело дышал, лежа на песке он рассматривал серый небосвод.

— Как она позволила тебе сюда отправиться и ничего не рассказала? Хотя это похоже на нашу принцессу. Она всех подвергает испытаниям, считает, что тот, кто достоин сможет их пройти, а недостойным не место в этом мире. Но твоя глупость тебя погубит. Я едва смог сдержать эту волну, ты смерти ищешь?

— Нет, — почти жалобно сказала она, опуская глаза. — Я все делаю, чтобы выжить.

— А мне кажется наоборот. Ладно. Я понимаю, ты не хотела, чтобы я задохнулся. Но пойми и меня правильно, я уже несколько тысячелетий питаюсь крохами, что удастся умыкнуть Адель, а ты тут выплескиваешь на меня такую гору эмоций и переживаний, я был не готов к такому пиршеству.

— Но я жива, ты не тронул меня, как ты получил пищу?

— Дуреха ты все-таки. Как ты умудряешься выживать в своем мире?

— Ты мне напомнил одного знакомого, он тоже частенько задавал мне такой вопрос, — она улыбнулась, вспоминая Гранда. — Наверное, просто еще не пришел мой час. Так что там насчет моей энергии?

— Ты сама мне ее отдала, когда вспомнила о умершем друге. И твоих эмоций было так много, ты очень сильно терзаешь себя, тебя переполняет горечь.

— Слишком много смертей. Нужно все это остановить. Мне пора, Огюстос. Чем быстрее я найду ее, тем быстрее я смогу вернуться и положить конец всему этому.

— Постой, торопыга, как она умерла?

— Она ушла, оставив своего возлюбленного, ушла чтобы не причинять ему боли, чтобы он не видел ее страданий и смерти. Она была отравлена.

— Яд лурнаков, — кивнул демон. — Очень медленный, но смертельный. Разрушает постепенно все органы, причиняя сильнейшую боль. Она была воином?

— Да, она стала героем, после той войны.

— Героем? — усмехнулся демон. — На сколько мне известно, такие предпочитают умирать с оружием в руках, в последней схватке. Ищи ее в пещерах лурнаков. Это несколько дней пути отсюда, на запад. Скорее всего она искала смерти именно там, желая поквитаться напоследок с теми, кто ее отравил. И потом ты будешь говорить, что вы другие? Вы тоже едите, размножаетесь и убиваете, так в чем разница, Темная?

Она уже была на ногах и улыбнулась, глядя демону в глаза.

— Кроме этого, Огюстос, мы умеем любить, доверять, рисковать собой ради других. Мы умеем проявлять благородство. Испытываем стыд и скорбим. Это очень много, Огюстос. Это и делает нас такими разными.

— Доброта? Так вот зачем ты здесь на самом деле, — улыбнулся демон. — Ты должна понять, что не всегда можно решить все добром.

— Или доказать Адель обратное.

— И ты уступила свое тело демону, чтобы найти эту душу? Отчаянный шаг. Ты так уверена в своем избраннике? Если принцесса окажется рядом с ним, она точно не упустит случая развлечься.

— Не с ней, — покачала головой она. — Она не сможет подойти к нему. Стоит ей увидеть его глаза, и я вернусь в тот же миг, рядом с ним могу быть только я, демон. Такова наша судьба.

— Не стану тебя разубеждать. Помочь я тебе больше ничем не могу, только если

советом: помни о том, что здесь произошло, помни все, что я сказал тебе, Темная. И используй это с умом. Удачи, она тебе пригодится.

Она улыбнулась и махнула ему на прощание рукой.

— Пройди свой путь достойно, дитя Равновесия, — прошептал он, глядя как она уходит.

Образ демона растаял. На песчаной косе стоял немолодой мужчина, с улыбкой на губах он смотрел вдаль. Он был больше ей не нужен. Ей не нужно больше Сострадание, теперь она и сама это понимает.

Глава 19.

Сложив пурпурные крылья, дракон спикировал на цветочную клумбу в центре парка. Коснувшись земли огромными лапами, она втоптала все цветы в землю, погубив клумбу.

— Госпожа, — припал на колени подоспевший орк. — Вас ожидают в тронном зале.

Превратившись она посмотрела на следы своего прибытия и брезгливо повела плечами.

— Никогда не любила эту клумбу. А тут все-таки хорошо, гораздо лучше, чем в мире демонов. Краски такие яркие и пахнет чудесно. Есть что-то от Рыдгара?

— Нет, госпожа, шаман не появлялся.

— И я не могу его нигде найти. Неужели девчонка его убила? Жаль, конечно, любовником он был превосходным, но ничего не поделаешь. Что там наш гость?

— Прибыл несколько часов назад и с нетерпением ожидает встречи.

— Нехорошо с моей стороны заставлять ждать таких людей. Особенно учитывая, что я сама его вызвала.

Она прошла по широкой аллее к своему замку. Он был точной копией ее тюрьмы в мире демонов, только он стоял окруженный неприступными горами и утопал в зелени. Он не был черным, вокруг не извергались вулканы, не шныряли голодные демоны и прозрачные духи. Здесь были только верные ей орки, готовые исполнить любой ее каприз, даже ценой собственных жизней. Вот уже несколько месяцев она была на свободе, летала где хотела, сеяла ужас и насыщалась. Исчезновение Рыдгара ее сперва огорчило, но после, она решила, что так даже лучше и теперь с завидной регулярностью песок арены смерти насыщался кровью достойных воинов, сражающихся за право разделить с ней ложе. Она развлекалась. Столько лет заточения в мире тьмы сделали ее ненасытной. Но теперь время игр прошло. Нужно было заниматься делами. Для этого она и вызвала его.

Она прошла в распахнутую дверь тронного зала, даже не взглянув на своих верных поданных, и сразу обратилась к человеку, стоящему у высокого резного окна.

— Магистр, рада вас приветствовать в моем уютном и безопасном жилище.

— Миледи, — повернулся на ее голос мужчина в черных одеждах. — Рад вам услужить. Что может лига сделать для вас?

— О, магистр, всего лишь пара пустяков. Но что это мы сразу о делах? Позвольте угостить вас для начала.

Она сделала приглашающий жест и провела его к обеденному столу. Он коротко кивнул и занял место рядом с ней.

— Я не откажусь от вина, миледи, но обед — это уже лишнее. Пока я вас ожидал, ваши слуги позаботились о моем желудке.

— В таком случае, магистр, я позабочусь о вашем досуге.

— Вы столь милы, Калисто, — скривились его тонкие губы. — Но, боюсь, вы не представляете, какого рода досуг я предпочитаю.

— Отчего же, магистр. Специально для вас вчера изловили совсем еще молоденькую

эльфийку, — Калисто многозначительно приподняла бровь. — У нее чудесная кожа, очень красивые серые глаза, светлые волосы, небольшая грудь и упругая попка. Просто конфетка, магистр. Надеюсь я угадала ваши предпочтения?

Магистр облизал пересохшие губы и кивнул.

— И где же она?

— Там, где вам будет удобно, магистр. Ожидает вас в камере пыток. Поверьте, там есть все необходимое. О, кажется я забыла упомянуть, мы выкрали ее из-под бдительного ока ее отца, который очень строго следил за чистотой своей дочери. Ну, а на сладкое, магистр, несколько юношей, я решила, что имперские юнцы как нельзя лучше подойдут для вашего досуга. Надеюсь, я угадала все ваши желания, магистр.

— Вы хорошо подготовились, миледи. Но мое личное удовольствие может лишь гарантировать вам, что я направлю на ваше задание своих лучших людей, но никак не освободит вас от оплаты наших услуг, а они стоят немало.

— О, магистр, неужели вы считаете, что деньги станут проблемой для такой особы, как я? Если мне удалось похитить невинную эльфийку, и притащить сюда имперцев, для меня цена ваших услуг не имеет значения, мой дорогой друг, — она мило улыбнулась. — Наслаждайтесь, магистр.

Она встала из-за стола и поманила его за собой, увлекая на лестницу, ведущую в подземелье. Когда спуск был окончен, она взяла его под руку и подвела к тяжелой двери рядом с которой стоял могучий орк. Прижавшись грудью к его руке, она распахнула дверь.

— Вы не желаете присоединиться, миледи?

— О, нет. Я предпочитаю утеху другого рода, — она дотронулась пальцами до его щеки. — Если эльфийки вам будет мало, магистр, я с удовольствием завершу то, что ей не удастся. Вам будет достаточно лишь намекнуть мне, что вы все еще объяты страстью.

Он смерил ее оценивающим взглядом, задержавшись на полуобнаженной груди, бесстыже просвечивающейся сквозь тонкую ткань лифа, и кивнул.

— Это будет прекрасным завершением вечера, миледи. Я принимаю ваше предложение. Дайте мне пару часов, чтобы я смог привести себя в нужную форму.

— Конечно, магистр. Я буду вас ожидать, орки проводят вас ко мне.

Он резко привлек ее к себе и с силой впился в алые губы, сжимая ее руку в своей. Она ответила, но стоило ему попытаться заломать ей руку за спину, как она нанесла ему чувствительный удар по ребрам.

— Нет, магистр, со мной все будет по-другому. Не я буду твоей послушной рабыней, а ты моим внимательным и нежным рабом. Я дам тебе то, чего ты не получал до сих пор. Ты получишь удовольствие, которое доставляешь своим жертвам, ты будешь молить у меня пощады, а я, как добрая госпожа, позволю тебе валяться у моих ног и униженно ублажать меня, но только так, как этого захочу я! Возможно, потом мы поменяемся ролями, и я позволю тебе причинять боль мне, но начну все-таки я. Ты понял меня, раб?

— О, да, госпожа, — взвыл магистр.

Она отпустила его вытирая о его одежду перепачканные его кровью руку, заигравшись, она едва не вырвала ему ребро.

— Итак, ты идешь к эльфийке, раб, или быть может мы продолжим в моих покоях?

— Как прикажешь, госпожа, — магистр испытывал небывалое возбуждение.

Он любил причинять боль своим любовникам, будь то мужчины или женщины, но сам никогда не был на их месте, а эта властная женщина в один миг покорила его. Он уже забыл,

что хотел делать с эльфийкой, теперь он мечтал лишь о том, чтобы лобзать ноги своей госпоже. Ему понравилось чувствовать боль. Долгие годы Вороны учатся избегать эмоций, любви. И в своих увлечениях он искал спасения от той пустоты, что поглотила его душу и разум. Но криков терзаемых жертв всегда было так мало. И теперь он понял почему. Он не хотел истязать, он хотел, чтобы терзали его, вызывая ощущения страха и боль, смешанную с желанием, так, что уже и не разобрать где заканчивается одно и начинается другое.

— Идем, — поманила она его за собой. — Нам не потребуются эти грубые игрушки, раб, но я обещаю тебе такую сладкую боль, что ты забудешь о своих прошлых играх. Я стану твоим единственным наваждением, магистр.

— Да, госпожа.

На следующее утро они опять сидели за столом. Один глаз магистра заплыл кровавым синяком, все лицо было покрыто ссадинами. Он едва мог дышать, каждый вздох причинял боль, напоминая о том блаженстве, что он испытывал ночью.

— Итак, вернемся к нашим делам, — отодвинула от себя тарелку Калисто. — У меня непростой заказ, магистр, но и оплата я его сполна. Ваши люди должны убить Миранду.

— Королеву, — уточнил Ворон. — Королеву Миранду?

— Именно, магистр. Но не просто убить. Все должно указывать на ее брата, Фредерика. Я хочу убрать эту семейку. На место регента уже есть подходящий человек, и я думаю, вы уже догадываетесь кто это. Так что ваши люди должны все обставить так, чтобы ни у кого не возникло ни малейшего подозрения. Фредерик затеял восстание, пытаюсь вырвать трон из жадных пухлых рук своей сестрицы, ее убийство, будет достойным завершением в этой истории. А безутешный народ, должен будет отомстить за горячо любимую королеву и наказать ее убийцу.

— Это будет непросто сделать, у Фредерика достаточно сильная поддержка, а вот Миранда уже всех утомила своим неразумным правлением, быть может будет проще убить Фредерика и обвинить в этом Миранду. Народ взбунтуется, потому как Фредерик сейчас — олицетворение надежды, и убрать Миранду не составит особого труда.

— Мне все равно кто из них умрет от рук твоего человека, а кто поплатится за это, главное, чтобы трон был свободен, так что оставляю это на твое усмотрение, ворон, — Калисто отмахнулась от дальнейших разговоров на эту тему.

— Я уверен, что мой человек справится. Задание трудное и дорогостоящее, но мы сможем все сделать, Калисто.

— Отлично, с этим разобрались. Ну, а вторая цель, не так известна, но гораздо более опасна. К тому же ее нельзя убивать. Я хочу получить живой некую эльфийку, известную под именем Мирриэль.

— Живой, миледи? Вороны не берут заложников, мы — убийцы.

— И мне это известно, но я хочу убить ее сама, а ваша задача доставить мне ее живой. Сколько мне будет стоить убийство Миранды?

— Я смогу сказать, лишь выполнив заказ, — ответил Ворон. — Тогда я буду точно знать во что это оценить.

— Хорошо, с эльфийкой поступим также. Я плачу тройную названную тобой цену, но она должна быть живой, иначе, — она улыбнулась. — Если твои люди не выполнят это условие, я убью и их и тебя. Имей это ввиду, Ворон.

— Я понял, миледи. Для нас это странный заказ. И на слуху у меня только одна эльфийка Мирриэль, хранительница, что вернула эльфам их принца.

— Вернула принца? Вот интересно! А она становится все сильнее, — Калисто недовольно поморщилась. — Да, Ворон, именно она мне и нужна.

— Смею заметить, миледи, что Хранители — хоть и молодой, но очень сильный орден. Боюсь похищение их человека ставит под угрозу само существование моей лиги. Они не простят такого. А среди них много Видящих и Ищущих и те, и другие не станут церемониться с нами. Они убивают Воронов, едва заметив.

— Видящие и Ищущие ничто, по сравнению с моим гневом, магистр. Неужели этой ночью ты еще не понял, что мое неудовольствие будет страшнее всех возможных исходов? К тому же, Мирриэль предпочитает путешествовать в одиночестве, а с одинокой путницей всякое может случиться, ведь так?

— Безусловно, миледи.

— Вот и приступай, хватит уже тут прохлаждаться.

Магистр лиги Воронов встал из-за стола и накинул черный плащ на плечи. Он ушел не простившись, он принял заказ и пока заказ не будет выполнен, он не вернется. Калисто было неуютно, этот грязный человек совсем не доставил ей удовольствия. То ли дело могучие орки... Надо бы принять теплую ванну, чтобы смыть с себя остатки этого мерзкого существа. Вернувшись из мира демонов она с удовольствием придавалась разврату во всех его проявлениях. У нее уже были эльфы, люди, но ей было мало. Эльфы были слишком нежны и медлительны, а ей хотелось дикой страсти. Люди были слишком поспешны и неумелы, даже имперцы ее разочаровали, даже трое взрослых самцов не смогли ее ублажить. Рядом с ее зеленокожими гигантами умения этих бедолаг меркли. Но даже орки не могли сравниться с демонами. Она вспоминала обжигающие объятия и неумную страсть порождений тьмы и тосковала по ним. В том мире она мечтала лишь о свободе, но получив ее, разочаровалась. Она готова была вернуться в мир тьмы чтобы остаться там навсегда, но не раньше, чем она сможет отомстить. Орлен... ее пробил озноб при одном воспоминании о нем. Она так страстно его ненавидела, но также неистово она его желала. Те несколько дней, что она притворялась Элирией были самыми запоминающимися в ее бесконечной жизни. Его ласки, его сила... она искала нечто подобное во всех своих любовниках, но не могла найти. И это еще больше злило ее.

— Я найду тебя, воплощенный. Этот мир бесконечно мал, ты не сможешь скрываться от меня вечно. Я найду тебя и получив желаемое, буду принимать решение. Если ты будешь так же хорош, как и он, я оставлю тебя в живых, но, если ты разочаруешь меня, — она со злостью сбросила тарелки со стола, словно они были виноваты в ее необузданности. — Я вернусь в мир демонов, они были ближе всех к моему идеалу. Стрынгав, — кликнула она своего последнего любовника и тот не замедлил явиться на зов госпожи. — Пойдем в ванну, после этого грязного ублюдка хочу нормально расслабиться.

Орк помог ей подняться из-за стола и тут же сжал ее в своих стальных объятиях покрывая лицо и шею поцелуями. А она закрыла глаза, представляя на месте послушного орка светловолосого мужчину средних лет, в голубых глазах которого она никогда не видела страсти к себе, только к ненавистной эльфийке. Это воспоминание всегда будоражило ей кровь, заставляло забывать про здесь и сейчас.

Глава 20.

Зимняя пурга застлала все вокруг. Метель поднялась несколько часов назад, но командор даже не сбавил шаг. Набросив на голову теплый капюшон, он прикрывал глаза рукой и упрямо шел вперед, сквозь лес. Гранд ворчал, от такой погоды у него ломило кости и болели старые шрамы, он опять начал хромать, но упорно держал темп, не отставая от друга. Они пробирались через лес, хотя в сравнении с эльфийскими лесами — это была просто небольшая рощица, но это ничуть не упрощало их путь. Холодная луна спряталась за тяжелыми тучами, свет давал только белый наст снега под ногами, но буря все усиливалась, и Гранд дотронулся до плеча Калена.

— Хватит, Кален. Я понимаю, ты зол, но сжался надо мной. Я старый немощный человек, у меня болит нога, да так сильно, что мне уже жизнь не мила, давай-ка передохнем, дружище. Какая тварь тебя укусила, что ты так взвился?

— Да, устал я очень. С каждым днем мне все сложнее сдерживаться, раньше мне хватало лишь вспомнить о ней и боль отступала, потом мне требовалось все больше. Потом я узнал о Крисе и боль опять отступила, но, когда ты привел их, когда я узнал про Адель это причиняет боль, слишком много боли, Гранд. Я не могу больше. И с каждым днем становится все хуже. Я не знаю, что происходит, я будто заблудился в чужих воспоминаниях. Я вспомнил, так много чужих мыслей, чужих переживаний. Не моих, Гранд. Я помню, как на моих руках стыла кровь любимой. Помню охватившее меня отчаянье. Я помню сияние ее глаз, помню, как на ее теле высыхали капли воды, после купания в лесном озере. Помню, как гладил ее волосы, наслаждаясь ее присутствием. А еще я помню жгучую неестественную страсть, но я знаю, что это было ошибкой. В каждом своем воспоминании я вижу Мирриэль, понимаешь? Я боюсь, что вижу будущее. Боюсь, что однажды на моих руках будет умирать она, что это случится. Однажды я уже пережил это. Когда она была в плену, когда я стоял у двери ее камеры и не мог заставить себя пошевелиться. И теперь все повторяется, я обещал быть с ней, обещал не отпускать ее, обещал защищать. Но я здесь, а она... Я даже не знаю где она и что с ней теперь. Это безумие.

— Это любовь, друг мой. Не бойся, то что ты видишь, это не будущее, это прошлое, в тебе просыпается память Орлена, его боль, его любовь, его переживания. Тебе не нужно этого бояться. Просто позволь ему показать тебе, поделиться с тобой. Он укажет путь, поможет избежать тех ошибок, что совершил он. Мирриэль смогла это пройти, и ты сможешь. Она приняла помощь Элирии, теперь твой черед. Она ждет этого, когда ты все вспомнишь, она сможет вернуться, она больше не будет угрозой.

— Она не угроза, Гранд, она единственная нить, за которую я держусь. Она единственное, что заставляет биться мое сердце, единственное ради чего я открываю ежедневно глаза, вопреки боли.

— Она угроза, Кален. Калисто найдет тебя, если она будет рядом и тогда мы уже ничего не сможем изменить. Твоя любовь к Мирриэль не выдержит этого испытания, если ты не успеешь вспомнить как он любил Лири. Увидев Калисто, ты неминуемо попадешь под ее чары и тогда, ты станешь врагом. Мирре придется сражаться не только с Кали, но и с тобой. И если против нее Мирра еще сможет выстоять с помощью Лири и Адель, то против тебя она

не пойдет никогда. Ни она, ни даже Адель. Все закончится печально, друг мой. Давай-ка искать ночлег, я больше не могу сделать ни шага. Дурацкая зима. В такие ночи, я сожалею, что не смог сделать выбор, Кален. Теперь я бы мог наслаждаться теплом очага, обнимая любимую женщину. Когда-то две прекраснейшие женщины искали моей любви, и любая из них была бы счастлива, мне стоило лишь определиться, но я так боялся ошибиться. У тебя нет права на ошибку, Кален, и Мирра из последних сил пытается тебе помочь. Дай ей сделать это.

— Ты действительно веришь во все это? Веришь, что она воплощение Элирии, а я...

Гранд устало улыбнулся, глубже закутываясь в плащ.

— Я не просто верю в это, Кален. Я это знаю. С того самого дня, когда ты освободил меня от моего демона. Я всегда знал, что такое под силу только высшим существам, но точно не простому смертному, даже если он Видящий, даже если он один из сильнейших Видящих. Ты смог разорвать мою связь с демоном, кровную связь, Кален. Я не сразу понял, что к чему, но ни на секунду больше не сомневался, что ты не обычный человек. А когда я встретил вас там на дороге, все сложилось в моей голове. Я совсем замерз, дружище.

Кален стал осматриваться.

— Я помню это место, Гранд. Вон за тем перелеском начинается небольшая горная гряда. Там много пещер, думаю мы сможем там найти сухую и теплую нору, чтобы переждать эту ночь.

— Что это за место? Откуда ты знаешь его?

— Здесь была битва. Подземные твари, они лезли из пещер. Мы с Астером и Элриной вели отряд, чтобы их остановить. Здесь они нас и встретили, а потом мы гнали их до тех пещер.

— А я этого не помню, — честно признался Гранд.

— Ты присоединился к нам чуть позже, друг, когда мы уже встретились с войсками Фредерика. Сколько воспоминаний связано с этим местом. Пойдем, я помню подходящую пещеру.

Он пошел по следам своей памяти. Теперь уже он сомневался его ли это воспоминания, или это опять бред. Ветер все крепчал. За его могучими порывами люди не слышали, как на их пути поднялась темная фигура. Кален резко остановился, он никого не видел, но почувствовал чье-то присутствие и потянулся за оружием.

— Не надо, я не враг вам. Гипотетически, конечно враг, но не сейчас и не вам. Меня послали помочь, по мере моих скромных сил, — раздался низкий мужской голос. — Уберите мечи, меня убедили, что упоминание о Мирриэль, должно вас обоих успокоить.

— Что с ней? Ты видел ее? — не сдержался Кален.

— Нет, Видящий, ее не видел. Но послала меня к вам Адель. Сама она осталась проследить за безопасностью ваших друзей, а меня отправила к вам. Идемте, я отведу вас.

Подойдя к Калену Гранд шепнул ему на ухо.

— Демон посылает нам помощь. Ты не находишь это забавным?

— Я все слышу, человек. Надеюсь твое настроение не испортится, когда ты увидишь кого к вам на помощь послал демон.

— Ничего хорошего от нее я не жду, так что даже не подумаю удивляться, — надвигая капюшон еще глубже проговорил Гранд.

Кален с удивлением смотрел как ровно и спокойно идет их проводник. Порывы ветра не развивали его плащ, он лишь едва колебался при ходьбе странного человека. Ростом тот был

такой же, как и командор, да и телосложение похоже, но незнакомец словно не чувствовал пронизывающего ветра, не наклонялся, чтобы удержать равновесие, шел так спокойно, словно он прогуливается летним вечером по аллее собственного парка.

Упираясь и преодолевая усталость, они плелись за странной черной фигурой. Как т говорил Кален за перелеском они увидели невысокую горную грядку. Кален помнил пещеры, которые располагались чуть дальше и выше, но незнакомец свернул к ближайшим камням и указал им на один из них.

— Здесь и безопасно, и тепло, устраивайтесь и зажигайте огонь. Только оружие отложите подальше, я, конечно доверяю мнению Адель, но перестраховаться никогда не будет лишним.

— Я думал устроиться чуть повыше, — повышая голос, чтобы перекричать завывания ветра сказал Кален.

— Повыше? Не самое разумное решение, лурнаки не выходят на поверхность, но лезть в их пещеры, слишком рискованно, даже для таких бойцов, как вы. А сюда они не спускаются, так что вы сможете отдохнуть. Устраивайтесь, я позабочусь об ужине.

Гранд уже устроился в просторной пещере и разводил огонь.

— Тут даже сухие дрова припасены, дружище, похоже, что об этой пещерке знают и берегут на крайний случай, вроде нашего. Как думаешь, кого к нам приставила демоница?

— Не знаю, а разве это важно? У нас такая разношерстная компания, что еще один странный тип, ничуть не нарушит сложившуюся ситуацию, — Кален снял ножны с мечом и отложил подальше. — Давай уважим нашего провожатого, хотя бы за то, что привел нас сюда.

Гранд нехотя кивнул и достал из-за плеч свои мечи, аккуратно сложив их рядом с мечом Калена. Яркое вспыхнуло пламя озаряя пещеру и давая еще слабое, но такое необходимое тепло. Они сидели у огня отогревая замерзшие руки. Прошло некоторое время, когда у входа раздался уже знакомый голос.

— Надеюсь, вы убрали мечи, или хотя бы дадите мне время все объяснить. Я захожу, соблюдайте, пожалуйста, спокойствие. Помните, я вам не враг.

Он сделал шаг в пещеру и бросил к их ногам несколько куропаток.

— Для ужина, по-моему, достаточно, прошу простить, если не угадал, просто я не знаю сколько вам нужно пищи, чтобы насытиться.

— Тут еще и на завтрак с обедом останется, — довольно потирая руки сказал Гранд.

Незнакомец осторожно снял капюшон и улыбнулся. Кален не сводил с него глаз, и, увидев улыбку, покачал головой.

— Вампир, значит. Нда, это немного странно, даже для нашей компании, но вполне предсказуемо. Мое имя Кален. Я командор Видящих, ну или скорее бывший командор, поскольку Видящим больше не являюсь. А это Гранд.

Гранд внимательно осмотрел незнакомца и расхохотался.

— А у Адель такое же чувство юмора, как у Мирры. Одна заставляет меня сотрудничать с орком, а другая посылает в провожатые вампира. У этих девочек явно проблемы. Ну и как звать тебя, клыкастый?

— Мое имя Себастьян. И я, честно говоря, немного поражен вашей реакцией. Я никак не мог предположить, что встреча будет столь... дружелюбной. Хотя Адель и предупреждала, что вы скорее всего спокойно воспримите мою персону.

— А она молодец, быстро учится. Ты есть-то будешь, Себастьян, или подождешь пока

мы вырубимся? — занимаясь добычей поинтересовался мастер меча.

— Я не питаюсь кровью, — поморщился словно от болезненного толчка вампир. — Я — высший вампир, мы не пьем кровь, ради пропитания, только при необходимости, когда прочие средства уже не работают, ну или чтобы восстановиться после ранений. Так что с удовольствием разделю с вами ужин.

— Хорошо, — спокойно согласился Кален. — Ну и зачем Адель тебя послала? Наверняка не просто сопровождать нас.

Себастьян смущенно отвел глаза.

— Не думал, что твои способности распространяются и на вампиров, Видящий. Обычно твои братья не могут нас читать.

— Я могу, — спокойно продолжил Кален. — Я вижу, что дурных мыслей у тебя нет, ты действительно пришел, как друг, но понять зачем я пока не смог. Расскажешь, или мне посмотреть внимательнее?

— Моя миссия не секрет. Адель волнуется за тебя. Я буду тебе помогать, пока все не закончится.

— Помогать мне? — грустно улыбнулся командор. — И как же ты сможешь мне помочь?

— Видишь ли, Кален, — задумчиво начал вампир. — Мы с Адель порождения мира тьмы, и видим мир немного иначе, чем вы. И ее тревожит твое состояние. Вокруг тебя слишком много призраков прошлого, они мешают тебе, разрушают тебя. А для того, чтобы ты мог осознать свою значимость тебе нужно много сил, а они мешают тебе, заставляя защищаться от них и тратить огромную силу на то, чтобы их сдержать. Я смогу их сдержать и тебе не придется больше тревожиться о прошлом.

— Ты будешь сдерживать мои воспоминания?

— Нет, Кален, не твои воспоминания, призраков, которых эти воспоминания порождают и питают силой, истощая тебя.

— И как ты будешь это делать? — недоверчиво спросил командор.

— Очень просто, я просто буду рядом с тобой. Пока ты рядом с высшим вампиром, мелкие пакостники не смогут до тебя добраться, они слишком меня боятся, — очаровательно улыбнулся вампир. — Одно мое присутствие, уже надежная защита для тебя.

— Это будет интересно, я уже так привык к моим призракам, что не представляю, как смогу без них обходиться.

— Боль отступит, Кален. Пока я рядом, ты не будешь ощущать ее.

— Я смогу выспаться, — мечтательно произнес Кален. — Не опасаясь, что ночной кошмар заставит меня хвататься за меч. Это просто мечта. Нужно будет поблагодарить Адель за такой щедрый подарок.

— Это вряд ли, — промолвил Себастьян. — Во всяком случае лично выразить свою признательность ты точно не сможешь.

— Почему это? — спросил Видящий.

— Потому что стоит Адель оказаться рядом с тобой, как она вернется в наш мир, а ее место займет Мирра. Поэтому Адель и отправила меня, а не пришла сама. Она не может защитить тебя, находясь рядом. Но я с удовольствием согласился ей помочь, и вот я здесь, — поклонился вампир.

— Чудесно, — подал голос Гранд. — Ему это точно не повредит, а то на него уже смотреть больно.

— Я все это исправлю, — пообещал вампир. — Нам потребуется несколько дней, и я предпочел бы их провести здесь, не люблю я людские города, они такие суетливые и народ нервный, того и гляди серебром начнут кидаться.

— Не мудрено. Они же не знают разницы между высшим вампиром и обращенным, а видно-то с первого взгляда, — заканчивая потрошить птицу проговорил Гранд. — Обыватели, одним словом. Да и серебро тебя не убивает, только боль причиняет, если его конечно в сердце не загнать.

— Охотник на монстров? — уточнил вампир. — У тебя обширные познания о нашем роде.

— Да уж, — довольно заулыбался Гранд. — Был случай познакомиться. Охотился я раз на вампира, людей не трогал, но беспокойство вызывал одним своим присутствием людей нервировал. Выследил я его, ну и выяснил, что это не он, а она. Мы мило побеседовали...

— Перестань, Гранд, я не хочу знать подробности, перестань представлять, как это было. Я, когда устаю, не могу контролировать себя и все вижу. И мне дурно становится от подробностей, которые всплывают в твоей голове.

— Прости, дружище, но эта вампирица была та еще штучка.

— Интересно, Гранд, ты со всеми своими жертвами такое вытворяешь?

— Нет. Только с самыми привлекательными, которые и сами мне намекают на нечто подобное. Ты же знаешь, я люблю рисковать, а тут такой шанс.

Вампир с улыбкой смотрел на людей.

— Так значит это ты, тот человек, о котором без устали болтала Шарина. Ну, могу тебя поздравить, ты надолго запал ей в сердце. Она месяца два только о тебе и говорила. А для моей ветреной кузины, это огромный срок, почти вечность. Правда, потом спуталась с каким-то демоном и успокоилась. Прости, человек, но до демонов тебе далеко в этом деле.

— Точно, Шарина, так ее и звали, — подхватил Гранд. — Передавай привет, как увидишь.

— Всенепременно, — опять улыбнулся вампир. — Она будет рада, а то все дом да дети, совсем она замоталась, бедная.

— Забавно, никогда не думал, что у вампиров могу быть семьи, — Гранд все еще улыбался.

— Мы как-то незаметно ушли от основной темы, — напомнил Кален. — Ты предлагаешь нам остаться в этой пещере, Себастьян?

— Да, так будет лучше. Ты сможешь восстановить силы, отдохнешь немного, к тебе вернуться воспоминания Орлена и укрепят тебя, и ты сможешь продолжить путь. А тем временем, Мирриэль, возможно, закончит со своими делами и вернется.

— Себастьян, ты только ничего дурного не подумай, но я понять не могу, тебе-то какой в этом интерес? — нахмурился Кален.

— О, я крайне заинтересован, человек. За помощь, принцесса обещала отменить изгнание нашего рода, во-первых, ну а во-вторых, наша принцесса очаровательное создание с исключительно легким нравом, но пока она находится в теле твоей подруги, ей приходится соблюдать правила приличия.

— Принцесса? — переспросил Гранд. — Значит Адель — принцесса?

— Да, принцесса тьмы, — утвердительно кивнул Себастьян. — Ты про дичь-то не забывай, воин, а то подгорит ужин, а я не люблю сухое мясо.

— И ты, клыкастик, на нее виды имеешь? Не на нашу Мирру, а на свою принцессу? —

поворачивая ужин на огне, будто случайно уточнил Гранд, заметив, как напряженно Кален изучает спину вампира.

— Ну, если упростить, то да. И она ничуть не против.

— Пстой-ка, вампир. Ты сказал, что Адель в теле Мирры, а это значит, что Мирриэль в мире тьмы в теле вашей принцессы? И многие в мире тьмы знают о легком нраве вашей принцессы? — перед глазами Калена уже плыли картинки одна другой краше.

— Все, — спокойно ответил вампир. — Адель слишком приметная личность. Но тебе не стоит волноваться, Кален, кроме того, что Адель любвеобильна, она очень могущественна, никто не посмеет ей что-то навязывать. Побоятся. А твоя подруга в том мире обладает всеми навыками Адель, так что ей не составит особого труда за себя постоять, даже если она распылит несколько десятков демонов, мы не будем на нее в обиде.

— В том-то и проблема, Себастьян. Мирра очень трепетно относится к чужим жизням, боюсь, что теперь, когда она познакомилась с Адель, даже демоны не станут исключением. Она опять нашла неприятности на ровном месте. Несносная девчонка! Сколько можно издеваться надо мной? Она что не понимает, что волнуюсь за нее. Неужели нельзя было просто отсидеться в эльфийских лесах или еще где-то в безопасности?

— Тогда она не будет собой, дружище! Хватит болтать, садитесь есть уже, — Гранд снял с огня прожаренную птицу.

Разговоры прекратились, все трое с удовольствием поглощали поздний ужин. В полутьме пещеры люди внимательно рассматривали вампира, тот отвечал им улыбками.

— И чем же ваш род так разгневал принцессу тьмы, что она изгнала их из вашего мира? — нарушил молчание Гранд. — Я спрашивал твою сестру, но она начала зло ругаться на всех мужчин и в итоге, мне пришлось несколько раз ее убеждать, что не все мужчины одинаково плохи, особенно мы полезны при взрывах ярости у симпатичных женщин.

Кален зло посмотрел в сторону замечтавшегося Гранда.

— О, нет, нас изгнала не Адель. В то время вся власть еще принадлежала Владыке тьмы он и изгнал. А виноват во всем длинный язык наших дам. Одна из них заключила пари с приближенной Владыки, что демоны не смогут сравниться с вампирами в искусстве обольщения. Ну, поспорили дамы, а отдувались мужики. Скажем так, они выбрали целью одну из демонесс, и так уж вышло, что вампиру не составило особого труда ее соблазнить. Только потом выяснилось, что Владыка сам имел виды именно на эту даму. Он осерчал, когда ему отказали из-за отношений с одним из нас, сперва он стерпел, но, когда и через сотню лет дама осталась верна своему выбору, он решил избавиться от соперника и всего его рода раз и навсегда. Сперва мы были даже рады такому стечению обстоятельств, в отличии от остальных демонов, нам всегда нравились люди, мы живо интересовались ими. И у нас появилась шутка про длинные языки, — вампир сам рассмеялся, но глядя на недоуменные взгляды слушателей, успокоился. — Вы все равно не поймете, так что забудьте. Но прошло уже столько столетий, мы соскучились по своему родному миру, люди, стали нас бояться и нам приходится скрываться. Из-за нескольких неразумных вампиров появились обращенные и доброе имя нашего рода было безвозвратно утеряно. Теперь лишь немногие понимают разницу между рожденными и обращенными, а обращенные не могут сдерживать свой голод, он у них другой, но мы-то этого сперва не знали, просто один влюбился и решил обратить свою возлюбленную. За ним другой, третий. Так появлялись первые обращенные. А уж они обращали других, и мы не смогли этому противодействовать, мы были слишком привязаны к своим возлюбленным, не могли им отказать в такой, казалось бы, маленькой слабости. Это

нас и погубило. И вот уже несколько тысячелетий мы мечтаем вернуться и теперь у нас есть такой шанс. И я, как первородный, не могу его упустить. Но, признаюсь, мне даже приятно вам помочь, вы хорошие ребята.

Вампир опять очаровательно улыбнулся.

— Похвала от вампира, замечательно, даже делать ничего не пришлось, — растягиваясь во весь рост у огня пробурчал Гранд. — Вы как хотите, мальчики, а я, немощный старик, ложусь спать, умучал ты меня, дружище, по такой погоде и с таким темпом. Вампир, ты на страже.

Отдав последнее распоряжение, он завернулся в теплый плащ и закрыл глаза.

— И ты ложись отдохнуть, человек. Сегодня у тебя будет спокойная ночь.

— Впервые за все то время, что я не принимаю обат, — грустно улыбнулся Кален. — Спасибо тебе за это, Себастьян, но мне и вправду легче.

— Имей ввиду, человек, когда мы с тобой расстанемся, твоя боль вернется, сможешь ли ты ее опять терпеть?

— Мне не привыкать, выдержу, как обычно, — он устроился у огня и тоже закрыл глаза.

— Надеюсь на это, но ты уже забыл, какого это не испытывать боли, а когда мы расстанемся, тебе придется начинать все с самого начала.

Утром Кален проснулся не от приступа сдерживаемой боли, не от ужаса и даже не от реалистичного кошмара. Его разбудил сладкий запах, уже прожаренного мяса. Открыв глаза, он увидел Гранда, который держал у его носа сочный кусок птицы.

— Впервые, друг мой, за все время, что мы знакомы ты спишь позже меня, похоже наш странный провожатый очень хорошо влияет на тебя.

— Гранд, — лучезарно улыбнулся Кален. — Я уже и забыл каким может быть приятным ночной отдых, как здорово выспаться. Я словно заново родился. И мне снилась Мирриэль. Или Лири, я уже начинаю их путать. Но на сей раз сон был таким спокойным, таким добрым, никой крови, никаких жертв, никаких демонов. Мы просто отдыхали на берегу озера. Слушали пение соловьев, плеск воды, смотрели на круги на воде, и на серебристых рыбешек. Это было чудесно. Я так не хотел просыпаться.

Вампир слышал каждое слово и, скрывая свою усталость, улыбался. Даже он не мог себе представить, что призраки Видящего сильны настолько, что будут пытаться преодолеть его защитный барьер, ему пришлось всю ночь бороться с разъяренными духами, чтобы обеспечить спокойный сон Калену. Сейчас он уже начинал сомневаться, что его сил хватит даже на несколько дней. Все было слишком сложно с этим человеком. Даже для высшего вампира. Тем удивительнее было то, что он не только был все еще жив, но умудрился сохранить рассудок, возможно, он был гораздо больше Орленом, чем они думали.

Буря прекратилась уже к вечеру и на белоснежный мир падали яркие солнечные лучи, отражаясь в тысячах мелких кристаллов снега, рассеянных повсюду на сколько хватало глаз. Белый лес величественно возвышался над миром, сравниться с ним могли лишь укрытые белым покрывалом горы. Морозная свежесть и нетронутая чистота. Кален наслаждался ощущением покоя и безмятежности. Воспоминания Орлена становились все отчетливее. Теперь он вспомнил Калисто. Теперь преследующий его запах клубники обрел четкость и ясность. Он видел ее черные волосы, ее зеленые глаза, ее яркие алые губы, и округлые плечи. Он вспомнил все до мельчайших подробностей. Вспомнил как был обманут и понимал, что хотел обманываться. Элирия была слишком правильной и отношения с ней напоминали близкую дружбу, но Кали была другой. Она обжигала своей страстью, она завораживала

своей доступностью и сводила с ума своим мастерством. И теперь он понимал, о чем говорил Гранд. Невинные поцелуи Мирриэль, меркли по сравнению с тем, что обещали томные зеленые глаза Калисто, ее мягкие губы. Он не смог бы устоять, это не вызывало больше сомнений. Решение пришло само. И он улыбался. Никакие условности не могли больше его остановить, теперь нужно лишь дождаться, когда она вернется. Она его судьба и не имеет значение все остальное. Больше его не заботили досужие сплетни, он готов был сам кричать на весь мир, о своей любви, о своем желании, о своей страсти. Только бы дождаться ее, он больше не выпустит ее из своих объятий. Он чувствовал, как его сердце замирает при каждой мысли о Мирриэль и не хотел больше ничего ждать. Он вспомнил, как Орлен принял смерть. Теперь он знал, кто его убил. Он видел ее зеленые глаза, когда направлял клинок в свою грудь. Он видел в них страх. И теперь понимал, что она боялась не напрасно. Тогда Орлен не смог решиться и убить ее, ведь это лишило бы его возможности воссоединиться с Лири, но теперь... Теперь все было по-другому. Они оба смертные, он больше может не бояться. Он убьет Калисто, как и обещал когда-то. Он с удовольствием будет смотреть, как огонь жизни будет покидать ее тело. Только сначала, нужно дождаться Мирриэль. Больше он не будет страдать от того, что не может ей ничем помочь. Теперь он знал, что должен сделать именно он. Пока Мирра будет спасать жизни, он отнимет одну, всего одну. И это принесет покой их миру. Теперь он так же, как и Мирра знал, что их смертные жизни закончатся, когда они исполнят свой долг, но это его не пугало. Они будут вместе, всегда. Когда они все исправят и Орлен с Элирией оставят их мир, они возродятся. Иначе не может быть. Они всегда будут искать и находить друг друга, сколько бы времени это не потребовало, через что бы им не пришлось пройти, они все выдержат, все преодолеют и снова будут вместе.

Вечернее солнце уже закатилось за каменную гряду и Кален вернулся в пещеру, где мило беседовал с вампиром охотник на монстров. Он не стал ничего им говорить, просто лег у огня и уснул, едва закрылись его глаза. Он хотел снова увидеть свой сон. Такой непривычно добрый.

К концу третьего дня вампир чувствовал уже крайнее истощение. Он готов был уже пить кровь, потому что обычная пища больше его не насыщала и не придавала сил. На них опять опускалась ночь, Себастьян принял решение следующим же утром отправиться на охоту, но ночью он должен был быть рядом с человеком. Тот изменился за эти несколько дней. Он стал спокойнее, в его голубых глазах больше не плясали безумные огни, в душе не чувствовалось тоски и обреченности. Воспоминания Орлена вернулись быстро, и он легко справился со всем, что ему пришлось узнать. Его улыбка больше не была вымученной, несколько раз он даже позволил себе громко рассмеяться над грубоватыми шутками своего друга. Но вот вампир совсем ослаб. Они видели эти перемены, и мастер меча уже однажды предложил ему свою кровь, но Себастьян лишь поморщился в ответ на такое щедрое предложение.

— Пить твою кровь, Гранд, все равно, что пить кровь демона. Мы не питаемся себе подобными даже в крайнем случае. Это низко и мерзко.

Люди рассмеялись и разговор на этом был прекращен. Кален тоже попытался заговорить об этом с Себастьяном, но тот лишь отмахнулся, сказав, что кровь Орлена для него будет губительна, с высшими духами нельзя шутить, даже высшим вампирам.

Болезненно морщась, Себастьян уже собирался вернуться в пещеру, когда увидел троицу, буквально выбегающую из леса. Не нужно было обладать его нечеловеческим

зрением, чтобы сразу узнать этих троих. Высокая черноволосая воительница, поддерживала прихрамывающего эльфа, а спины им прикрывала невысокая женщина с яркими рыжими волосами, разбросанными поверх капюшона. Все были вооружены и не собирались складывать оружие. Но заметив вампира, Кара призывно махнула рукой.

— Гранд, Кален, — позвал Себастьян. — У нас гости, хватайте свои мечи и пошевеливайтесь, похоже у них неприятности!

Оба выскочили в полном вооружении уже через несколько секунд, заметив группу, спешащую к ним, они без долгих размышлений бросились к друзьям. Забыв о своем болезненном состоянии, вампир присоединился к людям. Кален подбежал первым и не тратя времени на слова, прикрыл Энель, повернувшись лицом к невидимой пока опасности. Гранд подоспел как раз вовремя, чтобы подставить плечо изможденной шпионке. Та привалилась на широкое плечо и измученно улыбнулась.

— Вы как нельзя вовремя.

Гранд заметил кровь, которой был пропитан ее плащ в области плеча и быстро поддержал ее за талию. Она болезненно скривилась.

— Поаккуратнее давай, меня едва на порции не разделали.

— Кто?

— Вороны, — крикнула Кара. — Их много, больше двух десятков.

— Где Адель? — удивился Себастьян.

— Она попыталась их отвлечь на себя, но не все купились. Эти остались, чтобы поквитаться с нами, — зло шептала Кара. — Она увела основную группу, и я им не позавидую, но и мы угодили прямиком в ловушку. Даже Лерд не успел нас предупредить, он первую стрелу и словил, прикрывая Энель.

— Гранд, тащи их в пещеру. Вампир, ты сегодня похоже поправишь свое здоровье, — спокойно распорядился Кален.

— Это очень удачно. Я сейчас вернусь. Схожу на разведку, — улыбнулся Себастьян, набросил на голову капюшон и растворился прямо у них на глазах.

Гранд подхватил на руки едва передвигающую ноги Энель и добравшись до Кары, закинул себе на плечо вторую руку эльфа.

— Ты как воительница, — спросил он.

— Я почти в порядке, — бросила Кара. — Тащи этих в укрытие, я помогу Калену, если упырь не успеет вернуться.

Гранд молча кивнул и направился к их убежищу, перекинув Энель через плечо, он помогал едва стоящему на ногах Лерду. Кара приблизилась к Калену и встала рядом с ним, обнажив меч.

— Ты как? — не обернувшись, спросил он.

— Порядок. Мне меньше всех досталось. Я последняя шла. Вынуждена признать, что ручной Ворон — очень полезный соратник, если бы не эльф, мы бы не смогли сюда добраться. Только благодаря ему и вырвались, — Кара быстро перетянула куском оторванного рукава кровоточащую рану на лодыжке. — Будь осторожен, у них очень маленькие метательные ножи, Лерд опасается, что могут быть отравлены. Если так, плохи наши дела. И эльф, и Энель не успели среагировать и словили шпук по пять каждый. Мне досталось уже после, когда вытаскивала их обоих, — Кара выдохнула и переломила древко стрелы, торчащее из бедра и резко вырвала из плеча маленький метательный кинжал. — Но даже не в этом дело, Кален. Вороны пришли за ней. Не за Адель, к встрече с безжалостным

демоном они были, явно, не готовы, они пришли за Миррой. Адель поспешила нас предупредить, но не успела, мы уже вырвались из окружения, когда она появилась. Она увела за собой часть отряда, они словно гончие бросились по ее следу. Она пыталась нам помочь, но Вороны не привыкли оставлять свидетелей, поэтому один отряд отправился за нами. И мне страшно даже подумать, что этим убийцам нужно здесь. И почему их так много, обычно они работают по одному, а здесь полноценный отряд. Нам удалось насчитать около трех десятков человек, но потом они разделились.

— Почему Адель их не убила всех? — удивился Кален.

— Она хотела, — зло усмехнулась Кара. — Ты бы слышал, как она ругалась сама с собой, точнее ругалась она с Миррой, и не стеснялась в выражениях. Портовые грузчики и те бы обзавидовались. Похоже Мирра может контролировать ее действия или влиять на них. Мирриэль не дала ей убить всех, потребовала увести от нас. Адель была в ярости. Ты бы это видел! Я больше не удивляюсь тому, что Гранд ее испугался, в ярости эта принцесса — просто воплощение кошмара.

Рассказывая ему о их похождениях, Кара не сводила глаз с опушки леса. Чернильными пятнами на белом листе бумаги беззвучно появились пятеро. И остановились, рассматривая нового врага и, видимо решая, что делать дальше.

— А вот и я, — Кален услышал за спиной как два обоюдоострых меча покинули ножны и рядом с ним встал Гранд. — Что делать будем?

— Что там у раненных? — спросил обеспокоено Кален.

— Эльф в сознании, перевязывает Энель и себя, опасения по поводу отравы подтвердились. Но на наше счастье, он знает этот яд и у него есть противоядие, так что жить будут, но воевать пока не способны. Каре бы надо к нему, пока не поздно принять антидот.

— Вот поквитаемся с этими парнями и тут же пойду к нему, но пока что, составлю вам компанию. Эти ребята хороши, Кален, нас ждет непростое противостояние, и у них численное преимущество.

— Небольшое, — мягко произнес тихий голос и рядом с ними появился вампир, снимающий капюшон с головы, круглое лицо, пухлые губы и обнаженные в улыбке клыки были перепачканы кровью. — Осталось около десятка. Но эти засранцы смогли даже до меня дотянуться, пришлось улепетывать, пока они не взяли меня в клещи.

На боку вампира расплзлось кровавое пятно, но он словно и не заметил ранения. Кален кивнул, не отрывая взгляда от противников, те уже перешли в наступление.

— Повеселимся, други! — зловеще прошептал Гранд, перехватывая мечи для атаки. — Убийцы предпочитают действовать дальнобойным оружием, будьте осторожны, не подставляйте им спины.

— Мне бы только добраться до них на длину меча, поубиваю, — пообещала Кара.

Кален молчал, он видел их мысли и знал, что они постараются их не подпустить, в ближнем бою, они потерпят неизбежное поражение. Из леса появились еще пятеро и растянувшись широкой цепью, эти черные кляксы стали приближаться.

— Себастьян, может вырубишь их, как нас тогда в охотничьем домике? — предложила Кара.

— Не смогу, заклятье сна работает только в замкнутом пространстве, — покачал головой вампир. — Но смогу внести смятение в их ряды. Отбивайтесь тут, а я пойду, пошालю.

Он опять накинул на голову капюшон и растворился в воздухе на глазах у Воронов. Те

переглянулись, но не остановились. Уже через мгновение в защищающихся полетели первые ножи. Кален отбил два из трех предназначенных ему. Третий разорвал плотную ткань куртки на рукаве и беспомощно упал в снег. Гранд раскрутил свои мечи с такой скоростью, что все четыре метательных ножа были остановлены и отброшены стальным вихрем. Кара лениво отмахнулась от одного из ножей, два других, на удивление, попросту летели мимо. И тогда раздался крик, один из убийц упал в снег, его стеклянные глаза удивленно смотрели в белесое небо. Секундного замешательства хватило защитникам, чтобы из жертв превратиться в загонщиков и, не сговариваясь, все трое атаковали. В них полетели ножи и странные округлые заостренные предметы, но остановить этот порыв уже было невозможно. Кален с размаху рубанул мечом потянувшегося за следующим ножом человека. Мощный удар раскроил ему череп. Выдернув меч, командор продолжил наступление. Грозный крик Кары сотряс округу, она припала на колени, уворачиваясь от удара, и не поднимаясь, ударила врага в незащищенный пах, с нечеловеческим воплем она добила упавшего врага. Гранд легко преодолел расстояние разделяющее его и противника и без особого труда пробил оборону ворона и его меч погрузился в грудь несчастного, почти до самой рукояти. Вампир тоже не бездействовал, от рук невидимого противника пал еще один из воронов. Осознав, что тактика дальнего боя уже изжила себя, оставшиеся в живых убийцы, сменили метательные ножи на короткие мечи и другое более подходящее оружие. Но остановить Хранителей им было уже не под силу. Кален добрался до следующего врага и вступил в короткую, яростную схватку. Ворон не устоял против натиска, его меч отлетел в сторону, в очередной раз натолкнувшись на непробиваемую оборону Видящего. В его руках блеснуло еще какое-то оружие, но воспользоваться им он так и не успел. Не останавливаясь, Кален набросился на следующего. Гранд крутился волчком, отбивая сыплющиеся на него удары и нанося ответные. Двое убийц ничего не могли поделать с мастером меча, лишь удивленно смотрели на мелькающие у их лиц лезвия двух мечей.

Кара попыталась встать, но предательски дрогнула раненная стрелой нога, в глазах расплылись яркие круги, затмевая свет дня. Она понимала, что это действие яда. Заныло сердце, меч выпал из рук. Она так и не смогла встать с колен. Сжимая от ярости кулаки, она видела, как окрашивается ее кровью снег. Медленно расплзлось алое пятно по белоснежному покрывалу. Она не могла кричать, не могла подняться, но именно она увидела последнего ворона, показавшегося из леса. Убийца бросил на нее быстрый взгляд и поняв, что она уже не жилец, переключил внимание на Калена, стоящего к нему спиной. Кара видела, как блеснул в руке ворона метательный нож. Женщина попыталась взять меч, но пальцы уже не слушались, они стали каменными и не могли удержать тонкую рукоять. Ей ничего не оставалось. Понимая, что это ее последние силы, возможно последние секунды ее жизни, она преодолела боль, поднялась и прикрыла собой спину друга, встав между ним и вороном. Слабея она видела, как несколько раз крутанувшись в воздухе, пущенный вороном клинок вонзился ей в грудь. В следующий миг она увидела вампира, который добрался до убившего ее человека. Ворона подбросило в воздух на высоту человеческого роста и шмякнуло спиной о вековое дерево, кости были раздроблены, больше он не сможет встать. Она была отмщена, а Кален был жив. Боли не было, не было страха, была только тоска. Падая на холодный снег, она сожалела только о том, что так и не смогла полюбить никого другого, так и не познала счастья взаимной любви. Серая пелена затмевала ее глаза, она услышала, как рядом с ней опустился на колени Кален.

— Кара, — он схватил ее за плечи. — Даже не смей...

— Ты же знаешь, Кален, я всегда любила тебя... Только тебя, — ее холодеющие руки обжигали его горячие прикосновения.

Она закрыла глаза. Вымученная улыбка застыла на бескровных губах. Но она знала, что ради этого стоило умереть.

Гранд и вампир уже закончили с расправой и стояли рядом с умирающей воительницей. Мастер меча положил руку на плечо друга.

— Она была достойным воином, Кален, и хорошим другом. Мне искренне жаль, дружище.

Кален молчал. На его руках умирал друг, человек, которому он причинил столько боли, и забыв об этом, она все равно спасла его, ценой собственной жизни. Он чувствовал себя виновным во всем, что произошло. Он знал, что она умрет, с такими ранами не выживают.

— Мирра, — закричал он в никуда. — Где тебя демоны носят, когда ты нужна здесь? Никто кроме тебя не сможет ей помочь! Как же так, Кара? Не надо, только не из-за меня...

— Хм, — напомнил о себе вампир. — Кален, я даже не знаю, что сказать.

Он задумчиво почесывал кончик носа.

— Пока бьется ее сердце, я смогу ее вернуть. Но только это будет уже не совсем она.

Кален внимательно посмотрел на вампира.

— Ты предлагаешь обратить ее? Сделать ее ненасытным кровопийцей?

— Я понимаю, что это сложный выбор и ее спросить мы уже не можем, но да, я могу ее обратить. Она станет вампиром, и я смогу научить ее жить с этим, жить вопреки этому. Если она будет меня слушаться, то она сможет побороть жажду крови, и возможно, даже избавиться от той части, которая сделает ее вампиром, но на это потребуется время, очень много времени. Обращение не односторонний процесс. Если у нее будет достаточно сил и желания, она сможет быть простым человеком. Жить и умереть, как человек. Гарантий, конечно, нет никаких. Но попробовать можно. Ты должен быстро принять решение. Осталось всего три-четыре удара ее сердца, после этого я уже не смогу помочь.

Кален вспомнил все, что связывало его с этой женщиной. Вспомнил ее пылкую любовь, вспомнил самопожертвование, вспомнил все те схватки, в которых она была рядом. Она была хорошим другом, и она заслуживала второй шанс. Он коротко кивнул вампиру и отвернулся, чтобы не видеть того, что будет происходить дальше. Вампир опустился на снег рядом с ней и вырвал кинжал, прервавший ее жизнь.

Гранд стоял рядом с Видящим.

— Она будет в ярости, когда узнает, что ты все решил за нее, возможно она бы предпочла умереть.

— Возможно, — согласился Кален. — Но я не позволю ей умереть так. Пусть она меня ненавидит, пусть презирает, но только пусть живет.

Вампир вытер губы и улыбнулся.

— Ты принял верное решение, командор. Она не просто будет жить, она сможет избавиться от того наваждения, которым ты стал для нее. Больше этой одержимости не будет.

— Надеюсь, она встретит достойного человека, — проговорил Кален. — Это будет наилучшим решением, я желаю ей счастья.

— Человека? — загадочно улыбнулся вампир. — Это вряд ли, командор. Не в ближайшие несколько сотен лет. Пока она будет привыкать быть вампиром и не питаться кровью ей крайне противопоказаны любовные взаимоотношения с людьми. В любовном

порыве она может его покусать, а это недопустимо, если мы хотим вернуть ей ее человечность. Так что, пока она не научится себя контролировать, ей даже думать о любви к людям запрещено. Только вампиры или демоны.

Кара судорожно вдохнула и сжала кулак, захватив холодный снег. И удивленно посмотрела на свою руку. Она не почувствовала холода. Несколько раз она моргнула, внимательно осмотрела свою грудь. И ничего не поняла. Она помнила, как умерла. Помнила, какую жгучую боль причинял каждый вдох, и судя по пятну крови на рубахе, ей это не приснилось. Но она снова дышала, снова слышала гулкие удары своего сердца, ее пальцы обрели былую чувствительность и легко ее слушались, а боли не было. Совсем. Она глубоко втянула воздух и почувствовала, что захлебывается слюной. Сладковато железистый запах крови щекотал ее обострившееся обоняние, заставляя судорожно сглатывать обильно выделяющуюся слюну. Быстро окинув взглядом округу, она увидела все еще живого ворона, он пытался приподняться. Она уже готова была броситься к нему, но тяжелая рука удержала ее, резко схватив за плечи.

— Спокойно, Кара. Это первый приступ голода, он быстро пройдет. Тебе просто нужно плотно покушать. Сейчас мы вернемся в наше убежище, и ты сможешь перекусить, — Себастьян говорил очень мягко, словно с ребенком.

— Что здесь происходит? — услышала Кара свой голос.

— Прости, Кара, мне пришлось принять решение за тебя, — опустился рядом с ней на снег Кален. — Ты же понимаешь, что я не мог позволить тебе умереть?

— И что ты сделал? — холодея от догадки спросила она.

— Ну, он ничего не сделал, Кара. Все сделал я, — очаровательно улыбнулся вампир.

— Ты? — Кара злобно выругалась. — Ты меня укусил, кровосос?

— Другого выхода просто не было, Кара. Себастьян сказал, что сможет позаботиться о тебе, сможет научить тебя жить с этим и даже расскажет, как можно от этого избавиться, — попытался оправдаться Кален.

— Избавиться? Как ты посмел? Решать за меня? Ты, ты, — она резко вскочила и толкнула Калена в грудь.

Массивное тело командора подлетело в воздух и упало в нескольких шагах от друзей. Он сел и потер ушибленный бок.

— Ого, какая силища, — сама удивилась Кара.

— Да уж, ты будь любезна, поосторожнее, а то так и убить недолго. Стоило подставляться за меня под кинжал, чтобы потом самой меня прикончить? — проворчал Кален.

— Тебя за твои выходки убить мало будет! — жестко ответила она. — Да и чего ты боишься, я тебя укушу и верну к жизни, делов-то.

— Ммм, Кара, — вмешался Себастьян нежно обнимая ее за талию. — Ни я, ни тем более ты, не сможем укусить его и тем более вернуть к жизни. Так же не советую тебе кусать Гранда, да и эльфов тоже. Но ты сама поймешь, когда мы доберемся до пещеры. Только, дорогая амазонка, держи себя в руках. Твои друзья ранены и там очень сильно пахнет кровью, а из всех остается только твоя подруга, Энель, ты же не хочешь сорваться на ней, правда?

Кара тяжело вздохнула.

— Ее точно не хочу кусать, но как мне избавиться от этого запаха, он меня с ума сводит, — пожаловалась Кара и прильнула к Себастьяну, заглядывая с мольбой ему в глаза.

— О, девочка моя, сейчас покушаешь, обычной еды, дорогая, и ты не сможешь меня уговорить ни на что другое, — он нежно провел по щеке воительницы. — Запомни, Кара, первый урок. Стоит тебе единожды попробовать кровь, и ты больше никогда не сможешь стать человеком. Одной капли крови на твоих еще незаметных клыках, и для тебя не будет пути назад. Так что выброси это из головы. Ты же сильная девочка, сможешь бороться с этим искушением.

Кара довольно рассмеялась, прижимаясь к его руке.

— Ага, сильная, вон этого медведя как швырнула, а ведь я даже не хотела. Представляю, что я смогу сделать если действительно разозлюсь.

Себастьян улыбнулся и прикоснулся пальцем к ее губам.

— Тебе нельзя злиться. Самоконтроль превыше всего. Потеряешь самообладание один раз и все закончится плохо. А теперь давайте пойдём в пещеру, пока наша новообращенная не набросилась на кого-нибудь из-за голода.

Себастьян шлепнул Кару пониже спины, направляя ее к пещере. Та игриво посмотрела на вампира и улыбнулась. Вампир привлек ее к себе, и нежно коснулся губами ее щеки, она ухватилась за его локоть прижимаясь к нему всем телом.

— Кален, — подавая руку другу начал разговор Гранд. — Это что сейчас было? Что с нашей Карой случилось? Она словно игривый котенок ластится к вампиру.

Кален рассмеялся.

— Все правильно, друг мой. Теперь она привязана к нему, по крайней мере на некоторое время. Он стал для нее всем. Отцом, братом, любовником, другом. Пока не пройдет эта привязанность, она не будет замечать никого другого.

— Ты откуда это знаешь? — удивился Гранд.

— Я видел это в его мыслях. Она ему понравилась, еще когда они впервые встретились, но она была так агрессивно настроена, что наш долгожитель клыкастый стусевался, и вот ему представился такой шанс. Думаю, он все равно бы ее укусил, даже если бы я не позволил.

— Но он же говорил, что Адель его завораживает.

— Да, это так, говорил. Но к Адель у него только страсть, а еще больше хочет вымолить прощение своему роду. А вот Кара, его поразила в самое сердце. Как же я сразу это не рассмотрел. Все-таки с вампирами еще нужно попрактиковаться, тяжело читать их темные души. Идем-ка, а то Кара нам ничего не оставит, она сейчас ух, как голодна.

Гранд поднял валяющийся под ногами метательный кинжал и прервал попытки последнего из воронов уйти живым с этого поля боя.

— Нам же не нужны свидетели, друг, — развел он, словно извиняясь, руками.

Кален покачал головой, но улыбнулся.

— Мирра бы тебя осудила, но не я, старый друг. Что Воронам нужно от нее?

— Скорее всего она сама. Но давай спросим у нашего Ворона, может ему что-то известно.

Они нагнали вампиров у входа в пещеру, те самозабвенно целовались, наплевав на условности.

Гранд откашлялся, давая им понять, что они уже не одни. Себастьян едва смог оторваться от губ воительницы, его черные глаза блестели от счастья.

— Как стремительно у вас все происходит, вампиры же вроде долгожители, куда так коней гоните, — отводя взгляд от сияющих черных глаз Кары спросил Кален.

— А ты завидуй молча! — оскалилась Кара. — Я же не твоя недотрога остроухая, чтоб от своего счастья за тридевять земель прятаться. Я предпочитаю его поближе держать, чтоб всегда можно было потрогать и поцеловать.

— Слышу знакомые голоса, — раздался голос Энель из пещеры. — Но понять не могу, о чем речь идет.

Четверо перепачканных кровью врагов воинов вошли в пещеру и Кара, сморщив носик, тут же уткнулась в грудь Себастьяна.

— Фу, что за вонь?

Себастьян расхохотался, приглаживая короткие волосы воительницы и ласково целуя ее в макушку.

— Так пахнут эльфы, даже полукровки, дорогая.

— Дорогая? — удивленно переспросила Энель.

— Вонь? — возмутился Лерд. — Да ты и сама воняешь, как зомби, Кара! Клыкастый тебя все-таки укусил? Вот знал же я что нельзя доверять вампиру! Вот дерьмо, пойду-ка я выйду, а то меня сейчас вывернет. А этот запах уж точно будет лишним в таком замкнутом пространстве.

Эльф едва сдерживая рвотные позывы выскочил на свежий воздух.

— Укусил? — Энель сидела у костра, в ее широко раскрытых глазах читалось смятение. — Укусил!??

Кара все еще не оторвалась от груди Себастьяна и кажется совсем позабыла о том, что они здесь совсем не одни.

— Похоже, рассказывать придется мне, — присел у костра Кален. — Да, Энель. Кара теперь — вампир. Себастьяну пришлось ее укусить, чтобы она не умерла. Она спасла мне жизнь, один из воронов метнул нож мне в спину, а Кара отважно прикрыла меня собой. Она умирала. Шансов не было. Если бы здесь была Мирриэль, возможно мы бы смогли спасти ее другим способом, но ни ее, ни Адель здесь нет, и нам пришлось действовать по обстоятельствам.

— Так, — потирая виски проговорила Энель. — Это я поняла, но почему она виснет на нем, а он называет ее дорогой?

— Это побочный эффект воскрешения таким способом. Теперь они связаны, пока Кара не привыкнет к своему новому... мировоззрению. Себастьян пообещал позаботится о ней, — Кален положил на огонь остатки еды. — пока она будет осваиваться. Но дело в том, что ей на данном этапе противопоказано общение с людьми.

— Она может их покусать, — понимающе кивнула Энель.

— Именно, поэтому общество Себастьяна — наилучший вариант, — закончил Кален.

— Все понятно, — улыбнулась Энель. — Ну, что же, я рада, что она наконец-то перестанет доставать тебя своей ревностью и сама будет получать удовольствие от общения с другим мужчиной. Я рада за нее, вопреки здравому смыслу.

— Ты сама как себя чувствуешь, — заботливо подавая ей флягу с водой поинтересовался Гранд.

— Ну, Лерд напичкал меня противоядием. Кое-как мы обработали раны, теперь мне нужно поесть и поспать.

— Давай-ка я осмотрю тебя, — присаживаясь рядом с ней Гранд начал осматривать раны.

Учуяв запах свежей крови резко дернулась Кара, но Себастьян успел ее остановить и

крепко прижал к себе.

— Сейчас мы с тобой поедим. Кален, я не могу ручаться за вашу безопасность ночью. Нам нужно будет уйти. Ночью зов крови гораздо сильнее, она может не выдержать. Тебе придется обходиться без моей помощи, командор, опять. Твой кошмар возвращается.

— Спасибо, тебе и за эти несколько дней передышки. Я славно отдохнул и выспался. Теперь я как новенький, снова готов взвалить на свои плечи тяжесть этого мира.

— Я рад был помочь, Кален, — ему приходилось все сильнее прижимать к себе Кару, чтобы она не набросилась на кого-нибудь. — Лучше нам удалиться прямо сейчас, поужинаем на природе, ты не против, милая? Мы вернемся утром. Доброй вам ночи, мы будем поблизости, так что никто не побеспокоит вас, можете не волноваться.

Себастьян крепче ухватил Кару за талию и вытащил наружу. Стоило вампирам выйти, вернулся Лерд. Бледный и измученный.

— Вот же, зараза, весь ужин вышел. Терпеть одного вампира — это еще куда ни шло, но двоих — это уже слишком. Кто бы мог подумать, а они очень милая пара. Я голоден, как волк, демон меня раздери, хотя в нашем случае — это уже не ругательство, а пожелание встречи с определенным демоном. Нда, как скучно я жил, пока не встретил вас, друзья мои, — Лерд попытался обнять всех присутствующих одним махом, но у него ничего не вышло, не слишком переживая из-за этого эльф стащил с огня уже подогретую тушку птицы и с удовольствием приступил к еде.

Компания последовала его примеру и в пещере повисла тишина, нарушаемая лишь активным движением челюстей и довольным урчанием наполняемых животов. Когда с ужином было покончено все расселись у костра. Гранд хотел подняться, но Энель удержала его за руку.

— Побудь со мной, — прошептала она. — Мне было так страшно сегодня, впервые за очень долгое время, я вдруг поняла, что могу потерять не только жизнь. Я боялась больше никогда не увидеть тебя, боялась, что не успею тебе сказать, что с тобой, я готова быть просто человеком.

Он опустился рядом с ней и нежно обнял за плечи.

— Я бы не позволил этому случиться. Даже если бы мне пришлось идти за тобой в мир тьмы, я и там бы нашел тебя, чтобы услышать эти слова, рыжик, — он крепко ее обнял.

— Какая мерзость, — отвернулся от них Лерд. — Это эпидемия? Все вокруг распускают нюни и влюбляются. Ладно с этими все понятно, они уже давно только и ждали момента, но Кара, от нее я такого никак не ожидал. Кален, тебе не противно на это смотреть? Для полного счастья осталось только нам с тобой обняться, человек и все, полный комплект!

Эльф раскинул руки, пытаясь ухватить Видящего в свои объятия, но Кален с улыбкой увернулся от такого проявления нежности.

— Нет уж, Лерд, с такими предложениями точно не ко мне, но есть у нас один знакомый имперец, который не откажет тебе в таком удовольствии, — подавляя внезапный приступ уже позабытой боли проговорил Кален. — И я буду счастлив, если у моих подруг, наконец, сложится личная жизнь, они все-таки девочки, хотя и не любят об этом вспоминать.

— И ты туда же, хотя, чему я удивляюсь в тебе кипит вулкан страстей древнего божества. За что мне все это? — задал Лерд риторический вопрос.

— Не это тревожит меня, — прервал его высокопарные речи Кален. — Лерд, что нужно воронам от Мирры?

— А то ты не знаешь, — язвительно отрезал эльф. — Они приняли заказ. Только вот заказ странный. Они не пытались убить Адель, они хотели взять ее живой.

— Калисто, — вздохнул командор, сжимая виски. — Это она, сомнений нет. Змея, сама не решилась идти по ее следу, отправила убийц. Теперь я даже рад, что Адель здесь. С ней они точно не управятся.

— Но их слишком много, — встряла Энель. — Не мог магистр послать три десятка человек за одной Мирриэль.

— Меня это тоже смущает, — признался эльф. — Скорее всего есть еще одна цель. Но вот кто это, я даже подумать не могу. Нужно было хоть одного допросить, а не валить всех, как деревья.

— Ну, есть надежда, что Адель что-то узнает, — произнес Гранд. — Ей они точно все расскажут.

— Давайте-ка отдыхать, — сквозь зубы процедил Кален. — Гранд, я буду просить тебя нести стражу, наш вампир не предупредил, что мне будет на столько плохо, я боюсь, что могу натворить беды.

— Хорошо, друг, — улыбнулся Гранд. — Мы и не планировали пока что спать, нам нужно о многом поговорить, я прав, рыжик?

Энель ничего не ответила лишь с удовольствием прижалась к его теплой ладони щекой.

— Какая гадость, — повторился Лерд и отвернулся от влюбленных, поплотнее закутываясь в теплый плащ.

За пределами их теплой пещеры раздавался вой ветра, нарушаемый время от времени странными звуками то ли рыком, то ли смехом, то ли стоном. Люди лишь переглянулись и улыбнулись. Вампиры, жажда крови, видимо, пробуждает зверскую страсть.

Глава 21.

Уже через день ей удалось оценить всю ценность советов Огюстоса. Встретившиеся ей демоны, хоть и были настроены решительно, но стоило им увидеть ее неудовольствие, как они отступали, предпочитая искать благосклонности у более легких, но не менее привлекательных особ. Связываться с принцессой тьмы, никто не хотел. Мирре уже даже нравилось это пристальное внимание к своей особе, она наслаждалась горящими взглядами и сладкими речами. Несколько раз ей в голову даже приходила мысль уступить их настойчивым ухаживаниям, но в последний момент она все равно передумывала. Призывала энергию смерти, и всем своим видом демонстрировала неудовольствие. Это быстро охлаждало пыл демонов, и они предпочитали откланяться, пока их не распылили. Путешествуя по этому миру, она больше не чувствовала отторжения. Она была частью этого. И медленно в ней крепла уверенность в том, что она необычайно счастлива. Подумать только, ей выпало столько удивительных возможностей, она обладает такими силами, она может вершить великие дела. Она больше не была робкой эльфийкой, она поняла, что она всегда была другой, просто не могла этого осознать и использовала нежный образ для прикрытия, чтобы обезопасить себя и не выдать всех своих возможностей. С каждым шагом ей становилось легче. Самодовольная ухмылка уже не покидала ее лица. Да, эти ощущения были близки к тем, что она испытала, когда впервые обратилась к энергии смерти, но сейчас они были естественны и не вызвали желания побыстрее избавиться от этого. Она нашла в своей душе ту бесконечно маленькую точку равновесия, которая позволяла ей прощать себя

за любые поступки, ради высшей цели. Уже к исходу четвертого дня она вышла из небольшого лесочка к горной гряде и увидела пещеры лурнаков. Ей предстояло искать здесь душу Элрины. Для чего? Чтобы поговорить с ней и убедиться, что она не стала демоном, чтобы, когда придет время, она знала где ее искать. Сомнений больше не было, когда придет время она отнимет жизнь, чтобы вернуть к жизни эту женщину. Она отдаст ей то колечко, не станет испытывать судьбу и причинять боль другу Калена. Она вернет ему счастье. Для нее это стало навязчивой идеей, словно вернув этим двоим возможность быть вместе, она сможет получить свой кусочек счастья, свою частицу радости, выторговать возможность быть вместе и для нее с Каленом. Она не знала, торгуются ли всемогущие, но ей очень хотелось в это верить.

С этой уверенностью она вступила в пещеры лурнаков. Впервые встретив этих мерзких тварей, она скривилась от отвращения, но в этом мире все знали вспыльчивый характер принцессы Адель, лурнаки поспешили приклонить колени, опасаясь ее гнева. Она не знала, разумны ли эти твари и потому не стала с ними говорить. Долгие часы и дни она бродила по их пещерам в поисках Элрины. Лурнаки сопровождали ее, скорее всего это был почетный конвой. Устав от бесконечных блужданий она присела на замшелый валун. Рядом с ней тут же оказался один из конвоиров, подавая ей флягу, лурнак низко склонил голову. В ее голове зазвучал очень низкий голос.

— Можем мы еще чем-то угодить принцессе тьмы? Мы не были готовы к вашему визиту, но вам стоит лишь намекнуть, мы будем рады помочь.

Приняв флягу, она попыталась скрыть свое удивление. Это было так странно. Там, в другом мире их считали безмолвными зловещими тварями, а они были не только разумны, но и обладали даром мысленной речи.

— Чем вызван ваш визит, принцесса? Мы не нарушили вашего приказа, не выходили в другом мире дальше наших пещер, надеюсь, мы ничем не вызвали вашего неодобрения.

— Ничуть, — спокойно ответила она ему. — Вот решила посмотреть, как вы устроились, после моего распоряжения.

— Я не могу сказать, что у нас все хорошо, принцесса, — почти уныло прозвучал голос в голове. — Лурнаки далеко не самые могучие из жителей этого мира, а энергия жизни, нам нужна не меньше, чем всем остальным, особенно учитывая, что в своих прошлых жизнях мы привыкли получать ее в достатке. Но ваше распоряжение на запрет нашей магии мы строго соблюдаем. Никто не смеет использовать свои прошлые навыки здесь.

Магия, она едва не содрогнулась. Так вот во что превращаются после окончания пути людские маги, вот чем они расплачиваются за противоестественную для их рода магию. Своим посмертием.

— Мне хочется верить тебе, — осторожно подбирая слова произнесла она.

— Вы можете не сомневаться, принцесса. Мы усвоили прошлый урок. Никто из нас больше не пытался передавать знания или как-то влиять на магов в том мире. Больше такого не повторится. Мы даже обходим стороной ту неприкаянную душу, что заблудилась в наших пещерах и ищет мщения.

Она едва сдержала порыв радости. Скрыв свои эмоции, она нахмурила брови.

— Что за душа?

— О, принцесса, это давняя история. Она пришла в наши пещеры в верхнем мире и немало успела натворить там, в поисках отмщения. Она была ранена во время войны и решила не дожидаться мучительной смерти, мы не смели ослушаться твоего приказа и не

тронули ее, но она то и дело находила наших и уничтожала их. Мы смиренно терпели ее выходки, пока она была жива. Умерла она в одной из наших пещер, но с тех пор, мы просто обходим ее стороной, чтобы не нервировать. Заблудшая душа, которая так и не смогла принять свою смерть.

— Изводит вас? — будто бы из праздного интереса спросила она.

— Не то что бы сильно, но избавиться от нее будем рады.

— Постараюсь помочь, но ничего не обещаю, — с деланным безразличием пообещала она. — Вы мне только укажите, где ее найти, а там я уж подумаю, как вам помочь.

— Конечно, принцесса. Здесь недалеко.

Она мысленно поздравила себя с такой удачей и нехотя поднялась с камня, давая понять лурнаку, что готова отправиться в путь.

Он вел ее извилистыми пещерами. Иногда они были огромны, их своды терялись в темноте. Но пройдя огромным залом можно было попасть в узкий лаз, где приходилось продвигаться ползком, крепко вжимаясь животом и бедрами в острые камни. А еще мы пересекали ручьи, реки, и огромные бездонные гроты, где нам любезно предоставляли переправу все те же лурнаки. Сопровождающий спрашивал ее желает ли она посетить их поселения, но она отказалась, сославшись на неотложные дела и общую занятость. Лурнак лишь кивнул. Она уже давно потерялась в этих лабиринтах, и сама точно плутала бы здесь долгие-долгие недели, если не годы. Внезапно пещеры окончились и ей в глаза ударил яркий свет черного солнца.

— Я не пойду дальше, принцесса. Тебе нужно выйти из этой пещеры и свернуть в ближайшую справа. Там ты найдешь ее.

Он уже собирался уходить, но остановился и обернулся.

— Ты же не принцесса? Но ты часть ее, а она часть тебя. Так зачем ты здесь, бессмертная в теле смертной?

— Магов не так просто обмануть, даже если они уже мертвы, — слабо попыталась улыбнуться Мирриэль. — Меня привел сюда мой путь, мой рок. Я искала именно ее и благодарна тебе за помощь.

— Ты вершишь судьбу миров, хотя все что у тебя есть — это твоя смертная оболочка. Ты отважна и безрассудна. Ты несешь непосильную ношу, но несешь ее достойно. Если принцесса доверилась тебе, значит стоит довериться и нам всем. Я желаю тебе пройти свой путь, незнакомка. Завершив его, ты принесешь покой и порядок в оба мира. С нас будет снято это проклятие, которое на той стороне считают даром. Мы сможем стать достойными духами. Потому я и привел тебя туда, куда следовало, я желаю тебе удачи, дитя Равновесия.

— Вы не теряете память прошлых жизней, как все остальные, — удивилась Мирриэль.

— У нас нет права на перерождение, мы живем лишь одну жизнь, проклятую нашим даром, и после этого, мы становимся лурнаками. Когда ты свершишь предрешенное, мы будем прощены и будем иметь право вернуться в колесо жизни и забыть наши прошлые ошибки, мы обретем вечность. Я желаю тебе удачи, от этого зависит наша судьба.

Он больше не стал ничего говорить, лишь кивнул и ушел.

— В этом мире, все зависит от меня, как и в том. Я уже начинаю чувствовать себя богиней.

Она вышла на свет и повернула направо. Но тут она почувствовала вспыхнувшую в груди Адель ненависть и обратилась к ней.

— Адель, что случилось?

— Отстань, зараза, не до тебя сейчас! — огрызнулась демонесса.

— Говори быстро! — жестко приказала Мирриэль.

— Ты хочешь чтобы я спасла твоих друзей? Тогда заткнись и не отвлекай меня!

— Адель, — настойчиво произнесла Мирра. — Что с ними?

— Их окружили Вороны, дай мне с ними расправиться и помочь твоим неудачникам, потом поболтаем!

— Адель, ты должна отвлечь убийц, уведи их за собой, а потом убей всех. Оставь парочку для допроса. Нужно узнать, кто дал заказ и, кто жертва. Ты понимаешь? Отвлеки на себя. Они наверняка пришли за мной!

— Да иди ты со своими советами, дура! Дай я их прикончу прямо тут!

— Не смей! Мои друзья мне не простят такого унижения, они сами должны справиться, иначе вместо их дружбы я получу страх и ненависть.

— Дура ты! — изощренно ругаясь, констатировала Адель. — Проще было бы сделать по-моему. Ладно, сделаю как просишь ты, хотя это неразумно и гораздо более опасно. Ты простишь себя если кто-то из них погибнет из-за твоей прихоти?

— Они придут в твое царство, и ты позаботишься о них. Но я знаю их судьбу. Они не умрут сегодня.

Мирриэль опустила на горячий камень переводя дух, влиять на Адель из этого мира было сложно, но она справилась, как всегда. А сможет ли она быть такой же убедительной, когда встретится с голубыми глазами Калена. Сможет ли она объяснить ему, что их время пришло? Или ему опять удастся спрятаться за возвышенными словами и пустыми обещаниями, их время таяло, как снег под весенним солнцем.

— Придется быть более убедительной и настойчивой, — вздохнула она. — Здесь мне приходится отбиваться от посягательств, а там самой придется посягать и не замечать возражений, но так больше не может продолжаться, а то и в этот раз мы упустим момент. Тяжела жизнь спасителей миров, демон меня...

— Кто здесь? — нарушил ее размышления высокий голос.

Мирра поднялась и направилась в пещеру.

Полумрак пещеры нарушало слабое пламя тлеющего костра. У костра сидела эльфийка со светлыми волосами. Она напряженно вглядывалась в слепящий свет, сжимая лежащий рядом меч.

— Элрина, — спокойно произнесла Мирриэль. — Что ты делаешь здесь?

Она сама себя обругала, но ничего другого не пришло ей на ум.

— Я не помню тебя, — пытаюсь рассмотреть ее ответила эльфийка. — Извини, что встретила тебя с оружием, но тут полно этих тварей. Как ты сюда попала?

— Их зовут лурнаками, Элрина. И для меня они не опасны. Меня послал Астер, он ищет тебя повсюду. Он тоскует.

— Я не могу вернуться, — печально склонившись к костру прошептала она. — Я умираю, и не хочу причинять ему боли. Скажи своему королю, что не нашла меня. Оставь все как есть.

Мирриэль закусила губу, дух действительно не понимал, что уже давно мертв. И как вывести из мира тьмы того, кто не знает, что он мертв? Да уж, над этой задачей стоит подумать хорошенько.

— Я устала, позволишь согреться у твоего костра?

— Конечно, — устало улыбнулась бледными губами Элрина. — Я так давно не говорила

ни с кем. Здесь только эти твари, а с ними у меня разговор короткий.

Сидя у костра Мирра смотрела на слабую тень той, которая когда-то, так давно явилась в ее сон, чтобы научить ее владению оружием. Щеки эльфийки впали, кожа приобрела серый оттенок, глаза потухли и потеряли цвет. Она была похожа на изваяние из пепла, одно прикосновение, и она рассыплется прахом. Сердце Мирриэль сжалось от скорби. Неужели это ждет и их? Они будут блуждать в этом мире, так и не осознав, что они уже не живы? Будут так же стремиться на встречу друг к другу и не смогут понять, что никогда не смогут покинуть места своей гибели. В душу закралась тоска, а что если это уже произошло? Что если она уже мертва и просто не может этого понять? Что если их история тоже уже закончена, как и история этих двоих. Они тоже были героями и надеждой, тоже любили... Нет-нет, этого не может быть! Она только у входа в пещеру ругалась с Адель! Она жива! А что если и это ей лишь кажется? Что если это мираж, сон, морок.

— Одно лишь твое слово и все закончится, — мерзко шептал ей на ухо голос мастера пыток.

Она вздрогнула, сжимая рукоятки своих кинжалов. Нет-нет, все закончилось, все прошло! Он пришел за ней, спас. Они целовались, наслаждаясь близостью и свободой!

— Это лишь морок, девочка моя сладкая, — опять шептал пыточник. — Ничего не было, лишь темные своды камеры и твои муки. Только это действительность, все остальное иллюзия, сводящая тебе с ума!

Она закрыла глаза, сдерживая слезы. Нет, не правда. Она сама пришла в мир тьмы, поменявшись с демоном телами! Сама выбрала этот путь!

В ответ раздался лишь его гадкий смешок.

— Ты так хочешь обманываться, дуреха? Ты в моих руках. Я могу сделать с тобой все, что захочу. Пытать и заживлять раны, убивать и воскрешать, ты моя любимая игрушка, мое лучшее творение. Сама подумай, какие орки? Какие драконы? Какое перерождение и всемогущие духи? Ты одна, совсем одна! И вся в моей власти! — в грудь впились пеньки зубов и по-хозяйски прошлась по животу грубая ладонь, вызывая дрожь отвращения.

Ее начал бить озноб, в спину снова впились холодные камни пыточного стола. Ноги и руки свело от боли. Впились в запястья, удерживающие ее на столе, оковы, а шею расцарапали шипы ошейника. Она дернулась и сознание померкло.

Глава 22.

Адель сидела за столом в просторной богато украшенной комнате. На ее губах сияла игривая улыбка. Дом свиданий. Что ж, пожалуй, сложно найти более подходящее место для демона. Она мило болтала с мужчинами, которые присаживались к ее столику, кокетничала, строила глазки и даже обнадеживала, но лишь до момента, когда ей предлагали подняться в уютные спальни. Услышав предложение, она смеялась и шептала что-то на ухо собеседнику, это заставляло его лицо сереть от злости, и он испарялся. А она опять наслаждалась одиночеством и отличным вином. Она точно знала, зачем она здесь, Вороны никак не могли предвидеть, что пытать их будут не смертные, а демон. Они рассказали ей все. И про заказ на Мирриэль и про другой заказ. Имя заказчика ее ничуть не удивило, но удивило имя второй жертвы и мотивы. Она была демоном, но даже у них не были в ходу такие дворцовые интриги. Ее опять охватывало презрение к этим низким существам. Лишь наполняющая ее энергия, подаренная маленькой девочкой из захудалой деревушки, вселяла в нее веру в хороший исход мероприятия. Время давно перевалило за полночь. Она уже собиралась

уходить, как и три дня подряд до этого, но дверь открылась и в помещение скользнула укутанная плащом фигура. Адель остановилась и присмотрелась. Сбросив плащ, высокая светловолосая женщина осмотрелась. Адель хищно улыбнулась.

— Поверь, Мирра, так надо, — шепнула она самой себе и широко улыбнулась, когда взгляд женщины остановился на ней.

Блондинка внимательно ее изучила и направилась напрямиком к ее столику.

— Привет, — проворковала она. — Такая красotka и все еще одна.

Адель недовольно поморщилась.

— Одни мужланы, а мне так хочется нежности, — быстро прояснила она ситуацию.

Блондинка улыбнулась.

— Ты права, здесь редко можно встретить что-то особенное. Но я прежде тебя никогда не видела. Новенькая?

— Да, я странствую, вот решила посмотреть на что похожи элитные заведения столицы, но только все напрасно, ничего стоящего тут нет, — она зевнула, демонстрируя свое разочарование, и изящно прикрыла рот тонкой ладонью. — Пора отправляться в свою холодную постель.

— Не спеши, — удержала ее за руку блондинка. — Кто знает. Быть может тебе, наконец, повезло?

Женщина рассмеялась и многозначительно посмотрела в черные глаза демонессы. Адель внимательно рассмотрела затянутую корсетом талию собеседницы, оценивающий взгляд задержался на едва не вываливающейся из плотной ткани упругой груди, она задержала взгляд на обнаженных плечах и удовлетворенно кивнула.

— Быть может, все еще изменится. Давай выпьем? — предложила Адель, наливая вино в высокий бокал. — Мое имя Адель. А как я могу называть тебя, нимфа?

— Меня зовут Молли, — улыбнулась женщина.

«Есть!» мысленно поздравила себя Адель.

Они пили и болтали, как старые подруги. То и дело Молли томно вздыхала, а Адель пересела поближе к собеседнице и аккуратно поглаживала ее ногу, задрапированную кучей ткани. К концу первой бутылки, Адель поняла, что наступило время действовать и, прикрывая собой свою собеседницу, аккуратно запустила свою руку ей под юбку, дотронувшись до тонкой кожи, она почувствовала, как легкая дрожь пробежала по телу Молли.

— Я не тороплюсь? — поинтересовалась она, поглаживая колено и позволяя себе поднимать руку все выше по ноге вздрагивающей женщины.

Молли закатила глаза и закусив губу, отрицательно покачала головой.

«Мирра, надеюсь, заниматься этим с женщиной ты мне позволишь? Это ведь не измена в обычном ее понимании? Я права? К тому же это необходимо для общего дела, так что заткнись, где бы ты ни была и дай мне действовать. Только вот не вздумай появляться в самый неудобный момент, отлуплю!». Ответа не было. Уже несколько дней от нее не было никаких вестей, она никак не реагировала на выходки Адель и даже не пыталась ее приструнить, когда она откровенно флиртowała с мужчинами. Адель отогнала беспокойство, решив разобраться с этим после.

Адель склонилась к уху своей жертвы и нежно отодвинув мешающую прядь волос, начала нашептывать ей пошлости, рассказывая, что она умеет и как будет все это делать. У Молли округлились глаза, а нежные пальцы путницы уже притронулись к самому

сокровенному, заставляя ее сдерживать стоны.

— Умоляю, — прошептала Молли. — Пойдем наверх. Не мучь меня больше, я сейчас просто заплачу от желания.

Адель самодовольно улыбнулась и убрала руку из-под ее юбки.

«Как все просто, неприступная советница королевы Миранды, уже умоляет меня уединиться с ней. А нам только того и нужно.»

Молли схватила за руку свою мучительницу и потянула за собой по широкой лестнице. Их ожидала шикарная спальня с огромной кроватью и огромным количеством всевозможных игрушек. Адель улыбнулась, заметив тяжелые оковы и тонкую шелковую плетку, все складывалось лучше, чем она могла даже предположить. Приближенная королевы оказалась обладательницей довольно вольных нравов, что было на руку демонессе.

Едва за ними закрылась дверь Молли набросилась на нее с поцелуями, Адель ответила. Нежно лобзая губы своей пленницы, Адель неотвратимо толкала ее к широкой кровати. Когда язык Адель проник глубоко в горло женщины, она попыталась вырваться, но демонесса лишь крепче сжала ее локти, заводя руки назад. Раздался громкий щелчок, оковы захлопнулись, теперь Молли была прикована к изголовью.

Адель отпустила ее, толкнув на кровать.

— Вот это да! — изумленно выдохнула Молли. — Это было удивительно. Но может быть ты дашь мне снять платье, моя страстная?

— Неа, — покачала головой Адель. — Не дам. Думаю, что у тебя достаточно платьев и одним можно пожертвовать.

В ее руках блеснул нож, насладившись игрой света на его острие, она приставила тонкое лезвие к шее женщины.

— Не двигайся, иначе я тебя порежу.

Молли сдавленно вскрикнула. Но Адель опять ее удивила, она не причинила ей боли, лишь аккуратно распорол тонкую ткань, позволяя остаткам платья упасть к ногам замершей женщины.

— Ты должна научиться мне доверять, Молли. Я не причиню тебе вреда, пока ты будешь меня слушаться. Зачем ты носишь эти тряпки? У тебя чудесная грудь, так и хочется прикоснуться губами к ее темным вершинам, — произнесла Адель кончиками пальцев дотрагиваясь до твердеющих сосков.

Молли застонала и упала на кровать. Демонесса опять самодовольно улыбнулась, радуясь, что людям надо так мало. Нежно покрывая поцелуями тело женщины, Адель ловко застегнула ножные кандалы на ее лодыжках. И уселась сверху на обнаженное тело, продолжая ласки. Шло время, Молли билась в конвульсиях экстаза, а Адель даже не расстегнула ни одной пуговицы на излишне скромном, по ее мнению, наряде.

— Ты хочешь продолжения, Молли? Хочешь, чтобы я не останавливалась?

— Да, — сдавленно прошептала женщина. — Молю, не останавливайся!

— Я продолжу, — пообещала Адель. — И ты получишь незабываемое удовольствие, но сперва сделай кое-что для меня.

— Все что пожелаешь, только не останавливайся!

В глазах Адель появилась жестокость.

— Кто должен занять место королевы, когда она будет убита Воронами?

— Я! — прокричала Молли. — Я — дочь магистра.

Адель удивленно уставилась на распластавшуюся под ней женщину.

— Вот как? Неожиданный поворот. И каков же план твоего батюшки?

— Фредерика убьют завтра, ночью. Все будет указывать на Миранду, народ ее казнит, за братоубийство и трон займу я, как приближенная королевы, как единственный свидетель ее преступления. Если же люди отца не смогут добраться до Фредерика в его замке, то на балу будет убита Миранда, — стонала и извивалась Молли в ожидании продолжения ласк.

— Завтра? Времени осталось совсем мало. Что ж вы вечно так торопитесь, людишки? Я-то надеялась, что, позабавившись с тобой, смогу тебя отпустить, но раз так, милая, у меня нет выхода, ты умрешь. Я не могу так рисковать. На кону стоит процветание моего мира, а ты будешь этому мешать. Да и твой папашка призадумается, о том, с кем стоит иметь дело, а кого лучше не трогать, получив твою чудесную светловолосую головку в подарок. И да, ты никудышная любовница.

Адель вонзила кинжал в обнаженную грудь женщины.

— Завтра, демон тебя раздери, если эта компашка все еще прохлаждается в пещерах лурнаков, они никак не успеют сюда добраться. Опять всю грязную работу придется делать самой! И все ради тебя, Мирриэль, надеюсь ты хорошо развлекаешься в моем мире! Я в твоём, вот ни минуты покоя не знаю, вечно что-то разруливать приходится!

Произнося это, она умело отделяла голову несостоявшейся любовницы от туловища.

Завернув свою страшную посылку в остатки платья, она спрятала сверток под плащом и вышла, затворив за собой дверь. На губах демона играла злобная улыбка.

Выйдя за дверь заведения, она накинула на голову капюшон и быстрым шагом направилась на окраину. Она остановилась у двери заброшенного дома в трущобах. Быстро отворив дверь, она оказалась внутри. На раскрытой ладони вспыхнул огонек. Человека бы начало воротить от запаха разлагающихся тел, но она не была человеком, ей было все равно, а вот пытаться захоронить останки Воронов, было бы опрометчиво, можно было попасть на глаза страже, а разбираться еще и с ними не было никакого желания. Отпихнув сапогом, безжизненное тело, она спустилась в подвал. Висящий на цепях человек вздрогнул, заметив огонь.

— Успокойся, Ворон, я не в настроении сегодня забавляться с тобой. Хорошей все-таки было идеей оставить одного в живых. Будешь моим посыльным! И только попробуй не выполнить поручение, скотина! Найду и все, что ты видел, покажется тебе ласками матери, по сравнению с тем, что я сделаю с тобой.

— Да, госпожа, — смиренно прошептал человек. — Все что прикажешь, только не надо больше пыток.

— Я еще и не начинала, урод, так, забавлялась только. Так вот, передашь эту посылочку лично вашему магистру в руки с приветом от Хранителей и лично Мирриэль!

Она резко рванула цепи, удерживающие человека, наслаждаясь хрустом суставов.

— Все понял, Ворон?

Он не смог ничего сказать, лишь отчаянно закивал головой.

— То-то, — спокойнее произнесла она и ослабила цепи, позволив телу человека упасть на холодный пол. — Не забывай меня!

Она сняла с него цепи и, оставив «посылку», ушла.

Выйдя на улицу, она уверенно зашагала в сторону замка принца Фредерика.

— Опять все самой делать, хочу домой, надоела эта мышьяная возня, если бы не ты, Мирра, все бы уже давно бросила, — бурчала она себе под нос, но ответа опять не было. — Да где же ты? Даже ни слова не сказала, когда я эту девчонку убила, на тебя это не похоже.

Что там у тебя случилось? Что-то мне как-то не по себе.

Демонесса неосознанно дотронулась до своей шеи.

— Что-то не так, нужно тебя вытаскивать, эльфийка, опять ты во что-то влипла!

Придется идти на крайние меры.

Она спешила ко дворцу. Подойдя к воротам, она насторожилась.

— Стражи нет, но сильно пахнет кровью. А девчонка-то змеюкой была, зараза! Вороны уже здесь!

Адель выхватила хлыст и бегом направилась к парадной лестнице. На лужайке у входа она заметила три тела.

— Демон! А, это же я, даже ругнуться нормально не получается. А между тем, я опаздываю!

Она прибавила ходу. Она шла по кровавым следам убийц, пока не услышала шум битвы. Комната на втором этаже стала полем боя. Адель вступила в противостояние уже на подходе к комнате, в нее полетел кинжал одного из Воронов. Демонесса даже бровью не повела, просто выбросила смертельный поток энергии в сторону засады, оттуда раздались хрипы.

— Минус один, — улыбнулась она. — Или два. Надеюсь, Фредерик не только бабник, но и воин приличный, а то все мои попытки будут тщетны.

Она шла на шум битвы, разбрасывая врагов. Тут и там она видела отчаянно сопротивляющихся стражей, которые с недоумением смотрели ей вслед, когда она, не замедляя шага, расправлялась с людьми в черных одеждах. Молнией в воздухе блистал огненный хлыст рассекая тела и плавя легкие доспехи. До дрожи пугали ее черные бесстрастные глаза.

— Можете не благодарить, — легко бросила она, скрываясь за очередным поворотом длинного коридора. — Просто держите оборону, пока я буду спасать вашего принца.

А вот и искомая комната. Она четко различала там несколько десятков живых и около семи мертвых. Одни нападали, другие отбивались. Она ногой толкнула дверь, распахивая ее.

— А вот и я! — сообщила она. — Я вовремя? Самое веселье?

Демонесса самодовольно улыбнулась, опираясь спиной на дверной косяк, но ее улыбка тут же померкла, когда она увидела светловолосого воина, стоящего к ней спиной, и отбивающегося от атаки черных, лезущих в окно.

— Опаньки, — Адель крутанулась, отворачиваясь от него. — А нет, не вовремя! Слышь ты, громила голубоглазый, не смей поворачиваться, сейчас не самое подходящее время для возвращения твоей вечно сомневающейся во всем подружки! Вот разберемся с этой черной мразью, и я с удовольствием уступлю ей место.

— Адель! — воскликнула Энель. — Как я рада тебя видеть, демон!

Одна руку Энель была перевязана, она с трудом переставляла ногу, отбиваясь от нападков. Но спину ее прикрывал Гранд, он успевал сопротивляться и своим врагам, и с завидным постоянством отбивал удары, предназначенные шпионке. Лерд занимал позицию рядом со статным мужчиной, помогая тому держать оборону.

— Ты понял, мужчина мечты?

— Да понял я, понял, — рыкнул Кален не поворачиваясь. — Делом уж займись, демон, видишь едва держимся!

— А где Кара и Себастьян? Он должен был быть с вами!

— Заняты они, напару, — отбивая очередной удар проговорил Лерд. — Изменил тебе вампир легкомысленный, нашел подружку попривлекательнее.

— Шутишь? — бросила Адель. — Давай-ка, эльфенок, ты займи стрелковую позицию, с моим луком справишься?

— Ты бы замолкла, — не поворачивая головы проговорил Кален. — Тут враги все-таки, а ты болтаешь без умолку.

— Враги? — презрительно хмыкнула Адель. — Да пусть послушают, им жить-то осталось от силы пару минут, пусть наслаждаются!

Красный хлыст, словно горячий нож в масло, вошел в тело замахнувшегося для удара убийцы, и Адель оказалась рядом с темноволосым мужчиной, передавая свой огненный лук Лерду. Тот бесцеремонно срезал с ее пояса колчан со стрелами.

— Принц Фредерик, как я понимаю? — обернувшись к мужчине улыбнулась Адель.

— Именно так, прелестное создание, — слегка склонив голову отбил очередной выпад Фредерик.

— Ты слюни-то подбери, занята эта девочка! Хотя я бы на ее месте все же пошалила... Даже не думай поворачиваться, ревнивец, я пошутила! Ну-с, приступим. Эх, разгуляюсь!

Покончив с разговорами, Адель принялась планомерно уничтожать врагов. Повинуясь ее решительным действиям, хлыст вытворял невообразимое. Одним ударом она могла вывести из строя двух-трех противников. Пронзительно свистели черные стрелы, выискивая свои жертвы. Рассекая воздух, беззвучно убивали клинки Гранда. Верный стилет Энель тоже собирал свою кровавую дань.

Не оборачиваясь Кален произнес.

— Если вы тут и без меня управитесь, я бы проверил сад, мало ли кто там еще засел.

— И как ты собираешься выйти, болван? — ругнулась Адель.

— Так же как они входили, — огрызнулся командор и вылез в окно.

— Ишь ты, какой горячий, — доверительно прошептала Адель на ухо Фредерику.

Принц едва сдержал смех, не сводя восхищенных глаз со смертоносной красотки.

После появления демона прошло всего несколько минут, а битва была уже закончена.

Адель посмотрела на кровавое месиво под ногами и уселась на стол, возле которого до это стояла, поднимая ножки, чтобы не испачкать сапожки. Она закинула ногу на ногу и посмотрела на принца.

— Ну, вот и все. Рада была знакомству. Сейчас вернется этот герой-любовник, и я наконец-то отправлюсь домой. У вас, конечно, мило, но дома все же лучше, тем более меня там дела ждут, придется порядок наводить, после тысяч лет разрухи. А с вами уж дальше пусть ваша робкая красотка разбирается. Прости, принц, но тебе ничего не светит со мной, я знаешь ли, предпочитаю равных, а вам людишкам до наших, ой, как далеко. Никого не хотела обидеть! Ах, да, чуть не забыла, одна милая особа предупредила меня перед своей скоропостижной кончиной, что если не удастся убить Фредерика, то Вороны попытаются расправиться с его сестрицей, на балу, который, как я понимаю, назначен в ближайшее время. Так что будьте готовы.

— Спасибо, Адель, за помощь! — придерживая пошатывающуюся Энель проговорил Гранд.

— Так вы мне скажите, что там с Карой приключилось? Я ж сгораю от любопытства.

— Так она подставилась, спасая Калена, и Себастьяну пришлось ее укусить, чтобы она не умерла. Теперь он занимается ее воспитание, бедолага, — возвращая ей лук, проговорил Лерд. — Отличная игрушка, должен заметить, стрелять из такого — одно удовольствие.

— А ты себе оставь, эльф, будешь вспоминать демона добрым словом, — очаровательно

улыбнулась Адель. — А мне мои мастера еще сделают, не велика беда. Да и если вы тут все правильно сделаете, он мне и вовсе не понадобится. Вампир значит, пару себе нашел? Ну что ж, это просто отлично! А вы знали, что высшие возвращают только тех, с кем готовы провести вечность? Значит сделал выбор, рыжий искуситель. Тем лучше, его помощь много значила, придется простить их род, пусть возвращаются и помогают порядок наводить. А вы за нее не тревожьтесь, она в надежных руках, он из нее сделает очень правильного вампира. Ну где он там ходит? Я уже заждалась прямо.

Фредерик стоял, переводя удивленный взгляд с одного на другого.

— И вы все Хранители? Эльф-ворон, охотник на монстров, шпионка, Видящий, демон и вампиры? Милая компания! Меня возьмете? Я конечно заурядный человек, но очень уж хочется прибиться к вашей компании.

— О, принц, ты еще не всех видел, — улыбнулся Гранд. — Есть еще маги, гном, имперец со странными вкусами, орк и парочка драконов. Кстати, одна из вампиров — Ищущая Кара, ты должен ее помнить.

— Так вот о какой Каре шла речь? Я просто слов не нахожу! Как вы уживаетесь?

— Почти всегда нормально, — опираясь на руку Гранда Энель доковыляла до глубокого кресла и с облегчением опустилась в него. — А теперь, когда Кара перестанет доставать Калена своей необузданной ревностью, увлеченно развлекаясь со своим покровителем, и того лучше будет. Ваша преданность нашему делу будет принята с благодарностью, принц, хотя благодаря Адель, проблему с демонами можно считать исчерпанной. Больше нам не будут грозить ее подданные, так ведь принцесса?

— Именно так, Энель. Вам только стоит выполнить свое обещание, а за мной дело не станет.

— Принцесса? — Фредерик позволил себе поцеловать руку Адель. — Для меня было честью познакомиться с вами.

— Ой, прекрати эти церемонии, Фредерик, — игриво усмехнулась Адель. — А то, передумаю, и решу тебя навестить как-нибудь ночью, когда верну свое тело.

— Буду ждать каждую ночь, принцесса.

— Подхалим! — мягко упрекнула Адель принца.

В этот момент дверной проем заслонила крупная фигура Калена. Видящий стоял в дверях и смотрел на сидящую на столе демонессу. Она с улыбкой подняла на него свои черные глаза, и подняла руку в прощальном жесте. Ее обжег его пристальный взгляд, но вопреки ожиданиям, она не почувствовала, как Мирра рвется к нему на встречу. Ничего не происходило, ее жгло пламя его любви, но больше ничего.

— А у нее хороший вкус, я бы тоже в такого влюбилась, — растерянно проговорила Адель. — Но что-то она не спешит вернуться, и это меня тревожит. Эй, подружка, тут твой воздыхатель, жаждет встречи, ты где там?

Ответом ей была тишина и накотившее удушье. Адель закашлялась и судорожно стала хвататься за горло, словно пытаясь сорвать с шеи чьи-то сжимающиеся руки.

— Адель, — бросился к ней Фредерик.

Демонесса закатила глаза и начала медленно сползать со стола, хватаясь за его кромку, чтобы удержать равновесие.

— Проклятье на ее голову, — выплевывая сгустки крови прошептала Адель. — Что она натворила?

— Я себе задаю те же вопросы, чуть ли не каждый день, — поддержал ее Кален, его

горячая ладонь коснулась холодного локтя Адель, удерживая ее от падения. — Так и живем.

Стоило ему прикоснуться к ней, как она ощутила, внутреннее возмущение Мирриэль, она почувствовала это прикосновение. Решение опередило даже осознание.

— Бедолага, — почувствовала ему демонесса. — И никакой признательности со стороны этой дурехи. Но я-то другая, я умею быть благодарной.

Глаза Адель игриво блеснули, и она вопреки накатившей слабости, обвила руками его шею и прикоснулась к губам Видящего. Она увидела секундное замешательство в голубых глазах, но уставший от ожидания мужчина не смог контролировать себя и прижал к себе стройное тело демонессы, она была так похожа на его Мирриэль, она и была ею. В тот же миг, нарастающее возмущение вспыхнуло с небывалой силой и Адель закрыла глаза. Пальцы Калена перебирали непослушные волосы возлюбленной, от нее, как и всегда, пахло цветущими полями, он забыл о времени, он не мог заставить себя оторваться, он так долго ее ждал, так много должен ей сказать. Он оторвался от ее губ и прижал ее голову к своему плечу.

— Мирра, я так люблю тебя. Я больше не могу жить без тебя, — прошептал он ей на ухо.

— И я тоже, Кален, — ответил тихий шепот.

Он позволил ей поднять голову и встретил ее нежный взгляд сине-зеленых глаз.

— Ты вернулась, дуреха, как же ты опять меня напугала.

— Прости, задержалась, — улыбнулась она. — Но, когда ты стал целоваться с демоном я уже не могла стерпеть. И как тебе поцелуи принцессы тьмы?

— Чудесно, — улыбнулся он. — Но ничто по сравнению с твоими.

Мирриэль рассмеялась.

— Она просит тебе передать, что ты неблагодарная скотина и она еще тебе покажет! А что это здесь произошло? Где Кара? С ней все в порядке?

— Более или менее, — улыбнулась Энель. — Рада тебя видеть, Мирриэль. Мы волновались.

— А я скучала, по вам! Рассказывайте! Вот вреднющий демон, могла бы и прибраться, пока тут пустой болтовней занималась. Ей же это ничего не стоило!

— Разговор предстоит долгий, — вмешался принц. — Я с удовольствием послушаю, если вы позволите?

— Конечно, Фредерик, — улыбнулся Кален. — Тебе будет полезно узнать поближе новых соратников.

— В таком случае, оставим уборку моим слугам, а нам всем будет полезно посидеть у огня в каминном зале, перекусить и еще раз познакомиться. И обсудить предстоящий через два дня бал, на котором, как мы понимаем, будет совершено покушение на мою венценосную сестру.

Во время беседы в каминном зале Гранд не выпускал из рук ладонь Энель, то и дело склоняясь к ее уху что-о нашептывал. Лерд стоял у огня, наблюдая за игрой света и тени, стараясь слиться с интерьером и не привлекать внимания. Фредерик нервно вышагивал по комнате, слушая неторопливый рассказ Калена. А командор сидел на полу у кресла, где, поджав под себя ноги, устроилась Мирриэль. Она едва заметно касалась его волос, перебирала их тонкими пальцами, иногда, случайно дотрагивалась до шеи, но тут же, словно опомнившись, отдергивала руку. Он наслаждался редким ощущением спокойствия. Она была рядом, ей ничего не угрожало, он мог в любой момент поднять глаза и встретиться с ней

взглядом. От этого на душе было тепло и уютно, как и в самом каминном зале. Они долго беседовали, сперва Кален рассказывал Мирриэль, как они выбирались из окружения, как нашли Держащий небеса и на сколько удивительное это место, потом он рассказал про стычку с Карой и про Крису, как они отправились на его поиски, как встретились с Лердом и кем был этот странный полуэльф. Потом он рассказывал, как они гонялись за Адель, не зная даже точно цели своего преследования. О Себастьяне, о самоотверженности Кары, и о том, как они решили все-таки продолжить свой путь, несмотря на ранения Энель. Они вошли во дворец за несколько часов до нападения. А потом свой рассказ начала Мирриэль. Она не знала, что уже им известно и потому начала с того момента, как они расстались в Лоринге. Она не утаила разговора с Грандом, рассказала даже о том, что пыталась его убить, заподозрив в измене. Очень тихо, стараясь сдерживаться она рассказала о встрече с Калисто и Рыдгаром. О том, как им удалось спастись, о своем путешествии по эльфийским лесам и о том, как вернула Раирнаила. Рассказала о своих блужданиях по дикому лесу и о встрече с орками. Рассказала о первой встрече с Адель, опустив лишь самые откровенные подробности, рассказала о магах крови, о детях, о том, как впервые позволила Адель завладеть своим телом. Она говорила очень спокойно, но Кален чувствовал переполняющую ее боль, так словно это было его болью, он сомневался вместе с ней и принимал решения, стараясь поддержать ее он прижался затылком к ее коленям. Когда она закончила, свой рассказ начал Фредерик. Он рассказывал о своих бесполезных попытках образумить сестру, о захлебнувшемся восстании, о надеждах, которые он питал, рассчитывая на поддержку Хранителей. Когда разговоры были закончены, сквозь высокие окна каминного зала уже светило солнце. Фредерик предложил всем отправляться в спальни. Гранд с Энель переглянулись и сказали, что их вполне устроит одна спальня на двоих. Кален с надеждой поднял глаза на Мирриэль, но она сладко спала, свернувшись калачиком и подложив локоть под бледную щеку. Он улыбнулся и, накрыв ее теплым пледом, отправился спать. Вечером в кабинете Фредерика, где накануне развернулись кровавые события, собрались для обсуждения дальнейших действий. Присутствовали командиры Фредерика, сам принц, Гранд, Энель, Лерд и Кален. Мирру никто не стал будить, она все еще спала в каминном зале. Обсуждение проходило бурно, кто-то советовал не вмешиваться, пока Вороны не сделают свою работу, а уж потом, арестовать их и наказать по закону, но Кален был категорически против. Он понимал, что Мирра бы настаивала на мирном решении вопроса между братом и сестрой и уж точно, не позволит убить королеву. На столе были разложены многочисленные планы дворца Миранды, со всеми тайными ходами и скрытыми комнатами. Увлечшись обсуждением люди не заметили, как тихой тенью в комнату скользнула эльфийка и скрылась за широкими спинами командиров Фредерика, чтобы не привлечь к себе внимания. Единственным, кто заметил ее появления был Лерд, он приветливо улыбнулся ей, она ответила улыбкой и приложила палец к губам, давая понять, что не желает отвлекать собравшихся. Эльф кивнул и отвернулся. Около часа Лерд украдкой посматривал на Мирриэль. Она тихонечко сидела в темном уголке, слушая споры, но не вмешиваясь в них. Без труда ему удавалось различать мечтательную улыбку, скользившую по ее губам, когда раздавался голос Калена. Эта тихая нежность растрогала бывшего убийцу, он и сам начал улыбаться потихоньку.

— Нет-нет и нет, — громко сказал Кален и стукнул по столу. — Даже думать об этом забудь, Фредерик, мы не станем использовать твою сестру, как приманку и тем более мы не позволим ее убить. Все, хватит на сегодня, — Кален сжал виски руками, боль опять

накатила, подминая его под себя. — Мне нужно успокоиться, а тебе нужно все еще раз обдумать.

Первыми из комнаты, раскланявшись, вышли командиры. Лерд бросил быстрый взгляд в сторону Мирры, но она еще глубже вжалась в темный уголок и ее никто не заметил. Лерд улыбнулся, он понял, чего ждет юная эльфийка и решил ей помочь.

— Пойдемте, друзья, надеюсь принц Фредерик и сегодня не станет скупиться на вкусную еду и чудесное вино. Оставьте распри, давайте насладимся этим чудесным вечером. Смотрите, как приветливо светит нам луна, самое время для хорошей песни, правда, Беда? Подпоешь мне по старой памяти?

— Что ты задумал, старый лис? — подозрительно посмотрела на него Энель.

— Ничего, — прикрывая Мирриэль своей спиной сказал Лерд и широко распахнул дверь, скрывая эльфийку за широкой створкой. — Ты опять плохо думаешь обо мне, ученица! А между тем, помыслы мои чисты, как слеза девственницы. Идемте, я помню чудесную балладу по этому поводу, вам влюбленные, будет приятно ее послушать.

Фредерик улыбнулся и вышел первым, за ним последовала Энель, Гранд задержался и посмотрел на друга.

— Кален, ты с нами? Идем, тебе тоже не помешает отдохнуть.

Лерд закатил глаза и аккуратно толкнул Гранда в бок, указывая глазами на дверь он дал ему возможность увидеть притаившуюся там Мирру. Гранд едва не ударил себя по лбу кулаком, но вовремя спохватился и добавил, задумавшемуся командору.

— Хотя, Кален, ты что-то сегодня не важно выглядишь, может тебе просто нужно побыть одному?

— Да, Гранд, так будет лучше, — не отрываясь от изучения планов сказал Кален. — Я потом к вам присоединюсь.

— Очень сомневаюсь, — закрывая за собой дверь хитро произнес Лерд.

— Гранд, ты чего Калена не позвал, — спросила Энель.

— Он слегка занят, милая. И лучше ему не мешать.

— Что? — удивилась шпионка.

Гранд обнял ее и прошептал на ухо.

— Там Мирра, она спряталась за дверью, ждала пока окончится этот балаган, ты же не хочешь им мешать? Поверь им очень нужно это время.

Энель улыбнулась и поцеловала Гранда в губы.

— Мне ли не знать? Идемте. Фредерик, прикажи своим людям не заходить в эту часть замка, хотя бы до утра.

— Почему это? — удивился принц.

— Так нужно, принц! Просто сделай милость, — строго произнесла шпионка.

Принц пожал плечами, но распоряжение отдал.

Оставшись один Кален не смог сдержаться и застонал, сжимая голову руками.

— Себастьян, демон тебя раздери, лучше бы ты не давал мне того облегчения, теперь это становится еще мучительнее.

— Может быть я смогу помочь, командор? — Мирра положила руку ему на плечо.

— Мирриэль, — выдохнул он, пытаясь скрыть замешательство. — Ты откуда здесь?

— А ты не рад мне, Кален? Ты только скажи, я уйду, — солгала она.

— Ты не вовремя...

— Как раз наоборот, — она дотронулась до его щеки холодными пальцами. — Я — твое

лекарство, Кален.

Она присела на краешек стола, и потянула его за ворот рубахи заставляя наклониться. Легкая рука коснулась его лба, даря прохладу и облегчение.

— Ты весь горишь, Кален, — обеспокоенно сказала она и попыталась встать, задев бедром стоящую на краю стола чернильницу.

С хрустальным звоном разбилась о каменный пол изящная вещица. С этим звоном пала последняя выстроенная обоими оборона. Проводив вещицу взглядом, Кален поднял горящие глаза на свою возлюбленную. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, а потом она улыбнулась и потянула его к себе. В этот момент все остальное потеряло значение: кто они, где они, их статусы, звания, прошлое. Они были вдвоем. Он и она. Все остальное больше не имело смысла, спасение мира вполне может подождать, так же, как и древние божества, так же, как и все, что не давало им покоя все время. Больше не было ничего, только свет горящих глаз, в которых хотелось утонуть, только огонь разгорающегося внутри пожара. Едва их губы встретились она закрыла глаза, наслаждаясь ощущением навалившегося счастья. Горячие губы мужчины жадно впитывали ее дыхание, заставляя сердце трепетать, а душу взмывать в неведомые дали. Как долго они ждали этого, как труден был их путь, они заслужили несколько часов спокойствия и блаженства. Она отвечала на его поцелуй, неистово прижимаясь к его губам. Долгий поцелуй кружил голову, все было, как во сне. Его губы жадно накрывали ее рот. Словно в первый или в последний раз. Словно не было других поцелуев, словно они только сегодня встретились и не было этих скитаний и мытарств. Словно все только сейчас начинается для них. Тяжелым молотом ударило сердце, когда он оторвался от ее губ и аккуратно поправил выбившуюся прядь волос заложив ее за острое ушко.

«Только бы он опять все не испортил, — мысленно просила она.»

Она обвила руками его шею и решила, что не отпустит его, не сегодня, и точно не сейчас. Тонкие ладони скользнули по шее мужчины, освобождая обжигающую каждым прикосновением кожу. Он прикоснулся к ее щеке, грубая ладонь едва касалась кожи, словно боясь оцарапать, причинить боль. В голубых глазах без труда читалась нежность и страсть. Не выдержав ее молящего взгляда губы Калена коснулись тонкой шеи. Водоворот страсти уже захватил его, он понимал, что дальше будет только хуже, нет лучше. Сделав над собой невероятное усилие, он оторвался от нее, оперся на стол руками, и опустил голову.

— Мирриэль, мы не должны. Нужно остановиться, пока еще не поздно...

— Кален, — она приподняла его лицо за подбородок, заставляя его смотреть себе в глаза. — Милый, завтра может быть уже поздно, понимаешь? Завтра может появиться Кали, меня может достать кто-то из Воронов. Жизнь так коротка, Кален, а мы так бездарно тратим отпущенное нам время. Я не хочу тебя отпускать, я не могу больше притворяться. Мне не нужны предлоги и оправдания, Кален. Мне не нужно ничье одобрение и мне плевать на осуждение. Я была в мире демонов, я была демоном. Ты не представляешь через что мне пришлось пройти. Но я всегда сдерживалась, потому что знала, что хочу принадлежать только одному человеку, Кален. Тебе. Мне не нужны твои слова, командор, мы слишком много говорили и слишком мало доверяли своим порывам. Единственное, что я знаю наверняка, мой командор, сегодня у тебя нет путей отхода, ты или победишь, или капитулируешь. Но результат будет неизменен.

Она обхватила его за шею и нежно коснулась губ, заставляя его молчать. Он улыбнулся, когда она легонько прикусила его губу. Прохладная ладошка соскользнула вниз по шее на

могучее плечо, отодвигая ворот рубахи. Оторвавшись от его губ, она прикоснулась к пульсирующей на шее жиле, нежно провела по ней языком, заставляя неметь конечности. Разум все еще пытался сопротивляться, но руки командора уже нежно обхватили тонкий стан, привлекая к себе. Он ощутил сильную дрожь в своих пальцах, когда коснулся ее спины.

— Мирриэль, — прошептал он. — Я так долго ждал тебя, я уже почти потерял веру...

— Ты не можешь потерять веру, Видящий. Только не ты, — пронзительные голубые глаза ласкали ее, а она таяла в его руках. — Ты обещал мне показать все свое мастерство, любимый.

— Боюсь, что в этот раз я буду хуже неопытного мальчишки, — смущенно пробормотал он. — У меня только что ноги не отнимаются, от твоего присутствия.

— Значит, не стоит затягивать со вторым разом, — лукаво улыбнулась она, прижимаясь к нему всем телом и торопливо развязывая шнуровку на его рубахе.

Он вспомнил, вечер в борделе и понял, о чем говорила старуха. Не имело значения что и как она делает, важно было, что это делает именно она. Он сбросил теплый жилет со своих плеч, и поспешно стянул с нее коричневую курточку. Но остановился, едва холодные губы коснулись его плеча, охлаждая разгоряченное тело даже сквозь полотно рубахи, а нежная ладонь скользнула по мышцам груди вниз, по животу и принялась настойчиво тереть застежку на широком ремне, видимо, она намеревалась избавить его от рубашки, которая мешала ей продолжить нежную пытку.

— В тебе осталось что-то от Адель, меня это настораживает, — перехватив ее руку прошептал он, ощущая, как немеет в предвкушении продолжения его тело, и предательски срывается голос.

— Если только совсем немного, Кален, Адель научила меня добиваться желаемого, вопреки всему. А еще она научила меня быть смелее и не пренебрегать своими потребностями.

Она улыбнулась и взяв его за руку, что мешала ей расправиться с ремнем, переместила ее на свое бедро, прижав к своему телу на мгновение. Он все понял и сильные пальцы впились в ее бедро, а она продолжила свою борьбу с ремнем. Прикосновения к ткани не могли больше удовлетворить распаленного мужчину, он резко рванул на ней рубашку, тонкая ткань разорвалась, и обнажила плечи. С тихим рыком он припал губами к выступающим ключицам, заставляя ее откинуть голову назад, прижимая ее бедра к себе.

— Мирриэль, — в последний раз он попытался воззвать к голосу разума, не переставая, однако, при этом нежно целовать хрупкие плечи.

Одной рукой он все еще гладил ее спину, выписывая пальцами тонкие узоры, а вышедшие из-под контроля пальцы другой прикоснулись к твердеющему бугорку на ее груди. Она вздрогнула от такой ожидаемой ласки, с губ слетел тихий стон, а пальцы ее сомкнулись на его ремне словно в последней попытке удержать уплывающее сознание. Ее реакция завораживала, и провоцировала, не в силах сопротивляться этому порыву, он аккуратно сжал в широкой ладони ее грудь.

— Мы творим безумие, — едва слышным хриплым шепотом проговорил он ей на ухо.

Констатировав этот факт, он широким жестом руки смахнул со стола все, что на нем было. Больше слова не шли ему в голову. Совсем. Она закинула ноги ему на бедра, прижимая его к себе, теперь уже крепкими ногами. Затуманенные страстью глаза встретились на миг, лишь для того, чтобы утвердиться в мысли, что оба понимают, что пути назад уже нет. Упрямая пряжка сдалась под натиском и Мирриэль, расстегнув широкий пояс, ухватила его

за рубаху, обнажая торс, но довести дело до конца она не смогла, лишь взглянув на обнаженную грудь возлюбленного она позабыла про оставшийся на широких плечах, сдерживающий его движения предмет гардероба, и прикоснулась губами к теплой коже. В ноздри ей ударил сладкий запах его тела, и она закрыла глаза наслаждаясь каждым мгновением близости. Резким движением он сбросил рубаху, освобождая свои руки. В следующее мгновение он уже срывал рубашку с нее.

«Безумцы. Мы оба» — пронеслось у него в голове, но стоило обнажиться ее животу и его мысли уже были совсем о другом. Ее сладкие вздохи торопили его, но он не хотел спешить. Теперь все было в его руках, не так как он представлял себе в радужных снах последних дней, на ней не было пышного платья, их руки не соединяли священнослужители, но от этого не было хуже. И он не хотел спешить теперь. Медленно он стаскивал с нее рубашку, любясь каждым обнажаемым участком совершенного, такого желанного тела, наслаждаясь мукой неизвестности и трепетом предвкушения. Она поняла его без слов и позволила поступать так, как ему заблагорассудится. Она ждала, наслаждаясь ожиданием неизбежного. Обнажив ее тело, он замер, без тени стыда созерцая ее совершенство. Нежное прикосновение губ к обнаженному шелку кожи плеч, аккуратное касание пальцами спины, он видел, как пробегает мелкая дрожь по ее телу, ощущал вздрагивание ног на своих бедрах, он улыбался, понимая, что каждое касание доставляет наслаждение им обоим. Когда его губы коснулись груди, она крепко сжала ноги, и вздрогнула.

— Кален, — прошептали тонкие губы и на нем остановился умоляющий взгляд. — Прошу, не надо. Я больше не могу. Давай не будем затягивать, сил моих больше нет.

— Ну уж нет, любимая, я слишком долго ждал этого, чтобы закончить быстро, — горячая рука прикоснулась к позвоночнику, вызывая дрожь.

— Если ты не прекратишь, я буду действовать, как Адель, — попыталась угрожать она, но вызвала лишь улыбку.

— Поверь, Мирра, твой демон сейчас умирает от зависти, — он аккуратно уложил ее на стол и поцелуй обжег живот. — Мы так долго этого ждали, шли к этому таким сложным путем, я не хочу этого делать только лишь потому, что это нужно тем, кем мы были когда-то. Я хочу сделать все так, как будто нет ничего другого, только мы, только наша любовь. Тебе придется еще немного подождать, я не хочу потерять ни одного мгновения.

— Трудно будет поддерживать такой уровень постоянно, — задыхаясь нежностью прошептала она, впиваясь ногтями в его плечи.

— Я справлюсь, — пообещал он, расстегивая ее пояс.

Она застонала и послушно откинулась на спину и расслабилась, принимая долгожданные ласки от того самого человека, которого ждала всю свою жизнь, все свои прошлые жизни.

Глава 23.

— Уже далеко за полдень, — нервно вышагивал Фредерик по каминному залу. — Сколько еще времени я должен уступать свой кабинет этим ненасытным любовникам?

— Ну, принц, судя по тем звукам, что доносились оттуда в прошлый раз, мы успеем съездить на охоту, вернуться, разделать, зажарить и съесть всю добычу и даже выспаться после сытного обеда, — безразлично ковыряя пальцем засохшую на куртке кровь, проговорил Лерд. — Я бы не рискнул сейчас туда соваться, даже если бы от этого зависела

судьба всего мироздания. С Миррой я знаком мало, но Видящий точно прибьет и глазом не моргнет, любого, кто попытается им помешать!

Гранд усмехнулся, обнимая Энель.

— Дай им время, Фредерик, они так долго пытались бежать от своей судьбы, что теперь просто не могут остановиться. И я их понимаю, если бы мне пришлось терзаться в ожидании столько же, я бы тоже был ненасытен.

— Стоит попробовать, — подмигнула ему шпионка.

— Я тебе попробую, негодница! Итак, все силы из меня выпиваешь, рыжая бестия. Я пожилой человек, мне покой нужен.

Все рассмеялись. Ни для кого не было секретом, что в выносливости с Грандом мог потягаться только Кален.

— Я все понимаю, но завтра бал, а мы так еще ничего и не решили, — возвращая разговор в серьезное русло проворчал принц.

— Не волнуйся ты так, Мирра все равно никогда не следует планам, и в этом ее сила, она непредсказуема, потому что сама не знает, что будет делать, — успокоила его Энель. — Но у нас сложности с приглашением. Хранителей пригласили: Жас, меня, Кару и Калена, а вот как туда попадет Мирриэль, я пока что не знаю.

— Это не проблема, — усмехнулся принц. — Моя сестрица, зная мою слабость к женщинам, выдала мне приглашение на две персоны, без указания имени и статуса. Так что Мирра пойдет на бал со мной.

— Это замечательно, а Гранд заменит Кару. Остается только Лерд.

— Ой, избавьте меня от этого! Я лучше напьюсь у гостеприимного принца и отосплюсь в спокойствие, а то каждую ночь одно и то же. То из ваших покоев, которые, кстати, совсем рядом с моей спальней, то эти двое всю ночь оглашают замок страстными воплями. А я вынужден все это терпеть. Так что дайте мне ночку передышки или найдите женщину! Тогда я вам отомщу, будет у нас соревнование, кто громче и чаще!

— Хватит уже прибедняться, я между прочим вообще хозяин этого дома, и не жалуясь. Превратили дворец в дом свиданий, даже не спросили, — оборвал его принц.

— Ой, мальчишки, вы такие забавные, — улыбнулась Энель. — Мы постараемся быть потише, правда, Гранд?

— Ага, — сказал мастер меча, отрицательно мотая головой.

— Пошли обедать, — скомандовал принц. — Может голод заставит их остановиться?

— Их? Сомневаюсь, — разрушил его мечты Лерд.

К обеду они так и не появились, впрочем, как и к ужину. Встретились они только за завтраком на следующий день.

Кален и Мирриэль сидели за столом, ожидая появления друзей. Незаметно для всех, соприкасались их колени, и они безмятежно улыбались.

— О, вы соизволили прекратить это безобразие? — усаживаясь на стул спросил Лерд вместо приветствия.

— Простите нас, друзья, — улыбаясь проговорил Кален.

— Я уж думал, что вы позволите Воронам убить мою сестрицу и я благополучно займу освободившийся трон. У меня будет масса свидетелей, того что во время убийства я пытался не вломиться в двери собственного кабинета. Там хоть какая-то мебель уцелела, кстати?

— Ну, Фредерик, — улыбаясь проговорил командор. — Интерьерчик был так себе, давно нужно было сменить. Да, и не забудь поставить там диван, очень не хватало. А вот

стол, — Кален мечтательно прикрыл глаза. — Если решишь избавиться, я выкуплю.

Энель рассмеялась, а Мирра покраснела.

— Да хоть сейчас забирай даром, я теперь к нему и подойти не рискну, — поморщился Фредерик. — Придется закрыть эту комнату, я теперь не смогу там думать ни о чем другом, кроме как о том, что вы творили и не случилось ли это на том самом месте где я теперь стою.

— Тогда тебе лучше туда совсем не входить, Фред, потому, что нетронутых мест там не осталось.

— Какая прелесть, — фыркнул Лерд. — Даже представлять боюсь, но могу лишь выразить свое восхищение вашей находчивости и изобретательности, командор.

— И как вы с голоду там не умерли и от жажды? — принц уже оплакал свой кабинет и приступил к еде.

— О, некто очень заботливый оставлял под дверью еду и воду, даже не могу предположить кто бы это мог быть, — улыбнулся Кален, глядя на шпионку.

Та легко кивнула ему головой и подмигнула Мирре, опять вызвав румянец на бледных щеках эльфийки.

— Сегодня вечером бал, — проговорил принц. — Так что я предлагаю после завтрака разойтись и заняться приготовлениями. Дамам наверняка захочется блистать на этом мероприятии. За Энель я спокоен, думаю, она уже давно подготовила туалет, а вот о юной эльфийке я тревожусь. Мои мастера возьмутся за иглы и нитки немедля, но боюсь, что времени остается совсем немного, а появляться на балу в дорожном костюме, неприлично. О, милая Мирриэль, вы в затруднительном положении.

— Не стоит вам принц думать о моих проблемах. Поверьте, в назначенный час я буду готова, — улыбнулась Мирра. — А вот от ванны я не откажусь. Кочевой образ жизни, знаете ли, накладывает определенные отпечатки на внешний вид.

— О, вы чудесно выглядите, хранительница Мирриэль. Впрочем, как и любая представительница вашего рода. Особенно когда глаза пылают такой страстью, — вежливо ответил Фредерик. — Однако, вынужден вас предупредить, что по замыслу моей сумасбродной сестры, все дамы должны надеть маски, скрывающие лица. В полночь маски будут сорваны и это должно стать кульминацией праздника. Если вы изволите сообщить цвет ваших одежд, я немедля прикажу слугам отправиться в поисках подходящей маски, хоть на мой взгляд, это кощунство, прятать такое прекрасное лицо под маской.

— Пусть маска будет белой, принц, и не слишком вычурной, я не хочу выделяться.

— Для меня будет честью, сопровождать вас, миледи, — ответил Фредерик галантным кивком.

Мирра нахмурилась.

— Почему меня будете сопровождать вы, принц? Я думала, что мы отправляемся ко двору, как Хранители.

— Это такой хитрый ход, — рассмотрев в глазах эльфийки сталь, Энель попыталась спасти ситуацию. — Если на балу будут убийцы, все внимание будет приковано именно к Хранителям, никто не обратит внимания на какую-нибудь баронессу или графиню, сопровождающую любвеобильного принца. Его репутация играет нам на руку, так ты сможешь увидеть и услышать чуть больше, чем хранительница Мирриэль.

Гранд тихонька сжал руку шпионки, одобритительно кивая.

— Хорошо, пусть будет так.

— И Мирра, не нужно искать нас там, лучше оставайся инкогнито, допоследнего, — предупредила Энель. — Даже если тебе будет очень этого хотеться. В крайнем случае, чтобы передать информацию, можешь передать информацию через Фредерика. И еще, Мирра, тебе лучше не подходить к Калену, к нему будет приковано особо пристальное внимание.

— Почему? — удивилась Мирра.

— Это тонкая дипломатическая игра, в этом тебе лучше положиться на мое слово и не забивать голову подробностями, я и Жасмина справимся с этим лучше, мы знаем правила.

— Ладно, — неожиданно жестко сказала Мирра и ее глаза опасно блеснули. — Пусть каждый занимается своим делом. Только потом не удивляйтесь, находя трупы в скрытых уголках замка, я не стану рисковать жизнью королевы и буду убивать всех Воронов, кого найду.

— Убивать? — едва не подавилась Энель.

От обычно мягкой и доброй эльфийки слышать такие заявления было просто неестественно, Энель заглянула в глаза Мирре, боясь увидеть в них демоническую тьму, но глаза были такими же как всегда, только в них появилось безмятежное спокойствие и странная решимость.

— Что ты так на меня смотришь, Энель, разве не это мое дело? Разве не этого вы все от меня ждете с того самого мига, как я открыла глаза в вашей темнице? Разве не для этого вы все учили меня? Тебя удивляет то, что я наконец смирилась с этим? Мне потребовалось очень много времени и слишком много испытаний, чтобы я поняла, что имею на это право. Пойду учить свою новую роль.

Она положила ладонь на плечо командора и улыбнулась. Он легко притронулся губами к тонким пальцам.

— До вечера, любимая, буду с нетерпением ждать тебя.

— Я приду, — склонившись к его уху она что-то прошептала, поцеловала его в щеку и вышла из обеденного зала.

— Что это на нее нашло? — спросила Энель у Калена. — Я бы могла подумать, что у нее была неудачная ночь, но она была с тобой, значит такого быть просто не может.

Кален с удовольствием доел вкуснейшую подливку и откинулся на спинку стула.

— Она изменилась, Энель, так же, как изменился я. Меня немного пугали эти перемены, но лишь до того момента, пока мы не остались наедине. Мы о многом успели поговорить, хотя вам, наверное, казалось, что у нас на это не было времени, — он широко улыбнулся, чем удивил всех, кто хорошо его знал, прежде он никогда не позволял себе такого явного проявления эмоций. — Теперь все стало гораздо проще. Больше нет нужды притворяться и таиться. После этого мероприятия, мы намерены объявить о нашей помолвке.

— А ты не слишком торопишься, друг? — удивленно поднял бровь принц. — Боюсь, что этот бал может внести серьезные поправки в твой сумасбродный план. Дело в том, Кален, что моя сестра... одержима тобой, боюсь, что, если она получит отказ, лучшее, что ждет нас всех — это быстрая смерть на плахе.

— Не думаю, Фред. Когда состоится наша встреча твоя сестра уже будет обязана Хранителям своей жизнью, так что мы будем устанавливать условия, а ей придется лишь на них соглашаться, в противном случае, мы просто откажем ей в дальнейшей защите, и кто знает, как скоро Вороны доберутся до нее, — Кален спокойно отодвинул столовые приборы.

— Да что с вами обоими произошло за этот день? — удивилась Энель.

— То, что должно было произойти уже давно, милая. Всю жизнь мы чего-то боялись, от чего-то бежали, чего-то стыдились, а за этот день, стрелочка, все это осталось в прошлом. В таком далеком прошлом, которое никогда не станешь вспоминать и ворошить. Мы избавились от страхов и условностей. Для вас это может быть странно, но больше нет той Мирриэль и того Калена, они были слишком слабы, не готовы к борьбе, их пришлось забыть, — он широко улыбнулся, и потер уже заросший светлыми жесткими волосами подбородок. — Больше нет моей боли, Энель, я ее победил и забыл, нет терзаний Мирры, она опять провалилась в кошмар, когда была в мире демонов, но на сей раз смогла сама их него выбраться, ей потребовалось время, но теперь страха больше нет. Она простила себя за Ваззину, и за всех, кого еще придется убить. Все изменилось.

— И все это из-за того, что вы сблизились? — посмотрел на него Гранд.

— Нет, дружище. Это стало лишь первым шагом. Потом пришло понимание и вернулись все воспоминания обоих драконов. Когда мы стали близки, Лири и Орлен, обрели покой, и поделились этой благодатью с нами исцеляя старые раны. Теперь нам не страшна Калисто. И я, и Мирра, мы знаем, что должны сделать и готовы к расплате.

— Расплате? — Энель тревожно глянула в безмятежно голубые глаза друга.

— Да, Энель. Мы должны заплатить по их счетам. И мы готовы к этому, так что наши поступки уже никак не смогут сделать хуже. Итог будет лишь один. И больше мы не хотим страдать и терзаться. У нас осталось слишком мало времени, мы не имеем права его терять попусту. Наша смерть станет началом вашей новой жизни, это очень выгодный обмен.

— Смерть? — повторил Фредерик. — И ты так спокойно об этом говоришь?

Кален опять улыбнулся.

— Да, Фред. Умирать не страшно, теперь мы это понимаем. Мы уже умирали сотни раз, но тогда это было страшно, а сейчас, уже нет. Знаешь, это как принять сложное, но правильное решение: ты мучаешься, просчитываешь возможные варианты, ищешь пути, но, когда решение принято — приходит легкость, спокойствие и освобождение. К тому же, наши покровители обещали, что это не станет концом, они все сделают для этого, у меня нет причин им не верить. Пойду передохну, это была очень длинная ночь, не хочу зевать на приеме твоей сестры, Фредерик.

Кален встал из-за стола, одарив всех еще одной безмятежной теплой улыбкой и ушел в свою комнату.

— И как к этому относится? — поднялся из-за стола Фредерик. — Не знаю, как вы, а я не готов жертвовать их жизнями.

— Похоже, что у нас нет выбора, принц, — задумчиво произнес Лерд. — Они приняли решение и смирились с его последствиями, мы тут бессильны. Признаюсь, я бы с удовольствием отдал свою пустую и безрадостную жизнь вместо любого из них, но, боюсь, что этого будет слишком мало для высших сил. Жертва должна быть достойной, драконы выбрали лучших из нас, для осуществления задуманного. Мы можем лишь помочь им в выполнении задуманного.

Гранд сжал руку Энель, останавливая ее.

— Иди, дорогая, помоги Мирриэль собраться. Для нее это первый бал, думаю, она волнуется.

— Волнуется? Я что-то сильно в этом сомневаюсь, ты вообще их видел? Они словно грибов ядовитых объелись или под воздействие демонов попали. Я вообще сомневаюсь, что ни способны сейчас что-то чувствовать кроме спокойствия, как сказал Кален. Ужас, в жизни

не видела Калена на столько спокойным, но раньше он просто скрывал свои эмоции. А теперь, словно он уже умер... Брр.

Но она встала и вышла из обеденной залы, направляясь к шикарной женской ванной. Открыв тяжелую дверь, она сразу вспотела, в комнате стоял плотный сухой пар, обжигая легкие при каждом вдохе. Энель быстро сбросила одежду и, завернувшись в тонкую ткань подошла к бассейну. Мирриэль лежала, погрузившись в воду по подбородок, глаза были закрыты, она никак не реагировала на оклики Энель. Оставив попытки с ней заговорить, шпионка опустила в обжигающую воду. Шло время, кроме тихого журчания воды, наполняющей горячий бассейн, ничего не нарушало тишины. А потом Мирра заговорила.

— Прости, Энель, что не ответила тебе сразу, просто хотела насладиться моментом блаженства. Казалось бы, такая малость, но теплая ванна вызывает неопикуемый восторг, после стольких месяцев странствий, лишений и ограничений. Я не хотела пугать тебя, своими словами. Да, я видела, как ты изменилась в лице, когда я пообещала убивать всех на своем пути, это непросто для меня, даже сейчас, но это необходимо. Ради вашего будущего, — она лениво приоткрыла один глаз и взглянула в лицо шпионки. — Он не рассказал тебе? Не посвятил тебя в мое пророчество? Хитрый какой, сам-то все знает, а тебе ничего не рассказал. Еще в Лоринге, когда мы готовились к встрече с Калисто, у меня было видение. Я видела будущее Гранда. Видела его милый домик, видела его детей, парнишку и девочку. Видела радость в его глазах. Видела любовь, с которой он смотрел на свою женщину, на мать своих детей. Это была ты, Энель. Это ваше будущее. Счастливая спокойная жизнь, вдали от опасностей и боли. Ради этого кусочка счастья я готова пожертвовать всем. Ради вашего счастья. Потому, что стоит мне усомниться и судьба может свернуть совсем в другую сторону, а я не хочу этого. Теперь, когда я сама получила свое, я хочу дать эту возможность другим. Хочу, чтобы другие могли так же как я засыпать в сладкой истоме на груди любимого мужчины, просыпаться от его поцелуев. А для этого, нам нужно лишь еще немного постараться и довести до конца старое дело.

— Но, Мирра, если расплатой за это будут ваши жизни? Как сможем мы принять этот дар спокойствия? Как сможем наслаждаться жизнью, зная, чем за нее уплачено?

— Спокойно, Энель. Наши жизни были лишь залогом того, что мы должны сделать. Они не принадлежали нам никогда, по большому счету. Мы были рождены, чтобы исполнить то, что не удалось никому до нас. Это уже не страшно, Энель. Поверь, мы будем счастливы, все то время, что нам осталось, а дальше... Даже я не знаю, что будет потом. Но ваш мир изменится, это точно. Они обещали сделать все, чтобы мы смогли потом вернуться, но решать не им, — она улыбнулась, стараясь приободрить подругу. — Мир будет жить, Энель. Благодаря каждому из нас. Всем нам пришлось что-то жертвовать. Раирнаил пожертвовал собой, спасая меня, Инариэль отказался от своей любви ко мне, Кара отдала жизнь и стала вампиром за Калена, Лерд, пожертвовал тобой, ты принесла в жертву свою юность, Гранд — свою человечность, Кален едва не лишился рассудка, даже Барри отказался от своего рода, ради того, чтобы быть с нами. Мы все потеряли так много. Не для того, Энель, чтобы сейчас отступить. Так, что не печалься, подруга, лучше давай вымоемся и займемся нашими туалетами, не хочу разочаровать ожидания принца.

Энель печально кивнула. Но выходить еще не хотелось, и омовение продолжилось в тишине. Не было нужды говорить что-то. Каждая думала о своем. Так в тихой неге прошло еще некоторое время.

— Ты же играешь на лютне, Энель, возможно, потом, когда все успокоится, ты сможешь

сложить о нас балладу, и не обязательно чтобы она была правдивой, — Мирриэль мечтательно улыбалась. — Главное, чтобы мы в ней были счастливы. Я попыталась, но нужные слова не идут в голову. Только тихая грусть, смирение, понимание необходимости.

Мы шли по дороге слез,
Мы плыли по морю боли.
На высшие силы всерьез
Роптали, по собственной воле.
Бежали мы от любви,
Крыльев не замечали.
На них мы парить могли,
Но вместо того — ломали.
Мы время свое шутя,
Меняли на плен дорог.
Но мчится оно, летя
И вот уже близок порог.
Терять нам время нельзя
Его у нас ведь так мало,
Но даже исправив зло
Не сможем начать мы с начала.
В чередѣ суетливых дней
Забываем мы то и дело
Для чего мы живем теперь
Что у каждого есть свое дело.
Доведя его до конца,
Обретаем покой и свободу
И уже не страшит бойца
Река смерти, в которой нет броду.

Мирриэль улыбнулась и с головой опустила под воду, не давая возможности Энель сказать хоть что-то. А шпионка закрыла глаза, понимая, что от них уже ничего не зависит. Эти двое доведут до конца свое дело и примут смерть за них. Две жизни в обмен на спасение мира. Такая малая цена, раньше бы ее это не смутило, но в сердце вгрызалась тоска, заставляя слезы катиться из глаз.

Они вымылись и переодевшись в чистую одежду отправились в комнату, отведенную принцем для Мирриэль. Там уже суетились служанки с гребешками и лентами. Мирре начали предлагать платья, но она лишь улыбнулась и достала из своей дорожной сумки аккуратный сверток. В руках ее блеснули чудесные камни заколки, точно повторяющие цвет ее необычных глаз. А потом Энель увидела простое, но безупречно красивое платье. На ее немой вопрос Мирра приложила тонкую ткань к плечам, позволяя платью струиться.

— Благодарность от одного человека. Уж и не надеялась, что смогу его когда-нибудь надеть, а вот случай и подвернулся, — Мирриэль улыбнулась. — Хватит грустить, Энель, сегодня бал. А единственный людской прием, на котором я была едва не закончился трагедией, когда меня спутали с прислугой. Так что тебе придется мне рассказать, как должна себя вести пусть никому не известная, но все же баронесса, сопровождающая принца.

— Тебе это не поможет, Мирра. Даже в этом скромном наряде, ты будешь блистать и,

боюсь, затмишь всех придворных дам. Демоническая красота, подаренная Адель, слишком будет выделять тебя из толпы, даже если твое лицо будет скрыто маской.

— Значит, сюрприз не получится, меня узнают в любом случае.

— Если ты рассчитывала удивить Калена, то с того момента, как он начал меняться — это невозможно. Он видит человека насквозь.

— Но я не человек, Энель. Поэтому он и выбрал меня. Он не мог понять, что со мной не так, и чем больше пытался добраться до сути, тем интереснее ему становилось. Но дело даже не в этом. После вчерашнего дня и двух прошлых ночей, мы стали обычными. Я все еще могу призывать энергии, но теперь не стану делать этого просто так, нам объяснили, что наши способности были нужны лишь для того, чтобы мы могли встретиться. Кален снова стал собой. Рассудительным, уравновешенным, немного занудным и очень наблюдательным Видящим. Это у него уже не отнять, но вот все остальное, ему больше не потребуется. Конец близок, Энель. И для всех он будет счастливым. Демоны больше не станут нападать на этот мир, Адель позаботится об этом. Тех, что остались вы с легкостью сможете вернуть. Остается только Кали, но это наше дело, вы ее никогда не увидите.

— Но зачем тогда все это? Зачем Хранители, зачем объединение царств?

— Хранители нужны, и их дело не умрет. Когда магия покинет этот мир, многим будет сложно с этим примириться, придется начинать все с начала, Энель. Хранители станут той силой, на которую смогут опереться объединенные царства, выстраивая новую систему. Вы станете Хранителями не секретов, но знаний и порядка. А объединение необходимо, чтобы преодолеть сложный переходный период, чтобы избежать переделов власти и войн. Ну и, конечно, церковь. Ты же помнишь, что должна сделать? Поверь мне. Для того мира — это очень важно.

— Я все помню, Мирра, — кивнула Энель. — Необходимые письма уже подготовлены. Сейчас необходимо будет избирать новую главу церкви, я постараюсь. Чтобы это место досталось нужному человеку.

— Та старушка, что мы вытащили из окружения, мать Жаклин, кажется, на мой взгляд вполне подойдет.

Энель утвердительно кивнула.

— Все будет сделано, Мирриэль. Твоя темная визави может не волноваться.

— Она благодарна тебе, — произнесла Мирра, загадочно улыбаясь, а потом тихонько рассмеялась.

На удивление Энель она тихо ответила:

— Адель тут высказывала свое мнение по поводу наших с Каленом развлечений. Просила ему передать, что он был прав и она обзавидовалась. Теперь в срочном порядке ищет себе принца, чтобы не отставать от меня, а учитывая, что ее упования на Себастьяна пошли прахом, ей приходится несладко. И она меня тихо ненавидит за это. Жаль, что я не смогу познакомиться с этим очаровательным вампиром лично и так никогда и не узнаю, кто смог покорить сердце Кары.

— О, он очень интересная персона. Думаю, вы все-таки встретитесь, должен же он позволить Каре с нами всеми видеться.

— Может быть, Энель, — чуть грустно проговорила Мирра. — Но не в этой жизни. Пока Кара будет привыкать к своей новой жизни, он будет держать ее подальше от людей, и тем более от эльфов, а у нас остается не так много времени.

На этом разговор был окончен и служанки приступили к одеванию. Энель предложили

чудесное золотое платье с тончайшим кружевом. Одев его Энель превратилась в прекрасную молодую женщину. И хотя платье придало ей мягкости и нежности, но никак не повлияло на хитрый блеск изумрудных глаз. Облагородив ее фигуру, оно не могло изменить вздорный нрав и привычку повелевать, а не подчиняться. Мирриэль засмотрелась на преобразившуюся шпионку, но сделала для себя вывод, что обычный дорожный костюм подходит подруге гораздо больше, чем пышное платье. Рыжие пряди умело выложили в высокую прическу, обнажив красивую шею, на которой красовалось золотое ожерелье тонкой гномьей работы с чистейшими бриллиантами, играющими тысячами граней при каждом попадании света. Рассмотрев себя в зеркало, Энель повернулась к Мирриэль.

— Ты очень красива, Энель. Но даже этот нежный наряд не может скрыть твою сущность, думаю, Гранд будет сражен. Это станет последней каплей, милая. Как бы мне хотелось стать свидетелем вашего счастья, — Мирриэль оправила свое скромное платье, разглаживая складки и поправляя пояс. — Надеюсь, остаться все же незамеченной, затеряться в таком блеске будет очень просто.

Энель властным жестом отпустила слуг. Едва за ними закрылась дверь она скорчила недовольную гримасу.

— Мирра, помоги ослабить дурацкий корсет, а то я вздохнуть не могу, затянули так, что еще немного и у меня ребра сломаются.

Мирриэль улыбнулась и немного распустила шнуровку на золотистом платье.

— Уф, — вдохнула шпионка. — Надеюсь в твоём видении мы не жили при дворе, это будет невыносимо. Осталось решить, как сюда приспособить хоть один кинжал.

Энель стала осматривать платье в поисках подходящего места, но Мирра остановила ее.

— Тебе не понадобится оружие, Энель. Я буду там, а значит, там будет Адель. А ей точно ничего не нужно. Моя связь с демоном, дает мне возможность использовать энергию смерти в любое время и в любом месте, а против этой силы не устоит ничто. Даже маги не смогут мне противостоять. И, поверь, нарушать этот дивный образ оружием — будет просто отвратительно. Побудь просто слабой женщиной, дай возможность Гранду быть галантным кавалером, думаю, он мечтает об этом. Наслаждайся этим балом, Энель, получай от жизни удовольствие.

При этих словах Мирра приподняла свою юбку и закрепила ножны на бедре, аккуратно вложив в них кинжал. На лодыжки обеих ног, тоже привычно легли ножны с ножами. Опустив подол Мирра улыбнулась, скользящий по фигуре взгляд ничего не смог бы рассмотреть.

— Зачем тебе оружие, ты же сама говорила, что с энергией смерти тебе ничего не грозит?

— Энергия смерти — убивает, Энель. А ножи, на случай если придется просто поугаать, к тому же я буду лишена сопровождающего, нужно быть готовой ко всякого рода неожиданностям.

— С тобой будет принц, — напомнила шпионка.

— Думаю, Фредерик предпочтет быть поближе к своей сестре. А мне предстоит облазить все возможные закоулки незнакомого замка, в поисках опасности. В моем случае оружие не будет лишним. Итак, мы готовы?

Энель посмотрела на невысокую, хрупкую эльфийку. Белоснежное нежное платье подчеркивало белизну ее кожи, а зелено-голубой шелк платья нежно струился по изящной фигуре, подчеркивая тонкую талию без всяких корсетов. Очарование простоты и изящества.

Мягкими волнами по хрупким плечам рассыпались волосы цвета созревшей пшеницы, а блеск драгоценных камней в заколках подчеркивал ее нежность и утонченность. Распущенные волосы скрывали ее эльфийские уши, и она была похожа на обычную юную девушку. Легкий румянец, который так и не покинул ее щек, после нежного свидания с возлюбленным, придавал ей совершенно невинный и растерянный вид. Ни дать, ни взять, юная наложница, которая еще не свыклась со своей ролью. Обворожительная юная дама, которая еще не осознает своей привлекательности. Бриллиант неграненый в скромной оправе, но от этого не теряющий своей ценности.

— Ты чудесно выглядишь, Мирра. Я сочувствую Воронам, которых ты встретишь, быть раскрытым такой нежной девочкой, а еще и убитым ею, это будет мягко говоря неожиданно.

— Вот и отлично, — хитро улыбнулась Мирра. — На это и был расчет. Как ты думаешь ему понравится?

— Калену? Шутишь? Если бы он мог полюбить тебя еще сильнее, чем уже есть, это бы случилось непременно. Ты, не знаю уж случайно или намеренно, но выбрала именно тот образ, который он рисовал себе многие годы в мечтах. Однажды мы говорили об этом, когда в очередной раз он вернулся от Кары и я спросила, почему у них ничего не идет дальше. Ой, прости! Но это было так давно.

— Ничего, Энель. Я ведь тоже далеко не девица.

Они рассмеялись.

— Тогда он мне и рассказал, что его женщина должна быть сильной духом, но нежной и хрупкой, как фарфоровая куколка, а Кара совсем не такая. Тогда он описывал тебя, но поняла я это только увидев тебя. Даже в кандалах, в подземелье, когда я тебя увидела, я сразу поняла, что командор попал в капкан собственных мечтаний. У него уже не было выхода. Он будет очарован, Мирра. Можешь просить у него что угодно, уверена он не сможет найти слов для отказа.

— Мне ничего не надо, Энель. Точнее, у меня уже есть все, что мне было нужно. У меня есть он.

Мирра зарделась, опуская взгляд.

— Ну, расскажи, — беря ее за руку проговорила Энель.

Но эльфийка лишь смущенно вырвала свою руку.

— Нет, Энель. Это слишком... личное.

— Вот же, — с досадой выдохнула Энель. — Никогда мне так и не узнать, от чего же так млеют по нему все женщины. Это так и останется тайной.

— Пусть так и будет, Энель.

В дверь постучали.

— Миледи, Энель, вас ожидают ваши сопровождающие. Принц еще заканчивает туалет, миледи Мирриэль. Вы отправитесь чуть позже.

Женщины обнялись и Энель вышла за слугой, оставив Мирру в одиночестве.

Эльфийка подошла к зеркалу осматривая свой наряд. Она все еще смотрела в зеркало, когда отражение качнулось и померкло. Вместо богато украшенных палат, сотен тонких свечей в богато украшенных подсвечников, резных ставен, атласа и парчи украшений, в отражении появились голые каменные стены без окон. В комнату хлынул смрад подземелья, затхлый запах смерти и мучений, запекшийся крови и загнивающих ран. Отчаянье и страх. На губах появился обжигающий вкус крови. Напрягая зрение, эльфийка всматривалась в полумрак подземелья, с каждой минутой приходило осознание. Она пыталась отвести

взгляд, но бледное пятно в центре картины приковывало к себе взгляд. На каменном полу сжимаясь от холода лежало тело. К одной ноге узника тянулась тяжелая цепь, закрепленная на огромном кольце в стене. Тело было изможденным, изуродованным и совершенно обнаженным. Сквозь тонкую кожу просвечивались выступающие ребра, можно было рассмотреть ток крови по выступающим жилам. Пленник поднял голову и Мирриэль с ужасом узнала в пленнике себя. На истерзанном теле запеклась кровь, а тонкую шею царапали острые шипы, впивающиеся в нежную кожу при каждом движении, тонкие струйки крови сочились из новых ран, взгляд был безумным.

— Очнись! — прошептало видение и померкло.

Мирриэль закрыв глаза, отшатнулась от зеркала. Когда она решилась еще раз взглянуть в зеркало, то увидела там темноволосую красавицу Кали, насмешливо глядящую на нее. Эльфийка схватила первое, что попало под руку и запустила в зеркало тяжелым подсвечником.

— Это не правда, это не может быть правдой. Не может! Я здесь. Кален здесь. Он вытащил меня, все закончилось. Я освободилась, убила Мастера. Он умер, его больше нет! Этого нет!

Всемогущий внимательно следил за происходящим в небольшом мире, раскинувшемся под его пристальным взглядом. Он даже не знал горевать ему или радоваться. Калисто оказалась гораздо более разумным юным богом, чем двое других. Но кроме разума, он увидел в ней что-то, что пугало даже его. Пойти на такие меры, использовать то, что использовала она, было слишком, даже для него. Наблюдая за страданиями и бесплотными попытками Элирии противостоять жестокости сестры, он не знал, как относится к каждой из них. Наивность и доверчивость Элирии, поразили его, так же как уступчивость и нежелание осознавать истину Орлена. Всемогущий не желал вмешиваться. В конце концов это было их дело, они должны были сами разобраться во всем. Одним миром больше, одним меньше, не имеет значения. Во всяком случае для него. Важнее было понять происходящее. Понять, что двигает его нерадивыми учениками. Он наблюдал с интересом и ждал. Ждал, окончания этой игры. Игры трех бессмертных духов. Молодых, горячих, неопытных. Он уже давно забыл о чувствах, эмоциях, стремлениях. То, что сделала Калисто, было жестоко и безрассудно, но он понимал ее. Сейчас он сам готов был сделать нечто подобное. Иначе он не мог понять, что происходит, что движет двумя другими. Почему же так произошло? Неужели это случилось опять? Этого не может быть... Просто не может. Он все сделал, чтобы этого не случилось. Столько стараний, столько труда. Столько трепетного отношения. Неужели все опять пошло прахом? Этого не может быть, только не они, только не здесь, только не опять. Сжимая кулаки, он судорожно пытался забыть прошлое, забыть, чтобы никогда больше не вспоминать.

Глава24.

Фредерик вошел в распахнутую перед ним дверь и остановился. Вся комната была в руинах. По полу валялись разбросанные светильники и подсвечники, слабо тлели дорогие занавески на окнах, столы и стулья были изломаны и валялись кучей хлама, разбросанной по всей комнате. Зеркала были разбиты на мелкие осколки. Хаос. Только так он смог бы определить, то что видел перед собой. Неистовство великана могло оставить такие

последствия, но посреди комнаты, охватив свои колени, сидела хрупкая эльфийка. Она раскачивалась из стороны в сторону, сжимая руками опущенную голову, словно прикрывая ее от сокрушительного удара, грозящего вот-вот на нее обрушиться. Ее волосы были растрепаны, костяшки пальцев сбиты в кровь. Она сидела в центре комнаты, не обращая ни на что внимания, пока он не окликнул ее. Она подняла на него заплаканные, совершенно безумные глаза.

— Этого не может быть! Я убила его! Убила!!! Кален спас меня! Он вытащил меня оттуда! Этого нет! Это не со мной! Нет!!!

— Мирриэль?! — Фредерик растерялся, он ожидал чего угодно, но это, было слишком. — Миледи, нам пора выходить на бал. Нас уже ожидают.

Эльфийка одарила его безразличным взглядом, ему даже почудилось, что она не видит его, смотрит сквозь него. Расширенные зрачки постепенно начали сужаться. Безумие отступало, возвращалась реальность. Она несколько раз глубоко вздохнула и поднялась с пола. Облизала покусанные губы и оправила платье.

— Принц, прошу вас, дайте мне несколько минут, чтобы привести себя в порядок. Простите за это, — она обвела взглядом разрушенную комнату.

— Похоже после вас, мне придется обновлять интерьер по всему замку, надеюсь, сегодня вы гостите у меня последний день, — пожал плечами принц. — Это едва ли не дороже мне выйдет, чем еще одно восстание. Ну и странная вы парочка, миледи. Я давно знаю командора, и похоже, что он нашел женщину себе под стать, только вот для остальных вы сущий кошмар, простите меня. Ожидаю вас внизу, миледи.

— Вы даже не представляете себе, принц, на сколько вы правы.

Когда она спускалась по широкой лестнице, слуги замерли в нерешительности. В походке, в осанке, во взгляде этой женщины было столько силы и решимости, что головы склонялись сами, невзирая на желания их обладателей. Принц повернулся, когда она была уже внизу. Повернулся и забыл, как дышать. Перед ним стояла богиня во плоти. Зелено-голубые глаза завораживали своей глубиной, нежная кожа манила прикоснуться, чтобы ощутить ее мягкость, тонкий стан, требовал нежных объятий, но гордая осанка без слов говорила о трудности выполнения любых желаний, кроме ее собственных, а сталь во взгляде, без слов охлаждала пыл, не оставляя никаких надежд. Простое платье без изысков, не резонировало, а подчеркивало, необычность образа, не отвлекало, а акцентировало взгляды на утонченном лице.

— Простите, принц. Минутное помутнение, теперь уже все в порядке. Мы можем отправляться.

— Леди, Мирриэль, — учтиво склонился принц, прикасаясь губами к ее руке. — Вы обворожительны. Позвольте надеть вам маску, чтобы лишь я мог знать о той прелести, что скрывается под ней.

Она благосклонно склонила голову и позволила ему завязать на затылке тонкий ажур тесьмы, удерживающий великолепную белую маску на лице.

— Перчатки, миледи, будут к месту, — тонко намекнул принц, подавая ей руку.

Она смутилась и быстро надела высокие, скрывающие тонкие руки почти до плеча перчатки, пряча свежие раны на руках. Но надев перчатки, словно сменила маску и легкая полуулыбка, подаренная принцу, была подобна дару свыше, позволяющему низшему существу, почувствовать себя причастным к чему-то великому.

Дорога в блестящей карете с шестеркой белоснежных лошадей, высокомерное молчание

спутницы, ее снисходительные взгляды и натянутые улыбки окончательно убедили принца, что настоящей эта женщина может быть только с одним мужчиной, и это точно не он. Когда они входили в бальную залу и герольд уже охрипший от объявления бесконечного потока гостей, произнес:

— Его высочество принц Фредерик и его спутница баронесса ДельВиннт.

По спине принца пробежал холодок. Он уже ясно понимал, что в их паре царственной особой можно назвать лишь его спутницу, по сравнению с ней, он терялся и становился никем. Так же, как и все в этом зале. От нее исходили сильнейшие потоки чистой энергии, заставляющие чувствовать себя ничтожным червем, рядом с воплощением богини.

— Принц, — нежным звоном весеннего ручья зазвучал чистый голос. — Вам необходимо засвидетельствовать свое почтение венценосной сестре, — а потом в голосе прозвучала сталь. — И не вздумайте от нее отходить. Вы на сегодня ее личная охрана, если она погибнет, а вы останетесь в живых, принц, я сама убью вас. Равновесие должно быть соблюдено.

Голос не дрогнул, глаза смотрели прямо в глаза, и лишь мягкая улыбка вводила в заблуждение немногих свидетелей, казалось, что восторженная любовница что-то нежное шепчет своему высокопоставленному благодетелю.

Он склонил голову и прикоснулся губами к ткани перчатки, ощутив ледящий холод, исходящий от тонкой руки, даже сквозь ткань. Она одарила его улыбкой и сделала реверанс, но голову так и не склонила. Он ушел, испытывая смешанные чувства. Он был уверен, что влюбился бы в эту женщину без оглядки, если бы не ее холодная расчетливость, если бы не ее непреклонная гордость, если бы не высокомерие скользящее в каждом взгляде. Но даже с этим он смог бы смириться, но ее обреченная отрешенность, пугала принца. Он был рад покинуть свою спутницу и, поднявшись на высокий балкон, ожидал появления сестры, даря благосклонные взгляды и легкие кивки придворным и приглашенным. Скользя по залу, он заметил Хранителей. Энель стояла рядом с Жасминой, обе блистали красотой, лишая присутствующих мужчин дара речи. Недалеко от них пристроился на мягком диванчике Гранд. Его серый камзол был расшит серебром на отворотах, в бесцветных глазах отражались блики свечей, он не сводил обожающего взгляда со шпионки, и пытался быть спокойным, скрывая, что каждая ее улыбка другому мужчине заставляет непроизвольно сжиматься жесткие руки в кулаки. А она игриво на него посматривала поверх роскошного веера, зная, что в любой момент этот расслабленный гигант придет на помощь, если только это потребуется. Она знала, что больше она никогда не будет одна. Больше никогда. Жасмина с интересом наблюдала за этой парой, но хранила дипломатический такт и не спрашивала ни о чем. Принц улыбнулся. Наблюдать за этой парой было приятно, он знал, что каждый из них смертельно опасен, но даже вместе они не вызывали у него тех чувств, что появились рядом со щуплой эльфийкой.

— Я привел на этот бал настоящего демона. Прости меня, Создатель, все во имя добра.

В следующий момент его взгляд наткнулся на массивную фигуру Видящего. Как и положено представителям его ордена, Кален был одет в роскошный белоснежный камзол, изящно подчеркивающий его стать. Белые брюки были заправлены в высокие сапоги светлой кожи. Он был похож на изваяние. Заметив взгляд Фредерика, Кален кивнул ему и улыбнулся. Стайка придворных дам уже собралась в нескольких десятках шагов от Видящего и, прикрываясь веерами, что-то оживленно обсуждали, бросая то и дело хищные взгляды на одинокого красавца. Принц мысленно посочувствовал другу. Ему придется весь вечер

отбиваться от нападков этих хищниц, а потом его ждет холодная страсть его высокомерной возлюбленной. Опять дрогнуло что-то внутри, и принц запретил себе думать об эльфийке.

А Мирриэль попыталась смешаться с толпой, внимательно слушая и еще более внимательно всматриваясь в лица гостей. Для нее вычислить Воронов не составит труда, у них совсем другой взгляд, они пришли не отдыхать, а убивать, эту разницу, она легко увидит. Она ловила на себе похотливые взгляды, внутренне содрогалась от этих липких взглядов, ее словно опутывала паутина. Она вспомнила свое путешествие по миру тьмы, там сработала наглость, быть может и тут это поможет? Она перестала смущаться и думать о их мыслях. Она встречала их взгляды не отводила глаз, на губах заиграла насмешливая улыбка, она почти издевалась над ними. Встретив очередной взгляд, она отвечала таким надменным холодом, что мужчины терялись и начинали склонять головы. На этом балу она была королевой. Затеряться не получится, ну и пусть, она будет блистать во всей своей демонической красоте, как Адель. Дамы злобно зашушукались за ее спиной, но она лишь презрительно скривила губы. Какое дело королеве, что шепчет челядь за ее спиной? Она заметила быструю тень, скрывающуюся за дверью в дальнем конце зала, ускорив шаг, она добралась до двери и быстро ее открыла, оказавшись в цветущем саду.

— Ничего себе, — не сдержалась она. — Сейчас вроде конец зимы, откуда все эти цветы? Так вот на что идут непомерные налоги, вот из-за чего голодают и страдают люди. Безумная королева!

— О, юная прелестница, вы нашли самое удивительное место в замке нашей великой королевы. Да, здесь есть на что посмотреть, но вот меня гораздо больше всех этих чудесных цветов, дарящих нам свой упоительный аромат в столь неподходящий для благоухания зимний час, интересны вы, юное создание.

На плечо легла тяжелая рука, вынуждая повернуться лицом к столь незваному ухажеру. Мирриэль повернулась и бросила быстрый взгляд на рослого мужчину в дворцовом костюме. Наверняка кто-то из приближенных королевы. Потные руки впились в ее тонкие плечи.

— Ах, какой цветочек мне достался. Миленький, хрупкий цветочек. Вы знаете, юное создание, даже не видя вашего лица я буду просить королеву, отдать вас мне, когда ее братец с вами наиграется, уверен, она не откажет мне. Но сейчас я хотел бы попробовать кусочек этого сладкого пирожка.

Он резко развернул ее, грубо впечатывая лопатки в стену ближайшей ниши. Слюнявый рот потянулся к губам, а руки бесстыдно задрали тонкую ткань нарыва схватить ее за бедра. Но она не стала ничего предпринимать, лишь закинула ногу ему на бедро и аккуратно вытащила из ножен на бедре тонкий нож.

— А ты, старый похабник, видать не знаешь, что женщина может не только звать на помощь и пищать, — нож уперся ему в толстую шею, глаза ее горели яростью. — Есть и другие, которые не только могут, но и умеют за себя постоять. Если не хочешь, чтобы я пустила тебе кровь, боров, быстро ушел отсюда и забыл, что ты меня здесь видел. Вздумаешь болтать, недоносок, найду, и в руках у меня будет не эта игрушка, а настоящие кинжалы, которые сегодня пришлось оставить, ради того, чтобы выглядеть прилично на вашем маскараде. Но помни, если придется, я и этим тебя на полоски порежу, и ремни потом себе сделаю. И не задумаюсь ни на секунду. Проваливай, нечисть.

Она с силой оттолкнула от себя испуганного мужика и брезгливо переступила через дурнопахнущую лужу у своих ног, презрительно сплюнув.

— Вот же гад, платье помял, — пряча кинжал на место проворчала она. — Ну все, с

почином меня. Начинаются приключения.

Ход ее мыслей прервало появление тени за цветочной клумбой. Она зло прищурилась и выпрямилась в полный рост, чувствуя, как по телу пробегает дрожь от соприкосновения с энергией смерти.

— Не меня ищешь, Ворон?

Окрик заставил убийцу на мгновение замереть, она воспользовалась этим и выпустила поток черноты из своей души. Если бы Ворон мог видеть энергии, он бы заметил, как от странной белокожей девушки к нему устремились тугие черные щупальцы, он бы смог уклониться от их стремительного захвата. Но он не мог этого видеть, он не успел ничего понять, когда что-то схватило его за шею, обжигая холодом, в следующее мгновение он был уже мертв. Мирра подошла к телу, покачала головой и приказала темной силе бросить тело в ближайшую клумбу. Охота началась. Она быстро просмотрела оранжерею, больше здесь никого не было, можно было двигаться дальше. Она заметила небольшую дверь для прислуги в другом конце зала и устремила к ней. Войдя в подземную часть замка, отведенную прислуге, она поморщилась. Узкий длинный коридор закончился еще одной дверью. Она толкнула дверь и попала в людскую. В огромном зале как попало валялись тощие тьюфяки, на некоторых из них спали люди.

— Ну и порядки, демон ее раздери, — прошипела Мирра. — Да уж, тут давно нужно было навести порядок, распустилась совсем королева.

— Миледи, — прозвучал рядом испуганный голос. — Вам не нужно тут быть. Позвольте я провожу вас в бальную залу.

Она глянула на низко склонившуюся перед ней женщину. Энергетический взгляд без труда определил в ней принадлежность к эльфам.

— Не стоит, мне сюда и нужно было, милочка. Как тебя зовут?

— О, миледи. Нас накажут, если королева узнает, что кто-то из гостей был здесь.

— Она не узнает, если вы ей не скажете. Послушай, я ищу тут кое-кого. И я буду очень признательна, если ты сможешь мне помочь. Не дрожи ты так.

— Миледи, вам нельзя сюда, — опять залепетала девушка.

— Хватит мямлить. Ты же эльфийка, вспомни свою честь, вспомни свою гордость. Ох, и зла же я на вашу королеву, ох, поплатится она мне. Смотри на меня, милая, ничего не бойся.

Девушка робко подняла глаза, а Мирра с улыбкой откинула прядь волос показывая свои заостренные уши.

— Вы? — удивленно раскрыла глаза девушка.

— Именно так, милая. А теперь по-братски, расскажи-ка мне, тут что-нибудь странное происходило в последнее время?

Девушка удивленно хлопала глазами.

— Ну, так не пойдет, — вышла из себя Мирра и направила на девушку живительный поток голубой энергии, придавая той сил и уверенности.

Еще несколько раз моргнув, девушку приободрилась и тихонько затараторила.

— Да, миледи, уже неделю слуги пропадают. Все, кто пошел в старую часть замка, не вернулся. Человек десять-двенадцать, но кто нас считает?

— Итак, старая часть замка. Где это? Веди.

— Хорошо, миледи. Идемте.

Она быстро пошла вперед через огромный зал, переступая через пустые тьюфяки, а

иногда и через людей. От них шарахались в стороны встречающиеся слуги в грязных одеждах, а иногда и вовсе в лохмотьях. Испуганные лица, блеклые глаза, униженные улыбки. Круговерть страха и забитости, даже в мире тьмы она не видела такого ужаса. Она сжала кулаки. Она поможет им, но потом, сперва нужно спасти их королеву, ну а потом она уже поговорит с ней, по-своему. Она уже знала, что она сделает, и по губам мелькнула злобная ухмылка. Девушка довела ее до большой двери, запертой на большой засов.

— Это здесь, миледи, — проговорила девушка. — Миледи, простите меня, вы новая фаворитка королевы?

— Фаворитка? — приподняла бровь Мирра.

— О, простите, миледи, я не хотела вас обидеть.

— Ты не обидела, я просто не поняла.

— Ну, так это же всем слугам известно, королева Миранда лишилась своей избранницы, Молли, говорят ее убили и голову отрезали. По мне, так и надо было с этой злобной стервой поступить.

— Королева предпочитает девушек? — задумавшись уточнила Мирра.

— Королева не разбирает, миледи. Откуда вы, если не знаете этого?

— Я издаю, милая. И действительно много не знаю. Хорошо, что ты мне это сказала. Говоришь голову отрезали, — Мирра улыбнулась, прислушиваясь к хвалебной речи Адель в своей голове. — Так все и было, дорогая. Ей отрезали голову и отправили в подарок ее отцу, как предупреждение.

— Это сделали вы? — глаза девушки широко распахнулись от испуга.

— В некотором роде. Но тебе не следует меня бояться. Я так поступаю, только с очень плохими людьми. А теперь у меня будет к тебе просьба. Стой у этой двери, и не позволяй никому входить. Я скоро вернусь.

— Миледи, засов должен быть закрыт, иначе стража на обходе заинтересуется.

— Хорошо, милая, я закрою дверь, ну а ты ничему не удивляйся, и не бойся меня. Я заставлю тебя вспомнить, что такое эльфийская гордость, милая.

Мирра призвала энергию и тяжелый засов с легкостью вышел из запоров, освобождая путь.

— Жди здесь.

Мирра вошла в дверь и закрыла засов за собой. Полуразрушенные стены, покрытые противной зеленоватой слизью, запах затхлости. Мерзкое местечко, но ничего. Она прошла по большому залу и почувствовала запах разлагающегося тела. Несколько тел. Несколько десятков тел. Запах шел из одного ответвления уходящего в сторону от главного зала. Заглянув туда, Мирра ужаснулась. Чуть дальше по коридору как попало были свалены трупы людей.

— А вот и пропавшие слуги. Ну, что же, Вороны, право на быструю смерть вы уже потеряли. За них я с вами тоже поквитаюсь.

Разгоревшийся в груди огонь ненависти она, неосознанно, перенесла на это жуткое захоронение. Тела вспыхнули ярким огнем, освобождая прикованные к ним души, возвращая их в колесо вечного перерождения. Когда формальности с погребением были окончены, Мирриэль уверенно направилась по коридору, она уже знала, где они, для энергии жизни никакие стены не являются преградой, она видела их яркие голубые силуэты. Восемь источников энергии жизни. Скоро она погасит их, как отправляясь спать гасят свечи. Она несколько раз упиралась в тупик, но возвращаться назад не хотелось, и она разрушала

преграды, простым желанием, освобождая себе проход. Она не заметила света, в конце очередного прохода, она шла, используя энергетический взгляд. Шаг она не сбавляла, лишь освободилась от наполнившей ее энергии жизни и позволила темноте и злости наполнить свою сущность.

Вороны сидели у костра в ожидании приказа, когда заметили появившуюся из темного тоннеля хрупкую фигуру.

— Ну, что, убийцы, поиграем? Вот уж не думала, что буду получать от этого такое удовольствие.

Они вскочили, в нее полетели ножи, но она даже не шевельнулась. На их глазах, хрупкую фигуру окутала тьма, которая, казалось вырывалась из ее груди. Наткнувшись на эту тьму, их ножи обращались в прах. Не дожидаясь окончания этого светопреставления, Вороны бросились на странную незнакомку. Какого же было удивление профессиональных убийц, когда первый из них громко вскрикнул и схватился за лицо, из-под его пальцев потекла кровь, крупными каплями падая на замшелые камни.

— Пусть не видят глаза, что смотрели, как творится зло, — звонко нараспев произнесла девушка. — Пусть рвется на части сердце, что не дрогнуло, глядя в глаза несчастных.

Двое Воронов застыли на месте, в их глазах блеснуло осознание и в тот же миг раздался хруст ломающихся ребер, пронзающих осколками сердца.

— Пусть же воздух покинет того, кто молчал, глядя на все, — тем временем продолжала девушка. — Пусть, рука, свершившая убийство, обернется против носителя своего.

Один из Воронов схватился за горло, судорожно пытаясь сделать вдох, еще трое истошно закричали, когда их руки, сжимающие кинжалы, начали вонзать оружие куда и как попало, превращая тела в кровавое месиво.

Двое оставшихся, наконец преодолели расстояние, разделявшее их и странную девушку. Мелькнули два кинжала.

— Пусть тьма ваших душ, обретет свободу и исполнит мою волю, призываю тебе, именем принцессы тьмы, Адель, поглоти породившего тебя! — спокойно глядя им в глаза пропела девушка.

Они не поняли, что произошло. Каждого окружило черное облако, сжимаясь облако становилось все плотнее, два крика замерли в пустоте подземелья, когда на холодные плиты упали раздавленные тела тех, кто еще недавно был Воронами.

— Мерзкие, низкие твари. Пусть же очистятся ваши души, искупая вашу жестокость тысячами перерождений.

Останки Воронов вспыхнули огнем. Мирра внимательно просмотрела подземелье, больше живых здесь не было.

— Остальные, видимо уже в зале, придется искать, демон их дерит! Хотя, представление будет, что надо, после него королева точно не захочет мне перечить.

Мирра приказала пламени угаснуть и пошла назад. Остановившись у двери, она не стала призывать энергию жизни, просто обратила дверь, преграждающую ей путь, в труху. И тут же разозлилась еще сильнее. Ее ожидал неприятный сюрприз. Девочку-эльфийку, что помогла ей держал пузатый мужик в доспехах стража, а другой задирает ей юбку, девчонка брыкалась, но этим лишь больше заводила стражей.

— И что это тут происходит? — вкрадчиво, почти не повышая голос спросила Мирра.

От удивления стражи замерли, державший ослабил хватку, девчонка вырвалась и бросилась к Мирре, но другой перехватил ее и прижал к себе.

— А что такого, миледи, двое стражей решили расслабиться после тяжелого дежурства, а девка — просто служанка, что с ней будет-то? А что ваша милость тут изволит делать?

— Не твое дело, погань. Отпусти девочку, немедленно.

— Миледи, вы не в своем доме, вы не можете тут командовать, со всем почтением, — самодовольно улыбнулся один из стражей.

— Какие же вы идиоты, — посетовала Мирра. — Мне не важно в чьем я доме, я могу приказывать везде, это мой мир! Вы ничем не лучше Воронов, тупицы, не поняли, что со мной нельзя спорить! Похоть пусть тебя утопит, кто захочет тот и сдохнет.

Страж, что все еще сжимал девушку странно булькнул и закатил глаза, падая вниз, из его рта, носа, глаз и ушей полилась мутная жидкость. Он дернулся и затих. Второй смотрел в ужасе на участь своего товарища.

— Миледи, что это с ним?

Мирра обняла подбежавшую девушку и зло глянула на стража.

— А ты как думаешь? Захлебнулся своей похотью. Запомни, хочешь жить, никогда не пытайся овладеть кем-то силой. Если все будет по согласию, тебе ничего не грозит, но стоит тебе лишь подумать, что-то непристойное о даме и тебя ждет то же, что и твоего дружка. Понял?

Стражник затрясся всем телом и закивал.

— Так-то. Пшел отсюда, пес!

— Миледи, — прошептала девушка. — Кто вы?

— Не это важно, милая, важно кто ты? Ты понимаешь теперь, мои слова? Ты вспомнила кто ты?

— Да, миледи.

— Что ты будешь делать теперь, дитя?

— Вольные леса всегда принимали своих детей, даже заблудших, для неугодных при дворе всегда остается Глушь. Я дитя леса, дитя Равновесия.

— Умница, дитя мое. А теперь найди братьев и сестер своих. Лес ждет вас, очнувшиеся ото сна, дети леса. Ступай, мое имя станет пропуском в древний лес. Любому стражу, что остановит тебя, говори, что послала тебя Мирриэль-хранительница, никто не станет чинить преград.

— Благодарю, хранительница, — девушка не упала на колени, не стала целовать рук, она склонила голову, поклонившись спасительнице, как равная равной.

Мирра с улыбкой ответила ей таким же сдержанным поклоном. За этой сценой следило несколько десятков человек.

— Что застыли, бедолаги? Вас тоже пробудить нужно? Что держит вас здесь? Кнуты и плети? Так идите туда, где не найдут вас, живите своей жизнью, сбросьте ярмо, что надели вам на шею. Распрямите спины. Лишь перед Создателем должны вы сгибаться в поклонах. А пока живы вы все равны, и батрак, и барон, будут одним судом судимы, последним судом. Лишь сами вы можете выбрать себе предводителя. Сами вы вольны в выборе: жить червем в услужении или стать человеком. Лишь за вами решение. Хотите оставайтесь, хотите уходите. Сегодня ночь больших перемен, никто не станет вас искать и преследовать, сегодня ночь возрождения. Идите, вы свободны.

Люди замороженно смотрели на странную девушку в бальном платье. А она, гордо вскинув голову, прошествовала мимо них в сторону выхода в сад.

— Ох же, демон, обращения к силам тьмы всегда делает из меня напыщенную дуру.

Надо же, как я меняюсь, в зависимости от энергии, которую использую, — недовольно бормотала она, быстро шагая к выходу из сада. — Дети мои, пфф. Но сегодня придется потерпеть, без нее я сегодня ничего не сделаю толком. Дерьмо, что за напасть? Как эти барышни всю жизнь ходят в таких нарядах?

Она остановилась и поправила сползающие ножны. Глянула на туфельки и покачала головой. Туфли были безнадежно испачканы, в таких нельзя было появляться в бальном зале. Поразмыслив, она призвала энергию смерти и просто уничтожила всю грязь на беленьких туфельках. Осмотрев результат, она удовлетворенно кивнула и вышла в общий зал. Всеобщее внимание опять было приковано к ней. Никому неизвестная баронесса произвела фурор в высшем свете. Но любопытные, завистливые и откровенные взгляды ее уже совсем не трогали. Она искала своих, чтобы поделиться информацией. Зал был огромен, и в нем собралось очень много людей. Дамы в пышных платьях, сверкали украшениями, пытались перещеголять друг друга. Кавалеры в несуразных нарядах, расшаркивались и обменивались последними новостями. Проходя мимо одной из компаний Мирра услышала разговор о Молли, но эта информация ей уже была известна, она улыбнулась, мысленно похвалив Адель. Убранство зала должно было, наверное, ослеплять своей роскошью, но в памяти всплывали покои эльфийского замка в день коронации Раирнаила, по сравнению с той роскошью, эта казалась убогой безвкусицей, и Мирра презрительно кривила губы, осознавая в очередной раз величие своего народа. Люди никогда не смогут даже приблизиться к эльфам, не то что сравняться с ними. Играла музыка, но и она не доставляла эстетического удовольствия эльфийке. Чуткий слух улавливал каждую неточность, каждую ошибку, от чего портилось общее впечатление. В своем простом наряде она была украшением этого вульгарно-кичливого мероприятия. Она почувствовала внимательный взгляд на себе и быстро обернулась, встретившись глазами с одним из слуг, подающим напитки. Ворон. Сомнений не было, местные слуги не смеют смотреть в глаза гостям, а этот встретил ее взгляд спокойно, лишь несколькими мгновениями позже он опустил глаза, но ей было этого довольно. Она подошла к нему, взяла с подноса бокал с вином и тихо прошептала.

— Я убью вас всех, как тех восьмерых, что остались в старой части замка, — она мило улыбнулась подошедшему сквайеру, дожидаясь, пока он поставит пустой бокал на поднос и отойдет. — И мне очень хочется сделать это побыстрее.

Поднос в руках Ворона едва заметно дрогнул, тонко зазвенели соприкоснувшись боками хрустальные бокалы.

— Если бы вы не убили слуг, я бы, возможно, пощадила вас, но теперь, — она бросила на него негодующий взгляд. — Ядом станет твоя кровь. Уходи или оставайся. Можешь попытаться предупредить своих, у тебя осталось несколько минут.

Она развернулась и отошла от него, зная, что он не поверил ей. Напрасно. По его жилам уже растекался медленный яд. Умирать он будет мучительно. Она видела, как Ворон поспешил скрыться из зала.

— Вы представляете, кто-то отрезал бедной девочке голову. Это, было шоком для королевы, но то где нашли Молли, стало просто ударом. Говорят, что накануне своей смерти она уединилась с какой-то прекрасной эльфийкой в комнате для утех, там ее и нашли, голую, прикованную к постели и без головы.

— Эти эльфы, такие опасные. Просто дикари. Думаю, стоит приказать надеть на них ошейники и кандалы, даже на домашних слуг, — пискливо заявила дама огромных размеров.

— На себя надень кандалы и намордник, дура, — зло шепнула Мирра.

Ну, это она решила, что шепнула, но сказала она это громко и очень зло, на нее тут же уставилось несколько пар ошарашенных глаз.

— Вы что-то сказали, миледи? — решил помочь ей выкрутиться один из мужчин, плотоядно пожирая ее взглядом.

Но Мирра не поняла, что ей бросили спасительную веревку и жестко ответила.

— Именно, я посоветовала этой надутой индюшке надеть на себя кандалы и намордник, чтобы ее злобного лая не было слышно. Эльфы им не угодили. Дурачье, — эльфийка зло сверкнула глазами. — Эльфы заплатили своим бессмертием за спасения этого мира, они отдали то, что принадлежало им по праву, чтобы подобные вам могли продолжить свое бесцельное, убогое существование, паршивые овцы, погрязшие в разврате и обжорстве, нежелающие замечать ничего вокруг себя. Жалкие и мелочные, низкие и подлые.

Распалившись, Мирра не заметила, что ее горячая речь собирает все больше слушателей, что ее слова вызывают ропот недовольства. Она не обратила внимания, что толпа вокруг нее все растет. Но это не укрылось от зоркого глаза Энель. Она не слышала, что происходит внизу, но видела собирающуюся толпу и взволновалась, рассмотрев знакомое зелено-голубое платье в центре.

— Ой-ей, Жас, у нас неприятности, — она кивком указала вниз.

Жасмина пожала плечами.

— С чего ты взяла, может кто-то рассказывает новый анекдот и весь двор собрался послушать?

— Мирра не рассказывает анекдоты и тем более она не любит быть в центре внимания. Ой-ей, беда на наши головы, нельзя было ее одну оставлять.

— Это она? — внимательнее всматриваясь в тоненькую едва заметную в плотной толпе фигурку уточнила Жасмина. — Ладно, не волнуйся, сейчас разберусь, только твоего здоровья прихвачу, вдруг моего дара убеждения будет недостаточно. Надеюсь меч у него на бедре настоящий, а не для красоты?

— Шутишь? Чтобы Гранд взял меч для красоты? Конечно настоящий, — Энель улыbnулась и поманила мастера меча.

— Что такое, — напускное спокойствие тут же пропало с его лица.

Энель молча указала ему вниз.

— Мирра? А я вот и не сомневался. Пойду туда, выручать эту занозу из очередной передрыги, главное, чтобы она...

— Ей больше не нужна Адель, если ты еще не понял, — печально произнесла шпионка. — Вот только боюсь я, что проделки демонессы нам покажутся детскими шалостями по сравнению с тем, что может натворить это воплощение добра и справедливости.

— Равновесия, — автоматически поправил ее Гранд и устремился вниз по широкой лестнице.

Толпа вокруг Мирры становилась все плотнее и все злее были голоса в ней. Жестокая отповедь никому не известной баронессочки, пусть даже и фаворитки принца, приводила людей в ярость. Но она не замечала этого продолжая сыпать оскорбления на головы людей.

Гранд вошел в толпу спокойно раздвигая людей своими широкими плечами и в несколько больших шагов оказался возле Мирры. Он с опаской взглянул в глаза девушки и не заметив в них тьмы, миролюбиво улыbnулся.

— Баронесса, — учтиво произнес он, прикасаясь губами к пальцам ее руки и незаметно

крепко ее сжимая. — Не могу передать вам всей радости от встречи с вами.

— Что? — запнулась она на очередной гневной тираде, переводя взгляд на него.

— Замолчи, дуреха, они же тебя сейчас порвут, — прошептал он, склоняясь к ее уху.

— Меня? — улыбнулась она. — Очень сомневаюсь, дорогой друг. Сейчас со мной вряд ли кто-то сможет управиться, даже ты, мастер меча.

— О, баронесса, — словно только что заметив ее, к ней подошла Жасмина. — Какая честь, вновь встретить вас, да еще в таком блистательном обществе. Вы чудесно выглядите, а какие камни у вас в волосах, это изумруды?

— Аквамарин, — поправила ее Мирра и зло шепнула на ухо обнявшей ее Жасмине. — Что вы тут устроили?

— Спасаем и тебя и положение в целом. Ты забыла зачем мы здесь? Наша цель уберечь королеву, а не устраивать цирковой балаган с кучей зрителей.

Несколько раз небрежно прикоснувшись к щекам Мирриэль, Жасмина с деланным удивлением осмотрела толпу.

— О, баронесса, вы пользуетесь успехом, как я посмотрю, но это и не удивительно. Подыграй мне, — прошипела она на ухо Мирриэль. — Сделай вид, что тебе дурно, Гранд тебя подхватит на руки и мы спокойно покинем это место.

Мирриэль тяжело выдохнула, чтобы не наговорить глупостей и начала оседать. Гранд быстро подхватил ее удерживая за талию.

— Баронесса, — испуганно вскрикнула Жасмина. — О, Создатель, вам плохо. Слишком много вина для столь юной особы и такая теплая обстановка, вот бедняжке и поплохело. Несите ее на свежий воздух, милостивый государь, к фонтану, свежий воздух и холодная вода — ей помогут прийти в себя.

Разыгранный спектакль подействовал безупречно.

— Так она просто пьяна, вот и весь сказ, — послышались голоса. — А мы-то уж подумали, что она не в своем уме, а девочка просто не рассчитала с выпивкой.

Посмеявшись над пьяной выходкой фаворитки принца, толпа потеряла к ней интерес, и все разошлись, обсуждая произошедшее, как неудачную шутку.

Едва за Грандом закрылась дверь, Мирра встала на ноги и уперла руки в бедра.

— Все, хватит меня лапать, Гранд.

— Даже и не думал об этом, — обиженно произнес мастер меча. — Единственное, о чем я действительно думал, это как бы тебя все-таки отшлепать, несносная девчонка! Вот прознает Кален про твою выходку, лишит сладкого на год!

— Я не ем сладости, — сконфузилась эльфийка.

— А я и не говорю про еду, — зло ответил мастер меча.

— Ты что там устроила? — набросилась на нее Жасмина, едва осмотревшись на предмет посторонних.

— Я защищалась, — попыталась оправдаться эльфийка. — Ладно, извините, не сдержалась. Все, больше не буду! Честно! Хорошо, что вы меня нашли, а то я в этой куче мала вас бы долго искала. Гранд, подбирайся поближе к королеве, Вороны среди гостей, несколько точно среди прислуги. Восьмерых я уже устранила, один помирает прямо сейчас, не знаю где, но умирает точно. Мне бы присмотреться к гостям, но их болтовня меня бесит... Если бы вы не появились я бы и их поубивала.

— Танец, — спокойно подсказала Жасмина. — Во время танца ты сможешь увидеть очень многих, кружась по залу. И говорить с тобой они не будут, ты будешь с кавалером. Так

что все будут в безопасности.

— Отличный план, — похвалил Гранд. — Но кто рискнет танцевать с ней теперь? Принц отпадает, он неотлучно при сестре должен быть. Я танцор — никакой, с ногой, переломанной в четырех местах, я не то что закружить даму в танце, передвигаться с трудом могу.

— Кален, — спокойно вынесла решение Жасмина. — Найди его, девочка, и пригласи на танец, когда появится королева, начнутся танцы.

— План хорошо, но Кален не танцует, — вспомнила Мирра.

— Это он тебе сказал? Не верь. Командор хоть и не отличный, но сносный танцор, мы с Энель в свое время постарались. Так что можешь не волноваться, отказать тебе он точно не решится, — Жасмина внимательно осмотрела ее. — А выглядишь ты и вправду чудесно. Не скажи мне Энель кто ты, в жизни бы не узнала в этой прелестной даме, того сорванца, что вошел в Лоринг вместе с Грандом и Каленом. Тогда тебя от парня только и отличить можно было, если раздеть, а тут такая красота.

— Спасибо, Жас, но не стоит, образ «сорванца» мне гораздо привычнее, чем эти атласные ленты и шелковые платья, — Мирра еще раз себя осмотрела. — Пойду, попытаю счастья. Гранд, подстраховывай принца, может и неплохой вояка, но тебе я гораздо больше доверяю.

Она дотронулась до плеча Гранда и он вздрогнул.

— Мирра, что с тобой? Ты холоднее снега.

В глазах у нее потемнело, она схватилась за плечо друга, едва не повиснув на нем.

— Нет-нет, все закончилось, этого нет, — каменные стены придавливали к полу обнаженное тело сломленной эльфийки, холод пробирал до костей, заставляя стучать зубы, больно впивались в шею острые шипы ошейника.

Безумный взгляд пустых глаз и снова только одно слово: «Очнись!».

Мирриэль пришла в себя, когда губ коснулась холодная влага. Жасмина аккуратно вливала ей в рот холодную воду, захваченную у одного из официантов, Гранд поддерживал ее за плечи, не давая упасть.

— Уже все в порядке. Спасибо, — Мирриэль глубоко вдохнула свежий воздух, изгоняя остатки кошмара, осевшего в легких тягучей сыростью каменного подземелья.

— Что опять с тобой случилось, девочка? Элирия? — Гранд помог ей подняться, подал руку.

— Нет, Гранд. Больше Лири не приходит. Когда мы с Каленом остались наедине, они тоже соединились. Больше их нет, то есть они конечно есть, но больше они не могут нам ничем помочь, поэтому не вмешиваются. Это хуже, Гранд, гораздо хуже.

— Я заметил, — кивнул Гранд. — Ты кричала и вырывалась, словно отбивалась от кого-то. Мирра, что с тобой происходит?

— Давай, закончим с нашим делом, а потом я вам все расскажу, всем вместе, в приятной обстановке.

— Когда Кален будет рядом, — закончил за нее мастер меча.

Она кивнула и отвела глаза. Больше она ничего не говорила, повернулась к ним спиной и пошла в бальный зал.

Высокий потолок, свисающие с них тяжелые люстры, усыпанные свечами, бархат портьер, атлас и шелк нарядов. Блеск и сияние начищенных полов и украшений. И тяжелый сладкий запах, смешения духов, свечей, вина и чего-то еще. Голова шла кругом, а еще сотни

лиц: таких разных, но одинаково неприятных. Остаточная слабость уже проходила, стараясь глубоко дышать и не задыхаться, она обводила взглядом зал в поисках Калена.

Протяжно затрубили горны, зашевелились гости, стараясь занять наиболее выгодную позицию под широким балконом, где уже стояли несколько фрейлин, бросая томные взгляды в сторону принца Фредерика, сидящего на ступенях трона своей сестры в ожидании последней.

Герольд откашлялся и звучно прокричал:

— Ее королевское величество, вдовствующая королева Миранда...

Далее последовало бесконечное перечисление титулов, званий, земель и еще чего-то. Люди притихли и уже склонились в поклонах. Мирриэль пренебрежительно взглянула на балкон, и продолжила свои поиски. Замершие в глубоких реверансах дамы, коленопреклоненные мужчины, теперь обзор был гораздо лучше. Она увидела его на втором этаже. Рядом с мужчиной, одетым в ослепительно белый наряд, застыло несколько дам. Она улыбнулась, видя, как пользуясь моментом он пытается избавиться от их навязчивого внимания, оставляя между ними все большее расстояние. Забыв обо всем на свете, она пошла к нему. Решив не привлекать к себе внимание, она избегала широких лестниц и скрывалась в тени балконов и балюстрад. Выход королевы застал ее на лестничном пролете, краем глаза она заметила тень, метнувшуюся в сторону от нее.

— Вот же, зараза! Сколько вас еще? Надо бы дознаться, — ругнувшись Мирра, последовала за тенью.

Перед ней была стена, но она точно видела, как в эту нишу скользнула тень. Она еще раз улыбнулась, мысленно поблагодарив Калена за подробное изучение планов замка между поцелуями, здесь была тайная комната. Входить внутрь, совсем не хотелось и Мирра намеренно громко несколько раз шлепнула по полу, делая вид, что она удалилась, а сама, тем временем затаилась у входа, выжидая.

Ждать не пришлось долго, беззвучно отошла часть стены и из проема высунулась голова в черном капюшоне. Воспользовавшись моментом, Мирра сильно ударила человека локтем по шее и еще быстрее затащила его назад в тайную комнату. Дверь за ними так же беззвучно закрылась, Мирра ругнулась и сорвала со своего пленника капюшон. Перед ней на полу без сознания лежал мальчишка.

— Чудесно! Просто восхитительно! И что мне с ним делать?

Она стояла над ним рассматривая по-юношески прыщавое лицо и задумчиво дергала себя за уже изрядно сбившиеся локоны. Парнишка распахнул глаза и дернулся за ножом.

— Даже не думай, юнец. Пискнуть не успеешь, — грозно проговорила она. — Итак, ты — Ворон?

— Да, — тихо, ответил мальчишка, потирая ушибленный затылок.

— Ты? Ворон? У вашего магистра совсем ум отнялся? Ты ж еще ребенок! Куда таких посылать-то? Ты старше Криса хорошо, если на пару лет! Люди — совершенные безумцы.

— Я — ворон, — упрямо повторил парнишка.

— Точно, а я в таком случае, видимо дриада! Ух, встречу я его, ух, получит он у меня за такие выходки! Кто же так с детьми поступает-то? Ладно, — выдохнула она. — Слушай меня внимательно, Ворон. Я задам тебе несколько вопросов, если ответишь честно и быстро, выпорю и отпущу. Но если соврешь, — она приблизила свое лицо к нему и заглянула в глаза, чтобы сомнений у него не осталось. — Убью. И забудь про свой яд. Лерд предупредил меня. Но со мной такие шуки не проходят, малыш, я верну тебя и очень жестоко накажу.

Мальчишка хрипло рассмеялся и потянулся к краю своего жилета.

— Не зли меня, малыш, — сверкнула она глазами, и тонкая проволока, блеснувшая уже в его руках, рассыпалась пеплом.

Когда она опять склонилась над пареньком на кончиках ее пальцев сгущался мрак энергии смерти.

— Итак, сколько здесь Воронов?

— Пятнадцать, — тихо пробормотал паренек, пряча глаза.

Мирра приблизила пальцы к его плечу. Она знала, что сейчас парня настигнет удар, от соприкосновения с миром тьмы, но другого выхода не было. Паренек закричал от боли и ужаса. Мирра отдернула руку.

— Спрашиваю еще раз, парень, сколько здесь Воронов? Как ты уже понял, солгать мне не получится, я вижу ложь не хуже Видящих, а может и лучше многих из них.

— Двадцать шесть человек. Сюда послали последних. Всех, кто еще был способен и прошел обучение хотя бы до пятой ступени.

— О, так у вашего ордена проблемы? Не удивительно, ваш магистр неразумно принял заказ на одну очень злобную эльфийку, — Мирра заложила волосы за уши. — На меня, глупыш. Но, как видишь, даже твоих более опытных соратников постигла неудача, я стою здесь, а их трупы доклевывают птицы или растаскивают звери. Хочешь к ним присоединиться?

Парнишка отчаянно замотал головой. Мирра видела, как дрожат его губы, но нужно было отдать парню должное, он пытался держаться.

— Ладно с количеством разобрались. Девятерых я уже нашла, остается всего шестнадцать, прости, малыш, тебя уже не считаю. Убитых слуг было, — она задумалась, вспоминая останки несчастных. — Шестнадцать. Хм. Сколько ряженных ходит по залу? Отвечай, малыш, не заставляй причинять тебе боль.

— Десять, — буркнул паренек. — Кто ты такая?

— Осмелел? Я — Мирриэль. Сколько среди них опытных мастеров?

— Восемнадцать. Что это было, чем ты ударила меня?

— Это боль от соприкосновения с миром тьмы. Живым там нет места, тем более в смертной оболочке. Восемь в подземелье — точно были мастерами, да и разносчик в зале тоже. Итак, осталось — девять и семь подростков, вроде тебя. Зачем посылать детей?

— Мы должны были отомстить за смерть его дочери, — выпалил паренек. — Обезглавили дочь магистра и отправили одного из наших с ее головой. Дрожащий посыльный сошел с ума, единственное, что он твердил — «Берегитесь Хранителей, особенно Мирриэль. Она — демон.»

— А, поняла, личная неприязнь, что ж, понимаю. Я тоже от него не в восторге. Но должна отдать должное вашему посыльному, он был недалек от истины. Но сейчас не об этом. Что же мне с тобой делать? Да и не только с тобой, демон! Вот не могу я так! Цель подростков — это я. Решение напрашивается, само собой. Хочешь спасти своих друзей? Не взрослых, их участь решена. Таких же пацанов, как ты сам. Если ты откажешься, я пойму, но тогда они умрут, пойми во время боя я не стану разбираться кто передо мной, важно будет только одно — это враг. А врагов я убиваю без колебаний.

Парень внимательно смотрел на нее, изучал лицо, движение губ, выражение глаз. Их учили распознавать правду, она не лгала, в этом он не сомневался. Отправляясь на задание, он нарисовал себе образ врага, эдакую огромную злобную эльфийку с клыками и рогами, но

вот она перед ним худенькая девушка, чуть выше его самого, изящная и утонченная. Такую убить-то ничего не стоит, только вот рука не поднимется, особенно когда она смотрит вот так в глаза.

— Ты очень красивая, и совсем не похожа на демона. Стан, видимо, тронулся умом гораздо раньше. Это ведь не ты ее убила?

— Нет, не я. Я бы не смогла, — она печально улыбнулась, уголки ее губ дрогнули, словно она пыталась сдержать стон. — Слушай, я хочу избежать мук совести, помоги мне, пожалуйста. Ты спасешь их, и, возможно, вы все захотите узнать другую жизнь. Жизнь, где не придется убивать, чтоб выжить. Хранители уже достаточно большой орденом, думаю, вы, так же, как и мальчики, которые не успели стать Видящими, сможете найти приют у нас. Возможно, вы сможете даже подружиться. Это все слишком сложно объяснить за несколько минут, но, прошу тебя, поверь. Я смогу убедить Хранителей принять вас, всех вас, кто захочет остаться.

— Ты и вправду хочешь нам помочь? Зачем?

— Очень скоро все изменится, в корне. Больше не будет никаких орденов, останутся только Хранители, и как победители мы возьмем на себя обязанности по защите и опеке пострадавших в этом противостоянии. Я хочу помочь.

— Что ты предлагаешь?

— Приведи их сюда. Всех мальчишек. Скажи, что нашел меня, что сам боишься не управится и просишь у них помощи.

— И что ты сделаешь с нами?

— Усыплю. Я могу лишить ваши тела силы, и вы просто будете ждать, пока я вернусь за вами.

— А если ты обманешь и убьешь нас всех, едва мы переступим порог?

— Убить вас я могу и по одному, выловить так же, как словила тебя, но тогда у них точно не будет шанса, я даю тебе шанс.

— А если я приведу не только мальчишек? Если мы нагрянем сюда всей толпой? И сами попытаемся выполнить задание?

— Я убью вас! Всех. Мне для этого потребуется лишь мгновение. Вы не успеете ничего сделать, ты очень облегчишь мне жизнь, но не выживет никто. Выбор за тобой. Решай быстро, у меня еще масса дел.

— Хорошо, хорошо. Я помогу тебе, только не убивай их.

— Обещаю, — она одобрительно кивнула головой.

Паренек вышел из комнаты, а она скользнула следом, укрываясь в тени огромной статуи. Конечно же она не собиралась ждать их в ловушке, там должны были оказаться они. Из своего укрытия Мирра слышала гром рукоплесканий, королева произносила речь, но она не слышала слов, она пыталась удержаться на ногах. Обращение к энергии смерти каждый раз швыряло ее на каменный пол полузабытой камеры, даже малейшее соприкосновение с ней причиняло боль, вызывая воспоминания. И теперь, установив ловушку в тайной комнате, она удерживала свое сознание, чтобы не провалиться в кошмар.

Пареньку потребовалось немало времени, чтобы собрать друзей. Мирра с улыбкой насчитала восемь мальчишек. Он привел всех.

— Я запер ее там, — шептал прыщавый парнишка. — Но сам не смог ее убить, она очень красивая, совсем не такая, как мы думали.

Щелкнул секретный замок, и ребята толпой ввалились в комнату обнажив ножи. Едва

последний из них переступил порог, ее ловушка захлопнулась, непроницаемая черная поблескивающая сфера накрыла комнату, заперев внутри всех мальчиков. Она подошла к двери, глядя на них.

— Не пытайтесь ее трогать, мальчики. Это частичка мира тьмы, вам не совладать с этим. Если попробуете — будет очень больно. Даже легкое прикосновение причинит сильную боль. Сидите тихо, детки, я вернусь за вами, когда все закончится.

Один из ребят с разбега бросился на мерцающую стену, едва столкнувшись с ней, он взвыл, и отлетел к своим друзьям.

— Сфера непроницаема для звука, так что вас никто не услышит. Ведите себя прилично, мальчики, и никто из вас не пострадает.

Дотронувшись до рычага, она закрыла дверь и выдохнула. Одной проблемой стало меньше. Теперь нужно отыскать Калена и разобраться с остальными. Поднявшись на балкон, где она видела его в последний раз, она осмотрела. Он был там. Сбежать ему не дали. Но он держал оборону. Его окружили девушки и женщины и наперебой пытались завести с ним беседу. Он односложно и отстраненно отвечал на их вопросы, стараясь придерживаться рамок приличия. А окружившие его стреляли глазами, томно вздыхали и любыми способами пытались дотронуться до его руки, плеча или любой другой части тела. Мирриэль заулыбалась. Кален привык к женскому вниманию, в этом она не сомневалась, но теперь у него была она. А это многое меняло. Ему было неловко, он не знал, как теперь вести себя с другими женщинами, как избавиться от их навязчивого внимания и при этом не нанести оскорбления. Он улыбался шуткам, целовал руки, и отступал пока не уперся спиной в пьедестал очередной статуи.

— Командор, неужели вы откажете нам всем? Неужели никто из нас не сможет уговорить вас на танец? Вы такая бука, командор.

— Прошу меня простить, милые дамы, я не танцую, — в который уже раз, мягко повторил он. — Мне льстит ваше внимание, но вам лучше поискать кавалеров, среди придворных.

— О, командор, вы разбиваете наши сердца. Ну раз уж мы не сможем уговорить вас на танец, расскажите нам о своих приключениях, говорят, вы возглавили орден Хранителей. Расскажите о них, мы просим вас. А то в столице только и разговоров о какой-то эльфийке, которая чуть не убила Джаспера на приеме Кассандры, говорят с ней был грязный гном и очень симпатичный эльф. Кто она, командор?

— Дамы, я не возглавляю орден, я лишь командую войсками, не более того, — сдержанно произнес он.

— Говорят она навела столько страху на гостей Кассандры, что многие потом несколько недель отлеживались в постелях, боясь покинуть свои покои, — доверительно шептала другая дама.

— Мне не известно таких подробностей, милые дамы, я не присутствовал на выше обозначенном приеме, — холодно произнес он пытаясь уйти от разговора.

— Интересно, а эти двое эльфов не затевают ли чего-то? Как вы приняли эти отбросы в свои ряды, они порочат ваше имя, командор, — кривила губы еще одна.

— Инариэль — очень мудрый эльф, и в наших рядах он не один, ко всему прочему Инар могущественный маг. Про Мирриэль вообще сложно сказать что-то плохое, она замечательный товарищ и очень добрый человек.

Дамы активнее заработали веерами.

— Вы забываете, командор, что она и не человек-то вовсе! Она эльфийка, этого нельзя изменить. Эти грязные жители леса годятся только для черной работы и домов свиданий, — пропела юная особа, нарочью взяв Калена под руку.

Он твердо остановил ее и холодно произнес.

— У вас превратное представление об этом народе, миледи. Они гораздо более человечны, чем многие из присутствующих здесь людей.

— О, командор, не сердитесь на нас, видеть холод в ваших глазах, губительно для наших нежных душ. Но неужели на этом балу нет ни одной женщины способной растопить этот лед?

— Одна есть, точно, дамы. Но среди вас ее нет, прошу меня простить.

Но даже эти слова не остановили нападков. Зазвучала музыка и Мирра решила, что пора помочь любимому. Она подошла к нему со спины и опустив глаза тихо прошептала.

— Такая чудесная мелодия, командор. Неужели даже она не трогает вашу душу, неужели вы все еще не хотите закружиться в танце?

— Я не танцую, — тихо, но твердо произнес он, даже не поворачивая головы.

— Вот это да, — улыбнулась Мирра. — Вот теперь я даже не знаю сердиться мне или радоваться этому отказу.

Кален резко обернулся и на его губах заиграла счастливая улыбка.

— Миледи, — склонил он голову в поклоне и взяв ее руку поцеловал тонкие пальцы. — Я не смел надеяться на встречу.

Он поднял на нее горящий взгляд. Она видела восхищение, обожание и гордость на его лице. Без труда читалось желание заключить ее немедленно в объятия, на глазах у всего двора, прижать к себе эту драгоценность и никогда больше не расставаться, не отпускать, не терять из виду. Быстрым взглядом он осмотрел ее платье и немного нахмурился.

— Вы пленительны, миледи.

— И вы все равно ответите мне отказом, командор? Я прошу такую малость, лишь танец.

— Я неумелый танцор, миледи, — попытался оправдаться он. — Боюсь, во время танца, могут пострадать не только ваши чудесные туфельки, но и ноги.

— Это не страшит меня, командор. Пойдемте, музыка все еще играет.

Кален предложил ей руку, с победоносной улыбкой Мирра поправила распущенные волосы и взяла его под руку, увлекая вниз, на блестящий паркет, где уже кружили в танце несколько пар.

— Мирра, — прошептал он ей на ухо, едва они отошли от разгневанных женщин. — Спасибо тебе, конечно, что вырвала меня из их цепких лап, но ты не должна была ко мне приближаться.

— Ты все еще думаешь, что я позволю королеве хранить хоть какую-то надежду на то, что она сможет тебя заполучить? Никогда, Кален. Я вступила в борьбу с Калисто, и пухлая надутая кукла меня вовсе не пугает, милый. Я очень быстро найду на нее управу, а если слова не помогут, я убью ее с легким сердцем, и рука моя не дрогнет. Но дело даже не в этом. В этом зале девять Воронов. Некоторые одеты прислугой, другие затерялись среди гостей, возможно есть еще кто-то, кто выжидает удобного момента в засаде. Мне нужно осмотреться, а лучше всего сделать это, кружась в танце. Так что, это отвлекающий маневр, Кален, а не простой танец.

— Ты не просто восхитительна, ты обворожительна, я не могу оторвать от тебя глаз.

Никогда бы не мог подумать...

— Что я стану воплощением твоей мечты? Энель рассказала мне, когда увидела меня в этом платье, — мягко улыбнулась она.

На мгновение их бедра соприкоснулись, когда они одновременно сделали шаг. Кален крепче сжал ее ладонку в своей руке.

— Давай-ка мы побыстрее разберемся с этим и вернемся в замок Фредерика. Боюсь, моей выдержки не хватит на долго. Я даже смотреть на тебя боюсь, чтобы не потерять самообладания.

— Тебя учили этому столько лет, учили сдерживаться и терпеть, — отвечая на его рукопожатие она крепче обняла его руку, прижимаясь к ней, словно оступилась.

Он глубоко вздохнул и задержал дыхание, поддерживая ее за талию.

— Меня учили терпеть боль, а то, что я вынужден терпеть сейчас не имеет к боли никакого отношения. Я не властен над этим чувством.

Наконец они спустились и встав напротив нее, он склонился в поклоне, протягивая ей руку. Она с улыбкой склонила голову и вложила в теплую ладонь свои пальцы. Уже в следующее мгновение другая рука командора нежно легла ей на талию, тела их соприкоснулись, он не сводил с нее влюбленных глаз увлекая ее на первый круг. Пьянящая близость любимого так дурманила, что она забыла зачем они здесь. И лишь спустя несколько минут она смогла привести в порядок свои мысли и заставила себя снова ровно дышать.

— Ты бессовестный лгун, командор. Ты умеешь танцевать, — упрекнула она.

— Только для тебя, любимая, — улыбнулся он. — Наверное, это ты так влияешь на меня. Всем остальным я безжалостно оттапывал ноги. Как провела время здесь?

— С пользой, — прошептала она. — Восемь Воронов ждали приказа в старой части замка, еще одного нашла среди слуг. Возникли непредвиденные осложнения, Кален, Адель убила фаворитку королевы, которая оказалась дочерью магистра Воронов, и теперь на меня объявлена охота. Вот только загонщиков уже не осталось. Здесь в тайной комнате, я заперла восемь подростков, которые еще даже не прошли у них обучение до конца, но их уже послали на задание. Восемь детей, Кален, должны были меня убить. Их заданием была я. У меня не поднялась рука. Я обещала им защиту, обещала, что они смогут попробовать другую жизнь.

Он склонился к ее голове, вдыхая запах волос.

— Ты все сделала правильно, милая, мы поможем им. Обязательно. Ты не представляешь, как я хочу немедленно тебя увести отсюда. Замок Фредерика уже не кажется надежным убежищем. Я предлагаю отправиться к Астеру, он примет нас с радостью, а в его замке нам отведут не просто кабинет с чудесным, но все-таки, не достаточно удобным столом. А самую лучшую спальню, с мягкой кроватью, теплым камином и достаточно удаленную, чтобы никому не мешать.

— Прекрати, ты меня отвлекаешь. Я не могу сосредоточиться, когда ты мне говоришь такое. Даже твое дыхание на моей щеке мешает мне думать о чем-то другом, а твои слова обещают так много... Что я готова бросить все и уйти прямо сейчас и к демонам Миранду и Воронов.

Он улыбнулся и чуть сильнее прижал ее к себе.

— А Миранда-то уже выговаривает что-то Фредерику, — бросив быстрый взгляд на монарший балкон произнес Кален. — Не довольна, что его спутница стала объектом моего

внимания.

— Представляю, что с ней случится, — Мирра остановилась на полуслове и улыбка погасла. — Кален, поверни меня в сторону двери и ничему не удивляйся, надеюсь, ты сможешь мне простить это безобразие.

Видящий послушно выполнил ее указания. В глазах эльфийки блеснула тьма.

— Черное сердце, притянет тьму, впитает тьму, а впитав, станет камнем, — прошептала Мирра.

Кален ничего не понял, но продолжив танец, он увидел, как один из гостей схватился за грудь и упал. Вокруг него собрались люди, кто-то нес воду, кто-то предлагал вынести его на улицу, а потом раздался протяжный женский визг.

— Он мертв!

Мирра чуть сильнее сжала руку Калена и виновато посмотрела ему в глаза.

— Энергия смерти, управляется именно так. Я должна сформулировать способ убийства.

— Ворон? — тихо спросил он.

Она лишь кивнула.

— Не волнуйся, я не ошибаюсь. Это был Ворон. Осталось восемь. А теперь, милый давай-ка вон к той статуе, видишь, как дрогнула рука у одного из слуг? Он следующий! Без него будет семь.

Кален лишь сжал губы, и выполнил ее просьбу. Глаза Мирры опять затянула мгла.

— Злые мысли, злые цели, не находят выход в свет, зло в душе клубком змеиным, источает яд.

Ее качнуло, Кален крепче прижал ее к себе, немного приподняв над полом, чтобы не было заметно, что она не может пошевелиться. Из-под закрытых ресниц, по бледной щеке катилась слеза.

— Этого нет, — всхлипнула она, кусая губы.

— Мирра, — шепнул он, прикасаясь щекой к ее виску.

Она распахнула глаза, прижимаясь к нему.

— Все в порядке. Энергия смерти возвращает меня в самые ужасные воспоминания, Кален. Каждый раз используя ее, я оказываюсь в той камере с ошейником, впивающимся в кожу, и в цепях.

— Не делай этого больше, милая. Осталось всего семеро, мы справимся с ними и так, — нежно попросил он. — Гранд и Фредерик вооружены, они рядом с королевой, милая, ты и так сделала много.

Она устало кивнула и в этот момент закончилась музыка.

— Нам нужно быть поближе к королеве, Кален. Самое время тебе представиться, а я буду держаться поближе к принцу, на всякий случай, прикрою его.

— Защиту поставит сможешь, как тогда на поляне?

— Очень сомневаюсь, слишком много энергии смерти я сегодня пропустила через себя, боюсь, что призыв ее противоположности — может стать последней каплей.

— Хорошо, пойдем, я верну тебя Фредерику, как и положено. Хотя мне совсем не хочется тебя отпускать, даже на мгновение.

Он предложил ей руку, она натянуто улыбнулась, с благодарностью принимая поддержку, и они пошли вверх по широкой лестнице. Лицо ее становилось все бледнее, рука холодела, он с трудом чувствовал биение сердца.

— Кален, скоро они нападут, все оставшиеся, одновременно. Иди туда. Мне нужно немного времени, я не могу.

Она тяжело оперлась на его руку, и тяжело вздохнула. Он аккуратно опустил ее на ступени.

— Энель, — крикнул командор, заглушая гомон толпы в бальной зале. — Жасмина!

Но ни та, ни другая не отозвались, зато он увидел, как сверху по потолку к балкону движется несколько фигур одетых в черное.

— Демон, — выхватывая меч, Кален бросился вверх по лестнице, сбрасывая на ходу парадный камзол. — Адель, хоть ты присмотри за ней!

Он не знал услышали ли его демонесса, но Гранд сразу все понял, обнажив клинок, он прикрыл своей спиной королеву, призывая Фредерика к вниманию. Истошно завизжали фрейлины, окружавшие королеву. Фредерик быстро оттолкнул сестру от края балкона, и бесцеремонно втолкнул ее нишу возле статуи.

— Сиди здесь, сестра, и не высовывайся, коли тебе жизнь дорога! — зло крикнул он.

А с потолка в их сторону уже летели черные ножи. Гранд отбил первый удар, но противники и не думали спускаться, а достать их не было возможности, погоревав самым непристойным образом о том, что Лерд вместе с чудесным подарком Адель остался в особняке Фредерика, мастер меча занял наиболее выгодную позицию, позволяющую защищаться и прикрывать королеву. Через несколько минут рядом с ним уже стоял Кален.

— Где Мирра? — коротко бросил Гранд.

— Отстала, ей плохо.

— Опять? Совсем девочка ослабла, ей бы передохнуть от всех этих ратных подвигов, ты подумай об этом, увези ее куда-нибудь.

— Уже, — коротко бросил Кален, отбивая очередной летящий нож. — Их всего семеро, по ее подсчетам.

— Немного, но как нам снять этих пауков, ненавижу противников, до которых нельзя достать мечом.

— Будем ждать, стараясь не пропустить удара.

Внизу началась паника, люди кричали, рвались к дверям и топтали упавших. Бал грозил превратиться в кровавую бойню. Но обдумывать это троим защитникам королевы было некогда. Раз за разом в них летели клинки. Нападающие пытались оттеснить их от ниши, но они держали оборону, не делая ни одного лишнего шага. Вскрикнув упала одна из фрейлин, из ее шеи торчал нож, толчками из раны вырывались потоки крови, обогривая нежное персиковое платье. Мирра появилась на верхней ступеньке тяжело опираясь на широкие перила лестницы. Отпустив руки, она опустилась на пол и подняв глаза, что-то зашептала. Черное пламя вспыхнуло на потолке, не успевший среагировать Ворон был мгновенно охвачен этим странным огнем. Остальные успели отпустить веревки и теперь быстро спускались на балкон, подальше от черных языков демонического огня. Четверо Воронов уже стояли на балконе, повернув головы к защитникам королевы, готовились к нападению. Двое других спустившись, скрылись из поля зрения Калена.

Тоскливо защемило сердце, командор ясно видел, как беззащитная Мирриэль падает там, где сидела.

— Не дергайся, герой, — бросил ему Фредерик, стоявший ближе всего к Мирре. — Я присмотрю за ней, а вы позаботьтесь о моей сестре.

Отбив несколько стремительных, но не точных выпадов одного из Воронов, принц

оказался рядом с девушкой. И тут началось веселье. Вороны решили воспользоваться тем, что защитники разделились и напали. Тонкая проволока просвистела рядом с плечом Калена, разрезая белую рубашку, Ворон орудовал ей словно плетью и за первым ударом, незамедлительно последовал второй. Вынужденный стоять на месте, чтобы перекрыть доступ в нишу, командор, рассвирепел. Быстрым ударом он попробовал достать Ворона, но вместо этого попал под удар другого. Тот хотел набросить проволоку на шею командора, но Видящий успел немного отклониться, и смертоносная петля срезала лишь прядь волос и оцарапала ухо. Отбиваясь от едва заметной угрозы Кален посматривал в сторону Фредерика. Тот тоже уже был ранен, но упорно продолжал отбиваться от Ворона.

— Слишком мало места, — пожаловался Гранд. — И мне не хватает моего второго меча. Эти ребята лучшие из тех, что нам попадались, если бы чуть побольше пространства для маневра, я бы может и дотянулся до кого из них, но пока что преимущество на их стороне.

Они продолжали отбиваться от бесконечных нападков, но атаковать не решались.

— Где твоя шпионка? — спросил Кален.

— Энель? Она даже оружие не брала, от нее в этой драке толка не будет. К тому же у нее все еще не зажила рука и бедро, на нее можешь не рассчитывать.

— И что у нас остается?

— Надежда только на твою подружку, друг. Иначе они просто нас измотают и убьют.

— Нет уж, — жестко выпалил Кален. — Давай-ка менять тактику. Я занимаюсь защитой королевы, а ты, давай переходи к активным действиям, надеюсь продержусь какое-то время.

— Как скажешь, дружище, — кивнул Гранд.

Увернувшись от очередного удара, Гранд ринулся в атаку, не ожидавший этого Ворон, успел лишь выставить кинжал для обороны, но был уже мертв. Гранд вырвался из оцепления и отвлек на себя внимание еще одного вступив с ним в поединок. Отбивая все более ожесточенные нападки двоих оставшихся, Кален пытался рассмотреть, что происходит у лестницы. Он видел, как кинжал вонзился в плечо Фредерика и тот выпустил меч. Командор сжал свой клинок, мысленно вознося молитву Создателю. Он должен был прорваться, должен был защитить ту, которую любил, а вместо этого был вынужден стоять на месте прикрывая собой ничтожную королеву. Сердце разрывалось на части, любовь и долг. Опять этот странный выбор. Он увидел, как к Фредерику ступила черная тень. Он должен быть рядом с Миррой, защищать ее! К демонам долг, сжав зубы он отбил очередной удар Ворона, и быстрым движением оказался рядом с ним, пронзая несчастного. Теперь ему было все равно, что станет с Мирандой и с ее королевством. Важно было спасти любимую. Но Гранд тоже не отдыхал, три из четырех нападавших были мертвы, последний был слишком занят спасением собственной жизни, но против мастера меча, ему было не устоять. Кален бросился к Фредерику и с размаху ударил в спину склонившегося над принцем Ворона. Ударом ноги он отбросил тело. Принц сидел рядом с Мирриэль, богато украшенный наряд пропитывался кровью из нескольких ран, но он был жив, привалившись к колонне, он оттолкнул от себя тело еще одного Ворона.

— Шесть, — крикнул Кален склоняясь над Миррой. — Гранд, где-то еще один!

Она открыла глаза стоило ему лишь коснуться ее щеки.

— А вот и он, зараза, — выдохнул мастер меча.

— Эй, вы, защитнички, а ну-ка оружие побросали, — раздался хриплый голос.

Кален оглянулся и опустил меч. Ворон стоял, держа перед собой королеву, один из ножей убийцы красноречиво подрагивал у ее шеи.

— Кален, помоги мне встать, — прошептала Мирра и встретив его неодобрительный взгляд добавила. — Доверься мне еще раз.

Он обхватил ее за талию и легко поставил на ноги, придерживая. Даже он не заметил в какой момент она вытащила из ножен один из своих ножей, спрятав его за спиной.

Мирриэль подняла глаза на Ворона.

— Интересно, Ворон, что ты выберешь. У тебя в руках королева Миранда, но убить ее так, как просила заказчица, уже не получилось. Фредерика в этом покушении никто не сможет обвинить. Но есть ведь и другое задание, отомстить за дочь магистра. Мальчишки не справились, я все еще жива, хотя и изрядно потрепана, но жива. Он ведь мечтает заполучить мою голову, чтобы его дочь была отмщена в полной мере.

Глаза Ворона сузились, и он глухо проговорил.

— О чем ты девка? При чем тут ты?

— О, при самом том, Ворон, — она привычным движением заложила волосы за уши. — Это я эльфийка, которая убила ее, оставив обнаженное обезглавленное тело в доме свиданий. Так что ты выберешь Ворон? Месть для магистра или проваленное задание и бесполезная смерть никчемной королевы?

Ворон колебался. На мгновение он отвел взгляд от Мирриэль и перевел его на королеву. Этого было достаточно. Едва он потерял ее из виду, Мирриэль метнула кинжал. Взвизгнула королева Миранда, когда кровь Ворона полилась ей на плечо. Ворон заваливался на спину из его глазницы торчал черный метательный нож.

— Ну вот и все, — тихо проговорила Мирра, глядя в глаза Калена.

Миранда все еще сдавленно кричала, ее пытался успокоить Гранд. Но попытки мастера меча были тщетны. Рядом с ним появилась Энель, за ней подросла Жасмина, женщины подхватили королеву под руки и приказали всем идти во внутренние покои. Кален поддерживал Мирриэль, а Гранд помог подняться Фредерику, и вся компания двинулась следом за королевой. Пока служанки приводили в чувства перепуганную королеву и помогали ей переодеться, пришли придворные маги и приступили к лечению раненных мужчин. Один из магов подошел к Мирриэль.

— Миледи, вам нужна моя помощь, — участливо спросил он.

Мирра лишь слабо улыбнулась.

— Ты не в силах мне помочь, маг. Никто не в силах. Все пройдет само, спасибо.

— Быть может я залечу ваши раны?

Она отрицательно качнула головой.

— Оставь ее, лекарь, — подал голос Кален. — Воды только подай ей.

— Лучше вина, — опускаясь в кресло проговорила Мирриэль.

Лекарь удивленно посмотрел на девушку, но подозвал слугу и отдал соответствующие указания. Мирра приняла кубок терпкой жидкости цвета крови и жадно припала к нему губами. Прошло еще некоторое время, прежде, чем королева соизволила появиться. Она вышла из своего будуара и посмотрела на присутствующих. Перед ней стояли шесть человек. Жасмина и Энель присели в реверансе. Гранд и Кален склонили головы, Фредерик сидел в кресле, лекари все еще занимались его ранами, но брату она могла позволить такую вольность, а вот прямо смотрящая ей в глаза эльфийка, вызвала приступ гнева.

— Дитя, ты не знакома с этикетом? В присутствии королевы положено склонять голову.

— Серьезно? — насмешливо проговорила Мирра.

Жасмина застонала, а Энель едва сдержала смех.

— Да, милая баронесса, именно так, это знак вашего уважения к нашей короне, неужели ваши родители не учили вас этикету?

— Баронесса? — удивленно приподняла бровь Мирриэль. — Seriously? Фред, ты не говорил, что твоя сестра на столько безнадежно глупа. О, простите, ваше величество! Только вот, я не баронесса, и никогда ею не была. А мой отец не учил меня этикету, вместо этого он учил меня метать ножи, и с этим я вполне успешно справляюсь по сей день.

Фредерик захохотал сидя в кресле.

— Я велю тебя выпороть, хамка! — зло топнула ножкой королева.

— А! Надо же, Ваше величество, как низко вы цените свою жизнь! Хотя это меня мало удивляет, после того, что видела в вашем замке. Вы не цените ничью жизнь. И я уже начинаю сожалеть, что нам всем пришлось вмешаться и убить столько достойных воинов, чтобы спасти вашу ничтожную жизнь. Пожалуй, Фред, на сей момент я бы не стала выходить из твоего особняка, знай я какую благодарность получу, за спасение жизни королевы. Преклоняться можно перед честью, ваше величество, но вас это не касается никак, для вас честь — лишь слово, значения которого вам незнакомо. Какой ошеломительный провал! Во дворце, где честь должна быть во главе всего, никто не знает ее, а кто знал, тот уж давно скормил ее скорбный труп воронам. Низость, мерзость, разврат, лизоблюдство. Я не собираюсь гнуть спину или даже шею перед вами, королева Миранда, вы не стоите моих поклонов. А вот вам стоило бы произнести так не привычные для вас слова благодарности.

Мирриэль зло сверкнула глазами и опустила в свое кресло, наблюдая как краснеет от злости лицо королевы.

— Стража! — крикнула Миранда. — В острог, на цепь, завтра же казнить!

Тут уже не выдержали и подняли головы Гранд, Энель и Кален. Встал со своего кресла Фредерик.

— Не стоит, сестра, — спокойно проговорил принц. — Она во всем права, просто прежде никто не решался высказать тебе этого, даже я. А между тем, ты обязана ей жизнью. Как думаешь? Долго ты удержишь корону, когда станет известно, что ты казнила свою спасительницу. Ты дважды ей обязана. Она убила гадюку, что ты пригрела на своей груди. О, ты не знала? Откуда же ты могла знать, что твоя любимица Молли была дочерью магистра Воронов, ты была занята с ней совсем не разговорами. Да и кинжал, убивший Ворона метнула именно она. Так что уйми свою гордыню и признай, что ты обязана этой девочке, так же, как и всем этим людям.

Миранда бросала злые взгляды на вышедших из повиновения поданных.

— К тому же, сестра, все они свободны от любого подданства. Кален — Видящий, Энель — представительница церкви, Гранд — нейтрал. Так что ты не можешь требовать от них повиновения и преклонения.

— Хорошо, — сквозь зубы выдохнула Миранда. — Пусть так, но я не желаю видеть эту особу в своем замке. Больше никогда.

— Я с удовольствием отсюда уберусь, — произнесла Мирриэль потягивая вино. — Ненавижу замки и их обитателей, прости, Фред.

— Итак, я хотела бы отблагодарить моих спасителей, — забыв о существовании Мирриэль проговорила королева. — Мои благородные спасители, вы можете просить, чего изволите, я постараюсь исполнить любые ваши желания.

И тут поднялась Жасмина.

— Мы рады были оказаться полезными Вашему величеству. И позвольте высказать лишь одно пожелание, мы просим вас о признании нашего ордена. Хранители нуждаются в вашей поддержке, ваше величество.

— Безусловно, — улыбнулась королева. — Ваш орден и его достойные представители всегда будут желанными гостями в нашем дворце и в нашем государстве, Жасмина. А вы, дитя мое, в особенности. Но ваша просьба так ничтожна, что я не могу не одарить вас чем-нибудь еще. Командор Кален, мое величество поражено вашей смелостью и самоотверженностью и в знак благодарности я хотела бы предложить вам руку и сердце моей единственной дочери.

Присутствующие затаила дыхание. Жасмина с ужасом посмотрела в сторону Мирриэль, но та не проявляла никаких признаков беспокойства, лишь немного сузились ее зрачки.

Кален посмотрел на королеву и неожиданно улыбнулся.

— Это очень щедрый дар, Ваше величество. Но я вынужден отказаться.

— Отказаться? Вы не можете отказаться от руки принцессы, — зло зашипела королева.

— Почему же, ваше величество? Я не могу стать мужем вашей дочери, потому как у меня уже есть жена. Женщина, с которой я связал свою жизнь, которой я клялся в верности и которую указал мне сам Создатель, — слова Калена звучали насмешливо. — Вы же знаете, ваше величество, для Видящих лишь один закон нерушим. Закон Создателя. Я не осмелюсь пойти против воли его, даже если этим вызову ваш гнев.

— Жена, командор? И кто же ваша жена, указанная Создателем?

— Это Мирриэль, Ваше величество. Эльфийка, которая и возглавит орден Хранителей, едва мы вернемся в нашу цитадель.

— Эльфийка? И где же глава вашего ордена? Почему ее нет здесь?

— Почему же нет, ваше величество, — Кален подошел к креслу Мирриэль и помог ей подняться. — Она здесь. Вот, ваше величество. Позвольте вам представить Мирриэль. Главу ордена Хранителей и мою любимую жену.

Кален улыбнулся, обнял Мирриэль за плечи и припал губами к ее виску.

— Она? Она глава вашего ордена? Она ваша жена, командор? И вы готовы променять мое щедрое предложение на это? Блеск и роскошь королевских дворцов на наглость и нищету безродной эльфийки? Думаю, я смогу решить эту проблему.

— Только Воронов не нанимайте, ваше величество, — усмехнулась Мирриэль. — Они вряд ли примут такой заказ. Тем более, что рассчитаться с двумя заказчиками, они никак не смогут.

— За сим, позвольте нам откланяться, Ваше величество, — произнес Кален. — Нас ожидает долгий путь, и вы приказали моей жене, как можно быстрее убираться из вашего дома.

— Подожди, дорогой. Ваше величество. Жасмина озвучила лишь часть наших требований, заметьте не просьб, а именно требований. Я давно путешествую по вашей стране и вижу повсюду только разруху и нищету. Я считаю, что вы не можете управлять страной. Вы должны отказаться от трона в пользу вашего брата.

— Что? — прокричала зеленее от такой наглости королева.

— Я сказала: вы должны отказаться от трона в пользу вашего брата.

— Никогда! Трон мой!

— Напыщенная дура! — зло бросила Мирра, сверкнув глазами. — Тебе же хуже. Не

хочешь по-хорошему, будет по-плохому.

Отбросив руку Калена Мирриэль призвала энергию смерти.

— Разум твой покрыт туманом ты не видишь ничего...

— Мирра, — прикрыл ей рот рукой командор. — Не надо, прошу. Она же королева. Успокойся. Сейчас мы все решим. Ваше величество, вы плохо знаете мою жену, а между тем, я сейчас спас вашу жизнь. Мирриэль бывает сложно сдержаться. Понимаете ли, сама Мирра очень милая и добрая, но вот дурное влияние одного вздорного демона...

— Не простого демона, — поправила его Энель, впервые заговорив. — Принцесса демонов.

— Да, действительно, прости Аделечка, — улыбнулся Кален. — Вот это и делает мою жену вспыльчивой и несдержанной, а еще очень-очень могущественной.

— Принцесса демонов? Вы, что решили напугать королеву этими баснями? — бушевала Миранда.

— Ой, зря ты так, сестрица. Если Адель сейчас здесь объявится, мало тебе не покажется, но я обещаю позаботиться о тебе, и о моей племяннице.

Мирра, внимательно наблюдавшая за этой сценой, улыбнулась и закрыла глаза. Через мгновенье ее глаза распахнулись и блеснули демонической тьмой.

— Привет, принц, скучал?

Кален поспешно отвел взгляд. Рядом с ним стояла демонесса во всей своей красе. Сейчас ей не нужно было скрывать свой истинный облик и поблескивая черными глазами демонесса поправила огненную плетель на поясе.

— Что застыла, кукла ряженная, — рыкнула Адель на Миранду. — Не ожидала такого сюрприза? Маленькая эльфийка, оказалась не так проста, да? Тебе стоило ее послушать, она же попросила, а вот я не умею просить, но мои распоряжения всегда выполняют. Так что? Договоримся по-хорошему? Или мне проявить свой, как верно заметил здоровяк, вздорный характер?

Королева в ужасе упала на колени и принялась читать молитву Создателю.

— Вот, отличное решение, принц. Отправляй свою сестру после отречения от престола в монастырь, там ей самое место.

Королева не сводила испуганных глаз с демонессы.

— От престола отречешься, ты, пустышка?

— Да, — выкрикнула королева. — Только оставь меня, демон, Создателем тебя заклинаю.

— Так бы сразу, — довольно улыбнулась Адель. — Ты отведи сестру в опочивальню, Фредерик и прихвати с собой незнакомую мне дамочку, мне тут парой слов нужно перебросятся с этими вояками.

Фредерик подтолкнул Жасмину к двери в будуар сестры, а сам подхватил все еще молящуюся сестру и направился к выходу, уже в дверях он остановился.

— Адель, я все еще жду. Каждую ночь.

— Ах, ты, нахал! — просияла демонесса. — Подожди еще чуток, видишь, дел невпроворот. Разберусь и появлюсь.

Фредерик кивнул и закрыл за собой дверь.

— А теперь слушайте внимательно, — отбросив игривый тон проговорила Адель. — Не позволяйте ей пользоваться энергией смерти, не давайте ей убивать. Она на грани, и грань эта очень тонка. Она уже начинает путать реальность и кошмар. Там, в моем мире, она снова

попала в плен своих кошмаров, возродив их. Она еще не понимает своей силы и сколько я не пыталась вбить ей в голову, что в мире духов все, о чем она подумает становится реальностью, она так и не поняла моих слов до конца. И теперь, ее стараниями, существует альтернативная реальность, реальность в которой Кален за ней не пришел, реальность, в которой она так и осталась игрушкой в руках пыточника. К счастью для вас, тот мир, реален лишь для нее, и лишь когда она соприкасается с моим миром. Но даже простое действие, основанное на призыве энергии смерти, мгновенно отправляет ее в ту реальность, где ничего уже нельзя изменить. Кроме того, ее воспоминания пробудили дух мастера пыток, и он привязался к ней. Я не могу пока что ничего с этим сделать, но обещаю поискать возможный выход. В прошлый раз она едва вырвалась из своего кошмара, когда я поцеловала Калена, но теперь с каждым разом она проваливается в него все глубже. Боюсь в один момент она просто не выдержит и обратного пути уже не будет. Не давайте ей совершать что-то чего бы она не сделала до моего появления. Оберегайте ее. Когда мы восстановим Равновесие, это закончится, но пока что, она должна быть как можно дальше от смертей и тем более убийств. Понятно вам всем? Хорошо. Пора ее вернуть, иначе она опять провалится. Больше не зовите меня, это слишком опасно для нее. Иди сюда, красавчик. Ты правду ей тогда сказал, о такой страсти я не могу даже и мечтать.

Она повернулась к Калену лицом и страстно поцеловала. Он быстро обвил руками талию, удерживая тело возлюбленной от падения. Мирриэль открыла глаза.

— Ты опять целовался с демоном, а как же, — она не смогла договорить, потеряв сознание.

— Я увожу ее, — твердо произнес Кален. — Найдите тайную комнату, где она заперла мальчишек, мы должны позаботиться о них.

— Каких мальчишек? — удивленно спросила Энель.

Кален быстро пересказал им, все что знал.

— Куда вы теперь?

— К Астеру, — бросил через плечо он. — Приезжайте туда, как со всем разберетесь. Мы будем рады видеть вас, друзья, на нашей свадьбе.

Он нес ее на руках и давал себе слово, что больше никогда не отпустит. Он знал, что она будет рада, когда придет в себя, знал, что у Астера их ожидает теплый прием и долгожданный покой. Пусть это будет лишь временно, но у них будет это время. А потом они займутся Калисто. Но сперва нужно дать ей прийти в себя, отдохнуть и насладиться покоем и счастьем.

От замка в ночь неся конь, оставляя глубокие следы в уже тающем снегу. Всадник в белой одежде, нежно прижимал к себе бесчувственное тело любимой женщины.

Разливала свой свет огромная луна и в порывах холодного ветра легко угадывались знакомые голоса. Вампиры сопровождали его, оберегая от неприятностей. Ночь — их время. Ночью они всегда будут рядом и придут на помощь, если это потребуется. Он благодарно улыбался, Кара всегда прикрывала его спину, и даже теперь не изменяет этой своей привычке.

Мирриэль пришла в себя уже к утру. Она лежала укрытая теплым одеялом, голова ее покоилась на груди мирно посапывающего рядом мужчины. Она приподнялась, рассматривая такие любимые черты. Тонкие шрам на брови, сеточка едва заметных морщин у глаз, четко очерченные губы. Она сильнее прижалась к его обнаженной груди.

— Тише, дорогая, не стоит меня так тискать, я живой человек, можешь задушить ненароком.

Она не ответила, уткнувшись носом ему в шею, она дышала им, наслаждаясь каждым вдохом. Он потрепал ее волосы и прижал к себе чуть сильнее.

— Никому тебя не отдам, — прошептал он. — Ты моя, только моя. До последнего дня, до последнего вдоха.

— Конечно твоя, меня же указал тебе сам Создатель, — усмехнулась она. — Не думала, что ты умеешь так высокопарно говорить, Кален.

— Того требовал момент, любимая, Миранда вознамерилась заполучить меня любой ценой, даже такой высокой, но я не мог этого допустить.

— Но ведь ты отказался от целого королевства, от престола, от почестей и жизни в роскоши. И все это ради бесконечных странствий в моем обществе, ради борьбы, которая так или иначе приведет нас к смерти? Быть может тебе стоило согласиться?

Кален положил руки под голову откинувшись на спину.

— Точно. Нужно было соглашаться. Жить во дворце, ждать пока подрастет моя нареченная невеста, сейчас ей лет двенадцать, наверное, а пока развлекать ее распушенную матушку и таскать в постель любых понравившихся девиц. Неплохая такая жизнь. Появляться на приемах, кушать с золотых блюд, пить дорогие вина, спать на шелках. Не жизнь — мечта. А давай-ка повернем назад!

— Может быть, — она резко забросила на него ногу и села на живот. — А где мое место в этой мечте?

— Ну, — игриво произнес он, поглаживая ее бедра. — Когда мне захочется острых ощущений, я буду звать мою фаворитку. Как муж принцессы, имею право на некоторые странности, поэтому фавориткой будет несносная эльфийка, которая вечно находит неприятности на свою голову и не только на голову, которая постоянно заставляет меня нервничать, в присутствии которой мое сердце одновременно поет и стремиться остановиться. Нежные руки, которой заставляют меня вздрагивать, а поцелуи несут столько сладкого яда, что голова идет кругом.

Он подхватил ее, и одним движением уложил на спину, прижимая своим телом к кровати. Его губы дотронулись до тонкой шеи. А потом он оперся на руку и внимательно посмотрел на нее.

— Так что, возвращаемся? Будешь моей наложницей? Или предпочтешь стать моей женой?

— А разве у меня все еще есть выбор, — перебирая его растрепанные волосы улыбнулась она. — Меня увезли ночью в неизвестном мне направлении, буквально похитили, привезли куда-то, раздели, между прочим без моего согласия, да и еще и уложили в одну постель с похитителем.

— Точно. И теперь ты — моя жертва, и я буду делать все, что мне заблагорассудится.

Горячий поцелуй обжег ее щеку, подбородок, нетерпеливый язык раздвигал ее губы, требуя ответа. Жесткие пальцы скользнули по руке от локтя к подмышке, лаская нежную

кожу.

Она принимала ласки, чувствуя, как жар обжигает ее внутри. При каждом касании сводило живот, легкая дрожь нетерпения пробежала по телу, и она прижималась к его рукам, к его подтянутому животу, к бедрам, все настойчивее требуя продолжения.

— Ты — моя, — шептали губы лаская шею.

В порыве страсти он покусывал ее, тут же покрывая место укуса десятками поцелуев. Сбросив ее ноги, он спустился ниже, покрывая поцелуями грудь. Она сжала губы, сдерживая стон, руки ее беспрерывно скользили по могучим плечам, то и дело острые ногти впивались в теплую кожу, оставляя глубокие следы. Неторопливые поцелуи оставляли горящую дорожку на животе.

— Дорогой, тебе не надоели эти игры?

— Неа, — честно признался он, не отрываясь. — Я получаю необыкновенное удовольствие от каждого твоего вздоха и от каждой царапины на моих плечах. Так, что, будь хорошей наложницей, не мешай мне.

Она улыбнулась, и в тот же миг сильнее сжала пальцами простынь и закусила губу, нежные губы коснулись ее бедра.

В дверь настойчиво стучали уже некоторое время, но они лежали тихо-тихо, прижимаясь друг к другу и не хотели реагировать на навязчивый стук.

— Может ответим? — не открывая глаз спросила Мирра.

— Неа, — шепотом ответил Кален. — Мы никого не ждем, а все, кто хочет увидеть нас, пусть ждут, пока я в полной мере наслажусь твоим теплом, твоим присутствием, и вообще тобой.

Он опять поцеловал ее.

— Опять? — с деланным испугом спросила она. — Ты решил не выпускать меня из постели пока я не умру?

— Нет, просто пока не потеряешь сознание от голода и слабости.

— Ненасытный!

— Еще бы, ты целый год водила меня за нос, вот я и нагоняю упущенное.

Дверь опять затряслась под настойчивыми ударами.

— Кален, хватит там разлеживаться. Я слышу ваши голоса, значит вы не спите. Я прискакал едва узнал, что ты пересек границу моего государства, а ты не желаешь меня впускать. В конце-концов, я — король. Так что именем короля, открывай давай, развратник!

— Астер, — просиял командор и вскочил с постели, спешно натягивая штаны.

— Эй, ты ничего не забыл? — напомнила Мирра, натягивая одеяло до подбородка. — Может мне тоже стоит одеться перед тем как ты представишь меня своему другу. Между прочим, ты не додумался взять что-нибудь из нормальной одежды для меня, когда меня похитил?

— Дорогая, я совсем не подумал об этом, но ты в этом чудесном платье выглядишь просто великолепно, от тебя просто глаз не оторвать. Так что мы с Астером подождем тебя внизу, а ты уж наряжайся.

Он быстро поцеловал ее в макушку и распахнул дверь. В комнату ввалился такой же огромный мужчина, как и сам Кален. Мирра, укрываясь одеялом, внимательно рассматривала гостя, стискивающего в объятьях ее возлюбленного. Он был чуть ниже ростом, чем Кален, но силой не уступал ему, это не вызвало сомнений, так как Астер, схватив Калена в охапку немного приподнял его над полом. Каштановые немного вьющиеся

волосы были убраны с широкого добродушного лица, огромные карие глаза внимательно изучали ее лицо. Она не отводила взгляда. Без труда на лице читалась глубоко скрываема боль: ее можно было увидеть, присмотревшись к глазам, в глубоких морщинах избородившем лоб, в скорбном изгибе губ. Даже искренняя радость от встречи со старым другом, не могла сгладить этот глубокий след, перенесенных горестей.

Астер быстро отвел взгляд, стоило ему понять, что перед ним эльфийка, он болезненно поморщился и переключил свое внимание на друга.

— Ах, ты, развратник, опять соблазнил молодку, наобещал с три короба, небось.

Мирра приподняла бровь вопросительно глядя на Калена.

— То есть это нормальная практика для тебя, командор?

— Астер, ты бы чуток помолчал. Я тебе потом представлю эту юную особу, но давай дадим ей время привести себя в должный вид.

— О, да, прошу меня простить, миледи, — учтиво отведя взгляд, проговорил король, и тут же был вытолкан Каленом за дверь.

Мирра улыбнулась. В отличие от королевы Миранды, Астер ей понравился. И тут же вспомнилась одинокая несчастная фигура эльфийки, заблудившейся в пещерах лурнаков в поисках мести. Эти двое должны были быть вместе, тогда, быть может, разглядятся его морщины, и он начнет улыбаться не только губами, но и глазами. Она хотела посмотреть, как они встретятся, хотела увидеть их радость, подарить им счастье, отнятое у них. Это было простое упрямство или она хотела видеть в этой паре их с Каленом, не имело значения. Она отдаст ему кольцо, как и обещала, но только оно будет надето на палец той, о ком он так тоскует.

— Я смогу это изменить, смогу, — уговаривала она себя одеваясь перед зеркалом.

Смотреть на свое отражение она боялась, боялась снова увидеть каменный мешок и пленницу в нем, боялась услышать такие не понятные, пугающие слова. Платье никак не хотело ложиться должным образом, упорно не крепились ножны, она ругала Калена последними словами за то, что он не дал ей возможности забрать свою одежду и оружие, но надеялась, что Энель будет столь мила, что отправит ее вещи в замок Астера. Кое-как собравшись, Мирра бросила ножи на кровать, рядом с Каленом, ей ничего не угрожало. Убрав волосы, она вышла из комнаты. В большом зале добротного гостевого двора было немного людей, в основном только сопровождающие Астера солдаты из его личной охраны. Кален с Астером сидели за столиком и разговаривали, то и дело посмеиваясь. Заметив ее, Кален поднялся.

— Астер, — подойдя к ней командор поцеловал ее руку. — Позволь тебе представить мою невесту, Мирриэль.

— Невесту? — Астер тоже поднялся, приветствуя ее. — Это неожиданно, друг мой. Но я очень рад за тебя, за вас обоих. Позволишь обнять твою избранницу?

Кален подвел Мирру к другу и передал ее руку ему. Король улыбнулся и аккуратно обнял ее за плечи.

— Мои поздравления, прекрасная Мирриэль. Вот уж не думал я, что найдется женщина способная обуздать и тем более приручить этого дикаря. И, честно говоря, впервые слышу о том, что Видящий собирается создавать семью. Но, это никак не уменьшает моей радости от такого известия.

Он поцеловал Мирру в щеку и помог устроиться у стола. Она мельком взглянула в его лицо и заметила проскользнувшую на нем досаду.

— И когда вы планируете пожениться? Надеюсь меня пригласят на это событие?

— Не только пригласят, дорогой друг. Я хотел просить тебя провести церемонию, как монарх, ты имеешь на это право, — улыбнулся Кален.

— Это большая честь для меня, друг мой, — едва заметно голос Астера дрогнул. — Я с радостью соединю ваши руки, раз уж две любящие души нашли друг друга в этом безумном мире, медлить не стоит. Предлагаю отправляться после обеда. Подготовка к свадьбе займет, пожалуй, несколько недель, на это время приглашаю вас погостить у меня. Буду рад такому обществу. Возможно ваше счастье сможет привнести капельку тепла и уюта в унылые серые стены моего холодного замка.

— Астер, прости. Я должен был понять, что для тебя это будет болезненным напоминанием. Зря я затеял все это. Я виноват перед тобой.

— Нет-нет, Кален, все в порядке, — поспешил успокоить его король. — Прошло так много лет, я все еще не забыл ее, ты прав, и не забуду никогда. Знаешь, иногда мне кажется, что она может вернуться, каждый день я надеюсь увидеть ее входящей в ворота замка, каждый день я пытаюсь различить ее голос в толпе. Каждый день, заметив эльфийку в толпе всматриваюсь до рези в глазах, надеясь различить ее черты. Все напрасно, но я не могу отказаться от этого. Не хочу отпускать эту призрачную надежду, не смогу жить без нее.

Мирра закрыла глаза, сдерживая слезы. Немного перекусив, она поднялась из-за стола.

— Пойду-ка я пройдуся. Отпустишь свою жертву за одеждой, которую ты забыл в процессе похищения? Тут есть какая-нибудь лавка, где можно все это купить?

Астер рассмеялся.

— Ты похитил собственную невесту? Вот это история. Как я рад, что ты решил меня проведать! Жажду услышать историю вашего знакомства.

— О, тогда мне тем более пора, я ее знаю, и слушать еще раз о всех наших похождениях не намерена, — Мирра поднялась. — Пойду искать портных и лавки. Дам вам, мужчины, возможность поговорить.

— Мирриэль, — Астер приподнялся. — Лавка тут недалеко, выходишь из ворот и направо, дойдешь до торговой площади, там много интересного можно найти по сходной цене. Парочка моих людей тебя проводят, не дело отпускать такую красавицу одну по городу гулять.

— Спасибо, Астер, моя невеста, конечно, не просто красавица, она и шею кому-надо намылит, в случае необходимости, но от охраны я не откажусь, и даже буду настаивать, Мирриэль. Ребята мешать тебе не станут, а мне спокойней будет. Не упрямясь, милая.

— Хорошо, — поцеловав его в щеку согласилась она. — Если ты на этом настаиваешь.

Астер быстро подозвал трех солдат и отдал им необходимые распоряжения.

День был в самом разгаре. Еще лежал снег, но в воздухе уже чувствовалось приближение весны. С крыши постоялого двора свисали сосульки, а под ними были небольшие лужицы. Оплакивая свою кончину ледышки роняли холодные слезы. Мирриэль смотрела на тающий лед и ей хотелось плакать. Очень остро она почувствовала, что так же, как погибают эти зимние красавицы, так же по капле жизнь уходит и от нее. Ей стало страшно, она поняла, что увидеть цветения садов она уже не сможет, не в этой жизни. Ее время неумолимо заканчивалось, уходило по капле, по мгновенью и вернуть его назад было невозможно. А ей еще столько нужно успеть. Элрина, Калисто, сестра Калена, которая должна узнать, что ее брат обрел счастье. Солнышко согревало кожу, но на душе был холод, и Мирра зябко повела плечами. Один из солдат тут же набросил ей на плечи свой плащ, она

с благодарностью приняла этот простой знак внимания и отбросив грустные мысли зашагала в сторону торговой площади. Прогуливаясь между торговыми рядами, она ловила на себе заинтересованные взгляды, но в них не было того пренебрежительного отношения, которое она привыкла видеть в глазах людей, мужчины учтиво приподнимали шляпы, женщины приветствовали ее улыбками. Продавцы не только не смолкали при ее приближении, они демонстрировали лучшие товары.

— Что я могу сделать для прелестной эльфийки, — подскочил к ней молодой парень. — Я могу предложить самые изысканные украшения, им, конечно, далеко до работы подземных мастеров, но среди людских работ им найдется мало равных.

— Да, что ты лезешь, со своими рубленными камнями, — оттолкнул его дородный мужчина. — Даме сапожки нужны, на улице вон лужи, а она в бальных туфельках идет. Подходите, красавица, подберу на вашу ножку лучшие сапожки. Хотите из парчи, хотите златом шитые, хоть с каблучком, хоть со шпорами.

Мирра улыбнулась торговцу.

— Вы правы, без украшений я проживу, а вот обувь удобная забыта в другом месте.

— Вот и славно, госпожа, прошу на примерку, — мужчина попытался приобнять ее за талию, но тут же вмешались стражи, сделав шаг вперед они встали возле Мирры. — О, госпожа, не признал я в вас знатную даму, прошу покорнейше простить.

— Да не знатная я дама вовсе, — попыталась Мирра оправдаться.

— Понимаю, миледи, — кивнул торговец. — Только королевские стражи не будут сопровождать простую путницу. Вы мне по секрету шепните, король наш, решил наконец покончить с трауром? Можно будет рассчитывать на праздник при дворе? Мы все тревожимся о нем, столько лет прошло, а он все никак не забудет свою Элрину, не подарит наследника своему трону, неужто растаяло сердце бывалого вояки, нашел он и про свою честь солнечного света?

— Будет праздник, уважаемый, большой будет праздник, да только ошибся ты, не я его избранница, я лишь друга его закадычного невеста, — заговорщицки прошептала Мирра. — Слух прошел, что вернется Элрина в скором времени. Нашла она средство, излечилась, и вот уже держит путь в замок своего короля, чтобы вернуть ему радость, а вам подарить надежду на скорое счастье.

— Благие вести, госпожа. Очень мы все за короля нашего переживали. Коли правдива весть твоя, бери что хочешь, не надо оплаты! Радость короля — для народа большим счастьем станет. Любим мы его, всей душой любим.

Мирра улыбнулась. В городах Миранды, не слышала она таких слов, только тихие перешёптывания да ропот недовольства. Не видела она любви к монарху, а теперь знала, что такое истинный король, что значит любовь народная. Она выбрала сапоги, не эльфийские, но кожа мягкая и на ноге они отлично сидели, заплатила хозяину, хоть он и отказывался и отправилась дальше. На удивление у портного нашла она одежду подходящую, даже подгонять ничего не пришлось. Переодевшись в привычный костюм она уже спокойнее пошла. Мимо кузнецы пройти она не могла. Седовласый кузнец критично осмотрел ее тонкие руки, худенькие плечи и покачал головой.

— Боюсь, для вас, миледи, я ничего не смогу подобрать. Не многие из моих покупателей имеют столь хрупкую фигуру. Да и нужно ли вам оружие, миледи, в сопровождении королевской гвардии вам ничего не грозит ни на одной даже самой темной улице. Никто не рискнет вызвать гнев короля, обидев его гостью.

— Я привыкла полагаться только на себя, мастер, мне бы парные кинжалы, а то мои пока еще вернут, а я без них, словно без платья.

Мастер тепло улыбнулся.

— Мы любим нашего короля, и никто не сомневался, что его новая любовь будет такой же, как и Элрина, но вам, госпожа, прошу простить старика, еще долго придется добиваться такого же уважения.

— Я друг короля, мастер, невеста его друга. Я не стану вашей королевой. Но это не отменяет моего желания купить парные кинжалы.

— Прошу меня простить, госпожа, — низко склонил голову кузнец и даже немного покраснел. — Могу вам предложить отличный стилет, парных кинжалов у меня пока что нет.

Перед ней на стол лег аккуратный стилет черной стали. Мирра вздрогнула, едва глянув на этот стилет. Острая боль пронзила сердце, холодная сталь снова разрывала ее плоть, бесчувственное жало клинка впивалось в самое сердце. В глазах потемнело. Она сдавлено вскрикнула и отшатнулась от прилавка.

— Госпожа, — испуганно бросился к ней кузнец.

— Все в порядке, — проглотив комок сказала она. — Откуда у тебя этот клинок, мастер?

— Он уже давно хранится в нашей семье, своего рода реликвия, но такой знатной гостье я не посмел предложить нечто меньшее.

— Откуда, — требовательно повторила она.

— Мой пращур нашел его в эльфийских лесах, — робко поглядывая на напряженные позы стражей проговорил кузнец.

— Все всегда происходит тогда, когда для этого приходит время. Вот и пришло твое время вернуться. Ты знаешь его имя, мастер? Знаешь имя этого клинка? Знаешь его историю?

— Нет, госпожа, мне неведомы такие подробности.

Она прикоснулась к лезвию, провела по нему пальцами, ощущая холод стали не в своем теле.

— Таким я его и помню. Убийца дракона — вот его имя, мастер. Этим клинком была убита Элирия, Зеленый дракон равновесия. Видимо, Кали потеряла его, когда спешила скрыться от гнева Орлена. Мастер, ты знаешь его цену? Ты знаешь на что он способен?

— Нет, госпожа, — уже испуганно заговорил мастер.

— Ему нет цены, мастер. Он — единственный. Единственный клинок, способный убить Бога! Он почернел, соприкоснувшись с кровью Дракона, это не сталь, не камень, это нечто большее. Но правда, только в немногих руках, для вас это просто странный стилет. А теперь смотри, мастер.

Мирра взяла в руки стилет, по щекам побежали слезы, смывая страх и боль воспоминаний. Она провела острым лезвием по своей раскрытой ладони и призвала обе энергии одновременно. Клинок вспыхнул в ее руках. Лезвие клинка приобрело цвет свежей крови, хотя на него попало лишь несколько капель, белой вязью по лезвию заискрились руны, только рукоять осталась черной и на ней поблескивали голубые прожилки. На глазах удивленного мастера его клинок из старой ружляди превращался в бесценный артефакт.

— Смешение всего в одном клинке. Огонь — Калисто, чистота Орлена, мрак смерти и источник жизни. Вот только для Лири — в этом клинке отведена самая главная роль, —

забыв обо всем на свете Мирра не отрывала взгляда от лезвия. — Ее кровь оживляет клинок. Только ее смерть, могла дать ему жизнь. Что ты хочешь за этот клинок, человек?

Мастер не сводил глаз со странной эльфийки. На его глазах хрупкая эльфийка изменялась, он не мог поверить своим глазам, но отбрасываемая ее тень вдруг приобрела совсем другие очертания. На стене расправлял могучие крылья сказочный дракон, повторяя движения ее головы, чудовищная морда смотрела на мастера и была такой реальной, что у кузнеца задрожали руки.

— О, Создатель! Кто ты? — испуганно отводя взгляд бормотал перепуганный человек.

— Это не важно, человек. Клинок нашел меня, а значит, моя цель близка. Очень скоро все закончится. Но мне нужен этот клинок. Назови свою цену!

— Госпожа, вы сами сказали, что ему нет цены. Но я много лет работаю с оружием и никогда не видел ничего подобного. Этот клинок, похоже, ждал именно вас. Забирайте его. Ничего мне не нужно. Он ваш, он признал хозяйку, теперь больше никто не сможет с ним управиться.

— Щедрый дар, хозяин. Но он признал не хозяйку, а жертву, — из ее глаз текли слезы. — С чего все началось, тем и должно закончиться. Ты не можешь себе представить, хозяин, что этот дар значит для меня, для всего мира, для обоих миров, — Мирра быстро спрятала клинок под плащ и добавила уже спокойнее. — Ты поймешь мои слова, хозяин, но чуть позже, когда этот клинок узнает вкус крови той, что породила его.

Мирра достала кошель полный денег и оставила его на прилавке.

— Забудь, все, что видел и что слышал, человек.

Больше она ничего не сказала, выйдя на улицу она глубоко вдохнула.

— Мне больше не нужна ваша помощь, прошу вас вернуться к Астеру. Мне нужно побыть одной.

Она уверенно зашагала по незнакомым улицам. Она шла, не разбирая дороги, и не могла понять, что ее влечет. Но она знала, что должна успеть. Кален опять будет в гневе, но это будет последний раз. Нужно только успеть. Она перешла на бег. Расталкивая прохожих, она бежала к неведомой цели. Оказавшись на окраине в районе трущоб, она остановилась, прислушиваясь к своим ощущениям. Ведомая чутьем она распахнула одну из дверей, оказавшись в жалкой хижине. Слабо тлел огонь в очаге, у колыбели лежала женщина. Мирра подбежала к ней. Женщина посмотрела на нее.

— Зачем ты здесь?

— Я не знаю, — честно призналась Мирра, глядя в глаза молодой эльфийки.

— Спаси моего сына, — взмолилась женщина.

— Я могу помочь тебе, — попыталась успокоить эльфийку Мирра.

— Мне не нужна помощь, я хочу умереть, хочу покоя. Я так устала. Устала бороться за жизнь, устала жить. Но он лишь дитя. Спаси его.

Мирра посмотрела в глаза эльфийке и ее руки вспотели.

— Ты готова умереть? — спросила она.

— Да, — слабо ответила эльфийка.

— Я позабочусь о твоём ребенке. Я не оставлю тебя. Я буду с тобой до конца.

Мирра закрыла глаза. Жертва должна быть добровольной. Стиснув зубы Мирриэль вонзила стилет в тело эльфийки. И опустив ее тело на пол, призвала энергию смерти, чтобы проводить душу, чтобы заменить ее, чтобы вернуть ту, которая хотела жить, которая должна была жить! Взяв за руку эльфийку она вела ее по миру тьмы, она знала, где именно искать

Элрину, знала, что она там. Найдя нужную пещеру, Мирра уверено шагнула внутрь. Слабый отблеск костра и тень, сидящая у него.

— Жизнь за жизнь. Равновесие соблюдено! — выкрикнула Мирриэль не обращаясь ни к кому, и отпустив руку неизвестной эльфийки, сжала в руке ладонь ничего непонимающей Элрины. — Идем.

Она видела, как свет озарил оставленную душу. Колесо жизни приняло ее. Все было правильно. Мирра не отвечала на требовательные вопросы Элрины, она слабела с каждым мигом. А ведь нужно было еще вернуть к жизни тело эльфийки.

Серые стены, камень, железо и холод. Звонко стукнул замок. Огромная тень на пороге. Непонятные слова. Одна тень сменяет другую. Женщина стоит около пленницы. Склоняется над ней и прикоснувшись к виску, что-то шепчет. Из жертвы вырывается голубой огонь энергии жизни и медленно перетекает к пальцам другой женщины. Пленница открывает глаза и шепчет: «Очнись же!».

Столкновение истощенного тела с жестким полом прерывает видение. Приподнявшись, Мирра призывает энергию жизни и залечивает раны молодой эльфийки, вливая в нее жизнь.

Вот и все. Она сделала все, что могла, теперь нужно лишь ждать, как тогда с Раирнаилом. Только теперь гораздо хуже: тело содрогается от приступов рвоты и холода. Глаза застилает мгла. Она с трудом удерживается на грани потери сознания.

— Где это мы? — растерянный голос.

Она бы и рада ответить, но рот пересох и пытаясь произнести слова она может лишь сплевывать кровавые сгустки на пол. Нужно перевести дух. Отдохнуть.

— Где Астер?

Мирра хотела бы улыбнуться, но не может. Она не может больше ничего. Стиснув зубы, она достает маленькое потертое колечко и вкладывает его в протянутую ладонь эльфийки.

— Позаботься о ребенке, — голос уже не ее, трескучий, едва различимый шепот.

Сознание уходит, но она видит, как распахивается дверь, на пороге ее стражи, они все-таки не ушли. Наказать бы надо, или наградить? Один из них опускается рядом с ней на пол, она еще видит его обеспокоенное лицо, а другой, заметив эльфийку опускается на одно колено.

— Королева.

Тьма. Адель сокрушенно качает головой, пряча глаза. Ваззин, эльфийка и многие другие, чьих имен она даже не знала... Мрак и пустота. Только осуждающие, ненавидящие, сочувствующие, безучастные глаза... Сотни глаз. И тишина.

Кален уже успел рассказать другу их историю. Астер был поражен, но поздравлял друга с удачным окончанием всех трудностей и со скорой свадьбой. Они подняли кубки, когда шум на улице заставил их забыть о праздновании и выйти наружу, чтобы проверить причину волнений. Толпа шла к постоялому двору. Кричали мужчины, женщины утирали лица платками, радостно гомонили дети.

— Что это, Астер? У вас сегодня какой-то праздник?

— Нет, вроде бы, — неуверенно произнес король. — Может радуются моему визиту, ты же знаешь, я не часто покидаю свой замок.

— Это не твои люди во главе этой толпы?

— Да, это моя гвардия, — Астер напрягая зрение всматривался в толпу. — Они бы не

оставили твою невесту, но что-то я...

— Мирриэль, — сердце командора отчаянно заколотилось в груди. — Молю, только не это. Только не опять, милая.

Оставив друга в недоумении, Кален бросился на встречу конвою. Он уже знал, что один из солдат, несет на руках. Но подбежав к процессии, даже он застыл на мгновение, забыв о терзавших его волнениях.

— Элрина?!

— Кален, — улыбнулась эльфийка, прижимая к себе младенца. — Какая удача встретить тебя здесь! А где Астер? Что это он не торопится встречать меня.

Кален оглянулся на друга, застывшего у ворот постоянного двора. Его ожидает сюрприз, долгожданный и такой приятный. Но чем за это заплатили.

— Мирриэль, — он бросился к солдату, аккуратно прижимавшему к своей груди тело.

Передавая ему тело девушки, солдат ответил на незаданный вопрос.

— Командор, мы потеряли ее из виду, нам потребовалось минут двадцать чтобы отыскать ее, вы же понимаете она — эльфийка, сложно найти их следы, тем более в многолюдном городе. Когда мы нашли их, миледи была уже без сознания. А рядом с ней была королева. Командор, я готов нести наказание, но мои люди не виноваты.

— Ты тоже не виноват, — успокоил его Видящий. — Если ей что-то взбрело в голову, никто не сможет ее остановить. Даже я.

Прижимая ее к своей груди, он едва сдерживал слезы. Она была холодной.

— Командор, — окликнул его воин и протянул рукояткой вперед черный стилет. — Она нашла его у местного кузнеца. Сказала, что имя клинка — Убийца дракона, что именно этим стилетом был убит Зеленый дракон и что все всегда случается тогда, когда должно случиться.

Глава 26.

Боль пронзила все тело, словно раскаленная игла. Стон так и не смог вырваться из пересохшего горла. Свинцовые веки никак не желали подниматься. Она попыталась пошевелиться, звучным стуком отразились от камней удары металла о металл. От этого звука она вздрогнула и в кожу на шее впились острые шипы, по уже проторенным дорожкам побежали тонкие ручейки крови. Глаза не открылись, а распахнулись. Каменный мешок, вот почему так холодно. Мысли метались, пытаясь найти объяснение происходящему. Она была с Каленом, Астер встретил их на постоялом дворе. Они обедали, а потом она нашла клинок, а потом она смогла вернуть Элрину. Все. Дальше пустота. Черная пустота. И вот она открывает глаза в этой камере. Вопреки приступам боли, она окинула себя взглядом. Ничего не сломано, она не раздета, значит это не та камера. Да и в той дверь была глухая, а здесь лишь решетка, сквозь нее падает небольшое пятно тусклого света, видимо, факел висит неподалеку. Она попыталась усмехнуться, пересохшие и потрескавшиеся губы закровоточили. О, это мы уже как-то проходили, кровь — тоже жидкость, ее тоже можно пить. Жадно слизав капли собственной крови, она попыталась успокоиться. Это не та, камера, значит... А что это может значить? Демон его разберет. О! Демон! Собрав остатки воли, она попыталась призвать энергию смерти, чтобы разрушить оковы, решетки, да испепелить ко всем демонам это место. Но ничего не произошло, сила не откликнулась, совсем как тогда. Еще одна попытка, но энергия жизни тоже вне досягаемости. И что

остаётся делать? Как и тогда, пытка тишиной, нужно просто ждать. Долгие мучительные минуты, часы, дни, недели... Разве это важно? Пожалуй, уже нет. Цепи на руках, на ногах и ошейник. Похоже, здесь её тоже бояться. Нужно ждать, когда появятся стражники, она все поймет, наверное. Она устраивается поудобнее на каменном полу и начинает вспоминать. Тогда её спасали воспоминания, почему бы не прибегнуть к испытанному способу. Только теперь у неё есть не один поцелуй, их было так много, такие жаркие объятия, такие нежные руки, такая любовь, такая нежность, такая страсть и все это у неё было. По щекам текут теплые слезы. Было... Она была невестой, Астер должен был соединить их руки на века... Случилось ли это? Нет, этих воспоминаний нет. А жаль. Кален обещал мягкую постель и теплый камин. Злость клокочет внутри. У неё опять все отняли! Опять! Когда же закончится эта несправедливость? Когда уже закончится эта жизнь?

Далекие отзвуки шагов, вырвали её из пучины отчаянья. Две ноги четко чеканят шаг, значит страж один. Военный. В руке несет факел, света становится все больше. Массивная фигура закрывает переплетение прутьев. Звонко вставляется ключ в замочную скважину. Скрежет трех поворотов. Скрип открываемой двери.

Не произнося ни слова, на пол ставит две доски. Лишь на секунду отблеск факела падает на его лицо. Орк! Она в изнеможении закрыла глаза. Калисто. А вот это уже совсем плохо. Значит её видения, не были видениями? А что это было? Грозное исполнившееся пророчество? Тогда почему она твердила себе «очнись»? И почему в том кошмаре она была в камере Сиона? Что-то не складывается. Орк вышел, заперев за собой дверь. Потянулись часы ожидания. Складывая и разбирая в голове факты, она пробовала получить полную картину, но все еще чего-то не хватало. Какая-то деталь ускользала от неё, и это ломало всю картину. Как она здесь оказалась? Неужели Кален не смог её защитить? Нет-нет, он бы никогда не позволил Кали её просто забрать. Что это значит? Он пытался сопротивляться, но потерпел поражение? Или проиграла здесь только она сама и потому она пленница? Возможно ли, что он предал её и теперь... Вот таких мыслей точно не надо, от них стынет все внутри и наворачиваются слезы.

Что там принес орк? Длины цепей хватило на то чтобы дотянуться до досок кончиками пальцев и подтянуть их поближе. Хочешь жить, вывернись наизнанку, Кали в своем репертуаре, просто принести еды, конечно нельзя, нужно заставить пленницу бороться даже за это. Сволочь! Ну и ладно, не привыкать, поборемся. Остывшая каша с кусками непонятого происхождения и вонючая вода. Чего еще ожидать от этой скрытой садистки? Плевать, главное, пока еще можно сделать вдох, а значит игра еще не окончена!

Орк появился еще раз. Поставив доски на пол, он посмотрел на пленницу. Желтые хищные глаза впились в её лицо.

— Ты — боец! — сказал орк. — Не опускаешь глаз, не прячешься, молчишь. Достойный воин, хотя по тебе и не скажешь. Госпожа отбыла на несколько дней. Я могу выразить тебе свое уважение, лишь тем, что освобожу от цепей, пока госпожи нет.

— Не стоит, — проговорила она чужим очень высоким голосом. — Это может привести тебя к дурным последствиям. Не хотелось бы чтобы из-за меня ты оказался в соседней камере.

Орк довольно хмыкнул.

— Страх не ведом оркам, — он сделал несколько шагов и в руках его появился ключ. — Сиди смирно.

Он грубо усадил её на пол и спокойно вставив ключ в замки оков, освобождая руки и

ноги.

— Цепь с шеи я тоже сниму, но ошейник зачарован самой хозяйкой, его снять я не смогу.

— Ты отважный воин, — вспоминая опыт общения с орками проговорила она. — Я благодарна тебе.

Орк усмехнулся, обнажая клыки.

— Смелая маленькая птичка, поет для птицелова. Твои дни сочтены, но воинам не пристало умирать в цепях, потому я и освобождаю тебя. Скоро кровавые игры, вопреки законам, госпожа хочет видеть тебя на арене. Постарайся умереть там, второго шанса принять смерть достойно у тебя может уже не быть.

Ответа это не требовало. Он проявил не жалость, а солидарность. Он был воином и его честь была задета тем, что такой же воин вынужден сидеть в цепях. Он признал в ней достойную, но не более того. Кровавые игры. Интересно и какого же будет роль отведенная ей? Уж точно не победителя. Значит совет орка не лишен смысла.

— Спасибо, — спокойно произнесла она, когда орк закрыл за собой дверь в ее клетку.

— Вечером принесу мяса, а то до игр не дотянешь.

Наверное, прошел еще один день. Орк, как и обещал принес ей небольшой кусок мяса. Было видно, что это угощение предназначалось не ей, но она была благодарна и за это. Оставив мясо у нее в клетке, орк опустил на пол напротив двери, наблюдая за ней.

Она съела мясо и запила водой. Посмотрев на орка, она тоже опустилась на пол своей камеры, повторив его позу. Теперь их разделяли лишь прутья решетки.

— Ты хотел что-то спросить у меня, воин? — начала беседу она, ведь не просто так этот гигант сидит и смотрит на нее.

— Расскажи о своей жизни. Хочу знать, кому оказана честь выступить на кровавых играх.

— О моей жизни?

Орк кивнул.

— Госпожа говорит, что эльфы низкие существа, что люди ничтожны, но мы никогда не видели ни тех, ни других, а противника нужно знать. Когда воды реки позволят, мы перейдем ее и вырвем гниль ваших душ. Это будет большая война, и орки одержат победу. А Марык докажет госпоже, что достоин ее ложа.

Глаза ее раскрылись от удивления, осознание пришло вместе со словами орка. Марык — первый освобожденный. Большая война — еще не началась! Орки не знают людей и эльфов! Эльфы еще бессмертны! Она в плену у Калисто! Только вот она больше не Мирриэль, она Элирия. Не воплощенная, а самая что ни на есть настоящая Элирия. Она все еще жива! Она еще не посадила черное дерево, еще не создала Источник. Калисто еще не была заточена! Это самый конец, печального начала. Бред! Этого не может быть! Она не заставила орка упрашивать себя и начала рассказ, она вела его так, как это сделала бы Лири. Рассказывала о эльфах, о их лесах, о их домах, о их культуре. Орк слушал внимательно и в живых желтых глазах был виден интерес. Она продолжала рассказ, понимая, что в данный момент она творит историю, создает первого освобожденного, того, кто освободится от власти Калисто, того в поисках наследия которого, потом через многие тысячи перерождений к их отряду примкнет Рьдгар. Все начинается опять! Замкнутый круг? Ничего еще не случилось, не было Калена, Энель, Раирнаила. Ничего не было. Есть только Кали. Орлен и она, Элирия. Зеленый дракон Равновесия.

Она горько рассмеялась. Она видела далекое будущее, там она была совсем другой. Она была смертной, она была живой. Но и здесь она еще жива, а значит, можно все изменить. Нужно лишь дождаться того самого момента, когда это можно будет сделать. А пока, она будет играть свою роль, повторяя все то, что уже однажды делала.

Разговоры с Марыком делали ее заточение чуть менее угнетающим, орк был хорошим слушателем, и, хотя мало говорил сам, но она видела, как меняется его сознание, знала, что все делает правильно. Вечером третьего дня, Марык зашел в камеру и попросив прощения, приковал ее.

— Она вернулась, — можно было поздравлять себя, он не назвал Кали ни госпожой, ни хозяйкой. — Сегодня она придет к тебе, будь сильной. Я вернусь, когда она уйдет и принесу тебе поесть.

Он запер дверь и его тяжелые шаги застыли вдалеке.

Быть сильной? Легко! Только этим и занимаюсь постоянно.

Калисто появилась спустя несколько часов. Блистательная красавица стояла у решетки и с презрением смотрела на свою пленницу.

— Сестрица, рада, что ты еще жива, иначе сюрприз бы не получился.

Сюрприз? О чем это она? Ах ты ж демон-недоделан! Сегодня она притащит сюда Орлена и будет показывать, как обманула его. Чудесненько! На губах еще не остыли следы его поцелуев и даже тюремный холод не смог вытравить из памяти теплые моменты, которых здесь, в этом времени еще не было и уже никогда не будет, если все получится. Придется подождать, стерпеть это, чтобы спасти этот мир.

— Ты не хочешь мне ничего сказать, Лири? На тебя это так не похоже, обычно ты болтаешь без умолку, о том, что я должна опомниться, остановиться, прекратить безумие, а сегодня молчишь, как рыба. Ну, может это и к лучшему. Тогда я поведаю тебе, что сегодня будут кровавые игры в мою честь, и ты приглашена. Правда не как зритель, а как участник! Хочу на это посмотреть! Хочу видеть, как моя благородная сестренка будет бороться за свою жизнь, убивая, чтобы спастись. Захватывающее будет зрелище. Скольких ты сможешь одолеть? Двух, трех?

— Они не смогут меня убить, они смертные, зачем ты гонишь их на убой? — звеня от ярости, едва н срывался голос Лири.

— Меня это забавляет. Готовься. За тобой скоро придут.

Вот же! Ошибочка вышла, Орлен тут не при чем. Придется сражаться с орками. Она села на камни, собираясь с силами и мыслями. Всегда казалось, что если бы знать будущее, то можно было бы легко принимать правильные решения, но на деле это оказывается не так уж и просто. Ведь, когда она изменит ключевой момент, история пойдет совсем другой дорогой, и уже не понятно, как все сложится. Будет ли лучше или станет еще хуже. Громким эхом в пустом подземелье зазвучали шаги десятка воинов. Это наверняка за ней. Она поднялась в ожидании конвоя. Всмотриваясь в напряженные лица орков, она пыталась понять, что происходит у них в голове, но эти суровые воины, оставались для нее загадкой. Ее освободили от цепей и положили на пол ее привычную одежду, салатовую рубашку, темно-зеленые штаны и мягкие сапоги. Неожиданно для нее орки вышли из камеры и разошлись, переговариваясь между собой. Она переоделась и встала у решетки. Дверь тут же открыли и жестом предложили занять ей место в центре. По бокам встали два воина, трое впереди и четверо сзади. Такому конвою можно было лишь позавидовать. Калисто все-таки ее боится, до дрожи в коленях, раз приставила такую охрану. Довольно быстро воины

приноровились к ее неспешному шагу, ее не подталкивали, не подгоняли, ей позволили выбирать темп самой. Очень чуткие конвоиры! Или это еще один способ выказать уважение равному? Остановились они у огромной железной решетки, за ней начиналась арена. Желтый утоптаный многими боями песок, местами все еще бурый от впитанной крови. И сегодня ей придется проливать кровь невинных в угоду сумасшедшей сестрице. Лири покачала головой. Как же она была наивна, полагая, что сможет изменить ее, помочь ей обрести радость и счастье. Этого не случилось тогда, не случится и теперь, некоторые вещи нельзя изменить. Решетка дрогнула и поднялась. Конвой выстроился в две шеренги, пропуская ее вперед.

— Пусть не дрогнет твоя рука, — произнес один из орков.

— Пусть броней тебе будет смелость, — продолжил второй.

— Пусть сердце не ведает сомнения, — закончил фразу третий.

Они опустили головы. Хорошие они все-таки ребята, жалко их. Она вышла на арену с высоко поднятой головой. На скамьях, стоящих вокруг арены, сидели сотни орков. Никто из них не выказал удивления, не было произнесено ни одного звука, только при каждом ее шаге гулко бил барабан. Калисто поднялась со своего места.

— Приветствую тебя на арене славы. Для меня честь, принять твою смерть.

Ее глаза заблестели. Один из орков вышел из первого ряда и подойдя к Лири воткнул в песок арены легкий меч, рядом положил небольшой щит, так же безмолвно развернулся и занял свое место. Лири вытащила меч из песка, подняла щит, но взвесив его в руке отбросила, слишком тяжел для нее. С другой стороны арены так же в сопровождении лишь гулких удара барабана приближался ее противник. Желтые клыки, почти карие глаза, множество шрамов. На нем не было доспеха. В одной его руке был тяжелый топор, в другой он держал большой щит. Внимательно осмотрев его, Лири поняла, что это был очень опытный воин, наверное, даже старый, умереть в схватке — честь для орка. И он искал смерти, выходя сегодня на арену. Она видела, как перекачиваются стальные мышцы под кожей этого гиганта. Пробриться к нему с легким мечом — невыполнимая задача. Она ждала, когда воин подойдет, когда объявят начало схватки. Орк не сводил с нее глаз. Замети, что она без щита, он не задумываясь отбросил свой. Уважение во всем. Удивительные создания. Они замерли в нескольких шагах друг от друга.

— Не бойся, девочка, это мой последний бой, я хочу умереть, поэтому не стану сильно сопротивляться, — пробасил едва слышно орк.

— Не сегодня, твой последний бой, не со мной, — так же тихо ответила она.

Кали подала знак и барабаны забили быстрее, сидящие на скамьях орки поднялись в ожидании схватки, орк на арене начал медленно приближаться к ней. А она, вдруг улыбнулась и высоко подняла меч над головой, открывая для ударов все свое тело. Орк остановился. Расчет был верным, орки в поединках ищут славы, но победа над тем, кто не собирается сопротивляться — бесславная победа, унижение для воина.

— Я не стану драться ради твоей забавы, Калисто. Не стану проливать кровь достойных воинов, чтобы потешить твое самолюбие. Не стану потакать твоей кровожадности. Я не игрушка, Кали, и они тоже, — она обвела широким жестом все трибуны. — Я не стану драться ни с кем, даже ради спасения своей жизни. Но я вызываю на бой тебя, Калисто! Если кровь в твоих жилах так же красна, как платье, что ты носишь, если ты хочешь увидеть меня в бою, то это единственный шанс. Я сражусь с тобой, но не с ними. Давай разберемся, как взрослые девочки, хочешь моей крови, приди и возьми сама, а не посылай за ней других.

Калисто посерела от злости.

— Убей ее, — крикнула она орку.

Но тот уже опустил оружие и сложив руки на груди внимательно осматривал стоящую перед ним эльфийку. Переведя взгляд на разгневанную Кали, он лишь пожал плечами.

— Она сказала свое слово, госпожа. И она сказала верные слова. Убить безоружного — не подвиг, а позор. Я не стану этого делать. Предки не поймут меня, и не станут мною гордиться дети. Это не принесет славы, так зачем мне это делать? Она вызвала на бой тебя, госпожа. И теперь все мы ждем твоего ответа. По закону предков, воин может сам выбирать противника из присутствующих, и она сделала свой выбор. Дело за тобой.

Орк почтительно склонил голову перед Калисто, а потом так же почтительно поклонился Элирии.

— Ты отважный воин, девочка. Для меня бы стала честью смерть от твоей руки. Но ты безрассудный воин, вызывать на поединок Красного дракона, может лишь безгранично самоуверенный воин.

— Или другой дракон, — лукаво улыбнулась она старому орку и игриво подмигнула. — Посмотрим, что ответит твоя госпожа, согласится ли она принять мой вызов.

— Красная богиня — мать орков, она не может не принять вызов, иначе она не будет достойна своих детей.

— Она вас и так не достойна, хоть вы и не дети ей, благородный орк.

— Ты не знаешь страха и сомнений, дитя, но ты еще так юна.

— Я — эльфийка, старец, а эльфы не стареют, — улыбнулась она. — Но, смотри-ка, Кали приняла решение! О, чудо! — Лири рассмеялась, глядя как поспешно Калисто скрывается за могучими спинами своих воинов. — Она сбежала! Вот смеху-то! Помоги-ка мне, почтенный старец.

Лири указала на ошейник. Орк проводил злым взглядом свою госпожу и повернулся к девочке на арене.

— Она не достойна таких пленников, ты не можешь носить ошейник раба, если она отказалась принять твой вызов. Так говорили предки: лишь тот, кто подчиняется, стерпит наличие ошейника, — орк достал кинжал из сапога и разрезал кожаный ошейник.

Хрустальным звоном разбилось заклятье, сдерживающее мощь Элирии. Орки внимательно следили за происходящим на арене и на их глазах хрупкая эльфийка, сбросив ошейник расправила плечи. Широко разведя руки, она призвала свою силу и перевоплотилась в изящного изумрудного дракона. Дракон задрал вверх голову и выпустил столп огня в небо. Орки восторженно наблюдали за огромным зверем. Когда с другой стороны арены послышался шум крыльев и на арену влетел Красный дракон. Пикируя, он намеревался пронзить длинными когтями все еще стоящего на арене орка, но Зеленый дракон, отодвинул замершего старика мордой и встретил красного собрата пламенем. Завязалась битва...

Нет, этого никогда не было. В воспоминаниях Элирии никогда не было арены, не было старого орка, не было битвы драконов.

Почему же так холодно?

С трудом открываются глаза. Каменный мешок, холодный пол, запах свежей крови. И опять ошейник. Дверь, на сей раз не просто сплетение прутьев, а добротная дверь с маленьким окошком. И гадкий смешок над ухом.

— Ты вернулась, девочка моя. Тогда продолжим.

Давясь собственной кровью пытаюсь вырваться из сильных рук мастера пыток. Безуспешно.

Этого нет, Кален пришел за мной, этого нет.

— Нет, нет, — замирает высоко надо мной мой крик.

— Госпожа, вам дурной сон приснился? Могу я что-нибудь сделать для вас?

Испуганно натягиваю одеяло до самых глаз. В просторной комнате, на огромной кровати рядом со мной сидит молодой орк и смотрит на меня глазами преданного пса. Закрываю глаза. Бред какой-то. Что делает орк в моей постели? Или я в его? Это сон, просто сон. Открываю глаза. Орк протягивает мне чашу с вином. Принимаю из его рук напиток, осушаю до дна чашу. И вздрагиваю от прикосновений к моей спине.

— Ложитесь, госпожа. Зард не спроста выиграл последние игры, Зард сильный, Зард будет любить госпожу, пока она не уснет, а потом Зард будет ласкать госпожу, пока она не проснется.

— Дай-ка мне дух перевести, Зард. Я бы съела чего-нибудь. Принесешь?

Орк улыбается и встает с постели. Я закрываю глаза, чтобы не глядеть на обнаженное мускулистое и совершенно зеленое тело.

Что это такое? Почему я в одной постели с орком, почему он называет меня госпожой? Быстренько поднимаюсь, пока не вернулся Зард, накидываю на плечи шикарный расшитый золотом халат изумрудного цвета. Подхожу к высокому окну. Передо мной раскидывается бескрайний лес. Столетние деревья приветливо склоняют свои кроны под натиском бродягиветра. По телу бежит озноб. Это, скрытый город эльфов. Я в эльфийской твердыне. С орком в постели! Сумасшествие! Абсурд! Где Кален? Где Раирнаил? Что здесь происходит?

Возвращается Зард с подносом еды. Интересно, он так и расхаживал голым по всему замку? Вот, наверное, на кухне удивились или нет? Может в этом месте — это нормально? Нормально, что голый орк приходит за едой посреди ночи? Между тем, улыбающийся Зард подхватывает меня на руки и несет в постель, усаживает на край и начинает кормить? Орк? Меня? Ни в какие ворота!

— Стой, стой. Подожди-ка, Зард.

Орк обиженно хмурится, но прекращает это безобразие.

— Давай так, — пытаюсь говорить спокойно произношу я. — Ты сейчас мне быстренько пересказываешь историю нашего здесь с тобой появления, а я пока что, поем! Сама! Договорились?

— Госпожа, хочет проверить Зарда? Зард умный!

Что-то сомневаюсь, но так даже лучше.

— Зард вызвал на поединок...

— Стоп! Не с того места. Давай-ка с самого начала, жили-были три дракона и далее по тексту...

— Хорошо, госпожа, — улыбается Зард.

Знакомую мне часть истории слушаю в полуха. Но когда речь заходит о поединке драконов на арене смерти, настораживаюсь.

— Прекрасный зеленый дракон поверг красного, когда тот упал на песок арены, зеленый дракон одним движением острых зубов разорвал ему шею и арена впитала кровь Красного убийцы.

При его последних словах я едва не подавилась. Но сдержала кашель, чтобы не прерывать рассказ. А потом рассказ стал еще более неправдоподобным. Орки стали преклоняться перед Зеленым драконом. Но был еще Белый дракон. Некоторое время он был избранником госпожи, но прошло совсем немного времени, и однажды Белый дракон усомнился в своем выборе. Глупец так и заявил, что сожалеет о том, что когда-то поддержал ее, ибо Калисто была более достойна его внимания и поддержки. Он упрекнул безупречную и покинул их мир. И все народы с тех пор живут в мире и согласии. Эльфы делят леса с орками, гномы торгуют своими дивными изделиями, и только недостойные упоминания люди были уничтожены, праведным гневом Зеленого дракона, руками его воинов очистились каменные города, и снова растут там леса и гуляют по руинам дивные звери, восхваляя мудрость Зеленой богини.

— Подожди, а какие игры? — окончательно убедившись, что это просто бред, спросила я.

— Ну как же, госпожа, вместо кровавых игр теперь проходят турниры. На каждом турнире госпожа выбирает двух лучших: орка и эльфа. Орки сражаются, показывая свое мастерство, а эльфы соревнуются в искусстве. Эти двое по очереди или по желанию госпожи скрашивают ее одиночество. До следующих игр, они становятся фаворитами, самыми почитаемыми и уважаемыми. А когда приходят новые победители возвращаются к своим обычным делам.

— Понятно, — кивнула я и улыбнулась.

Удовлетворенный моим одобрением орк, забрал у меня поднос и бесстыже запустил руку под мой халат, нежно покусывая мочку моего уха. Сопротивляться не имело смысла, это был бред. А в бреде, чего только не бывает, вот у меня были любовные игры с орком. Стоит признаться самой себе, это была гораздо приятнее, чем ошейники, истязания, пытки и все то, что обычно видится мне в бреде. Засыпая на плече нежного орка, я уже понимала, что очнусь совершенно в другом месте. Интересно, когда все это закончится? И что вообще это такое? Что за скачки по времени, пространству и реальностям?

Опять холодно. Уже которая реальность, я сбилась со счета. После комнаты в эльфийском дворце опять были застенки Сиона. И в тот раз мне пришлось там задержаться, мастер решил поиграть со своей игрушкой. Его грубое насилие после ласк Зарда было особенно противно, но это же всего лишь бред, так что... Потом был разрушенный мир, мир в котором мы не справились со своим заданием. Я видела умирающих сотнями людей, видела извержения вулканов, видела пылающие леса и затапливаемые пещеры. Из той реальности я не смогла исчезнуть, пока моему взору не предстало тотальное уничтожение. Я смотрела на все это глазами уже бессмертного духа. Видела, как полыхнул в последний раз этот мир и рассыпался мириадами осколков. Но страшнее всего было смотреть, как умирали те, ради кого все это начиналось. Я видела, как Энель с Грандом пытаются спасти своих детей. Видела, как Гранд посадил их в лодку, спасая от огненной стены, что надвигалась на их дом. Он успел их оттолкнуть от берега, но запрыгнуть уже не смог. Я слышала крик Энель, когда то, что было ее возлюбленным, пылающим факелом упало в воду. А потом я видела шторм, который перевернул их лодку. Энель смогла вытащить своих детей на какой-то островок, но ее сбilo волной и унесло в море. А потом начался прилив и скала, где спали изможденные дети, скрылась под водой. Я видела Инариэля, и рядом с ним была какая-то женщина, они прикрывали отход людей. Люди уходили через пещеры, своды пещеры начали

рушиться и Инар, вместе с этой женщиной поддерживали своды, пока шли люди, но потом силы покинули их, они обнялись и поцеловались, а на головы им обрушились камни. Я видела, как весельчак Барри, пытался спасти свою семью. Но и его постигла неудача. Их уютный дом сорвало с места порывом бешеного ветра и помотав в высоту, бросило на камни. Я видела Раирнаила с женой, которые боролись с лесными пожарами и погибли, так и не покинув своих постов. Слезы катились из глаз, спасало только то, что я знала — это всего лишь бред, этого нет, еще нет. Что там было дальше? Несколько реальностей я просто пропустила, так переживала из-за гибели мира. А потом была реальность, где я убивала Калисто на утесе, как и планировала в самом первом бреду. Я выхватывала у нее из рук стилет и пронзала ее тело. Только вот ничем хорошим это не заканчивалось. То Орлен нападал на меня, мстя за убитую возлюбленную, и мне приходилось убить и его, то я превращалась в нее, меняясь с ней местами, и уже она с Каленом лежа в постели, думали, как меня убить. Несколько раз я опять оказывалась в Сионе, но там все было так просто и знакомо, почти, как домой вернулся после долгой дороги. И вот опять. Опять камни.

— Да сколько же можно? — зло выругалась я, трогая ошейник. — Хватит уже этой свистопляски. Голова кругом идет! Вместо того, что показывать, чего делать нельзя, лучше бы показали, что нужно сделать!

На сей раз обошлось без цепей, и я могла ходить по небольшой камере. Разозлившись я подошла к решетке и забарабанила по ней стоящей рядом плоской.

— Эй, охрана, время ужина давно, несите жрать, пожалуйста! И вина. Кувшин, — подумав добавила я.

Оборзела? Ну, да. Надоело уже это все. Я уже забыла кто я? Что я должна делать, зачем все это? Давно уже я запуталась в происходящем, так что не имеет значения, что будет происходить дальше, стоит мне вырубиться, и все опять изменится. Так что, будь собой и ничего не бойся — мой девиз на ближайшее время, пока я не пойму, что все закончилось. А как я это пойму? А не знаю. Каждая реальность была на столько реальна, что определить где истинная реальность, а где очередной бред — просто невозможно. Понятно? И мне не понятно! Но это и не важно! А что важно? Получить очередной урок и опять переместиться, надеюсь в следующий раз это опять будет эльфийский дворец и любвеобильный орк по имени Зард. Там ведь еще эльф остался, я с ним еще не виделась, если попаду туда, немедленно потребую к себе эльфа. А Зард? Ну и он пусть остается, втроем веселее. Ой, что-то меня заносит...

— Охрана! — опять закричала я. — Демон с ним, с вином, воды хоть дайте, сволочи! Мне никто не ответил. Ну, что за жизнь? Далеко стукнул замок.

— Опомнились! — буркнула я и заняла выжидательную позицию по центру камеры. Шагов слышно не было. Странно, обычно топают, как стадо оленей. Слабый отблеск света и перед моей камерой во всей своей красе стоит Калисто.

— Тебе-то что? — рыкнула я. — Еще не все сказала? Давай послушаем, чем на сей раз ты хочешь меня унижить, оскорбить, ну или что там у тебя в планах?

— Убить тебя хочу, — улыбнулась она. — Давно уже мечтаю об этом. С тех самых пор, как убила тебя в первый раз.

Опаньки. Что-то это очень похоже на реальную реальность. Надо бы поаккуратнее здесь. Или ну его?

— И чего медлишь-то? Давай! Вот она я, здесь, в твоих руках. Немного потрепанная и совершенно беззащитная, — я демонстративно усаживаюсь на холодные камни скрестив

ноги и кладу руки на колени, всем своим видом демонстрируя смирение.

— Ну уж нет, слишком долго я ждала этого. Столько планировала свою месть и просто убить тебя — слишком обыденно. Хочу заставить тебя страдать, хочу видеть твои слезы.

— Ну, удивила, зови своего пыточника, насладишься в полной мере. Даю слово! Буду орать, как положено, вот только пощады просить не стану, бессмысленно, чего зря голос срывать? А вот витиеватые проклятья на твою голову посыплются бурным потоком, — проговорила я с насмешкой.

Тонкая бровь изогнулась, выдавая изумление.

— Ты в своем уме?

— Более или менее, — рассмеялась я. — А для тебя это так важно? Ты ж меня убить хочешь, а не усадить за многовековой труд: «Влияние бессмертных духов на мироздание». Ну, так что там у тебя запланировано? Железная дева, дыба, поливание раскаленным металлом или придумаешь что-то от себя?

Ее реакция рассмешила меня еще больше, она захлопала ресницами, скривив красивые губы с явным огорчением. Я пыталась сдержаться, честно. Но на долго меня не хватило, и я расхохоталась, хлопая раскрытой ладонью по колену и утирая выступившие от смеха слезы.

— Нет, Мирриэль, я не стану причинять тебе физическую боль, судя по всему ты слегка не в себе, и это будет пустой тратой времени, но я отберу у тебя то, чем ты дорожишь больше жизни.

Упс, как-то эта реальность излишне реальна. Она даже назвала меня по имени. А и будь, что будет, очередная выдумка, иллюзия, бред...

— И что же это? — беспечно поинтересовалась я. — Честь? Так ты запоздала, сестренка. Отдала я ее уже давно и по собственной воли и было это просто великолепно. Ночь, пляж, красивый мужчина, объятый страстью, нежные объятия и долгие игры, от чего сам процесс стал еще более острым и доставил массу удовольствия.

— Да ты ли это? — зло посмотрела она на меня. — Посмотрим, что ты запоешь, когда увидишь его.

Я напряглась, но лишь внутренне, внешне я хранила спокойствие.

— Ты думала вечно его прятать от меня? Не вышло. И теперь, воплощенный со мной, понимаешь, что это значит, он сделал выбор, Мирра. Он выбрал меня.

Ой-ей, что-то как-то перестало быть смешно. Воплощенный? В груди стукнуло и оборвалось сердце, сжимаясь от ужаса где-то в пятках. Лучше уж пытки. Но я не дам ей возможности воспользоваться этим. Сделав усилие над собой, я опять расхохоталась.

— Серьезно? Ты считаешь, что меня это волнует? Мужиком меньше, мужиком больше, тоже мне страдания. За столько лет могла бы и что-нибудь поинтереснее придумать, да уж, Кали, нет у тебя ни фантазии, ни... Да ничего у тебя нет, скучная ты и пресная, а еще холодная и злобная, — откинувшись на спину я подложила руки под голову и начала философствовать. — Таких мужики не любят, должна тебе заметить, им нравятся мягкие и нежные. А в тебе нежности не больше, чем в этих камнях, на которых я лежу, и тепла, кстати, столько же. Сбежит он от тебя, попользуется, как портовой шлюхой и сбежит. Попомни мое слово!

Сердце и не думало возвращаться на свое законное место, но об этом не стоило никому знать, особенно Кали.

— И тебе даже не интересно как ты оказалась здесь? Как ты опять угодила в мои руки?

— Пф, — презрительно выдала я. — Как обычно, сунула голову в петлю, в надежде, что

она не затянется.

— Он принес тебя. Сам. Прямо в мои руки. Я ждала вас у вашей «твердыни», Держащий небеса, точнее у портала, ведущего туда. Он так хотел тебя спасти, надеялся, что ваши маги смогут тебе помочь. Но вот только создание портала слишком большой выброс энергии, чтобы я могла его не заметить. Люди все еще слишком наивны. Знаешь, за такой подарок, я готова даже забыть о своей мести и позволить тебе дожить свою жалкую жизнь, зная, что он никогда больше не будет твоим. Когда он обнимает меня, когда он ласкает меня такими нежными и горячими губами, мне уже плевать на тебя. Ах, я упустила кое-что. Когда они попали в мою засаду, я сама решила появиться, и едва он увидел меня, он опустил твоё тело на землю и подошел ко мне. Такого страстного поцелуя я ждала столько тысячелетий. И, заметь, он целовал меня, а ты валялась на земле. Ты потеряла его. Но, можешь себя успокоить тем, что вернула Астеру его Элрину, скоро у них свадьба, праздник будет шикарный, но ты его не увидишь. Тебе еще нельзя выходить, мне все еще приходится поддерживать в тебе жизнь, тебе должно польстить это, многие, очень многие люди пожертвовали свои жизни для того, чтобы ты смогла сейчас смеяться мне в лицо.

Я закрыла глаза и сжала кулаки. Этого нет. Это еще один обман. Просто нужно дождаться конца этого спектакля. И я снова очнусь в Сионе или еще где-нибудь, не важно, уже не важно, только бы не здесь. Я нашла в себе силы сдерживать слезы и когда я приподнялась, чтобы посмотреть в ее торжествующее лицо, мое не выражало ничего, кроме презрения.

— И что? Хочешь, чтобы я присоединилась к вашим забавам? Или ты хочешь, чтобы я просто посмотрела? Мне все равно. Он для меня ничего не значит и не значил никогда, это была лишь игра, Кали. Я отбирала у тебя того, кто был нужен тебе, лишь ради забавы, лишь для того, чтобы проучить тебя. Еще что-то, сестренка? Я бы поела. В твоих казематах кормят вообще?

Сдерживая слезы я с улыбкой на губах, откидываюсь назад, выражая свое безразличие к дальнейшему действию.

— Это не ты! — кричит Кали. — Ты не можешь так говорить. Даже если тебе плевать на Калена, то смерть людей из-за тебя, должно было повергнуть тебя в ужас.

— Элирию, не меня, Кали. Ты забываешь, что мы совсем разные звери. Совсем разные. Ты не знаешь меня. Никто не знает! В женщине должна быть загадка, Калисто. Я идеальная женщина. Умная, сильная, смелая, гордая и бесчувственная, — произнося последние слова я приподнялась, чтобы видеть ее глаза, чтобы она смогла увидеть мои.

Она не выдержала моего насмешливого взгляда, развернулась и убежала. А я разжала кулаки и вытерла кровь с ладоней. Так было нужно. Я не позволю ей играть мной, у нее своя игра, у меня своя. И в каждой игре свои правила. Но о моих никто не знает. Не важно правда это или ложь, важно, что даже в этой лжи, я не проиграю. Пусть будет театр, я смогу довести до конца и эту пьесу. Я почти не солгала ей, почти. Но важно было, чтобы она поверила, что я не лгу. Больше никакой слабости, никакого доверия, никакого сожаления. Во мне частичка демона, она и позволила мне так играть. Спасибо, Адель. Пожалуй, ты лучшее, что случилось со мной. Я глубоко вдохнула запах сырости. Я пройду и это, в любом случае это не хуже, чем конец мира. Однако уверенность, что это тоже всего лишь бред уже растаяла. Это реальность. И мне нужно с этим смириться и довести дело до конца. Карлин порту дан. И, если мне придется убить их обоих, я сделаю это. Я освобожу этот мир. Кусая губы, я убеждала себя в том, что смогу это сделать, смогу сделать все зависящее от меня, ради тех,

кто никогда не узнает правды. Они придумают очередную легенду, в которой правды будет лишь крупица, но они смогут ее придумать. А нас всех ждет другой суд.

Я не знала, сколько прошло времени, из забытья меня вырвали шаги. Опять посетитель? Ну что же. Второй акт. Я встала у решетки, оперлась на нее спиной и приняла самую расслабленную позу из тех, на которые была способна в данный момент.

— Надеюсь, это несут мой ужин. Иначе мне придется устроить скандал, — безразлично проговорила я.

— И ужин тоже, — произнес такой любимый голос.

Я обернулась, наверное, слишком порывисто, но сдержаться не удалось. Он стоял по ту сторону решетки. Любимые черты. Все до одной. Губы, скулы, нос, шрамы. Слегка дрогнули, складываясь в знакомую полуулыбку губы. Глаза. В голубых глазах мерцала сталь. И холод. Холоднее снега, тверже льда. Сколько мне пришлось пережить, чтобы растопить этот лед, и вот, опять все с начала. Как же больно это видеть, как же страшно это осознавать. Я не отвела взгляд, пряча за спиной руки, сжатые в кулаки, впиваясь ногтями в свои истерзанные ладони, я смотрела ему в глаза, надеюсь, с насмешкой.

Он поставил на пол тарелку с едой и теперь тоже неотрывно смотрел мне в глаза. Время остановилось, ничего не было, только боль и глухие удары разбитого сердца.

— Рад, что ты жива, — прервал он затянувшееся молчание. — Думаю, пришло время все выяснить.

— И что же ты хочешь выяснить, Кален? По-моему, все и так понятно.

— Я хотел услышать это от тебя, а не от Кали.

— Что ты хочешь услышать?

— Что я значил для тебя, кем я был, кто я сейчас?

— Никто, — холодно произнес мой голос. — Всегда был никем. Ты ничего не значил для меня, никогда. Лишь способ причинить боль Калисто. Ничего более.

Я твердо взглянула в его глаза, заставляя себя молчать, чтобы не сорваться в крик, чтобы не набросится на него с кулаками, чтобы не показать своей слабости, чтобы закончить это все.

— Никто значит? Мирриэль, я не значил для тебя ничего? Я не мог поверить, когда Кали мне передала эти слова.

— Пора все завершать, Кален, не нужно больше об этом думать, пора все забыть. Я проиграла в этот раз.

— Это невозможно простить, Мирра. Я...

— Ты для меня ничего не значишь!!!! Ничего!!!! — я твердо повторяла эти слова, без эмоций, и никто не смог бы себе представить с каким трудом я выжимала их из себя, но я должна была это сказать, сказать ему в глаза. — Так же, как и я, Кален, ничего не значу для тебя.

— Почему же тогда, Мирриэль, я вижу слезы в твоих глазах?

— Это лишь обида побежденного, ничего более.

Горячие руки легли на мои плечи, прижимая меня к решетке.

— Почему же, Мирра, слезы стоят в моих глазах?

— Потому что ты заигрался, — жестко ответила я, освобождаясь из хватки его пальцев.

Мы смотрели друг на друга и молчали. Все слова уже были сказаны, ничего нельзя исправить, ничего нельзя вернуть. Не для нас. На этом нужно ставить точку. Но никто из нас так и не мог отвести взгляд. Я всегда этого боялась, этого боялась Лири. Мы обе боялись, что

это лишь игра, игра трех безрассудных бессмертных. А платить по счетам в этой игре будут смертные. Я и Кален и многие другие. Затянувшуюся паузу разрушил надменный смешок, и из-за угла появилась Калисто.

— Отлично, дорогой, я почти поверила тебе, особенно когда ты заговорил про слезы.

Он улыбнулся и притянув ее к себе, поцеловал.

— Ты же просила быть убедительным, Кали.

— И что скажешь? Она лжет?

— Не думаю, — спокойно ответил он, поглаживая ее плечо. — Слишком холодно и уверенно говорила, скорее всего она говорит правду. Я не увидел никаких эмоций. Ничего не почувствовал, кроме надменности и насмешки.

Я выжала холодную ухмылку. Это хорошо, что он ничего не почувствовал, я была на высоте. Я еще раз выдержала пронизывающих холодом взгляд.

— Пойдем, Кали, больше нам тут нечего делать, а тебе холодно в этом подземелье. Идем, я согрею тебя, милая.

Они ушли, а я готова была грызть решетку. Схватившись за нее обеими руками, я плакала. Больше не было сил сдерживать слезы. Как хорошо, что они ушли, больше я бы не вынесла. Как же больно. Хочу назад в Сион! Там еще была жива любовь, там еще была надежда. А теперь нет ничего. Только грызущая изнутри боль. Я не могла кричать, чтобы не привлечь внимания. И я кусала губы и зажимала себе рот, мечась по камере. Как же это остановить? Как переключиться? Нужно впасть в беспамятство. Обычно срабатывало. Но в таком состоянии я не смогу уснуть, значит надо что-то сделать. Ну не грызть же себе запястья? Я стояла у стены, мучительно решая, что делать. Приятно холодил затылок твердый камень. Конечно! Камень. Как же я сразу об этом не подумала? Я наклонила голову к груди, а потом резко откинула ее назад, со всей силы впечатывая свой затылок в серые холодные камни.

Я пришла в себя в каменном мешке, опять. Да сколько же можно? Вход преграждала все та же решетка. На мне все еще не было цепей и у двери все еще стояли две площадки. Вчера я так и не поела, хотя так требовала ужин. Так значит — это все-таки реальность. На душе с новой силой заскребли передохнувшие за ночь кошки. Ныли расцарапанные ладони, щипало искусанные губы и зверски болел затылок. Значит все, что случилось до удара о стену мне не привиделось? Реальность? Кален предал меня, отдал в руки Калисто, а сам делит с ней постель и насмехается надо мной. Ну, что тут можно сказать? А надо ли что-то говорить? Надо закончить тут все и потихоньку умереть, забившись в какую-нибудь берлогу, жалеть себя до последнего вдоха и оплакивать потерянную любовь. Нет, не потерянную, отнятую, преданную, уничтоженную, растоптанную. Что-то я слишком рано начала себя жалеть. Подумаю об этом потом. Сейчас нужно выбирать. А что мне для этого нужно? Правильно. Мне нужен кто-то у кого есть ключи. Отбросив самокопание, начала барабанить по решетке, привлекая внимание к своей персоне. Чем быстрее убью эту парочку, тем быстрее все закончится, тем быстрее я обрету покой.

Ответом на учиненный мною шум были торопливые шаги. Две пары сапог. Одна поступь тяжелая, другая едва различима. Ерунда, с двумя управлюсь. Затаилась в тени, выжидая удобного момента. Нет оружия? Не беда, я сейчас в таком ударе, что голыми руками шею сверну кому угодно. Злость-то нужно на ком-то сорвать. Шаги замедлились, видимо, страж искал причину шума и не мог ее найти.

— Темная?!

— Рыдгар? — услышав его голос я прильнула к прутьям. — Рыдгар, я здесь!

Орк не замедлил появиться пред мои заплаканные очи.

— Жива? Цела? Идти можешь?

— Да все я могу, давай-ка быстрее.

Увидев зеленую морду с той стороны решетки я готова была его расцеловать. В том, что орки могут быть очень нежными я не сомневалась ни мгновенья, уже знала не понаслышке, милый Зард не раз доказал мне это в ту ночь. Это я уже обдумываю план мести Калену что ли? Рановато, и точно не с Рыдгаром! А потом за решеткой появилось еще одно лицо.

— Инар!

— Мирра, — улыбнулся эльф. — Отойди-ка от решетки, сейчас открою.

Я отбежала в дальний угол камеры, очень предусмотрительно, маг направил на решетку поток испепеляющего огня. Прутья почернели и Рыдгар смог их немного разогнуть, проем получился совсем небольшой, но я смогла в него протиснуться. И тут же набросилась с объятиями на эльфа.

— Инар! Счастье-то какое! Я так рада тебя видеть!!!

— Тише, Мирра, тише, задушишь ведь, — отвечая на мои нежности легким похлопыванием по плечам успокаивал меня друг. — Я очень рад, что с тобой все в порядке, судя по силе твоих тисканий, ты в отличной форме.

— Еще бы! Сними с меня эту гадость, — указала я на ошейник. — И я буду в полной форме.

— Ээээ, нет, Мирра. Ошейник мы не станем снимать, — придерживая меня за руки, чтобы я не набросилась на него с кулаками, сказал Инариэль. — Прости, сестренка, но это жутковатое украшение, сейчас необходимо оставить.

— Это что за новости? Почему это?

— Для твоего же блага, Темная. Тебе колдовать сейчас противопоказано, Адель нам это в головы вбивала и требовала клятвы, что мы не снимем ошейник, сдерживающий твои силы. Слушай эльфа, он дело говорит! Пойдемте, нам отсюда выбираться нужно, пока наши их там отвлекают.

— Стоп, я никуда не пойду, пока мне не пояснят, что тут происходит. Как вы двое тут оказались? Какие наши? Кого отвлекают?

— А ты с какого момента ничего не помнишь? — поинтересовался Рыдгар.

— С момента, как я вернула Элрину, конечно, если я ее вернула в этой реальности.

— В этой реальности? — переспросил Инариэль. — А что есть и другие реальности?

Мирра, ты, похоже, очень сильно стукнулась головой.

— Да, нет, эльф. Для нее это нормально. Сама заварит кашу, а потом надеется, что другие ее расхлебают! — рыкнул орк, обнажая клыки.

— Ты мерзкий орк, — огрызнулась я. — Рассказывайте.

— Мирра, у нас нет времени на разговоры, нужно уходить. Рыдгар, отдай ей оружие, пусть успокоится.

Орк быстро выполнил поручение. Я с удовольствием застегнула ремень с близнецами и затянула застёжки катара.

— Так гораздо лучше, — констатировала я. — Но у меня тут еще одно незавершенное дельце имеется. Рыдгар, ты знаешь где в этом замке, что находится?

— Конечно, — кивнул орк. — Потому я сюда и привел эльфа. А теперь собираюсь так

же тихо вывести вас обоих.

— Мне нужно найти Калисто. Пора с этим заканчивать. Я убью эту женщину и смогу спокойно умереть с чувством выполненного долга. Так что веди меня в ее комнаты.

О том, что в мои планы входит так же убийство Калена, я решила пока что не говорить, не стоит раньше времени затевать тяжелый разговор, во время которого я буду рыдать и заламывать руки, а то еще передумаю, а терять уверенность в данный момент совсем не входит в мои планы.

— Ты совсем сбрендил, Темная? Ты и так не отличалась умом, а заточение лишило тебя последнего? — зло бросил орк.

— Ты тут не разговаривай много, орк, делай, что говорят, потом все расскажу, как закончим.

Орк хотел было что-то ответить, но встретив мой взгляд лишь махнул рукой.

— Пошли, благо недалеко. Кали любит слышать крики своих жертв перед сном.

Мы пробирались по коридорам, прячась в тени, не понятно от кого мы пытались укрыться, замок был пуст. Но вот за его стенами, явно что-то происходило.

— Что там? — спросила я, кивая в сторону стен.

— А ты как думаешь? — буркнул орк. — Битва там!

— Кого с кем? — уточнила я.

— Точно сбрендил. наших с теми, кто защищает это место.

— Поподробнее, пожалуйста.

— Слушай, ты... Мы почти два месяца искали возможность тебя вытащить. Собрали всех, кто был готов вступить в эту борьбу, благо, пока ты была в своем уме, успела наделать кучу добрых дел и завести массу друзей. Все они сейчас там: эльфы во главе с их королем, Хранители, Фредерик со своим войском, Астер и Элрина оставили своего приемыша и тоже примчались тебя выручать вместе со своими воинами. Гранд, Энель и Дарк, возглавляют отряды. Гном умудрился даже своих притащить несколько отрядов. А еще парочка неразлучных вампиров, стараются держаться подальше от эльфов, но дерутся, как звери. Так что все там. Дают нам возможность вытащить тебя, а ты чудишь тут, — орк говорил быстро и отрывисто, было видно, что он очень зол. — Даже орки, пришли, чтобы поквитаться с ней.

— Здорово, — улыбнулась я. — Цвет общества в сборе. Но я не услышала одного имени. Где же наш командор? Вроде как это его дело вести войска.

— Слушай, Мирра, ты только не волнуйся, — попытался успокоить ее Инариэль. — Кален пропал около двух недель назад. Мы не знаем где он. Но он точно жив. Адель бы мне сообщила, если бы это было не так.

Зато я знаю. Этот предатель сейчас греется в постели с Калисто, ну, или не в постели, совсем не вовремя вспомнился день, проведенный в кабинете Фредерика. Ой, не время сейчас для этого. Нужно о другом думать.

— О, так ты познакомился с ней, чудесная девица, правда?

— Замечательная, очень мудрая и справедливая. Такая какой и должна быть королева.

— Вот дверь, — указал орк. — Но что ты хочешь там найти? Калисто на поле боя, без нее все эти мертвяки и прочая нечисть просто разбегутся.

— Так что же ты молчал, дурья твоя башка? Дай-ка, проверю на всякий случай.

Я приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Комната была пуста.

— Все, пошли к нашим. Я все увидела, что хотела.

Ага, увидела, смятые простыни, разбросанные подушки и разорванную одежду. Больше

и не надо. Глаза застилала слезы, нет, не слезы, гнева было гораздо больше. Плакать буду потом. Орк вывел нас каким-то тайным ходом, яркий свет ударил по глазам. Пришлось щуриться. Но опомниться мне не дали. Рядом с нашей компанией захлопали крылья, и огромная черная тень упав на землю превратилась в высокого рыжеволосого мужчину с белоснежными... клыками. Он улыбнулся.

— Миледи, рад нашей встрече, — отбив появившуюся из ниоткуда стрелу произнес вампир.

Еще одна тень рухнула рядом с ним.

— Хватит, Себ, потом будешь ей руки целовать, давай ее к нашим отведем. Привет, Мирра, — оскалила клыки Кара, и поморщилась. — Ты мне никогда не нравилась, и теперь, я знаю почему. Ты ужасно воняешь! Все, пошли!

Вот так встреча. И нахамила вроде, а обидеться сил нет, она такая милая. И счастливая, вон так и льнет к статному вампиру, а он рад стараться, глазами прямо поедает. Ох, как же ей повезло! А вот я вся такая бедная-несчастливая, знала бы ты, Кара, как поступил твой бывший возлюбленный. Так, не сейчас, потом поплачусь и вампирам, и прочим нелюдям, да и людям тоже, но потом. Вампиры обернулись черными тенями и парили возле нас оберегая от случайных и не очень стрел. Орк уже ринулся в драку, рад-радешенек, что сбыл меня с рук и передал на поруки вампирам. Инар, то и дело швырялся заклинаниями, иногда даже попадал. Но основной удар на себя приняли вампиры, но их это похоже лишь забавляло, я слышала обрывки их фраз и тихие смешки. А вот я смотрела на раскинувшуюся передо мной картину широко раскрыв глаза. Таких масштабных баталий мне видеть еще не доводилось. Зрелище, должна признать, было завораживающее. Тяжелая пехота людей стройным клином врвалась в сомкнутые ряды горных троллей, огромные массивные фигуры разбрасывали людей, словно тряпичные куклы, но на место павших тут же вставляли все новые ряды воинов, принимая очередной удар. Прикрываясь тяжелыми щитами от туч стрел выпущенных со стороны противника, люди медленно, но верно теснили обороняющихся, то и дело алебардчики и пикинеры, доставали до троллей, валя их на землю, где в дело вступали мечи и топоры. Один за другим падали тролли, и по еще теплым трупам шли ряды людей, в ровных рядах то и дело мелькали белые одежды, Видящие принимали удар на себя, без страха и с молитвой на устах, во имя Создателя, который предал их, и меня, и всех нас, как же я смогу сказать об этом Крису? Не время сейчас думать об этом, ой, не время. Издалека слышалась боевая песнь гномов, я не видела их, но слышала каждое слово, как они умудрялись совмещать пение с рубкой — осталось для меня тайной. За спинами тяжелой пехоты, стояли легковооруженные воины, в бой они пока не вступали, лишь прикрывались щитами и ждали приказа. Среди них я смогла различить имперцев, этих выделял цвет кожи и разрез глаз. С одной стороны отряда стоял имперец, облаченный в золотой доспех, Дарк, больше никому, интересно, он признался всем, что является прямым наследником престола Империи? Потом спрошу. А с другой стороны мелькала знакомая фигура в темном плаще. Энель. Как же я рада тебя видеть, как я рада, что все еще могу тебя спасти, что у тебя еще даже нет тех детей, ради которых в одном из моих кошмаров вы оба отдали жизни. Значит у меня еще есть время, есть шанс, и я его не упущу, обещаю тебе, шпионка. А вот и Гранд, разметав ряды троллей, люди откинули щиты и перешли на бег. Сложно было не заметить два блестящих клинка, крошащих все на своем пути. А в нескольких шагах от него блеснули доспехи с красным львом на наплечнике — Астер. Как всегда, впереди своих воинов. Звонко протрубили сигнал и в ряды скелетов с луками полетел залп белооперенных длинных стрел.

Эльфы. Быстро пробегаю глазами по их рядам. Вижу, как натягивает тетиву Элрина. Она даже шлем не стала надевать, отчаянная женщина. Светлые волосы развиваются за ее плечами. А вот и Раирнаил. Он не стреляет, пока лишь отдает команды, но в руках сжимает меч, внимательно смотрит на поле брани, ждет момента, когда лучники уже не смогут стрелять, пока не придется, отложив луки, браться за мечи и присоединиться к легкой пехоте. А вот и Фредерик, его воины наступают с другой стороны. Закованные в броню лошади врезаются в толпы зомби и еще каких-то монстров. Кавалерия. А прикрывают их маги. Раз за разом небо вспыхивает молниями и расцветает огненными шарами. Красотища!

— Что застыла рот разявив? — крикнула Кара мне в ухо. — Вон твои длиноухие, к ним давай, они прикроют. Тебе в этой свалке не место. Вперед не лезь. Даже мы с Себастьяном не всемогущи, можем и не успеть.

Я согласно киваю, но знаю, что не послушаюсь. Вампиры исчезают, оставив меня под прикрытием груды камней. А у самого замка, из которого я бежала на высоком пригорке разбит кроваво-красный шатер. Мне туда дорога. Там все и закончится. Эх, жаль, что Убийца драконов где-то пропал, так хотелось вернуть должок, расплатившись тем же оружием, но, близнецы и катар — тоже вполне подходящее оружие. Я уже достала ножи и собралась выбежать из укрытия, когда меня за плечо схватила чья-то рука.

— Куда собралась? — Инариэль, придерживал над нами магический щит и недобро смотрел на меня. — Тебе туда нельзя, слышала, что Кара сказала?

— С каких это пор ты слушаешь ее, маг?

— С тех пор, как понял, что значит вести за собой людей и брать на себя ответственность за их благополучие. Ты никуда не пойдешь. Точка. Мы идем к эльфам. Раир позаботится о тебе, а я присоединюсь к магам, там никакая помощь не будет лишней.

Ну как от него отделаться? И тут что-то громыхнуло и вспыхнуло. Гномьи заряды, догадалась я. Начавшееся землетрясение продолжили маги, кто-то решил, что кавалерии угрожает опасность с боку и вызвал обвал породы, прямо под ногами наступающих. Мир подпрыгнул и упал, и мы вместе с ним. Инар еще пытался подняться, когда я уже согнулась и под градом стрел, бросилась к образовавшемуся в строях противника разрыву. Два скелета одновременно попытались меня достать, пришлось падать на землю и перекатываться, оказавшись у них за спинами широко ударила обоими ножами одновременно. И пригнулась, уходя от следующего удара. Широко расставив ноги передо мной стоял тролль.

— Демон тебя раздери, — ругнулась я.

— С удовольствием, — прозвучал голос рядом со мной и огненный хлыст мелькнул в воздухе, рассекая кожу тролля. — Я уж думала не позовешь.

— Адель! — словно крестьянская девчонка на празднике урожая завизжала от радости я.

— Собственной царственной персоной. Калисто тут натворила столько, что мне не составило никакого труда появиться, и как вижу, я вовремя. Да и принца негоже столько обещаньями кормить, пора и выполнить.

Она игриво подмигнула мне, оправляя коротенькую курточку.

— Беги, куда ты там собиралась. То, что задумала, то и делай, никто кроме тебя этого сделать не сможет. Так что удачи тебе, сестричка!

Она планомерно заработала хлыстом расчищая мне путь. Махнув ей рукой, я бросилась в эту брешь. Несколько раз мне пытались преградить путь, но я успевала вовремя замечать опасность и принимала бой. А потом мне на спину завалились чьи-то кости, из спины скелета

торчала черная стрела с огненным наконечником. Я быстро обернулась. На краю поля стояла одинокая фигура в черном плаще и натягивала тетиву на черном луке. Лерд. Он натянул тетиву и еще один скелет упал к моим ногам. Я улыбнулась. Да уж навела я шороху в этом славном мирке. Пора и честь знать. Я махнула ему, он ответил мне таким же движением руки и потянулся за очередной стрелой. Я бежала со всех ног. Крошила и колола, встающих на пути, крутилась волчком и перла напролом к своей цели, к красному штандарту у палатки. А потом поднялся ветер, лишь спустя несколько мгновений я поняла, как ошиблась. Быстро полетели команды, призывая людей смыкать ряды, забарабанил вызванный магами дождь вперемешку с мокрыми хлопьями снега, а над полем брани взмыл в небо красный дракон. Я едва не упала, потеряв равновесие. Расправив крылья, дракон планировал над полем битвы поливая все своим огнем. Но маги и тут не сплеховали, жидкий огонь отражался от незримого щита, укрывшего людей и расплзался по траве, гасимый тяжелыми каплями и огромными хлопьями. Громом прокатился оглушительный вопль ликования, раздались четкие команды и в дракона полетели сотни белых стрел. Эльфы не промахивались, они вспомнили свою ненависть к этому существу, вспомнили такую старую обиду и теперь каждый из них считал честью и долгом выпустить в ненавистную морду, хотя бы десяток стрел. Я улыбалась. Дракон был бессилен, чтобы нанести урон ему придется спускаться на землю, а Калисто, слишком труслива, она никогда не пойдет на это. Утыканное белыми стрелами алое тело дракона взмыло за облака.

— Так-то, — крикнула я. — Знай наших, змеюка!

Я уже собиралась броситься дальше, но обернувшись лицом к лицу столкнулась с двумя десятками зеленокожих, закованных в броню воинов.

— Убить, — отрывисто прозвучала команда.

— Ребята, ну давайте не будем ссориться? Я просто хочу вернуть должок этой змее, к вам у меня никаких претензий, — перехватывая кинжалы проговорила я самым мирным тоном, на который была способна в данный момент времени.

— Пропусти ее, Данрук, — пробасил голос за моей спиной. — Не нам с тобой решать исход битвы двух драконов, пусть сами разбираются.

— Рыдгар? — удивился командир орков, преградивших мне путь.

Я тоже удивленно смотрела назад. За моей спиной стоял отряд орков. Вглядываясь в зеленые лица, я смогла рассмотреть не только Рыдгара, стоящего впереди, приветливо кивнул головой Нарвыл и помахала мне свободной от оружия рукой Вия, стоящая рядом с ним.

— О чем ты говоришь, Рыдгар? Кто это с тобой?

— Это — освобожденные, Данрук. А перед тобой стоит Темная. Свободные назвали ее Фениксом, но тебе важно знать лишь, что она — смертное воплощение Дракона, равная силой твоей хозяйке, а, возможно, и превосходящая ее в силе. Но узнаем мы это лишь после их поединка, Данрук. Предки говорят, что кровной мести нельзя мешать, и нельзя способствовать. Так выполни завет предков, Данрук. Пусть свершится ее правосудие. Достойный останется в живых, недостойный падет.

Данрук задумался и тут решила вмешаться я.

— И не дрогнет моя рука, и броней мне будет смелость, ведь сердце не ведает сомнения, — я смотрела в глаза орку, подняв ножи над головой.

Я видела, как расширились его зрачки, когда он услышал из моих уст то напутствие, что они дают выходящим на Арену смерти бойцам.

— Ты отказываешься от схватки с нами, Феникс? — спросил Данрук.

— Каждый воин, ступивший на песок арены волен выбрать себе противника. Я сделала свой выбор. Мой враг — Калисто, и никто другой! Я не стану драться ни с кем, кроме нее, если она решится принять мой вызов.

Я скосила взгляд на Рыдгара и увидела его вытянутое от удивления лицо. Значит мой бред был не таким уж бредовым. Хотя бы в этой части все совпало.

— Мы не станем чинить препятствий. Честный поединок для решения спорных вопросов — завет предков. Ты можешь пройти, Феникс. Но одна. Никто не пойдет с тобой, — принял решение Данрук.

— Спасибо, воин. Твои предки гордятся тобой, видя твою мудрость, — опуская и пряча оружие в ножны проговорила я.

Ох уж эти орки с их церемониями. Главное, чтобы между собой не пацпались, пока я буду решать свои проблемы. Но обернувшись через несколько десятков шагов я увидела, как Данрук кладет руку на плечо Рыдгара, обряд братания состоялся. Теперь они на одной стороне. Надеюсь, на моей. Данрук и его компания, видимо были личной охраной Калисто, так что теперь путь свободен. Войдя в сумрак шатра, я укрываюсь за пологом. Кали ранена, скоро она появится здесь и тогда-то я ее встречу. Ножи мне не потребуются, если я не смогу убить ее с первой попытки, второй уже не будет, так что катар, самое надежное оружие. Я прячу кинжалы в ножны. И в тот момент, когда ножи уже в ножнах, мне на плечо ложится чья-то тяжелая рука, рот закрывает горячая ладонь, а к шее прикасается сталь.

— А вот и ты, красотка, — шепчет мне на ухо голос, от которого отчаянно начинает колотиться сердце. — Свиделись, наконец.

Как же я боялась этого момента, но уже поздно бояться, пора действовать. Я закрываю глаза и приказываю сердцу замереть. Ладонь сжимается в кулак и послушное моему желанию, появляется лезвие катара. Нужно сделать всего одно движение, он стоит прямо у меня за спиной, я даже не увижу его глаз, не увижу холода в них, так даже проще, просто ударить себе за спину. Он крупный мужчина, я точно не промахнусь. А следующим ударом я его добыю и все будет закончено. Почему же я медлю? Чего я жду? Почему дрожат руки и наворачиваются слезы?

Он убирает руку с моего рта.

— Можешь не кричать, никто не придет. Твое последнее слово.

Благородно, как всегда.

— Я вчера тебе уже все сказала, предатель! — сквозь слезы шепчу я и заносу руку для удара.

Но в этот момент меня резко разворачивают лицом к себе и совершенно неожиданно прижимают к груди.

— Мирра! Демон тебя разбери, ты-то как тут оказалась? Любимая, — он тянется губами к моему лицу, а я отшатываюсь от него в сторону, размазывая слезы по щекам.

— Любимая? Любимая!? Как ты можешь мне это говорить, после того, что я видела вчера? После того, что мы сказали друг другу?

— Вчера? — удивленно смотрит он на меня, вот же актер, даже и не заподозришь, что врет! — Мирра, вчера я сидел в засаде, недалеко от замка, думал, как удобнее сюда пробраться и где искать Кали. Я не видел тебя почти два месяца. И уж тем более, не говорил с тобой.

— Ты врешь, — зло шепчу я. — Ты был вчера в подземелье, вместе с ней. Ты... ты

целовал ее, ты предатель, ты предал нас всех, всех тех, кто сейчас умирает там, в этой битве.

— Мирра, — спокойно произносит он. — Я никого не предал. Я пришел сюда с единственной целью — убить Калисто и найти тебя. Когда ты пропала, я не находил себе места. Астер заставил меня успокоиться и рассказать историю до конца. Когда он узнал, кто мы, то очень быстро понял, кто мог тебя похитить и где ты можешь находиться. Я встретился с Энель и мы приняли решение, что я должен отделиться от основных сил и нанести визит непосредственно Кали, чтобы дознаться у нее где ты, разобраться с ней, а потом уже отправляться за тобой, но как я вижу, план претерпел кое-какие изменения. О чем ты говоришь, о каком подземелье, о каких поцелуях?

Он пытается заглянуть мне в глаза. Ох, как же страшно снова увидеть этот голубой лед. Но я выдержу это, даже если мне придется пережить это еще раз, я выдержу. Я поднимаю взгляд и вижу нежную улыбку и лучащиеся теплом глаза, которые безотрывно смотрят на меня. Век бы купалась в этих лучах. Он убирает растрепанные волосы с моего лица.

— Я никого никогда не поцелую, Мирра, только тебя. Ты — моя любовь, моя жизнь и никто другой мне не нужен!

— Честно?

Он улыбается и кивает, а потом приподнимает меня и целует. Значит, все это тоже было не правдой? И реальность началась только утром, когда пришли Рыдгар с Инариэлем. А что если и сейчас тоже бред? Как же я запуталась. Снаружи раздается хлопанье крыльев и что-то тяжелое опускается у шатра. Кален ставит меня на землю, прикасается пальцем к губам и утаскивает вглубь шатра.

— Данрук, — кричит снаружи Калисто. — Мне помощь нужна. Где это их носит? Также мне личная охрана.

Она порывисто откидывает полог и входит в шатер. За ее спиной уже материализуется фигура Калена. Когда успел, вроде только меня за руку держал? Она хлопает в ладоши и зажигается свет. Я стою посреди шатра, скрестив руки на груди.

— Ну, здравствуй, сестра.

— Ты? — удивленно смотрит она на меня, но берет себя в руки и улыбается. — Знаешь, я ведь попробовала пасть до конца. Мне было так интересно, что же движет тобой, почему ты делаешь все это. И я придумала, как это сделать без риска потерять свое могущество. Я пила твои воспоминания, ну, конечно не так чтобы прямо воспоминания, такое невозможно даже для меня. Последние два месяца я вытягивала из тебя твою жизненную энергию, каждый день, углубляясь в твои воспоминания, в твои переживания. А взамен твоей энергии жизни, я давала тебе энергию смерти, соприкосновение с которой, было губительно для тебя и вызывало все эти кошмары. Могу сказать, что я прожила всю твою эту жизнь вместе с тобой, только гораздо быстрее. И все равно не понимаю, зачем тебе все это было нужно. Променять всемогущество и бессмертие на бесконечные попытки найти выход, что-то исправить, куда-то бежать, то к нему, то от него. По-моему, это глупость. А как тебе мой подарок? Сперва я не могла влиять на то, что ты видишь в своем бреду, но, когда я прошла твоим путем, то все стало гораздо проще. Тебе понравилось вчерашнее представление? Я очень старалась. Это должно было загнать тебя в мир кошмаров на век, но видимо, я где совершила ошибку и что-то пошло не так, раз ты стоишь сейчас здесь, а не пускаешь слюни, ползая по полу в своей камере.

Теперь все понятно. В своей недальновидной жестокости она, стремясь уничтожить меня, на самом деле спасла. Нужно бы спасибо сказать, но как-то не хочется.

— Предел страданий, Кали. Ты заставила меня его перейти.

— Так значит это все-таки было больно? Но ты держалась молодцом, я не смогла заметить ничего, хотя возможно создание иллюзии меня отвлекало и, если бы я не была занята поддержанием его образа, я бы смогла заметить твою ложь.

— Нет, Кали, не смогла бы. Но пределом страданий стало не то, что ты мне показала, а то решение, которое мне пришлось принять, после твоего представления. Ведь я поняла, что для завершения всех дел мне придется убить не только тебя, но и его. И я готова была на это пойти, чтобы спасти этот мир. Именно это стало последней каплей и вырвало меня из небытия. Но ты и этого не поймешь, ты никогда ничего не могла понять, даже впитав мои воспоминания и чувства, ты осталась холодной и бесчувственно. Видеть чужие эмоции, совсем не то же самое, что испытывать собственные.

Я улыбнулась и сделала шаг ей на встречу, она сделала шаг назад, но спиной уперлась в выставленную вперед руку Калена и быстро обернувшись встретилась с ним взглядом.

— Ты?

— Неожиданно? — улыбаюсь я.

Кали попыталась обнять Калена, но тот аккуратно указал ей глазами на зажатый в руке стилет.

— Помнишь его, Кали? — тихо спросил он. — Сперва ты вонзила его в грудь Лири, а потом этим же стилетом ты убила меня, но, правда, сделала ты это по моему желанию. Чудесный ножичек, для меня маловат, но это не имеет значения. Ты ведь всегда знала, что убить тебя должна не она, а я. Это моя судьба. Она никогда не сможет этого сделать.

— Обижает, — надулась я. — Теперь смогу. Я не Лири. И в своих бредовых иллюзиях я это даже делала несколько раз.

Он улыбается, я понимаю, что мне, но глаз он не сводит с Калисто. Холодных пустых глаз, взгляд обжигает ненавистью и холодом.

— Этот ножичек испробовал крови двоих драконов. Это не справедливо. Пора ему отведать и вкус третьего дракона. Есть что сказать?

— Это еще не конец, — прищурилась Калисто. — Всех троих ожидает суд Всемогущего, там и увидимся.

— Обязательно увидимся, Калисто, — пообещал он и вонзил кинжал ей в грудь.

Опустив безжизненное тело на пол, он протянул мне руку.

— Пойдем отсюда, Мирриэль. Как думаешь, сколько у нас времени?

— Немного, Кален, совсем немного, скоро магия покинет этот мир, а вместе с ней уйдем и мы. Нам нужно успеть вывести людей из Держащего небеса, пристроить куда-то Криса, проститься с друзьями.

— И словить белку, — улыбнулся он.

— Я помогу, я же эльф, у меня получится.

Двумя королевствами отгуляли на пышной свадьбе Астера и Элрины. Все беженцы, искавшие спасения в Держащем небеса, вернулись в свои теперь уже безопасные дома. Дарк вернулся в Империю и принял трон, никто не сомневался, что теперь и там воцарится порядок и спокойствие. Энель исполнила обещание данное Адель, теперь каждый вечер, перед сном, все добропорядочные граждане вспоминали тех, кого не было рядом с ними, тех, кто ушел в мир уже не тьмы, а вечного лета. Энель и Гранд не устраивали пышного

праздника, только самые близкие друзья были свидетелями их счастья, шпионка немного смущалась своего уже заметного животика, и сразу после праздника они отправились в свой дом, который подарил им Фредерик. Все уже знали, что у них будет мальчик. Барри купил лавку в столице и под пристальным присмотром Астера поставил на поток производство своей чудесной настойки. Выяснилось, что у гнома уже была избранница и набравшись, наконец, смелости, он принес богатые дары ее отцу и забрал из подземного царства, ту о которой мечтал. Инариэль получил заслуженную должность при дворе Раирнаила. Они с Гейл удачно устроились в просторном доме в Скрытом городе, недалеко от главной библиотеки, где оба так любили проводить время. Фредерик занял престол и принялся наводить порядок в разрушенной и обнищавшей стране. Больше никто не смел назвать короля дамским угодником, он перестал обращать внимания на женщин, но по дворцу ходили слухи, что по ночам во дворце появляется прекрасная женщина с черными глазами. Кристиана отдали на воспитание младшей сестре Калена, которая расплакалась, получив в подарок живую белку в красивой клетке. Они погостили там несколько дней, простились с Крисом и ушли, скрываясь от всех в непроходимых эльфийских лесах. Они не хотели долгих прощаний, не хотели видеть грусти в глазах своих друзей. Они сделали все, чтобы исправить ошибки трех бессмертных юных всемогущих духов. Теперь им оставалось только уйти.

Медленно опускался за горизонт красный диск солнца. Легкий летний ветерок разносил в воздухе запах леса и цветов. Безмятежность царила в мире. Все было сделано. Они сидели у корней черного дерева, любуясь закатом. Он оперся спиной на прохладный ствол и любовно прижимал к себе возлюбленную, вдыхая запах ее волос, которые так и норовили забиться в нос, повинувшись мягким порывам ветра.

— Замечательный вечер, милая. И такой прекрасный вид.

— Мне тоже нравится, — улыбнулась она, сплетая свои длинные пальцы с его.

— Сегодня?

— Думаю, да. Все сделано. Магии больше нет, ты чувствуешь это?

— Нет, — улыбнулся он, поправляя ее волосы. — Тебе страшно, любимая?

— Лишь немного. Но я уверена, что это еще не конец. Я буду искать тебя.

— А я буду тебя находить.

Он повернул ее к себе и поцеловал. Они смотрели на закат и тихо уснули, так и не разжав рук. Общий последний вздох, и два сердца замерли одновременно. И в тот же миг, черное дерево скорби, превратилось в обычное дерево, с коричневым стволом и зелеными листьями. На спящих вечным сном влюбленных осыпались воздушные пушистые комки тополиного пуха, укрывая их пуховым одеялом, оберегая их тихий покойны сон.

У дома бегали дети, громко лаял пес, гоняясь за малышами. Гранд сидел за столом, любуясь своей женой. Энель накрывала стол на дворе, под деревом. Сегодня ждали гостей. На дворе стояла летняя жара. Был день, который выбрали днем памяти. Никто не знал, когда они умерли, их нашли орки, они же и отдавали последние почести двум влюбленным. Точной даты не знал никто, наверное, они этого и хотели. Сегодня соберутся все. Их большой дом с легкостью вмещал сборища близких друзей. Астер и Элрина с приемным сыном и дочкой, Фредерик, безусловно будет с Адель, они опять разнесут полдома, и потом Гранду придется чинить мебель и вставлять новые окна. Инариэль с Гейл, такие улыбчивые и спокойные. С тех пор, как магия перестала существовать, эльфы изменились, теперь уже сложно было отличить представителей древней расы от простых людей. Инариэль загадочно

сказал, что их ждет сюрприз и попросил поставить дополнительную кровать в их спальне, неужели у них получилось и у Инара появился наследник? Барри со всем своим многочисленным семейством, для них отвели целых три спальни, гномы плодились, как кролики. На всякий случай оставляли спальню для вампиров, придут они или нет, никто не знал, но их всегда были рады видеть. Кара уже освоилась и теперь с удовольствием проводила время в компании старых друзей. Себастьян опасался сперва, что она оставит его, едва свыкнется с новой сутью, но не тут-то было. Она заедала ревностью вампира и не давала ему ступить ни шагу, без ее присмотра, но его это ничуть не смущало, лишь забавляло. Дарк на сей раз не смог оторваться от своих дел, но просил налить ему чашу, и оставить, он тоже помнил этот день. Ко всеобщему удивлению в письме Дарка имелась приписка с приветом от Жасмины. Она обещала в следующем году вытащить-таки своего императора на ежегодные посиделки, слова о том, что близнецы к этому времени уже начнут ходить и им будет интересно познакомиться с другими детьми, удивили даже Энель. Похоже, что дипломатический дар Жасмины возымел потрясающее влияние на Дарка, об этом никто даже подумать не мог. Они все держали в секрете, и вот близнецы уже скоро начнут ходить. Кристиан придёт обязательно, он уже такой взрослый, и так похож на отца, что иногда, даже больно смотреть на этого статного голубоглазого юношу, и в то же время, появляется ощущение их присутствия, пусть и частичного, мальчонка был точной копией своего отца и с возрастом это становилось все заметнее. В свои юные годы, он был уже хорошим бойцом, Астер взял его на службу, впереди его ждала блестящая карьера, любовь, целая жизнь, все то, чего Кален был лишен. Лерд никогда не появлялся на этих вечерах, но все знали, что он помнит, после их встреч, у корней того дерева, всегда лежали аккуратные огромные букеты полевых цветов, как напоминание о запахе ее волос. Рьдгар обещал появиться, ему все будут рады, особенно Гранд, вновь скрестить мечи с равным, как напоминание о былых временах, что может быть лучше? Только то, что уже есть.

Энель суежилась, вынося тарелки и приборы, рядом бегали дети, беловолосый мальчуган и рыженькая девочка.

— Ты все знала, Мирра, — грустно проговорил он. — Мне так, жаль, заноза, что вас нет с нами. Всегда жаль. словно вырвали часть души, девочка. Очень важную часть. Мы не забыли о вас, никогда не забудем и дети наши не забудут, и внуки. Но этого так мало, девочка, так мало... Адель сказала, что вас нет в ее царстве, а значит... вы вернетесь, вернетесь и обязательно встретитесь, иначе просто не может быть. Я так хочу в это верить.

Он опустил голову, скрывая навернувшиеся слезы, но тут подбежал его сын.

— Пап, Мирка опять спряталась, так, что я не могу ее найти.

— Хорошо, Кален, давай поищем вместе, сынок, куда могла спрятать твоя сестренка?

Скрываясь в тени деревьев, стоял человек в черном плаще и наблюдал за суетой во дворе. Он не сводил пронзительных глаз с рыжеволосой хозяйки. Глаза внимательно следили за каждым движением, запоминая, оставляя в душе память на весь следующий год. Он боялся появляться здесь чаще, не хотел их тревожить. Он смотрел на счастье и радовался за них, и печалился, что не с ним. Надвинув плащ на глаза, он отвернулся. В глазах стояли слезы, пора уходить, возможно в следующем году, он сможет увидеть ее еще раз. Такую счастливую, любимую и недостижимую. Он растворился в зелени леса, как тает предрассветный туман с первыми лучами солнца.

Гранд встал, заметив пыль, поднявшуюся столбом на дороге. Энель приложила руку ко лбу и улыбнулась.

— Это Крис. Мальчишка так спешит, что вот-вот загонит бедную коняжку.

Гранд усмехнулся, конечно — это Крис. Он всегда приезжает первым, чтобы провести чуть больше времени с их семьей, чтобы успеть в очередной раз послушать рассказы Гранда о его отце.

Юношу спрыгнул с лошади и бросился к Гранду.

— Дядюшка!

После крепких объятий, парень подбежал к Энель и закружил ее на руках, схватив в охапку. Энель смеялась и шлепала парня по плечам отбиваясь, и только Гранд видел боль, скользнувшую в ее глазах и замерзшие слезы, которые она так и не пролила.

Крис бросился к детям, а Гранд подошел к своей жене и обнял ее.

— Гранд, он так похож на Калена, я просто не могу сдержаться, — она украдкой вытерла слезы. — Когда я впервые встретила его отца, он был таким же, понимаешь, милый? Точно таким же.

Гранд еще раз ее поцеловал, никакие слова не могли успокоить их боль. Но вот на дороге появилась большая повозка. И Энель засуетилась, убирая все острые и мелкие предметы. Беспокойная семейка Барри на подходе, будет сломано все, что попадет в руки его детям. Следом появились Астер и Элрина с детьми, но без охраны. Дружеская встреча не терпела лишних глаз. Инариэль с Гейл и младенцем. Все бросились к ним с поздравлениями, они так долго этого ждали. Рыдгар прибыл один, просто вышел из леса и, как ни в чем не бывало, направился к домику. Дети тут же набросились на орка, он скалил клыки в улыбке и позволил малышам валять себя по земле, изучая его морду. Просидев за столом до сумерек попивая фирменную настойку, которой привезли целую бочку, съедая все мыслимые и немыслимые припасы, компания гудела и шумела. Потом детей отправили спать. В сумерках прибыли очередные гости. Точнее Фредерик приехал один, Адель появилась с последним лучом солнца, просто появилась, вопреки исчезнувшей из этого мира магии. А когда на небе возшла луна раздалось хлопанье двух пар крыльев и на поляне опустились две тени, немедленно приняв человеческий образ.

— Себастьян, Кара, — радостно провозгласил Гранд. — Мы уж и не надеялись.

— Тетушка, — бросился к ней с объятиями Крис.

Кара обняла племянника и долго его тискала и жмякала так, что у парня трещали все кости, но он не сопротивлялся, был уже научен, в прошлый раз сопротивление закончилось сломанным ребром.

Когда выпито было почти все и все поделились своими новостями, начали вспоминать тех, благодаря кому они могли сегодня все собраться. Рассказывали истории, плакали и смеялись.

— Энель, принеси-ка лютню, — попросил Инариэль. — Хочу вам спеть кое-что. Говорят, что написал ее странствующий менестрель, никто не знает кто, но мне она очень понравилась и Гейл любит эту балладу.

Энель улыбнулась и сходя в дом, вернулась с инструментом. Пальцы Инариэля легли на струны и зазвучала музыка, а потом полился тихий голос бывшего мага, нынешнего советника короля, любящего мужа и молодого отца. А друзья слушали с замиранием сердца, и все понимали, кто автор этих стихов, Энель внимательно всматривалась в лесную опушку надеясь или боясь различить там его фигуру, Кара не дал ей сказать ни слова, лишь встретив взгляд подруги, она отрицательно покачала головой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вы Творцом, наверное, друг для друга созданы

Что Судьбой начертано, нам ли изменять

Исправлять, что сделано, безвозвратно поздно мне

И печали вам моей не дано понять

Пусть горят стихи

Золотым костром

Плач из-под руки

Ломким серебром

Золотом рассвет

Чуть коснулся век

Я не плачу, нет

Это просто снег...

Я не помешаю вам, слишком счастье хрупкое

Вслед за ночью снежною я уйду в рассвет

Гриф, железом вытертый, снова ляжет в руку мне

И печаль рассыплется пригоршней монет

Уходить певцу -

Такова судьба

Слёзы по лицу

Солью на губах

Крылья за спиной -

Это просто плащ

Лютня — девять струн

За меня поплачь...

Стану легким призраком, незаметным странником

Поутру следы мои заметёт метель

Ветер, светлый рыцарь мой, боль развеет раннюю

И одно оставит мне имя — Менестрель

Не спасти стихов

Не унять огня

Тем, кто был со мной

Не вернуть меня

На ветру свеча

Мне ладонь коптит

Мне бы промолчать,

Но как вздох «Прости...»

(Тэм Гринхилл. «Последнее Посвящение»)